

НАУЧНОЕ
НАСЛЕДСТВО

ПЕРЕПИСКА
С.В.КОВАЛЕВСКОЙ
И
Г.МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

7

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана
академиком С. И. Вавиловым

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

член-корреспондент АН СССР С. Р. Микулинский
(ответственный редактор),
академик А. А. Баев, академик М. С. Гиляров,
академик В. И. Гольдманский, академик Г. К. Скрябин,
академик Б. С. Соколов,
доктор физико-математических наук С. П. Капица,
доктор исторических наук А. В. Кольцов,
доктор физико-математических наук А. П. Юшкевич,
кандидат географических наук О. А. Александровская
(ученый секретарь),
кандидат исторических наук Б. В. Левшин,
кандидат филологических наук Е. С. Лихтенштейн,
кандидат исторических наук Н. Я. Московченко

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1984

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕДЬМОЙ

ПЕРЕПИСКА С.В.КОВАЛЕВСКОЙ И Г.МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА

Ответственный редактор тома
А. П. ЮШКЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1984

Переписка С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера (Научное наследство, том 7).— М.: Наука, 1984.

Переписка С. В. Ковалевской с известным шведским математиком, основателем журнала «Acta mathematica» Г. Миттаг-Леффлером, содержит 88 писем Миттаг-Леффлера и более 400 писем и записок Ковалевской. Она хранится в архиве Миттаг-Леффлера в Дюрсхольме (Швеция). В данном издании публикуются все письма и около половины записок в переводе на русский язык. В переписке отражены различные стороны жизни и деятельности Ковалевской и Миттаг-Леффлера: занятия математикой, научные связи с учеными разных стран, высказывания по вопросам науки, политики, литературы, имеются характеристики многих современников и деятелей культуры.

Издание рассчитано на читателей, интересующихся проблемами науки XIX в.

Рецензенты:

доктор физико-математических наук И. Г. БАШМАКОВА,
профессор А. А. КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ

Составители и авторы комментариев

П. Я. КОЧИНА и Е. П. ОЖИГОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

По просьбе Академии наук Союза ССР почти сорок лет тому назад были получены микрофильмы переписки С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера, а также писем многих математиков к С. В. Ковалевской из архива Г. Миттаг-Леффлера¹, хранящегося в Математическом институте супругов Миттаг-Леффлер в Дьюрскольме (близ Стокгольма).

Академик С. И. Вавилов, в то время президент АН СССР, поручил работу над этим богатым эпистолярным материалом одной из нас, П. Я. Кочиной. Постоянную поддержку в работе над письмами оказывали в дальнейшем директор Института механики АН СССР член-корреспондент АН СССР Н. Г. Четаев, директор Института проблем механики АН СССР академик А. Ю. Ишлинский, директор Института истории естествознания и техники АН СССР член-корреспондент АН СССР С. Р. Микулинский. Авторы выражают им большую благодарность.

В разборе, перепечатке и переводе писем принимали участие многие лица. Теплой благодарности особенно заслуживают много потрудившиеся над расшифровкой писем и их переводом Е. В. Червоненкис (перевод с французского), дочь С. В. Ковалевской Софья Владимировна Ковалевская и Т. И. Лебедекина (переводы со шведского).

Комментированием и сравнением переводов писем с оригиналом (фотокопиями) занимались П. Я. Кочина и Е. П. Ожигова. Ими же написаны вступительная статья к переписке, вводная статья к запискам, комментарии и составлен указатель имен.

Содержание писем Ковалевской и Миттаг-Леффлера не только математическое. В них имеются суждения об ученых Стокгольма, Берлина, Парижа и Петербурга. Корреспонденты сообщают друг другу подробности личной и семейной жизни. Некоторые письма мы приводим с купюрами, обозначаемыми <...>, а отдельные письма заменяем их кратким содержанием.

Нумерация писем и записок следующая: письма размещены в хронологическом порядке. Для записок такой порядок установить трудно, лишь отдельные из них удастся примерно датировать. В основном сохранен тот порядок, в каком записки расположены в архиве Миттаг-Леффлера.

Переписка велась на французском и шведском языках. Язык письма (записки) указан в первом примечании в круглых скобках: (фр.) или (швед.) Там же приводится номер письма в архиве Миттаг-Леффлера. Письма датированы, как правило, по новому стилю, но ряд писем Ковалевской, посланных из России, имеет двойную датировку, по старому и по новому стилю.

В квадратных скобках в тексте заключены слова, не вполне четко расшифрованные или переведенные недостаточно убедительно. В квадратных скобках даны также окончания слов, которые в тексте сокращены.

Вслед за письмами и записками даются приложения: примечания составителей, основные даты жизни и деятельности Г. Миттаг-Леффлера и С. В. Ковалевской, список курсов, прочитанных Ковалевской в Стокгольме, различные указатели литературы, отзывы некоторых современни-

¹ Письма к С. В. Ковалевской от Ш. Эрмита, К. Вейерштрасса П. Я. Кочина опубликовала ранее (1957, 1973) на языке оригинала и в русском переводе.

ков о научной деятельности Ковалевской. В примечаниях к письмам и запискам указаны номера единиц хранения в архиве Миттаг-Леффлера (фотокопии их имеются в Архиве Академии наук СССР, фонд 603, опись 1). В конце книги дан именной указатель, содержащий краткие биографические сведения.

Составители этой книги благодарны ряду лиц за содействие в ее издании. Профессору А. П. Юшкевичу мы весьма признательны за ряд ценных советов и сведений и предоставление для публикации фотографии виллы Батава.

В пояснительных примечаниях использованы материалы к указателю имен, большая доля в сборе которых принадлежит Д. Я. Броуну. Некоторые дополнительные сведения предоставил И. И. Гаврилов.

Постоянную организационную помощь в Институте проблем механики АН СССР оказывала А. Р. Шкирич, техническую — Н. В. Волиженская и В. М. Егорова. В Институте истории естествознания и техники эта помощь исходила от О. А. Александровской и Л. С. Беляновой. Всем им приносим нашу благодарность.

Особенную признательность мы должны выразить профессору Упсальского университета К.-О. Селениусу, который сообщил нам некоторые сведения о шведских деятелях прошлого века и прислал ряд фотографий, а также г-же Сильвии Карлесон из Института Миттаг-Леффлера за присылку литературы об общественной жизни Швеции и оказание разнообразной другой помощи. К.-О. Селениус предполагает издать настоящую переписку в Швеции на языках оригинала.

П. Я. Кочина, Е. П. Ожигова

О ПЕРЕПИСКЕ

С. В. КОВАЛЕВСКОЙ и Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА

Публикуемая в этой книге переписка С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера — одна из немногих переписок между учеными, где сохранились почти все письма с обеих сторон. В ней свыше 500 писем и записок: 88 от Миттаг-Леффлера и 420 от Ковалевской.

Эта переписка, временные рамки которой 1880—1891 гг., уже была предметом изучения нескольких лиц. Ее материалы были использованы сестрой Миттаг-Леффлера Анной-Шарлоттой (Карлоттой) Леффлер ди Кайанелло при написании книги о Ковалевской, вышедшей на шведском языке и почти сразу переведенной на русский¹, а также Л. А. Воронцовой для книги о Ковалевской в серии «Жизнь замечательных людей»². В распоряжение Л. А. Воронцовой машинописные переводы писем были предоставлены П. Я. Кочиной. Теперь вышла книга П. Я. Кочиной о С. В. Ковалевской³. Но эти случаи использования переписки далеко не исчерпали ее содержание. В публикуемой ныне переписке много сведений, которые до сих пор не были известны.

Несколько слов о Миттаг-Леффлере и Ковалевской.

Густав Магнус (Гёста) Миттаг-Леффлер — известный шведский математик, родился 16 марта 1846 г., умер 28 августа 1927 г.⁴ Окончив университет в Упсале и защитив докторскую диссертацию, Миттаг-Леффлер за успехи в науках получил право на трехлетнюю стипендию для поездки за границу и в 1873 г. направился в Париж. Здесь он познакомился с крупнейшим французским математиком тех лет Шарлем Эрмитом, слушал лекции его и других французских профессоров. От Эрмита он узнал о Карле Вейерштрассе, к которому Эрмит посоветовал ехать, так как очень высоко ценил талант этого немецкого ученого.

После окончания лекций в Париже Миттаг-Леффлер направляется в Берлин и вскоре становится верным учеником и последователем Вейерштрасса в теории аналитических функций. К концу заграничной командировки Миттаг-Леффлер начал искать место службы. Он получил два приглашения: в один из германских университетов и в университет в Гельсингфорсе (Хельсинки), и выбрал последнее. В 1877—1881 гг. он был профессором Гельсингфорского университета, где воспитал ряд способных математиков. С 1881 по 1911 г. он — профессор Стокгольмской высшей школы (университета) и дважды ее ректор: в 1885—1886 гг. и в 1891—1892 гг.

Миттаг-Леффлер работал главным образом в области теории аналитических функций и теории дифференциальных уравнений. Его имя носят известные теоремы теории функций комплексного переменного.

Миттаг-Леффлер был членом Шведской королевской академии наук (1883), членом-корреспондентом Петербургской АН (1896), почетным

¹ *Leffler A.-C., D:ssa di Cajanello. Sonja Kowalevsky. Stockholm, 1892. 196 p. Леффлер А.-К. Софья Ковалевская / Пер. со швед. М. Лучицкой. СПб., 1893. 315 с. То же: Северный вестник, 1892, № 9, с. 105—141; № 10, с. 177—196; № 11, с. 43—69; № 12, с. 63—92.*

² *Воронцова Л. Софья Ковалевская. М.: Молодая гвардия, 1957. 341 с.; 2-е изд., 1959. 335 с.*

³ *Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская (1850—1891). М.: Наука, 1981. 312 с.*

⁴ *Nörlund N. E. G. Mittag-Leffler. — Acta math., 1927, 50, p. I—XXIV.*

членом АН СССР (1926), членом многих других академий и научных обществ.

Вскоре по приезде в Стокгольм Миттаг-Леффлер приступил к изданию журнала «Acta mathematica», в редколлегию которого вошли виднейшие представители математических наук Скандинавских стран, а авторами с самого начала стали математики всего мира. Этот журнал приобрел широкую известность. В нем печатались сочинения выдающихся ученых и в то же время первые опыты многих молодых математиков. В 1982 г. журнал отметил свое столетие. Сам Миттаг-Леффлер издавал и редактировал журнал с 1882 по 1927 г.

Организационная деятельность Миттаг-Леффлера не ограничивалась основанием журнала. По его предложению были учреждены премии по математике (имени короля Оскара II), ему принадлежит инициатива проведения общескандинавских съездов математиков, он был активным участником международных математических конгрессов.

Жизнь Миттаг-Леффлера была целиком посвящена интересам науки — как чисто математическим исследованиям, так и вопросам организационного характера. Любовь и преданность науке Миттаг-Леффлер сохранил до конца своих дней. Он хотел и после своей кончины быть полезным науке, соответственным образом распорядившись своим имуществом. В 1916 г. в начале 40-го тома журнала «Acta mathematica» было опубликовано завещание супругов Миттаг-Леффлер. Они завещали все свое имущество, включая огромную математическую библиотеку³, находившуюся в Дьюрсхольме, и большую сумму денег для основания фонда супругов Миттаг-Леффлер, предназначенного для поддержания высокого уровня математических исследований в Скандинавских странах. Из средств фонда предполагалось создать институт, выдавать стипендии для обучения в других странах и на родине молодым лицам обоего пола, проявившим большие способности в области чистой математики, награждать медалями и денежными премиями за открытия и сочинения по чистой математике, за открытия — математиков любой страны мира. Этот фонд существует и в настоящее время, продолжая содействовать развитию математических исследований в Скандинавских странах.

Заслугой Миттаг-Леффлера явилось приглашение С. Ковалевской в Стокгольм и ее назначение профессором Стокгольмского университета.

Чтобы убедить руководство Стокгольмского университета, основанного в 1877 г. и существовавшего сначала на частные пожертвования, принять на службу С. В. Ковалевскую — женщину, к тому же чужестранку, Миттаг-Леффлеру пришлось употребить много сил и изобретательности. Переписка частично отражает эту сторону деятельности шведского ученого. Дружба с Миттаг-Леффлером, его советы и поддержка, теплое отношение со стороны его родных и друзей помогли Ковалевской жить и работать в чужой стране и именно в эти годы быть особенно творчески активной.

Софья Васильевна Ковалевская родилась в Москве 3/15 января 1850 г. в семье полковника, позднее генерал-лейтенанта артиллерии Василия Васильевича Корвин-Круковского. Ее мать, Елизавета Федоровна, урожденная Шуберт, была дочерью известного геодезиста и топографа, генерала от инфантерии, участника боев с Наполеоном Федора Федоровича Шуберта и внучкой Федора Ивановича Шуберта, математика и астронома, члена Петербургской академии наук, приехавшего в Петербург из Германии.

Выйдя в отставку, генерал Корвин-Круковский жил в своем имении Палибино, расположенном недалеко от шоссе, соединяющего Великие Луки с Невелем. Там прошло детство Сони Корвин-Круковской, ее сестры Анны и брата Федора.

Анна Васильевна обладала литературными способностями и написала

³ Харди отмечал, что библиотека Миттаг-Леффлера — «прекраснейшая в мире». Hardy G.-H. G. Mittag-Leffler. — Proc. R. S. London, 1928, 119, p. V—VIII.

ряд повестей, из которых две первые одобрил Ф. М. Достоевский. Вслед за младшей сестрой Анна Васильевна поехала за границу, сначала в Гейдельберг, потом в Париж. Там она вступила в ряды революционеров, вышла замуж за одного из них, Виктора Шарля Жаклар, была деятельной участницей Парижской Коммуны⁶. В. Жаклар — врач, журналист, активный участник Первого Интернационала и Парижской Коммуны, в которой руководил вооруженными силами в районе Монмартра, был членом ЦК Национальной гвардии, командовал ее 17-м легионом. Арестованный после падения Коммуны, он эмигрировал в Швейцарию. С 1884 по 1887 г. Жаклар с женой жил в России, сотрудничал в журналах «Слово» и «Дело», сблизился с народниками. После амнистии вернулся во Францию.

Брат С. В. Ковалевской, Ф. В. Корвин-Круковский, сведения о котором собрал Л. И. Гаврилов, учился в известной гимназии К. Мая, а затем в Петербургском университете, который окончил по математическому разряду в 1878 г. со степенью кандидата. В дальнейшем он служил в страховых и финансовых учреждениях.

У С. В. Ковалевской был свой путь. Интерес к математике и другим областям знания, стремление учиться в высшем учебном заведении (что в России было для женщин недоступно) побудили С. В. Корвин-Круковскую вступить в фиктивный брак с начинающим ученым, будущим основателем эволюционной палеонтологии Владимиром Онуфриевичем Ковалевским, впоследствии ставшим ее мужем в действительности. Замужество позволило Ковалевской уехать учиться в Германию. После многих хлопот Ковалевской удалось стать слушательницей Гейдельбергского университета и получить право участвовать в семинарах. Она слушала здесь лекции Гельмгольца, Кирхгофа, Кёнигсбергера, П. Дюбуа-Реймона. Но основными центрами Германии в области математики в то время были Гёттинген и Берлин. Осенью 1870 г. Ковалевская переехала в Берлин. Добиться права посещения лекций в университете не удалось, однако Вейерштрасс, убедившись в способностях Ковалевской, предложил заниматься с ней отдельно. Вейерштрасс руководил ее занятиями в течение четырех лет и считал ее одним из лучших своих учеников. В 1874 г. благодаря ходатайству Вейерштрасса Ковалевской разрешили представить диссертацию, состоящую из трех работ [1, 2, 7]⁷, в Геттингенский университет и здесь ей заочно присудили степень доктора философии.

Первая работа С. В. Ковалевской [1] содержит теорему существования для системы уравнений в частных производных, она входит теперь в учебники под названием теоремы Коши—Ковалевской. Работы [2, 3] относятся к выяснению случаев приведения абелевых интегралов третьего ранга к эллиптическим. В исследовании [7] дается уточнение формы поперечного сечения кольца Сатурна по сравнению с приближенным решением этой задачи Лапласом.

Вернувшись в Россию со степенью доктора философии, Ковалевская не может здесь найти работу по специальности и несколько лет не занимается математикой, пишет рецензии, театральную и научную хронику, живет то в Палибине, то в Петербурге или в Москве, а некоторое время проводит в Германии и во Франции.

После трагической смерти мужа весной 1883 г. вопрос об устройстве встал перед Ковалевской с еще большей остротой; вскоре его удалось решить при посредничестве Миттаг-Леффлера. В ноябре она едет в Стокгольм и 11 февраля 1884 г. приступает к чтению лекций в университете (в Швеции он назывался Высшей школой), сначала приват-доцентом без жалованья. Но уже в июне 1884 г. Миттаг-Леффлеру удается добиться ее официального назначения профессором на пять лет. Для этого потребовалось собрать пужную сумму денег и получить согласие Правления университета. В 1889 г., по истечении пятилетнего срока профессорства,

⁶ *Книжник-Ветров Ив. А. В. Корвин-Круковская (Жаклар). М., 1931.*

⁷ Здесь и далее ссылки на работы С. В. Ковалевской даются по списку ее трудов, помещенному в Приложении к настоящей книге. То же относится и к ссылкам на труды Г. Миттаг-Леффлера.

Миттаг-Леффлер снова самым энергичным образом добивается назначения Ковалевской на должность профессора уже пожизненно. Для этой цели он обращается за отзывами о трудах Ковалевской к крупным ученым: Ш. Эрмиту, Э. Бельтрами и К.-А. Бьеркнесу. Успешная научная и педагогическая деятельность Ковалевской, а также блестящие отзывы о ней позволяют преодолеть все препятствия.

Первая встреча Ковалевской с Миттаг-Леффлером состоялась в феврале 1876 г. в Петербурге, когда Миттаг-Леффлер еще обдумывал, где он будет работать, и повестил Ковалевскую по поручению их общего учителя Вейерштрасса. О своих впечатлениях от этой встречи он тогда же написал упсальскому профессору Мальмстену: «Ее манеры просты и естественны, без какого-либо педантизма или аффектированной учености. Как ученый она отличается редкой ясностью и точностью выражения и исключительно быстрой сообразительностью. Нетрудно убедиться в глубине, какой она достигла в своих знаниях, и я вполне понимаю, что Вейерштрасс считает ее лучшим из своих учеников»⁸.

Следующая встреча Ковалевской и Миттаг-Леффлера произошла на VI съезде русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге в начале января 1880 г. (н. ст.), где они выступали с докладами. В то время Миттаг-Леффлер был профессором в Гельсингфорсе.

В 1880—1891 гг., когда Миттаг-Леффлер и Ковалевская переписывались друг с другом, бурно развивался математический анализ, за открытиями в котором они оба внимательно следили — об этом не раз говорится в их переписке. Письма позволяют также проследить за исследованиями Ковалевской, над чем и как она работала.

Много места в переписке уделяется вопросу о взаимоотношениях между математиками Европы. Это особенно интересно потому, что Ковалевская поддерживала научные и дружеские контакты с самыми крупными математиками: П. Л. Чебышевым в России, К. Вейерштрассом в Германии, Ш. Эрмитом во Франции. Она общалась, кроме того, с такими учеными, как А. Пуанкаре, Ж. Бертран, Г. Кантор, Г.-А. Шварц, Л. Фукс, Л. Кронекер и др.

Перейдем к общему обзору содержания переписки. Она начинается письмом Ковалевской к Миттаг-Леффлеру от 14 октября 1880 г. (у нас письмо № 1).

В ряде последующих писем обсуждается вопрос о возможности для Ковалевской получить профессию сначала в Гельсингфорсе, где в то время преподавал Миттаг-Леффлер, а после его перехода в Стокгольмский университет — в шведской столице. Но это отнюдь не единственная тема писем. В них говорится об исследованиях Миттаг-Леффлера и Э. Пикара по теории дифференциальных уравнений с периодическими коэффициентами, об известной теореме Пикара в теории аналитических функций (№ 2) и многих других актуальных проблемах анализа конца XIX в. Интересно письмо Ковалевской (№ 3), в котором она рассказывает о своих спорах с некоторыми русскими математиками по поводу теории абелевых функций, которую они считали не имеющей приложений. Ковалевская обвиняла в таком плохом отношении к этой теории авторов имевшихся тогда книг — Брио и Буке, К. Неймана; не был поклонником теории абелевых функций и П. Л. Чебышев, с которым Софья Васильевна спорила еще в 1874 г., на вечере у Д. И. Менделеева. Ведь сам Чебышев занимался задачей об условиях возможности приведения эллиптических интегралов к элементарным функциям. О его работах знал Вейерштрасс и, может быть, потому он и предложил Ковалевской более общую задачу — о приведении некоторых типов абелевых интегралов. Но Чебышев стоял в своих исследованиях на «алгебраической» почве, отвергая применение эллиптических функций. На VI съезде русских естествоиспытателей и врачей 1880 г. Ковалевская по предложению Чебышева сделала доклад и выбрала его темой приведения абелевых интегралов.

⁸ Mittag-Leffler G. Weierstrass et Sonja Kowalewsky. — Acta math., 1923, 39, p. 133—198.

Ковалевская хорошо знала теорию абелевых функций, и в 1883 г., живя в Берлине, чтобы приобрести некоторый опыт к предстоящему чтению лекций, излагала теорию этих функций небольшой группе молодых математиков (в их числе были Д. Ф. Селиванов и К. Рунге), между которыми происходил взаимный обмен математическими сообщениями. После переезда Ковалевской в Стокгольм этот обмен продолжался в переписке Рунге и Селиванова с Софьей Васильевной⁹.

В том же письме № 3 Ковалевская обращает внимание Миттаг-Леффлера на теорию многочленов, наименее отклоняющихся от нуля, созданную П. Л. Чебышевым. Она знает также работы в этом направлении Е. И. Золотарева, изучавшего случаи, когда заданы два или больше условий между коэффициентами таких полиномов. Она даже предприняла сама какое-то исследование в этой области, однако никаких сведений об этом исследовании не имеется.

Вскоре переписка Миттаг-Леффлера и Ковалевской на некоторое время прекращается. Возможно, что они беседовали при встречах в Берлине. Потом у Ковалевской было горе — как уже говорилось, она потеряла мужа. Оставшись одна, она некоторое время совсем не может работать, потом начинает усиленно заниматься математикой и возвращается к своему замыслу устроиться в Стокгольме. 28 августа 1883 г. она сообщает Миттаг-Леффлеру об окончании своей работы по преломлению света в кристаллах (№ 12) и здесь же предлагает прочитать в Стокгольме курс по теории линейных дифференциальных уравнений, используя новейшие исследования Вейерштрасса, Фукса, Ж. Таннери и Пуанкаре. Так как Миттаг-Леффлер сам собирался весной 1884 г. читать лекции по линейным уравнениям, то он предложил Ковалевской изложить теорию дифференциальных уравнений с частными производными, рассказать и о ее личных открытиях. Ковалевская написала А. О. Ковалевскому, что будет «большим шиком для женщины читать о собственных исследованиях»¹⁰.

Годы 1880—1883 были подготовительной стадией к приезду Ковалевской в Стокгольм, куда она прибыла 18 ноября 1883 г.

Миттаг-Леффлер уделял большое внимание Ковалевской, принимая ее в Стокгольме. Он заботился о ее быте, в чем ему помогали шведские женщины, в первую очередь Тереза Гюльден, жена астронома Гуго Гюльдена, а также Амелия Викстрём и другие.

Софья Васильевна сразу же познакомилась и подружилась с сестрой Миттаг-Леффлера, Анной-Шарлоттой, писательницей, и с их ровесницей, также известной писательницей, Эллен Кей. Искренним другом Ковалевской стал брат Миттаг-Леффлера, Фриц Леффлер, поэт, написавший потом прекрасное стихотворение на смерть Ковалевской¹¹. Софья Васильевна любила навещать мать Миттаг-Леффлера, Густаву Вильгельмину, урожденную Миттаг (Гёста Леффлер присоединил ее фамилию к своей). С большой симпатией отнесся к Ковалевской профессор минералогии В. Брёггер. Математик и историк математики Густав Энестрём знал русский язык, интересовался русской литературой и советовался с Ковалевской по поводу переводов стихотворений русских авторов (Добролюбова, Никитина) на шведский язык. Она познакомилась с семьей Ивара Бендиксона, который был слушателем ее лекций.

Год 1884 — начало педагогической деятельности Ковалевской.

Миттаг-Леффлер очень заботился о том, чтобы Ковалевская была на высоте при чтении лекций. Ведь раньше она никогда не занималась преподаванием, и он не хотел скомпрометировать идею о допущении женщин к профессуре. Софья Васильевна должна была писать каждую лек-

⁹ Письма от Д. Ф. Селиванова см.: ААН СССР, ф. 603, оп. 1, альбом 51; от К. Рунге: там же, альбом 46.

¹⁰ Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 271; 2-е изд., 1961, с. 271.

¹¹ Перевод этого стихотворения, принадлежащий С. А. Венгерову, был опубликован в «Северном вестнике», 1891 г., вып. 3, с. 61. Другой перевод сделан Д. Л. Михаловским. См.: Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 459.

цию и показывать ему. Первые лекции Ковалевской Миттаг-Леффлер обязательно посещал. В весеннем семестре она выступала как доцент, не будучи зачисленной в штат Высшей школы. Ее курс был — теория уравнений в частных производных¹².

Из дневника Ковалевской¹³ видно, что она прочитала первую лекцию 30 января 1884 г., вторую — 2 февраля и т. д. вплоть до 16 апреля.

Об одной из первых лекций С. В. Ковалевской есть свидетельство геодезиста В. В. Витковского, который со своим товарищем, астрономом А. М. Ждановым (учеником Г. Гюльдена), посетил Стокгольмскую высшую школу. На лекции присутствовало 15 слушателей, среди них Миттаг-Леффлер и другие профессора. С. Ковалевская была в черном бархатном платье. Она взяла мел и начала читать лекцию, «очень просто и задушевно, о принципе Дирихле»¹⁴.

Ковалевская принимала участие в руководстве математическими семинарами и сама делала на них доклады. Среди учеников Миттаг-Леффлера и Ковалевской были будущие выдающиеся ученые Ивар Фредгольм, Карл Болин, Ивар Бендиксон, Эдвард Фрагмэн и другие, ставшие профессорами скандинавских университетов и учителями гимназий.

С самого начала Миттаг-Леффлер ввел Ковалевскую в состав редакции журнала «Acta mathematica». Она просматривала статьи, которые присылались в редакцию журнала; некоторые авторы обращались непосредственно к ней со своими работами. Когда она бывала в Париже или Берлине, то старалась привлечь талантливых математиков к сотрудничеству в «Acta mathematica».

Летние каникулы в Стокгольме начинались рано, и в конце апреля 1884 г. Ковалевская уже в России, откуда посылает Миттаг-Леффлеру письмо (№ 23), в котором пишет о подавленном состоянии духа петербургской интеллигенции.

В мае Ковалевская поехала в Берлин к Вейерштрассу. По поручению Миттаг-Леффлера она обсуждала со своим учителем вопрос о премиях, которые хотел учредить Миттаг-Леффлер, обратившийся с этой идеей к королю. В конце концов в журнале «Acta mathematica» (т. 7, 1885) появилось извещение о конкурсе на премию короля Швеции и Норвегии Оскара II. Премия должна была быть присуждена 21 января 1889 г. за важное открытие в области математического анализа. Членами жюри конкурса были К. Вейерштрасс, Ш. Эрмит и Г. Миттаг-Леффлер.

Жюри предложило присудить премию за лучший мемуар по одному из следующих вопросов: 1) задача об n телах, 2) развитие ряда мемуаров Фукса, 3) развитие исследований Брио и Буке по дифференциальным уравнениям, 4) обобщение функций, которые Пуанкаре назвал фуксовыми. Срок представления работ на конкурс — 1 июня 1888 г. (см. примеч. 3 к письму № 24).

Премии были присуждены Пуанкаре за работу о задаче трех тел и Аппелю за исследования по теории абелевых функций¹⁵. Обе работы опубликованы в 13-м томе «Acta mathematica».

Письма Ковалевской из Берлина (от 29 мая 1884 г. и следующие) свидетельствуют о том, что в беседах с Вейерштрассом, Фуксом и Кронекером она получила множество новых впечатлений, а также различных сведений об их текущих исследованиях и делах. В частности, она прочитала две статьи Вейерштрасса — одну, содержащую полное изложение теории комплексных единиц и в том числе делителей нуля (она сообщает Миттаг-Леффлеру основную идею статьи), другую — о линейных дифференциальных уравнениях. Со своей стороны Ковалевская привезла Вейерштрассу статьи Миттаг-Леффлера с его доказательством теоремы Лорана.

¹² Sophie Kovalevsky. Notice biographique, par G. Mittag-Leffler. — Acta math., 1893, 16, p. 385—392.

¹³ Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 178; 2-е изд., 1961, с. 178.

¹⁴ Витковский В. В. Пережитое. Л., 1928, вып. 2, с. 124—125.

¹⁵ Работа Аппеля связана со второй из конкурсных тем.

Вейерштрасс предполагал использовать это доказательство при ближайшем чтении своего курса, а кроме того, опубликовал статью «Об одной теореме теории функций Г. Миттаг-Леффлера»¹⁶.

Чтобы укрепить свое положение в Стокгольме, Ковалевская хочет опубликовать как можно больше статей. Она дает для просмотра Вейерштрассу свою старую работу о приведении абелевых интегралов и Гюльдену — о кольце Сатурна. Обе работы были опубликованы, первая [2] — в «Acta mathematica» в 1884 г., вторая [7] — в «Астрономических известиях» (Astronomische Nachrichten) в 1885 г. Она подготовила также статью о преломлении света в кристаллах и дала ее Вейерштрассу, но тот медлил с просмотром, так как не очень хорошо себя чувствовал и был сильно загружен.

В письме № 39 от 1 июля 1884 г. Ковалевская рассказывает о новой работе Фукса, сведения о которой она получила частично от Кронекера, частично от самого Фукса. В работе речь идет о необходимых и достаточных условиях, при которых нелинейные уравнения обладают фундаментальным свойством линейных: особые точки их интегралов не зависят от начальных значений функций. Кронекер сказал ей, что в следующем году выходит 100-й номер «Journal für die reine und angewandte Mathematik» (Журнал чистой и прикладной математики), и он старается привлечь всех крупных математиков к участию в юбилейном номере. Он собирался также послать в «Acta mathematica» две статьи с критикой работ Г. Кантора, но так и не сделал этого.

Любопытно, что в ответ на хлопоты Вейерштрасса о допущении Ковалевской прослушать некоторые лекции в Берлинском университете был получен ответ, что ей это разрешат, но только в будущем году.

Между тем Миттаг-Леффлер, отдыхавший в Мёрселе, 28 июня 1884 г. получает телеграмму из Стокгольма о назначении Ковалевской профессором на 5-летний срок. Она возвращается в Стокгольм, поселяется в предместье Сёдертелье и энергично принимается за подготовку к предстоящим лекциям. На приглашение Миттаг-Леффлера присоединиться к его компании в Тонсаазене, очень живописном месте, она отвечает отказом, так как хочет лучше подготовиться к новому семестру.

Ковалевская также усердно занималась шведским языком и 22 августа 1884 г. написала свое первое письмо по-шведски (№ 47). В дальнейшем Миттаг-Леффлер писал ей, как правило, по-шведски, она же — то по-шведски, то по-французски.

В 1885 г. Миттаг-Леффлер по состоянию здоровья ушел в отпуск раньше Ковалевской (в мае он уже был в Швейцарии) и оставил ей ряд поручений по Высшей школе (письмо № 64).

Летом 1885 г. у некоторых немецких математиков возник вопрос о приоритете Ковалевской в теореме существования для системы уравнений в частных производных. Этот вопрос поднимался еще в 1874 г., когда была опубликована работа Ковалевской [1], и выяснилось, что аналогичную задачу уже рассматривал Коши, о чем ни Вейерштрасс, ни Ковалевская тогда не знали. Но Вейерштрасс высоко оценил ту принципиально новую часть работы своей ученицы, где выясняется вопрос о важности приведения уравнений к нормальной форме (см. письмо № 83). Вскоре после Ковалевской об уравнениях в частных производных напечатал ряд статей Дарбу, и Вейерштрасс был очень обеспокоен, не были ли исследования Дарбу более общими, чем Ковалевской. Однако сравнение работ показало, что у Ковалевской имелись существенные результаты, которых не было ни у Коши, ни у Дарбу. По словам Пуанкаре, Ковалевская дала теореме окончательную форму. Он писал в своей работе по уравнениям в частных производных: «Коши и Ковалевская научили тому, как разлагать в ряды интегралы этих уравнений в окрестности обыкновенной точки»¹⁷.

¹⁶ Weierstrass K. Über einen functionentheoretischen Satz des Herrn G. Mittag-Leffler. — Monatsberichte d. Königl. Akad. d. Wiss., B., 1880, S. 707—717.

¹⁷ Пуанкаре А. Избранные труды. М., 1974, т. III, с. 581.

31 октября 1885 г. исполнялось 70 лет Вейерштрассу. Карл Теодор Вильгельм Вейерштрасс является одним из великанов мысли, оставивших глубокий след в математике. Ему принадлежит логическое обоснование классического математического анализа, опирающееся на построенную им теорию действительных чисел; он глубоко и оригинально разработал теорию аналитических, и в особенности абелевых функций. Для прославившего университетский курс математики памятен: теорема Больцано—Вейерштрасса, пример непрерывной и нигде не дифференцируемой функции, теория аналитического продолжения, теория эллиптических функций Вейерштрасса, в вариационном исчислении — исследование достаточных условий экстремума функционала, в дифференциальной геометрии — новые исследования о геодезических линиях и минимальных поверхностях, в линейной алгебре — теория элементарных делителей и т. д.

О Вейерштрассе существует довольно большая литература. Миттаг-Леффлер посвятил Вейерштрассу пять статей [72, 73, 80—82]. К 70-летию Вейерштрасса готовились немецкие математики, организовавшие юбилейный комитет во главе с Фуксом, куда вошла и Ковалевская. Между математиками не было единодушия в том, как отметить юбилей. Ковалевская боялась, что разговоры об этих разногласиях дойдут до Вейерштрасса и испортят ему настроение. Однако чествование Вейерштрасса прошло хорошо, сам он остался доволен. Даже ставший недругом Вейерштрасса бывший его друг Кронекер явился на юбилейное торжество¹⁸.

В связи со 150-летием Вейерштрасса в ФРГ был издан большой сборник¹⁹.

Летом 1885 г. Миттаг-Леффлер и Ковалевская написали по 14 писем друг другу. В них они обсуждали дела Высшей школы. Миттаг-Леффлер делился впечатлениями от посещения им — проездом — математиков в Гейдельберге и Берлине.

В том же году стало известно, что профессор механики в Высшей школе Яльмар Хольмгрен тяжело болен и, по-видимому, потребуется его замена в осеннем семестре. Миттаг-Леффлер хотел, чтобы преемницей Хольмгрена стала Ковалевская, что и произошло осенью. По этому поводу Софья Васильевна писала своему другу Г. Ханзemannу, что она теперь «профессор в квадрате»²⁰. Первое время Ковалевская смотрела на свою деятельность профессора механики как на временную. Я. Хольмгрен был профессором не только Стокгольмской высшей школы, но и Политехнической, поэтому Миттаг-Леффлер долго занимался поисками кандидатов на эту должность в среде немецких и итальянских ученых.

Так как Хольмгрен был шведским академиком, то в случае его смерти должна была появиться вакансия академика, и Миттаг-Леффлер задумал выдвинуть на нее Ковалевскую, чему та воспротивилась. Она шуточно замечает: «Видение красивого мундира академика постоянно проходит теперь перед моими глазами» (письмо № 80 от 7 июля 1885 г.), но считает, что не следует с этим спешить. Тем более что для достижения цели ей необходимо было бы перейти в шведское подданство. Миттаг-Леффлер усиленно побуждал к этому Ковалевскую, и вопрос о шведском подданстве обсуждался в ряде писем, но в конце концов Софья Васильевна оставила мысль о перемене своего подданства на шведское.

В 1886 г. Ковалевская достигла успеха в исследовании задачи о вра-

¹⁸ В то время Л. Кронекер начал выступать против теории иррациональных чисел Вейерштрасса и теории множеств Кантора. Кронекер считал, что в основе математики должно лежать целое число, а иррациональные числа подлежат упразднению. Критика Кронекера, не всегда чисто научная, принесла немало огорчений Вейерштрассу, так же как и Кантору.

¹⁹ *Festschrift zur Gedächtnisfeier für Karl Weierstrass. 1815—1965* / Hrsg. von H. Behnke. K. Kopfermann. Köln; Opladen: Westdeutscher Verlag, 1966. 612 S. Статья в этом сборнике (*Biermann K.-R. Die Berufung von Weierstrass nach Berlin*, S. 41—52) содержит ссылки на литературу и архивные источники.

²⁰ *Bunsen M. Sonja Kowalevsky. Eine biographische Skizze.*— *Westermanns illustrierte deutsche Monatshefte*, 1897; N 82; Mai. S. 218—232; Выдержки из статьи в газете «Русские ведомости», 1897, № 147, от 30 мая.

щении твердого тела вокруг неподвижной точки настолько, что смогла рассказать о своих результатах французским математикам, и те решили выдвинуть на конкурс 1888 г. эту задачу. Сначала речь шла о большой премии Парижской академии наук, но она оказалась намеченной для другой математической работы (эту премию получил Пикар), и задачу о вращении предложили в качестве темы для премии Бордена, в денежном выражении такой же, как и большая премия.

Выдвинув работу на премию, Ковалевская не могла, согласно условиям конкурса, ни публиковать свои результаты, ни докладывать о них, что она хотела сделать на съезде натуралистов в Норвегии в июле 1886 г. Но все же она поехала в Христианию (Осло), где стала и без доклада предметом оваций и спичей.

О занятиях Ковалевской проблемой вращения твердого тела вокруг неподвижной точки в переписке говорится не раз, начиная с письма № 9 от 21 ноября 1881 г.: к этой задаче, на которую внимание своей ученицы обратил еще ранее Вейерштрасс, она затем возвращалась и обсуждала ее со знакомыми учеными, например с Пикаром и Миттаг-Леффлером (см. письма № 109, 116, 117, относящиеся к 1886 г.).

В 1886 г. продолжают начатые в предыдущем году хлопоты Миттаг-Леффлера о распространении журнала «Acta mathematica» среди математиков различных государств. Он написал памятную записку («pro memoranda».— Р. М.), в которой было указано, какие государства уже обязались подписываться на журнал для научных библиотек своих университетов и лицеев. Ковалевская во время поездок в Россию и в другие страны хлопотала о распространении журнала. Ее переговоры с П. Л. Чебышевым и бароном Ф. Р. Остен-Сакеном, известным путешественником, имевшим широкие связи с правительственными кругами, были малоуспешны. Последний говорил, что у государства мало денег и что Д. А. Толстой, бывший министр просвещения, а теперь министр внутренних дел и президент Академии наук, вряд ли выделит нужную сумму.

В 1887 г., как и в предыдущем, Ковалевская много занималась задачей о вращении твердого тела около неподвижной точки. Однако на некоторое время это исследование отходит на второй план: Софья Васильевна с увлечением пишет совместно с Анной-Шарлоттой драму «Борьба за счастье»²¹. Пьеса, содержавшая две части (1. Как это было, 2. Как это могло бы быть, если бы люди не были скованы существующими правилами и предрассудками), вызвала критические замечания Миттаг-Леффлера и ответ на них Ковалевской (письмо № 126).

Но 27 июня 1887 г. (письмо № 131) она сообщает, что снова взялась за конкурсную работу. В ответе Миттаг-Леффлера — радость по этому поводу. Он просит сообщать ему о ходе исследований и высказывает мысль о возможности представления части исследований и на премию Оскара II. В письме без даты (письмо № 125) Ковалевская отмечает известные случаи — Эйлера и Лагранжа, — когда система уравнений задачи о вращении может быть проинтегрирована, и сообщает о найденном ею новом случае. Она может показать, что эти три случая — единственные, когда общий интеграл уравнений — однозначные функции времени, имеющие особыми точками только полюсы для конечных значений времени.

В письмах мы встретим не только математические рассуждения. Ковалевская и Миттаг-Леффлер, как истинные друзья, писали друг другу и о сугубо личных делах: состоянии здоровья, своем и близких людей материальном положении и т. д.

Ковалевскую живо интересуют все дела Миттаг-Леффлера, особенно такие важные, как организация конкурса и издание журнала. Она радуется успехам предприятий Миттаг-Леффлера: «...я безгранично радуюсь Вашему успеху в связи с премией... что Вы за человек! Сколько дел Вы довели до благополучного конца в течение этой зимы!» (письмо № 25). «Я так

²¹ См.: Ковалевская С. В. Воспоминания, повести. М.: Наука, 1974, с. 381—482.

же вполне убеждена, что только благодаря Вам и Вашей настойчивости нам удалось достигнуть цели!» (ее назначения профессором) (письмо № 39).

Интересны высказывания обоих корреспондентов по различным вопросам общего характера и друг о друге. В ответ на слова Ковалевской об оптимизме Миттаг-Леффлера он пишет: «Вы, вероятно, правы, когда упрекаете меня в оптимизме <...>. Мой оптимизм, однако, не так уж глуп. Благодаря ему я несколько раз смог провести крупные дела, на успех которых никто, кроме меня, не смел надеяться. Напомню Вам хотя бы об «Acta mathematica», а вскоре после них — о назначении первого профессора-женщины при университете. Тайна успеха в практической жизни зависит, во-первых, от веры в то дело, которое хочешь провести, и, во-вторых, от понимания всех трудностей, которые встретятся на пути, но вместе с тем необходимо, чтобы вера в дело всегда брала верх над сознанием трудностей» (письмо № 69). Миттаг-Леффлер со своей стороны удивляется необыкновенной работоспособности Ковалевской: «Вы ведь обладаете такой работоспособностью, которая равняется работоспособности десяти мужчин, по крайней мере она в 10 раз больше моей» (письмо № 73).

В конце лета 1887 г. Ковалевская усиленно работает над конкурсной статьей. Она рассказывает о своих исследованиях на лекциях по механике. Все время, свободное от учебных занятий и подготовки к ним, Ковалевская теперь посвящает проблеме вращения твердого тела вокруг неподвижной точки. В мае 1888 г. она пишет: «Моя голова теперь так полна математикой, что я не могу ни думать, ни говорить о чем-нибудь другом. Я пришла к определенному результату, и к очень радостному, а именно, что этот случай задачи о вращении интегрируется действительно посредством *ультраэллиптических* функций. Но мне еще предстоит получить окончательные формулы, и я не знаю, успею ли это сделать до конца месяца. Не могу не сообщить Вам несколько подробнее о своей работе» (письмо № 146). И она кратко излагает свои результаты, прося Миттаг-Леффлера вникнуть в суть этих исследований.

Так как остается всего неделя до срока представления работы, она просит Миттаг-Леффлера написать Эрмиту и сообщить, как обстоит дело со статьей. Она утомлена и опасается, что не успеет закончить работу за неделю. Ответ Эрмита был успокаивающим, и Ковалевская в основном закончила работу над конкурсным сочинением летом 1888 г. Она показала его Вейерштрассу. «Что это было не так легко, Вы можете видеть из того, что Вейерштрасс, которому я писала до и после того, как нашла, что проблема решается с помощью ультраэллиптических θ -функций, и который, по-видимому, серьезно думал об этом предмете, не смог доказать этого» (письмо № 148).

Все же оставалось довести до конца некоторые вычисления, и Ковалевская обратилась к Эрмиту с вопросом — как ей поступить. Эрмит посоветовал прислать статью в имеющемся виде, но предложил до начала октября выслать другой, отредактированный экземпляр (письмо № 150 от 5 июля 1888 г.).

Часть лета Ковалевская провела в Гарце, где отдыхал Вейерштрасс, в обществе математиков, которые его окружали. Но она мало общалась с ними, заканчивая свои выкладки и лихорадочно работая над завершением статьи. Из Германии Софья Васильевна пишет 7 сентября 1888 г.: «Я также не вполне окончила свою работу, но осталось уже немного» (письмо № 152).

Работа была удостоена премии Бордена. Об этом Ковалевская получила извещение Института Франции от 18 декабря 1888 г. за подписью неменных секретарей Парижской академии наук Л. Пастера и Ж. Бертрана²² (примеч. к письму № 153). Вручение премии президентом П. Жансеном, сопровождавшееся словами о том, что «один из венков возлагается

²² В Парижской академии наук имеется два отделения: естественных и математических наук, и соответственно, два неменных секретаря.

сегодня на голову женщины», — произошло 24 декабря. Ввиду важности полученных результатов премия была увеличена с 3000 до 5000 франков.

1888 г. был годом напряженной работы и научного триумфа Ковалевской. Вместе с тем этот год знаменателен в ее личной жизни: она встретила человека, который завладел ее мыслями, доставив ей много радостей, но и много огорчений. Это ее однофамилец Максим Максимович Ковалевский.

М. М. Ковалевский до 1887 г. состоял профессором Московского университета, где читал лекции по конституционному праву. Но его лекции были слишком смелыми, и ему пришлось покинуть университет. После этого 15 лет он провел за границей, где вел литературно-научную деятельность и читал лекции в различных городах: Париже, Брюсселе, Оксфорде, Лондоне. В феврале 1888 г. он приехал в Стокгольм по приглашению Фонда Лорена для чтения лекций по социальным наукам (В.-Э. Лорен завещал большую сумму денег для развития общественных наук). Анна-Шарлотта Леффлер, член комитета Фонда Лорена, ввела в него Ковалевскую, которая предложила в качестве одного из лекторов по социологии пригласить М. М. Ковалевского. Софья Васильевна с радостью встретила своего соотечественника-однофамильца. Она ввела его в шведское общество, посещала его лекции, они вместе обсуждали их. М. М. Ковалевский написал книгу о происхождении семьи и частной собственности, которую посвятил «Г-же Софье Ковалевской». Эту книгу знали Маркс и Энгельс, с которыми Ковалевский был знаком и вел переписку. Уже после смерти Софьи Васильевны, в 1901 г., он открыл в Париже «Русскую высшую школу общественных наук». В декабре 1902 года было послано приглашение Совету Школы Владимиру Ильичу Ленину с просьбой прочитать несколько лекций по аграрному вопросу. Ленин прочитал четыре лекции на тему «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе»²³. По приглашению Ковалевского лекторами были также К. А. Тимирязев, Г. В. Плеханов²⁴.

У М. М. и С. В. Ковалевских было много общих интересов, и оба они жили вне родины, что их сближало. Однако отношения между ними складывались непросто, и для Софьи Васильевны стал мучительным вопрос о том, как относиться к ней Максим Максимович, которого она полюбила.

В начале 1889 г., 4 января, вскоре после своего большого триумфа, Ковалевская послала Миттаг-Леффлеру полное отчаяния письмо (№ 154) о том, что она несчастна, что нервы у нее совершенно расстроены, работать она не может и просит устроить ей отпуск на весенний семестр. Дело в том, что у Софьи Васильевны произошла серьезная размолвка с Максимом Максимовичем. Еще совсем недавно, 24 декабря, он присутствовал на торжестве вручения Ковалевской премии Парижской академии наук, а теперь уехал в Больё, на виллу Батава около Ниццы. Миттаг-Леффлер стал хлопотать перед Правлением Стокгольмской высшей школы об отпуске для Софьи Васильевны. Вскоре ее письма стали совсем иными, она уже стыдилась своей слабости; недоразумение с Максимом Максимовичем уладилось, и она прекрасно провела время на Лазурном берегу.

Математика была на время оставлена, в обществе М. М. Ковалевского и его друзей Софья Васильевна стала писать свои «Воспоминания детства», имевшие большой успех, а также другие литературные произведения.

У Миттаг-Леффлера появилось хлопотливое дело, инициатором которого был он сам: он хотел, чтобы шведское правительство наградило выдающихся математиков Германии и Франции. Потом он не рад был, что затеял это, так как некоторые математики (например, Ж. Бертран) сочли себя обиженными, а сам он попал в неприятную для него историю,

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. М., 1959, т. 7, с. 107—116.

²⁴ Максим Ковалевский, 1851—1916: Сборник статей. Пг., 1918; Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960 г.

получив от французского правительства орден Почетного легиона более низкой степени, чем другие ученые, которых он считал ниже себя. Ковалевская, втянутая в эти проекты, должна была проявлять дипломатические способности, чтобы смягчать недовольство заинтересованных лиц.

Блестящий научный успех Ковалевской стал побудительной причиной того, что по инициативе академиков П. Л. Чебышева, В. Г. Имшенецкого и В. Я. Буяковского в устав Петербургской академии наук был внесен параграф о допущении женщин к избранию в члены Академии наук, и 2/14 декабря 1889 г. Ковалевскую избрали, первой среди женщин, членом-корреспондентом Петербургской академии наук. После нее в царской России несколько женщин (русских и иностранок) было избрано в члены-корреспонденты и почетные академики. Вейерштрасс поздравил свою ученицу с избранием и выразил радость, что первая академическая почеть ей была воздана на родине.

В мае 1890 г. Софья Васильевна приехала в Петербург и там узнала новость: академик А. А. Марков говорил, что в первом параграфе ее мемуара есть какие-то ошибки, но какие ошибки, он не хотел сказать, пусть академики разбираются сами. Потом, уже после смерти Ковалевской, оказалось, что Марков имел в виду не ошибки, а неполноту анализа: он подозревал, что, кроме случая Ковалевской, в задаче о вращении могут быть еще другие случаи обнаружения общего решения по методу Ковалевской. Исследования, проведенные Г. Г. Аппельротом, П. А. Некрасовым и А. М. Ляпуновым, показали, что новых случаев нет и что теорема Ковалевской верна.

В 1890 г. Софья Васильевна оказалась очень занятой своими личными делами. Дружеские отношения между нею и Максимом Максимовичем укрепились. Летом этого года они совершили путешествие по Швейцарии и Италии. Ковалевская стала думать о том, чтобы покинуть Швецию и жить вместе с Максимом Ковалевским во Франции. Еще лучше было бы — в России, но такой возможности Ковалевская (как и Максим Максимович) была лишена, на родине не пахло достойного для нее места.

Максим Максимович и Софья Васильевна решили пожениться весной 1891 г. Конец 1890 г. — канун нового года и начало 1891 г. они провели в Генуе; там они посетили кладбище Кампо-Санто, славящееся своими памятниками и живописным местоположением.

В Стокгольм Софья Васильевна вернулась простуженная. Она не приняла мер для борьбы с заболеванием; наоборот, ряд обстоятельств способствовал его развитию, и 10 февраля 1891 г. Софья Васильевна скончалась. Последнюю ее записку Миттаг-Леффлер датировал 7.2.1891 г.

Хоронили Софью Васильевну Ковалевскую при большом стечении народа, приехало много русских. Русские женщины собрали деньги на гранитный крест на могиле. На похоронах выступили Г. Миттаг-Леффлер и М. М. Ковалевский. Было возложено много венков, и особенно трогательным был венок из белых лилий с надписью «Соне от Вейерштрасса».

Г. Миттаг-Леффлер прожил долгую жизнь, на протяжении которой он написал прекрасные статьи [71, 72, 73, 81, 82] о творческом пути своего учителя К. Вейерштрасса и его любимой ученицы С. В. Ковалевской.

П. Я. Кочина, Е. П. Ожигова

ПИСЬМА

С. В. КОВАЛЕВСКОЙ и Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА

1880 — 1883

1. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Москва, 2/14 октября 1880 г. ²

Милостивый государь!

Мне помнится, что во время Вашего пребывания в Петербурге по случаю собрания математиков ³ Вы мне говорили, что лекции Гельсингфорсского университета открыты для женщин. Не ошибаюсь ли я, действительно ли это так? Будьте столь любезны сообщить мне об этом. Одна моя знакомая, русская барышня ⁴, прошедшая курс, соответствующий курсу мужских гимназий (русских) и особенно заинтересованная изучением элементарной математики: алгебры, геометрии и начал исчисления бесконечно малых, очень хотела бы иметь возможность продолжать свои занятия в университете. Родители ее предпочли бы, чтобы она училась в Гельсингфорсе ⁵, а не в Швейцарии. Шведский язык не представлял бы затруднений, так как эта барышня уже имела случай немпожко ему поучиться.

Я буду Вам, милостивый государь, весьма обязана, если Вы окажете любезность и сообщите мне точно, как ведет себя Ваш университет по отношению к нам: открывает ли он нам свои двери без ограничений, принимает ли он нас лишь в исключительных случаях и в виде особой милости или же совершенно отказывает в приеме? ⁶

Мне было бы приятно, милостивый государь, если бы Вы сообщили мне что-либо о работах, которыми Вы занимаетесь в настоящее время. Я надеюсь, что в скором времени тоже смогу сообщить Вам о своих работах, но прежде я хочу поговорить о них с Вейерштрассом, которого надеюсь увидеть через несколько дней, так как я педели через две собираюсь выехать в Берлин. Надеюсь, милостивый государь, что Ваш ответ застанет меня еще здесь. Позволяю себе приложить к письму конверт с моим адресом по-русски, так как иначе письмо Ваше могло бы затеряться.

Примите, милостивый государь, уверения в моем глубоком уважении.
Софья Ковалевская.

Мое настоящее местопребывание — Москва.

2. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

Гельсингфорс, 19 октября 1880

Сударыня,
я получил Ваше письмо от 2/14 октября и спешу немедленно Вам ответить.

Лекции в Гельсингфорсском университете открыты для всех, и не надо числиться студентом, чтобы иметь право слушать университетский курс. Что касается экзаменов, то академический совет запросил разрешение на право выдавать дипломы женщинам наравне с мужчинами. Император ² еще не дал ответа, но нет особых сомнений, что разрешение будет дано.

Во всяком случае Ваша соотечественница сможет совершенно свободно изучать математику в нашем университете.

Я веду³ в текущем и в следующем семестрах курс высшей алгебры — теорию алгебраических функций, абелевых уравнений и т. д. — 4 часа в неделю. Я заимствовал большую часть моего курса у г-на Кронекера⁴ и преподаю алгебру приблизительно в том же объеме, как и он в Берлинском университете. Мои лекции уже начались, и я позволю себе в связи с этим посоветовать молодой барышне приехать сюда как можно раньше. Я ей прочту с удовольствием *privatissimum*^{1*} ту часть моего курса, которую я уже изложил. Я отдаю себя также в ее распоряжение для изучения теории функций и эллиптических функций Вейерштрасса.

Так как у меня могут спросить о Вашей соотечественнице, я Вас попрошу рассказать мне все, что Вы считаете возможным, о семье, к которой она принадлежит, о цели ее занятий и т. д. Хочет ли она учиться из интереса к науке, или же у нее есть какая-либо практическая цель? Хочет ли она быть, например, школьной учительницей?

Вы должны считать меня неблагодарным и недостойным доброты, которую Вы проявили в отношении меня в С.-Петербурге. Я обещал привезти Вам известия от нашего любимого учителя Вейерштрасса, снова проезжая через С.-Петербург. Но с января месяца я в Петербурге не был. Я заболел в Париже и принужден был просить отпуск до нынешней осени. Я провел весну и лето в Италии и Швейцарии и возвратился через Геттинген, Берлин, Христианию, Стокгольм. Я пробыл целый день в Рюдерсдорфе у г-на Вейерштрасса. Как Вы знаете, конечно, г-н Вейерштрасс очень болел в течение этой зимы и не вел своего обычного курса. У него было очень тяжелое воспаление легких, и он едва пришел в себя после смерти Борхардта⁵. Я его нашел, однако, — в начале августа — в добром здравии и полным самых глубоких идей.

В течение нескольких месяцев я повидал наиболее знаменитых из ныне живущих математиков, но я, не колеблясь, поведаю Вам, что, беседуя с г. Вейерштрассом, я нашел, что все, за исключением, быть может, г-на Эрмита и г-на Кронекера, большие дети в сравнении с ним. Трудность проблем, которыми он занимается, глубина его взглядов делают его поистине исполином и ставят его в один ряд с Гауссом и Абелем (*les Gauss et Abel*).

Ожидаю с большим нетерпением обещанных Вами сообщений о тех работах, которыми Вы сейчас занимаетесь.

Я буду очень признателен, если Вы соблаговолите мне написать — сколько времени Вы думаете провести за границей, и какой будет Ваш адрес в последующие месяцы.

Обещаю прислать Вам в Москву три небольшие заметки, которые я напечатал в Париже в «*Comptes rendus*»⁶, но берегу для Вас целое собрание мемуаров гг. Шеринга и Шварца, которое Вам отправлю потом по адресу, когда Вы соблаговолите мне его указать.

В последнее время я занимался вопросом об интегрировании линейного дифференциального уравнения n -го порядка, коэффициенты которого являются двоякопериодическими функциями. Я могу на самом деле указать такое уравнение не только, когда его интегралы однозначны, но и тогда, когда они являются алгебраическими функциями однозначных функций. Интегралы представляются в форме, совершенно аналогичной той, которую г-н Эрмит придал интегралам уравнения Ламе⁷.

Г-н Вейерштрасс сообщил мне, что г-н Пикар сдал в журнал мемуар на ту же тему⁸, и я решил подождать опубликования этого мемуара, прежде чем публиковать свой. Кроме того, имеется несколько очень трудных алгебраических вопросов, решение которых, возможно, будет свыше моих сил, относящихся к интегрированию указанного уравнения. Я предпочел бы яснее представить себе эти вещи, прежде чем публиковать свои исследования.

Знаком ли Вам весьма замечательный мемуар г-на Пикара «О целых функциях» — «*Comptes rendus*» 28 апреля, 9 мая и 20 октября 1879 или

^{1*} Приватно (лат.).

Нильс Хенрик Абель
(1802—1829)

«Annales scientifiques de l'École normale supérieure» 1880?⁹ Он там доказывает основную теорему о том, что целая функция, в смысле Вейерштрасса, $g(z)$, которая не принимает значений a и b , где a и b — конечные определенные числа, необходимо должна быть константой. Его доказательство, впрочем, далеко не элементарно и существенно предполагает знание K_i'/K как функции от k^{10} .

Г-н Вейерштрасс очень хотел бы иметь элементарное доказательство. Я искал такое решение, но безрезультатно, и даже не знаю, возможно ли будет найти доказательство, которое могло бы занять место в начальных основаниях теории функций.

Можно сразу же доказать, что если существует целая функция, которая не принимает значений 0 и 1, то найдется также другая целая функция, которая не принимает ни одного из значений

1, $1/2$, $1/3$, $1/4$, $1/5$, ..., $1/n$, ...

Но на этом я остановился и не вижу, как доказать простым и элементарным образом невозможность существования последней функции. Если есть такой способ, то я уверен, что Вы, с Вашей совершенно исключительной проницательностью, найдете его.

Прошу Вас, сударыня, передать мое глубокое почтение г-ну Вейерштрассу и г-ну Кронекеру и объяснить им, как я завидую Вашему счастью иметь возможность их видеть.

Примите, сударыня, выражение моего глубокого уважения и почтительной преданности.

Гёста Миттаг-Леффлер.

Я только что получил письмо от Вейерштрасса. Его берлинский адрес теперь: Линкштрассе, 33. Он посылает мне 100 оттисков статьи, которую опубликовал в «*Berliner Monatsberichte*»¹¹, о методе представления однозначной функции рядом рациональных функций¹².

Будьте добры указать мне адрес, по которому экземпляр оттиска Вас паверное найдет.

3. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

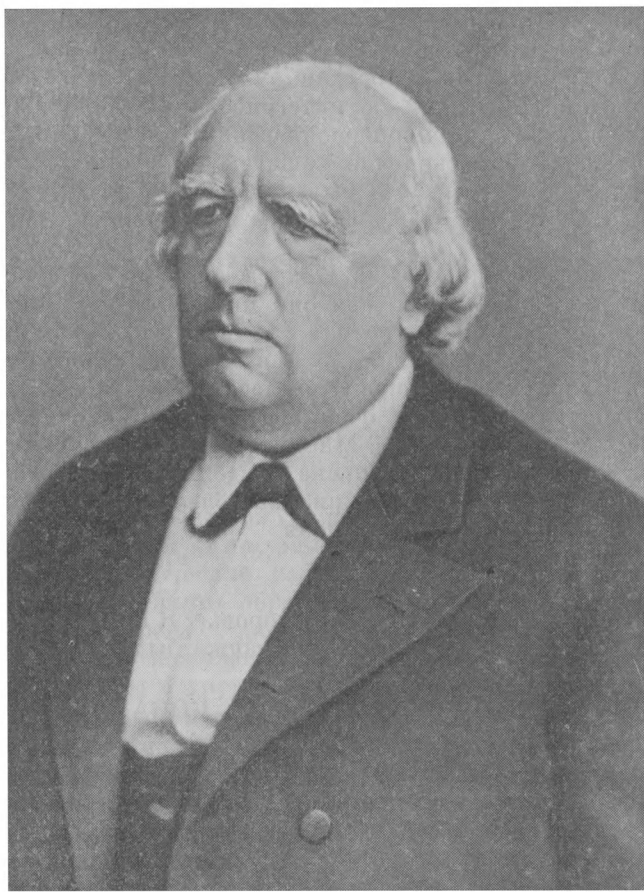
Москва, 8 января 1881²

Милостивый государь!

Я чувствую себя очень виноватой перед Вами в том, что не ответила сразу на Ваше весьма любезное письмо. К несчастью, оно пришло как раз накануне моего отъезда за границу, а затем, очутившись в Берлине, я оказалась настолько занятой, что это неизбежно отразилось на моей корреспонденции.

Мое сегодняшнее письмо я начну с того, что расскажу Вам о г. Вейерштрассе, Ваши чувства к которому я знаю и который также, могу Вас уверить, питает к Вам живейший интерес. Я имела удовольствие найти его в добром здоровье, но заваленным работой, и, к несчастью, работой, которая, на мой взгляд по крайней мере, могла бы с таким же успехом выполняться каким-нибудь более молодым математиком, время которого еще не так драгоценно. Курс лекций, который он читает теперь ежедневно³, и притом перед аудиторией в 250 человек, редактирование изданий трудов Якоби⁴ и Штейнера⁵, различные заседания — академические, Совета, факультета и другие — заполняют его день настолько, что почти не дают ему возможности закончить свои собственные исследования, особенно если принять во внимание его возраст, уже достаточно солидный, и состояние здоровья, которое не позволяет ему утомляться безнаказанно. Меня удивляет, в самом деле, как другие берлинские математики не дадут понять министру, насколько было бы необходимо освободить г. Вейерштрасса, хотя бы временно, от всех посторонних занятий и предоставить ему средства, чтобы в течение года отдаться исключительно изданию собственных трудов. В этом отношении смерть г. Борхардта представляет величайшее несчастье, так как это был, кажется, единственный из влиятельных друзей Вейерштрасса, действительно принимавший близко к сердцу его интересы, которые являются в то же время интересами науки.

Поистине весьма огорчительно, что мы, может быть, никогда не увидим полного изложения его теории абелевых функций, потому что, по моему мнению, одна из величайших заслуг Вейерштрасса состоит именно в единстве его метода и в способе, столь же естественном, сколь и логичном, каким он выводит всю теорию из одной основной теоремы и представляет ее действительно как органическое целое; но именно эта сторона его гения совершенно теряется из виду при печатании его исследований отдельными отрывками, как он это делал до сих пор, и правильно оценивается она лишь небольшим числом его учеников. Разве не удивительно, что в наше время теория абелевых функций, со всеми особенностями метода, которые ей свойственны и которые делают ее поистине одной из самых прекрасных ветвей анализа, еще мало изучена и мало понята всюду, кроме Германии. Я была просто возмущена, читая, например, трактат по абелевым функциям Брио⁶, который до сих пор мне не попадался на глаза. Можно ли излагать такой прекрасный предмет способом столь сухим и столь малодоступным для студентов! Я почти не удивляюсь больше, что наши русские математики, которые знают эту теорию только по книгам Неймана⁷ и Брио, проявляют столь глубокое равнодушие к изучению этих функций. Поверите ли Вы, например, если я Вам скажу, что недавно мне пришлось вести очень оживленный спор с несколькими профессорами математики Московского университета, утверждавшими, что абелевы функции еще не оказались пригодными для какого-

Карл Теодор Вильгельм Вейерштрасс
(1815—1897)

нибудь серьезного применения и что вся эта теория еще настолько беспорядочна и суха, что не может служить предметом университетского курса?

Эта дискуссия почти заставила меня предпринять небольшое исследование по вопросу, уже неоднократно трактовавшемуся г. Чебышевым⁸ и г. Золотаревым⁹. Я не знаю, известны ли Вам исследования этих двух математиков о целых полиномах от x степени n , которые для всех действительных значений x между двумя заданными пределами наименее отличаются от нуля. Г. Золотарев показал¹⁰, что в случае, когда коэффициенты искомого полинома подчинены некоторому условию, этот полином может быть выражен через эллиптические функции; и в конце своей работы он высказал очень смелое предположение, что исследование этого полинома в случае, когда заранее заданы две или несколько зависимостей между коэффициентами, невозможно при современном состоянии математики. Я, наоборот, взялась доказать, что это вполне возможно для всякого, кто знает абелевы функции. Но эта работа, которую я предприняла лишь в результате постоянных дискуссий со здешними математиками, боюсь, представит интерес только для них¹¹. Другая работа, очень занимающая меня в настоящее время и в которой меня гораздо больше поддерживает одобрение г. Вейерштрасса, относится к полному решению уравнения в частных производных, к которому нас приводят исследования по преломлению света в кристаллической среде¹². Я надеюсь получить это решение при помощи еще неопубликованного метода г. Вейерштрасса и надеюсь, что немногих недель мне будет достаточно теперь,

чтобы преодолеть последние затруднения в своей работе, которую я с большим удовольствием изложу Вам тогда более подробно.

Как случилось, милостивый государь, что Вы так запоздали с опубликованием Ваших исследований по интегрированию линейных дифференциальных уравнений с двоякопериодическими коэффициентами? Зная о работе г. Пикара, я бесконечно сожалею об этом, тем более что я прекрасно помню, что эта работа была уже окончена Вами, по крайней мере в большей части, [еще] в прошлом году во время Вашего приезда в Петербург.

Вчера я провела вечер с г-жой Покровской и ее дочерью; обе поручили мне еще раз сказать Вам, как они признательны Вам за очаровательный прием, который они встретили с Вашей стороны в Гельсингфорсе, и за интерес, который Вы проявили к занятиям последней. Позвольте мне поблагодарить Вас со своей стороны и сказать Вам, как я довольна, что м-ль Покровская, которая меня очень интересует, находится под таким хорошим руководством, как Ваше. Мне было бы весьма приятно, милостивый государь, если бы наша переписка продолжалась регулярно, и я постараюсь впредь отвечать на Ваши письма более точно; прошу Вас извинить меня на первый раз и считать меня

преданной Вам
Софьей Ковалевской.

Сообщите мне, пожалуйста, о своем здоровье. Я была очень расстроена, узнав от г. Вейерштрасса о том, что Вы также были больны.

4. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Гельсингфорс, 23 марта 1881

Сударыня!

Ваше милое и любезное письмо от 8 января² быстро дошло до меня, однако только сегодня я в состоянии написать ответ, который я Вам обещал в нескольких строках, посланных мною через г-жу Покровскую. Г-жа Покровская сообщила мне новость, преисполнившую меня радости, что Вы охотно приехали бы сюда в качестве «приват-доцента». Мне не хотелось отвечать на Ваше письмо прежде, чем я смогу дать отчет о результатах шагов, которые я предпринял для того, чтобы Вы были приглашены сюда в качестве такового. К несчастью, все мои усилия ни к чему не привели, и я предпочитаю попытаться объяснить Вам действительную причину, вместо того чтобы отыскивать предлоги, которые не были достаточно достойны ни Вас, ни меня.

Почти у всех здесь очень либеральные взгляды на положение женщины, и едва ли найдется хоть один профессор, который был бы против назначения здесь женщины на должность «приват-доцента» только потому, что она женщина. Что касается Вас, то все мои университетские друзья столь убеждены в Вашем исключительном таланте, что, без сомнения, Вы были бы приглашены сюда, если бы Вы были финкой или даже принадлежали к любой другой нации, кроме русской. Поэтому теперь трудности совсем иные. Как вы знаете, Финляндия не является русской провинцией, но самостоятельной отдельной страной, объединившейся с Россией, ее великим князем является русский император.

Наш университет имеет также очень хорошее и независимое положение, и здесь нет ни малейших следов пагубных движений³, которые наблюдаются в русских университетах. Поэтому ясно, что здесь не хотят ни в коем случае компрометировать это положение. Если же теперь Вы будете здесь, то вполне вероятно, что за Вами последуют многие учащиеся русские женщины, и невозможно гарантировать, что среди этих учениц не найдется случайно какой-нибудь, принадлежащей к революционной партии. Но такое явление могло бы создать нам большие трудности, которых мы никогда не имели бы с нашими соотечественниками. Вот единственная и действительная причина, почему будет невозможно еще несколько лет пригласить русскую женщину профессором в Гельсингфорсский университет.

Но г-жа Покровская сказала мне, что Вы согласны были бы занять официальное положение в любом университете, и я позволю себе поэтому просить Вас поручить мне предпринять некоторые шаги, чтобы доставить Вам такое положение. Я имею в виду новый университет, который будет открыт в Стокгольме⁴. Мне сообщили «по секрету», что меня собираются пригласить туда профессором математики — настоятельно прошу Вас никому пока не говорить об этом, — и я не сомневаюсь, что в Стокгольме мне легко удастся добиться того, чтобы Вас пригласили — для начала — «приват-доцентом».

Шведский язык не представит для Вас больших трудностей, а столица Швеции является одним из самых красивых городов Европы, где Вы найдете также обширный круг весьма достойных ученых. Там имеется Академия наук, организованная примерно так же, как в Петербурге⁵. Имеется большой медицинский факультет со многими знаменитыми профессорами⁶. Есть очень большая и очень хорошая Политехническая школа⁷, а теперь будет новый университет. Знаменитый астроном г-н Гюльден является хорошим математиком и г-н Хольмгрен, профессор Политехнической школы, также искусный математик. В Упсале — 2 часа от Стокгольма — есть большой университет с 1500 студентами⁸, и г-н Мальмстен, известный математик, живет там, будучи в отставке.

Две новые математические работы, о которых Вы мне сообщаете, интересуют меня живейшим образом. Я считаю, что Ваша работа над проблемой г. Золотарева⁹ должна представлять большой интерес, и я надеюсь, что Вы пожелаете опубликовать ее на французском или немецком языке, чтобы и другие математики, а не только русские, могли познакомиться с этими Вашими исследованиями.

Но другое открытие, о котором Вы мне сообщаете, относящееся к полному решению уравнения с частными производными, к которому приводят исследования о рефракции света в кристаллической среде¹⁰, в особенности вызвало мое восхищение. Надеюсь, что теперь Вы получили окончательный результат, и я жду с величайшим нетерпением обещанное Вами сообщение о нем.

Это верно, что уже ко времени моего посещения Петербурга¹¹ у меня были все результаты, опубликованные недавно г-ном Пикаром, относительно линейных дифференциальных уравнений и еще некоторые другие результаты. Но когда в августе я узнал от г. Вейерштрасса, что г. Пикар послал в журнал¹² работу о дифференциальных уравнениях¹³, в которой рассматривал, по крайней мере отчасти, те же вопросы, что и я, я решил подождать публикации г. Пикара. А теперь я должен еще подождать, так как имеются интересные исследования, относящиеся к этим вопросам, которые я предпочел бы закончить, прежде чем начать публиковать. Но у меня здесь так мало времени, чтобы заниматься чистой наукой. В этом году я был председателем нашего научного общества¹⁴, и это доставило мне много работы. В университете я также должен заниматься многими вещами, имеющими мало общего с наукой. И, наконец, как вы хорошо знаете, общественная жизнь в наших странах мало приспособлена для научной работы.

Г-жа Покровская умная девушка, работающая с большой энергией. Она изучила шведский язык с удивительной легкостью и очень быстро. Однако я еще не мог бы Вам сказать, есть ли у нее особые способности к математике и обладает ли она той пропитательностью ума, которая нужна, чтобы углубиться в эту науку. Впрочем, еще рано об этом судить. Она явилась в момент не очень благоприятный. Я еще осенью начал свой курс высшей алгебры, и вполне естественно, что она испытывает затруднения при изучении этого абстрактного предмета по очень кратким заметкам, которые я делаю перед каждой лекцией. Однако теперь у нее очень хороший учитель, который был раньше одним из лучших учеников г-на Шварца в Цюрихе¹⁵. Когда она этой осенью вернется в Гельсингфорс, то будет лучше подготовлена и, может быть, мы сможем начать изучение теории функций.

Г-н Эрмит печатает здесь и одновременно в журнале Борхардта работу¹⁶, в которой содержатся весьма замечательные вещи, имеющие отношение к двум последним работам г-на Вейерштрасса в «Monatsberichte» Берлинской академии¹⁷. Я надеюсь, что смогу прислать Вам оттиск через несколько дней.

Простите мне, сударыня, большое опоздание, с каким я отвечаю на Ваше письмо, и поверьте, что я в последний раз нарушаю свой долг отвечать Вам немедленно. В надежде, что Вы скоро почтите меня письмом, приношу Вам уверения в глубоком почтении Вашего преданного слуги.

Г. Миттаг-Леффлер.

5. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

(Берлин, почт. штемпель: 7/6 1881²)

Милостивый государь!

Извините меня, пожалуйста, за непростительную задержку поздравления по случаю Вашей помолвки³. Она вызвана главным образом тем, что г-жа Борхардт и я предполагали послать Вам наши поздравления совместно со всей семьей Вейерштрассов; но, как это часто бывает, если такие проекты не выполняются немедленно, проходил день за днем, а мы не подавали Вам никаких признаков жизни. Во всяком случае я надеюсь, милостивый государь, что Вы не припишете это молчание безразличию с моей стороны и будете добры поверить, что я питаю живой интерес ко всему, что Вас касается, и горячо желаю Вам найти в предстоящем союзе все то счастье, коего Вы, по моему убеждению, заслуживаете.

Г. Вейерштрасс сообщил мне некоторые подробности из Вашего письма к нему, касающиеся Ваших будущих планов. Вообще мы часто говорим с ним о Вас, потому что он также питает к Вам дружеские чувства⁴.

Что касается Ваших прекрасных планов относительно меня в Гельсингфорсе, то я должна признаться, милостивый государь, что я никогда в них серьезно не верила, хотя и очень желала их осуществления. Я не собираюсь возлагать слишком большие надежды и на Стокгольм; однако признаюсь, что я была бы в восторге, если бы мне представился случай применить свои математические знания к преподаванию в Высшей школе — обязанности профессора заключают в самих себе нечто благородное, что всегда сильно привлекало меня. Не говоря уже о том большом значении, какое обязанности доцента имели бы в моей жизни, я была бы в восторге открыть новую карьеру женщинам, и, конечно, изучение шведского языка не представило бы для меня непреодолимого препятствия. Но, повторяю, я не хочу слишком предаваться всем этим прекрасным проектам, которые, вероятно, будут иметь такую же судьбу, как большинство прекрасных проектов на земле.

В ожидании я много занимаюсь математикой. Я приехала в Берлин главным образом, чтобы посоветоваться с г. Вейерштрассом относительно некоторых деталей своей работы, о которой я написала Вам несколько слов в предыдущем письме, а также чтобы иметь возможность работать более спокойно, чем дома, где меня, естественно, отвлекают многочисленные другие заботы и обязанности, не имеющие никакого отношения к математике. Я думаю, что и Вы тоже, милостивый государь, находитесь сейчас в не совсем математическом настроении, и поэтому я не хочу больше говорить Вам ни о себе, ни о своих предполагаемых работах, ни тем более расспрашивать Вас о Ваших собственных трудах.

Очень прошу Вас рекомендовать меня м-ль Сигне и передать ей, что я буду в восторге, когда смогу в один прекрасный день познакомиться с ней. В ожидании этого Вы не сочтите меня нескромной, если я выскажу большое желание увидеть ее фотографию — желание, которое к тому же разделяется и большинством Ваших друзей в Берлине, особенно дамами.

Примите еще раз мои поздравления, милостивый государь, и будьте уверены в моих искренних чувствах уважения и дружбы.

Софья Ковалевская.

Смо-Даларё, «Даларё», Швеция, 19 июня 1881

Сударыня,

примите горячую благодарность за Ваше милое и любезное письмо из Берлина. Из-за моей поездки в Швецию я его получил только вчера, но поспешил тотчас же Вам ответить.

Новый Стокгольмский университет будет существовать с 1-го сентября сего года, к этому времени факультет точных наук будет вполне организован². Я приглашен ординарным профессором чистой математики и вступлю в свою новую должность 1-го сентября.

Ваше письмо позволяет мне надеяться, что Вы ничего не будете иметь против должности доцента или профессора на новом факультете. Но вот какие трудности. Прежде всего вначале едва ли смогут предложить Вам жалованье. У них пока еще очень мало денег, и я не могу рассчитывать получить еще одну кафедру по математике с определенным жалованьем до тех пор, пока не будет также организован гуманитарный факультет. Затем я не осмеливаюсь рекомендовать русскую женщину в качестве профессора до того, как проведу несколько месяцев в Стокгольме, и прежде чем мое собственное положение не станет там вполне надежным.

Но я уже говорил с некоторыми из моих друзей, среди них с г-ном Гюльденом и с известным физиологом г-ном Ретциусом — они крайне заинтересованы возможностью привлечь Вас в Стокгольм. Когда я этой осенью увижу г-на Мальмстена, то поговорю с ним, и я уверен, что он сделает все возможное, чтобы мне помочь. К началу будущего года, таким образом, я надеюсь иметь возможность рекомендовать Вас как доцента или экстраординарного профессора без жалованья, будучи заранее уверенным в успехе. Но в таком случае необходимо, чтобы Вы мне сказали, ~~по~~ возможности сейчас, действительно ли Вы хотите занять такую должность. Я хорошо знаю, как мало она достойна Вашего таланта, но приходится также считаться с глупыми предрассудками, которые царят в мире, и к тому же у Вас будет официальное положение и возможность преподавать публично высшую математику.

С языком у Вас не будет затруднений, и даже не будет необходимости изучать шведский язык, если Вы сами этого не захотите. Само собой разумеется, что Вы должны будете преподавать только высшую математику. У Вас будет немного учеников, но некоторые будут глубоко заинтересованы. Я не сомневаюсь, что Вы могли бы даже читать лекции по абелевым функциям.

Для меня же будет высшим счастьем иметь возможность привлечь Вас, как коллегу, в Стокгольм, и я не сомневаюсь, что если Вы будете в Стокгольме, то наш факультет будет одним из первых по математике во всем мире.

Я пишу сегодня м-ль Покровской, что я еду в Стокгольм, и советую ей последовать туда за мной. Я буду читать в следующем семестре теорию функций Вейерштрасса в очень пространном изложении.

Через несколько дней, надеюсь, у меня будут фотографии моей невесты, и тогда я позволю себе послать один экземпляр Вам и один г-же Борхардт. Тем временем прошу Вас благоволить принять мою собственную фотографию и передать от моего имени другой экземпляр г-же Борхардт, напомнив ей данное мне уже давно обещание — подарить мне свою.

Позвольте мне почтительно Вам напомнить, что Вы также дали мне такое обещание.

Передайте выражение моего глубокого почтения г-же Борхардт и барышням Вейерштрасс³. Имею честь быть Вашим преданным слугой

Гёста Миттаг-Леффлер.

Берлин, Белльвюштрассе, 12 (кв. проф. Гейдена) [июль 1881]²

Милостивый государь!

Оба Ваших милых письма (от 19 июня и от 3 июля)³ доставили мне большое удовольствие, и я очень благодарна Вам за присылку Вашей карточки и фотографии м-ль Линдфорс. Надеюсь, что Вы будете добры передать ей также мою горячую благодарность и высказать ей весь интерес и всю симпатию, внушаемые мне оригиналом портрета. В настоящую минуту у меня, к моему большому сожалению, нет ни одной моей фотографии, но я закажу их перед отъездом из Берлина, и, поверьте, Вы будете одним из первых, кому я позволяю себе послать их.

Благодарю Вас не менее горячо за участие, проявляемое Вами к моему возможному приглашению в Стокгольм, и за все Ваши хлопоты по этому делу. Со своей стороны могу Вас заверить, что, если мне будет предложена должность доцента, я приму ее от всего сердца. Я никогда не рассчитывала на какое-либо другое положение и должна признаться даже, что для начала я буду чувствовать себя гораздо менее смущенной и менее робкой, если мне просто предложат возможность приложить свои знания в области высшего образования и тем самым открыть женщинам доступ в университеты, который до сих пор им не разрешен, за исключением совершенно особых случаев и в виде особой милости. К тому же эта милость может быть отнята у них так же легко и произвольно, как это имело место в большинстве германских университетов. Не будучи особенно богатой, я все же имею средства, чтобы жить совершенно независимо. Таким образом, вопрос об окладе не оказывает никакого влияния на мое решение. Моей главной целью является — служить делу, которое мне очень дорого, и самой убедиться в то же время в возможности посвятить себя работе в среде людей, занимающихся тем же делом, что и я. Этого счастья я всегда была лишена; я лишена его и теперь — в России — и до сих пор могла пользоваться им только во время пребывания в Берлине.

Вот, милостивый государь, каковы мои чувства. Между тем, я считаю, что обязана сообщить Вам следующее: г. Вейерштрасс, насколько он может судить о положении вещей в Швеции, не считает возможным, чтобы Стокгольмский университет когда бы то ни было допустил женщину в число своих профессоров. Более того, он даже опасается, что если Вы будете чересчур настаивать на подобных нововведениях, то это может повредить Вашему собственному положению, так как, по его словам, у Вас хватает недоброжелателей, могущих повредить Вам, хотя бы только из зависти. Разумеется, то, что я здесь пишу Вам, предназначено только для Вас, и я прошу Вас хранить это в строгой тайне. Но с моей стороны было бы слишком эгоистично не сообщить Вам этих слов нашего дорогого учителя. Можете себе представить, как я была бы огорчена, если бы в конце концов только навредила Вам — человеку, который всегда проявлял ко мне столько внимания и готовности услужить мне и к которому я питаю столь искреннюю дружбу. Вследствие этого я думаю, что, пожалуй, будет более осторожно не предпринимать в данный момент никаких шагов и во всяком случае выждать полного окончания работ, которыми я сейчас занята. Если мне удастся закончить их так успешно, как я надеюсь и желаю, то во всяком случае это будет большой поддержкой в намеченной мною цели! В ожидании считаю себя обязанной просить Вас не только ничего не предпринимать, но и не слишком много говорить об этом, прежде чем Вы не убедитесь, что можете вполне рассчитывать на лиц, которые Вас окружают и от которых в значительной степени зависит сделать Ваше пребывание в Стокгольме приятным или неприятным.

Извините, милостивый государь, что я занимаю Вас собою и своими делами в момент, когда у Вас голова, без сомнения, занята совершенно другим. Я не жду от Вас сейчас длинных писем, но была бы рада, если бы Вы держали меня хоть немного в курсе Ваших дел, потому что, поверьте, я действительно принимаю большое участие во всем, что касается Вас.

Софья Ковалевская.

Турхолмен, близ Гельсингфорса,
15 июля 1881

Сударыня,

Ваше милое и дружеское письмо от 8 июля² преисполнило меня радостью. Теперь у меня есть Ваше обещание приехать в Стокгольм, если представится возможность. Я почти уверен, что такая возможность представится, в особенности если Вас удовлетворит вначале должность доцента. Новый университет провозгласил наиболее либеральные принципы, и положение женщин в Швеции совсем другое, чем в Германии. Имеется уже около двадцати женщин-студенток в университете Упсалы, а в новом Стокгольмском университете их будет у нас гораздо больше, я в этом убежден. В Швеции женщины могут сдавать те же экзамены, что и мужчины. Нечего опасаться, что у женщины могут отнять предоставленные ей однажды права. Швеция — свободная страна и не управляется, как Германия, министром-деспотом³. Правда, не совсем ясно, имеет ли женщина право стать профессором в старинных университетах Упсалы и Лунда, но до сих пор не появлялось такой женщины. В Стокгольме женщина будет иметь это право. Но сейчас университетом руководят люди малообразованные, которые, к тому же, не особенно меня любят, и которые, возможно, будут чинить препоны, когда зайдет речь о практической реализации провозглашенных принципов. Но профессора будут за меня, и я не сомневаюсь, что Вы получите к началу будущего года «Ruf»^{2*} на должность доцента Стокгольмского университета. Не сомневаюсь также, что Вы будете очень довольны Вашим положением.

Вас примут с самой большой симпатией, и у Вас будут ученики-энтузиасты. Теории Вейерштрасса обладают способностью заинтересовать и захватить глубочайшим образом. Я убедился в этом в Финляндии, где меня принимали вначале с таким недоверием и где я оставляю теперь по меньшей мере дюжину учеников, воодушевленных величием нашей науки и проникнутых желанием посвятить свою жизнь изучению математики. Я сделаю также все возможное, чтобы подготовить для Вас почву в Стокгольме. Я прочту вначале введение в теорию функций по Вейерштрассу, но в более подробном изложении, чем у него. Я считаю, что необходимо хорошо овладеть основами, тогда в дальнейшем все идет легко. Студенты в Стокгольме не так хорошо подготовлены, как в Берлине. После этого введения я прочитаю теорию функций, а потом можно будет читать все что угодно. Когда Вы думаете напечатать исследования, которыми Вы сейчас занимаетесь? Я надеюсь, что Вы напечатаете что-либо по этому вопросу в ближайшее время.

Моя невеста просит передать Вам привет с чувством глубокого уважения и сказать Вам, с каким удовольствием она встретит Ваше появление в Стокгольме. Она с нетерпением ожидает Вашу фотографию.

Поверьте, сударыня, я очень тронут тем участием, какое Вы проявляете к моей будущности в Стокгольме, но, во-первых, я думаю, что г-н Вейерштрасс, по своей доброте ко мне, несколько преувеличил трудности, которые я должен буду преодолеть в вопросе Вашего приглашения, а во-вторых, я никогда не боюсь трудностей, когда работаю, как здесь, для научной цели самого высокого значения. Будьте любезны передать мои чувства глубокого уважения и величайшей преданности нашему дорогому и великому учителю и мой привет г-же Борхардт и барышням Вейерштрасс. Примите уверение в моем глубоком уважении, с которым имею честь быть Вашим преданным другом.

Г. Миттаг-Леффлер.

^{2*} Вызов, приглашение (нем.).

Берлин, Шеллингштрассе, 16; 21 ноября 1881 ²

Милостивый государь!

Мне не остается ничего иного, как начать письмо с выражения моей глубокой и искренней благодарности за участие, которое Вы проявляете ко мне и которое трогает меня куда сильнее, чем я могла бы сказать Вам. Простите, что я потратила целую неделю, чтобы ответить на два Ваших последних письма. Содержание их было настолько серьезным, что этого времени едва хватило на его обдумывание. Я очень счастлива, что Ваши письма застали меня в Берлине, потому что таким образом я смогла непосредственно посоветоваться с г. Вейерштрассом и руководствоваться мнением нашего учителя. Вы знаете, конечно, так же хорошо, как и я, какие чувства благодарности и дружбы привязывают меня к Вейерштрассу и какое участие он всегда принимает во всем, что касается меня. Поэтому Вы можете быть уверены, что в таком серьезном деле я вполне последую его совету. В этом вопросе он держится следующего мнения: он полагает, что появление женщины в качестве доцента на университетской кафедре представляет собой настолько серьезный шаг, могущий иметь столь серьезные последствия для цели, которой я главным образом хочу служить, что я не имею права решиться на него, пока своими чисто научными трудами не докажу, на что я способна. Поэтому г. Вейерштрасс считает совершенно необходимым, чтобы я сначала закончила исследования, которыми я занята теперь и которым посвятила уже около года. До их окончания я должна не отвлекаться ничем иным и не брать на себя столь серьезных обязанностей, как те, которые Вы мне предлагаете. Должна признаться, что я нахожу доводы г. Вейерштрасса столь убедительными, что не могу сделать ничего иного, как последовать им. Таким образом, Вы видите, милостивый государь, что мое вступление в должность этой зимой, к сожалению, совершенно неосуществимо. Но повторяю, по окончании моих исследований я была бы очень счастлива, если бы Вы снова взяли это дело в свои руки.

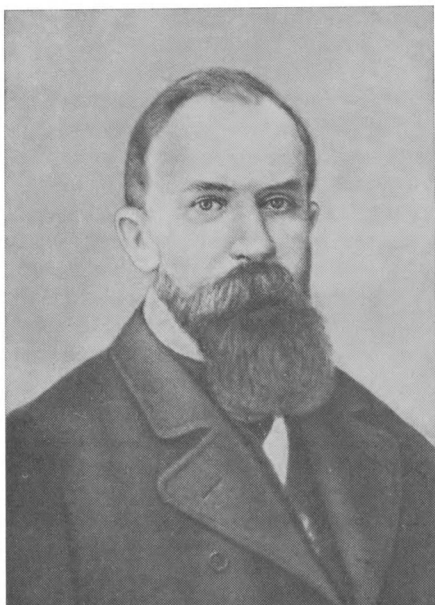
Теперь, если Вы позволите, я расскажу Вам о работах, которые меня занимают. Прошлой осенью я начала работу по интегрированию дифференциальных уравнений в частных производных, которые встречаются в оптике в вопросе о рефракции света в кристаллической среде ³. Это исследование уже достаточно продвинулось вперед, когда я возымела слабость позволить себе отвлечься работой над другим вопросом, который вертелся у меня в голове почти с самого начала моих математических занятий, и я опасалась одно время, что другие исследователи опередили меня. Речь идет о решении общего случая вращения тяжелого тела вокруг неподвижной точки при помощи абелевых функций ⁴. Г. Вейерштрасс когда-то уже предлагал мне заняться этой задачей, но тогда все мои попытки оказались бесплодными, и даже исследования самого г. Вейерштрасса показали, что дифференциальные уравнения этой задачи не могут быть удовлетворены однозначными функциями времени. Этот результат заставил меня в то время оставить этот вопрос. Но впоследствии превосходные, еще не опубликованные исследования нашего учителя относительно условий устойчивости системы мира, и аналогия с другими задачами динамики снова оживили мой пыл и пробудили во мне надежду решить эту задачу при помощи абелевых функций, аргументы которых не являются линейными функциями времени. Эти исследования показали мне настолько интересными и прекрасными, что я на время забыла все остальное и предалась им со всей горячностью, на какую я только способна. Путь, которым я следовала, заключался в том, чтобы переменные данной задачи выразить в θ -функциях от двух [независимых] переменных, которые при некоторых значениях констант приводятся к эллиптическим θ , к которым мы приходим в частном случае Лагранжа. Далее я старалась выбрать их таким образом, чтобы можно было проинтегрировать дифференциальные уравнения в функциях от этих θ и времени.

Софья Васильевна Ковалевская
(1878)

Вычисления, к которым я пришла, пользуясь этим способом, оказались настолько неприятными и сложными, что я еще не могу пока сказать, достигну ли я этим путем желанной цели. Во всяком случае в течение самое большее двух-трех недель я надеюсь узнать, что мне с этим делать, и г. Вейерштрасс утешает меня, что даже в худшем случае я могу всегда обратить задачу и постараться определить, под влиянием каких сил получается вращение, переменные которого могут быть выражены в абелевых функциях,— задача, правда, довольно тощая и далеко не представляющая такого же интереса, как та, которую я себе поставила. Однако в случае неудачи я должна буду удовольствоваться ею, базируясь на примере г. Неймана, выбравшего аналогичную задачу для своей диссертации на степень доктора⁵. Вот, милостивый государь, в каком состоянии мои дела. Попрошу Вас только рассматривать все, что я написала, как совершенно конфиденциальное и хранить только для себя. Не будучи уверена в успехе, я не хотела бы, чтобы об этом говорили лица, не принадлежащие к моим друзьям.

При проезде через Петербург я имела случай повидать г. Чебышева и иметь с ним продолжительную беседу. К моему большому удивлению, а также к моему большому удовольствию я нашла его изменившимся во многих отношениях. Он с уважением говорит о берлинской школе и выражает очень большое восхищение Вами лично, милостивый государь. Он доверил мне даже, что попытается предложить Вас на вакансию в С.-Петербургскую академию, но опасается натолкнуться на значительные препятствия на своем пути. Нет необходимости говорить Вам, что

Владимир Онуфриевич Ковалевский
(1842—1883)

это сообщение также конфиденциально. Здесь среди слушателей г. Вейерштрасса есть молодой русский⁶, который был также послан сюда специально г. Чебышевым. Разве это не большая перемена!

Так как я намереваюсь скоро опять написать Вам, то откладываю до следующего письма изложение мнения Вейерштрасса о новой работе г. Пикара⁷, но заранее предупреждаю, что мне не удалось добиться от него большого красноречия по этому поводу.

В ожидании я надеюсь, что Вы также в скором времени сообщите мне Ваши новости, и прошу Вас верить действительной и искренней дружбе, которую я питаю к Вам, милостивый государь.

Софья Ковалевская.

Как жаль, что обстоятельства и дальность расстояния не позволяют мне надеяться скоро увидеть Вас. Мне так хотелось бы доброй продолжительной математической беседы с Вами. Я забыла сказать Вам, что в Москве

я видела м-ль Покровскую. Должна признаться, что как она, так и ее родители очень упали духом. Трудности языка в соединении с затруднениями, осаждающими каждого начинающего при переходе от гимназического курса к изучению высшего анализа, произвели на нее совершенно угнетающее впечатление. После продолжительного разговора с ней я сочла наиболее осторожным посоветовать ей провести эту зиму в Москве, где она занимается анализом и геометрией под руководством довольно хороших учителей; будущей зимой она твердо намерена вернуться в Стокгольм.

Еще раз прощайте.

С. К.

10. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Стокгольм, 25 февраля 1882

Сударыня!

Прежде всего извините меня, пожалуйста, за то, что я так долго откладывал ответ на Ваше письмо: я выехал в Финляндию в тот самый день, когда получил его, и вернулся лишь в конце января. Затем мои лекции задали мне много работы, и я был очень занят поисками квартиры, мебели и т. д. Я читаю три часа в неделю теорию эллиптических функций. У меня от 20 до 25 учеников, которые почти все являются «кандидатами философии» или докторами и раньше обучались в университетах Упсалы или Гельсингфорса. Все они, а может быть, и еще большее число станут Вашими учениками, когда Вы пожелаете прийти сюда.

Я вполне понимаю причины, по которым Вы решили не приезжать сюда до окончания важных исследований, которые занимают Вас в настоящее время. Но я надеюсь, что Вы скоро доведете Ваши исследования до счастливого конца, и я твердо рассчитываю на Ваше доброе обещание предоставить себя тогда в распоряжение нашего университета.

Я хорошо знаю, что Вам сделают предложения, почетные и достойные Вашего таланта, почти во всех странах, но надеюсь, однако, что Вы не забудете, что мы являемся первыми, кому пришла в голову мысль использовать Ваши способности и Ваши обширные знания. А тот, кто

приходит первым, должен иметь наилучшие шансы,— не находите ли Вы, что это справедливо?

Я Вам глубоко благодарен за отчет, который Вы мне пожелали дать о Ваших важных работах, и я поздравляю Вас от всего сердца с прекрасными результатами, которые Вы уже получили, и надеюсь, что Вы достигнете высокой цели, к которой Вы себя подготовили.

Г. Эрмит, Пикар и Пуанкаре не оставляют меня в покое, пока я не сообщу им о моих исследованиях относительно однозначных функций, особенности которых образуют бесконечное множество первого рода — по терминологии Кантора². Эти исследования идут, впрочем, еще дальше и имеют приложения, которые мне кажутся интересными, в теории линейных уравнений. Я начал публиковать некоторые статьи об этом в «Comptes rendus»³, а скоро опубликую и другие, более важные. Я бы предпочел подождать и написать мемуар для журнала г. Вейерштрасса⁴, но у меня нет достаточного досуга, чтобы написать большой мемуар, а если я не опубликую в ближайшее время хотя бы некоторые из моих результатов, то меня, вероятно, опередят Пикар или Пуанкаре, которые уже достаточно знают эти вещи.

Хотите ли Вы, сударыня, оказать мне большую услугу? Будьте добры спросить от моего имени г. Вейерштрасса, нет ли у него оттиска его статьи из «Berliner Monatsberichte» за февраль 1881⁵, и если есть, то будьте так добры прислать мне экземпляр. Он там говорит о ряде г-на Таннери⁶.

Я женюсь в середине мая, вероятно, 14 мая. Потом мы думаем поехать прямо в Париж и в Бретань, чтобы провести там несколько недель.

На обратном пути, в середине или в конце июля, мы думаем проехать через Берлин, где я надеюсь иметь удовольствие представить Вам свою жену.

Не откажите в любезности, сударыня, напомнить обо мне г-же Борхардт и барышням Вейерштрасс, будьте добры почтительно поблагодарить от моего имени г-жу Борхардт за прелестное и милое письмо, которое она имела любезность мне написать, и передайте свидетельства глубокой признательности и беспрдельного уважения нашему великому учителю, о чем просит Вас почтительно и с искренним восхищением перед Вашим талантом

Ваш преданный слуга
Г. Миттаг-Леффлер.

11. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж, ул. Вожирар, 11, 18 октября 1882²

Милостивый государь!

Я проявила очень большую смелость в отношении Вас, послав Вам телеграмму³ с просьбой оказать мне большую услугу и выдать 100 франков одному из моих друзей по его прибытии в Стокгольм. Но случай был очень срочный, и я подумала, что Вы извините меня за то, что я прибегла таким образом к Вашим дружеским чувствам. Г. Перотт, тоже математик, должен был очень срочно покинуть Россию по причинам весьма важным, но не политического характера. Я получила от него телеграмму, в которой он сообщал, что приедет в Стокгольм на пароходе «Норра Свериге», и просил выслать ему деньги телеграфом. Я не могла этого сделать, потому что здешний телеграф не принимает денег, адресованных в Швецию, и ни один банкир не соглашался взять на себя пересылку такой незначительной суммы телеграфом. Мне не оставалось ничего другого, как прибегнуть к Вашему содействию, милостивый государь. Я так боюсь, чтобы Вы не сочли меня нескромной и чтобы моя просьба не причинила Вам хлопот.

Я очень спешу послать Вам это письмо, чтобы объяснить свою телеграмму и немного извинить ее в Ваших глазах. Поэтому сегодня я не буду говорить Вам ни о чем другом. Я предполагаю написать Вам в ско-

ром времени очень длинное и более подробное письмо. Несколько дней тому назад я получила от г. Молька краткое изложение доказательства, которое г. Вейерштрасс дает теореме Линдемана⁴, с просьбой по прочтении передать его Вам. К сожалению, г. Мольк, который, по-видимому, очень рассеян, прислал мне только начало и конец статьи, а вся средняя часть отсутствовала. К несчастью, я не знаю его адреса и не могу попросить его исправить эту небольшую оплошность. Я решила, что не стоит посылать Вам отдельные листки, которыми нельзя воспользоваться. Когда я увижу г. Молька, я попрошу его дать мне недостающие страницы и пошлю Вам все целиком.

Примите выражение самых искренних дружеских чувств, милостивый государь, и будьте добры передать мой привет г-же Миттаг⁵. Преданная Вам

Софья Ковалевская.

12. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Одесса, 28 августа 1883²

Милостивый государь!

Наконец мне удалось закончить одну из двух работ, которыми я была занята последние два года. Моим первым желанием после того, как я пришла к удовлетворительному результату, было сообщить его Вам. Но г. Вейерштрасс со своей обычной добротой взял на себя труд уведомить Вас о результате моих исследований раньше, чем они будут изложены таким образом, чтобы их можно было напечатать. Я только что получила от него письмо, где он сообщает мне, что уже написал Вам по этому поводу и что Вы со своей стороны, милостивый государь, ответили ему, проявляя при этом свою обычную благожелательность ко мне и предлагая мне, как только это будет для меня возможно, приехать в Стокгольм, чтобы начать там частный курс лекций (*privatissime*). Я не могу передать, милостивый государь, как я Вам благодарна за дружеское отношение, которое Вы всегда проявляли ко мне, и как я счастлива, что скоро смогу вступить на путь, который всегда был предметом моих самых дорогих желаний. Однако я не должна скрывать от Вас, что во многих отношениях я чувствую себя еще очень мало подготовленной к выполнению обязанностей доцента, и порою я даже начинаю настолько сомневаться в себе, что опасаясь, как бы Вы, милостивый государь, всегда судивший обо мне с такой благожелательностью, не слишком разочаровались, когда Вы ближе увидите, на что я способна.

Я так признательна Стокгольмскому университету, который первым из всех европейских университетов пожелал открыть мне свои двери, что я заранее готова привязаться к Стокгольму и к Швеции, как к родной стране, и я надеюсь, что, прибыв туда, я останусь там на долгие годы и найду там вторую родину. Но именно по этой причине я хотела бы приехать в Стокгольм только тогда, когда почувствую себя достойной хорошего мнения, которое Вы имеете обо мне, и когда я смогу надеяться произвести там благоприятное впечатление. Сегодня я даже написала³ Вейерштрассу, чтобы спросить у него, не находит ли он более благоразумным, если я еще два или три месяца проведу около него, чтобы лучше впитать его идеи и чтобы заполнить пробелы, которые еще могут быть в моем математическом образовании⁴. Не знаю, милостивый государь, сообщил ли Вам Вейерштрасс о попытках, предпринятых им в этом году, чтобы получить отпуск зимой. Он еще не получил ответа министра, и потому его собственные планы еще не установлены окончательно; но в случае если г. Вейерштрасс вернется в Берлин к концу октября, то, может быть, мне следует провести два месяца — ноябрь и декабрь — в Берлине и приехать в Стокгольм только к 1-му января 1884 г. Два месяца, проведенные в Берлине, будут мне чрезвычайно полезны во всех отношениях, потому что, с одной стороны, я смогу спросить Вейерштрасса о многих пунктах его теорий, еще не настолько ясных для меня, что-

бы я осмелилась их преподносить; с другой стороны, я имела бы контакты с молодыми математиками, завершающими здесь свои занятия или начинающими свою карьеру доцента. С некоторыми из них я довольно близко сошлась во время последнего пребывания в Берлине. Я могла бы даже договориться с двумя или тремя из них о том, чтобы взаимно обмениваться математическими сообщениями. Я, например, взяла бы на себя изложить им теорию преобразования абелевых функций, которую они не знают и которую я изучила более основательно⁵. Это дало бы мне возможность попрактиковаться в чтении лекций, чего я была совершенно лишена до сих пор, и тогда я в январе приехала бы в Стокгольм гораздо более уверенной в себе. Но все это зависит от г. Вейерштрасса. Если он не вернется в Берлин, то для меня, конечно, бесполезно ехать туда, и в этом случае я приеду в Стокгольм, как только получу возможность оставить Россию, и я постараюсь как можно лучше делать все, на что я способна. Я буду рассчитывать именно на Вас, милостивый государь, на Ваши добрые советы и на Вашу поддержку, которые придадут мне мужество взяться за столь новое для меня дело. Во всяком случае я должна провести еще две или три недели в России, чтобы устроить свои личные дела. К несчастью, мне будет совершенно невозможно работать в это время, которое я постараюсь по возможности сократить. Я решила избрать предметом моего курса лекций в Стокгольме теорию линейных дифференциальных уравнений. Я начала бы с доказательства, что каждая система дифференциальных уравнений обладает вблизи не критической точки системой правильных интегралов (как это излагает Вейерштрасс). Далее я изложила бы исследования Фукса, Таннери и Пуанкаре относительно линейных дифференциальных уравнений. Я довольно хорошо знаю литературу по этому вопросу. Думаете ли Вы, что мой выбор хорош для начала? Или же Вы посоветуете мне взять что-нибудь другое?

Я с нетерпением буду ждать Вашего ответа на мое письмо, милостивый государь, и прошу Вас адресовать его в Одессу, Разумовская ул., д. № 7, г-же Софье Ковалевской. Если же Вам слишком трудно копировать русские буквы, то Вы можете просто адресовать письмо в университет профессору зоологии Ковалевскому для передачи и т. д. Только в этом случае письмо может быть доставлено мне одним или двумя днями позже.

На прошлой неделе здесь в Одессе состоялся съезд естествоиспытателей и математиков⁶, вроде Петербургского съезда, на котором я имела удовольствие видеть Вас, милостивый государь. К сожалению, на этот раз математическая секция имела очень мало представителей. Ни Чебышев, ни другие петербургские и московские профессора не приехали. Присутствовал только один более или менее выдающийся математик, именно, г. Ермаков из Киева, исследования которого о сходимости рядов Вам, может быть, известны⁷. Я также воспользовалась этим случаем, чтобы сообщить о результатах своих последних исследований⁸. Мне пришлось говорить довольно долго и довольно пространно, так как надо было изложить весь метод, которым я пользовалась. К тому же моя аудитория состояла не столько из математиков, сколько из физиков⁹, для которых наиболее интересная часть моих исследований заключалась в том, что в рассматриваемом случае они позволяют отбросить гипотезу о невесомом эфире и рассматривать только колебания материальной среды с абсолютно произвольными плотностью и расположением точек.

Прошу Вас, милостивый государь, передать мой самый сердечный привет Вашей супруге. Примите выражение моего полнейшего уважения. Преданная Вам

Софья Ковалевская.

В случае, если г. Вейерштрасс еще ничего не сообщил Вам о своих проектах, я очень прошу Вас, милостивый государь, никому не говорить о них.

Стокгольм, 19 сентября 1883

Сударыня!

Примите мою горячую благодарность за Ваше милое письмо от 28 августа². Письмо я получил по моем возвращении из Финляндии и с большой радостью вижу, что Вы теперь серьезно думаете о нашем плане Вашего устройства в качестве профессора в Стокгольмском университете.

Я нахожу вполне естественным Ваше желание провести еще несколько месяцев вблизи г. Вейерштрасса в Берлине. Я сам был бы чрезвычайно счастлив, если бы это было возможно и для меня.

Если г. Вейерштрасс на этот семестр вернется в Берлин, то условимся, что Вы приедете сюда только в начале будущего года. Но я нахожу, что было бы невозможно такому человеку, как Вейерштрасс, отказать в отпуске, который он просит, а посему, вероятнее всего, он этой осенью в Берлин не вернется. В этом случае я жду Вас здесь возможно раньше и как только Вы устроите свои дела в России.

Но напишите мне, что Вы желаете, чтобы я предпринял для Вашего устройства здесь. Приедете ли Вы сначала одна или возьмете с собой свою девочку³? Не считаете ли Вы, что для начала было бы лучше устроиться на пансион в какой-нибудь семье? Таким образом Вы быстро и легко освоите язык. Для Вас одной пансион и комната обойдутся самое большее 150 крон в месяц (1 крона = 1,10 германск. марок).

Если с Вами будет Ваша дочь и другие лица, то Вы сможете устроиться и дешевле. Но не исключена возможность найти для Вас пансион за 100 крон в месяц. Только, если Вы заплатите немного дороже, то можно найти семью более приличную, что для начала было бы для Вас желательным.

Я приношу Вам свои искренние поздравления по поводу сделанного Вами замечательного открытия и с нетерпением жду более подробных сведений, чем те, которые дал мне Вейерштрасс. Это будет небывалая до сих пор «Inaugural Dissertation»⁴.

Что касается чтения курса о линейных дифференциальных уравнениях, то неудобство в том, что я уже такой курс объявил. Я заканчиваю сейчас одну главу из теории функций, после чего перейду к теории дифференциальных уравнений приблизительно тем же способом, какой указываете Вы. Поэтому я предлагаю Вам читать, например, о дифференциальных уравнениях с частными производными в духе Вашего мемуара⁵. Вы изложите содержание последнего и в то же время то, что есть нового по этому вопросу в мемуаре Пуанкаре⁶. После [Конец письма нет].

Москва, 1 октября 1883

Милостивый государь!

Сегодня я получила Ваше милое письмо от 19 сентября². Не знаю, как получилось, что оно так долго шло ко мне, тем более что Вы совершенно верно написали русский адрес. Примерно неделю тому назад я уже получила открытку³, в которой Вы сообщали, что послали мне подробное письмо по данному мною адресу. Я уже была в величайшем беспокойстве, что это письмо, которое я ожидала с таким нетерпением, затерялось, как это, к сожалению, часто случается в России. Сегодня, наконец, я его получила и спешу поблагодарить Вас за все то доброе и любезное, что Вы высказываете мне. Ваше предложение выбрать предмет моего курса уравнения в частных производных вместо обыкновенных дифференциальных уравнений подходит мне во всех отношениях. Мне, действительно, будет бесконечно легче читать лекции о первых, которыми я специально занималась. С другой стороны, я буду иметь удовольствие слушать Ваш курс о линейных дифференциальных уравнениях и беседовать с Вами по этому вопросу, который меня живейшим образом

интересует и привлекает. Поэтому я чрезвычайно довольна предлагаемой Вами заменой, лишь бы мне удалось заинтересовать своих будущих слушателей!

Я еще не получила окончательных известий от г. Вейерштрасса. Во всяком случае я, подобно Вам, думаю, что более чем вероятно, что этой зимой он не вернется в Берлин. Поэтому я надеюсь приехать в Стокгольм тотчас же, как мне удастся вырваться отсюда⁴.

Так как в начале моей новой карьеры мне необходимо будет сосредоточить все свои силы на одном пункте, не отвлекаясь никакими посторонними занятиями, то я решила оставить свою маленькую дочь еще на эту зиму в России у ее крестной матери⁵ и приехать в Стокгольм совершенно одной. Я Вам очень благодарна за Ваше предложение пайти для меня пансион в приличном семействе и принимаю его с большой благодарностью. Сроки, указанные в Вашем письме, мне вполне подходят, но, к сожалению, мне еще невозможно точно указать дату моего прибытия. Я надеюсь выехать из Москвы через неделю, но придется еще дней на десять остановиться в Петербурге. Дела, задерживающие меня здесь, в сущности, очень просты и должны были бы быть давно устроены. Но, по несчастной русской привычке постоянно медлить, меня убаюкивают хорошими словами и откладывают мои дела со дня на день. Что же поделаешь? Надо утешаться мыслью, что все имеет свой конец. Во всяком случае я напишу Вам сразу же по прибытии в Петербург, и я была бы очень счастлива, если бы по моем приезде туда нашла несколько слов от Вас по адресу: Васильевский остров, 1-я линия, д. № 12, г-же Софье Шуберт, для передачи мне. Еще раз выражаю Вам самую искреннюю благодарность и остаюсь преданная Вам

Софья Ковалевская.

15. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Петербург], суббота, 29 октября 1883
10 ноября

Милостивый государь!

Я только что приехала в Петербург, где нашла Ваше милое письмо². Я не знаю, как благодарить Вас, Вас и всю Вашу любезную семью за предложение поместить меня на пансион к Вашим родственникам. Конечно, я с радостью принимаю его. Я думаю выехать из Петербурга в будущую пятницу и поеду по железной дороге до Або, а оттуда на пароходе «Константин» в Стокгольм. Я воспользуюсь Вашим позволением телеграфировать Вам о моем отъезде из Або, так как действительно, не зная языка, я окажусь в очень затруднительном положении по моем прибытии в Стокгольм, если Вы мне не придете на помощь.

Конечно, я буду чрезвычайно обязана Вашей супруге и Вашей сестре, если они будут так добры взять для меня напрокат необходимую мебель для комнаты, о которой Вы мне пишете. Я бы предпочла взять напрокат, а не покупать мебель, потому что после больших затрат, сделанных мною в России, мне в данный момент было бы неудобно израсходовать более или менее крупную сумму. Я всегда могу купить мебель позднее, если она мне подойдет.

Извините меня, милостивый государь, за мое сегодняшнее столь короткое и бессвязное письмо. Я остановилась у сестры³, которая тоже в Петербурге, и сейчас около меня находится мой племянник⁴ и два его приятеля, которые непрерывно разговаривают со мной и не дают мне связать две мысли подряд.

Будьте любезны передать мой привет и мою благодарность Вашей жене и всей Вашей семье, особенно Вашей сестре, о которой я уже слышала так много хорошего и с которой я мечтаю познакомиться. Моя сестра и зять⁵ просят напомнить Вам о них.

Искренне преданная Вам
Софья Ковалевская.

16. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Телеграмма из Петербурга 11/XI 1883
Стокгольм. Университет. Миттаг-Леффлеру.

Я выезжаю из Петербурга в пятницу ². Письмо послано.

Ковалевская.

17. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Телеграмма из Ханко 17/XI 1883
Стокгольм. Профессору Миттаг-Леффлеру. Университет.

Приеду с пароходом «Экспресс».

Ковалевская.

1884

18. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

Стокгольм, 3 января [1884]

Любезная г-жа Ковалевская!

Катар мой все еще не прошел и повлек за собой бессонницу, которая лишила меня всякой работоспособности. Из-за катара я к тому же сижу пока дома и поэтому и не давал о себе знать эти дни.

Завтра придет к Вам фру Пальме, чтобы пригласить Вас на их первый большой прием в следующий четверг. Я советовал бы Вам принять приглашение. Там Вы познакомитесь со многими интересными для Вас людьми. Мы там будем, моя сестра ² и мой зять ³ тоже. Собираются поздно, не ранее ¹/₂ 9-го, так что Вы не потеряете много времени.

С почтением
Гёста Миттаг-Леффлер.

19. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Стокгольм, 10 января 1884]

Сударь!

Извините меня, пожалуйста, за то, что я до сих пор не доставила Вам мемуар г. Шеффера ²: я совсем забыла о нем.

Вчера я получила очень забавное письмо от г. Кронекера ³, в котором он обращается ко мне как к «уважаемой г-же коллеге». Если Вам это интересно, Вы можете прочесть его: в нем идет речь о Вас, о Вашем журнале ⁴ и о Канторе ⁵.

Как Ваше здоровье?

Преданная Вам
Софья Ков[алевская].

20. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Стокгольм, после 3 февраля 1884]

Милостивый государь!

Будьте так добры просмотреть мою завтрашнюю лекцию. Я надеюсь, однако, что Вы сможете вернуть ее мне завтра не позднее полудня, чтобы у меня было время еще раз пробежать ее самой. Я посылаю Вам только начало. Затем идет историческая часть, которую я заимствую из Вашего курса, сократив ее немного.

Извините за причиняемое затруднение.

Преданная С. К.

Я получила также письмо от Фукса². Возможно, что мы поговорим о лицах, которым нужно послать адрес³. Но когда? Завтра вечером, может быть? Вы придете на мою лекцию? Я очень хотела бы, чтобы Вы пришли в первый раз.

21. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[без даты]

Бьерлинг, Бьеркнес, Цейтен, Зейдель, Шоттки, Шварц, Пикар, Меллин, Ли, Гурвиц, Клейн, Фробениус, Шеринг, Пуанкаре, Дарбу, Альфан, Киперт, Эрмит, Мальмстен, Кёнигсбергер, Кнезер, Рудин, Дауг, Кантор, Дюбуа-Реймон, Баклунд, Брунс, Аппель².

22. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Стокгольм] 13.2.1884

Сударыня,

Будучи очень усталым в это утро, я забыл с Вами поговорить об одном важном деле. Ваша заметка², которая была отправлена г-ну Эрмиту, была доложена в Институте в прошлый четверг. В нашей Академии сегодня вечером состоится заседание, и совершенно необходимо — чтобы соблюсти приличия (*comme affaire de convenance*), — чтобы Ваша заметка была доложена и здесь. Поэтому я прошу Вас прислать аннотацию этой заметки, которую, я надеюсь, Вы сохранили у себя, и указать мне заглавие. Если у Вас нет аннотации, то сообщите мне только заглавие, и я дам заметку через несколько дней. Я считаю, что заметка должна быть напечатана здесь на шведском языке. Я ее переведу для Вас³.

Мне нет необходимости иметь сегодня же окончательную редакцию. Мне нужно заглавие, и если это возможно, какая-нибудь аннотация, чтобы я мог объяснить в нескольких словах содержание заметки.

Простите мне мою забывчивость.

Глубоко преданный Вам

Г. Миттаг-Леффлер.

23. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Петербург, 29 апреля 1884

Милостивый государь!

Я не преувеличиваю, говоря, что Ваше доброе и милое письмо было для меня как солнечный луч. По приезде сюда я узнала столько дурных новостей и могу сообщить Вам так мало хорошего, что я до сих пор не могла решиться написать Вам. Единственным приятным моментом после моего приезда в Россию был тот, когда мне вручили Ваше письмо. Вы не можете себе представить, насколько все печально сейчас в Петербурге!² Кажется, что все находится под гнетом дурного сна и действуют диаметрально противоположно здравому смыслу!

Я дважды виделась с Чебышевым, но безрезультатно. Он тоже в отвратительном настроении. Я никогда не видела его таким неприятным и озлобленным. Одна из причин такого состояния в том, что Эрмит, как предполагает Ч[ебышев], голосовал против него на выборах в Римскую академию. Все же Ч[ебышев] был избран³, но теперь он утверждает, что не знает французского языка (на котором говорит великолепно), и выдвинул это причиной того, почему он не отвечает на Ваше письмо. <...>

У меня нет никакой надежды, что он что-нибудь сделает для «Acta»⁴. По этому поводу он высказал мне массу глупостей: отвлеченная математика, «туманная», по его выражению, совершенно бесполезна, и его совесть не позволяет ему высказываться в пользу «Acta», кроме того, попытка заинтересовать правительство в издании чисто научного журнала явилась бы выпадом против либерализма. Каждый русский должен

*Юлия Всеволодовна Лермонтова
(1846—1919)*

быть против «Акта», в которых Финляндия была названа северным государством, независимым от России, и еще много других подобных глупостей.

Что касается полученного Вами ордена, то Вы действительно им обязаны Чебышеву; по крайпей мере он говорил, что сделал о Вас длинный доклад, и хвалился, что если бы Вы хотели, он мог бы добыть Вам десяток других, но что это не мешает ему все же считать, что вся наша математика ничего не стоит. Я никогда не видела Чебышева в таком плохом настроении, как сейчас. Через 2 недели он уезжает в свое имение и не вернется в Петербург до августа. Может быть, тогда он окажется в лучшем настроении; с ним ни за что нельзя поручиться!

Что касается моих личных дел, то они тоже нехороши. Господин, о котором я Вам писала, охотно взялся за ведение моих дел, но я сомневаюсь, чтобы ему удалось что-либо сделать.

Подумайте только, что опекун навязан-

ный нам, воспользовался нашим отсутствием этой зимой, чтобы сдать дом в аренду на 10 лет на условиях, до смешного невыгодных для меня. Он не предупредил меня об этом, и я могла бы, пожалуй, подать на него жалобу; но хуже всего то, что он так ловко впутал во все это имя моего брата⁵, что именно он оказался бы наиболее скомпрометированным в этом случае.

С тех пор, как я нахожусь здесь, каждый день приносит какое-либо новое неприятное открытие. Во всяком случае я лично ничего не могу поделать; самое лучшее — это поскорее уехать и снова вернуться к математике. Мне кажется, что уже целый век прошел с тех пор, как я уехала из Стокгольма. Никогда в жизни я не сумею выразить и доказать Вам всю благодарность и всю ту дружбу, какие я к Вам питаю. Мне кажется, что я нашла в Швеции новую родину и новую семью, и это как раз в тот момент моей жизни, когда я особенно в этом нуждалась.

Я очень огорчена, что мне приходится отказаться от надежды увидеться с Вами этим летом в Берлине, но я приложу все усилия к тому, чтобы выполнить Ваши планы относительно «Акта». Надеюсь, что это мне удастся лучше, чем с Ч[ебышевым].

Чтобы показать Вам, каково сейчас настроение умов в П[етербурге], скажу Вам, что «Нора» Ибсена была поставлена здесь этой зимой и освящена публикой⁶. Спектакль не решились показать более двух раз. Пять лет тому назад в России сумели бы попить эту прекрасную драму! Я должна закончить письмо, так как за мной пришли. Мне еще не так много осталось сказать Вам. Пожалуйста, не забывайте меня и пишите мне. Ваши письма являются истинным утешением для меня. Я нежно обнимаю Сигне и благодарю ее за доброту, проявленную ко мне в день отъезда.

Моя сестра просит напомнить Вам о ней и сказать Вам, как она тронута той добротой, какую Вы проявили в отношении меня.

В бумагах моего деда⁷ я нашла очень интересную и даже очень трогательную переписку с матерью барона Уггласа, когда она была совсем молодой девушкой. Там есть также выполненные ею рисунки и план их дома. Я привезу все это Уггласу, когда вернусь осенью. Надеюсь, что это доставит ему удовольствие.

Преданная Вам С. К.

Когда Вы будете писать Вашей сестре, сообщите ей адрес В. Жаклара: ул. Нолле, 19. Париж. Я написала ему о новой пьесе Вашей сестры⁸. Он готов ей помочь во всем.

Мой адрес в Москве: Москва, Мясницкая, д. Куманина, Юлии Всеволодовне Лермонтовой. Я уезжаю через несколько часов. Завтра я буду в Москве, а через неделю в Берлине.

Напомните обо мне госпоже и г-ну Гюльден. Я напишу им из Берлина. Извините меня, пожалуйста, за беспорядочность этого письма. Если бы Вы знали, в каких неблагоприятных условиях мне пришлось писать его. С тех пор как я здесь, я не оставалась одна и 10-ти минут.

24. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Стокгольм] 4/5 1884

Сударыня.

Мною овладело беспокойство при мысли, что Вы теперь уехали в С.-Петербург, не сделав прививки, и что это я посоветовал Вам уехать. Успокойте меня, прошу Вас, сделав себе прививку в Петербурге. Подумайте, как опасна оспа. Подумайте о том, что Ваша жизнь драгоценна не только для Ваших друзей и для науки, но также и для женского вопроса, и что быстрое и здоровое развитие этого вопроса зависит, главным образом, от Вас. Я пишу эти несколько слов в вагоне, по дороге в Упсалу, куда еду, чтобы проконсультироваться с Чельбергом относительно моего брата² и с знаменитым Вестерлундом относительно меня самого.

Я очень сожалею, что Угглас не пришел попрощаться с нами. Но Вы не можете поверить, до какой степени занят человек в его положении. Я уверен, что у него было намерение прийти, но что в последнюю минуту ему помешали.

Желаю Вам удачи в Ваших материальных делах. Было бы хорошо иметь возможность спасти остатки Вашего состояния. В официальном положении, которое Вы будете теперь занимать, небольшое состояние поможет Вам в огромной мере. Это придаст Вам больший авторитет и престиж и значительно поможет Вам в тех предприятиях, которые мы хотим начать на пользу математики и женского вопроса.

Теперь я начну свои усилия относительно большой премии «Acta mathematica»³. Потом я займусь вопросом создания капитала, рента с которого будет употребляться на оплату знаменитых иностранных математиков за лекции, которые они, быть может, согласятся читать в Стокгольме в течение зимы. Не забудьте осведомиться в Германии о возможности для какого-либо немца провести зиму в Стокгольме. В крайнем случае можно приехать в марте, апреле, мае и использовать здесь, таким образом, пасхальные каникулы.

5/5. Возвратясь вчера вечером, я нашел письмо от Уггласа со вложенной визитной карточкой. Ему помешало прийти собрание по театральному вопросу.

Вестерлунд советует мне поехать между 15 июня и 1 августа в горную местность Швеции — Емтланд, а август провести у моря в Швеции или Норвегии. Он не хочет, чтобы я ехал за границу. Считает, что это будет слишком утомительно и что для меня необходимо возможно лучше позаботиться этим летом о моем здоровье. Я думаю, он прав. Его совет, говорит Сигне, очень благоприятен также и для нашего экономического положения, которое совсем не позволяет нам поехать за границу этим летом. Так что я поеду за границу скорее в декабре и январе. Очень грустно, однако, что я не увижу Вас в Берлине этим летом. Думаю все же, что Вы установите для «Acta» необходимые связи с молодыми бер-

линскими математиками. Скажите, что Вы выступаете как редактор, и пригласите их побольше писать для нас.

Сигне передает Вам лучшие пожелания.

Преданный Вам
Г. Миттаг-Леффлер.

25. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Москва] 17 мая 1884

Милостивый государь!

Благодарю Вас за Ваше милое письмо, которое я только что получила². К счастью, оно не испытало такой же судьбы, как письмо Вейерштрасса, которое, по Вашим словам, Вы мне послали и которого я так и не получила. Просто удивительно, как теряются письма в России! Зимой несколько человек писали мне из Москвы, но их письма не дошли до меня! Приятно, нечего сказать, переписываться в подобных условиях! К счастью, сегодня я пишу Вам последнее письмо из России, а следующее будет из Берлина, куда я выезжаю завтра. Я задержалась в Москве дольше, чем предполагала вначале; но было так приятно снова чувствовать себя среди своих, что я со дня на день откладывала отъезд. Наконец, окончательно решено, что я еду завтра. Я очень отдохнула нравственно и физически за 2 недели, проведенные в Москве, и хочу из всех сил приняться за работу. Я Вам напишу сразу же по прибытии в Берлин. Сегодняшнее письмо — почти не в счет: оно только должно сообщить Вам, что я безгранично радуюсь Вашему успеху в связи с премией³. Боже мой, что Вы за человек! Сколько дел Вы довели до благополучного конца в течение этой зимы! Хоть бы только дела Вашего брата и беспокойство о Вашем здоровье, а также мысль об утомлении от продолжительной поездки, которую, быть может, Вы вынуждены будете предпринять, не испортили моей радости по поводу Вашего успеха с учреждением премии! По словам Вашей матери, Ваш брат Артур имеет такое большое влияние на Вашего больного брата⁴, что, может быть, мог бы поехать к нему вместо Вас? Единственной хорошей стороной Вашей поездки будет удовольствие увидеть Вас в Берлине, по это будет радость, доставшаяся слишком дорогой ценой.

В Вашем письме звучит грустная нота, которая меня очень огорчает. Боюсь, как бы Вы не слишком были загружены работой и как бы связанная с этим усталость не заставила Вас все видеть в черном цвете. Вам абсолютно необходимо, чего бы это ни стоило, последовать советам Вестерлунда и отдохнуть в течение этого лета. Вы не можете себе представить, как для меня грустно сознавать, что у Вас столько забот, и не иметь возможности быть чем-либо полезной, по крайней мере в настоящий момент. Неудача моих попыток у Ч[ебышева] очень меня огорчает. <...> После того, что Вы мне написали, я более ничего не понимаю в истории с Эрмитом. Чем вызвано раздражение Ч[ебышева]? Он определенно заявил мне, что Эрмит подал голос *против* него⁵. Однако ничего не пишите об этом Эрмиту; возможно, что между ними произошла какая-то размолвка, о которой Ч[ебышев] не хотел говорить мне. Весьма вероятно, что это чистейшие пустяки, так как Ч[ебышев] настолько же обидчив, насколько тщеславен. Я приложу все старания, чтобы добиться чего-нибудь у немецких математиков⁶. Надеюсь, что с этой стороны я буду иметь больше успеха. Сразу же по приезде я начну писать свою работу. Надеюсь прислать Вам ее в течение июня.

Я получила здесь длинное письмо от Терезы Гюльден, в котором она очень уговаривает меня привезти мою маленькую Соню в Стокгольм. Но несмотря на все причины, по которым я желала бы иметь дочь у себя, я почти решила оставить ее еще на одну зиму в Москве. Я не думаю, что ребенку было бы полезно, если бы я его взяла оттуда, где ему хорошо, и привезла его в начале осени в Стокгольм, где для него еще ни-

*С. В. Ковалевская и А.-Ш. Леффлер
(1885)*

чего не приготовлено и где мне придется посвящать все свое время и энергию новым обязанностям. С другой стороны, путешествие среди зимы было бы слишком рискованным для малютки.

Т[ереза] Гюльден между другими доводами указывает на то, что многие будут осуждать меня за равнодушие к дочери. Это, конечно, возможно; но признаюсь тем не менее, что эта причина не имеет в моих глазах никакого значения. Я готова подвергнуться суду стокгольмских дам во всем, что касается мелочей жизни. Но в серьезных вопросах, особенно когда на карту ставится не только мое собственное благополучие, но и благополучие ребенка, я думаю, что с моей стороны было бы непростительной слабостью, если бы я, хоть в незначительной степени, подчинилась чужому влиянию из желания предстать хорошей матерью <...>

На сегодня прощайте, милостивый государь. Мне кажется, что целая вечность прошла со времени моего отъезда из Стокгольма, и иногда мне очень хочется снова вернуться в среду людей, к которым я привязалась больше, чем Вы думаете. Будьте добры передать мой дружеский привет Сигне (по крайней мере, в письме, если она уже уехала) и Вашей матери. Напишите мне что-нибудь о Вашей сестре.

Ваш преданный друг

С. К.

Надеюсь скоро получить письмо от Вас и прошу Вас адресовать его на имя Вейерштрасса для передачи мне: Берлин, Линкштрассе, 33.

Берлин, 29 мая [1884]²

Милостивый государь!

Я начинаю письмо с извинения за «изящество» бумаги, на которой я Вам пишу. Но так как сейчас уже очень поздно, то я не могу достать лучшей и в то же время я испытываю такое желание поговорить с Вами, что не хочу задерживаться из-за таких пустяков, как отсутствие личной почтовой бумаги. Надеюсь, что Вы извините меня.

Сегодня я приехала в Берлин, по еще никого не видела, кроме Вейерштрасса, у которого я провела весь день. В[ейерштрасс] очень хорошо выглядит; в этом семестре он читает вариационное исчисление (бедному Сёдерблomu³ не везет!), но он все время жалуется на усталость. Это меня не удивляет, так как он читает 6 часов в неделю! По-моему, это ужасно! Кроме того, он перегружен работой по рассмотрению геометрических сочинений, присланных на конкурс на премию Штейнера!⁴ В[ейерштрасс] поставил вопрос по синтетической геометрии и предполагал, что никто на него не ответит. Вопреки его ожиданиям, была прислана масса работ, одна объемистее другой, одна из которых, очевидно, принадлежит датскому геометру⁵, и В[ейерштрасс] считает себя обязанным все их просмотреть, так как вопрос был поставлен им. По его словам, это займет не менее 7 недель упорного труда. В[ейерштрасс], рассматривающий работы по синтетической геометрии! Вот пример полезно проведенного времени!

Для нас это обстоятельство также имеет свою плохую сторону, потому что В[ейерштрасс] теперь раздражен против всех конкурсов в мире. Однако мне удалось добиться его обещания серьезно подумать о теме, которая должна быть предложена на премию «Acta»⁶. Завтра я буду убеждать его серьезно подумать об этом вопросе; сегодня же нам надо было столько вещей рассказать друг другу, что невозможно было долго останавливаться на одном вопросе. Вейерштрасс полагает, что следует выбрать тему, по возможности ограниченную, но как можно более точную. По его мнению, достаточно было бы потребовать полного интегрирования какой-нибудь группы дифференциальных уравнений, например тех, которым удовлетворяет гипергеометрическая функция. При этом следует требовать полного решения вопроса, т. е. выражения двух переменных в однозначных на всей плоскости функциях третьей переменной. В[ейерштрасс] не думает, чтобы фуксовы функции были наиболее подходящими для интегрирования дифференциальных уравнений, когда порядок последних превосходит второй. В[ейерштрасс] рассказал мне также одну вещь, которая очень удивила и даже немного огорчила меня. Он сказал мне, что еще два года тому назад один из его учеников представил ему пример, совершенно подобный примеру Фрагмена⁷, чтобы доказать, что общая область сходимости двух элементов одной и той же аналитической функции нескольких переменных не обязательно состоит из одного куска⁸. В[ейерштрасс] не опубликовал этого примера и никому не сообщил его, так как он считает, что этот вопрос только намечен, и он предложил своему ученику разрабатывать его далее. Никто из остальных учеников Вейерштрасса, которых я знаю лично, ничего не знал по этому вопросу, и все они были поражены. По получении моего письма Вейерштрасс получил письмо от одного из своих учеников, заявившего, что он доказал, что область общей сходимости должна обязательно состоять из одной части, и хочет избрать это положение своей вступительной диссертацией⁹.

Шеффера¹⁰ (надеюсь, что я правильно пишу его имя)¹¹ сейчас нет в Берлине; он опять уехал в Мюнхен, так что я не могла лично познакомиться с ним, что меня очень огорчает. Гамбургер — просто учитель гимназии.

Теперь я перехожу к нашему другу Шварцу¹², о котором я могу рассказать Вам много забавных вещей. Узнав, что Фукс назначен профес-

сором в Берлине (сейчас он уже здесь) и что Кёнигсбергер¹³ приглашен в Гейдельберг, Ш[варц] возымел блестящую идею заменить его в Вене. По совету г-жи Кропекер он написал Вейерштрассу с просьбой убедить Кёнигсбергера рекомендовать его, Шварца, в качестве своего преемника в Вене. Он, по-видимому, был очень удивлен, когда Вейерштрасс дал ему понять, что <...> едва ли возможно обращаться к нему с такой просьбой. В последние дни Шварц находился в Берлине с политической миссией (так как теперь он принимает активное участие в политике). Он получил также хороший урок от Ауверса, этот урок, по словам Вейерштрасса, как будто произвел на Шварца сильное впечатление, так как он очень ценит хорошее мнение Ауверса, как, впрочем, и всех берлинских профессоров, потому что не теряет надежды когда-нибудь явиться туда на место Вейерштрасса. В[ейерштрасс] пригласил к обеду нескольких ученых, среди них Ауверса и Шварца. Последний начал по своему обыкновению нападать на гельсингфорского астронома Крюгера, уверяя, что по сведениям из верного источника он знает, что Крюгер невежда и лентяй, который ничего не сделал со времени своего назначения в Гельсингфорс. Тогда Ауверс, который только что представил в Академию большой труд Крюгера, сильно покраснел и, повернувшись к Шварцу, сказал: «Скажите от моего имени тому, кто сообщил Вам это, что он невежественный или гнусный клеветник». Шварц очень извинялся и молчал все остальное время обеда.

Я не могу удержаться от удовольствия сообщить Вам эти небольшие черточки нашего доброго друга Шв[арца]; только прошу Вас хранить их при себе, особенно первые, так как я не имею разрешения от В[ейерштрасса] на передачу их Вам.

Что касается дальнейшего, то прошу Вас сообщить это Гюльденам: вот что я узнала от Вейерштрасса относительно назначения Гюльдена. Вебер и Шварц (который помирился с Шерингом)¹⁴ предложили Шеринга на должность директора астрономической обсерватории. Шеринг, которому очень хотелось получить это место, лично явился в Берлин и проявил большие старания, чтобы расположить в свою пользу всех влиятельных лиц. Однако берлинские астрономы заявили, что избрание Шеринга директором Геттингенской обсерватории равносильно ее исключению из списка астрономических обсерваторий, и предложили Гюльдена. Теперешний министр культуры сам интересуется астрономией и очень хочет заполучить Гюльдена для Геттингена; он готов на все возможные уступки, чтобы достигнуть этой цели.

Видя, что дело поворачивается в дурную сторону, Шеринг и его партия представили доклад о плохом состоянии обсерватории. Именно этот доклад имел в виду Ауверс, когда он предупреждал Гюльдена не верить тому, что известное лицо напишет ему о Геттингене. По словам Ауверса, обсерватория вовсе не в плохом состоянии: ее единственный серьезный недостаток — это близость казарм; по этот недостаток имеет куда большее значение для опытов по магнетизму, которыми занимается Шеринг, чем для опытов, интересующих Гюльдена. Ауверс намерен в скором времени сам поехать в Геттинген, чтобы обследовать состояние обсерватории. Он сказал Вейерштрассу, что в этом отношении Гюльден может быть уверен, что будет сделано все возможное, чтобы удовлетворить его.

Во время своего последнего приезда в Берлин Шварц заявил, что он также очень доволен выбором Гюльдена. По его словам, он стоял за назначение Шеринга, потому что не мог предположить, что такой человек, как Гюльден, по собственному желанию запрется в такой дыре, как Геттинген.

Вот, милостивый государь, все, что мне удалось узнать о деле Гюльдена от В[ейерштрасса]. Если я узнаю еще что-нибудь, я напишу об этом Терезе.

В Германии каждый профессор обязан читать не менее 4 часов в неделю.

Простите, милостивый государь, мою болтовню, которая, кажется, не

может кончиться. Я приехала сюда прямо из Москвы, я провела три ночи в поезде, сегодня весь день была на ногах и теперь слишком возбуждена, чтобы заснуть. Я не могу сказать, что уже поздно, так как сейчас, напротив, очень рано: начинается рассветать.

Если бы у меня хватило места, я рассказала бы еще много разных вещей относительно дела с награждением орденом Почетного легиона В[ейерштрасса] и К[ронекера], которое так занимает бедного Эрмита. Это становится очень серьезным дипломатическим событием; но, вероятно, Эрмит сам подробно напишет Вам об этом. Из здешних новостей сообщаю, что дочь Гельмгольца выходит замуж за сына Вернера Сименса.

Скажите мне, сколько времени понадобится Вам на прочтение моего письма, которое так же длинно, как плохо написано. Завтра я примусь за работу над моим мемуаром.

Ваш преданный друг С. К.

Вейерштрасс с большим нетерпением ожидает Вашу работу¹⁵. Я не могу удержаться, чтобы не сообщить Вам, что сегодня он высказал Вам комплимент, который я приняла с большим неудовольствием; он утверждает, что Вы говорите по-немецки несравненно лучше, чем я!

Напишите мне, пожалуйста, как только будет возможность. Я со своей стороны предвижу, что буду писать Вам очень часто, потому что испытываю настоятельную необходимость говорить с Вами, хотя бы в письменной форме, если уж это невозможно иным способом.

Продолжайте, пожалуйста, адресовать Ваши письма на имя Вейерштрасса.

27. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Берлин, Асканиенштрассе, III, кв. г-жи Бошан, 1 июня 1884²

Ковалевская узнала из письма Миттаг-Леффлера о том, что он не получил ее писем, посланных из Петербурга и Москвы, беспокоится о получении Миттаг-Леффлером денежного перевода и посылки.

От всего сердца благодарю Вас за труд, который Вы взяли на себя по приисканию мне квартиры. В самом деле, мне кажется, что она подходит мне во всех отношениях, и поэтому прошу Вас снять ее для меня в случае, если мое назначение может считаться окончательным. В этом случае плата за квартиру будет даже несколько меньше одной седьмой дохода, которым я смогу располагать, даже в том весьма вероятном случае, если я ничего не получу из дома и буду иметь только небольшой капитал, который у меня остается (как и прошлой зимой, когда я получила около 200 крон в месяц). Если даже этой зимой я еще не вызову мою дочь в Стокгольм, я думаю, что лучше снять квартиру, которая пригодится мне и на будущее время. Те 100—150 крон, которые я смогла бы сэкономить на квартире, все равно были бы поглощены расходами на переезд, который мне пришлось бы тогда совершить в будущем году. Если, однако, мое назначение может задержаться, то я попрошу Вас пока не снимать квартиру, так как в этом случае она сильно стеснит меня. Напишите мне, должна ли я выслать задаток и сколько.

Теперь, дорогой друг, деловые вопросы окончены: я могу перейти к более приятным вещам. Я горячо поздравляю Вас с избранием в почетные члены Кембриджского философского общества³. Вейерштрасс также очень рад этому. Не собираетесь ли Вы в скором времени написать ему? Он все время говорит, что ожидает от Вас подробного письма. Я была бы также очень довольна, если бы Вы написали Кронекеру, в том случае, конечно, если мое назначение [станет] определенным. Со вчерашнего дня я начала работать над своей статьей⁴. В[ейерштрасс] не хочет печатать свою работу, а предлагает мне изложить ее содержание в моей статье от его имени. Признаю, что это тоже имеет свои хорошие стороны. Однако пока ничего еще не решено, и я боюсь, что, когда я закончу работу, мне придется начинать сначала. К несчастью, В[ейер-

штрасс] позавчера простудился. Он настолько плохо себя чувствует, что не выходит из комнаты, и я не решаюсь беспокоить его вопросами, хоть и относящимися к математике. Что же касается премии, то В[ейерштрасс] полагает, что все существующие установления этого рода, в сущности, уже устарели и что единственным правильным способом было бы присудить денежную сумму за наилучшую работу в некоторой определенной области математики, появившуюся за последние 3 года (т. е. появившуюся вообще или, в частности, в «Acta mathematica» — как Вы хотите). Конечно, и в этом случае какая-то комиссия должна была бы решить, какая из работ наиболее значительна.

В России существует премия, присуждение которой связано с подобными условиями, именно премия Бэра⁵ (3000 руб.). Она присуждается раз в 3 года за лучшую работу по анатомии, написанную или опубликованную за это время. Я думаю, что в самом деле эта премия принесла больше пользы, чем все остальные, потому что она действительно предоставляет почти всем имеющимся у нас в России выдающимся натуралистам возможность продолжать свои исследования. В[ейерштрасс] обещал мне сообщить Вам свои соображения по этому вопросу после получения Вашего письма.

Что же касается Вашего проекта основать капитал, доходы с которого дали бы нам возможность каждый год привлекать выдающегося математика из-за границы, то В[ейерштрасс] не очень симпатизирует этому. Он говорит, что немецкому профессору никогда не удастся получить отпуск для чтения лекций в другом месте. Остаются 2 месяца осенних каникул, которые совпадают с нашим осенним семестром. Но что можно сделать за 2 месяца? (Это мнение Вейерштрасса. Я же считаю, что 2 месяца в обществе выдающегося математика — это очень много.) В этом случае едва ли потребуется очень большая сумма денег, чтобы убедить немецкого профессора приехать в Стокгольм и прочитать курс лекций в течение 2 месяцев своих каникул.

Я здесь еще никого не видала, кроме Вейерштрасса, из-за праздника Троицы. Все — и молодые, и старые уехали за город.

Гамбургер еврей, он преподает в еврейской школе в Берлине, но совершенно не посещает общества остальных математиков, главным образом потому, что плохо одет. Когда Вы мне пришлете несколько экземпляров Вашей работы, как Вы мне обещали сделать, я ему передам один из них и приглашу его зайти ко мне. Вейерштрасс не очень восхищен его работами; но мне кажется, что он, действительно, слишком уже предубежден против него.

Вейерштрасс сказал мне, что Вы отдали перевести его работу о «*q*» для «Acta»⁶; не помню, чтобы Вы мне говорили об этом (я так ужасно рассеянна). Что касается большого труда Вейерштрасса, так давно обещанного, то он почти закончен; просто смешно, что Вейерштрасс не соглашается напечатать его в настоящем виде.

На сегодня прощайте, дорогой друг. Я с величайшим нетерпением ожидаю подробного письма, которое Вы мне обещаете. Я жду также, что в следующем письме Вы попросите меня поберечь самое себя и Ваши глаза и несколько умерить мое эпистолярное рвение. Я действительно прихожу в ужас при виде томов, которые я Вам посылаю. Но что делать? Мне так необходимо говорить с Вами, что, раз начав, я уже не могу кончить. Мне еще о многих вещах нужно Вас расспросить. Расскажите мне подробно обо всем, что делается в Стокгольме, и особенно о Вас самих, о Вашей сестре и обо всем, что Вас касается. Передайте мой сердечный привет Сигне. Ваш преданный друг

С. К.

На пароходе «Оулу» по пути в Гельсингфорс,
2 июня 1884

Любезная г-жа Ковалевская!

Вероятно, Вы теперь, наконец, в Берлине; надеюсь, что эти строчки застанут Вас в добром здоровье и вполне работоспособной. Ваши шведские друзья, и особенно я, были весьма обеспокоены, не имея от Вас так долго никаких вестей. Но, с другой стороны, я вполне понимаю, как трудно Вам было найти время для писем, когда Вы на такой короткий срок приехали к Вашей маленькой дочери и к своим старым друзьям. Я надеюсь, однако, что Вы написали фрекен Викстрём и сообщили ей, к какому решению Вы пришли относительно переезда Вашей дочери в Стокгольм, *если Вы приняли какое-нибудь решение*. Хорошо бы Вам также поскорее написать г-же Гюльден. Она, между прочим, очень много хлопотала о том, чтобы найти Вам квартиру, боюсь, что ей все еще приходится продолжать свои поиски, так как та квартира, которую я предложил, находится не на 2-м этаже, а на 1-м. Правда, она очень хорошо устроена, но все же жить внизу всегда несколько рискованно.

В последние дни перед отъездом я выдержал еще одну тяжелую схватку с Линдхагеном. Мне надо было передать капитал, который мне удалось собрать на новую профессию по математике, в Правление Высшей школы, но я хотел передать его на таких условиях, чтобы Правление через 5 лет обязано было бы употребить проценты с него на Ваше жалование, если Вы, как я надеюсь, через 5 лет захотите еще остаться. Линдхаген, который, между прочим, претендует на бессмертие, или, по крайней мере, надеется еще целые десятилетия управлять Высшей школой, хотел, чтобы Правление (= он сам) через 5 лет имело бы полную свободу действий. Мне наполовину удалось добиться своей цели, т. е. того, что юридически они [члены Правления] не будут связаны, но будут связаны морально, и так крепко, как только могут связывать моральные узы. А практически этого вполне достаточно. После того как Правление приняло решение о Вашем назначении, у самых худших «ночных колпаков»² в Правлении еще больше открылись глаза на то, какое неслыханное мероприятие было, в сущности, проведено. В особенности Дубеном <...> овладел страх, что Вы якобы нигилистка и внесете еще неведомые взрывчатые вещества в наше добропорядочное отечество. Дубен, между прочим, либерал в духе г-жи Ретциус.

Вопрос об ассигновании сумм для Высшей школы будет рассматриваться городскими уполномоченными около 12 июня. Непосредственно после этого состоится собрание Правления, которое затребует отзыв о новых профессорах, которых предполагают назначить, от «Комитета семи»³, который до сих пор в таких вопросах научной компетенции заменяет Совет преподавателей. Линдхаген обещал мне телеграфировать, когда состоится заседание «Комитета семи», и я приеду тогда в Стокгольм. Если все пойдет так, как я рассчитывал, то Вы будете официально назначены около 15 июня⁴. Само собой разумеется, что я тотчас же Вам телеграфирую.

Да, многого я, видит бог, не совершил в своей жизни, но *одно* действительно большое дело будет навсегда внесено в список моих заслуг. Дай только бог, чтобы у нас было достаточно сил и здоровья подольше работать вместе! Может быть, со временем, мы сделаем немало!

Чрезвычайно важно, чтобы Ваша статья⁵ была готова и напечатана до того, как Вы осенью приступите к занятиям. Если это удастся, то Ваше положение с самого начала будет гораздо приятнее, так как, несмотря на Мальмстена и наших учеников, в Упсале все же усердствуют в том, чтобы посмотреть на Вас как на «недоразумение» (humbug). Заставьте поэтому Вейерштрасса дать Вам его статью, которая должна предшествовать Вашей⁶, и как можно скорее. Мы должны начать печатать как статью Вейерштрасса, так и Вашу самое позднее 15 июля, а по воз-

можности и еще раньше. *Внимание!* Обе статьи должны быть переписаны набело латинским шрифтом⁷.

А теперь о другом деле. Вы обязательно должны прилежно заняться шведским языком так, чтобы Вы скоро могли говорить совершенно правильно. Адрес Сёдерблома: Циммерштрассе, № 97, III, г-жа вдова Керен. Напишите ему и попросите навестить Вас.

Г-жа Линд ав Хагебю написала барону Бильдту, рекомендуя Вас. Не забудьте передать мой почтительный привет барону и баронессе. Говорите по-французски. Бильдт приятный светский человек с хорошим положением в берлинском обществе. В молодости он был преподавателем Артиллерийской академии в Мариенберге и воображает, что понимает математику. Любит слушать, когда популярно говорят о научных вопросах. <...> Я был довольно близок с этой семьей. Молодой Угглас, старший сын, особенно близкий мой друг, умер в доме Бильдтов. Он был атташе при шведском посольстве в Берлине.

Позвольте мне теперь побеспокоить Вас и попросить выполнить некоторые поручения.

1. Я выслал прямо на адрес В[ейерштрасса] два экземпляра моей работы, один ему, один Вам. Остальные экземпляры, предназначенные берлинцам, а именно Кронекеру, Фуксу, Рунге, я выслал через Майера и Мюллера⁸. Познакомьте Вейерштрасса с обеими работами, как с большой, так и с доказательством теоремы Лорана⁹, и сообщите мне, только откровенно, его мнение. Когда Кронекер получит высланный ему экземпляр, постарайтесь и его познакомить с обеими моими работами, а потом сообщите мне его мнение. То же самое касается Фукса и Рунге.

2. Будьте так добры, узнайте и напишите как можно скорее, что за человек Крацер из Вюрцбурга — протеже Прима, — насколько ценна его работа в «Acta»¹⁰ и есть ли основания ожидать от него чего-либо в дальнейшем. Возможно, Вы сами посмотрите его работу в «Acta». В ней речь идет о функциях θ .

3. Поговорите с Вейерштрассом о премиальном вопросе и постарайтесь, чтобы он как можно точнее и подробнее сформулировал это. Я хочу осенью изложить этот вопрос королю. Вы ведь получили мое письмо в Москву, в котором я говорил об этом. Я считаю, что речь должна идти о *действительном выполнении интегрирования какой-то новой группы нелинейных дифференциальных уравнений*¹¹.

29. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Гельсингфорс, 5-го июня 84

Сударыня.

Наконец-то пришло Ваше долгожданное письмо², получение которого меня очень обрадовало. Я, действительно, был настолько ребячлив, что серьезно беспокоился о Вас. Надо признаться, без должных оснований. Но когда стоишь так близко к осуществлению давно лелеянной мечты, ради которой надо было работать с такой неиссякаемой энергией, как это пришлось сделать мне для Вашего назначения в Стокгольм, то тобой легко овладевает глубокое беспокойство, что в последний момент все рухнет. Мне приходили в голову самые различные мысли, о которых теперь уже не стоит распространяться. Я буду очень рад и весьма признателен, если Вы будете мне часто писать, и Вы можете быть уверены, что я буду Вам прилежно отвечать. Я предлагаю писать Вам по-шведски, с тем, чтобы Вы отвечали мне по-французски. Таким образом, каждый будет пользоваться тем языком, которым он лучше всего владеет.

Сигне здесь расцвела и порозовела, еще больше, чем в Стокгольме. Она начала укладывать волосы узлом на затылке, чтобы выглядеть старше и больше походить на даму, по, к ее досаде, все ее здешние друзья поздравляют ее с тем, что она так «похорошела» и — «помолодела». Она останется у своего отца до начала июля, а затем приедет ко мне в Емтланд³. Мы сняли комнату в крестьянской усадьбе на берегу большого

озера, окаймленного сосновым бором. На горизонте со всех сторон снежные горы. До приезда Сигне я буду жить в отеле Мерсиль, Емтланд. Там тоже очень красиво, но ведь это — отель, поэтому там будет, вероятно, шумно. Я отправлюсь туда, как только состоится Ваше официальное назначение. Мне необходимо скорее попасть в спокойную обстановку и полегчить: За последнюю неделю в Стокгольме у меня снова был сильный приступ лихорадки, а затем ужасный катар с жаром и бессонницей в течение трех ночей. Только сегодня я снова стал человеком.

Конечно, это Неовиус⁴ оговорил Крюгера. Нечего сказать, приятного заместителя я получил. Он заявляет, как в частном разговоре, так и публично, что теория функций является странной специальностью, побочной разновидностью общей большой математики (=геометрии Фидлера и минимальных поверхностей Шварца), но что она все-таки имеет здесь некоторое историческое оправдание и что поэтому надо терпеть такого человека, как Меллин. (Его, кстати сказать, на днях назначили здесь доцентом), — но большего количества такого сорта функциональных теоретиков нельзя разрешить здесь, в Финляндии. Относительно Вас он повторяет остроу Шварца, что «Вы — старческое увлечение Вейерштрасса», а в общем — «чистейшее недоразумение» (humbug). К несчастью для Неовиуса, мое положение здесь пока еще настолько значительно, что он сам, а не теория функций, страдает от этих пакостей. Смотрите, чтобы все это ни в коем случае не дошло до ушей Шварца. Вейерштрасса же надо предостеречь в отношении Неовиуса. Никогда нельзя знать, какие еще действия Неовиус может вздумать предпринять у В[ейерштрасса].

6 июня. Я уеду отсюда, вероятно, 11-го и тогда буду в Стокгольме 13-го. Надеюсь найти там письмо от Вас.

Предложенный Вейерштрассом вопрос на премию мне очень нравится. Но нельзя ли было бы, кроме того, дать возможность представлять и другие работы по родственным темам. А то может случиться, что не поступит ни одной премиальной работы, а это будет весьма досадно. Об этом подробнее — в другой раз. В следующий раз напишу подробнее также и о разных других вещах. Теперь же мне надо сделать несколько визитов. Я напишу Вейерштрассу *после* Вашего назначения. Передайте ему, его сестрам и Кронекерам мой почтительный привет.

Сигне Вам сердечно кланяется. Дай бог, чтобы у Вас хватило сил и здоровья довести до счастливого конца все, что Вам еще предстоит в ближайшее время сделать, — желает Вам от всего сердца

Ваш преданный друг
Г. Миттаг-Леффлер.

Сигне напишет г-же Гюльден и передаст ей содержание Вашего письма в том, что их касается. Спасибо за все «сплетни» из Берлина. Меня это очень позабавило.

30. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Берлин, 7 июня 1884²

Асканишенплатц, кв. г-жи Бошан

Дорогой друг,

Вейерштрасс только что перечитал написанную мною в 1874 г. работу «Об абелевых интегралах третьего ранга, которые приводятся к эллиптическим интегралам путем преобразования 2-й степени»³. Он находит, что ее вполне можно напечатать без всяких исправлений. Беру на себя смелость послать Вам эту работу. Как Вы думаете, сможете ли Вы поместить ее в «Акта» в ожидании моей новой работы, которую я надеюсь послать в течение месяца? Может быть, было бы хорошо напечатать теперь все, что я могу опубликовать. Я нашла также свою рукопись о кольце Сатурна⁴ и пошлю ее Гюльдену.

Простите, пожалуйста, что я посылаю Вам рукопись, *написанную го- тическим шрифтом*; но я думаю, что для Вас не составит особых затруд-

нений разобрать мой немецкий очерк. С ним то же самое, что с моим немецким языком; он более понятен иностранцам, потому что в нем так мало немецкого. Я с нетерпением ожидаю новостей от Вас. Мне кажется, что я уже очень давно не имею их. Судьба исключительно неблагоприятствует мне с моего приезда в Берлин. В дороге я простудилась и схватила насморк, сопровождаемый лихорадкой, которая помешала мне до сих пор навестить Кронекера⁵ и Кирхгофа⁶. Только сегодня я могла принять у себя некоторых из моих молодых друзей.

Если б только я была в состоянии хорошо работать; но при лихорадке становишься такой глупой. К счастью, сегодня я чувствую себя лучше и надеюсь, что завтра смогу обедать у г-жи Борхардт в обществе г. Фукса и его жены. Завтра же я нанесу визит Кронекеру.

Я очень благодарна Вам за присылку Вашей работы⁷, Вейерштрасс тоже принялся теперь за ее чтение.

Он будет иметь случай воспользоваться Вашим доказательством теоремы Лорана в своем курсе лекций на семинаре этим летом. Я одолжила мой экземпляр Вашей работы г. Рунге⁸ и просила его прислать Вам статью о разложении аналитической функции на рациональные дроби, которую он уже закончил прошлой осенью⁹. Так как его исходный пункт (интеграл Коши) совершенно иной, чем у Вас, то я думаю, что, возможно, было бы интересно напечатать его работу, потому что предмет ее — величайшей важности, а два доказательства не будут лишними. Вы сможете судить об этом, когда получите работу. Вам лично, без сомнения, интересно будет прочитать ее.

За последние дни я прочитала 3 статьи, которые меня чрезвычайно заинтересовали: во-первых, полное изложение теории Вейерштрасса о комплексных единицах¹⁰. Исходя из правила обыкновенного умножения, мы действительно приходим следующим образом к арифметике с числом n основных единиц: каждая единица соответствует корню алгебраического уравнения (неприводимого) $f(z) = z^n + F_1 z^{n-1} + \dots + F_n = 0$, коэффициенты которого являются действительными числами. Назвав эти

единицы $e_1, e_2, \dots, e_n$, можно каждому данному числу $\zeta = \sum_{\lambda=1}^n \xi_\lambda e_\lambda$ (ξ — действительные) сопоставить функцию $\varphi(z) = \sum \xi_\lambda z^\lambda$. Тогда правило умножения можно сформулировать следующим образом.

Пусть a, b, c — три числа из комплекса рассматриваемых чисел, а соответствующие им функции суть

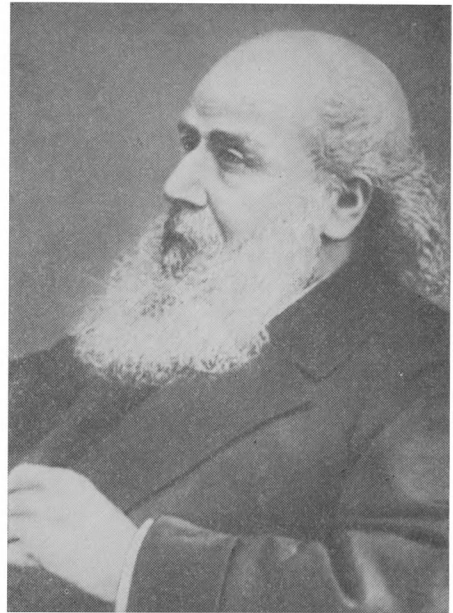
$$\varphi(z), \psi(z), \chi(z).$$

Каждый раз, когда

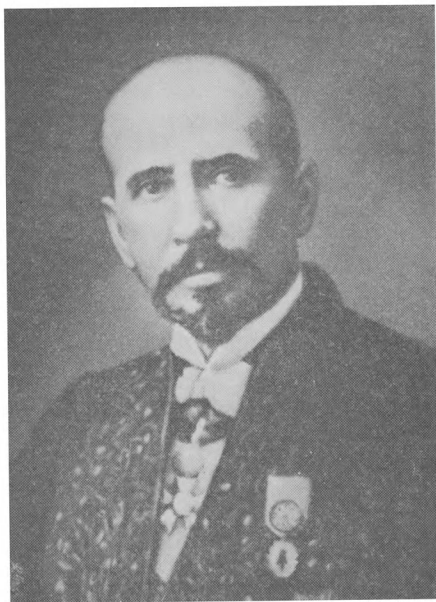
$$\varphi(z)\psi(z) = F(z)f(z) + \chi(z),$$

мы будем иметь $a \cdot b = c$.

Из этого правила, очевидно, следует, что существуют некоторые числа b , отличные от нуля, которые, будучи умножены на другие числа, дадут произведение, равное нулю. Вейерштрасс называет эти числа делителями нуля. Он доказывает следующее.

Джеймс Джозеф Сильвестер
(1814—1897)

Жан Гастон Дарбу
(1842—1917)

Весь комплекс рассматриваемых чисел может быть разделен на некоторое число областей, из которых каждая соответствует одному действительному множителю $f(z)$ первой или второй степени. Если символом a_μ^{3*} обозначить число μ -й области, то каждое данное число может быть представлено в следующем виде:

$$\zeta = \sum_{\mu} \xi_{\mu} a_{\mu},$$

где величины ξ действительны; тогда правила умножения выражаются следующим образом:

$$a_{\mu} \cdot a_{\nu} = 0, \quad \mu \neq \nu,$$

$a_{\mu} \cdot a_{\mu}$ — произведению, полученному на основании обыкновенных правил умножения комплексных чисел $(a + bi)$. Видно, что согласно этим правилам каждое число ζ , для которого одна из величин ξ равна нулю, обязательно будет делителем нуля.

Из этих законов вытекает следствие: в рассматриваемой арифметике каждое алгебраическое уравнение будет иметь лишь конечное число корней, если все его коэффициенты не будут иметь общим множителем некоторый делитель нуля. (Соответствующая теорема в обыкновенной арифметике: алгебраическое уравнение будет иметь конечное число корней, если его коэффициенты отличны от нуля.) Эта теорема имеет величайшее значение. Она обнаруживает недостаток исчисления кватернионов Гамильтона¹¹, так как в этом исчислении алгебраическое уравнение может иметь бесконечное число корней без того, чтобы все коэффициенты были кратными делителю нуля.

Сообщение Вейерштрасса написано великолепно. Его единственный недостаток, на мой взгляд, состоит в том, что оно написано в виде письма Шварцу, который собирается напечатать его в «Göttinger Annalen».

Вейерштрасс дал мне также работу, которую он написал несколько лет назад, о линейных дифференциальных уравнениях¹², где, между прочим, имеются все теоремы, содержащиеся во втором мемуаре Гамбургера¹³.

Я только что прочитала небольшую рукописную работу Кирхгофа¹⁴ о значении потенциала внутри поверхности, если его значение на самой поверхности известно. Кирхгофу удалось доказать теорему Грина без помощи принципа Дирихле в том случае, когда поверхность *выпуклая*. В противном случае его доказательство недостаточно.

Прощайте, милостивый государь. Вот письмо, которое снова стало очень длинным. Я послала свою рукопись по Вашему стокгольмскому адресу.

Ваш преданный друг

С. К.

Я очень беспокоена Вашим пребыванием в Гельсингфорсе из-за лихорадки. Разве Вы мало страдали от нее в этом году!

^{3*} a_{μ} обладает следующим свойством: соответствующая ему функция $\varphi(z)$ может быть представлена в виде $\frac{f(z)}{f_{\mu}(z)} \cdot \psi(z)$, $\{f_{\mu}(z) — один из множителей $f(z)\}$.$

9 июня.

Добавляю еще несколько слов. Я получила очень неприятное известие. Один из моих друзей в России пишет мне, что он только что прочитал в последнем номере «*Illustrierte Zeitung*»¹⁵ мою биографию, в которой помещен и мой *портрет* (кстати, очень плохой). Он не пишет, имеется ли в этой биографии что-нибудь относительно моего назначения. Я этого ужасно боюсь. Эти ужасные газеты! С каким удовольствием я бы их все сожгла!

Вчера одна дама рассказала мне, что в одной берлинской газетке она прочитала следующее сообщение: «Знаменитая госпожа фон Ковалевская находится сейчас в Париже, где она обручилась с одним молодым писателем». Я сама еще не читала этого интересного сообщения, но она обещала достать мне этот № газеты.

Почему Вы мне не пишете? Я с величайшим нетерпением ожидаю вестей от Вас.

Преданная Вам

С. К.

31. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Гельсингфорс 7/6—84

Сударыня!

Я только что получил от Вас два письма — одно, посланное из Москвы накануне Вашего отъезда, заказное, возвращенное из Стокгольма², и другое, посланное из Берлина 1-го июня³. Горячо благодарю Вас за них! Меня несказанно радует, что Вы здоровы и бодры и полны планов на будущее. Что же касается Вашей маленькой дочки, то я пахожу, что Вы совершенно правы <...> Мне кажется, что не в интересах Вашей дочери перевозить ее сейчас в Стокгольм. И мне также вполне ясно, что Ваша непременная обязанность принимать во внимание при этом лишь интересы Вашей дочери.

Относительно квартиры я ожидаю Ваших распоряжений, так как я дал Вам неверные сведения, что она находится на 2-м этаже, тогда как она на самом деле на первом этаже.

Я считаю, что Вейерштрасс прав относительно вопроса о премии в том отношении, что если ни один из присланных ответов на поставленный вопрос не будет признан достойным премии⁴, то в таком случае пусть медаль будет присуждена тому математику, который за последние столько-то лет сделал наиболее крупные открытия в области высшего анализа. Но я не могу согласиться с тем, что постановка определенных вопросов не будет содействовать успеху науки, если вопросы будут разумно выбраны. Ведь какое значение имел последний, премиальный вопрос Французского института относительно линейных дифференциальных уравнений для развития этой теории! Этот вопрос послужил исходной точкой для работ Пуанкаре⁵. Кроме того, пока еще нет никакой премии, установленной исключительно для чистого анализа, и едва ли имеется какая-нибудь, установленная только для чистой математики, кроме премии Штейнера в Берлине⁶. Недостаток этой премии в том, что она слишком часто присуждается, а именно *каждый год*. Но мы не присуждали бы наши премии чаще, чем через 4 года. Мальмстен и король хотят, чтобы премиальное жюри назначалось королем и состояло из:

1. Главного редактора «*Acta mathematica*».
2. Одного немецкого или австрийского математика — = Вейерштрасс.
3. Одного французского или бельгийского математика — = Эрмит.
4. Одного английского или американского математика — = Кейли⁷ или Сильвестер⁸.

5. Одного русского или итальянского математика — в первый раз Бриоски⁹ или Чебышев, во второй раз — г-жа Ковалевская.

После каждого присуждения премий двое из жюри уходят и новые назначаются королем Оскаром, пока он жив. Он должен все же иметь

возможность хоть однажды назначить обоих новых членов. После смерти короля Оскара трое оставшихся намечают двух новых, однако они всегда должны придерживаться установленных выше правил. Представьте себе, например, что надо премировать наилучшую математическую работу, вышедшую за последние четыре года. Тогда наверняка выявятся национальные различия и принципиально различные мнения о том, что существенно в математике. Кейли и Бриоски захотят премировать бог знает какого мастера вычислений, а Чебышев выступит с бог знает какими **соображениями**. Совсем иначе сложится дело, если надо будет решить, какой был дан ответ на совершенно определенный вопрос. В этом случае будут в гораздо большей степени вынуждены придерживаться чисто объективных оснований.

И, наконец, еще один довод. Король Оскар убежден в том, что мы должны выставлять на премию определенные вопросы, и я не надеюсь разубедить его в этом иным путем, как заявив ему, что премию надо употреблять на премирование шведских и норвежских работ — подобно той премии за анатомические работы, о которой Вы сообщаете, что она предназначена для премирования русских работ¹⁰, — но я этого совсем не хочу. Тогда она не будет иметь того международного научного значения, которое я имел в виду. Опять-таки, вознаграждать лишь работы, опубликованные в «Acta», означало бы больше думать о журнале, чем об интересах пауки, а этого я тоже не хочу. Интересы пауки должны быть на первом месте. Если в то же время можно сделать что-нибудь и для «Acta», то это другое дело, и тогда я сделаю это с величайшим удовольствием.

Что касается другого моего плана — создания фонда, доходы с которого должны употребляться на вознаграждение выдающихся иностранных математиков, которые пожелали бы читать лекции в Стокгольме, то я думаю, что Вы правы в том, что возражения Вейерштрасса не имеют значения. Если надо будет обратиться к немцу, то можно с надеждой на успех предложить ему читать в Стокгольме с 15 сентября до 1 ноября. За эти 6 недель он сможет прочесть от 24 до 30 лекций, а за такой срок можно совершить значительные дела. Поэтому я не оставляю этого плана. Никто не питает более глубокого уважения к Вейерштрассу, чем я, но он стар, а следовательно, консервативен, и поэтому, естественно, относится с недоверием к новым начинаниям. Я хорошо заметил также из Вашего последнего письма, что Вы, с Вашей несомненной впечатлительностью, заразились недоверием Вейерштрасса по поводу того, что из моих планов относительно Стокгольма действительно что-нибудь выйдет. Но посмотрим, все это ведь ново и необыкновенно, и чрезвычайно трудно это осуществить, но это должно удасться, если только я проживу еще некоторое время. В настоящий момент самое важное устроить так, чтобы я присутствовал на заседании Совета 7-ми, когда там будут высказываться о новых профессорах. Линдхаген думает меня обмануть, это я прекрасно понимаю. Письмом к Брёггеру¹¹ я постарался добиться того, чтобы заседания не было, пока я здесь. Но Линдхаген знает, что я из-за своего здоровья должен возможно скорее поехать в Емтланд, поэтому он, может быть, отложит заседание, надеясь, что я все брошу и уеду.

Вероятный отъезд Гюльдена в Германию¹² меня очень огорчает. Я думаю, что он останется, если Высшая школа попросит его читать лекции, хотя бы и бесплатно первое время. Потому что именно то обстоятельство, что он не договорился со Стокгольмской высшей школой, и вызывает его недовольство своим положением в Стокгольме. Вы, я и Хольмгрен¹³ могли бы осенью подать заявление в Правление о том, чтобы оно позаботилось о преподавании астрономии, и вместе с тем поставить их в известность, что Гюльден согласен взяться за это, на первое время без вознаграждения. Но тогда будут думать, что я это делаю для того, чтобы обеспечить себе большинство при выборах ректора в декабре, и, опасаясь этого, Линдхаген постарается уклониться от всего дела. Не могли бы мы достигнуть нашей цели тем, например, что Вы бы дали Линдхагену определенное обязательство не голосовать за меня? Это уравновесило бы по-

дачу за меня голоса Гюльденом. Да, что-то мы должны сделать, чтобы сохранить Гюльдена в Стокгольме. А я ни в коем случае не хочу стать ректором к осени. Я бы только бесполезно тратил свои силы на мелкие стычки с Линдхагеном и потерял бы много времени, которое мог бы посвятить исключительно математике. Года через два, при следующих выборах, увидим, до тех пор положение может значительно измениться. Пусть на этот раз Брёггер обломает себе рога, а мы объединимся теперь для того, чтобы постараться сделать его ректором.

Скажите мне откровенно, можете ли Вы читать мои письма? Я понимаю, что это должно быть трудно, так как мой почерк отвратителен и, кроме того, я пишу на языке, который Вам не так знаком, как французский. В следующий раз я, пожалуй, опять напишу по-французски.

Постарайтесь заполучить Гамбургера, Рунге и Минковского¹⁴ для журнала «Acta» <...> Математические работы Гамбургера, несомненно, ценны и изящны.

Я pošлю Вам несколько экземпляров своей статьи, как только приеду в Стокгольм. Когда я уезжал, были готовы только те, которые я послал Вам и Вейерштрассу, да еще два, которые я взял сюда. С нетерпением и беспокойством жду мнения Вейерштрасса.

Фрагмен не придает большого значения той работе, о которой Вы говорите¹⁵, и я еще не смог убедить его отредактировать ее для «Acta». А что говорит Вейерштрасс о доказательствах Фрагмена теоремы сложения?¹⁶ Может быть, не стоит сообщать о них, пока я не опубликую доказательство самого Вейерштрасса. Статья Вейерштрасса о q уже переведена на французский язык и в ближайшее время будет напечатана¹⁷.

Я тоже думаю, что лучше всего Вам начать свою статью с изложения метода Вейерштрасса. Его действительно надо знать раньше, но Вейерштрасс никогда не будет готов, если он сам должен будет публиковать ее. Как жаль, что Вейерштрасс опять болен. По Вашему последнему письму казалось, что все идет хорошо. Скажите Вейерштрассу, что я напишу подробно, как только совершится Ваше назначение, или, если бы оно задержалось, — то как только я вернусь в Стокгольм. Напишу тогда также и Кронекеру.

8 июня

Мне пришел в голову еще один выход относительно Гюльдена, а именно, предложить ему место лишь с начала весеннего семестра. Таким образом, он не будет участвовать в выборах ректора, и я смогу действовать в пользу его закрепления за Высшей школой, не навлекая подозрений, что я действую в эгоистических целях. Приехав в Стокгольм, я поговорю об этом с Брёггером. Ах, если бы Вы уже были назначены и мы вместе могли бы бороться за Гюльдена. Я не осмеливаюсь затрагивать этого дела, пока Ваше назначение действительно не состоится.

Как только я приеду в Емтланд, я напишу Вам отчет о том, как совершилось Ваше назначение в Стокгольм. Это ведь большое историческое событие, и очень важно, чтобы будущие историки знали, как все происходило в действительности. Я сделаю распоряжение, чтобы мой отчет не был опубликован раньше, чем Вы, и я, и все, имевшие с этим дело, не будут уже покойниками.

Простите меня за это длинное послание, написанное урывками в разное время и при болтовне вокруг меня! Передайте мой почтительный привет Вейерштрассу и его сестрам, а также Кронекеру, и напишите мне в Стокгольм, об этом просит горячо преданный

Ваш друг

Г. Миттаг-Леффлер.

Сообщите мне как можно скорее, о чем Кронекер читает осенью!

Стокгольм, 15/6 1884

Дорогая г-жа Ковалевская!

Сердечное спасибо за Ваше милое письмо от 7/6², которое я нашел на своем письменном столе при моем возвращении сюда сегодня днем. Я написал Вам по крайней мере три, если не четыре, письма из Гельсингфорса. Надеюсь, что они дошли, а то было бы слишком досадно. В них содержалось много важных вещей. Я очень устал от поездки и отвечаю Вам поэтому сейчас лишь несколькими строчками. Вашу работу об абелевых интегралах я приму с большой благодарностью и срочно опубликую ее³. Я получил от фотографа целый ряд Ваших портретов и раздал часть из них ученикам. Послать ли Вам остальные?

Сердечная благодарность за Ваши математические сообщения. Не окажете ли Вы мне услугу дать кому-нибудь переписать латинским шрифтом работу Вейерштрасса на ту же тему⁴, что и статья Гамбургера⁵. Она меня чрезвычайно интересует, и я не думаю, чтобы Вейерштрасс имел что-нибудь против того, чтобы я ознакомился с ней. Работу Вейерштрасса о высших комплексных числах⁶ я частично знал раньше через Хеттнера⁷. Не могу не рассказать Вам смешной истории об этой работе. Неовиус получил через Шварца переписанный экземпляр ее. Я попросил посмотреть его, но Неовиус решительно отказал мне. Тогда я сказал ему, что мне не надо обращаться к нему, чтобы ознакомиться с работами Вейерштрасса, так как, к счастью, могу, когда мне захочется, узнавать о них непосредственно от самого Вейерштрасса.

Спасибо за то, что Вы сказали Рунге, чтобы он послал мне свою статью⁸. Я хотел сам написать ему об этом, но так завален сейчас всякими писаниями, что очень Вам благодарен за Вашу помощь мне в этом деле.

Скажите мне, какова статья Крацера⁹ в третьем томе «Acta», и напишите, что Вам вообще известно об этом человеке. Прим преследует меня с одной его статьей, которую он непременно хочет, чтобы я напечатал.

Опубликована ли работа Кирхгофа и где?¹⁰ Если она имеется только в рукописи, то не можете ли вы получить ее для «Acta»?

Мне чрезвычайно любопытно знать прежде всего мнение Вейерштрасса о моей статье, а затем также мнение Фукса, Крокера и Рунге. Я прошу Майера и Мюллера¹¹ послать Вам три экземпляра моей статьи и прошу Вас лично передать один из них Гамбургеру, один Рунге и один Минковскому. Постарайтесь также заручиться Минковским для «Acta». Скажите ему, что я жду ту статью, которую он мне обещал¹².

Я был сегодня у Линдхагена. Комитет городских уполномоченных, который должен был высказаться относительно ассигнования для Высшей школы, единогласно утвердил это ассигнование. Поэтому нет никаких сомнений в том, что дело пройдет и на заседании городских уполномоченных, где оно будет слушаться во вторник 17-го. Затем надо будет, чтобы собрался Совет 7-ми, чтобы они высказались, а затем собрать Правление и добиться окончательного назначения. Сейчас очень трудно собирать людей, так как все на даче. Я, однако, приложил большие усилия, весь день разъезжал по этим делам и собираюсь продолжать то же и завтра. Раньше конца следующей недели я не могу надеяться получить вотум Совета 7-ми. Таким образом, назначение вряд ли состоится раньше, чем в конце этого месяца.

Я очень зол на Линдхагена, который придумал эти ненужные проволочки. Мне бы так надо было поскорее поехать в Емтланд. Перед моей поездкой в Финляндию у меня был очень сильный приступ лихорадки. Во время пребывания в Финляндии у меня был ужаснейший катар с сильным жаром.

В настоящее время я не могу думать о математике. Я должен приложить все усилия к тому, чтобы добиться официального назначения на должность, и у меня около 50 писем, на которые я должен ответить, и все

они, разумеется, срочные. Все хотят сразу иметь ответ. Пуанкаре прислал мне свою последнюю статью, 6-ю по порядку, об интегрировании линейных однородных дифференциальных уравнений с алгебраическими коэффициентами¹³. Но уже поздно, и я смертельно устал. Спокойной ночи! Напишите скорее горячо преданному

Г. Миттаг-Леффлеру.

33. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Берлин [почт. шт. 19/6 84]

Милостивый государь.

За последние дни я получила одно за другим три Ваших милых длинных письма, которые все три мне очень дороги. Только последнее письмо меня решительно огорчает сообщением, что Вы должны еще остаться бог знает сколько времени в Стокгольме из-за этого глупого назначения. Я теперь упрекаю себя за проявленное мною излишнее нетерпение. Я боюсь, что главным образом по этой причине Вы захотели довести дело до благополучного конца еще в течение этого лета, тогда как, если бы мы подождали до августа, как это было условлено при моем отъезде, Вы могли бы спокойно отдыхать в течение этих двух месяцев. Мысль, что Вы теперь один в Стокгольме, перегруженный работой, расстроенный действиями милого Линдхагена, который, конечно, не упустит случая сделать Вам неприятность, приводит меня в отчаяние. По получении Вашего письма моей первой мыслью было телеграфировать Вам и просить Вас немедленно уехать в Емтланд и отложить это дело до осени. Но потом я испугалась, что Вы не поймете моей телеграммы и что она еще больше Вас расстроит.

Умоляю Вас, дорогой друг, если Линдхаген будет ставить какие-то препятствия², попросите его только об одном: отложить все дело до Вашего возвращения осенью, и уезжайте немедленно в Емтланд. Ваше здоровье мне несравненно дороже, чем удовольствие (как бы велико оно ни было) быть назначенной профессором, пока я пахожусь в Берлине.

Я получила Ваше письмо вчера вечером, и оно произвело на меня такое сильное впечатление, что всю ночь меня преследовали самые ужасные сны. Я видела Вас больным и всевозможные страшные вещи. Уверяю Вас, что у меня не будет ни минуты покоя, пока я не буду знать, что Вы в Емтланде. Самое ужасное — это мысль о том, что именно я и мое противное нетерпение послужили причиной зла. <...> Сегодня вечером я напишу Вам очень подробное письмо, потому что мне надо очень многое Вам рассказать, не считая ответов на все Ваши вопросы.

Прощайте, мой дорогой и добрый друг.

Преданная Вам

С. К.

34. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Стокгольм, 21/6 1884

Дорогая г-жа Ковалевская!

Шлю Вам горячую и искреннюю благодарность за Ваше любезное письмо от 19.6², которое я только что получил. Сейчас у меня имеется в распоряжении только несколько минут для ответа. После многих значительных препятствий мне удалось, наконец, добиться назначения собрания Совета 7-ми на четверг и заставить их тут же принять свое решение, которым удостоверяется, что Вы, Леке и Петерсон назначаетесь профессорами. Теперь остается только собраться Правлению и окончательно Вас утвердить. Угглас свято обещал мне, что это будет сделано в течение недели и он лично телеграфирует Вам, как только произойдет назначение. Ввиду этого я мог бы, таким образом, уже в пятницу уехать из Стокгольма, но я остался из-за другого дела, о котором подробно сообщу позднее.

Сейчас, во всяком случае, уже почти нет сомнений в том, что Ваше назначение скоро состоится³. Все же может пройти еще недели две.

Линдхаген захочет, быть может, на следующем заседании Правления провести какие-нибудь другие планы. Все члены Правления Высшей школы сейчас за городом. Он может назначить заседание на такой день, когда будут присутствовать только те, кто является его послушным орудием. Но оно может состояться и в любой другой день. Завтра утром я уезжаю в Емтланд — адрес: Швеция, Емтланд, Мерсилль. Я, во всяком случае, напишу оттуда Вейерштрассу и Кронекеру о том, как обстоит дело. Вчера я обедал с Брёггером. Он мне откровенно сказал, что никак не думал, что мне удастся добиться Вашего назначения, и что оно никогда бы и не удалось, если бы весь план не был разработан до мельчайших деталей и если бы я не проявил столько энергии при проведении этого дела. Варминг, Леке и Петерсон, а в Правлении Дубен и Эдлунд употребляли величайшие усилия, чтобы разрушить весь мой план, а говоря обо мне, они не находят достаточных выражений для своей ненависти. Но это ничего. Ведь, действительно, никогда не удастся ввести что-либо новое без упорной борьбы, а борьба, которую мне пришлось выдержать, все же ничтожна по сравнению с размерами победы. Лишь бы природа дала нам обоим достаточно сил и здоровья, и я убежден, что мы в течение предстоящих пяти лет сделаем так много, что положение математики, равно как и наше собственное, как в Стокгольме, так и вообще на Севере, будет совсем иным, чем сейчас.

Из моих писем из Финляндии Вы могли видеть, как я был озабочен делом Гюльдена⁴. Я должен, однако, сознаться, что сначала я относился к этому довольно вяло, потому что не верил в его успех, а я очень неохотно трачу свои силы на такое предприятие, относительно которого заранее знаю, что оно не удастся. Но затем Гюльден сказал мне, что если он, как это, вероятно, будет, уедет из Швеции, то я буду его преемником в «Тюле»⁵. Это имеет большие экономические преимущества, без особенно большой работы и без той ответственности за дела предприятия, которую я сейчас несу в «Виктории»⁶. А я сейчас очень нуждаюсь в этих экономических преимуществах по причинам, о которых сообщу позднее, и, таким образом, был бы лично заинтересован в уходе Гюльдена. Но эта мысль привела меня почти в отчаяние, и я решил остаться и предпринять все возможное, чтобы нам сохранить Гюльдена. И вот какой я составил план. Гюльден останется, если Правление Высшей школы обратится к нему с предложением вступить в нее в качестве преподавателя астрономии. В ближайший год, или даже годы, он не хочет получать жалованья, потому что иначе скажут, что он устроил себе приглашение в Германию, чтобы добиться здесь экономических преимуществ. Но он хочет быть назначенным с осени и не желает давать никаких обязательств относительно ректорских выборов. Я сообщил все это Уггласу, но в то же время сказал ему, что ни в коем случае не хочу стать ректором на ближайших выборах. Он был этим огорчен, но признал разумность этого. Я превозносил заслуги Г[юльдена] и указал на то, какой будет скандал, если со стороны Швеции не будет сделано никаких попыток удержать Г[юльдена]. Угглас поднимет этот вопрос на следующем заседании Правления по собственной инициативе. Я не стану вмешиваться, так как это могло бы только повредить, а не помочь делу.

Кроме того, я пишу Баклунду, который искренне заинтересован в том, чтобы Г[юльден] остался здесь, и с которым я уже переписывался насчет Г[юльдена]. Я прошу его направить письмо за его подписью в газету «Stockholms Dagblad», в котором он описал бы заслуги Г[юльдена] и указал, какая это будет потеря для нас, если мы его лишимся⁷.

Я послал Баклунду черновик письма, так как сам он плохой стилист, — он большей частью писал по-немецки, и прошу его внести изменения, какие он сочтет нужным. Я предупредил в «Dagblad», что поступит такое письмо, и просил, чтобы и они со своей стороны присовокупили некоторые соображения.

Вот и все, что в настоящее время могу сделать, но я думаю, что это — неплохо. Я думаю, что мне бы все это удалось, если бы только соответ-

ствующие лица ясно поняли, что дело идет *вовсе не о том*, чтобы я стал ректором.

На борту парохода «Северная Звезда» по пути в Сундсваль

Я сделал еще больше по делу Гюльдена. Вчера в проливной дождь и с риском заболеть, — что, однако, надеюсь, не произойдет, — поехал в Лилльехольмен к проф. О. Тореллю, вернувшемуся вчера же из длительной поездки. Т[орелль] — председатель Геологического бюро, он выдающийся человек и большой поклонник Г[юльдена]. Он будет говорить с Уггласом и с Сантессоном (который также член Правления и старый друг Т[орелля]) и, кроме того, с королем и с Хаммаршельдом — министром духовных дел, который так горячо выступал в пользу «Acta». Кроме того, и я напишу Х[аммаршельду]. А осенью я поговорю с королем. Теперь я действительно думаю, что дело наше удастся. Правда, Гюльден часто будет нам помехой в отношении математики, так как он не понимает математики ради самой математики как науки, и, кроме того, с ним довольно трудно иметь дело. Но он самый лучший астроном, какого мы когда бы то ни было сможем получить для Высшей школы, и тот факт, что он у нас, придаст большой вес математическим занятиям. Хорошо было бы, чтобы немцы теперь усиленно старались его заполучить, тогда мы сможем сильнее воздействовать на соответствующих лиц в Швеции, чтобы они постарались удержать его.

Далее Миттаг-Леффлер сообщает, что Анна-Шарлотта едет в Лондон, Париж и Гамбург, где ее ожидает встреча с мужем⁸, приводит сведения о лечении своего младшего брата Фрица.

Я очень стремлюсь получить обещанные Вами длинные письма, которые будут мне пересланы в Мерсиль.

Вчера вечером я был у Линдхагена, чтобы проститься с ним. Он обещал мне, что заседание Правления состоится до конца июня. Я отдал Ваш портрет в «*Ny Illustrerad Tidning*»⁹, а биографию пошлю из Мерсиль, как только получу Ваши биографические данные. Написанная мною биография, которую я подпишу полным именем, может потом служить основой тех биографий, которые, без сомнения, появятся затем во многих иностранных журналах. Таким образом, будут, по крайней мере, точные данные, а это большое преимущество. Через две или самое большее три недели начнут печатать ту статью, которую Вы мне недавно прислали, а затем она скоро выйдет в свет¹⁰. Одновременно печатается последняя статья Пуанкаре об одн[ородных] линейных диф[ференциальных] ур[авнениях]¹¹.

Эстерсунд, 24 июня 84

Я пошлю свое письмо с тем поездом, который уйдет отсюда завтра утром. Фрекен Польшман и Викстрём и фру Польшман поедут вместе со мной в Мерсиль. Здесь прекрасная и величественная природа. Город расположен у озера Стуршен, самого красивого озера Швеции. На противоположном берегу виден ряд покрытых снегом скал. Похоже на Монблан с набережной М[онблан] в Женеве, но здесь, кроме того, северное небо. Сейчас 11 часов вечера, а светло, как днем, и на всем лежат странные, фантастические краски, придающие ландшафту оттенок чего-то нереального, как в сновидениях. Вам непременно надо когда-нибудь это увидеть, здесь своеобразная и чарующая природа.

Прошу передать мой почтительный привет Вейерштрассам, Кронекерам, г-же Борхардт, Фуксам и другим. Как только я немного отдохну, я напишу Вейерштрассу и Кронекеру.

Преданный Вам
Г. Миттаг-Леффлер.

[Берлин, июнь 1884] ²

Милостивый государь!

Прежде всего я отвечу на вопросы, которые Вы мне предлагаете в Ваших последних письмах. 1. В[ейерштрасс] прочитал Вашу работу о теореме Лорана³. Что касается Вашего большого труда, то вчера он только начал его читать. Он сказал мне вчера вечером, что это не легкое чтение; но я предполагаю, что это вызвано следующими двумя причинами: В[ейерштрасс] читает французский текст не так свободно, как немецкий, и, кроме того, он теперь в хроническом состоянии крайней усталости. Подумайте только, что в его возрасте он читал 6 лекций в неделю, и, кроме того, двухчасовую лекцию на семинаре каждые 15 дней! В последнем курсе лекций В[ейерштрасс] излагает несколько теорем об однозначных (*uniformes*) функциях. Он сказал мне, что намерен также изложить содержание Вашего большого мемуара, когда он подойдет к этим вопросам. Следовательно, Вы, конечно, узнаете его мнение в ближайшее время.

Я пробовала разговаривать с Кр[онекером] по поводу Вашего мемуара⁴, но безуспешно. Кр[онекер] более чем сдержан по этому вопросу; он, видимо, ничего не хотел сказать; он только заметил с некоторой резкостью, что Вы, очевидно, потратили много труда, чтобы связать исследования Кантора с предметом, с которым они не имеют ничего общего. Что касается Фукса, то он теперь совершенно раздавлен тяжестью своего нового достоинства⁵ и не читает ничего, кроме того, что абсолютно необходимо для его лекций. Я три раза видела его на обедах, но мне было совершенно невозможно заставить его говорить на математические темы. Когда я начинала рассказывать ему что-нибудь, он только время от времени говорил: «гм, гм», а когда я задавала ему вопросы, он пыхтел, принимал вид мученика и, казалось, говорил мне: «Ради самого неба, дайте же мне спокойно предаться пищеварению».

Мы много говорили с Рунге о Вашей⁶ и его работе⁷, которую он еще осенью передал В[ейерштрассу]. Как я уже говорила Вам, Вы приходите почти к одинаковым результатам, но совершенно различными путями. Рунге пошел Вам свою работу завтра, в субботу, и я думаю, ее было бы очень интересно напечатать, хотя бы для того, чтобы выяснить разницу и в то же время аналогию между исследованиями, которые опираются только на разложение в ряды, и исследованиями, вытекающими из изучения интеграла Коши.

Что касается исследований Кантора, то одно из их наиболее интересных применений, которые мне известны, было сделано Гурвицем⁸, чтобы доказать, что функция нескольких переменных, которая имеет особыми точками только полюсы, обязательно будет рациональной функцией. В[ейерштрасс] часто высказывал эту теорему, но нигде не доказал ее. Знаете ли Вы что-нибудь о работах Гурвица? Судя по тому, что я здесь слышала, это совсем молодой геометр (25 лет), очень большого таланта; его только что назначили экстраординарным профессором в Кёнигсберге. Он уже сделал прекрасные вещи. Его диссертация о модулярных функциях⁹ превосходна, но В[ейерштрасс] еще выше ценит его работу о функциях с $2n$ периодами, имеющих фундаментальную систему n действительных периодов¹⁰. Это человек, которого нужно непременно привлечь в «Акта»¹¹. Но я не знаю, как это сделать, так как его нет в Берлине.

Кажется, я Вам уже писала, что Минковского также нет в Берлине в настоящее время. Он ничего не создал за эту зиму, но, вероятно, это потому, что ему еще многому надо учиться. Подумайте только, ведь ему всего лишь 20 лет!

В высшей степени любопытно, что здесь никто ничего не слышал о Сёдербломе. Его имя не встречается ни среди учеников В[ейерштрасса], ни среди учеников Кр[онекера]. Возможно, что его нет в Берлине.

2. Я спросила В[ейерштрасса] о работе Крацера. Он сказал мне, что

Шарль Эрмит
(1822—1901)

Анри Жюль Пуанкаре
(1854—1912)

еще не прочел ее целиком, но убедился, что она не содержит ничего особенно интересного и что, кроме того, он не возлагает больших надежд на Крацера, которого знает лично. Его покровитель Прим также не представляет собой глубокого математика. Я полагаю поэтому, что Вы не много потеряете, если откажетесь от новой работы того же автора. Сегодня я получила работу Вильтхейса¹² и уже прочитала половину. Формулы, конечно, точны, но не кажутся мне особенно интересными. Я попытаюсь еще узнать мнение В[ейерштрасса] по этому вопросу.

3. В следующем семестре Кронекер прочитает большой курс лекций по алгебре.

4. Что касается вопроса о конкурсе на премию, то В[ейерштрасс] обещал мне подробно написать Вам свое мнение, как только он получит письмо от Вас. Я не сообщила ему содержания Вашего предпоследнего письма относительно выбора судей, потому что заранее была уверена в его полном неодобрении. Действительно, я думаю, что в этом отношении дело представляет много практических затруднений. Подумайте только, можно ли надеяться, что 4 таких математика, как В[ейерштрасс], Эрмит, Кейли и Чебышев, *когда-нибудь* придут к соглашению относительно достоинств какой-либо работы. Я почти уверена, что все четверо откажутся участвовать в жюри, как только они узнают имена трех остальных судей. Что касается Вейерштрасса, то я так уверена в этом, что не осмеливаюсь даже говорить с ним по этому поводу. В общем, В[ейерштрасс] находит, что судьям очень трудно будет прийти к соглашению, если им не будет предоставлена возможность обсуждать вопрос совместно в общей беседе. Вести обсуждение путем переписки гораздо труднее, и, в сущности, какой смысл этим старым господам брать на себя столько хлопот из-за нас? Я боюсь, что в этом именно и заключается самое большое затруднение. Что же касается оказанной чести, то каждый из названных Вами четырех судей будет, напротив, считать себя обиженным, что Вы его выбрали одновременно с другими.

5. Наконец, я могу сообщить Вам нечто, что, надеюсь, доставит Вам удовольствие. Вейерштрасс совершенно серьезно обещал мне приехать будущей осенью в Стокгольм, чтобы прочитать там 6-недельный курс лекций. Что касается вознаграждения, то он заявил мне, что он отказы-

вается от 5000 крон, но, может быть, позволит оплатить расходы по путешествию и по его пребыванию в Ст[окгольме]. Я думаю, что это обещание совершенно серьезно и что Вейерштрассу очень хочется приехать в Стокгольм, когда я там буду профессором. Возможно, что он сделал бы это и в настоящем году, если бы не болезнь его сестры Клары, которая принуждает его поехать в Швейцарию. В сущности, В[ейерштрасс] с гораздо большим нетерпением ждет моего назначения, чем я сама. После того как я отказалась от надежды быть допущенной к чтению лекций еще в этом семестре, я ожидаю этого с большим хладнокровием, но В[ейерштрасс] очень нетерпелив и очень желает представить меня здесь в качестве профессора. Он говорит об этом при каждой встрече со мной, т. е. почти ежедневно.

Я уже писала Вам, что «Illustrirte Zeitung» напечатала мою биографию и мой портрет (отвратительный к тому же); но там ничего не говорится о профессуре, а только о приват-доцентуре. Представьте себе, что некий господин Фридлендер (редактор «Görlitzer Anzeiger») вздумал обратиться ко мне со стихами по этому поводу, это было одно из двух писем, пересланных Вами мне из Стокгольма. Второе было от «Wiener Residenzblatt», которая просила моего разрешения по такому же поводу (т. е. о напечатании моего портрета). Я еще ничего не ответила. Посылаю Вам их письмо¹³. Как Вы думаете, стоит ли отвечать?

До свидания, дорогой друг. Я с большим нетерпением ожидаю писем от Вас.

Преданная Вам

С. К.

36. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Мерсиль, Емтланд, Швеция, 30/6 [18] 84

Дорогая г-жа Ковалевская, я узнал вчера из телеграммы У[ггласа] радостную новость² и нашел возможность Вам сейчас же телеграфировать. Как я рад! Но теперь пошлите мне незамедлительно биографические сведения, которые я у Вас просил: Ваш портрет для «Illustrerad Tidning» Швеции уже готов, не хватает только биографии. Если я не смогу составить через несколько дней биографию, то напечатают портрет с другой биографией, в которой напишут бог знает какие глупости. Я считаю, что именно я должен дать необходимые сведения, так как они будут, конечно, потом перепечатываться повсюду. Так что я прошу Вас, пришлите мне их сейчас же. Благодарю за Ваше письмо, отправленное из Берлина 25 и прибывшее сюда сегодня. Какое счастье, если В[ейерштрасс] придет этой осенью^{4*} в Стокгольм! Я Вам напишу скоро более подробно. Сегодня я разъезжаю с целью выбрать место, где мы с женой окончательно поселимся. Я не дождусь увидеть мемуары Рунге. Благодарю за известия о Гурвице, Крацере и Вильтхейсе. Я напишу Г[урвицу]. Доказательство, о котором Вы мне пишете, еще печатается? Сообщите мне это. Если нет — я постараюсь получить его для «Acta». Я знаю работы Г[урвица], начиная с самых первых. Он, конечно, очень хорош. Теперь я напишу подробно В[ейерштрассу]. Передайте ему мое чувство обожания. Постарайтесь оказать мне услугу — помирить меня с К[ронек]ером. Не моя в том вина, что исследования К[антора] необходимы для теории функций.

Преданный Вам

Г. М.-Л.

Не утруждайте себя более сведениями о Вильтхейсе. Я знаю достаточно.

^{4*} Этой осенью или осенью 85? (Сноска Mittag-Леффлера.)

37. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Скалстуган, станция Дюфед, Емтланд,
4 июля [18] 84

Сударыня!

Накопец я нашел мой горный рай. Он расположен на большом горном плато, которое отделяет Швецию от Норвегии. Природа восхитительна. Снежные горы окаймляют горизонт. Есть реки, большие озера и леса полярных берез. Имеются большие стада оленей с их владельцами лопарями. Думаю, что я был бы здесь очень счастлив, если бы только Сигне скоро приехала. Без этого я останусь совершенно один с людьми этого дома. Почта бывает только раз в неделю. Пишите, однако, в *Мерсиль* до тех пор, пока я не попрошу Вас писать иначе. Я должен буду спускаться в *Мерсиль* в некоторые дни, чтобы отправлять письма.

Вы не дали мне определенного распоряжения снять для Вас квартиру. Поэтому еще ничто не решено. М-ль Викстрём заставила меня кое о чем подумать. Квартира отнимет у Вас много времени. Нужно купить мебель и все организовать. Нужно иметь служанку и отвечать за нее перед законом и перед богом. Нужно иметь домашнее хозяйство, и все это может внести много осложнений и во всяком случае будет отнимать много времени. Но Вы знаете, что этой зимой Вы будете работать до крайнего предела Ваших сил. Нелегкое дело в эти несколько месяцев научиться шведскому языку достаточно хорошо, чтобы читать лекции на этом языке, и читать *правильно*. Вы можете говорить по-немецки неправильно, но для шведского языка это непозволительно. Лучше будет поэтому на эту зиму снять пансион с двумя комнатами, которые Вы можете всегда немного украсить вещами, привезенными с собой. М-ль Викстрём взяла на себя обязанность найти кого-нибудь в Вилластаден, кто сдаст Вам хороший пансион.

Извините, что я таким образом вмешиваюсь в Ваши дела. Но не находите ли Вы, что я прав? До скорого свидания.

Ваш горячо преданный друг
Г. Миттаг-Леффлер.

38. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Сторлиен, Емтланд, 10/7 1884

Сударыня.

Я начинаю серьезно беспокоиться, не получая никакого ответа на все мои письма и телеграммы. Вы не ответили также на телеграмму, которую я Вам послал позавчера. Я нахожусь в исключительно неприятном положении. «*Ny Illustrerad Tidning*» напечатает Ваш портрет и Вашу биографию, не считаясь с тем, хотите Вы этого или не хотите. Если Вы не хотите прислать мне необходимые сведения, обойдутся и без них и напишут много нелепостей, которые окажутся крайне неприятными для Вас, для меня и для университета. Вы можете дать мне лишь те сведения, которые Вы сами считаете подходящими, но необходимо, чтобы заметки, которые даются в шведские газеты, были точными. Сейчас здесь, в Швеции, все жаждут получить о Вас сведения, и действительно очень рискованно — предоставить случаю распространение этих сведений. Не бойтесь, что я напишу что-либо неприятное для Вас. Я напишу очень просто, развивая в немногих словах, какое значение будет иметь Ваше назначение для нашего университета и для женского вопроса.

Я считаю, что, избрав однажды поприще общественной деятельности, Вы не имеете права избегать также общественного суждения. Не говорите, что газетные сообщения не имеют значения. Это, быть может, верно для Германии, но совершенно неверно для Швеции. Подумайте также, что Вы оказываете существенную услугу нашему университету и женскому вопросу, позволяя говорить о себе лишь в надлежащем тоне, и что Вы очень вредите себе, предоставляя всецело случаю то, что будут говорить о Вас.

У меня просили разрешения напечатать перевод моей статьи для «Illustrated London News»² и для «Graphic»³. Подумайте, какая популярность и какая польза для того дела, которое мы с Вами имеем в виду. Скажите мне откровенно, о чем надо говорить и чего надо избегать, но только пришлите мне точные сведения. То есть напишите мне «Автобиографию», содержащую все то, что Вы найдете удобным рассказывать. Я не скажу ни больше, ни меньше, а только прибавлю соображения, которые найду уместными.

Я написал, чтобы мне прислали мемуар Рунге⁴. Это нелегко, так как он уже заказан, но все же рано или поздно я его получу. Я ожидаю его с большим нетерпением. Благоволите сказать Рунге, что я напишу ему, как только получу мемуар и изучу его.

Не сердитесь на меня за то, что я усиленно беспокою Вас просьбой прислать Вашу «Автобиографию», но уверяю Вас, что это сейчас крайне необходимо. Если напечатают в «Illustrerad Tidning» биографию, которую получают не от меня, все тем не менее припишут ее мне,— судите сами, как мне это будет неприятно. Пишите в Сторлиен, Емтланд.

Преданный Вам
Г. Миттаг-Леффлер.

39. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Берлин, 1 июля 1884 [отправлено
10 июля]²

Милостивый государь!

Мне нет необходимости говорить Вам, какой радостью преисполнили меня телеграммы Угласа и Ваша, пришедшая несколькими часами позже. Теперь я могу признаться Вам, что до последней минуты я не была уверена, что дело окончится успехом, и все время боялась, что в последнюю минуту появится какое-нибудь непредвиденное затруднение (как это часто случается в жизни), и что все наши планы потерпят крушение. Я также вполне убеждена, что только благодаря Вам и Вашей настойчивости нам удалось достигнуть цели. Теперь я от всей души желаю обладать силами и способностями, необходимыми для того, чтобы хорошо выполнить свою задачу и быть достойным помощником во всех Ваших делах. Теперь я так верю в будущее и так счастлива от того, что буду работать вместе с Вами! Какое счастье, что мы встретились в жизни!

На последнем заседании Академии г. Фукс прочитал свою работу, которая, кажется, замечательно хороша³. Я ее еще не читала, так как она еще не появилась в печати, но я заставила рассказать мне ее частично Кронекера, частично самого Фукса. Представьте себе, что Фуксу удалось найти необходимые и достаточные условия того, чтобы нелинейное дифференциальное уравнение обладало основным свойством линейных уравнений, а именно чтобы особые точки его интегралов не зависели от начальных значений. Это прекрасно, не правда ли? Особенно любопытно то, что Фукс никому никогда не рассказывал об этой работе и еще за несколько дней до заседания он говорил, что сделает сообщение против своего желания. Забавный человек этот Фукс. Теперь ясно, что Вейерштрасс прав и что в Фуксе «гораздо больше материала», чем можно было предполагать. Фукс обещал принести мне два экземпляра своей статьи, как только она появится в печати: один экземпляр для Вас, другой — для меня. Мне чрезвычайно интересно прочитать ее. Таким образом, целый класс дифференциальных уравнений можно решать точно таким же образом, как линейные уравнения.

Вчера я целый день пробыла у Кронекера. Он был чрезвычайно любезен и поручил мне передать Вам свои поздравления. Между прочим, он просил меня передать Вам следующее. В будущем году появится 100-й том журнала Борхардта, и Кронекер намерен выпустить его роскошным изданием. Он надеется, что все выдающиеся математики пожелают при-

Софья Васильевна Ковалевская
(1850—1891)

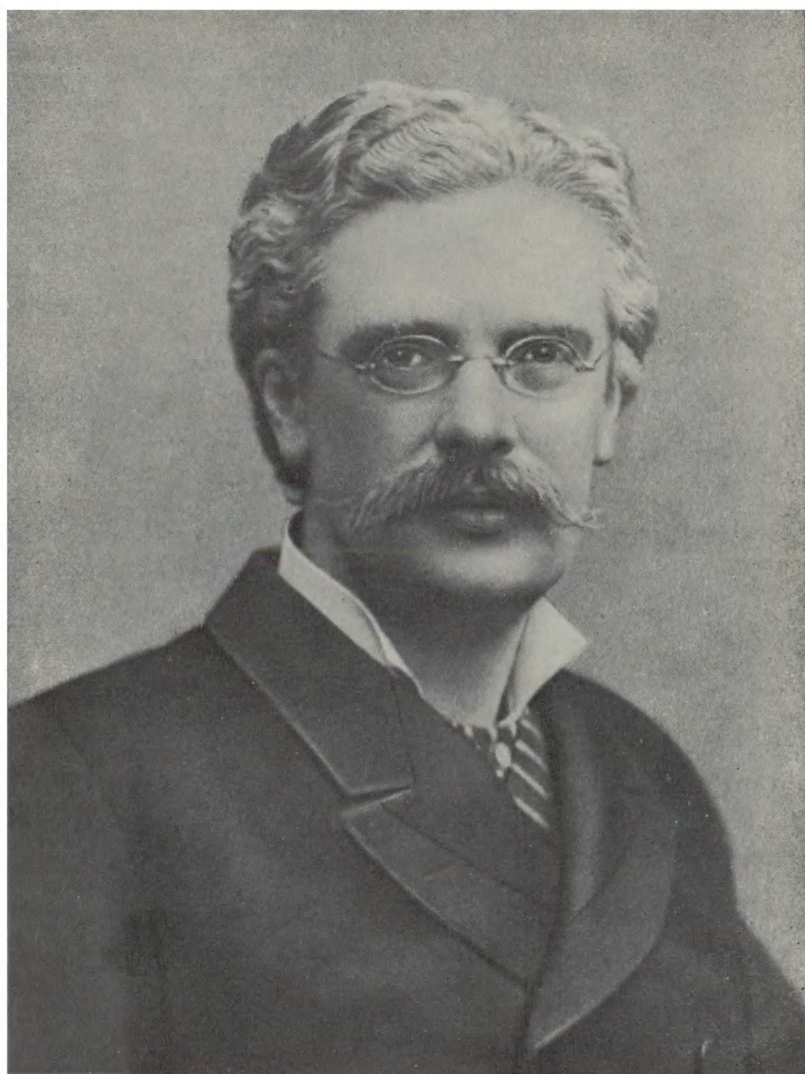
Käre Gösta

Max. Kowalewsky skrif till mig o.
bjud mig besöka honom i hans
villa i Beaulieu. Detta gjorde
jag också, men efter som jag
änner stanna här bara ett
par dagar och efteråt återvända
till Stockholm, så är det kanske
lika bra att icke tala om min
närvarande vistelse till någon
människa hemma.

Skär förs jag Eder helgramm
o. är ny nyfiken att veta
hvad detta viktiga brev innehåller

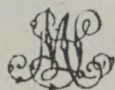
Eder tillgifna

Sonya

Густав Магнус Миттаг-Леффлер
(1846—1927)

Helsingfors 19 Octobre 1880

Chère Madame,

Je viens de recevoir votre lettre
de ²^e Octobre et je m'empresse à
vous répondre dans un moment de
sérénité.

Les cours à l'université de Helsingfors
sont ouverts à tout le monde et il
faut seulement être inscrit comme
étudiant pour avoir le droit de suivre
un quelconque cours. Quant aux examens les
sont académiques et demandent la permission
de pouvoir donner des diplômes aux femmes
comme aux hommes. L'empereur n'a pas
encore donné sa réponse mais il n'y a
guère de doute que la permission sera
accordée.

Автограф письма Г. Миттаг-Леффлера

слать какую-нибудь свою работу по этому случаю, и с уверенностью рассчитывает, что Вы не откажете ему в своем участии.

Он предполагает в скором времени послать Вам две статьи для «Acta», из которых одна касается абелевых уравнений⁴. Кронекер несколько раз пользовался случаем, чтобы высказаться о Вас с большим уважением и дружескими чувствами. Обращаясь ко мне, он все время говорил: «наш друг г. Миттаг-Леффлер». Он с большим восхищением отзывался также о красоте и изяществе Сигне и очень сожалел, что этим летом Вы не приехали в Берлин, как надеялись все в Берлине. Но он не мог удержаться, чтобы не прибавить капли дегтя ко всему этому меду, по крайней мере косвенным образом. Он ничего не говорил о Вашей работе, но, говоря о трудах Рунге (по тому же вопросу), он рассыпался в сожалениях по поводу молодых математиков, которые расточают свои прекрасные способности, посвящая их не поистине полезным и солидным темам, а не имеющим никакой ценности общим вопросам (?!).

Что касается работы Рунге⁵, то, после того, как мы сравнили оба мемуара, я вижу, что он значительно отстает от Вас. Полученное им разложение представляет функцию с желаемой степенью приближения внутри континуума A , образованного регулярными точками и полюсами, но оно не подчиняется условию совпадения с указанным числом отрицательных членов в разложении функции в окрестности существенно особой точки.

Но, с другой стороны, мне кажется, что во второй части своей работы он дает доказательство, которое необходимо было бы добавить к общей теории: именно что всегда существует аналитическая функция, для которой каждая точка на границе континуума A действительно представляет собой существенно особую точку. Как мне кажется, это еще не вытекает с необходимостью из того, что в разложении особые точки сгущаются у границы. Из этого можно только сделать вывод, что разложение в ряд не годится у границы, но функция могла бы быть продолженной дальше. Не знаю, не ошибаюсь ли я в этом вопросе.

Я постараюсь добиться от Вейерштрасса, чтобы он сообщил мне все, что он будет говорить на семинаре по поводу Ваших исследований, и все запишу для Вас.

В[ейерштрасс] говорил с несколькими лицами из министерства относительно моего желания посещать лекции здесь. Есть надежда, что дело уладится, но еще не этим летом, потому что теперешний ректор⁶ — ярый противник женского вопроса. Надеюсь, что это устроится в декабре, когда я приеду сюда на рождественские каникулы. Шварц просил В[ейерштрасса] в своем последнем письме передать мне его поздравления и напомнить мое обещание на несколько дней приехать в Геттинген. Я просила В[ейерштрасса] ответить, что в настоящее время я слишком занята для того, чтобы поехать туда из Берлина, и что я не могу совершить поездку в этом году. Но я сообщила Вейерштрассу истинную причину отказа: я с большим удовольствием поехала бы в Г[еттинген], если бы не глупая и отвратительная манера, с которой Ш[варц] позволил себе говорить о Вас, и что я поеду теперь в Г[еттинген] не иначе, как, может быть, вместе с Вами.

Дело Гюльдена здесь еще не совсем закончено. Министр финансов еще не дал согласия на условия, поставленные Гюльденом. Я очень рада, что нам, вероятно, удастся сохранить Гюльдена, особенно из-за его жены⁷. Я думаю также, что в настоящее время мало имеется астрономов, которые стоили бы его; таково здесь и общее мнение.

Что касается моих биографических данных, о которых Вы спрашиваете, то я думаю, что они Вам известны: <...>

На сегодня до свидания, милостивый государь. Я очень счастлива при мысли, что скоро снова увижусь с Вами.

Преданная Вам

С. К.

Прошу Вас передать от меня привет Сигне.

Берлин, 8.VII.84 [отправлено 10.VII] ²

Милостивый государь!

Прилагаемое здесь письмо я написала Вам на следующий день после получения телеграммы, сообщившей мне счастливую весть о моем назначении, и поручила служанке отнести мое письмо на почту. Несчастная забыла сделать это, и я обнаружила это только сегодня. Что Вы могли подумать обо мне, не получив от меня писем в такой момент! Я в отчаянии из-за этого недоразумения.

Сегодня у меня хватит времени написать Вам только несколько строк. Моя работа теперь у Вейерштрасса ³. Сразу же, как он ее прочитает и одобрит (?), я смогу послать ее Вам. Но, весьма вероятно, что Вейерштрасс потребует многочисленных исправлений.

Я думаю выехать отсюда в Стокгольм 1 августа, и если Вы с Сигне в это время будете еще в Емтланде, то мне очень хотелось бы приехать и провести там некоторое время вместе с Вами, если только есть возможность найти по соседству с Вами помещение для меня. Я не поеду в Россию, так как это отняло бы у меня слишком много времени и отвлекло бы мои мысли от серьезных вещей. Вы и так не можете себе представить, «какое прекрасное хозяйство» ⁴ сейчас в моей бедной голове. Я сделалась слегка сумасшедшей в Берлине — вот в чем правда, и мне необходимо несколько сосредоточиться перед началом лекций.

Идея — снова не снимать квартиры в этом году — мне, в сущности, очень нравится. Расходуя 200 крон в месяц на комнату и питание, я могу найти первоклассный пансион, и это мне обойдется гораздо дешевле, так как я буду проводить только 6½ месяцев в году ⁵ в Стокгольме. Я уже не говорю о большей простоте такого устройства и большой экономии времени, которая для меня является наиболее существенным преимуществом. Во всяком случае, я приеду в Стокгольм после 1-го августа и тогда я поговорю с Т. Гюльден, как мне лучше устроиться.

Напишите мне, пожалуйста, до какого времени Вы пробудете в Емтланде и стоит ли мне ехать туда на несколько недель. Это доставило бы мне большое удовольствие. Я думаю, что там можно будет снять квартиру.

Я так возмущена небрежностью моей прислуги и очень прошу Вас написать мне.

Преданная Вам
Софья Ковалевская.

41. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

Сторлиен, по дороге в Эстерсунд для встречи с женой, 13/7 84

Сударыня.

Оба Ваши письма, отправленные из Берлина 10/7 ², получены мною сегодня одновременно. Тысячу раз спасибо! Биографические данные вполне достаточны, и теперь я займусь Вашей биографией.

Мы останемся в горах до 8 августа. Потом поедem на морские купанья в Норвегию. Я Вам предлагаю присоединиться к нам здесь, где — я Вам скажу потом, и затем поехать с нами к морю. Быть может, все же Вам следовало бы остаться несколько дольше в горах. Конечно, Вы должны в течение августа отдохнуть и позаботиться о своем здоровье. Эта осень будет для Вас трудной, и надо много сил, чтобы с этим справиться. Сообщите мне своевременно, когда Вы выедете из Берлина и когда будете в Стокгольме, чтобы я все время знал, где Вас найти. Вы можете мне это время писать по адресу: Сторлиен. Емтланд.

Новое открытие Фукса меня поразило ³. Этой зимой я работал немного над той же проблемой, но безрезультатно. Предложите Фуксу, чтобы он прислал мне что-нибудь об этом для «Acta»!!! ⁴

Судя по тому, что Вы мне сообщаете, Рунге ⁵ занимался не совсем той же проблемой, что и я. Важнейшими для него являются следующие две проблемы:

1. «Каждому данному A соответствует бесконечное множество монотонных однозначных функций». Теорема доказана у меня многими различными способами. Будет ли эта функция однозначной, или это будет однозначная ветвь неоднозначной функции, — не играет никакой роли.

2. «Возможно представить каждую монотонную однозначную функцию в форме ряда частных функций, каждый член которого является рациональной функцией».

Если Рунге действительно добился доказательства этой теоремы, то он сделал в этом направлении больше, чем я. У меня всегда либо имеется аддитивный член, который имеет всюду в A характер целой функции, либо — множитель, который имеет в A характер целой функции и который никогда не становится в A равным 0.

Однако моя цель состояла не в том, чтобы доказывать общие и абстрактные теоремы, но, скорее, в том, чтобы дать формулы практического значения для представления функций. Среди функций Пуанкаре⁶ есть примеры наиболее общих функций, которые я рассматривал, и я уверен в возможности разложения всех этих функций при помощи моих формул. Если у меня хватит сил, чтобы заниматься этой зимой, я напишу об этом работу для Кронекера и докажу ему, что мои теоремы не являются абстракциями без «мяса» и без цели. Но мои силы, увы, так слабы, и бог весть, позволит ли мне мое здоровье работать.

Я очень тронут благосклонным отношением Кронекера. Я знаю его слабости, но я его искренне люблю и глубоко восторгаюсь его гением и проницательностью его ума. Скажите ему, пожалуйста, как я благодарен ему за возможность написать для юбилейного тома. Скажите ему также, что я с большим интересом ожидаю мемуары, которые он мне обещал для «Аста». Я испрошу для него командорский крест Полярной звезды⁷. Это ему доставит, конечно, большое удовольствие и утешит в неудаче с Почетным легионом. Лишь бы, однако, «грозный канцлер»⁸ не был так же строг к Швеции, как к Франции. Но надо прежде всего, чтобы я мог передать напечатанные мемуары королю.

Миттаг-Леффлер советует Ковалевской поселиться на зиму в пансионе и привезти свою мебель из России. Сообщает новости об Анне-Шарлотте и ее муже, пишет, что очень рад возвращению Сигне из Финляндии.

Я не хочу проводить лето в Финляндии отчасти из-за своего здоровья, но, главным образом, из-за семьи матери моей жены. Вы не можете себе представить, как беззастенчиво с нами поступили. Моей жене принадлежит большое состояние, которое хотели у нас похитить. В связи с этой историей я пережил наиболее тягостные за всю мою жизнь огорчения, и дело окончилось тем, что мы отдали все состояние моему тестю с единственным условием — в случае его второго брака он должен дать *половину* имущества моей жене. Мой тесть был совершенно неповинен в этой истории, несмотря на то что он смотрел на вещи совсем с другой точки зрения, чем мы. Со своей стороны, я, в сущности, очень рад не зависеть от этих денег, особенно потому, что это были деньги моей жены, а не мои. Но я в ложном положении, так как не могу и не хочу рассказывать всем, как обстоит дело в действительности. Вам я сообщил это по секрету и прошу Вас сохранить это в тайне. Нам надо будет решительно изменить наш образ жизни, но это так трудно, поскольку все нас считают богатыми, и мы не можем сказать, что ничего не имеем.

Надо стараться постепенно изменить [свое] положение. Я надеюсь, что план Пальме относительно нового дачного поселка осуществится⁹. Это во многом облегчит положение. Простите мне, сударыня, эти признания из личной жизни, но я знаю, что Ваша привязанность к нам искренняя и что Вы не можете оставаться равнодушной к каким бы то ни было важным вещам, которые нас касаются. Мое положение было очень трудным. С одной стороны, я считал, что мой долг — защищать состояние моей жены, но, с другой стороны, я был слишком горд, чтобы желать зависеть от этого состояния. Гордость одержала верх, и в глубине души я осуждаю

мое собственное поведение. Но, не имея детей, мы все же имели право поступить так, как поступили.

Семья матери моей жены (...), кстати, очень богата, и потому ее поведение еще более непростительно. Вы не можете себе представить, до какой степени эти моралисты правдивы и благочестивы и какие прекрасные принципы они проповедуют при каждом удобном случае. Это в особенности приводит меня в ярость. Но я не хочу больше об этом думать. Надеюсь, что смогу мало-помалу забыть это.

Мне удалось, наконец, написать длинное письмо Вейерштрассу. Попросите разрешения прочесть его. Вы увидите, что я написал о премии.

Передайте привет всем нашим берлинским друзьям, в особенности Вейерштрассам, от преданного Вам друга

Г. Миттаг-Леффлера.

42. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Берлин, 15.VII.84

Милостивый государь!

Я в отчаянии из-за того, что доставила Вам столько волнений. Я думала, что мое письмо уже давно отослано и поэтому я не могла понять смысла Вашей депеши. Должна признаться также, что в последнее время я была так занята различными делами [in Ausspruch genommen], что совершенно потеряла голову. В самом начале августа я думаю выехать из Берлина. Я не поеду в Россию, а направлюсь прямо в Швецию, потому что мне действительно необходимо немного сосредоточиться и собраться с мыслями перед началом лекций. Я, кажется, уже писала Вам, что моя работа теперь у Вейерштрасса. Он обещал мне просмотреть и исправить ее до своего отъезда из Берлина, так что я привезу ее в Стокгольм совсем готовой к напечатанию.

Я Вам уже писала о превосходной работе Фукса о дифференциальных уравнениях, обладающих такими же свойствами, как линейные диф[ференциальные] уравнения. Фукс обещал мне послать Вам один экземпляр; не знаю, сделал ли он это. Но вот что особенно любопытно. Не прошло и двух недель, как Фукс представил эту работу в Академию, а Пуанкаре уже успел воспользоваться ею, чтобы положить ее в основу новой работы, которую он только что доложил Парижской академии². Идея, которая лежит в основе исследований Фукса, теперь, когда он [видимо, Пуанкаре.— Сост.] ее сообщил, кажется столь простой и естественной, что трудно понять, как она никому не пришла в голову раньше.

16.VII. Среда. Я только что получила Ваше последнее письмо. Меня очень поразило и огорчило то, что Вы мне пишете о своих делах. Я благодарю Вас за доверие, которое Вы мне оказываете, откровенно говоря мне о своих интересах. Будьте уверены, что все касающееся Вас глубоко меня интересует. Я ужасно возмущена родственниками Сигне. Вы весной давали мне такие хорошие практические советы, а теперь, когда дело идет о Ваших собственных интересах, Вы оказались большим ребенком, великодушным, импульсивным и не заботящимся о будущем. Теперь моя очередь проповедовать Вам благоразумие. То, что у Вас нет ребенка, еще не является серьезным аргументом, так как у Вас могут быть дети в будущем. Кроме того, Сигне сама еще ребенок и Вы не имеете никакого права пренебрегать ее интересами. Впрочем, признаюсь, что я не считаю большим несчастьем, если Вам в будущем придется жить более скромно. Большая простота в образе жизни, по моему мнению, почти обязательна для звания ученого. Необходимо только, чтобы материальные заботы не мучили и не слишком занимали Вас и особенно чтобы Ваше здоровье позволяло Вам работать и наслаждаться результатами своей работы.

18.VII. Мое письмо еще не было отослано, когда я сегодня получила Ваши несколько строк, сообщающих о смерти Вашего отца³. Опять новое неожиданное несчастье поразило Вас и разрушило все Ваши планы. Меня особенно занимает и беспокоит вопрос о состоянии Вашего здоровья. Вот,

действительно, несчастное для Вас лето. Бедный друг! Как бы я хотела быть сейчас около Вас, потому что беспокойство о Вашем здоровье терзает меня больше, чем я могла бы сказать Вам. Я хотела бы иметь возможность несколько рассеять Вас, потому что горе Вашей матери и тяжелые сцены, сопровождающие каждую смерть, конечно, не дадут покоя и отдыха Вашим нервам. Через две недели я уже буду опять в Стокгольме.

Я очень благодарна Сигне за милое письмо, которое она мне написала из Финляндии. Я ей напишу еще до отъезда отсюда, но сегодня я спешу отправить это письмо. Мне, правда, хотелось бы уже быть в Стокгольме.

Вейерштрасс и Кронекер поручили мне передать Вам дружеский привет и свое участие в Вашем горе. Кронекер обещал, что в течение этой недели он прочтет мне подробный курс лекций по обобщению интеграла Коши. По приезде я сообщу Вам то, что узнаю от него. По-видимому, это нечто замечательное. Я со своей стороны особенно поражена аналогией с потенциалом. Я всегда предчувствовала нечто подобное.

Искренне преданная Вам

С. К.

43. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Ханкобад, Фредриксстад, Норвегия,
30 июля 1884

Миттаг-Леффлер просит по приезде в Стокгольм написать Энестрёму², чтобы договориться относительно мемуара Ковалевской³. Просит предупредить заранее о своем приезде, дает советы о проведении летнего отдыха.

44. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Ханкобад, Фредриксстад, 31 июля 1884

Миттаг-Леффлер сообщает, что если он не поправится через три-четыре дня, то должен будет по совету врача поехать в горы Норвегии, дает советы и рекомендации Ковалевской, если она тоже туда поедет.

45. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Ханкобад, Фредриксстад, 2 августа 1884

Сударыня,

Если Вы этого еще не сделали, то пошлите, пожалуйста, сейчас же *заказной* бандеролью рукопись Вильтхейса² по адресу: Д-ру Вильтхейсу, приват-доценту Университета Галле на Заале. Пришлите мне или привезите почтовую квитанцию. Гюльден или Энестрём смогут Вам помочь в этом.

Если Вы не задержитесь слишком долго в Стокгольме, мы могли бы, быть может, подождать Вас здесь. Я чувствую себя теперь лучше. Мы встретимся в Драммене. Мы думаем уехать из Драммена в следующую среду поездом, который выходит из Христиании в 8.15 утра. Однако мы прекрасно могли бы задержаться здесь на день-два. Главное — чтобы Вы телеграфировали, в какой день Вы можете выехать из Христиании. Телеграфируйте: Миттаг-Леффлер, Ханко, Фредриксстад.

Сигне передает привет.

Преданный Вам Г. М.-Л.

46. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Сёдертелье², 12.VIII.84

Милостивый государь!

Вот я и опять в Стокгольме. Надеюсь, что Вы получили мою телеграмму с сообщением, что я не поеду в Норвегию, но намерена провести два месяца, до 1-го октября, в Сёдертелье. Теперь я Вам все подробно

расскажу. Я приняла это решение не без некоторой внутренней борьбы, так как мне очень хотелось приехать к Вам в Норвегию. Мне не терпелось увидеться с Вами, и я уже рисовала себе очень яркую картину приятной жизни, которую мы будем вести в Норвегии в течение нескольких недель. Но после зрелых размышлений я решила, что совершать эту поездку — неразумно. Для меня чрезвычайно важно сосредоточиться и подготовиться к моему курсу. Мне остается немного времени до конца каникул. В Берлине я все время была занята работой и всякого рода математическими мечтаниями. Теперь необходимо внести некоторый порядок в свои мысли, и я, в сущности, очень довольна, что смогу провести несколько недель в более или менее полном одиночестве. У меня столько всего скопилось в голове, что надо хорошенько все обдумать. Мое здоровье, славу богу, превосходно и не требует особых забот. Я уверена, что шесть недель очень спокойной жизни в Сёдертелье (чудесном местечке) будут для меня гораздо полезнее, чем утомительное путешествие, так как я очень плохо переношу путешествия. Это опять-таки благодаря Вам (хотя косвенно) я нашла в Сёдертелье две очень приличные комнаты; в это время года нелегко найти квартиру в Сёдертелье.

Ковалевская сообщает далее, что друзья семьи Миттаг-Леффлера помогли ей снять здесь квартиру. Надеется, что сможет ездить на лекции после первого октября, поскольку сообщение со Стокгольмом очень удобное.

Я еще не видела Энстрёма и напишу ему сегодня же. Моя работа совершенно готова; но в последний момент Вейерштрасс захотел еще раз просмотреть свою заметку, которая должна предшествовать моей работе и послужить ей введением³. Он самым торжественным образом обещал прислать ее через две недели, и его сестры, в свою очередь, обещали мне ежедневно напоминать ему об этом.

Что касается работы Вильтхейса⁴, то я получу ее через несколько дней. Я отправила ее вместе с большинством моих книг и рукописей через одну берлинскую транспортную контору. Через два дня все должно прибыть в Стокгольм. У Вильтхейса также были различные неприятности с Кронекером, о которых я Вам расскажу при ближайшем свидании. На сегодня прощайте, дорогой друг. У меня такая масса писем, на которые я должна ответить, что я совершенно раздавлена грузом моей корреспонденции, и я никому не пишу, потому что должна написать многим. Кланяйтесь от меня Сигне.

Я только что прочитала очень интересную мою биографию, написанную Вашей сестрой. Она очень интересна, но есть два пункта, против которых я имею возражения. Так как эта биография должна послужить образцом для других, то, по моему мнению, очень нехорошо, что она, как Ваша сестра, ничего не говорит о роли, которую Вы сыграли в моем назначении. Во-вторых, она слишком много говорит о важности моей работы. Если бы я была на месте моих врагов, то я не упустила бы такого благоприятного случая, чтобы поиздеваться надо мной.

До свиданья, дорогой друг, надеюсь, до скорого.

Искренне преданная Вам

С. К.

47. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Сёдертелье, 22.VIII.84

Любезный господин профессор!

Сегодня я попробую написать Вам по-шведски, хотя боюсь наделать столько ошибок, что мое письмо послужит лишь тому, чтобы показать Вам, как плохо еще обстоит дело с моим шведским языком.

Прежде всего, я хочу сказать, что меня очень радует Ваше намерение приехать в Сёдертелье в начале следующего месяца и остаться здесь на несколько недель. Я рассказала об этом фрекен Темптандер, и она обещала мне сделать все, что в ее силах, чтобы помочь мне найти для Вас помещение. Я надеюсь, что нам удастся получить что-нибудь хоро-

шее, так как многие курортники уезжают из Сёдертелье уже к концу августа. Я извещу Вас, как только нам удастся найти что-нибудь подходящее.

Я написала и отослала оба письма, о которых Вы мне писали, к проф. Леке и к г. Лундгрёну. Я надеюсь, что, пользуясь уроками последнего, я сделаю большие успехи в шведском языке, чем это было до сих пор.

Я так боюсь, как я смогу справиться на следующих заседаниях.

Вы, вероятно, уже знаете, что Тереза Гюльден была сильно больна. Речь шла о скоротечной чахотке. Теперь она живет в Даларё, на вилле, которую г-жа Линд ав Хагебю сняла на лето; последние полученные мною оттуда известия были довольно благоприятными. Несмотря на это, я еще не получила позволения ее навестить, так как она должна находиться в полном покое, и прежде всего не говорить громко. Проф. Гюльден в настоящее время у нее.

Доктор Баклунд навестил меня здесь в Сёдертелье. Он рассказал мне, что Правление Высшей школы не приняло денег на жалованье проф. Гюльдена под тем предлогом, что совершенно бесполезно получать деньги на 5 лет; еще не решено, как поступить в этом случае. Предлагают предложить их еще раз и в случае нового отказа поставить вопрос о том, вправе ли Правление просто отказаться от дара Высшей школе.

А теперь я кончаю свое письмо на сегодня. Мне очень нравится Сёдертелье, но живу я настолько тихо и уединенно, что ничего не знаю о том, что происходит на свете. Поэтому мои письма так мало интересны. Я напишу Вам снова, как только смогу Вам что-нибудь сообщить.

Пожалуйста, передайте от меня поклон Сигне.

Ваш преданный друг

С. Ковалевская.

48. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Швеция] 26.VIII.84

Милостивый государь!

Сегодня утром я получила Вашу телеграмму. Существует мало вещей, которые так раздражали бы меня, как глупость стокгольмской почты. По приезде в Швецию мой почти первый визит был нанесен Центральному почтамту. Мне там вручили целый пакет писем, книг, адресованных на имя *господина* Ковалевского. Ввиду того что 1) я никогда, по крайней мере до сих пор, не претендовала на это звание и что 2) Ваша сестра писала мне, что в Париже она познакомилась с профессором Ковалевским² (совсем не моим родственником), который сообщил ей, что этой осенью будет в Стокгольме, я сочла своим долгом отказаться от этого пакета и очень долго объясняла директору почтамта, что письма, адресованные г-же профессору Ковалевской, надо направлять в Сёдертелье, а эти сохранить для г-на профессора Ковалевского в Стокгольме. Я оставила такое же заявление в письменном виде; но это нисколько не помешало тому, чтобы на другой же день после моего приезда в Сёдертелье мне снова вручили тот же несчастный пакет, в то время как адресованные мне письма, которых я жду с лихорадочным нетерпением, отправились путешествовать по Норвегии и бог знает, где еще. Я снова написала стокгольмскому почтамту. Не знаю, каков будет результат.

Ковалевская сообщает о поисках квартиры для Миттаг-Леффлера в Сёдертелье, о своем устройстве и о найме квартиры с пансионом в Стокгольме на ул. Виллагатан, 18.

Сегодня я получила извещение, что первое заседание совета преподавателей Высшей школы состоится 3 сентября. Если бы Вы знали, как я дрожу при мысли, что я должна отправиться туда и встречу там только недоброжелательных людей. В. Рюдберг³ приедет в Стокгольм только 8 сентября.

Ваша кузина Лундгрэн⁴ еще не ответила на мое письмо. Я очень сердита на Вейерштрасса; он еще не прислал мне своей работы, которая обязательно должна предшествовать моей.

Прощайте на сегодня, дорогой друг. Я шлю дружеский привет Сигне и очень рада увидаться с Вами обоими.

Преданная Вам

С. К.

49. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм] 3 сентября 1884

Мои дорогие друзья, Сигне и профессор!

Благодарю Вас за Ваши ласковые строки, и особенно тебя, Сигне, за твою работу по переписке начисто письма твоего мужа. Собственно говоря, этого не требовалось, так как я очень хорошо понимаю почерк профессора, даже когда он пишет по-шведски и карандашом — я уже имела довольно много опыта с этим.

Я как раз вернулась с заседания Ученого совета; все прошло очень хорошо. Многие профессора отсутствовали. Брёггер, Леке, Петерсон, Рубенсон (физик) и я представляли весь Ученый совет. Относительно программы я согласна с мнением Брёггера — расположить ее по предметам, а в конце приложить список профессоров с обозначением времени их занятий. Первая запись студентов будет происходить десятого, вторая — тринадцатого числа этого месяца (как Вы и желали). К концу нашего заседания пришел советник юстиции Линдхаген. Он предложил увеличение платы для студентов. Брёггер был против этого; затем дошло до голосования. Я попросила позволения не голосовать, так как слишком мало знаю экономическое положение студентов, чтобы судить в этом вопросе.

Я очень огорчена тем, что Вы изменили свой первоначальный план приехать в Сёдертелье и побыть здесь, хотя я признаю, что это большой эгоизм с моей стороны. Но воздух здесь очень приятен и свеж, и я думаю, что провести здесь несколько недель после вашего возвращения будет профессору очень полезно.

Несколько дней тому назад я получила письмо от г. Рунге, в котором он высказал намерение навестить нас во время этих каникул. Он не пишет точно, когда он думает приехать, но, на основании его прежних высказываний, я думаю, что это будет во второй половине сентября. Мне кажется, что нам всем было бы очень приятно провести вместе несколько недель в Сёдертелье, где пока гораздо лучше, чем в Стокгольме. Подумайте о том, как это было бы прелестно!

От Вейерштрасса я не получила ни одного письма после своего возвращения в Швецию. Я даже не знаю его адреса в настоящее время, так как он обещал написать мне, как только поселится в определенном месте. Что мне теперь делать? Моя статья совершенно готова, и его также, за исключением маленькой заметки, написать которую можно в несколько часов. Как это досадно!

А теперь до свидания, мои дорогие друзья². Я так стремлюсь с Вами увидаться.

Преданная Вам

Софья Ковалевская.

4 сентября.

Я снова распечатала это письмо, написанное вчера вечером, чтобы рассказать, что я только что получила Ваше письмо от 30/8. К сожалению, оно пришло слишком поздно для того, чтобы я могла воспользоваться теми сведениями, которые Вы мне даете относительно последнего заседания. Как я уже писала, я не знаю адреса Вейерштрасса, знаю только, что он путешествует где-то в окрестностях Мюнхена. Он хотел поселиться в каком-нибудь красивом местечке и обещал тотчас же привести в поря-

док свою статью и переслать ее мне. Невозможно представить себе, насколько он обленился за последнее время, особенно, когда дело идет о публикации чего-нибудь. Я думаю, что это зависит от его здоровья. Таким образом, телеграфировать ему невозможно, но я напишу в Берлин очень настоятельное письмо, которое, как я надеюсь, ему скоро перешлют.

Я считаю, что можно начать печатать мою статью³, по крайней мере первый лист ее, не ожидая его статьи; в последней части я, однако, привожу столько цитат из В[ейерштрасса], что ее нельзя печатать без его последней редакции. В противном случае пришлось бы, пожалуй, слишком много менять после.

Ничего, конечно, не вышло из намерения Вейерштрасса сообщить результаты Вашей последней работы на семинаре. Невозможно было заставить его прочесть ее с надлежащим вниманием; он сам говорил потом, что чувствует такое отвращение ко всякой серьезной работе, которого не может преодолеть.

С большим нетерпением ожидаю Вашего возвращения.

Преданная Вам

С. К.

50. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Сёдертелье, 7.IX.84²

Любезный г. профессор!

Я только что получила письмо от г. Рунге, который пишет, что он выезжает из Англии 5 сент[ября] и уже десятого (в среду) будет в Стокгольме. Я очень рада, что он придет, но очень жаль, что это будет до Вашего приезда. Теперь мне особенно хотелось бы убедить Вас и Сигне приехать в Сёдертелье и остаться здесь две последние недели сентября. Я надеюсь, что г. Рунге Вам понравится. Он очень интересный человек и энтузиаст математики. Как приятно было бы провести здесь несколько недель всем вместе! Если Вы не захотите приехать в Сёдертелье, то я могла бы также вернуться в Стокгольм раньше предполагаемого срока, но мне это будет довольно трудно сделать, так как моя квартира не освободится до 1 окт[ября] и будет нелегко найти комнату на такой не продолжительный срок. Здесь же, наоборот, сейчас имеется сколько угодно хороших и дешевых комнат.

Далее Ковалевская сообщает о возможности снять квартиру в Сёдертелье вместе с Миттаг-Леффлерами и комнату поблизости для Рунге.

Погода все последнее время была прекрасной, и предсказывают, что весь сентябрь тоже будет хорошим. В Стокгольме пока еще очень нехорошо: душно, пыльно и нездорово. От Вейерштрасса я еще ничего не получила.

Прошу передать привет Сигне.

Преданная Вам

С. К.

51. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Стокгольм [октябрь 1884]

Сударь!

Я пойду сегодня к двум часам к русскому министру² и без 1/4 7 мы с Рунге придем к Вам.

Полностью преданная

Софья Ковалевская.

52. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Октябрь 1884

Уважаемый господин профессор!

Беру на себя смелость послать Вам съю лекцию для следующей среды с покорнейшей просьбой просмотреть ее. Если Вы найдете, что необходимо внести какие-нибудь существенные изменения, то, пожалуйста, сообщите мне об этом заблаговременно.

По-видимому, статья Пуанкаре, помещенная в «Comptes rendus», — та самая, которая так рассердила Кронекера ².

Я была сегодня у русского посла, но не застала его дома. Вследствие этого я отложу также свой визит королю до следующего вторника.

С приветом
Преданная Вам

С. К.

53. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

28 окт. 1884

Милостивый государь!

Я была у короля, который принял меня очень любезно. Я ему прочла целую лекцию о теории обертонов Гельмгольца ²; он казался очень заинтересованным!!! Не будете ли Вы добры посмотреть мою лекцию? Я задаю Вам ужасную работу, но что делать? Когда Вы мне вернете ее?

После короля я была на катке, потом работала, а теперь снова иду на каток. Вот что значат страсти!

С. К.

54. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

Лейпциг, 14/12—84

Милейшая г-жа Ковалевская!

Сердечное спасибо за дни в Берлине и за все любезности, которые Вы нам оказали. В настоящее время я не успеваю написать каждому, кто проявил гостеприимство, и прошу Вас поэтому пока передать от нас приветы. Передайте прежде всего Вейерштрассу горячую благодарность за всю ту доброту, которую он, как и всегда, оказал мне. Он был и остается крупнейшим современным математиком не только по глубине и широте тех проблем, которые его занимают, и по той огромной душевной силе, с которой он умеет преодолевать величайшие затруднения, но он велик и как человек, а это, как Вы хорошо знаете, чрезвычайно редко встречается в научном мире Германии. Передайте также Ханзemannу нашу искреннюю благодарность за приятный день, который мы с ним провели. Рунге также передайте сердечное спасибо за его любезность и готовность услужить и за приятные часы, проведенные с ним. Собственно говоря, есть только три немецких математика, которые мне совершенно ясны по своему характеру, — это Вейерштрасс, Рунге и Хеттнер. Последний всегда, к сожалению, останется незначительным математиком, с Рунге же дело обстоит совсем иначе. Он, несомненно, пойдет далеко, несмотря на то что хорошо танцует, и меня очень радует, что он в то же время всегда останется глубоко честным человеком, для которого наука является великим и святым делом, а не служит только средством преуспевания в жизни.

Передайте Кронекеру, Фуксу и г-же Борхардт, а также Бильдтам самые лучшие пожелания, а первым трем и большую благодарность.

Быть может, опасно не сообщить, что мы были в Галле ². Вы можете поэтому мимоходом сказать Вейерштрассу и Кронекеру, что мы уехали не в субботу вечером, а только в воскресенье, и решили поэтому провести несколько часов в Галле и несколько в Лейпциге.

Я нашел Кантора в состоянии сильного раздражения. Он страдает тем же недостатком, что и Гюльден, он непременно хочет быть признанным

Андерс Линдстедт
(1854—1939)

Густав Энестрём
(1852—1923)

другими и не довольствуется тем удовлетворением, которое должны бы давать ему его собственные открытия. Если бы он был удовлетворен сам, то и признание других скоро выпало бы на его долю. Всегда ведь труднее всего получить то, чего больше всего хочешь добиться. Однако я признаю, что ему неприятно быть вынужденным довольствоваться жалованьем в 3500 марок, в то время как, например, Фукс получает 11 000 твердого жалованья.

В общем же было очень интересно поговорить с ним. У него необыкновенно много идей. Он навестит Вас в Берлине на рождество, и, мне кажется, Вы получите удовольствие от встречи с ним.

Ну, передайте же, пожалуйста, все мои приветы, и еще раз спасибо за дни, проведенные в Берлине.

Напишите мне подробное письмо в Рим и опишите подробно обед у Бильдтов. Мы, вероятно, приедем в Рим через 8 дней, утром.

Постарайтесь, при случае, получить статью от Гельмгольца³. Я надеюсь, что Вам с Вашим женским тактом это удастся. Расскажите ему, что Бельтрами⁴ написал в «Acta» и что Вейерштрасс тоже поддерживает нас.

Сигне шлет сердечный привет.

Преданный Вам Г.М.-Леффлер.

55. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Рим, 24 декабря 1884

Милейшая г-жа Ковалевская!

Ну и прилежная же Вы корреспондентка! Я до сих пор не получил от Вас ни строчки. А мне так хочется поскорее узнать о разных вещах. Я надеюсь, что Вы получили мое первое письмо со всеми приветами, и надеюсь, что Вы передали эти приветы.

А теперь я попрошу Вас сейчас же, согласно Вашему обещанию, написать в Париж и попросить Вашего зятя оказать нам любезность и присмотреть для нас комнату в отеле «Лувр» на четвертом или пятом этаже. За комнату с услугами и освещением можно заплатить около 10 франков в сутки. Мы приедем, вероятно, 30-го вечером из Турина, но,

может быть, 31-го или даже 1-го. Я телеграфирую из Турина в отель о своем приезде. В комнате должно быть нагрето и постели согреты к нашему приезду. Самое главное, чтобы комната была расположена, по возможности, в тихом окружении. Сообщите мне также в Париж адрес Вашего зятя, чтобы я сразу же мог посетить его. Мы очень приятно провели вечер и еще целый день в Павии². Казорати пригласил нас на интересную экскурсию в Чертоза³; оба дня мы у него обедали. В Риме мы встретили Бриоски, Бетти, Дини, Кремону, Черрути, Гучча. Бельтрами мне не удалось повидать. В Турине мы, вероятно, останемся на один день.

Здесь, в Италии, Вы — после поездки Шварца⁴ в Италию — считаетесь его ученицей. Вы частным образом учились у него!

Сигне шлет сердечный привет. Я сейчас устал и хочу спать. Мы все время в движении. Напишите же, наконец, и поскорее, просит

преданный Вам

Г. Миттаг-Леффлер.

Нажимайте всеми силами на Вейерштрасса, чтобы его вопросы⁵ пришли в Париж около 3-го. Я не могу остаться дольше, чем до 8-го или 7-го, и должен еще располагать временем, чтобы посоветоваться с Эрмитом⁶.

56. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Берлин, пятница, вечером [почт. штемпель 25/12—1884]²

Милостивый государь!

Я только что возвратилась с обеда у Бильдтов. Это было блестяще. Присутствовало 50 человек, все графы и бароны. Особой наименьшего значения была одна знатная дама, толстая, как стол, в ярко-красном бархатном платье, декольтированная и с большим количеством бриллиантов. Я, конечно, никого не знала из всего этого общества и в первый момент была в достаточной степени смущена, но в дальнейшем даже не очень скучала, так как познакомилась с немецким семейством фон Поммер-Эше, большими аристократами, но в то же время довольно симпатичными. Они знали многих из моих родственников³, так что мы немедленно нашли, о чем говорить. Бильдт был очень любезен, но мадам и м-ль — весьма натянуты. По этому случаю я не смогла заговорить об «Acta».

Вчера я была у Кронекеров, где собрались все математики, молодые и старые. Завтра состоится большой обед у мадам Борхардт, а послезавтра опять обед — у Ханземана. Завтра же мне придется сделать десяток визитов, в том числе Кирхгофу, Сименсу и Гельмгольцу. Результатом этого, вероятно, будет ряд новых приглашений. Вы видите, дорогой друг, что даже после Вашего отъезда мне не удастся остепениться, и я продолжаю вести тот же рассеянный образ жизни. Тем не менее по моей просьбе Хеттнер и Кноблаух принесли мне массу заметок и бумаг, касающихся функциональной части алгебры⁴, так что я надеюсь во время пребывания здесь подготовить свой курс к следующему семестру. Что касается редактирования моей небольшой статьи об уравнениях⁵, то об этом нечего и думать. Я сделаю это по возвращении в Стокгольм.

С большим нетерпением ожидаю писем от Вас. Как Вам правится в Италии?

Шварц написал Вейерштрассу, что он намерен на два дня приехать в Берлин специально для того, чтобы повидать г-жу Ковалевскую и побеседовать с ней о дифференциальных уравнениях в частных производных. Как Вы это находите?

До свидания, дорогой друг. Пишите мне поскорей и будьте здоровы. Мой дружеский привет Сигне. Рунге на рождество уехал к своей семье. Он вернется только после Нового года.

Искренне преданная Вам С. К.

Вейерштрасс торжественно обещал мне, что во время своих каникул он займется Вашей задачей на премию⁶.

Берлин, Шеллингштрассе, 16 (W) у г-жи Альм
[почтовый штемпель 28/12—84]

Милостивый государь!

Я очень огорчена, что не имею от Вас известий. Кажется, Вы меня совсем забыли, и хотя вполне естественно, что во время путешествия Вы не имели времени мне написать, однако я чувствую, что очень тяжело так долго ничего о Вас не знать.

Получили ли Вы в Риме мое письмо, которое я послала в шведское посольство?

Я провела довольно печальное рождество. Вейерштрасс уехал на неделю в Веймар повидать свою сестру Клару и «ребенка»². Г-н Ханземап, мой самый верный друг, заболел и принужден был оставаться в течение нескольких дней в постели, так что я не могла его видеть. Теперь ему немного лучше, но, вероятно, он не сможет выходить из комнаты еще в течение нескольких дней. Рунге уехал в Бремен к своей матери, таким образом, я осталась совсем одна.

В качестве рождественского подарка я получила от Вашей сестры статью Стриндберга³, в которой он ясно, как $2 \times 2 = 4$, доказывает, насколько такое чудовищное явление, как женский профессор математики, пагубно, бесполезно и неприятно. Я нахожу, что, в сущности, он прав; единственное, против чего я возражаю, это то, что в Швеции очень много математиков мужчин, которые превосходят меня, и что меня туда пригласили только из простой учтивости.

Подумайте, какая странная ирония судьбы. Три человека, которые осыпали меня любезностями в последние дни, были: г-жа Борхардт, профессор Эмиль Дюбуа-Реймон и Шварц! Мои истинные, самые горячие симпатии, как Вы знаете!

Дюбуа-Реймон приложил величайшие усилия, чтобы мне разрешили посещать лекции после Нового года, и я думаю, что ему это удалось. Г-н Шварц написал мне вчера ультралюбезное письмо, в котором он извещает меня, что придет после Нового года в Берлин специально, чтобы меня повидать и поговорить со мной.

Вот, милостивый государь, все, что я могу Вам сейчас рассказать интересного. В сущности же, мое настроение очень печально, так как я получила плохие известия о своей сестре. Болезнь ее очень быстро прогрессирует. Теперь пострадало зрение; она не может больше ни писать, ни читать, причина все та же; сердце работает плохо, кровь застывает в капиллярных сосудах, в результате чего — местные параличи. Я дрожу при мысли — какая страшная потеря, быть может, мне угрожает в ближайшем будущем.

Как ужасна жизнь, и как глупо продолжать жить! Сегодня как раз день моего рождения, мне 31 год сегодня⁴, и отвратительно сознавать, что мне остается прожить, быть может, еще столько же. Как же это хорошо в драмах и в романах: едва кто-нибудь сделает открытие, что жизнь для него ничего больше не доставит приятного, сразу же появляется кто-нибудь или что-нибудь, что облегчает переход в «потусторонний мир» («Jenseits»). Действительность уступает романам в этом отношении. Сколько говорят обо всех усовершенствованиях организма, которые развиваются у живых существ сами по себе, вследствие селекции и т. д. Я нахожу, что, в сущности, самым желательным усовершенствованием было бы умирать легко и быстро. С этой точки зрения человек, конечно, ушел далеко назад. Насекомые и низшие животные никогда не могут решиться умереть. Это неслыханно, сколько могут страдать, не переставая существовать, членистоногие, по чем выше поднимаешься по лестнице бытия, тем переход становится более быстрым и легким. Для птицы или дикого животного — льва, тигра — почти каждая болезнь смертельна; либо полная радость жизни, либо смерть. Нет страданий. Но человек в этом отношении снова приблизился к насекомым, и ряд лиц из моих

знакомых заставляет меня невольно думать о насекомых, у которых вырваны крылья, многие суставы раздавлены, ножки сломаны, а они все же не могут решиться умереть.

Простите, что пишу Вам сегодня в таком грустном тоне. Я действительно в очень печальном настроении. Хуже всего то, что я совсем не чувствую себя расположенной к работе. Мне все еще не удастся заставить себя заняться сколько-нибудь серьезным образом своими лекциями для будущего семестра. Но я много думала о следующей проблеме⁵: возьмем такую систему дифференциальных уравнений

$$\begin{aligned} dx/dt &= ax^2 + by^2 + cz^2 + 2dyz + 2ezx + 2fxy, \\ dy/dt &= a_1x^2 + b_1y^2 + c_1z^2 + 2d_1yz + 2e_1zx + 2f_1xy, \\ dz/dt &= a_2x^2 + b_2y^2 + c_2z^2 + 2d_2yz + 2e_2zx + 2f_2xy. \end{aligned} \quad (1)$$

Введя вместо x, y, z линейные функции

$$\begin{aligned} \xi &= \alpha x + \beta y + \gamma z, \\ \eta &= \alpha_1 x + \beta_1 y + \gamma_1 z, \\ \zeta &= \alpha_2 x + \beta_2 y + \gamma_2 z, \end{aligned}$$

можно привести эту систему уравнений к некоторому числу более простых типов. Один из наиболее интересных следующий:

$$\begin{aligned} dx/du &= x(ax + by + cz), \\ dy/du &= y(a_1x + b_1y + c_1z), \\ dz/du &= z(a_2x + b_2y + c_2z). \end{aligned}$$

В частном случае, когда между постоянными a, b, c имеются соотношения

$$a_2 = a_1 = -a, \quad b_2 = -b_1 = b, \quad -c_2 = c_1 = c,$$

эта система уравнений может быть полностью проинтегрирована с помощью эллиптических функций. Система общих интегралов представляется в форме линейных функций трех отношений

$$\frac{\sigma_1(u - u_0)}{\sigma(u - u_0)}, \quad \frac{\sigma_2(u - u_0)}{\sigma(u - u_0)}, \quad \frac{\sigma_3(u - u_0)}{\sigma(u - u_0)},$$

где постоянные g_2, g_3 , которые входят в состав σ , являются произвольными. Это показывает, что система дифференциальных уравнений (1) для некоторых значений постоянных $a, a_1, a_2, \dots$ может быть проинтегрирована с помощью однозначных функций от переменной u , которые имеют лишь одну существенно особую точку $u = \infty$, а для конечных значений u — только полюсы первого порядка.

Первый вопрос, который может быть поставлен: узнать, ограничивается ли это свойство тем частным случаем, который мы рассмотрели, или же оно распространяется на другие значения постоянных a, b, c и т. д.? Чтобы ответить на этот вопрос, я рассуждаю следующим образом.

Пусть будет

$$\begin{aligned} x &= x_0 + x_1 u + x_2 u^2 + \dots \\ y &= y_0 + y_1 u + y_2 u^2 + \dots \\ z &= z_0 + z_1 u + z_2 u^2 + \dots \end{aligned}$$

— система элементов функций, удовлетворяющая уравнениям (1). Согласно известной теореме для дифференциальных уравнений на границе круга сходимости этих рядов должна находиться точка u_0 , для которой по крайней мере одна из величин x, y, z становится бесконечной. Прежде всего надо проверить, может ли система функций x, y, z , удовлетворяющая уравнениям (1), вообще допускать полюсы или же только существенно особые точки, другими словами, можно ли удовлетворить уравнениям (1) рядами вида

$$\begin{aligned}x &= x_{-m} (u - u_0)^{-m} + x_{-m+1} (u - u_0)^{-m+1} + \dots, \\y &= y_{-m} (u - u_0)^{-m} + y_{-m+1} (u - u_0)^{-m+1} + \dots, \\z &= z_{-m} (u - u_0)^{-m} + z_{-m+1} (u - u_0)^{-m+1} + \dots,\end{aligned}\tag{2}$$

где m — целое положительное число (или по крайней мере какое угодно положительное число). Легко будет убедиться, что это возможно только в случае $m=1$ и что тогда это всегда возможно.

Каждая система функций x, y, z , удовлетворяющая уравнениям (1), может допускать только полюсы первого порядка или существенно особые точки. Но вот что наиболее важно: если мы будем считать постоянные $a, b, c \dots$ в уравнениях (1) произвольными, ряды (2) будут абсолютно определены с точностью до одного коэффициента. Это показывает, что общие интегралы ур[авнений] (1) должны были бы иметь еще другие особенности, кроме полюсов. Но в случае, когда между постоянными уравнений имеется зависимость

$$a_1 b_2 c = a_2 b c_1,$$

еще один из коэффициентов рядов (2) остается неопределенным, и ряды содержат, как и в особом случае, рассмотренном выше, где интегрирование производится с помощью эллиптических функций, три произвольные постоянные, которые могут быть определены так, чтобы эти ряды принимали желаемые значения ξ_1, η_1, ζ_1 для произвольного значения $u=u_1$.

Это позволяет нам сделать заключение, что в этом случае общие интегралы будут также однозначными функциями на всей плоскости, имеющими только одну существенно особую точку $u=\infty$, а для конечных значений u — только полюсы первого порядка.

Вот что представляют в настоящий момент мои исследования. Я не знаю, смогу ли развить их дальше. Вопрос, каковы же эти однозначные функции, существование которых мы доказали, мне кажется крайне интересным, тем более что изучение свойств этих функций, возможно, когда-нибудь прольет свет на свойства более общих функций:

$$dx_\alpha/dt = g_\alpha(x_1, \dots, x_n),$$

где g_α — квадратичная форма от n переменных.

Я боюсь, что трудности, которые встретятся в дальнейших исследованиях, окажутся значительно превышающими мои силы, и чтобы за них приняться, нужен более искусный математик, чем я.

Я жду с большим нетерпением Ваших известий о математиках Парижа. Был момент, когда я почти решилась присоединиться к Вам, но теперь, после того когда Дюбуа-Реймону стоило такого труда уладить дело с лекциями, я нахожу невозможным уехать как раз в такой момент.

Я говорила с Кронекером относительно бюста Вейерштрасса⁶. В сущности, Кронекер сейчас хорошо паладил это дело: он нашел скульптора, который согласен сделать мраморный бюст за сумму не менее 1200 марок. Если собранная сумма превысит эту цифру, бюст будет сделан большего размера; если сумма будет недостаточной (что будет более чем стыдно), придется ограничиться барельефом. Я еще не видела Гельмгольца. Я была у него, но его не было дома.

Прощайте на сегодня, милостивый государь.

Мой сердечный привет Сигне,

Ваша С. К.

Р. S. Адрес моего зятя в Париже: Монмартр, улица Лепик, 55.

58. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Берлин, Кетеперштрассе, 33 1(W), 31.XII.84

Милостивый государь!

Я с величайшим нетерпением ожидала Вашего мнения относительно обращения [Ausruf], посланного Вам Фуксом². Кантор, вероятно, уже

написал Вам по этому поводу; я также получила от него длинное письмо³ и копию его письма к Фуксу, которую он, вероятно, послал и Вам. В общем он прав. Обращение ничего не стоит. Оно составлено таким образом, что даже Чебышев, Кейли или Сильвестер не возражали бы против того, чтобы подписаться под нашим посланием. Таким образом, это уже не будет свидетельством восхищения теориями Вейерштрасса со стороны его учеников, а просто выражением чисто формального уважения. Я ничего не подпишу, пока не узнаю Вашего мнения.

С другой стороны, было бы очень печально, если бы поднесение этого бюста стало поводом для обмена враждебными высказываниями между различными немецкими математиками. Я боюсь, что вместо удовольствия это доставит Вейерштрассу только лишнее огорчение и будет новым доказательством того, как мало у него друзей и действительно преданных учеников.

Я нахожу, что единственное, что надо сделать,— это чтобы Вы написали проект нового обращения, более искреннего и более теплого, и чтобы в очень любезном письме Вы его предложили на отзыв Фуксу. Тогда Фукс не решится открыто выступить против него. Письмо же, написанное Кантором, напротив, в высшей степени нетактично и оскорбительно и для Фукса, и для Кронекера. В сущности, Вы правы в Вашем мнении о немцах. В массе они ничего не стоят. Вы не можете себе представить, сколько неприятных впечатлений я вынесла за две последние недели. Я Вам все расскажу при свидании. Я уже почти решила поехать к Вам в Париж, но мой друг Дюбуа-Реймон⁴ как раз получил для меня разрешение на посещение лекций. Таким образом, мне совершенно невозможно уехать именно теперь, не воспользовавшись этим разрешением.

Я написала моему зятю в тот же день, как получила Ваше письмо. Надеюсь, что он получил его вовремя и что он нашел Вам приличную комнату.

В[ейерштрасс] возвратился вчера. Этот ленивец еще ничего не написал. Он вчера обещал мне, что все устроит таким образом, чтобы Вы получили его предложение о задаче⁵ до 6-го числа. Что мне с ним делать, чтобы заставить его сдержать свое обещание?

Шлю привет Сигне.

Преданная Вам С. К.

1885

59. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Берлин, Кетенерштрассе, 23, 16.1.1885²

Милостивый государь!

Я очень рада Вашему решению ехать через Берлин. Лишь бы только Вы снова не изменили его! Столько причин, по которым Ваше присутствие здесь необходимо! Вейерштрасс очень рад повидаться с Вами. К сожалению, он теперь болен. Одно время мы очень беспокоились за него, опасаясь воспаления легких. Он еще сильно кашляет, но я думаю, что опасность миновала. Бухер (близкий друг Бисмарка) также болен. Может быть, он поправится к Вашему приезду; тогда Вы сможете поговорить с ним лично.

До свидания. Я ожидаю Вас с нетерпением.

Преданная Вам С. К.

60. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Гамбург, 22/1—1885

Сударыня!

Если Вы теперь остаетесь, то прошу Вас, если Вы питаете сколько-нибудь дружбы ко мне и интересуетесь делом, которое сейчас больше всего меня беспокоит, исполнить следующее. Привезите вопросы Вейер-

штрасса для премии², хорошо ли, плохо отредактированные на немецком языке, вполне ли готовые или нет, лишь бы я действительно получил их. Я знаю, что у него самые добрые намерения. Жестоко мучить его, но как в его интересах, так и в моих, чтобы я сейчас получил их. Он может позднее прислать сколько угодно своих поправок и изменений, лишь бы он сейчас приготовил предварительную редакцию. Навещайте его каждый день, приставайте непрерывно, плачьте и стенайте, если это понадобится, но не бросайте дела. Напишу еще из Копенгагена.

Привет.

Ваш Гёста.

61. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Стокгольм [май 1885]

До свидания, дорогой Гёста. Желаю Вам счастливого пути. Самое главное — пусть восстановится Ваше здоровье. Прошу Вас писать так часто, как только Вы сможете. Как только приеду в Петербург², напишу Жаклару по поводу Пиренеев³.

Спасибо за все.

Преданная Вам

София.

62. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Пароход] «Гаутиод», 11/5—1885

Дорогая г-жа Ковалевская!

Линдхаген сказал мне при моем последнем посещении его, что он за то, чтобы продолжать осенний семестр до 15 декабря, но зато оканчивать весенний семестр 15 мая. Я считаю, что мы должны постараться установить это на будущий год. Это можно решить осенью.

А теперь несколько напоминаний.

1. *Как можно скорее* составить диариум². Передать Линдхагену лично. Рассуждение относительно механики — согласно договоренности. Передать диариум *как можно скорее*, пока Линдхаген еще хорошо настроен к механике. Подойти к нему около 1/2 5-го пополудни, а если не застанете его, то пойдите и на следующий день и вообще продолжайте, пока не найдете его. *Энергия!*

2. Навестите немедленно Рубенсона. Если не застанете его дома, то отыщите в Метеорологическом институте Академии наук³. Пусть он покажет Вам этот институт, а затем сведет Вас в Институт Эдлунда⁴. Вы должны видеть Эдлунда и иметь с ним длинную беседу *до того*, как вопрос о механике будет поставлен в Правлении. Не откладывайте, следовательно, этого *ни на один день!*

3. Если расписание лекций будет составлено весной, то заявите за меня, что я читаю: среда $\frac{1}{2}1-\frac{1}{2}2$ (Вы читаете тогда с 11 до 12) дифференциальные уравнения. Суббота $\frac{1}{2}1-\frac{1}{2}2$ — элементы высшей арифметики.

Если Вы по той или иной причине должны будете ехать домой через Германию, то узнайте, не следует ли Вам поехать пароходом через Любек. Цена снижена до 40 крон, и пароходы превосходные.

Путешествие, применительно к обстоятельствам, прошло хорошо. Если захотите узнать подробности, в сущности, совершенно неинтересные, то зайдите к моей матери. Мы теперь находимся за Травемюнде, стоит ненастная, дождливая погода. Здесь холоднее, чем в Стокгольме.

Не пропустите празднества в честь Линнея!⁵ Надо, чтобы Вас видели там.

Мой адрес на ближайшее время: Монтрё, кантон Во, Швейцария, до востребования. Мы останемся здесь по крайней мере 8 дней.

4. Напишите, пожалуйста, сейчас же Перотту и попросите его прислать мне лекции по теории чисел заказной бандеролью по адресу Монтрё.

Сигне шлет сердечный привет. Пора мне укладываться, чтобы не позабыть половину своих вещей, как это случилось с одним моим коллегой.

Я так устал и так слаб, что, право, не знаю, как я доберусь до Монтрё. Ну это как-нибудь да удастся.

Сердечное спасибо за верную товарищескую работу в истекшем учебном году. Желаю нам снова встретиться здоровыми и бодрыми.

Горячо преданный Вам
Г. Миттаг-Леффлер.

63. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Стокгольм, 15 мая, пятница [1885]

Милостивый государь!

Я только что получила Ваше милое письмо. Сегодня я могу сообщить Вам очень мало интересного. 1. Я написала значительную часть своего диариума, но мне еще не удалось поймать Бендиксона, чтобы он исправил мне его. Он должен прийти ко мне завтра, а в понедельник я смогу пойти к Линдхагену. 2. Я была у Рубенсона, но никого не застала дома и оставила две визитные карточки, для него и для его супруги. Мне не хотелось бы разыскивать его в Метеорологическом кабинете (институте.— *Сост.*) 3. Состоялось собрание профессоров для обсуждения вопроса о том, следует ли послать депутацию для возложения венка у статуи Линнея². Варминг и Леке были избраны в качестве представителей ботанических и зоологических наук. По этому случаю, еще не получив Вашего письма, я сообщила, что Вы будете читать: «Начала высшей арифметики» — 1 час и «Линейные дифференциальные уравнения» — 1 час. Что касается времени чтения лекций, то оно еще не может быть установлено, так как в связи с переменой помещения осенью придется, вероятно, при распределении часов принять в соображение и других лекторов. Так, по крайней мере, мне сказал Варминг.

Третьего дня я обедала у директора банка Пальме. Общество, которое я там встретила, было скорее назидательным, чем интересным. Оно состояло из старой гувернантки швейцарки и из священника французской церкви в Стокгольме. Разговор почти все время вращался вокруг безнравственности новой пьесы Анны-Шарлотты³. Пальме имел даже смелость заявить, что ничего подобного никогда не могло бы произойти в Стокгольме. Я ему заметила, что, хотя и не претендую на то, что хорошо знаю стокгольмское общество, но мне пришлось уже слышать несколько небольших историй, героями которых являются весьма уважаемые лица, позволяющих мне сомневаться в его оптимистическом утверждении. Пальме был так раздражен пьесой Вашей сестры, что у меня, право, возникло подозрение, не имеет ли он каких-либо личных причин, чтобы находить пьесу безнравственной и неправдоподобной. Он утверждает также, что Анна-Шарлотта воспользовалась его вестибюлем, как образцом для описания вестибюля барона Вольфа. После осмотра мне пришлось допустить, что он почти прав; но я сказала, что он должен быть очень польщен этим, так как она, безусловно, намеревалась описать наиболее элегантный вестибюль в Стокгольме.

До сегодняшнего дня погода была ужасная. Сегодня несколько потеплело.

Прощайте, дорогой друг. Кланяйтесь Сигне.

Преданная Вам С. К.

Посылаю Вам сведения, полученные мною от зятя, относительно водных курортов в Пиренеях⁴.

Далее Ковалевская приводит данные о различных водных курортах в Пиренеях.

Отель «Альпы» (Террите, Кантон Во,
Швейцария, 17 мая 85 г.)

Сударыня,

Надеюсь, что Вы получили мое письмо № 1 и жду с нетерпением Вашего ответа.

Я забыл попросить Вас оказать мне одну услугу, касающуюся «Acta». Напишите м-ль Вейерштрасс, чтобы узнать ее мнение о том, не будет ли В[ейерштрасс] против, если я помещу в «Acta» его портрет по случаю семидесятилетия со дня рождения. Я бы предпочел, чтобы она взяла решение этого вопроса на свою ответственность, не спрашивая В[ейерштрасса], тогда портрет этот явился бы для него сюрпризом. Кстати, я его уже заказал², так что ответ желательно получить возможно скорее.

Мы провели полдня в Гейдельберге у Кёнигсбергера. Познакомившись с ним, я убедился, что рано или поздно он приедет в Берлин. Возможно, что он не является самым талантливым из неберлинских математиков, но зато он единственный, обладающий личными и общественными качествами, необходимыми или почти необходимыми для работы в Берлине. И кроме того, его дружба с Кирхгофом и Гельмгольцем и восстановленная дружба с Фуксом, который провел с ним 8 дней в течение каникул. К[ёнигсбергер], естественно, много говорил о Вас. Он, само собой разумеется, говорил много хорошего, но нетрудно было заметить, что в глубине души скрывалась та же недоброжелательность, как и у других немцев, и тот же страх, что Вы однажды станете тем или иным способом опасным конкурентом <...>

В Берне мы провели несколько часов, и я навестил Шлефли и Штерна. Было очень интересно беседовать со Шлефли. Это, безусловно, выдающийся человек.

Сёдерблом побывал в Гейдельберге в прошлом году до Вашего назначения в Стокгольм. Он говорил о моих стараниях и о том, что все расценивают их как эксцентричные и смешные и что совершенно ясно, что я ничего не достигну. Незначительный человек, сказал о нем Кёнигсбергер.

Не забудьте, сударыня, послать свои визитные карточки, чтобы познакомиться со своими коллегами и их женами, а также и другим знакомым, куда Вы бывали приглашены, но в особенности коллегам. И сделайте личный визит Уггласу. Абсолютно необходимо сохранить с ним хорошие отношения. Он обидится, если Вы уедете, не повидавшись с ним. Не забывайте, кроме того, что он наш начальник.

Во время путешествия, которое меня подбадривало, я чувствовал себя лучше, но сейчас наступила усталость. Я не сплю, сильно кашлю и по ночам у меня ужасная испарина. Но воздух здесь настолько хорош и целителен, что я надеюсь постепенно восстановить свое здоровье. Здесь холоднее даже, чем в Стокгольме. На севере Германии погода была ужасная, хотя вокруг все зеленело.

Не забывайте, сударыня, наше условие нумеровать письма и пишите мне время от времени несколько слов, когда выпадет свободная минута. Меня весьма интересуют Ваши визиты к Линдхагену, Рубенсону и Эдлунду. Сигне Вас сердечно целует.

Ваш преданный друг
Г. Миттаг-Леффлер.

Энестрём будет в Стокгольме 18 мая. Если он к Вам не придет, пошлите за ним (21, Коммандоргатан). Он виделся с Вейерштрассом и Кронекером. К[ронекер] воспользовался случаем, чтобы высказать много плохого относительно теории функций. Он виделся также с Кантором. Последний был несколько задет тем, что я сократил его философский мемуар³. Получили ли Вы ответ В[ейерштрасса] относительно механики?⁴ Если он ответит, что у него кто-то есть, то пусть это лицо сначала приедет в Швейцарию повидаться со мной. Но у В[ейерштрасса] никто

не будет на примете, в этом я уверен. Мы не решаемся предлагать кого-либо, еще ничего не написавшего.

Но Вы, действительно, находите, что кандидатура Рунге — невозможна? Я жду результата предпринятых Вами шагов, чтобы обратиться к нему. Пока я напишу Эрмиту.

Только что мне пришла в голову такая мысль. Мне кажется, что Маджи — зять Казорати — писал, главным образом, по механике. О нем у меня создалось самое благоприятное впечатление. Спросите мнение Вейерштрасса. Он [Маджи] бывал в Берлине. Попросите Энестрёма, чтобы он нашел у меня или в Академии наук заметки Маджи, и просмотрите их.

Не считаете ли Вы, что было бы неплохо поговорить с Бельтрами. Вполне возможно, что я увижу его здесь, в Швейцарии. Я мог бы также написать Бетти. Механика в Италии занимает большое место, а преподаватели очень плохо оплачиваются; но, с другой стороны, профессоров там не хватает.

Я подумал также о молодом Шеринге⁵. Он обладает хорошими личными качествами. Он даже немного знает шведский язык. Его устроить было бы легче, чем кого-нибудь другого, благодаря его родству с Мальм-стенном. У него есть хорошие работы, и он очень умен, не будучи при этом выдающейся личностью. Попросите его работы у Энестрёма. У него есть большая статья in quarto «О среднем арифметико-геометрическом». Другие in 8°* — по математической физике. Возможно, что Энестрём найдет их у меня среди книг по физике. А если нет, то среди мемуаров in 8° по математике.

Я не пишу ничего Эрмиту до получения Вашего ответа. Вейерштрасс укажет нам какого-нибудь ученика, который, по его мнению, хорошо работал. Он никогда не бывает в достаточном контакте с учениками, чтобы судить о них правильно. Подумайте, как часто он ошибался: Фробениус, Шоттки, Хеттнер⁶. У него слабость больших людей — окружать себя посредственностями. Это происходит помимо его желания, но он бывает к этому вынужден обстоятельствами и Кронекером. Наконец, я думаю, что он не тот, кто смог бы найти нужного для нас человека.

65. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Отель «Альпы», Террите, Каптон Во,
Швейцария, 19/5-1885

Дорогая г-жа Ковалевская!

Сердечное спасибо за Ваше столь обрадовавшее меня письмо № 1, полученное вчера. Мне стыдно, что я живу здесь без дела, когда у Вас столько хлопот. Но я все еще не в состоянии что-либо делать. От малейшей прогулки я смертельно устаю, и мне приходится потом лежать часа два, чтобы оправиться. До сих пор я ничего не сделал, кроме того, что написал массу писем. Эрмиту я написал, но не написал еще Вейерштрассу, которому надо написать достаточно длинное письмо. Варминг должен был бы сказать несколько слов, когда он от нашего имени возлагал венок². Но он, конечно, не хотел компрометировать себя в Дании, где не признают Линнея только потому, что тот швед.

Утверждать, что мы не могли бы уже сейчас определить время для наших лекций, — это значит без нужды осложнять дело. Мы будем иметь собственную аудиторию, об этом я договорюсь с Линдхагеном. В этой аудитории мы поставим бюст Вейерштрасса.

Спасибо за сообщение о суждениях П[альме] относительно стиля Анны-Шарлотты³. П[альме] наполовину сознательно, наполовину бессознательно того мнения, что крупный банковский деятель должен придерживаться тех же взглядов, что и большинство имущих классов, от которого зависит его благополучие. В нашей стране еще никогда не со-

^{5*} In quarto (in 4°), in octavo (in 8°) — формат статьи.

вершали такого опасного покушения на эти классы, как это делает Анна-Шарлотта в своем произведении, и, конечно, поэтому П[альме] должен быть ожесточен. Ему надо прежде всего защищать свой банк. Вот в чем, как мне кажется, вся суть дела. <...>

Вот увидите, что ни одна из крупных шведских газет не осмелится высказаться благоприятно о произведениях Анны-Шарлотты. Самый выдающийся из шведских театральных критиков написал А[нне]-Ш[арлотте] очень лестное письмо, утверждая, что он и публично выскажет то же самое. Но я, однако, сомневаюсь, что ему представится для этого случай. С большими газетами дело обстоит так же, как и с Пальме. Они обязаны иметь то же мнение, как и оплачивающие их классы.

Передайте Вашему зятю мою благодарность за все его хлопоты.

Мне очень любопытно узнать, как прошел Ваш разговор с Линдхагеном.

Р[убенсон], вероятно, скоро ответит на Ваш визит, и тогда Вы сможете высказать ему Ваше желание осмотреть метеорологическую станцию⁴ и физический кабинет⁵.

Здесь очень холодно и стоит дождливая погода, но воздух сухой и чистый, и я нахожу, что он очень хорошо на меня действует.

Сообщите, можете ли Вы устроить так, чтобы «Моя исповедь» и «Моя религия»⁶ Толстого были переведены. Я недавно прочел реферат о них, и уверен, что они произведут большое впечатление и в Скандинавских странах.

Сигне шлет сердечный привет через горячо преданного Вам

Г. Миттаг-Леффлера.

66. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм] 21 мая 1885

Любезный г-н профессор!

1. Вчера я была у советника юстиции Линдхагена, который был очень доброжелателен и спросил меня, не возьмусь ли я в следующем семестре читать механику за ту же плату, какую получал Хольмгрен. Я ответила ему, как мы с Вами договорились, что я охотно возьмусь за это на один год, если Правление меня назначит. Линдхаген сказал, что он в возможно более короткий срок предложит это Правлению и что меня в таком случае известят о результате².

2. Позавчера мне предложили вступить в члены общества страхования жизни. Не знаю, что я при этом должна сделать. Должна ли я ответить им и поблагодарить за честь? Пожалуйста, сообщите мне об этом. Я полагаю, что если Вы сразу напишете, то Ваше письмо еще застанет меня в Стокгольме.

3. Сегодня я получила длинное, очень любезное и интересное письмо от Вейерштрасса³, в котором он выражает Вам глубокое сочувствие и надеется, что Вы скоро поправитесь. Он с большой похвалой отзываясь о докторе Герце⁴, который был ассистентом у Гельмгольца, затем приват-доцентом в Киле, а в настоящее время приглашен профессором математической физики в Политехникум в Карлсруэ. Вейерштрасс все же предполагает, что, быть может, он согласится приехать в Стокгольм. Он считает, что нам стоит попытаться убедить его. Вейерштрасс очень благоприятно отзываясь о его статье «О касании упругих тел» (*Über die Berührung fester elastischer Körper*) в т. 92 журнала Борхардта⁵. Я прочту эту статью, и если летом приеду в Германию, то попробую где-нибудь с ним встретиться. В противном случае не могли бы Вы связаться с ним, например, обратившись с просьбой послать статью в «Acta»⁶. Я попытаюсь также достать более подробные сведения о нем через Ханземапа, который должен его знать, так как долго жил в Киле.

4. Ханземап достал мне 80-й том журнала Борхардта⁷, который уже у меня.

5. Энестрём несколько дней тому назад вернулся в Стокгольм и вчера был у меня.

Он рассказывал, что Кронекер, которого он навестил в Берлине, отнесся с большой критикой к теории функций и очень жестко к Кантору. В[ейерштрасс] также пишет, что Кр[онекер], по-видимому, огорчен тем, что его не пригласили в судьи нашего вопроса о премиях. Он никогда не говорит об этом, а это всегда явный признак, что он очень сердит⁸.

Энестрём навестил также Кантора. Последний начал в прошлом семестре читать о философии Лейбница. Вначале у него было 25 слушателей, затем постепенно число их таяло, сначала до 3, а затем до 2, и, наконец, остался только один. Кантор все это выдержал и продолжал свои лекции. Но, увы! в один прекрасный день и этот последний из могикан заявил с некоторым смущением, что он очень благодарен профессору, но что у него столько других занятий, что он уже не в силах следить за лекциями профессора. Тогда Кантор, к неописуемой радости своей жены, дал торжественное обещание никогда больше не читать лекций по философии!

А теперь, дорогой профессор, мне кажется, что я рассказала Вам обо всем, что могло Вас интересовать. Я надеюсь скоро получить от Вас известия. Пока я еще получила от Вас одно-единственное письмо, а от Анны-Шарлотты ни одного. Большой привет Сигне.

Глубоко преданная Вам

С. К.

Я теперь почти всегда читаю $1\frac{1}{2}$ часа, чтобы успеть в этом семестре дойти до определения числа ρ ⁹. Мои 4 слушателя, по-видимому, склонны выдержать до конца!

67. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Отель «Альпы», Террите, Кантон Во,
Швейцария, 24/5—1885

Дорогая г-жа Ковалевская!

Сердечное спасибо за Ваше письмо № 2, которое датировано 21-м, но по штемпелю отправлено из Стокгольма 20-го. Оно меня так обрадовало, что я не мог спать ночью, а все обдумывал с разных сторон его содержание.

Мысль о том, как бы мне достать Вам работу, которая позволила бы Вам увеличить свои доходы, всю зиму занимала и мучила меня. Чрезвычайно легко растратить без нужды тысячу или две крон, но очень трудно людям в нашем положении заработать их *именно тогда, когда они нужны*. Если они не нужны, то это гораздо легче. У Вас нет никакого опыта относительно того, как неприятно и мучительно верно это тривиальное утверждение, и я рад, что Вам не пришлось испытать этого.

Высказывание Линдхагена показывает во всяком случае, что он чувствует к Вам большое уважение и со своей стороны убежден в Ваших необыкновенных способностях. А на этом можно кое-что основать. Насколько я мог понять из разговора с ним, его уважение к Вам особенно укрепилось после той Вашей добавочной лекции по элементарной алгебре, которую Вы прочли зимой², и что последняя убедила его в том, что Вы действительно способны читать вдвое больше. Ведь он, как и большинство мужчин, склонен считать, что каждая женщина будет стараться освободиться от своих обязанностей — если они не относятся к чисто женской сфере — любой ценой и что, кроме того, ее сил хватит очень ненадолго. И то и другое нелепо, но таково уж мнение мужчин, хотя бы здравый смысл и ежедневный опыт и убеждали их в противном. Я, однако, твердо убежден в том, что эта добавочная лекция послужила Вам на пользу и что этот факт до известной степени может опровергнуть отвратительный принцип: «никогда не надо высказывать слишком много усердия». То, что Угглас сделал совсем другие выводы из этой лекции,

Шарль Эмиль Пикар
(1856—1941)

Поль Эмиль Аппель
(1855—1930)

чем Л[индхаген], практически ничего не значит. Ясно, что Вы можете сохранить за собой механику, пока Вы сами захотите, и я считаю, что Вам следует сохранить ее до тех пор, пока Вы не воспитаєте действительно хорошего заместителя. А на это потребуются больше, чем один, два или даже три года. Выписать иностранца в этом случае также не удастся, так как оплата еще слишком мала. Кроме того, для Вас важнее, приятнее и почетнее самой воспитать механика, который мог бы стать Вашим преемником. Тот факт, что Вы одновременно читаете лекции и по абелевым функциям, и по механике, чрезвычайно будет импонировать слушателям других шведских университетов, и число Ваших учеников благодаря этому увеличится.

1. Что Вы будете читать? Это серьезный вопрос. Хольмгрен был на редкость хорошим лектором. Лундквист в Упсале также читает очень хорошо, и, кроме того, он хорошо знает и новые исследования. Надо так устроить, чтобы не делали неблагоприятных для Вас сравнений с Хольмгреном и Лундквистом. Чтобы предупредить это, необходимо, *во-первых, читать по другим темам, во-вторых, применять более интересный математический аппарат.* Но тогда Вы должны также знать, о чем и как читали Х[ольмгрен] и Л[ундквист]. Для достижения этой цели у меня имеются два предложения.

А. Пошлите к Линдхагену Вашу прислугу и попросите его на день или два одолжить Вам диариум тех лекций, которые Х[ольмгрен] до сих пор прочел в Высшей школе по механике. Посылаю Вам конспект такого письма. Но верните, ради бога, аккуратно и точно в срок то, что Вы получите.

Б. Попросите Бендиксона достать Вам точные сведения, о чем до сих пор читал Л[ундквист] в Упсале, и если это возможно, то пусть он достанет Вам на время записки лекций Л[ундквиста]. Он может обратиться с этой целью к Меландеру или молодому Линдхагену.

2. Как Вам вести себя, чтобы не переутомиться от слишком большого количества работы? Для этого есть только одно средство. Вы должны посвятить лето тому, чтобы тщательно разработать оба курса лекций. Тогда у Вас зимой останется время для других работ и тогда у Вас не будет такого мучительного чувства переутомления, как в начале прошед-

шого семестра. Я думаю, что Вам надо читать, например, так: вторник и среду — абелевы функции, пятницу и субботу — механику. Легче, когда обе лекции по одному и тому же предмету следуют друг за другом. Но Вы можете также, например, в среду читать два часа подряд абелевы функции, а в субботу — два часа подряд механику. Это утомительно, но представляет громадное преимущество тем, что в неделю приходится только два лекционных дня. Но об этом мы еще поговорим осенью.

3. Я буду писать Герцу и попрошу у него статью для «Acta»³. Не могли бы Вы написать какому-нибудь надежному человеку в Берлине, например Ханзemannу, и получить отзыв о нем. С той же целью я написал бы, например, Рунге. А тем временем сделайте мне одолжение и прочтите работы Герца, молодого Шеринга, Маджи и напишите мне Ваше собственное мнение о том, кого из них Вы считаете более подходящим. Когда это нам будет вполне ясно, то я приложу все силы, чтобы заполучить его к нам, потом уж мы подробнее договоримся относительно оперативного плана. Я чрезвычайно увлечен планом получить еще одного хорошего математика в Стокгольм. Милая г-жа Ковалевская, со временем мы сделаем Стокгольм главным местом для изучения математических наук, если только нам удастся еще несколько лет прожить, сохранив хоть относительное здоровье, и если только Вы не падете духом на полпути.

4. Пошлите Фрагмена или Альстранда за 80-м томом⁴ или пойдите сами, или пошлите Энстрёма.

5. Страховое общество. Откладывается до осени⁵.

6. Узнайте обо всем, что требуется с русской стороны, чтобы перейти в шведское подданство к осени⁶. Если Вы будете шведской подданной, то я надеюсь, что смогу добиться того, чтобы Вы стали членом Академии после Хольмгрена. Это было бы большим преимуществом для Академии и математики и немалым для Вас. Но все должно быть выяснено относительно русской стороны непременно до осени.

7. Пошлите мне из «Тетрадей» Хеттнера *всю алгебраическую часть*⁷, а также подробные и ясные записи Ваших лекций. Поручите Бендиксону позаботиться об отправке. Я отошлю Вам обратно ту часть работ Хеттнера, которая может Вам понадобиться.

Я все еще нездоров. <...> У меня меланхолическое и подавленное настроение, и я страстно жажду работать, но не в состоянии. Все же я начал изучение лекций Кронекера по теории чисел⁸ и сделал интересное открытие относительно непоследовательности в его понимании анализа. Он все время занимается теми же рассуждениями, что и В[ейерштрасс], но менее строг. Но об этом напишу подробнее в другой раз. В[ейерштрассу] я еще не написал. Я хотел написать длинное письмо, но был не в силах.

Сигне шлет Вам сердечный привет. Да будет Ваше лето спокойным и счастливым! Пишите мне так же регулярно, как до сих пор.

Ваш истинно преданный друг

Гёста Миттаг-Леффлер.

Как обстоит дело с квартирой? Если Линдхаген вовремя Вам не ответит относительно механики, то навестите его еще раз и спросите, как решило Правление. Скажите, что Вы должны строить свои планы на лето в зависимости от этого и поэтому решились побеспокоить его еще раз.

Постарайтесь добиться беседы с Эдлундом в его кабинете, так как Петерсон и Леке, а следовательно, и Эдлунд, будут определенно действовать против Вашего назначения, если Вам не удастся, а это вполне возможно, привлечь его на свою сторону. Противодействовать они будут, во-первых, из-за почета, который дает это назначение, и, во-вторых, и это главным образом, из-за жалованья. Ведь Ваше жалованье будет в таком случае значительно больше, чем жалованье П[етерсона] и Л[еке], и им покажется, что Вас возвысили над ними. Так оно и есть на самом деле, потому что нельзя сказать, что у Вас будет больше работы, чем у них. Ведь, кроме лекций, у них еще есть их институты.

Таким образом, весьма возможно, что Линдхаген встретит большее противодействие в Правлении, чем он сам думает.

Я так и предполагал, что Кронекер обидится на то, что он не будет иметь дела с премией и что вопросы для премии функционально-теоретического характера⁹. Эти вопросы ведь являются явной оппозицией взглядам Кр[онекера]. И он, вероятно, понял, каким триумфом является вся премия для «Аста».

Вероятно, нам не останется другого выхода, как повесить на шею маленького человечка¹⁰ орден Полярной звезды после выхода 100-го тома. Это его вознаградит за многое.

68. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм. После 21 мая 1885]

Милостивый государь!

Я только что получила Ваше второе письмо и одновременно письмо от моей подруги Юлии Лермонтовой, которая сообщает мне ужасную новость: ее сестра, Софья Лермонтова, умерла 18 мая этого года после нескольких дней болезни (тиф). Моя подруга, по-видимому, совершенно подавлена этой неожиданной смертью. Софья Лермонтова была на два года старше меня и казалась олицетворением здоровья. Она была очень крепкой, и мы всегда, в шутку, называли ее «доброй толстой крестьянкой». Юлия ничего не пишет мне о моей дочери. Вы можете себе представить, в каком я смертельном страхе, в особенности если подумаю о том, насколько заразителен тиф. Я хотела бы немедленно же уехать, но, с другой стороны, я знаю, что мой отъезд до конца семестра произвел бы здесь очень дурное впечатление. Я уже с разных сторон слышала довольно неблагоприятные отзывы обо всех нас. Позавчера я была на одном обеде с проф. Ретциусом, который был моим соседом за столом и который в течение всего обеда говорил мне кисло-сладкие вещи о Вас, обо мне самой, о том, что количество учащихся в Высшей школе постоянно понижается, о необходимости более усиленной работы, о разнице в преданности своему долгу у профессоров в Германии и в Швеции и т. д., и т. д. Поэтому, я думаю, что мне абсолютно необходимо остаться до 1 июня. Это тем более досадно, что все можно было бы легко уладить без всякого ущерба для Высшей школы. Мне пришлось бы только прочитать оставшиеся три лекции в течение двух дней подряд. Я уверена, что учащиеся были бы согласны, но я не решаюсь предложить это. Я уеду отсюда с первым же пароходом и направлюсь прямо в Москву. Я не буду снимать квартиру перед отъездом, потому что Юлия, возможно, вследствие смерти своей сестры пожелает провести зиму в Стокгольме вместе со мной и с Фуфи и тогда нам потребуется более обширная квартира.

Вчера я написала Вам длинное письмо по поводу письма В[ейерштрасса] и относительно доктора Герца. Я обратилась также к Ханземану² и просила его конфиденциально справиться у Кирхгофа и Гельмгольца обо всех одаренных молодых физиках и механиках, находящихся в настоящее время в Германии, в особенности о тех, кто является хорошим математиком. Кроме того, Х[анземан] благодаря своей страсти к физике знает многих из них лично и, не будучи сам человеком большого таланта, обладает замечательной способностью распознавать талант у других. Если мое дело с механикой уладится и если мне не придется опасаться безденежья зимой, то я проведу июль и август в Германии, чтобы лично узнать о деле, которое нас всех интересует. Я прошу Вас, дорогой друг, не слишком торопиться с этим делом. Выбор хорошего коллеги имеет такое большое значение для нашего хорошего самочувствия, что я *ужасно* боюсь, как бы в спешке Вы не сделали плохого выбора. В этом вопросе я поступаю, как мамаша молодого человека в «Женственности и эротике»³: во всех известных мне барышнях на выданье я вижу одни недостатки и все время надеюсь, что случай приведет мне девушку, которой я еще не знаю, но которая окажется лучше всех. А Вы, дорогой друг, такой

ужасный оптимист! Все Вам нравятся, и Вы хорошего мнения обо всех. Ведь не каждый день можно иметь удовольствие выбирать себе коллегу (и притом впервые), и этим удовольствием надо хорошенько насладиться.

На сегодня прощайте, милостивый государь.

Тысяча приветов Сигне. Поправляйтесь поскорее.

Искренне преданная Вам С. К.

Пожалуйста, не спешите!!!

Если Вы конфиденциально напишете Эрмиту, это не повредит. Я думаю, было бы очень хорошо, если бы Вы могли это сделать. Подумайте только! Если бы нам удалось найти молодого Вейерштрасса или молодого Гельмгольца! Ведь они где-нибудь существуют на свете. Почему бы нам не найти одного из них?

69. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Отель «Альпы», Террите, Кантон Во,
Швейцария, 24/5.1885

Сударыня!

Я только что получил Ваше письмо № 3. Глубоко сочувствую Вашей горестной потере² и горячо разделяю Ваше беспокойство за Вашу дочурку. Все же брюшной тиф — а я предполагаю, что дело идет об этой форме, а не о сыпном тифе — мало заразителен, и от него сравнительно легко уберечься. Если бы это был сыпной тиф, то, конечно, Вашу дочку надо было бы перевезти как можно скорее, например, к Вашей сестре. Но сыпной тиф вряд ли сейчас распространен даже в Москве. Если бы я был дома, то Вы сразу же смогли бы уехать. Теперь же Вы вполне правильно поступили, что остались, и я преклоняюсь перед Вашей самоотверженностью. Ваш внезапный отъезд, между прочим, расстроил бы наши планы относительно механики. Реализация этих планов, вероятно, будет ускорена тем письмом к Линдхагену, которое я вложил в свое письмо № 4.

Леке и Петерсон часто посещают Ретциуса и льстят ему, а о нас высказываются, вероятно, с самой плохой стороны. Что мой отъезд должен был возбудить недовольство, это я хорошо понимаю. Я и не уехал бы, если бы это не было совершенно необходимо. А почему это так было — Вы, конечно, понимаете. Моя болезнь сама по себе не опасна, но она совершенно подорвала мои силы. Я не смог бы возобновить свои лекции и другие занятия, не нанеся своей нервной системе такого шока, который мог бы стать роковым. Я не люблю говорить об этом, но, к сожалению, никогда не должен об этом забывать. У меня то же предрасположение, как у моего отца и у моего брата, а они оба погибли от того, что не хотели учитывать, что их нервная система не может выдержать такого напряжения, с которым большинство людей легко справляется.

Но ввиду того, что я не могу и не хочу говорить об истинном характере тех недомоганий, которым я часто подвергаюсь, мне приходится мириться с тем, что обо мне ложно судят.

Вообще бестактно со стороны Ретциуса говорить о том, что я забываю свои обязанности, ему, который бросил руководство работами, относящимися к его профессуре, для того чтобы иметь возможность быть редактором неподражаемого свидетеля истины — «Aftonbladet»³.

Не беспокойтесь, что я слишком потороплюсь в вопросе о преподавании механики в Высшей технической школе⁴. Я, наоборот, считаю, что мы должны решиться на это лишь в последний момент. Но может случиться, что дело должно быть решено уже к осени. Как только Хольмгрен умрет или уйдет в отставку, место будет объявлено вакантным. Поэтому необходимо уже теперь, летом, заняться этим делом. Если бы мы были настолько счастливы, что смогли бы разыскать какого-нибудь молодого Вейерштрасса или Гельмгольца, то никто не ликовал бы больше меня. Но я имею мало надежд на это. Для этого я недостаточный оптимист. Между прочим, Вы, вероятно, правы, когда упрекаете меня в оптимизме. Забавным совпадением является то, что в недавно отосланном Вам

письме я, наоборот, кисло-сладким тоном (*d'une manière aigre-douce*) упрекаю Вас в том, что Вы слишком легко падаете духом. Мой оптимизм, однако, не так уж глуп. Благодаря ему я несколько раз смог провести крупные дела, на успеха которых никто, кроме меня, не смел надеяться. Напомню Вам хотя бы об «*Acta mathematica*»⁵, а вскоре после них — о назначении первого профессора-женщины при университете. Тайна успеха в практической жизни зависит, во-первых, от веры в то дело, которое хочешь провести, и, во-вторых, от понимания всех трудностей, которые встретятся на пути, но вместе с тем необходимо, чтобы вера в дело всегда брала верх над сознанием трудностей.

Я надеюсь, что Ваша подруга⁶ приедет к Вам в Стокгольм. Это будет очень хорошо для вас обеих и превосходно для Вашей девочки, для которой переход в новую обстановку будет не таким резким.

Только бы Вы из-за всех забот и волнений не переутомились и серьезно не пострадали бы от этого сами. Напишите сейчас же Линдхагену предложенное мной письмо. Оно должно ускорить решение вопроса относительно механики.

Дайте мне свой адрес в России, как по-французски, так и очень четко написанными русскими буквами.

Квартиру Вы, наверное, получите к осени, но Вы должны быть в Стокгольме уже в начале сентября, если хотите найти действительно хорошую квартиру.

Сигне шлет Вам сердечный привет и горячее сочувствие в Ваших гостях, так же как и Ваш преданный друг

Гёста М.-Л.

25/5

Только что получил от Перотта «Теорию чисел». Пожалуйста, поблагодарите его, написав пару строк на открытке. Я не знаю его адреса. Пожалуйста, сообщите мне его в следующем письме.

70. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм, 3—4.VI.1885]

Милостивый государь!

Я не писала Вам целую неделю, так как откладывала письмо со дня на день, надеясь получить ответ от Линдхагена. В данный момент я только что вернулась от барона Уггласа, который сообщил мне, что дело совершенно улажено, что все Правление согласилось, что это наилучшее возможное решение, и «что все были очень благодарны, что я согласилась взять это на себя на один год»². Он сказал мне также, что было решено, чтобы я получала такое же вознаграждение, как Хольмгрен. Барон и г-жа Веттерберг были оба очаровательны и наговорили мне много любезностей. Они говорили о Вас с большой симпатией, и барон очень интересовался всеми новостями, которые я могла сообщить ему о Вас. После этого мне пришлось пойти на собрание профессоров, где я встретила Линдхагена, который также сказал мне, что Правление пришло к единодушному решению, что я должна заместить Хольмгрена. Но только в данный момент этого не хотят объявлять официально, так как это могло бы плохо подействовать на Хольмгрена, который очень тяжело болен и, видимо, об этом не подозревает. Я сказала Линдхагену, что я нахожу эти соображения совершенно справедливыми и вполне удовлетворена сознанием, что Правление согласно назначить меня на место Хольмгрена в случае, если он не сможет читать лекции осенью; но что если вопреки нашим предположениям Хольмгрен поправится, я сочту это таким счастливым событием³, что совершенно не буду жалеть о напрасно проделанной работе.

Я чрезвычайно довольна, дорогой друг, что дело так хорошо уладилось, и теперь я приложу все свои силы к тому, чтобы подготовить мой курс лекций как можно лучше. Правоучительные истории очень скучны в книгах, но они всегда очень поучительны и ободряющи, когда случаются

в жизни. Поэтому я вдвойне довольна, что мое правило «Не слишком много усердия» было опровергнуто таким блестящим и неожиданным образом. Надеюсь также, что Вы не будете иметь повода упрекать меня в том, что я быстро теряю мужество. Кроме того, дорогой друг, Вы не должны забывать того, что я русская. Когда шведка устала или в плохом настроении, то она дуется и молчит. Поэтому дурное настроение входит внутрь организма и зачастую становится хронической болезнью. Русская, напротив, жалуется и стонет настолько сильно, что это производит на нее в моральном отношении такое же действие, как липовый чай при простуде — в физическом отношении. Кроме того, я должна сказать Вам, что я лично жалею и начинаю стонать только при небольшой боли. Когда мне очень плохо, я тоже молчу, и тогда никто не может заметить, что я нахожусь в отчаянии⁴. Что же касается моего упрека Вам — быть чересчур оптимистом, то я ни за что на свете не хотела бы, чтобы Вы от него избавились. Этот недостаток так хорошо идет Вам, и к тому же самым блестящим доказательством Вашего оптимизма является то хорошее мнение, которое Вы всегда имели обо мне. Можете себе представить, что у меня нет желания, чтобы Вы избавились от него!

Я прочитала работу Герца⁵; она меня очень заинтересовала, так как он рассматривает вопрос, в какой-то мере связанный с тем, которым я занимаюсь в течение этого семестра. По моему мнению, она очень хорошо написана. Ханземан также написал мне много хорошего о Герце, которого он лично знает. Кирхгоф утверждает, что в настоящий момент это единственный талантливый молодой физик в Германии. Гельмгольц, по-видимому, тоже хорошего мнения о нем, поскольку он так долго держал Герца в качестве ассистента. Сейчас Гельмгольца нет в Берлине, и поэтому к нему нельзя обратиться за разъяснениями: Ханземан добавляет, что он находит у Герца только один недостаток, а именно очень некрасивую внешность. Однако я не думаю, что для того, чтобы получить должность профессора в Стокгольме, надо быть обязательно красавцем. Что касается Шеринга, то я уже давно знакома с его большой работой «О среднем арифметико-геометрическом»⁶, которая абсолютно ничего не стоит. Что бы Вы сказали о Гурвице? Он ведь бесспорно наиболее даровитый среди молодых математиков Германии, и его считают весьма дельным. Он очень молод — ему 26 лет, и он пишет, т. е. излагает, очень плохо; но у него много мыслей, и хороших. Однако он, кажется, тоже поразительно некрасив, каким умеет быть только еврей. Я со своей стороны думаю, что Герц и Гурвиц единственные имеющиеся у нас до сих пор кандидаты, о которых можно думать серьезно.

Каковы Ваши планы на лето, дорогой друг? Если Ваш проект провести несколько недель в Гарце вместе с Анной-Шарлоттой осуществится, меня очень соблазняло бы желание встретиться там с Вами. Мне не терпится повидать Вас, и мы могли бы так хорошо поговорить с Вами обо всех наших планах и войти в личный контакт со всеми серьезными кандидатами. Мне так хочется, чтобы это намерение осуществилось.

Несколько дней тому назад я получила очень любезное письмо от Гексли, который приглашает меня осенью приехать в Англию⁷. Я получила также письмо от г-жи Этельсон, которая благодарит меня за то, что я вспомнила о ней в связи с [вакантным] местом в Америке; но она не хочет брать его, потому что не считает себя обладающей необходимыми качествами для должности преподавателя.

Вчера вечером мне нанес визит г. Неовиус!!!, который провел в Стокгольме только один день; теперь он направляется в Геттинген и на несколько дней остановится в Берлине. Он был настолько утрированно любезен, что я могу представить себе, каков он со Шварцем. Он пробыл у меня очень недолго, потому что торопился на поезд. Сначала он искал меня на Риддергатае, по адресу, указанному в адрес-календаре. Он ни слова не говорил о Вас, хотя я несколько раз пользовалась случаем упомянуть Ваше имя.

Сегодня я прочитала последнюю лекцию. Я закончила определение ρ ⁸.

Завтра Бендиксон должен прийти проститься со мной, и я передам ему Ваши бумаги. Прошу Вас, дорогой друг, не спешите снова приниматься за работу. Вам необходимо восстановить свои силы. Я выеду отсюда с первым пароходом, который направится в Финляндию через Дуббельн и который отходит во вторник вечером. Так скучно ждать еще два дня, когда мне не терпится приехать на место. Моя сестра телеграфировала Юлии Л[ермонтовой], спрашивая ее, не должна ли она приехать за Фуфи, но Юлия ответила решительным отказом. Жена майора Гранбом, с которой я окончательно договорилась, заболела, по-видимому, серьезно, потому что, как она пишет, врачи констатировали, что у нее слабые легкие, и в связи с этим она должна отказаться от места у меня. Я очень сожалею, так как она подходила мне во всех отношениях.

Вы, конечно, знаете, что Анна-Шарлотта провела несколько дней в Стокгольме. Бедняжка очень страдала от зубной боли, но вчера я получила письмо от нее, из которого видно, что она поправилась и что она наслаждается пребыванием в деревне. Г. Энестрём очень часто навещает меня, и мы стали добрыми друзьями. Он меня очень развлекает и действительно обладает прекрасными качествами.

Вот, дорогой друг, все новости, которые могли бы интересовать Вас. Пишите мне скорее и чаще. Вы не можете представить себе, какое удовольствие доставляют мне Ваши письма и с каким нетерпением я их жду. Посылайте Ваше следующее письмо в Москву, Мясницкая ул., д. Куманина, Лермонтовой для передачи мне. Энестрём сказал мне, что он послал Вам 20 адресов, написанных русскими буквами. Меня очень огорчает мысль, что я так долго не буду иметь сведений о Вас.

Я сердечно обнимаю Сигне и прошу Вас не забывать искренне преданную Вам

С. К.

Адрес Перотта: Франция, Бретань, Порт Навало, через Ардон (Морбиан).

Рюдберг не читал лекций начиная с 15 мая; следовательно, он закончил свой курс как раз 7 днями позже Вас.

Я забыла рассказать Вам еще одну вещь. Гюльден, по-видимому, обижен выбором нашей конкурсной темы. Я не видала его лично, но г-жа Гюльден говорила мне, что ее муж сказал: «Из этих вопросов видно, что Леффлер не верит моим работам». Я долго и по возможности лестным для Гюльдена образом объясняла разницу между чисто математической точкой зрения и точкой зрения астрономов. Не знаю, поняла ли меня г-жа Гюльден, но потом она сказала мне, что Г[юльден] удовлетворился моим объяснением, которое она ему повторила, и что он сказал только: «Да, конечно, у каждой науки свои собственные задачи»⁹. Г-жа Гюльден была очень любезна всякий раз, когда мы виделись с ней.

Н. В. Пишите мне подробнее о Вашей жизни в Террите и о людях, которых Вы там встречаете. Вы знаете, что меня интересует все, что касается Вас.

71. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Петербург, 5 июня [1885]

Милостивый государь!

Вчера я приехала в Петербург и завтра уезжаю в Москву. В данный момент я нашла свою сестру относительно здоровой, по чрезвычайно изменившейся и постаревшей по сравнению с прошлым годом. Ее имущественные дела устроились очень хорошо, так что в этом отношении она теперь может быть спокойной.

Что касается моих дел, то они еще очень запутаны и нельзя с уверенностью утверждать, что опекуну моей дочери и моему поверенному удастся уладить их. Но меня по крайней мере чрезвычайно радует, что оба они люди бесспорной честности. Мой поверенный — друг моего детства², который нередко доказывал мне свою преданность; что же касает-

ся опекуна моей дочери, то это — новый знакомый, но чрезвычайно симпатичный человек, от которого я ничего не ожидаю, кроме хорошего. Я уже рассказывала Вам, что первый опекун был первостепенным мошенником, который делал все возможное, чтобы еще больше запутать наши дела. Новый опекун — человек совершенно другого рода, который к тому же занимает почетное общественное положение. В течение двух или трех лет я, по всей вероятности, не могу рассчитывать на получение каких-либо доходов с моего дома, но возможно, что в дальнейшем дела пойдут лучше.

Ковалевская описывает принадлежащий ей дом в Петербурге, надеется оплатить долги, связанные с домом.

Я относительно довольна и своим братом. Он получил место в министерстве, которое заставляет его работать, и, по-видимому, он имеет серьезное намерение оступиться.

Я видела Чебышева. Он был очень любезен и интересовался Вами. Его растрогало то, что я посетила одного его, тогда как у меня не нашлось времени посетить других здешних математиков. Узнав об этом, он так обрадовался, что почти обещал навестить нас в Швеции.

Фрагмен был у меня перед моим отъездом. Он намерен держать экзамены в Упсале в следующем семестре³. Он предполагал даже переехать на это время в Упсалу; но так как, в сущности, его присутствие в Упсале необходимо только для физических опытов (раз в неделю, по субботам), то я посоветовала ему остаться в Стокгольме и сказала, что я со своей стороны готова переменить день наших лекций, и уверена, что и Вы с Вашей обычной доброжелательностью тоже не будете ничего иметь против.

Г-жа Гюльден еще до меня уехала в Германию. Я была очень удивлена и растрогана тем, что ее муж приехал попрощаться со мной на пароход в сопровождении всех своих учеников и с большим букетом в руках.

Прощайте, дорогой друг. Шлю дружеский привет Сигне, а Вам горячие пожелания здоровья.

Преданная Вам

С. К.

У меня маленькая надежда найти письмо от Вас по прибытии в Москву, и я буду очень разочарована, если не найду.

72. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

С. Беатенберг [Швейцария], 11/6—1885

Дорогой друг!

Сердечное спасибо за Ваше милое и интересное письмо № 4², с ответом на которое я слишком долго медлил. В меланхолическом настроении, в котором я по большей части нахожусь, мне служит утешением мысль о том, как хорошо нам удалось устроить дело с механикой в Высшей школе. Иметь иногда успех все-таки очень важно при странствиях по этой долине скорби. Успеху на этот раз, очевидно, содействовало то, что соответствующие члены Правления, каждый в отдельности, втихомолку думали: слава богу, теперь у нас одним голосом меньше за Леффлера при выборах ректора после Варминга. И я охотно предоставляю им эти приятные размышления. У меня нет ни малейшего желания стать ректором только для видимости (как Варминг). А иное при настоящем составе Правления невозможно.

Что касается предполагаемого заместителя Хольмгрена в Высшей школе, то сведения о Герце являются чрезвычайно благоприятными. Но есть ли у него самого желание и прежде всего пожелает ли он пойти на такой необычный в Германии шаг, как самому выставить свою кандидатуру? Боюсь, что его можно будет уговорить пойти на это лишь после более близкого знакомства с Вами, или со мной, или же, лучше всего, с нами обоими.

Что касается Гурвица, то я гораздо больше склоняюсь в его пользу, так как он чистый математик и поэтому был бы лично для меня гораздо интереснее. К тому же он занимался как раз теми вопросами, которые больше всего интересуют меня. Но если уж думать о Гурвице, то почему же не подумать лучше о Рунге? Судя по их работам, Рунге мне кажется выше Гурвица, и Рунге обладает теми личными качествами, которые необходимы для достижения успеха. Но захочет ли он? Я этого не знаю, но на основании всего, что мне о нем известно, я считал бы это вероятным. Однако Вам, быть может, ведомы обстоятельства, мне совершенно неизвестные, которые могут быть причиной иного ответа.

Мне кажется, что Вы слишком высокого мнения о Гурвице. Он, по моему мнению, пишет неплохо, скорее наоборот, но из того, что я знаю, нет ничего особенно выдающегося. Правда, это еще ни о чем не говорит, так как он лично может быть значительно выше того, что им до сего времени создано. Но для того чтобы судить о таком деликатном вопросе, требуется основательное личное знакомство.

Спасибо за все сведения и сплетни, которые Вы мне сообщили из Стокгольма. Все они меня очень интересуют, но сообщите мне еще:

1. Не знаете ли Вы, действительно ли Рюдберг будет отсутствовать осенью?

2. Решено ли определенно, когда начнутся наши лекции — 1 октября или 15 сентября?

Я твердо надеюсь, что мы где-нибудь встретимся в августе, но где и как, еще трудно сказать. Это зависит от моего здоровья, которое еще далеко не поправилось. Чего мне главным образом следует избегать — это жары, долгого пребывания на жаре и горячих блюд.

Надеюсь, что Вы нашли свою девочку бодрой и здоровой, и дай бог, чтобы удалось убедить Вашу подругу провести зиму у Вас в Стокгольме! Ведь это было бы в интересах всех вас.

Предприняли ли Вы какие-нибудь шаги для принятия шведского подданства?³ Примите, наконец, нужные меры, пока Вы в России. Дело спешное, поскольку, если Хольмгрен умрет, сразу же начнут думать о его преемнике в Академии. Во всяком случае держите меня полностью в курсе того, какие у Вас виды на освобождение от Ваших обязанностей перед его величеством, русским царем.

Мы целую неделю объезжали окрестности, чтобы подыскать подходящее место. В Террите стало так жарко, что там невыносимо было оставаться. Здесь же, наоборот, сегодня прямо-таки холодно. Мы окружены таким густым облаком, что едва можно что-либо различить на расстоянии двух-трех футов, а в комнате термометр показывает 10° Цельсия.

(Подписи нет.)

73. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Беатенберг, 12/6—1885

Только что получил Ваше, такое желанное, письмо № 5 из Петербурга. Особое и сердечное спасибо за то, что Вы нашли время написать мне, несмотря на все дела, отнимавшие Ваше время и требовавшие Вашего внимания во время короткого пребывания в Петербурге. Но Вы ведь обладаете такой работоспособностью, которая равняется работоспособности десяти мужчин, по крайней мере она в 10 раз больше моей.

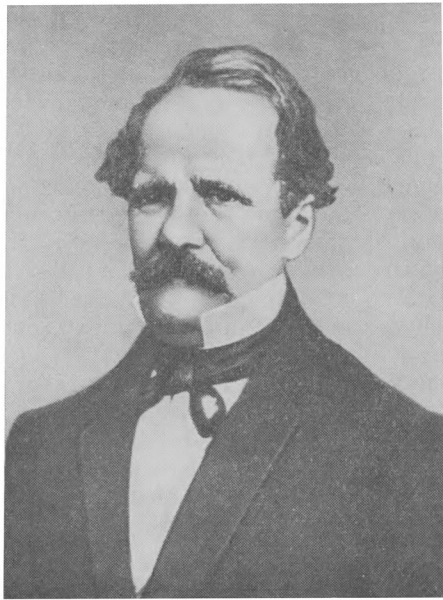
Мне жаль, что это письмо не найдет Вас в Москве. Но мне физически было невозможно писать чаще, чем раз в неделю. Мы ходили пешком и ездили целыми днями, а по вечерам я чувствовал такую смертельную усталость, что едва мог спать.

Горячо поздравляю Вас с теми сравнительно хорошими и светлыми новостями, которые встретили Вас в Петербурге!² Пусть все по-прежнему развивается к лучшему!

Я ничего не имею против того, чтобы ради Фрагмена изменить лекционные дни³. Я тоже считаю, что нам лучше проводить все лекции в те-

*Герман Амандус Шварц
(1843—1921)*

*Эрнст Эдуард Куммер
(1810—1893)*

чение двух дней в неделю. Это, конечно, будет несколько утомительно как для нас, так и для учеников, но зато хорошо быть свободными в остальные дни. Фрагмен предполагал держать весной экзамен по механике у Лундквиста, но тот уже уехал из Упсалы, чтобы разъезжать, присутствуя в качестве цензора на студенческих экзаменах, когда Фрагмен приехал в Упсалу. Узнав об этом, я написал Лундквисту и попросил его позволить Фрагмену держать экзамен во время семинара, в чем Лундквист, без сомнения, не сможет отказать мне.

Было бы очень приятно, если бы Чебышев приехал в Стокгольм. Мы постараемся принять его как можно лучше⁴. Когда Вы его следующий раз встретите, не забудьте напомнить ему о той статье, которую он в Берлине обещал дать для «Acta»⁵. Не могли бы Вы даже написать ему об этом?

Вы, вероятно, знаете, что Лагерр стал членом Института после Серре⁶, потому что он старший из соискателей. По-моему, это скандал, и счастливым делом должен был бы стать Альфан. Кстати об Альфане⁷. Его тесть умер на днях, оставив 40 миллионов, так, по крайней мере, было написано в «Figaro».

Науч[ное] общество в Упсале выбрало Пуанкаре своим иностранным членом⁸. Раз уж они решили выбрать молодого математика, то мне кажется, что должны бы выбрать Вас. Но я не хотел поднимать из-за этого шума, так как приберегал для Вас честь стать первой женщиной в Королевской швед[ской] академии наук. Но только помогите мне и сделайте шведской подданной, так как в качестве иностранки Вы не можете пройти раньше Кронекера и Чебышева.

В Террите общество состояло преимущественно из изъеденных молью английских мисс. Очень курьезно, что англичанки, такие красивые у себя дома, так безобразны за границей! Больше всего мы, однако, были в обществе семейства Боннетон из Женевы, в котором муж — директор института для молодых девиц, очень богат и принадлежит к старой женеvской аристократии, порядочный и добрый человек, образованный и ограниченный, настоящий представитель крупной буржуазии в маленьком городе, с многочисленными предками и большими претензиями. Жена — живая, умная и пылкая француженка — прониклась такой горячей привязан-

ностью к Сигне, что почти насильно заставила нас посетить их в Женеве, где они, кстати сказать, оказали нам самое широкое гостеприимство. Дочери 20 лет, и она не хочет выходить замуж. Причину этого я случайно разгадал, но не могу передать этого в письме.

Читали ли Вы противную книжку Бело — «Мадемуазель моя жена»? ⁹

Здесь мы почти одни, за исключением двух молчаливых немок. В это время года в Швейцарии встречается мало интересных людей. Англичане приезжают только в июле, а немцы и французы — в августе.

Ввиду того что на перевале Фурка было еще столько снега, что дилижанс не мог проехать, мы вынуждены были пройти его пешком. Мы прошли также большой кусок по Ронскому леднику. Это было прекрасное путешествие, которого я никогда не забуду. Природа неописуема, дикая и величественная, и наслаждение ею еще увеличивается в высочайшей степени вдыханием разреженного, свободного от бактерий, холодного, бодрящего воздуха. Я хотел бы поселиться в такой местности, но не смею, по крайней мере пока еще, так как не могу спать в разреженном воздухе.

Но и здесь, в Беатенберге, тоже очень красиво, и отсюда великолепный вид на Бернер Оберланд и особенно на Юнгфрау. Но здесь — это не высокие горы, и я не знаю, уживусь ли я тут, когда Сигне уедет от меня. К сожалению, это случится скоро. Я не могу противиться тому, чтобы часть лета она провела со своим отцом. Я и так упрекаю себя, что не отпустил ее на все лето. Но, во-первых, она сама не захотела, а во-вторых, я не представляю себе, как смогу так долго обходиться без нее.

Желаю Вам встретить такие же хорошие новости в Москве, как в Петербурге! Пишите частые и длинные письма

Вашему преданному другу
Гёсте М.-Л.

74. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Москва, 13 июня [1885]

Милостивый государь!

Я совершенно не понимаю, почему Вы мне не пишете. Вот уже почти три недели как я не имею вестей от Вас, и я считаю, что с Вашей стороны очень дурно настолько забывать меня.

Третьего дня я приехала в Москву и была очень огорчена, не найдя там письма от Вас, между тем как я получила письма от большинства других моих друзей, с которыми состою в переписке. Мне кажется, что уже век прошел с тех пор, как я покинула Стокгольм. Я нашла свою дочь очень выросшей и здоровой, если не считать небольшого капля, от которого она не может отделаться после кори. Но я не думаю, чтобы это было что-либо серьезное, потому что у нее очень здоровый вид. Она очень высока и очень крепка для своего возраста. Все находят, что она очень похожа на меня, и ее можно принять за маленькую цыганку, настолько она загорела в деревне. Она также достаточно развита для своего возраста и страстно любит читать.

Моя подруга Юлия, естественно, очень грустна после смерти своей сестры; тем не менее, она переносит это несчастье лучше, чем я думала. Эту зиму она проведет со мной в Стокгольме, если только ей удастся до того времени навести некоторый порядок в своих делах. Кроме небольшого капитала, около двадцати тысяч крон, ее состояние заключается в имении и в доме в Москве. Имение и дом в настоящее время оцениваются приблизительно в 40 000 руб. (80 000 крон). (Они стоили более чем вдвое дороже, когда ее родители покупали их.) Ей бы очень хотелось продать их, так как у нее нет никакого желания оставаться в Москве теперь, когда она потеряла сестру. Я сомневаюсь, однако, чтобы ей удалось найти покупателя в такой короткий срок. Может быть, она найдет кого-нибудь для управления делами на время ее отсутствия и сможет все же уехать со мной.

Что касается меня, то у меня имеется в Москве большая коллекция окаменелостей, собранная моим мужем, которая, по его мнению, представляла очень большую ценность. Профессор геологии в Москве, с которым я виделась вчера, обещал мне каталогизировать ее в течение будущего года с помощью своего ассистента², молодой женщины, учившейся в Париже. Все же я захвачу с собой ящик окаменелостей, некоторые из которых, по словам моего мужа, уникальны, чтобы показать их Брёггеру в Стокгольме или Гексли, если поеду в Англию осенью или на рождество.

Я достала философские сочинения графа Толстого и читаю их теперь. Я их нахожу замечательными, и мне очень хочется написать о них в каком-либо шведском журнале. По моему мнению, очень интересно сравнить философские взгляды Толстого со взглядами Достоевского, изложенными в его последнем романе «Братья Карамазовы». Перевести их целиком почти невозможно, так как наряду с замечательными страницами встречаются другие, отличающиеся почти детской наивностью.

Я ломаю себе голову, что бы мне предпринять, чтобы лично познакомиться с Толстым. Это нелегкое дело, так как он оригинал, который никого не хочет видеть, и я не знаю, будет ли мое звание ученой женщины хорошей рекомендацией в его глазах. К тому же его сейчас нет в Москве, но его имение не очень далеко отсюда. Мне никогда ни с кем не хотелось так познакомиться, как с Толстым. Он наиболее своеобразный человек нашего времени; я думаю, что в этом отношении он даже превосходит Ибсена.

На сегодня прощайте, милый друг. Напишите мне поскорей. С Вашей стороны очень дурно забывать меня. Я на Вас ужасно обижена за это. Я посылаю Вам конверт со своим адресом. Письма, адресованные в Москву, также будут доставлены мне, но, быть может, днем позже, чем письма, адресованные непосредственно в имение Юлии Лермонтовой. Это имение не отличается красотой. Местность очень ровная и мало воды. Однако совсем рядом с нашим домом есть небольшой лес и воздух кажется мне очень хорошим после петербургского. Шлю дружеский привет Сигне.

Преданная Вам

С. К.

75. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Россия, между 13 и 20 июня 1885]

Дорогой друг!

Наконец-то я получила Ваше письмо, которое на этот раз заставило себя очень долго ждать; но оно доставило мне большое удовольствие, когда я его, наконец, получила, и оно действительно крайне интересно.

Со своей стороны я не могу сообщить Вам сегодня абсолютно ничего интересного, потому что образ жизни, который мы здесь ведем, настолько однообразен, что по сравнению с ним наша жизнь в Стокгольме кажется очень деятельной и оживленной.

Мы ужасно много едим и пьем чай четыре раза в день. Это наше главное развлечение. Погода все еще холодная и дождливая, и мы почти не ходим на прогулку. К тому же местность некрасива, хотя летом она и не лишена некоторого очарования, потому что все вокруг утопает в зелени. Трава доходит мне почти до пояса.

Сегодня я получила письмо от Элизы Вейерштрасс в ответ на письмо, в котором я спрашивала ее относительно Вашего намерения поместить портрет ее брата в «Acta mathematica». Она ответила мне, что как она, так и ее сестра Клара уверены в том, что этот знак уважения с Вашей стороны будет приятен Вейерштрассу, как, впрочем, и всякое проявленное Вами внимание.

Из письма Амелии Викстрём я узнала, что Ваша сестра уехала в Геттинген. Как хорошо было бы, если бы она там познакомилась с Гурвицем. Я была бы очень рада, если бы нам удалось в августе встретиться где-

нибудь в Германии и поговорить обо всех наших проектах. Я, кажется, уже писала Вам, что Линдхаген официально известил нас, что семестр начнется только 12 октября. Следовательно, на этот раз у нас чрезвычайно долгие каникулы. Но я еще не составила никаких окончательных планов и немного подожду, пока не узнаю Ваших проектов. По-моему, Гурвиц очень талантлив и обладает разносторонними знаниями. Он только очень плохо пишет. Мне кажется также, что Вы не вполне справедливы к Шоттки²; я только что прочитала его работу «Об образовании многократно взаимно связанных плоскостей» и нахожу ее очень интересной и хорошо написанной³.

На сегодня прощайте, дорогой друг. Пишите мне так часто, как только у Вас будет время. Шлю дружеский привет Сигне. Преданная Вам

С. К.

Рюдберг, кажется, отказался от своего намерения взять отпуск на осенний семестр. Я больше не слышала разговоров об этом.

76. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

С. Беатенберг, 21/6—1885

Сударыня!

Сердечное спасибо за Ваше письмо № 6, полученное вчера, которое мне было очень приятно получить (первое из Москвы)! Я надеюсь, что Вы получили мое письмо № 7², отправленное отсюда 12.6. Я прилагаю тот адрес, который дал мне Энестрём. Если он не верен, то присылайте мне каждый раз конверт, но только большего размера, чем в последнем письме. Я не могу писать таких маленьких писем, потому что тогда мой почерк становится совершенно неразборчивым.

Спасибо за все подробности, которые Вы сообщили мне о своей жизни и о Ваших близких. Я надеюсь, что Вашей приятельнице удастся устроить свои дела так, что она сможет приехать с Вами в Стокгольм. Это было бы очень удачным решением многих вопросов и затруднений. Не мешало бы Вам научить ее, а особенно Вашу девочку, немного шведскому языку теперь, когда Вы с ними. Это впоследствии облегчит их жизнь здесь.

Я нахожу очень разумным, что Вы привезете с собой самые драгоценные минералы. Если Вам удастся перевезти их в Стокгольм, то их уж, наверное, можно будет выгодно продать. И, кроме того, лучше будет составить подробный каталог их здесь и продать тому, кто предложит большую цену. И Норденшельд, и Брёггер, несомненно, охотно Вам помогут. Кроме того, настоящим специалистом является Натгорст, весьма выдающийся человек, и он тоже, конечно, охотно поможет Вам.

Напишите в свободную минуту очерк о Толстом. Его с благодарностью примут в Швеции. Но не соблазняйте слишком литературой!

По моему мнению и на основании всего, что я знаю о Толстом, он очень крупный писатель, но его философия меня не привлекает. Разница между ним и Ибсеном очень значительна, поскольку Ибсен не имеет никакой философии, а относится критически ко всему в жизни, тогда как Толстой имеет очень ярко выраженное позитивное мировоззрение, которое к тому же в своих основных чертах почти совпадает с типичным русским мировоззрением. Поэтому ясно, что Толстой является великим человеком своего народа с совершенно иной точки зрения, чем это когда-либо могло быть с Ибсеном.

Но я не думаю, чтобы Толстой когда-либо получил широкое признание вне России, именно вследствие его философии. Ибсен потому является более универсальным, что у него нет никакой философии, но вместе с тем он такой исключительно аристократический писатель, что никогда, ни в одной стране никто не будет понимать его, кроме высшей интеллигенции. Знаете ли Вы, что Ибсен был в Норвегии после 10-летнего отсутствия³? Он присутствовал и делал наблюдения во время продолжавшихся в течение двух дней дебатов относительно денежного ассигнования (ни-

сательское вознаграждение имеют Ибсен, Бьернсон и Ли⁴). Кьелланду в ассигновании было отказано незначительным большинством голосов на том основании, что Кьелланд якобы безнравственный писатель⁵. Ибсен будет летом поблизости от Тронхейма, и я думаю, что мы скоро о нем услышим. Может быть, удастся уговорить его приехать в Стокгольм. Это было бы очень интересно.

Позднее, в тот же вечер.

Бывали ли Вы когда-нибудь внутри грозовой тучи? В таком положении мы находимся сейчас. Молнии сверкают с шипением вокруг дома, а гром почти оглушающий. Идет град крупнее гороха. К счастью, совсем около дома проходит телеграфная линия и в нее беспрерывно ударяет молния. Все это представляет действительно жутко привлекательное зрелище.

Сигне уезжает в среду. Во вторник мы вместе едем в Интерлакен. Я отправляюсь в среду в Бад Ленк для лечения ингаляциями серными парами и купаниями. Говорят, там очень красиво. Высота 4000 футов, и курорт расположен всего в нескольких часах езды от Интерлакена. Следующее письмо адресуйте: *Интерлакен, Швейцария*. До востребования. Надеюсь, что я буду там себя хорошо чувствовать.

Вечерняя почта принесла печальную новость о смерти Шеффера (ученика Кантора). Это большая потеря для математики, так как он, видимо, был очень одаренным человеком.

Моя сестра, по-видимому, довольно плоха. Моя мать пишет, что она просто не узнает ее. Сестра, которая понятия не имела, что такое нервы, стала чрезвычайно нервной. Ей необходимо заняться своим здоровьем летом, так как дело нешуточное, ведь она, так же как и мы, остальные братья и сестры, получила такую опасную наследственность.

Я подумывал о том, чтобы в следующем семестре читать только теорию чисел, с тем, чтобы осенью отделаться от элементарной математики, а весной один час читать приложение анализа к теории чисел, а другой час — дифференциальные уравнения. Но нет необходимости решать это дело раньше осени.

Кроме того, я не могу сказать, чтобы теория чисел особенно интересовала меня. Я не могу отделаться от впечатления, что эта теория слишком специально понимает свою задачу. Все же я стараюсь хорошенько углубиться в нее, так как в ней имеется известная часть, которая представляет для меня величайший интерес, а именно та, где наиболее глубокие положения теории чисел выступают как простые следствия аналитических формул.

В следующем письме я попрошу Вас помочь мне в решении нескольких трудностей.

Я еще не принимался за заметки по Вашим лекциям, и приступлю к этому лишь тогда, когда закончу с теорией чисел. И только после просмотра Ваших лекций я возобновлю изучение Пуанкаре. Иначе я боюсь, что никогда не отделаюсь от него. Но я, к сожалению, не решаюсь и не могу много работать.

Сигне сердечно Вам кланяется. Напишите скорее Вашему преданному другу

Г. М.-Л[еффлеру].

Не забудьте вложить конверт с Вашим адресом, если [прежний] не годится.

77. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Беатенберг, 23/6—1885

Мой дорогой друг!

Я только что узнал новость, что профессор Экелунд в Лунде скончался в возрасте 89 лет. В связи с этим освобождается место в Академии наук, и я уже написал довольно искусное письмо Мальмстену, в котором все

ему объяснил и попросил его сейчас же написать Линдхагену (секретарю Академии) и предложить Вас² с тем, однако, условием, что *Вы к осени будете шведской подданной*. Я написал также Гюльдену и просил его, с той же предпосылкой, написать астрономам в Академии. Надо действовать быстро, а то тут вклинится какой-нибудь астроном.

Но и Вы не должны, следуя Вашей дурной славянской наклонности к медлительности, предоставлять меня самому себе, а должны *сейчас же* действовать, чтобы освободиться от своих обязательств перед русским государством. Если этого нельзя сделать без поездки в Петербург, то поезжайте. Дело ведь стоит такой поездки. Если Вы войдете в Академию, то мы сделаем нечто основательное для математики. Ведь Академия имеет большие возможности во многих отношениях. Знаете ли Вы, что говорили о том (но, ради бога, молчите об этом!!!), чтобы мне стать преемником Линдхагена на посту неперменного секретаря Академии? Но маловероятно, чтобы это прошло, потому что Норденшельд хочет им быть. Однако многие против него. Я, правда, очень бы хотел этого, так как неперменный секретарь Академии всемогущ в ней³, а Академия в свою очередь всецело господствует над научной жизнью Швеции. И, кроме того, я считаю, что можно было бы сделать из нее нечто совершенно другое, гораздо более великое, чем то, что она представляет собой в настоящее время. Но все это проекты на будущее. Главное теперь, чтобы Вы заняли вакантное место. Помогите мне лишь тем, что освободитесь от России, а остальное я попытаюсь сделать сам. Как член Академии Вы бы стали носить довольно красивую форму.

Сигне шлет сердечный привет через Вашего друга

Г. М.-Л.

Адрес: Бад Ленк. Обер-Симменталь. Швейцария.

77а. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Беатенберг] 26/6 вечером [1885]

Получил письмо от Анны-Шарлотты. Она встретила со своим мужем в Геттингене, и они прожили дня два у Шерингов. Теперь они в Гарце. Можете себе представить, что Шварц рассказывает по Геттингену и хвастается тем письмом, которое я ему написал. При этом он даже не ответил на него. Смею думать, что такая неслыханная вещь может произойти только в Германии. При случае сообщите об этом Вейерштрассу. Я все же не жалею, что я написал, так как не от меня будет зависеть, что я оказался в натянутых отношениях с одним из учеников Вейерштрасса, да к тому же имеющим такие большие научные заслуги, как Шварц. Но теперь я больше не могу иметь с ним дела. Теперь он должен сделать первый шаг. Я больше не могу унижаться перед ним². Разве Вы не находите, что я прав в этом?

Шеринг приедет в Швецию осенью и, конечно, заедет к нам в Стокгольм. Тогда Вы, наконец, сможете познакомиться с ним. Он во многих отношениях любопытная фигура, но [в то же время] добрый и благородный человек и истинный джентльмен. По отношению ко мне он несколько раз поступал так, что я никогда этого не забуду.

Я только что возвратился с интересного восхождения на Нидер-Хорн. Ужасно трудно было туда подняться, но стоило потрудиться! С одной стороны открывается прекрасная панорама Бернского Оберланда и за ним Монблан, Монте Роза и Вейсхёрнер. По другую сторону — Берн, Цюрихское озеро и многое другое. С этой стороны гора обрывается отвесно на 4000 футов вниз. Я подполз на животе к краю пропасти. Над моей головой кружились два орла. Я был совершенно один, и вокруг меня царил та полная, торжественная тишина, которая бывает только высоко в горах и, наверное, в могиле.

Я всегда любил такие странствия в одиночестве на лопе природы, величие которой уже не действует так подавляюще, когда смотришь на

нее сверху. Глубоко чувствуешь тогда все ничтожество земной суеты и ощущаешь себя ближе к вечности, ясности и истине.

Сигне шлет привет. Преданный Вам

Г. М.-Л.

78. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Беатенберг] 29/6—1885

Мой дорогой друг!

Сердечное спасибо за Ваше письмо № 7, полученное вчера вечером. Надеюсь, что мои письма № 8 и 9 дошли до Вас; № 9² было послано в конверте, напечатанном для меня Энестрёмом. Постарайтесь разыскать его, это было важное письмо, и Вы не должны уехать из России, не узнав его содержания.

Гурвиц больше не в Гёттингене, он, кажется, в Кёнигсберге³. Что касается Шоттки, то я вовсе не плохого мнения о нем, это Вы сами высказывали подобный взгляд.

Я написал Герцу и получил любезный ответ⁴. Я написал также Вейерштрассу и спросил его, не может ли он устроить так, чтобы Герц навестил меня в Швейцарии.

Сигне теперь уехала, и я чувствую себя очень одиноким и меланхолически настроенным. Я плохо сплю или даже совсем не сплю по ночам и поэтому мало могу работать днем. Я не взял также с собой какой-нибудь более легкой литературы, которая меня обычно развлекает.

Мне здесь делают главным образом ингаляции, и надеюсь, что они в самом деле принесут мне большую пользу. Врач, мне кажется, очень хороший. Природа прекрасная. Обширная долина, ограниченная с двух сторон покрытыми снегом горами и огромными ледниками, из которых главный — Вильдстаубах⁵. С востока и запада — постепенно понижающиеся горные склоны, покрытые сочными лугами и красивыми рощами. К северу долина расступается, давая выход реке Симме.

Здесь, однако, довольно-таки жарко, даже по ночам, и не очень-то чувствуется живительная свежесть горного воздуха. Я надеюсь, что выдержу здесь до конца июля, а затем в августе поднимусь выше. Предполагалось, что Сигне и ее отец приедут сюда в середине августа, и мы тогда недели две попутешествуем вместе. Анна-Шарлотта вместе со своим мужем теперь в Гарце—Бургберге—Гарцбурге и останется там до конца июля, а затем, вероятно, приедет сюда, в Швейцарию. Юлия Фольмар хочет, однако, непременно уговорить ее побыть в Баварских Альпах, где Юлия с мужем проводят медовый месяц. Любопытное предложение, не правда ли? Но она должна прежде всего пожить где-нибудь в тишине и покое и полечиться, это ей необходимо.

Если мое здоровье позволит, то я хотел бы потом поехать на съезд в Эбердин⁶, который будет не раньше 9 сентября. Не хотели бы и Вы в этом случае тоже туда приехать? Мне нужно завязать связи с англичанами в интересах журнала, собственно не ради самих авторов, а ради его распространения.

Передайте мое почтение Вашей сестре. Напишу подробнее следующий раз, когда, быть может, буду в лучшем настроении.

Горячо преданный Вам

Г. Миттаг-Леффлер.

79. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Москва 20 июня (2 июля) 1885]²

Милостивый государь!

Я только что получила Ваше милое письмо за № 8 и спешу ответить Вам, хотя у меня нет абсолютно ничего интересного, что бы я могла сообщить Вам сегодня. Наша жизнь настолько однообразна, что я теряю способность не только работать, но даже беспокоиться о чем-либо. Мне ка-

жется, что если так протянется долго, то я превращусь в растение. Удивительно, чем меньше дела, тем менее становишься способным работать. По крайней мере, так происходит со мной. Мне положительно необходим какой-нибудь внешний стимул, чтобы приняться за работу. Я решительно ничего не делаю. Весь божий день занимаюсь каким-нибудь рукоделием, без какого-либо признака мысли в голове.

К тому же здесь наступила удушающая жара. После дождей и холодов, бывших первое время, внезапно наступило лето, настоящее русское лето, когда в тени можно печь яйца. Кроме того, нас преследуют армии комаров и других мошек, не дающих нам покоя ни днем, ни ночью.

Я полагаю, что Вы теперь уже один и что Сигне уехала к отцу. Как Вы себя чувствуете в Интерлакене? В своих последних письмах Вы ничего не говорите о своем здоровье. Прошу Вас, сообщайте мне о нем подробнее. Какие у Вас сведения об Анне-Шарлотте и какие у нее проекты?

Какая ужасная новость — смерть Шеффера. Как он умер? Я совершенно потрясена. Ужасно, когда молодые и столь талантливые математики умирают в раннем возрасте.

Прощайте, дорогой друг. Напишите мне поскорей. Я всегда с величайшим нетерпением жду Ваших писем.

Искренне преданная Вам

С. К.

80. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Россия, почт. штемпель:
25 июня (7 июля) 1885]

Мой дорогой друг!

Сердечно благодарю Вас за Ваши письма №№ 9 и 10², которые я получила почти одновременно. Боже мой! Сколько у нас вновь прекрасных проектов!³ Видение красивого мундира академика постоянно проходит теперь перед моими глазами, и Вы можете не сомневаться, что я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы помочь Вам достать его мне. Я шучу, дорогой друг, но Вы не можете себе представить, до какой степени меня трогает каждое новое доказательство интереса и дружбы, которое я получаю от Вас. Вы знаете, что я, в сущности, довольно равнодушна к почестям и к внешним знакам уважения, которые приходится на мою долю. Но я тем более чувствительна ко всем доказательствам внимания со стороны моих друзей. Ваша дружба ко мне, безусловно, относится к наиболее драгоценному для меня в жизни, и меня часто мучает мысль, что я так мало могу доказать Вам, насколько я дорожу ею и как я Вам благодарна. Только бы Ваше здоровье поправилось в течение этого лета и мы снова могли бы приняться за свою общую работу осенью. Что касается меня, то я до сих пор страшно ленилась. Но подумайте, можно ли работать, когда по ночам не дают спать мириады комаров, когда уже с утра 22° по Реомюру в тени и когда рядом нет никого, с кем можно было бы обменяться математической мыслью. Тем не менее в последние дни я пытаюсь преодолеть свои дурные, ленивые, славянские инстинкты и попомогу приняться за работу. Я читаю книги по механике, которые взяла с собой, и разрабатываю план своих лекций на будущий семестр. Я написала также письмо русскому послу в Стокгольме и просила его исходатайствовать мне у русского правительства разрешение на перемену подданства⁴. Мне говорили здесь, что это дело обязательно должно идти через его посредничество. Теперь я ожидаю его ответа и ничего не могу предпринять до его получения.

Мне бы очень хотелось, чтобы Ваша сестра приехала к Вам в Швейцарию вместо того, чтобы заниматься романтическими наблюдениями над четой Фольмар, так как, судя по Вашим письмам, я замечаю, что одиночество очень угнетает Вас и Вы становитесь меланхоличным. От Ваших превосходных описаний окружающей природы и восхождений, которые

Вы совершили, у меня «слюнки текут», и я начинаю убеждаться, что мое предубеждение против Швейцарии было безосновательным.

Я намереваюсь встретиться с Вами в Англии на собрании Британской ассоциации⁵. Мне этого очень хочется, и я чувствую, что мне действительно необходимо немного рассеяться, прежде чем снова приняться за работу; но возможность моей поездки в Англию зависит главным образом от того, решится ли Юлия Лермонтова предпринять путешествие отсюда в Стокгольм без меня с Фуфи. Этот проект ей не очень улыбается, и она выставляет разнообразные затруднения, но я надеюсь, что мне удастся убедить ее.

Мы со дня на день ожидаем здесь мою сестру. Ей пришлось задержаться в Петербурге из-за очень будничного, но необходимого вопроса. Ее старший дворник только что ушел, и ей нельзя уехать, прежде чем она найдет другого. На сегодня прощайте, дорогой друг. Будьте здоровы и пишите мне поскорей. Я жду Ваших писем с величайшим нетерпением. Кланяйтесь от меня Сигне, когда будете писать ей.

Искренне преданная Вам

С. К.

Скажите Вашей сестре, что с ее стороны очень стыдно не отвечать на мои письма. Я не могу писать ей опять, не зная ее адреса.

81. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Бад Ленк, кантон Берн, 9/7—85

Дорогая г-жа Ковалевская!

Сердечное спасибо за Ваше письмо № 9², полученное вчера. Надеюсь, что Вы теперь получили мои письма № 9 и № 10. Что касается шведского подданства, то, согласно тем сведениям, которые я теперь получил от моего зятя, Вы можете быть приняты в шведское подданство и без предварительного предъявления доказательств, что Вы освобождены от своих русских обязательств. Но не доставит ли Вам такой поступок затруднений и неприятностей в России, это Вы обязательно должны там **выяснить**. Лишь после того, как Вы принесете присягу на верность королю Оскару, что совершается в течение года (иначе Вы снова теряете все права и тогда, возможно, как в Швеции, так и в России можете благодаря этому попасть в неприятное положение), Вы должны представить доказательства, что Вы больше не русская подданная.

Здесьнее лечение приносит мне, по-видимому, пользу, и кашель стал меньше. Доктор де Жонкьер, здешний врач, очень хороший врач и к тому же интересный и образованный человек. Он определенно утверждает, что моя болезнь весной была гораздо серьезнее, чем это подозревал наш добрый Эдгрэн [врач], и что верхушки легких были затронуты и заживление произошло совсем недавно. Для того чтобы закалить меня, мне делают холодные, но очень кратковременные души, и они хорошо на меня действуют. Но со сном дело обстоит неважно, и с работоспособностью тоже. Я по-прежнему изучаю Кронекера³ и обнаружил, что исследования Дирихле⁴ о предельных значениях величин теории чисел и т. п. невозможно сделать строго точными без применения исследований Вейерштрасса—Кантора. Сам Кронекер удивительно неточен.

Виктор Лорен, по слухам, находится при смерти в Англии⁵ и умоляет Анну-Шарлотту приехать к нему. Я еще не знаю, как это удастся сделать, а между тем, от этого зависят также и мои планы. Я, наверное, останусь в Швейцарии до конца августа и поеду тогда на съезд астрономов в Женеве между 19 и 22 августа. Если Вы хотите стать членом Астрономического общества, то я устрою так, чтобы Вас выбрали. Это стоит 20 р[ейхс-марок] в год, но зато получаешь бесплатно их журнал и имеешь право принимать участие в съездах.

А теперь я должен серьезно просить Вас вновь приняться за работу. Вы уже достаточно долго вели растительный образ жизни и дали отдых

своему мозгу, а теперь надо подготовиться к напряженной работе осенью.

Как Вы смотрите на то, чтобы приехать сюда для работы? Я легко мог бы устроить Вас на полном пансионе в красивой местности за 5—6 франков в день. Но я не могу обещать, что сам долго останусь. Для этого я слишком беспокойный и нервный человек и, вероятно, каждую неделю буду переселяться в новые места. По всей вероятности, буду путешествовать пешком, и может быть, и Вы будете странствовать со мной.

Но самое главное, это чтобы Вы теперь снова начали работать. Иначе осенью Вам будет трудно, и Вы снова впадете в отчаянье и т. д. и т. д. Подумайте также, как много времени будет у Вас занято, во-первых, домашними делами, Вашей девочкой и т. п. Одним словом, пусть Ваш математический разум возьмет верх над Вашими женскими и славянскими инстинктами! Как обстоит дело с Вашей сестрой? Нет никакой надежды на то, что мы увидим ее осенью в Стокгольме?

Таможенные вопросы в России теперь решены, и самым неблагоприятным для Финляндии образом. Между прочим, и состояние Сигне благодаря этому сразу уменьшилось с двухсот-трехсот тысяч примерно до 50 000. Если бы я не был таким покладистым в отношении к этому бесовственному завещанию и следовал бы собственному желанию, то я бы уже год тому назад продал все и этим спас бы все состояние. Но одну вещь я все же выиграл, и это отчасти благодаря Вашему совету,— это окончательный раздел между Сигне и ее отцом, так что то небольшое, что нам осталось теперь, по крайней мере будет полностью нашей собственностью. Но нам придется значительно изменить свой образ жизни (сократить свои расходы), что для меня, правда, будет несколько трудновато, так как я всегда имел дурную привычку мало думать о деньгах.

Я получил письмо от Шеринга. Противный Шварц говорит обо мне самым пренебрежительным образом и рассказывает, что он получил от меня чрезвычайно покорное письмо, но что *у него нет времени мне ответить*. Никому не говорите, что *Шеринг сообщил мне об этом*. Очень ли Вы будете плохого мнения обо мне за то, что я откровенно признаюсь, что кровь буквально кипит во мне при мысли об этом грубом и, как я считаю, совершенно незаслуженном оскорблении? Но теперь уж конец моему деликатничанию и уважению по отношению к Шварцу! Я, между прочим, при первой возможности поеду в Геттинген, но не пойду к нему.

Шеффер умер от тифа в возрасте 27 лет. Он оставил после себя несколько рукописей о максимуме и минимуме и о вариационном исчислении, которые будут издаваться Магером в Лейпциге.

Основная идея статьи Рунге об аналитическом представлении функций⁶ имеется уже, как мне пишет сам Р[унге], в той статье Фрагмена о точечных множествах, за которую я хотел дать ему премию в Стокгольме⁷, и, таким образом, Рунге не принадлежит в этом приоритет. Меня все-таки радует, что я правильно оценил заслуги работы Ф[рагмена]. Я надеюсь, что мы еще будем иметь основание гордиться им.

Узнайте в России, кого ставят выше как астронома — Баклунда или Нюрена в Пулкове. Скоро нам придется в Стокгольмской академии выбирать между ними, и мне бы очень хотелось иметь о них суждение независимо от Гюльдена. Знаете ли Вы, что [содержание] Вашей докторской статьи⁸ уже имеется у Коши в «Comptes Rendus» т. 14, 15, 16⁹. Это обнаружил Рунге. Вейерштрасс был очень изумлен. Хорошо, что мы не знали об этом, когда дело шло о профессуре в Стокгольме, теперь же это неважно, после этого Вы опубликовали уже гораздо более значительные труды.

Я нахожу, что Вам следует изучить статьи Коши и написать новую работу, в которой Вы полностью выясните, как обстоит дело, и дадите отчет в том, что бесспорно является Вашим оригинальным исследованием, и присоедините сюда Ваши прекрасные исследования, связанные с Пуанкаре¹⁰.

Если Вы сами ничего не сделаете, то на Вас когда-нибудь нападет Шварц и обвинит Вас в плагиате.

Передайте мой почтительный привет Вашей сестре и напишите скорее горячо предавшему Вам другу

Г. Миттаг-Леффлеру.

82. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

Бад Ленк, Кантон Берн, 13.7—85.

Сударыня!

Сердечное спасибо за Ваше письмо № 9² и за все приятные вещи, которые Вы мне в нем высказали. Я получил письмо от Гюльдена, и он согласен на Ваше избрание³. Норденшельд, наоборот, против, по формальным причинам. Он, видите ли, выступает теперь в роли формалиста, чтобы этим обеспечить свою кандидатуру в непремешные секретари Академии. Причина же та, что не следует два раза подряд уступать место одной кафедры другой кафедре. Если Хольмгрен умрет, то он [Норденшельд] согласен будет избрать Вас. Мнение Норденшельда, однако, для нас довольно безразлично, если только мы добьемся, чтобы обе кафедры, математики и астрономии, предложили Вас. А это, я надеюсь, мне может удасться, только бы мне пайти Мальмстена. Но он, очевидно, не получил еще моего письма. Наверное, он за границей. Я думаю, что профессор Линдхаген будет за Вас, потому что если бы мы взяли астронома, то возникла бы борьба между Нюреном — его родственником — и Баклундом, и Баклунд, вероятно, одержал бы победу.

Ну посмотрим, что можно сделать. Что я делаю все, что только возможно, — это Вы, конечно, знаете. И я считаю, что на этот раз я добьюсь удачи. Впрочем, никогда нельзя знать, какие еще могут возникнуть затруднения. Во всяком случае я верю, что форма доставит Вам удовольствие. Самое важное, однако, то, что пока Вы не попадете в Академию, нам не удастся так всецело господствовать в шведской математике, как я этого добиваюсь.

Я надеюсь, что Анна-Шарлотта послезавтра приедет сюда, и очень радуюсь ее приезду. Последние дни я так устал от всех почтенных мелких буржуа, которых здесь полно, что едва мог заставить себя спускаться к табльдоту. Какие, однако, люди, как правило, пустые и бессодержательные сосуды! На дне сосуда почти всегда находится декокт из [неразборчиво] и фраз, но еще вопрос, не было ли бы лучше, если бы там была абсолютная пустота.

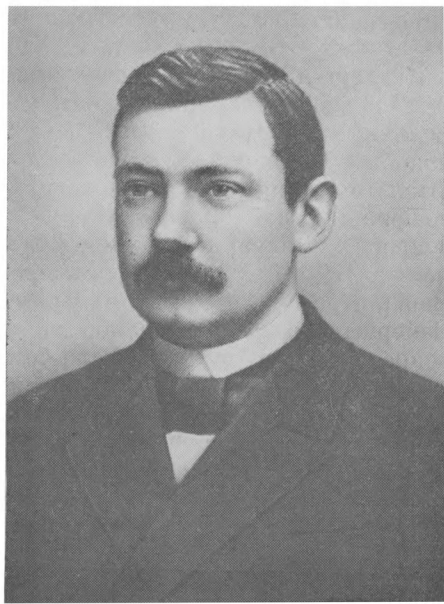
Через 9—10 дней я поеду в Берн и Цюрих, чтобы нанести короткий визит находящимся там математикам. Затем Анна-Шарлотта и я, вероятно, поедem в Церматт. Продолжайте, однако, писать в Ленк. Между 19—22 августа соберется Астрономическое общество в Женеве⁴, и я, вероятно, туда поеду. *Напишите мне, хотите ли Вы стать его членом.* Анна-Шарлотта, вероятно, в конце августа поедет на какой-то курорт в Англию к Виктору Лорену, который при смерти. Сигне и я и, надеюсь, также и Вы, навестим ее там, а затем отправимся в Эбердин, где съезд начинается 9-го сентября⁵. Если Вы сейчас не поедете с нами, то Вы должны будете в другой раз побывать в Англии и поработать там для «Acta».

Окажите мне, пожалуйста, услугу и узнайте хорошенько, кто теперь самый влиятельный человек в Министерстве просвещения, когда дело идет о том, чтобы получить оттуда ассигнование⁶. Я подумываю о том, чтобы на рождество поехать в Петербург, и хочу тогда всерьез заняться этим делом. Найдите мне также пути к этому могущественному человеку. Честный он человек или мошенник — мне совершенно безразлично, лишь бы я заранее имел об этом надежные сведения, чтобы знать, чего мне держаться.

Здесь также стоит довольно гнетущая жара, которая действует на мой почной сон и усиливает мою меланхолию.

Гуго Юхан Август Гюльден
(1841—1896)

Нвар Эрик Фредгольм
(1866—1927)

От Энестрёма я на днях получил очень дерзкое письмо, в котором он мне выговаривает за все беспорядки, происходящие в Центральной типографии. Он очень самолюбив и взбешен, что я не мог и не хотел безоговорочно принять его сторону в его последнем конфликте с типографией. Я ответил ему в очень мирном и спокойном тоне и как можно убедительнее. Несомненно, он очень пужный человек для «Acta», но иметь дело с ним — нелегко. Он, видимо, обижен также, что не получил от Вас письма. Было ли у него какое-нибудь основание ждать таковое?

Мне очень любопытно узнать о Вашем отношении к тому, как Шварц поступил с моим письмом⁷. Мне очень трудно это переварить, и при следующей встрече я все-таки выскажу ему всю правду.

Передайте мой почтительный привет Вашей сестре! Пишите скорее Вашему преданному другу

Гёсте Миттаг-Леффлеру.

83. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Россия], 3/15 июля 1885

Мой дорогой друг!

Я только что получила Ваше письмо № 11². Меня очень радуют сведения, которые Вы сообщаете о теперешнем состоянии Вашего здоровья. Но как ужасно, что ни Эдгрен, ни другие врачи, к которым Вы обращались, не обнаружили у Вас паличия опасности. Между тем, ее можно было подозревать по всем признакам. Естественно было думать, что такая сильная лихорадка и такой упадок сил, какие наблюдались у Вас, были вызваны каким-либо серьезным внутренним заболеванием. Ваш случай хорошо доказывает, насколько невнимательны гг. врачи и как мало следует доверять их словам. Я надеюсь, однако, что теперь Вы хорошо поправитесь и не совершите какой-нибудь новой неосторожности. Я думаю, что для такой живой натуры, как Ваша, период выздоровления наиболее опасен. Я только что получила письмо от Энестрёма, который пишет мне: «К Леффлеру вернулась, по-видимому, его обычная работоспособность; я почти ежедневно получаю от него письма»³.

Я должна также заметить Вам, что если Вы *ежедневно* пишете Энстрёму, то Ваши письма мне сравнительно очень редки.

Теперь я перехожу к сведениям, которые Вы мне сообщаете.

Для меня совсем не новость, что Коши работал до меня над диф[ференциальными] ур[авнениями] в частных производных и что он доказал, что подобное уравнение в общем случае имеет интеграл, и приоритет этого открытия принадлежит не мне⁴. Этот вопрос обстоятельно обсуждался во французской Академии наук⁵ в связи с работой Дарбу по тому же вопросу, написанной и представленной несколькими месяцами позже меня⁶. По этому же вопросу происходила длительная переписка между Вейерштрассом и Эрмитом. Когда я писала свою работу, я так же, как Вейерштрасс, действительно не знала, что Коши уже занимался этим вопросом, и это, конечно, было большой ошибкой с нашей стороны. Однако в свое время Вейерштрасс объяснил Эрмиту, что ни Коши, ни Дарбу не заметили существенных условий, при которых дифференциальное уравнение в частных производных всегда имеет один интеграл (или, иными словами, когда оно может быть приведено к нормальному виду). Ни один из них не подозревал даже, что имеются случаи, как, например:

$$\frac{\partial \Phi}{\partial x} = a \frac{\partial^2 \Phi}{\partial y^2},$$

когда формально существует ряд от x , y , удовлетворяющий этому уравнению, принимающий при $x=0$ произвольное значение $\Psi(y)$, но что этот ряд будет сходящимся только при очень частном выборе $\Psi(y)$. В общем случае ряд будет расходящимся. Именно этому результату моих исследований Вейерштрасс всегда придавал наибольшее значение, и если только Рунге не обнаружил какой-нибудь новой работы Коши, ускользнувшей от внимания французских геометров, то я думаю, что этот результат целиком принадлежит мне. Не имея сейчас под рукой «Comptes rendus», я не могу удостовериться в том, являются ли упоминаемые Рунге работы Коши именно теми, о которых говорили после обсуждения работ — моей и Дарбу — во французской Академии наук.

Мне кажется, я помню совершенно точно, что я рассказывала об этой истории как Вам, так и Рунге. Вероятно, Вы не обратили на это внимания.

То, что Вы пишете мне о Шварце, возмущает меня больше, чем я могла бы Вам сказать. В самом деле, никто, кроме немцев, не может доставить вам таких сюрпризов! Однако я думаю, что нужно приписать достаточно большую долю недоброжелательству к Шварцу Шеринга, который может добавить некоторое преувеличение к словам Шварца. Но самый факт, что подобная дискуссия могла подняться, [должен быть] оскорбительным для него, и это меня возмущает и огорчает. Тем более что у меня сознание большой ответственности, так как, конечно, я виновата в том, что Вы написали это несчастное письмо. И я вовлекла Вас в это. <...>

Не собираетесь ли Вы написать Шерингу, каким образом это несчастное письмо появилось на свет. Я со своей стороны горю желанием где-нибудь встретиться со Шварцем, чтобы сказать ему в лицо все, что я думаю о нем и о его поведении.

Вчера я получила письмо от г. Итцигзона (из Берлина)⁷. Я думаю, что Вы представляете себе этого господина. Я посылаю Вам его письмо, чтобы избавиться от необходимости излагать Вам его содержание.

Я только что получила письмо от Анны-Шарлотты, которая пишет мне, что через несколько дней она намерена присоединиться к Вам. Чтобы ответить ей, мне надо знать ее точный адрес. Если она уже будет с Вами, когда Вы получите это письмо, поклонитесь ей от меня. На сегодня прощайте, дорогой друг.

Искренне преданная Вам

С. К.

Дорогой друг!

Сердечное спасибо за Ваше письмо № 11², полученное вчера вечером. Я с большим нетерпением жажду узнать, можете ли Вы вырваться и приехать к нам сюда. Было бы очень приятно, если бы это оказалось возможным. Дело не в том, чтобы нам только веселиться, наоборот. Мы бы довольно много работали, а в промежутках совершали бы продолжительные прекрасные прогулки. Я не хотел раньше предлагать Вам этот проект по двум причинам: во-первых, я считал, что это было бы несправедливо по отношению к Вашей сестре, и, во-вторых, мне не хочется общаться со своими друзьями, когда я болен и неприятен. В таких случаях я, как истый северянин, предпочитаю замыкаться в собственной скорлупе. Но теперь Анна-Шарлотта говорит, что и для Вашего собственного здоровья совершенно необходимо, чтобы Вы перешли от «растительной жизни» к «животной жизни», а не сразу вступили в «жизнь ученой женщины». Она, знающая и уважающая свой пол, считает, что у Вас может произойти внутренний разрыв, если Вы прямо совершите переход от русской идиллии к напряженной жизни в Стокгольме с лекциями и г-жой Ретциус. Я склоняюсь к тому, что она права, и поэтому позволяю себе быть таким недобрым по отношению к Вашей сестре, желая Вашего приезда сюда. Что касается моего собственного здоровья, то мне действительно стало настолько лучше, что я уже не хочу оставаться в своей скорлупе, а стремлюсь заглянуть и в другие. Я не хочу сказать, чтобы я сомневался в диагнозе Жонкьера, но сейчас состояние моей груди как будто бы вполне хорошее. Однако необходимо соблюдать большую осторожность еще в течение нескольких месяцев. <...>

Получил письмо от Брёггера. Он говорит, что мы начинаем 1-го октября и кончаем 15 декабря. Кто же прав, он или Вы? Доверять ли мне больше точности математика или же мужчины в отношении практических дел? Брёггер рассказывает, но с обязательством строгого молчания, — примите это к сведению!! — что мы получили нового физика, молодого Онгстрёма³, сына крупного спектрального аналитика. Эдлунд рекомендовал одного из своих учеников — Мебиуса или Аррениуса, но Линдхаген добился в Правлении, против мнения Эдлунда, чтобы выбрали Онгстрёма. Да, действительно, Линдхаген удивительный человек: провести что-нибудь против Эдлунда в его собственном предмете! Достаточно ли Вы уже знаете Швецию, чтобы понять, до чего это неслыханно? Линдхаген был тысячу раз прав. У Онгстрёма имеется блестящий отзыв от Кундта в Страсбурге, и все, кто знает его, чрезвычайно высоко ценят его способности к физике. Эдлунд ненавидит его отца и завидует ему даже после его смерти. Как Мебиуса, так и Аррениуса я хорошо знаю, оба они посредственности⁴. Онгстрём знал, что если бы он захотел заниматься у Эдлунда, вместо Кундта, один год, то рекомендация Эдлунда была бы ему обеспечена. Но, во-первых, он знал, что он получит больше пользы, занимаясь у Кундта, и, во-вторых, он слишком сын своего отца, чтобы захотеть стать учеником Эдлунда. Ведь Эдлунд в свое время вел себя довольно постыдно по отношению к Онгстрёму-отцу.

Анна-Шарлотта подала мне блестящую мысль. Мы пригласим Снойльсского профессором по истории литературы в Высшей школе. Она уже написала ему, спрашивая, не согласится ли он. Но молчите об этом, ради бога! Успех в большой степени зависит от того, чтобы дело это держать в тайне до последнего момента. Надо устроить так, чтобы советник юстиции⁵ сам напал на эту идею. Никакие меры не будут в большей мере способствовать популярности Высшей школы в Швеции. Мы должны собрать вокруг нас всех выдающихся людей Швеции. Снойльский весьма образованный человек. Хотя он и не написал ничего по истории литературы, но обладает большими знаниями в этой области, чем кто-либо другой в Скандинавии. Он благородный, скромный человек, с горячей симпатией ко всему действительно значительному в современной литературе,

и, заняв этот пост, он окажет в высшей степени благотворное влияние на развитие литературы в Швеции.

Онгстрём, для начала, приглашается как ассистент Рубенсона. Но в дальнейшем предполагается, что он вытеснит Рубенсона. Что касается Вашей статьи⁶, то я припоминаю, что раньше слышал от Вас совершенно такое же изложение, как сейчас. Но я не обратил особого внимания на Коши, а только на Дарбу, и, кроме того, считал, как и Вейерштрасс, что у Вас были чрезвычайно существенные и совершенно новые вещи, которые Вы представили в своей статье. Рунге, однако, высказывается в том смысле, что он якобы имел в виду именно то, что мы считали новым. А именно он говорит, что Вейерштрасс был крайне удивлен его сообщением и как будто не знал об этом деле раньше. Мне, однако, кажется весьма вероятным, что Рунге не открыл ничего нового, чего бы не знали уже Вы и Вейерштрасс. Но у нас еще будет время разобраться в этом, когда мы получим «Comptes Rendus».

Спасибо за Ваше участие в моем конфликте со Шварцем. Но как Вы могли поверить, что я захотел написать Шварцу и сказать, что я действовал по Вашему совету. Я могу совершить глупость, но не способен на то, чтобы компрометировать моих друзей, и меньше всего Вас, чтобы защитить эту глупость. К моему огорчению Анна-Шарлотта была так нетактична, что сказала Шерингу, что я действовал по Вашему совету.

Я, однако, с благодарностью принимаю к сведению Ваше обещание, при первом же удобном случае высказать Шварцу всю правду. Я сделаю то же самое и даже поеду, при первой возможности, в Геттинген и не навещу его. Пусть он сам придет ко мне, и тогда я выскажу ему то, что думаю. Таких толстокожих людей совершенно бесполезно колоть булавами, для этого надо пользоваться копыями. Лучше всего обращаться с такими людьми так же, как обращаются у Вас в России с приказчиками и прислугой в гостиницах.

Я получил, наконец, ответ от Мальмстена. Он будет голосовать за Вас, если астрономы согласятся еще раз предоставить нам место. Он, однако, не может требовать этого, так как в тот раз, когда мне уступили место, сделано это было по его предложению, которое он мотивировал тем, что предоставленная мне уступка будет компенсирована после смерти Эке-лунда. Между тем Линдхаген хочет иметь Нюрена, а Гюльден — Баклунда⁷, поэтому я хочу вывести Академию из этой дилеммы, предложив Вас.

Как бы то ни было, по, по-видимому, через некоторое время освободится новое место, и я по крайней мере выиграю то, что Ваша кандидатура будет подготовлена, так что к тому времени Вы сможете быть уверены [в успехе].

Однако теперь я должен кончать. Вчера я получил целую пачку писем, на которые надо ответить, а так как Сигне мне теперь не помогает, то я совсем погибаю.

Анна-Шарлотта шлет сердечный привет.

Ваш преданный друг Г. Миттаг-Леффлер.

Я получил такое же письмо от Итцигзона, как и Вы, и ответил, что требую, чтобы деньги были употреблены в следующем порядке⁸:

1. Мраморный бюст.
2. Медаль, в одном экземпляре, золотая, которая будет отдана Вейерштрассу.
3. Альбом, который отдается Вейерштрассу.
4. Сделать форму, с тем чтобы желающие могли купить отливку из гипса.

Все должно быть употреблено для Вейерштрасса, и я категорически возражаю против немецкой идеи, чтобы каждый из жертвователей получил один экземпляр медали бесплатно. Я уверен в том, что мы, иностранцы, собрали $\frac{2}{3}$ общей суммы и что немцы вообще давали только по 5 рейхсмарок. Теперь они хотят за это получить компенсацию, приобретя даром экземпляр медали. (...)

22.7—85 закончено.

Милостивый государь!

У нас сейчас такая тропическая жара, что я абсолютно теряю способность мыслить даже как обыкновенная женщина, а не только как профессор математики. Вы не можете себе представить, до какой степени жара становится невыносимой в местности, где нет гор, моря и лесов. Это нечто ужасное, и я становлюсь совершенно больной. Вот уже скоро три недели, как у нас не было ни капли дождя, и даже ночью так душно, что я не могу сомкнуть глаз. Надо сказать, однако, что это лето совершенно исключительное даже для России, где привыкли к сильной жаре так же, как и к сильным морозам. Если засуха продолжится, то урожай погибнет, и это будет настоящим бедствием для всей России. Все здешние газеты голны ужасными предсказаниями. В окрестных селениях слышен беспрерывный звон колоколов. Это служат молебны о дожде!

Вы не можете себе представить, как подобная погода действует на настроение; я сейчас не в состоянии сформулировать ни одной разумной мысли. Поэтому не ждите от меня хорошо составленного письма. Держать перо в руках, предоставляя ему почти по своей воле чертить слова на бумаге, — это единственное усилие, на которое я способна. Но и оно почти превосходит мои силы, и я не знаю, решилась ли бы я на него, если бы не две вещи, которые мне абсолютно необходимо Вам сказать.

1. Чем больше я думаю о вакантном месте в Академии², тем более прихожу к выводу, что Вам не следует прилагать слишком много стараний и даже совсем не следует прилагать их, чтобы доставить мне его. *Гораздо лучше* подождать вакансии, которая откроется после смерти Хольмгрена, и это по многим причинам. Подумайте только, еще не прошло и года, как я назначена профессором; этой зимой мне, вероятно, придется занять место двух профессоров. Если ко всему этому добавится еще мое избрание в Академию, то боюсь, как бы это не испортило много крови в Швеции и не возбудило против нас обоих сильную зависть и недоброжелательность. Стриндберг уже говорил, что мне покровительствуют, потому что я женщина³. Пока разумные люди еще не верят этому, но будет очень неприятно, если другие начнут повторять то же самое, и я очень опасаясь, что если мы восторжествуем теперь, то эта победа очень дорого обойдется нам в будущем.

Еще один вопрос. Я уверена, что в Швеции произведет очень хорошее впечатление мой переход в шведское подданство⁴. В этом увидят доказательство моей симпатии и моей признательности Швеции. Но если подумают, что я сделала это только для того, чтобы получить место в Академии, то впечатление будет совершенно иное. Поэтому гораздо лучше, если первое событие произойдет на год или несколько лет раньше второго. То, что отложено, еще не потеряно. Если даже Вам удалось бы добиться моего избрания, то в данный момент это было бы против желания большого числа членов. Следовательно, оно вызвало бы недоброжелательное отношение к нам, и мое избрание могло бы лишь повредить Вашему избранию в секретари. Бесконечно лучше заняться теперь избранием астронома из числа наших друзей. При будущей вакансии за меня будет значительно больше голосов, а пройти значительным большинством голосов гораздо приятнее.

Не думайте, дорогой друг, что я пришла к этому решению под влиянием индифферентизма, вызванного моим пребыванием в среде русских. Уверяю Вас, что только голос осторожности и рассудка заставляет меня так говорить. Я уверена, что Гюльден будет того же мнения. Он не решается возражать против моего избрания только из страха перед женой; но я уверена, что в глубине души он не желает его. Поэтому я думаю, что на этот раз лучше совсем не поднимать вопроса о моем избрании. Но, может быть, осенью, в разговоре с Норденшельдом Вы сделаете вид, что уступаете его соображениям, чтобы привлечь его на нашу сторону при ближайшей вакансии.

Это первый вопрос, о котором я непременно хотела написать Вам сегодня.

Второй носит совершенно практический характер, но тоже имеет для меня довольно большое значение. Не можете ли Вы узнать или сообщить мне, кому я должна написать в Стокгольм, чтобы справиться: можно ли ввезти в Швецию без оплаты таможенной пошлины подержанную мебель (на которой имеются явные следы, что она находилась в употреблении). У меня здесь больше мебели, чем я предполагала. А у Юлии Лермонтовой великолепная обстановка. Если мы перевезем в Швецию хотя бы небольшую часть, этого будет достаточно, чтобы меблировать всю нашу квартиру, и это обойдется намного дешевле, чем покупка новой мебели, при условии, что нам не придется платить пошлину. Прошу Вас, укажите способ, как мне получить нужные сведения.

На сегодня прощайте, дорогой друг. Анна-Шарлотта, вероятно, сейчас с Вами. Я напишу ей в первый же день, когда станет свежее. Теперь же я так устала от усилий, которых мне стоило это письмо, что перо выпадает из моих рук.

Ваша искренне преданная С. К.

86. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Отель «Церматт», Церматт, Швейцария,
8/8—1885

Мой дорогой друг!

Сердечное спасибо за Ваше письмо № 12². Анна-Шарлотта обещала написать Вам о том, что последние дни занимало все мое время. Пишу вкратце, так как подобные детали и самые документы я приберегаю до нашей встречи.

Особенно глубоко меня огорчило то, что Кронекер мог поступить так низко — сначала обещать мне помочь относительно Хегара, а теперь, 29 июля, когда уже начались каникулы, написать, что я должен сам себе помочь. Если бы еще это касалось только меня, но ведь это касалось Сигне, и я написал ему так, что он должен был понять, что это очень серьезно.

Я послал Эрмиту и Вейерштрассу копии моего ответа Кронекеру и письмо Кр[онекера]. Мне очень больно за В[ейерштрасса], но я обязан был сказать ему правду, и невозможно было скрыть от него то, что так близко его касается.

Мой ответ Кр[онекеру] чисто деловой, и я умышленно избегал всего, что могло бы его обидеть. Цель его — подготовить возможность для примирения, в которое я, однако, не очень верю, если не вмешается кто-нибудь третий.

Подоплекой всего этого является, видимо, Командорский крест Вейерштрасса и все те почести, которые я стараюсь оказывать ему.

Теперь относительно нашей поездки. Я был [нездоров] и сейчас все еще так [слаб], что не знаю, смогу ли и следует ли мне ехать в Англию, и не лучше ли мне остаться здесь в тишине и покое и подготовить свои лекции. Сигне приедет со своим отцом около 20 августа, и тогда придется порядочно поездить, что отнимет у меня еще больше сил.

Вообще я совершенно не могу ничего решать иначе как в последнюю минуту. Не хотите ли Вы побыть одна? Я бы очень на этом настаивал, если бы не считал, что и для Вашего здоровья очень полезно было бы после жары в России провести несколько недель в горах. Я предлагаю Вам все-таки приехать сюда, в Церматт, тогда мы сможем окончательно все решить. Если меня здесь не будет, то Анна-Шарлотта во всяком случае останется.

Вы поедете по железной дороге до станции Вьез (Виспарк) и Ронедален. Затем отправите Ваш багаж на вьючном осле и пойдете пешком или же поедете верхом рядом (или на том же осле) четыре часа до Санта-Николауса. Оттуда Вы можете доехать сюда в экипаже. Экипаж на три

человека. Может быть, Вы сможете нанять осла и экипаж совместно с кем-нибудь. Обычно это бывает легко устроить. Один осел вез багаж мой и Анны-Шарлотты и еще багаж одного господина. Осел стоит 12 франков, экипаж — 15 франков.

Я думаю, что Вы можете ввезти старую мебель бесплатно. Во всяком случае это будет дешевле, чем покупать новую. Напишите Энестрёму и попросите его все разузнать (адрес: Вилла Карлсверк в Вермдэ, паромом «Вермдэ», Стокгольм). Я мог бы и сам написать ему, но он больше постарается, если это сделаете Вы. Он чрезвычайно аккуратный человек, и Вы можете положиться на то, что он скажет, — это огромное достоинство в этом суетном мире.

Вы правы относительно Академии³, и я последую Вашему совету, если не случится ничего нового и неожиданного.

Неразумно Вам ехать в Англию — Вам, наоборот, надо отдохнуть и освежиться в горах. А кроме того, Вам надо подготовиться к своим лекциям. Подумайте о той напряженной работе, которая ждет Вас в Стокгольме и которая сделается вдвое труднее, когда с Вами будет Ваша маленькая девочка. Вам будет очень тяжело, если Вы заранее не подготовитесь. В России же Вы, конечно, не смогли подготовиться.

9/8—85. Анна-Шарлотта обещала попытаться выбрать время и написать Вам сегодня, но и она тоже загружена перепиской. На тот случай, если она не успеет, даю Вам краткий отчет истории с Кронекером. Я написал ему 12 июля, прося его достать мне рекомендацию к Хегару во Фрейбурге — лучшему в настоящее время врачу по женским болезням, с которым мы хотели посоветоваться относительно Сигне. Он ответил открыткой от 15-го, в которой сообщал, что сейчас же написал одному врачу во Фрейбурге, одному из своих друзей, с просьбой достать мне рекомендацию и сообщить, когда Хегар будет во Фрейбурге и т. д. Меня поразило, что письмо было написано в таком официальном тоне. Потом он опять написал 29-го июля. В этом письме он начинает со слов, что не может оказать мне дружескую услугу, о которой я просил, а предоставляет мне получить самому непосредственно от Хегара нужные мне сведения — теперь, когда тот, вероятно, уже уехал, и после того, как я, надеявшись на обещание Кронекера, упустил возможность принять меры, которые я бы в противном случае принял. Причиной этого является премия.

«И даже в этом состоянии разочарования (по поводу нашего отношения к Командору)^{6*}, которое в настоящее время внезапно меня охватило, я все же намеревался, о чем я Вам и сообщил, оказать Вам дружескую услугу, о которой Вы меня просили... Так как это все-таки было разочарованием, что Вы спрашивали моего совета по поводу многих вещей (неправда!!), но *скрыли* от меня одно обстоятельство, которое следовало сообщить мне по меньшей мере на том же основании, что и В[ейерштрассу], и Э[рмиту], если бы, во-первых, Ваше отношение ко мне действительно было таким хорошим, как это казалось по Вашим письмам и личным высказываниям, и, во-вторых, если бы принято было во внимание то научное положение, которое я с давних пор занимаю в матем[атическом] мире, и, в-третьих, — и это самое главное, — если бы решение было принято компетентными лицами. Совершенно несомненно также, что ни один из современных матем[атиков] даже в отдаленной степени не обладает той компетентностью для постановки и суждения об алгебраическом вопросе (как вопрос № 4)⁴, какую я приобрел путем работы целой жизни, как (и т. д.).

Вред, который Вы причинили делу тем, что мне не сказали, Вы скоро заметите. (Это, видимо, следует рассматривать как объявление войны?) То, что Вы обидели лично меня, — это я как-нибудь переживу. Реклама, которая теперь часто отпугивает математиков, долго не выдержит. (Не-

^{6*} В кавычках приводятся выдержки из письма Кронекера, в круглых скобках — слова Миттаг-Леффлера.

сомненно, имеется в виду наше чествование Вейерштрасса. Я в моем ответе изобразил дело так, что премия представляет собой рекламу для «A[cta] M[athematica]». Я указал, почему король хотел, чтобы представленные к премии работы были опубликованы у нас, а не в журналах Академии наук, и заявил, что если это является рекламой для «A[cta] M[athematica]», то для Академии, в свою очередь, является рекламой выдача премий.) «Мне это всегда претило, и, кроме того, я считаю, что лучше я буду тратить свое время на самую математическую работу, чем на ее рекламирование. (Доказательство этого утверждения следует непосредственно ниже.) Я посылаю Вам с этой же почтой новую законченную работу. Другие работы последуют вскоре.

По поводу дела о премиях я просто обращусь непосредственно к Вашему королю. Если правда то, что Вы мне раньше написали по его поручению (это не я, а Мальмстен при основании журнала обратился к Вейерштрассу, Куммеру, Эрмиту и Кронекеру с просьбой о сотрудничестве. Письмо было составлено в совершенно официальном тоне от имени короля, и ответы на него были немедленно получены от первых трех. Кронекер же до сего времени оставил письмо без ответа. Он не хотел связывать себе руки), то он, конечно, найдет это совершенно естественным, что я обращаюсь к нему. Я буду опираться на мою более вескую компетентность в алгебраических исследованиях, которую я продемонстрировал в целом ряде своих работ и особенно в своем юбилейном сборнике. Тот факт, что комиссия, ни один из членов которой не знаком с этой фундаментальной работой, будет ставить алгебраический вопрос и затем давать оценку алгебраической работы,— является беспримечательной аномалией. Ваш король узнает от меня — то, что Вы от него скрыли,— что я уже при моем вступлении в Академию 25 лет тому назад доказал невозможность того, что явным образом послужило исходной точкой для вопроса № 4 (Постараемся напрячь все наши силы для того, чтобы решить вопрос № 4!!! Это должно удасться). Но Ваш король при этом должен узнать еще больше об истинном положении математики, дабы его добрая воля действительно осуществила нечто хорошее. Л. К.»

Я ответил вкратце следующим образом:

1. Что в настоящем случае дело идет о функционально-теоретической премии. Доказательством служат выражения в моем напечатанном письме.

2. Что это является естественным, принимая во внимание направление, которое до сего времени господствовало в журнале.

3. Что неперменным желанием короля было, чтобы комиссия состояла из 3-х (трех) членов.

4. То обстоятельство, что я являюсь одним из этих членов, уже показывает ему, что при выборах должны были руководствоваться и другими соображениями, кроме чисто научных.

5. Что двумя остальными членами король, естественно, хотел иметь одного немца и одного француза.

6. Что мне не нужно приводить другой причины, почему Вейерштрассу было отдано предпочтение перед Кр[онекером], кроме возраста В[ейерштрасса].

7. Что касается вопроса № 4, то отправная точка его чисто функционально-теоретическая (то есть работы Пуанкаре в «Acta»). Что нам всем было неизвестно, что Кр[онекер] считал этот вопрос невозможным.

8. Что я не советовался с ним заранее относительно вопросов на премию, так как это, поскольку я не имел официального полномочия обратиться к нему, было бы такой же большой не деликатностью по отношению к нему самому, как и по отношению к В[ейерштрассу] и Э[рмиту]. (Не правда ли, было бы красиво советоваться с Кр[онекером] относительно вопросов, предложенных В[ейерштрассом] и Э[рмитом]?)

9. Что мои чувства по отношению к нему совершенно искренни. Я восхищаюсь его открытиями и горячо благодарен ему за то доброе отношение, которое он всегда проявлял ко мне.

10. И, наконец, я упомянул, что я всегда надеялся когда-нибудь на

деле доказать эти свои чувства. (Разумеется, причиной всего этого является Командорский крест В[ейерштрасса], а Вы знаете, что я хотел, чтобы и К[ронекеру] дали его, попозже, в свое время.)

Здесь я представил отчет о самом существенном. Когда мы встретимся, Вы увидите сами документы. Сегодня отправляю письма В[ейерштрассу], Э[рмиту] и К[ронекеру]. Важно, однако, чтобы Вы знали обо всем, что произошло, на случай возможной переписки с Вейерштрассом. Я не прошу помощи ни у В[ейерштрасса], ни у Э[рмита]. Я только представляю отчет. Я ни в коем случае не хочу создавать неприязни между ними и старым приятелем. Но я также не хочу допускать, чтобы Кр[онекер] чернил меня в их глазах. Кроме того, дело это касается нас всех троих, и они должны знать правду.

Скажите, что Вы об этом думаете? Я много бы дал за то, чтобы [неразборчиво] Вас [неразборчиво] и иметь возможность воспользоваться Вашим мудрым советом.

Разумеется, я хочу примирения, если только оно возможно. Но не хочет ли Кр[онекер] открытой войны, чтобы иметь большую возможность вредить «Acta» и чтобы легче было бороться против вейерштрассовского направления в математике?

Мое почтение Вашей сестре!

Горячо преданный Вам

Г. Миттаг-Леффлер.

Только что получил письмо от мамы с известием о том, что мой брат Артур обручился со своей троюродной сестрой, Эммой Леффлер из Гётеборга, красивой и богатой девушкой. Мама очень довольна, а гётеборгская родня, по-видимому, гордится возобновлением связи с прославленным в Стокгольме графом.

Дорогая Соня! ^{7*}

Пользуюсь тем же листком, чтобы поблагодарить тебя за твое милое письмо и поддержать просьбу Гёсты, чтобы ты приехала сюда. Ты могла бы прекрасно работать на здешнем великолепном воздухе, и, кроме того, тебе необходимо освежиться после страшной жары в России и немного развлечься. Ты не можешь себе представить, как необычайно величественна здесь природа. Вокруг нас легкодоступные ледники и великолепные водопады пизвергаются со всех высот и чудно освежают воздух. Я очень надеюсь, что ты приедешь. Телеграфируй мне из немецкого города, в котором ты будешь ночевать, чтобы тебе наверняка знать, застанешь ли ты нас здесь, так как возможно, что мы переедем в другое место до твоего приезда. Я очень рада надежде скоро увидеть тебя здесь.

Твоя Анна-Шарлотта.

Церматт. Вьез (адрес для телеграмм)

Отель «Церматт». Церматт. Вьез. Кантон Вале (адрес для писем)

87. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

Миттаг-Леффлер обеспокоен здоровьем жены и просит добыть рекомендацию к врачу Хегару во Фрейбурге.

И еще одна просьба. Постарайтесь разузнать в Петербурге наилучшие пути для получения ассигнования для «Acta» ². Я могу получить возможность доступа к государыне, но от кого в дальнейшем зависит дело? От Толстого? ³ Но и за ним, верно, стоит какой-нибудь чиновник, который в конце концов решает дело.

Если будет возможность, то я поеду на рождество через Петербург, чтобы сделать попытку. Мне нужно много денег для математического предприятия, которое Вас чрезвычайно заинтересует и о котором я расскажу подробнее устно.

^{7*} Приписка Анны-Шарлотты к письму Леффлера.

Далее сообщает подробности пребывания своего, Сигне и Анны-Шарлотты в Швейцарии и о встрече Анны-Шарлотты с каким-то старым знакомым Ковалевской, а также о помолвке своего брата Артура.

Горячо преданный Вам
Гёста М.-Л.

88. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Россия [август 1885]

Дорогой друг!

Я, наконец, получила Ваше письмо за № 14². Я была очень расстроена, так долго не получая никаких известий от Вас, и не могла писать Вам сама, не зная, где Вы находитесь.

Вы спрашиваете, какое впечатление произвело на меня письмо Кр[онекера]³. Прежде всего, читая его письмо, я не могла удержаться от дикого смеха. Если бы оно было передано не Вами, а А[нной]-Ш[арлоттой], то я подумала бы, что это мистификация. Я вообразила бы, что А[нна]-Ш[арлотта] хочет написать роман в духе Стриндберга, в котором намерена высмеять тщеславие ученых, и чтобы испытать его действие на публику, она посылает мне письмо своего героя. Но в этом случае действительность, по-видимому, превзошла фантазию. Действительно, нельзя представить себе что-либо настолько идеально комическое, как это письмо Кронекера. Начиная с его отказа дать рекомендательное письмо к врачу по женским болезням для бедной Сигне (к которой г-жа Кронекер внешне не проявляет столько симпатии) и кончая угрозой пожаловаться нашему бедному королю и изложить ему действительное положение математики, — все настолько превосходно, что это письмо поистине шедевр в своем роде.

Вейерштрасс часто говорил мне, что когда Кронекер считает себя задетым в своем тщеславии, то он совершенно теряет голову и способен на величайшие глупости. Вейерштрасс говорил мне также, что ему известны многочисленные невероятные истории такого же рода, героем которых является Кр[онекер]; но он не хотел рассказывать их мне, так как, несмотря на низости, совершенные в отношении него Кронекером, он все же сохраняет такое уважение к его мат[ематическому] таланту, что ему противно раскрывать его слабости. Обычно, совершив большое число подобных глупостей, Кр[онекер] понемногу начинает сам замечать, что он сыграл не очень красивую роль, и тогда он поступает почти как ребенок. Он осыпает своего противника любезностями, отчасти чтобы добиться прощения за свое дурное поведение, а главным образом чтобы принудить его к молчанию. Я думаю, что в данном случае Кр[онекер] не замедлит убедиться в том, насколько смешно его письмо к Вам и что оно может стать могучим орудием в Ваших руках. В настоящий момент главное для Вас — это сохранить величайшее хладнокровие и ограничиться в своей переписке с Кр[онекером] только строго необходимым. Мне кажется, что в подобных случаях, особенно когда имеешь дело с немцами, знаменитое правило «Слово — серебро, а молчание — золото»⁴ становится недостаточным и следовало бы еще добавить: «а писание — дрянь»⁵. Чтобы *хорошо* ответить Кр[онекеру], надо обладать пером француза и уметь подмешать достаточно иронии под маской безукоризненной вежливости так, чтобы заставить Кр[онекера] понять, насколько он неприличен, неделикатен и некорректен, когда желает во что бы то ни стало вмешиваться в дела другой страны и другого правительства, особенно когда его положение редактора соперничающего журнала⁶, как в данном случае, с очевидностью выявляет его личные интересы.

Особенно следует опасаться того, чтобы Кронекер не вообразил, что Вы извиняетесь перед ним или боитесь его. Если немец вообразит, что перед ним заискивают, то тщеславие заставляет его терять всякую скромность и сдержанность (например, Шварц).

Я надеюсь, что Вы не рассердитесь на меня, если я откровенно скажу Вам, что я немного сожалею, например, о том, что Вы сочли нужным привести как одну из причин избрания Вейерштрасса его возраст⁷.

Поистине удивительно. Можно подумать, что в этом году немцы сговорились показать нам, на что они способны! По моему мнению, «мораль всей истории»⁸ заключается в том, что при выборе преемника Хольмгрёну для Политехнической школы надо быть теперь вдвойне осторожными.

Уже давно, дорогой друг, Вы ничего не пишете мне по этому поводу. Ответил ли Вам Вейерштрасс на письмо относительно Герца? А Эрмит не назвал ли каких-либо французских математиков, склонных выставить свои кандидатуры? Было бы очень хорошо, если бы нам удалось обойтись без немца! Известные мне молодые немцы обладают этой несчастной «пишкой тщеславия», которая портит все их хорошие качества и которая, вероятно, еще больше разовьется с годами.

Очень прошу, дорогой друг, не входите в переговоры ни с кем из них, не предупредив меня заранее.

Перехожу теперь к более приятным вопросам. Будьте добры поздравить от моего имени Вашего брата Артура по поводу его помолвки, так же как и Вашу мать. Могу себе представить, как она теперь счастлива.

Что касается наших планов, то я думаю, что Вы правы, отказавшись от поездки в Англию, особенно если Вы еще не совсем поправились. Важно, чтобы Вы совершенно окрепли к началу чтения лекций. Я со своей стороны также не поеду туда, если Вы не поедете; мы отложим это путешествие до будущего года. У меня нет большого желания ехать к Вам в Швейцарию. Конечно, я очень стремлюсь поскорее увидеться с Вами, но, так как мы в любом случае увидимся в начале октября, то эту причину не следует принимать в соображение. Я боюсь, что, если я приеду в Швейцарию, мы будем заниматься только прогулками, а я, как Вы сами говорите, должна собраться с мыслями и подготовить курс до начала семестра.

Мои намерения таковы: через два дня я выезжаю отсюда и направляюсь в Петербург, где должна остаться около двух недель по семейным делам. Оттуда я отправлюсь или прямо в Стокгольм, или через Берлин (что более вероятно). Мне очень хочется провести несколько недель с В[ейерштрассом]. Я получила от него ужасно печальное письмо⁹. Он не сообщает фактов. Он говорит только, что его пребывание в Берлине сделали совершенно невозможным, что ему испортили все удовольствие, которое мог бы ему доставить его юбилей, и что он даже не намерен оставаться в Берлине на 31-е окт[ября].

Мое здоровье превосходно. Сильная жара прекратилась, и с этого времени я начала так толстеть, что все надо мной смеются. Адресуйте, пожалуйста, Ваше следующее письмо в С.-Петербург, Васильевский остров, 6-я линия, д. 15. Г-же С. Ковал[евской].

Ваш преданный друг

С. К.

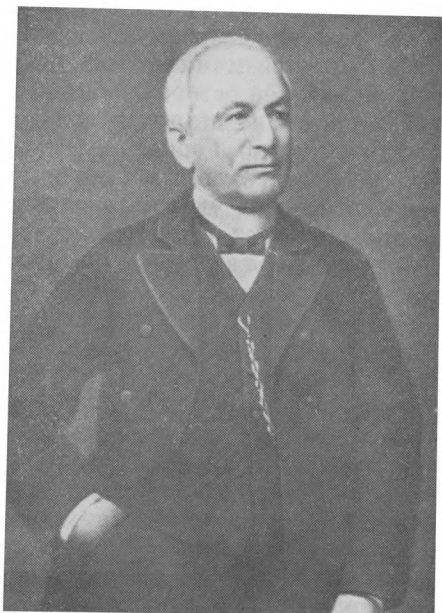
89. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Швейцария] Отель «Виктория»,
Глен, 30.8—85

Мой дорогой друг!

Сердечное спасибо за Ваше письмо № 13², полученное во время восьмидневной поездки в горы, предпринятой мной вместе с Сигне и ее отцом.

Вы вполне правы в том, что сейчас Вам всего лучше как можно скорее отправиться в Стокгольм для работы над лекциями. Если бы мы встретились здесь, то ни Вы, ни я много бы не поработали. И мне также надо теперь серьезно взяться за лекции, чтобы быть готовым к сроку. Я получил длинное ответное письмо от Кронекера, написанное готическим шрифтом, и не смог его прочесть. Я мог лишь разобрать, что оно в примирительном духе, и что в нем говорится о Вейерштрассе, о Вас, о Рунге, Эрмите, [неразборчиво] и т. д. Я послал это письмо Рунге и просил переписать мне его. Я предпочел бы переслать его Вам, но побоялся, так

*Леопольд Кронекер
(1823—1891)*

как почта в Петербурге такая ненадежная. Ни Эрмит, ни Вейерштрасс еще не ответили на мои письма.

Вы совершенно правы, что разумнее было бы написать Кр[онеке-ру] так, как Вы предлагаете. Я и сам сознавал это, но считал, что надо руководствоваться и другими доводами, кроме разумности. Ведь мои отношения с Кр[онекером] совсем другие, чем, например, Ваши. Я его ученик и получал от него много доказательств его благожелательности и готовности к услугам. Этого я никогда не могу и не хочу забывать, как бы он теперь ни поступал.

Мне многого стоило не развивать ранее свой взгляд на отношение Кр[онекера] к В[ейерштрассу] и почему само собой разумелось, что Вейерштрассу должно было быть оказано предпочтение. Но я все же считаю, что здесь я поступил умно. Вопрос этот слишком деликатен, чтобы обсуждать его письменно. Кроме того, относительно причины, почему предпочли В[ейерштрасса] Кр[онекеру],

я сказал только: «У меня не было надобности приводить Вам другой причины, кроме почтенного возраста г. В[ейерштрасса]». Из этого ведь ясно, что имеются и другие причины, но мне нет надобности обсуждать их, так как уже сам возраст В[ейерштрасса] служит достаточной причиной.

Вообще же Вы можете вполне положиться на то, что, когда это потребуется, а это будет, вероятно, довольно скоро, Вы не найдете более верного защитника в[ейерштрассов]ской математики, чем я, и никого, кто более безбоязненно оказал бы ему те почести, какие он так заслужил с нашей стороны. Что что-то произошло и происходит, показывает отчасти письмо В[ейерштрасса] к Вам и одно письмо от Итцигзона, только что мною полученное, в котором он говорит, что наши пожелания о достойном чествовании В[ейерштрасса] вряд ли осуществятся. «К сожалению, это пожелание, вероятно, не вполне осуществится, так как не все лица исполнены теми же чувствами, как мы. Мне кажется, что в ближайшее время предстоит сильная борьба с противниками в[ейерштрассов]ской школы, борьба, которая уже заранее набрасывает свою тень». Он говорит также о том, какого труда ему стоило обратить Фукса в сторонника моих взглядов. Вот болван-то!!

Было бы хорошо, если бы Вы могли поехать через Берлин и постараться выяснить положение. Прочтите мое письмо к Вейерштрассу и сообщите Ваше впечатление о нем мне. Надеюсь, что он не понял меня неправильно и не ошибся в том, какую позицию я занимаю по отношению к нему. Если он сомневается даже во мне, то развеите эти сомнения. Вы можете это сделать с чистой совестью. Я ведь не немецкий профессор, и Вы знаете меня достаточно, чтобы знать, в какой мере можно на меня положиться. Бедный В[ейерштрасс], мне так сердечно его жаль. Он великий и благородный человек, а для таких мало мест на земле, и меньше всего в Германии. Постарайтесь, однако, узнать, пельзя ли сделать для него что-нибудь такое, чтобы доставить ему немножко радости и уменьшить впечатление от тех неприятностей, которые он, вероятно, уже испытал. Я готов к тому, чтобы вместе с Вами стать во главе любого мероприятия, какое может привести к этой цели. Быть может, я неправильно сделал, сообщив В[ейерштрассу] о разногласиях с Кронекером? Но я

считал это своим долгом, так как В[ейерштрасс] был членом комитета, и, кроме того, я боялся, что Кр[онекер] может прийти к В[ейерштрассу] с каким-нибудь другим изложением дела.

Рунге поступил как джентльмен, Кр[онекер] ему сильнеешим образом разбил меня. Он тотчас же мне об этом написал, чтобы предостеречь меня, и я получил его письмо дня два спустя после письма Кр[онекера]. Эта черта Р[унге] прямо тронула меня, не потому, что она сама по себе не была бы вполне естественной, но потому что я не знаю ни одного немца, который поступил бы таким образом. В[ейерштрасс] не ответил мне относительно Герца. Я не стал писать Эрмиту, так как убежден в том, что было бы невозможно провести француза в Стокгольме. Он никогда бы не научился языку и никогда не смог бы приспособиться к нашим условиям. Если бы я обратился к Эрмиту, то был бы связан тем, кого он предложит, и после этого уже неудобно было бы взять немца. Но поговорите, однако, и об этом с В[ейерштрассом] и постарайтесь выяснить положение. Быть может, Хольмгрен проживет еще некоторое время, а пока он жив, он не откажется от Высшей технической школы. Со Стокгольмской высшей школой дело обстоит иначе. Эту должность он не может сохранить, раз он не может работать.

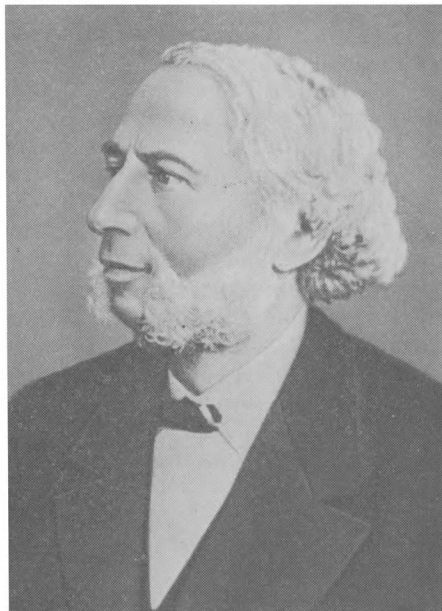
Но скажите мне теперь определенно и откровенно, хотите Вы или нет, чтобы мы поговорили с Рунге. Было бы сравнительно легко добиться назначения Рунге, и у меня создалось впечатление, что он охотно бы согласился. Его шансы в Германии невелики, так как для этого у него слишком независимый характер. То, что он не механик, ничего не значит. Он всегда может достаточно подучиться, чтобы удовлетворить элементарным требованиям Политехникума.

Если у Вас есть какая-нибудь особая причина, по которой Вы не хотите, чтобы мы имели в виду Рунге, то скажите ее, и по возможности откровенно. Вы можете положиться на мою полнейшую скромность. Если Вы не хотите указать мне причину (если она имеется), то по крайней мере скажите мне определенно Ваше мнение, следует нам иметь его в виду или нет. Вы можете мне просто сказать ясно и определенно, что Вы не хотите, чтобы мы о нем думали, и я оставлю это дело.

Рунге прислал мне несколько статей и изложений различных новых исследований³. Среди них есть чрезвычайно хорошие вещи. Так, например, он может выразить каждую вещественную (интегрируемую, как я полагаю) функцию одной переменной посредством ряда непрерывных дробей.

Я был на съезде астрономов в Женеве и читал там доклад по поводу 1-го вопроса на премию, элементы которого были сообщены мне в письме В[ейерштрасса]. Большинство астрономов с математическим направлением были очень заинтересованы. Однако никакой публичной дискуссии не было.

Гюльден был кислый, а фру Г[юльден] явно была не уверена в том, кто прав, он или мы. Вообще Гюльден, как и Кр[онекер], устроил бы скандал, если бы он только осмелился перед женой. Но он, однако, ни в коем случае не поступил бы так, как Кр[онекер].

*Карл Вильгельм Борхардт
(1817—1880)*

Если не думать о Рунге, то имеются следующие кандидаты, в порядке их желательности:

1. Силов в Норвегии.
2. Меллин в Гельсингфорсе.
3. Матс Фальк или Бергер из Упсалы.

Вейерштрасс очень уважает первого — он посредственность, но чрезвычайно достойный, знающий и работающий человек. Второй обладает очень острым умом, специально занимается теорией чисел, был раньше пьяницей, в настоящее время трезвенник, самоучка с недостаточными знаниями, тихий, скромный. Хороший человек.

Когда мы встретимся, Вы услышите много интересного по поводу истории с Кр[онекером]. Письмо стало уже опасным оружием в моих руках, и как Кр[онекер] ни хитер, он все же плохо понял, с кем имеет дело, выбрав меня своим противником. Я никогда не забуду, чем я ему обязан, но также не премину сделать все, что могу, чтобы побороть вредное влияние, оказываемое им на немецкую математику.

Я уже сделал кое-что в этом направлении, чем Вы останетесь довольны.

Анна-Шарлотта и Сигне шлют сердечный привет.

Напишите сейчас же: Страсбург, до востребования, об этом просит преданный Вам друг

Гёста М.-Л.

Просмотрите статью Биглова, чтобы Вы могли дать о ней беглое суждение.

90. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм] 3 сентября 1885

Милостивый государь!

Вчера я приехала в Стокгольм прямо из Петербурга. После долгих колебаний я пришла к выводу, что мне абсолютно необходимо прийти в себя и сосредоточиться прежде, чем начать чтение лекций. Поэтому я совершенно отказалась от намерений путешествовать и снова обосновалась на ул. Виллагатан 18, наедине с моим письменным столом.

Вы без сомнения уже знаете, что Хольмгрен скончался. Я узнала об этом по приезде. Как раз накануне моего приезда состоялся Совет профессоров в Высшей школе, на котором обсуждался вопрос о механике². Я еще не смогла в точности узнать, что там говорилось и какое было вынесено решение по этому вопросу. Сегодня утром я ходила к Вармингу, но не застала его дома, так как он в Даларё; от него я пошла к Брёггеру. Насколько я поняла из его слов, Линдхаген спросил профессоров: полагают ли они, что нам нужна кафедра механики. Рубенсон и Петерсон заявили, что, по их мнению, механика не имеет большого значения. Другие профессора высказались за то, что кафедру механики любой ценой следует сохранить и как можно скорее найти заместителя Хольмгрену. Брёггер сказал мне, что место Х[ольмгрена] в Технической школе уже окончательно замещено кем-то, чьего имени он не знает, но кто имеет репутацию полного ничтожества. Сначала я была очень расстроена этим известием, но после некоторого размышления я думаю, что это ошибка и что Хольмгрен замещен только временно. В этом, по крайней мере, меня уверяет Энестрём. Однако Брёггер дважды повторил мне, что, по его мнению, выбор заместителя Хольмгрену в Технической школе сделан окончательно. Во всяком случае мы не должны терять ни минуты, если только мы не хотим получить весьма неприятный сюрприз. Я, конечно, очень огорчена тем, что Вас нет в Стокгольме, и ожидаю Вас с большим нетерпением. Я со своей стороны совершенно не знаю, что я могу сделать в этом вопросе. Так как весной перед моим отъездом Линдх[аген] и Угглас говорили мне, что Правление решило предложить мне читать курс механики в следующем семестре, то я думаю, что теперь мне не остается

ничего другого, как спокойно ожидать событий. Я боюсь, как бы не вообразили, что я очень заинтересована в этом вопросе и, действительно, если бы нам только удалось найти кандидата по нашему вкусу, то было бы, пожалуй, наиболее разумным немедленно предложить его кандидатуру. Но где найти этого кандидата? Вот в чем трудность. Не могли бы Вы написать Герцу и, не принимая на себя никаких обязательств, спросить его, согласился ли бы он приехать в Швецию и на каких условиях? Я думаю, что Герц единственный серьезный кандидат, которого можно иметь в виду в данный момент. Жду Вашего ответа с нетерпением.

Когда Вы думаете вернуться? Хотя я слишком заинтересованное лицо, чтобы давать Вам советы совершенно беспристрастно, но я в самом деле думаю, что если Вы возвратитесь перед самым началом лекций, то у Вас будет столько дел, что благоприятные результаты Вашего пребывания в Швейцарии будут сведены к нулю.

Прощайте, дорогой друг. Привет от меня Сигне и А[нне]-Ш[арлотте]. Моя сестра очень благодарна Вам, что Вы ее помните, и поручила мне передать Вам искренний привет. Я провела с ней в Петербурге последние недели. Юлия Лерм[онтова] и моя дочь приедут ко мне в начале октября, когда наша новая квартира будет немного приведена в порядок.

Искренне преданная Вам

С. К.

Не будете ли Вы так любезны немедленно выслать мне курс лекций Хеттнера³ и мои собственные бумаги? Мне они сейчас крайне необходимы для подготовки к моему курсу. Я еще не совсем закончила алгебраическую часть.

Знаете ли Вы, что наш бывший ученик, Мейер, помолвлен с одной кандидаткой философии?

91. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Виллар на Оллоне, Кантон Во,
Швейцария, 7/9—1885

Сударыня!

Я получил копию письма, сделанную Рунге. Последнее письмо еще хуже первого. Оно содержит самые бессовестные инсинуации по отношению к Вейерштрассу и его школе, а также горькие упреки мне за то, что я ставлю В[ейерштрасса] настолько выше Кр[онекера]. Таким образом, Кр[онекер], слава богу, не вообразил себе, что я хотел поступить подобно Фуксу и предать В[ейерштрасса]. Но в моем письме относительно того, что В[ейерштрасса] предпочли Кр[онекеру], ведь было написано: «У меня не было, разумеется, нужды приводить Вам другие причины, кроме почтенного возраста г-на Вейерштрасса». Кр[онекер] утверждает, что Вы цитировали в Вашей последней работе рукопись В[ейерштрасса] вместо его собственной напечатанной работы (какой?)², но что Вы по крайней мере обещали исправить эту непростительную ошибку. Что В[ейерштрассу], кроме того, много лет тому назад было известно все относительно этого исследования Кронекера. И т. д., и т. д. Письмо заканчивается, как Вы предполагали, большими любезностями и предложением помириться.

Но теперь о другом. Из письма, полученного вчера вечером от Энестрёма, я узнал, что Вы в Стокгольме. Таким образом, Вы, по-видимому, не поехали через Берлин. Вероятно, Вы не получили и никогда не получите три мои письма и одно от Анны-Шарлотты, адресованные в Петербург.

Поэтому я повторяю самое важное и попрошу Вас ответить в Страсбург, до востребования³.

Я приеду в Страсбург 19-го и останусь там несколько дней, чтобы принять участие в съезде естествоиспытателей⁴. 23-го я отправлюсь пароходом из Любека в Стокгольм. Что я буду делать по пути, еще неизвестно, и зависит главным образом от Вас.

Говорить ли мне с Рунге о том, чтобы ему стать заместителем Хольмгрена в Высшей технической школе? Я не думаю, чтобы удалось провести какого-либо другого пескандинава, почитаю вероятным, что с Рунге мне это удастся. С точки зрения науки было бы огромной удачей приобрести его для Стокгольма. Нас тогда стало бы трое вместо двоих, и мы могли бы действительно создать новый очаг школы Вейерштрасса; ведь иначе главным знаменосцем ее в Германии, после смерти В[ейерштрасса], станет Клейн (!!), после того как он теперь попал в Геттинген и забрал в руки Шварца. Я, несомненно, ставлю правильный диагноз: Киперт здесь, и от него я получил разные примечательные сведения. Клейн — глава в[ейерштрассов]ской школы! Разве это не ужасно!⁵ Но мы из Стокгольма постараемся оказать противодействие ему и другим. Рунге в Стокгольме был бы для этого чрезвычайно полезным. То, что он не механик, ничего не значит. Он легко научится тому немногому, что ему будет нужно.

О Герце не стоит больше думать. Он уже профессор и не захочет предложить свою кандидатуру. Да и как мне встретиться с ним?

Вейерштрасс не ответил на мои вопросы, а дело это должно решиться уже в октябре.

Итак, дайте ясный ответ в Страсбург, хотите ли Вы, чтобы я переговорил с Рунге. Если у Вас имеется какая-нибудь причина, по которой Вы не хотите иметь в Стокгольме Рунге и которую Вы не хотите сообщить мне, то скажите мне только, что Вы не хотите, чтобы я говорил с ним, и я оставлю это дело. Но ответьте мне ясно и определенно, об этом я Вас очень прошу. А то так или иначе с этим делом получится неладно.

7.9—1885

Я только что получил Ваше письмо из Стокгольма. Я не думаю, чтобы Линдхаген отказался от торжественно принятого соглашения. Один бог знает, что значат эти маневры с преподавателями.

Напечатайте, однако, визиты Уггласу и Линдхагену; это совершенно необходимо, когда возвращаются домой после летних каникул. Тогда Вы узнаете, что они скажут^{6*}.

Пригласить теперь иностранца на такую малопопулярную кафедру как кафедра механики — нечего и думать. Да и откуда взять на это средства? На 3000 крон никто не пойдет.

Энстрём прав, а Брёггер неправ в отношении Высшей технической школы. Не так-то скоро это делается. Но возможно, что пришли к частному соглашению о том, чтобы взять имеющуюся в виду посредственность. Этому, однако, можно будет воспрепятствовать, если у нас будет подходящий кандидат. Министр, который будет решать этот вопрос, очень мне доверяет. Именно он во что бы то ни стало хотел, чтобы я был в рабочем комитете, это он дал разрешение на приглашение [неразборчиво] и т. д.

Будьте уверены, что я буду действовать энергично, если только буду знать, чего хочу. *Но ответьте мне относительно Рунге.* Хотите Вы, чтобы он был в Стокгольме, или нет? Это самый главный вопрос. Если Вы ответите отрицательно, то я сейчас же стану узнавать относительно других кандидатов. Из Вашего письма я не могу сделать другого заключения, как то, что Вы не получили ни одного моего письма в Петербурге. Иначе я должен был бы толковать Ваше повторное предложение относительно Герца как отказ от Рунге.

Проводить Герца в Высшую техническую школу я считаю невозможным и не могу за это братья, не зная его лично.

Ответьте сейчас же относительно Рунге.

Привет от горячо преданного Вам

Гёсты Миттаг-Леффлера.

Итак, я считаю решенным, что Вы этой осенью будете читать механику в Высшей школе. Бумаги я пошлю завтра. Начинайте готовить механику!

^{**} Держитесь так, как если бы Вы считали решенным, что все будет сделано согласно состоявшейся весной договоренности. (Сноска Миттаг-Леффлера.)

Виллар на Оллоне, 9/9—1885

Мой дорогой друг,

Вы должны теперь войти в Академию после Хольмгрена. Иначе придется ждать еще много лет или же этого, может быть, никогда не случится.

Сегодня я написал об этом длинное письмо Мальмстену. Я обещал ему, что через две недели Вы будете шведской подданной! Надо, следовательно, действовать немедленно. И я прошу Вас сделать это и не компрометировать меня промедлением².

Напишите сейчас же письмо моему зятю с просьбой, чтобы он посетил Вас в назначенное им время. Пошлите к нему Вашу прислугу.

«Председателю уездного суда Г. Эдгрену
Хумлегордсгатап, 14.

Г-н Председатель уездного суда!

Настоящим позволяю себе почтительнейше просить Вас, г-н Председатель уездного суда, быть столь любезным и посетить меня во время, которое Вы, г-н Предс[едатель] уезд[ного] суда, сами назначите по-сланной.

С совершенным почтением и просьбой извинить меня за беспокойство, которое я осмеливаюсь причинить г-ну Председателю уездного суда.

С. К.»

Пошлите письмо в 7 часов утра. Он в это время выходит из дома. Когда он придет, то умаслите его изысканной вежливостью, и он охотно будет к Вашим услугам.

Затем спросите его, что и как Вам надо сделать, чтобы стать шведской подданной, и попросите его помочь Вам написать и передать кому следует нужные бумаги.

Необходимо, чтобы Вы прежде освободились от Ваших обязательств по отношению к Русскому государству.

Но действуйте быстро. Иначе наши планы не удадутся. А дело это чрезвычайной важности для нас обоих. Если Вы попадете в Академию, то математика будет в наших руках, а Академия имеет большие ресурсы, премии и прочее.

Не приходите сразу же в отчаяние, если что-либо не будет ладиться до моего приезда. Я никак не могу себе представить, чтобы Линдхаген и Угглас так постыдно обманули нас. Полагаю, что преподавателей запрашивали только для того, чтобы придать делу более приличный вид. Брёггер, впрочем, наперняка против нашего плана, так как он не хочет лишиться одного голоса при выборах ректора.

Во всяком случае пойдите к Линдхагену и Уггласу, — необходимый «визит вежливости», — и держитесь так, как будто Вы считаете решенным и само собой разумеющимся, что соглашение остается в силе, и дайте понять, как много труда Вы затратили, чтобы подготовить лекции. Линдхаген не думает, что Вы заинтересованы, скорее наоборот.

В случае, если бы произошло невероятное, и нас обманули бы и выдвинули другого кандидата, надо, чтобы преподаватели проверили его компетентность. *Объясните тогда, что Вы не можете высказать свое мнение сразу, что Вам необходимо время для того, чтобы ближе ознакомиться с предлагаемым кандидатом, с его работами и т. д.* Если же, к чужаю, Вам откажут в такой отсрочке, то заявите, что *Вы заявляете протест против протокола и при утверждении его подадите письменный протест.* Упомяните также о неадекватности решать этот вопрос в мое отсутствие, и притом когда я уже так скоро вернусь; что дело это не является таким срочным и т. д.

Убедительно прошу Вас точно следовать этим указаниям, как бы неприятны они, быть может, ни были для Вас как женщины. *Бездарность*

не должна пройти на кафедру механики. Для меня является прямо вопросом жизни, чтобы этого не случилось.

Будьте спокойны, хладнокровны и хитры и боритесь одна за нас обоих до 25-го сего м-ца, просит Вас Ваш горячо преданный

Гёста М.-Л.

Пишите: Страсбург, до востребования.

Ответьте относительно Рунге.

«Записки» Ваши и Хеттнера посылаются сегодня. Берегите их все, так как я должен просмотреть их по моем возвращении домой. Надо, чтобы Ваши «Записки» можно было дать новым ученикам, которые теперь придут в Стокгольм и захотят слушать Ваши лекции.

93. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Стокгольм, 1885

Я нахожу, что Ваше письмо Кронекеру превосходно. Я абсолютно ничего не могу возразить против конца, который действительно правилен, и я думаю также, что Ваши дальнейшие отношения с Кронекером могут еще быть вполне сердечными, по крайней мере настолько, насколько они могут быть такими с человеком столь мало устойчивым, как он. Впрочем, я очень хорошо понимаю Ваши чувства к Кр[онекеру] и сама не могу удержаться от некоторого рода нежности к нему, несмотря на его выходки против В[ейерштрасса]. Мне очень любопытно знать, ответит ли Шварц на это письмо.

Я написала сегодня г-же Покровской и моей сестре о г-же Достоевской ². Послала два заказных письма. Только бы они мне ответили. <...>

94. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Стокгольм, 11 сент. [1885]

Дорогой друг!

Я только что одновременно получила оба Ваши письма, одно от 7/9, другое от 30/8, которые не застали меня в Петербурге и были пересланы в Стокгольм ². Я бесконечно сожалею, что не получила петербургского письма раньше. Так постоянно бывает с важными письмами; они всегда приходят слишком поздно.

Во всяком случае я немедленно напишу одному из моих общих друзей с Боткиным (знаменитым доктором) ³, чтобы попытаться получить от него рекомендацию к Хегару для Сигне, хотя и не знаю, намерены ли Вы еще ею воспользоваться. Ваши планы как будто совсем изменились.

Что касается Рунге ⁴, то могу только сказать Вам, что несколько фактов доказали мне, что шишка тщеславия так же безмерно развита у него, как и у большинства немцев. Это несколько охладило мое отношение к нему, и я опасаясь работать вместе с ним. Должна признаться также, что лично мне было бы неприятно видеть его в Стокгольме именно потому, что я раньше относилась к нему очень дружелюбно, а затем изменила мнение о нем. В подобных случаях личные отношения всегда становятся очень тягостными и натянутыми.

Но, с другой стороны, я полностью признаю, что Рунге обладает большими способностями, и я не считаю себя вправе возражать против того, чтобы Вы выставили его кандидатом, если после того, что я Вам сообщила, Вы все же уверены, что он будет полезнее на этом месте, чем кто-либо другой. Лично для меня приятнее будет любой другой кандидат. Мне кажется, что из четырех, названных Вами, Меллин обладает наибольшими способностями и что он будет наиболее приятным для нас в Стокгольме. Очень хорошо также, что Меллин — Ваш ученик, и это подействует ободряюще на других.

Варминг был у меня и рассказал мне то, чего не сказал Брёггер. На совещании профессоров Леке *очень возражал* против поручения мне курса механики под тем предлогом, что один профессор никогда не дол-

жеи занимать две должности, хотя бы временно. Относительно Правления я не узнала ничего нового. Я не хочу видаться с Уггласом и Линдхагеном до Вашего возвращения. Это только поставит нас всех в неприятное положение. Конечно, с финансовой точки зрения мне будет очень трудно с деньгами этой зимой; но тогда мне придется поискать другую работу или сократить свои расходы. Во всяком случае, дорогой друг, не могу же я навязываться против их желания.

Мне нечего говорить Вам, с каким нетерпением я ожидаю Вас, дорогой друг. Несколько дней тому назад я написала письмо Вейерштрассу, в котором прошу откровенно сказать мне, будет ли он рад, если я на несколько дней приеду в Берлин⁵. Если он даст положительный ответ, я недели на две уеду в Берлин. Я поехала в Стокгольм прямо из Петербурга, собственно говоря, из экономии; но если В[ейерштрассу] очень захочется меня видеть, то я смогу как-нибудь устроить, чтобы совершить эту небольшую поездку. Прощайте или до свидания. Искренне преданная Вам

Соня Ковалевская.

Можно ли мучить меня так, как это делаете Вы; всякая другая женщина на моем месте умерла бы от любопытства. Вы говорите о каком-то новом математическом предприятии, о котором мне ничего неизвестно. Далее Вы намекаете, что какое-то таинственное знакомое лицо сообщило обо мне такие ужасные вещи, что Анна-Шарлотта даже не может доверить их Вам! И Вы хотите, чтобы я спокойно ожидала Вашего приезда, чтобы узнать, в чем дело! Дорогой друг, я никогда не ожидала такой жестокости с Вашей стороны.

Шлю искреннейшие и дружеские приветы Сигне и Анне-Шарлотте.

95. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Виллар на Оллоне, 13.9—85

Дорогой друг!

Я был поражен, увидев сегодня вечером заметку о Высшей школе в «Dagbladet»². Ничего о механике. Как же это могло произойти? Неужели нас обманули? С мучительным нетерпением жду новостей от Вас. А я-то все лето так горячо радовался тому, что мы так хорошо все устроили весной! Но не думайте, что я считаю битву проигранной. Напротив, сразу же, как приеду домой, я нажму на все кнопки. Но будьте милосердны и постарайтесь дать мне как можно более подробный отчет обо всем, что Вы знаете, предполагаете или подозреваете.

Неужели Брёггер сыграл какую-то роль в этом деле? Он знал о соглашении. Я ему сообщил о нем в ответ на некоторые доверительные сообщения, которые он мне сделал.

Вы не можете себе представить, в каком я отчаянии. Ах, если бы я уехал домой раньше!

Напишите же, наконец, подробно в Страсбург. Я просил Рунге приехать туда. Ответьте мне определенно, должен ли я переговорить с ним.

Если ничего не выйдет с Вашими лекциями по механике, то я прошу Вас считать, что наше первое соглашение относительно журнала остается в силе. Но это ведь только одна треть другого. Надеюсь, что, когда Вы встретите Линдхагена или Уггласа³, дадите им ясно понять, что считаете себя обманутой.

И не забудьте, что Вы употребили все лето на то, чтобы подготовить лекции по механике.

Хоть бы мне еще здесь получить от Вас письмо! Напирайте особенно на то, что мы не можем найти механика.

Какие часы Вы назначили для наших лекций? Я читаю в осеннем семестре только *элементы теории чисел*.

Мы выедем из Любека пароходом 24-го рано утром и приедем, вероятно, в Стокгольм 26-го утром. Моя прислуга узнает более точные сведения в конторе «Ольсон и Райт» и сообщит их Вам.

Кронекер был у Эрмита, чтобы переговорить по вопросу о премиях. Э[рмит] решительно принял мою сторону, и Кр[онекер] совершенно стуживался и просил Э[рмита] передать мне уверения в его дружбе.

Много интересных подробностей сообщу устно.

Горячо преданный Вам
Гёста М.-Л.

96. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Стокгольм, осень 1885]

«Все преподаватели, кроме д-ра Онгстрёма, приглашаются на собрание во вторник 20 октября в 2 ч и придут все, кроме профессора Леффлера, который сообщил на своей визитной карточке, что он не придет, и профессора Рюдберга. Таким образом, пункт 1 профессора Леффлера не имеет никакого значения.

Варминг».

Дорогой друг! Вахтмейстер из Высшей школы только что был здесь, чтобы побудить меня подписать доклад преподавателей Правлению. Ваше мнение также было приложено, и на нем была вышеприведенная подпись Варминга.

Я отказалась подписаться и просила вахтмейстера передать Вармингу, что ввиду того что я считаю, что последнее собрание было хотя и официальным, но все же частного характера, я не чувствую себя обязанной подписывать ни той, ни другой бумаги. Если Вы найдете, что я должна была бы известить Варминга письменно, то изложите, пожалуйста, мое мнение хорошим шведским языком.

Преданная Вам
София Ковалевская.

Если у Вас случайно еще есть несколько оттисков моей последней работы о движении света ², то я была бы очень благодарна, если бы Вы мне прислали два; один для Хольста, другой для Онгстрёма. У меня уже не осталось ни одного. Как Ваше здоровье сегодня?

97. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Стокгольм, [декабрь 1885]

Милостивый государь!

Не хотите ли Вы прочесть прилагаемое здесь письмо к г. Штауде ² и отправить его в случае, если Вы его одобрите.

Прошу Вас также отослать мое письмо Сигне, так как я не знаю ее адреса.

Вы придете за мной завтра, не правда ли?

Вчера я послала письмо В[ейерштрассу]. В нем я много говорю о друге Шварце, рассказываю всю историю с письмом и говорю об участии, которое я принимала в этом деле.

С. К.

98. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Стокгольм] Срочное, вторник 29/XII 85 г.

Милостивый государь!

Во время Вашего отсутствия в нашей Высшей школе происходят разнообразные важные события. Дело нашего письменного обращения в Правление Высшей школы ² приняло совершенно неожиданный оборот. Третьего дня Леке был у Уггласа, который обещал ему представить наше письменное заявление на следующем собрании, имеющем состояться завтра (среда 30 декабря). С другой стороны, Ловен предложил провести

обсуждение и представить, *как бы от его имени*, проект, который все мы, остальные профессора, сочтем наилучшим. Леке созвал нас сегодня, чтобы сообщить нам все эти сведения; по по моем прибытии в Высшую школу я нашла Брёггера и Леке совершенно расстроенными. Вот что произошло $\frac{1}{2}$ часа тому назад. Генеральный консул Смит, также состоящий членом Правления Высшей школы, явился к Брёггеру и передал ему (т. е. одолжил на несколько часов) напечатанную брошюру, содержащую выдержки из нашего протокола, наше обращение в Правление Высшей школы, а также обращение в Правление Высшей школы на 8 печатных страницах от самого советника юстиции Линдхагена. Это последнее обращение представляет своего рода классическое произведение. Оно полно обвинений против Совета преподавателей и содержит заявление П[равлению] В[ысшей] ш[колы], что единственным средством сохранить за Правлением хотя бы тень власти является предоставление ему навсегда права приглашения преподавателей.

По-видимому, эта брошюра Линдхагена напечатана в очень небольшом количестве экземпляров, которые были розданы только членам Правления Высшей школы. Если бы не «предательство» Смита, то мы никогда бы ничего не узнали. Сегодня в течение нескольких часов мы занимались обсуждением разных глупостей.

Чрезвычайно жаль, что в такой серьезный момент и как раз на другой день после Вашего избрания ректором³ Вы сочли возможным отсутствовать. Можете себе представить, что все наши коллеги хорошенько посудачили об этом, и я ничего не могла возразить им, потому что в глубине души должна была признать, что они правы. В общем во всем Стокгольме по поводу последних выборов ректора циркулирует большое число легенд, неблагоприятных для Вас и тем более для меня.

Признаюсь откровенно, что я со своей стороны тоже немного сердита на Вас. Во всяком случае надеюсь, что ко 2 января Вы обязательно вернетесь в Стокгольм. Было бы очень печально, если бы Вы этого не сделали. Я сделаю все возможное, чтобы раздобыть завтра экземпляр брошюры Линдхагена и послать ее Вам спешной почтой. Я просила также Брёггера сделать это. Но, по-видимому, экземпляры брошюры раздаются членам Правления только с просьбой не распространять их дальше.

Преданная Вам С. К.

1886

99. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Гельсингфорс 1/1—1886

Ковалевской Энгельбректсгата 4 Стокгольм.

Выезжаю субботу, приеду воскресенье. Попросите Брёггера и Леке встретиться у меня в понедельник утром. Возьмите с собой брошюру².

100. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Стокгольм 14.1 [1886]

Миттаг-Леффлер объясняет, почему он не смог поговорить с Ковалевской днем, что вызвало обиду Ковалевской.

101. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм, 15.1.1886]

Ковалевская приносит извинение за свою вчерашнюю вспыльчивость.

102. С.В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Телеграмма. Копенгаген, 2/6 1886

Адрес завтра Хеллебак, Дания.

Соня.

103. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

Телеграмма. Стокгольм, 3/6 1886

Хеллебак. Механика будет продолжаться осенью ², Вейерштрасс в Берлине. Телеграфируйте Ваш адрес.

Леффлер.

104. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

Париж, 8.6.86

Объясняет причину задержки с ответом на письмо. Она связана с некоторыми обстоятельствами личной жизни Анны-Шарлотты. О пребывании Анны-Шарлотты, ее мужа и датского учителя Хауха в Хеллебакене. Ковалевская приехала в Париж утром этого дня.

105. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

Стокгольм, 8/6—1886

Мой дорогой друг!

Где Вы находитесь в настоящее время — в Копенгагене, Берлине или в Париже? Судя по газетам — в Копенгагене; мне кажется, что Вы после моей телеграммы поехали в Берлин, хотя Вам следовало бы быть в Париже, если бы в Вашем характере была хоть капля последовательности. Но у Вас ее нет, и я не получил письма из Парижа. Поэтому я не отошлю этих строк, пока не узнаю Вашего адреса. У меня нет никакого желания, чтобы мое письмо очутилось в «chambre noire»** Французской республики.

Я передал Правлению от неизвестного жертвователя 500 крон для сохранения мех[аники] в течение осени, и затем Вас назначили ². Линдхаген, однако, этому противодействовал, но безуспешно. 300 крон были получены от лица, не пожелавшего быть названным, 200 крон были деньги, которые я отложил из полученных за счетную работу для государственной конторы прошлой зимой. Онгстрём также назначен только на осень. Его назначение состоялось раньше Вашего. Линдхаген передал от неизвестного жертвователя 550 крон, составляющие половину жалованья Онгстрёма за осень. Линдхаген хотел, чтобы Онгстрёма назначили «временным», но Угглас высказался против этого, и остальные согласились с ним.

Ревизоры утвердили платеж ³, но отклонили заявления мои и Кея. Угглас считает, что у него в руках все козыри и что он одержал победу. Но ревизоры, очевидно, хотели удовлетворить обе партии. Они утвердили платеж так, как таковой утверждался и раньше на подобные же расходы, произведенные из общего фонда.

Дело рассматривается теперь подготовительной комиссией городских уполномоченных, мнения членов которой весьма расходятся. Я теперь хлопочу о том, чтобы комиссия отложила вопрос о платеже до осеннего заседания в октябре. Этим было бы достигнуто признание уполномоченными того, что дело это нездоровое, и борьба была бы отодвинута до периода выборов новых членов Правления.

Онгстрём пошел к Линдхагену, чтобы пожаловаться на вахтмейстера Андерсона, и узнал тогда от Л[индхагена], что его мандат продлен на осень. Затем он был у меня и очень недоволен тем, что он не назначен временным. По его словам, он этим испортил свою будущность в Упсале и т. п. в этом же роде.

** Черная комната (фр.).

По поводу письма Вейерштрасса, о котором я Вам пишу только теперь, узнав, что Вы не в Берлине, я поехал в Упсалу. Лундстрём рассказал, что он спрашивал Онгстрёма, будет ли Петерсон ректором. Онгстрём ответил, что он получит только два голоса — свой собственный и Рубенсона, что он на побегушках у Правления, что он дурак и что ректором, вероятно, опять буду я. Не думаете ли Вы, что Онгстрём знал, что все это выйдет наружу? Да, этот Онгстрём действительно доставляет нам теперь немало хлопот.

Я навелитил также Дауга. <...> Он неплохо настроен по отношению к Вам, но раздосадован, так как Мальмстен выгнал его за то, что он голо-совал за Фалька, а не за Вас. Между прочим, это ему поделом. Он мог бы поступить благороднее.

Рубенсон был у меня, чтобы занять денег. Он получил то, что просил. Был, разумеется, податлив и сговорчив в отношении Высшей школы. <...>

Это было серьезно с либеральным кандидатом Правления в Союз избирателей и было отставлено только потому, что надеялись, что смогут победить лишь при помощи объединения с привилегированными, поддерживающими Бекмана. Председатель Правления был у Ретциуса и говорил относительно моей кандидатуры. Ретциус был вне себя и предостерегал против меня, как против самого черта. Я якобы самый опасный интриган в Швеции и т. п. Он рассказал даже ряд скандальных историй, которые мне не могли или не хотели передать. Ретциус, который не является членом данного Правления, пришел после этого непрошенный на его заседание для того, чтобы предостеречь от моей кандидатуры. Тут он был, однако, очень осторожен и воздержался от высказываний. Между тем нет никакого сомнения в том, что я могу быть членом риксдага при выборах будущей осенью, если только захочу. Но я не хочу, или что Вы об этом думаете?

В письме говорится также о предполагаемой женитьбе тестя Миттаг-Леффлера на дочери генерального консула в Лондоне Юлин-Данфельта.

Я ужасно беспокоюсь отсутствием всяких известий от Анны-Шарлотты. Могли бы Вы все-таки написать мне хоть строчку, чтобы сообщить, как обстоят дела.

10/6—86.

Миттаг-Лиффлер купил для Анны-Шарлотты билет на пароход из Тронхейма в Нордкап и надеется во время поездки откровенно поговорить с ней о ее личных делах.

Не забудьте своего задания добиться от Института официальной рекомендации для «Аста».

Очень досадно, что Анна-Шарлотта видела Ваше письмо. Это чрезвычайно осложняет положение.

Фукс неповинен в истории с письмом. Вейерштрасс старается добиться выяснения роли Кронекера в этом деле.

Сердечно преданный Вам
Гёста М.-Л.

106. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж 142, Бульвар д'Анфер
[между 8.6 и 26.6 1886]

Дорогой друг!

Я только что получила Ваше милое письмо. Хочу сейчас воспользоваться спокойным моментом, чтобы детально рассказать Вам, что я делала в течение последней недели.

Зная твердость моего характера, Вы, вероятно, не будете удивлены, услышав, что я сразу дала себя убедить моему другу, Марии Янковской, покинуть пансион г-жи Мове и переехать жить к ней. Мария привела мне целый ряд доводов, из которых главный следующий: она должна уехать приблизительно на 10 дней и ужасно боится, чтобы в ее отсутствие горничная и в особенности ее многочисленные поклонники не испортились от

безделья. Поэтому она упрашивала меня переехать и несколько занять их. Вы понимаете, что я не могла отказать ей в этой маленькой услуге, и сейчас четыре молодых поляка, «находящиеся у меня на службе», с утра до вечера заняты исполнением моих поручений.

Что же касается наших знаменитых друзей, то вот истинный рассказ о моих отношениях с ними: на следующий день после приезда я пошла с визитами к Эрмиту, Пуанкаре и Липману. Эрмита я не застала дома. Пуанкаре в тот же день пригласил меня обедать, и у него я видела Таннери² и Бутру. К несчастью, Пуанкаре был как раз накануне своего отъезда, так что я, в общем, увидела его только один раз. Он вернется не раньше, чем в конце месяца. Я очень об этом жалею, так как разговоры с ним очень интересны. Получили ли Вы номер «Temps», про который Эрмит говорит, что он послан Вам, и в котором речь идет об «Acta» и обо мне?³ Я сама еще не видела его, знаю только, что эта статья написана Пуанкаре.

Эрмит пришел ко мне вскоре после этого. Он в весьма лестных выражениях выразил мне свое восхищение моим новым открытием, которое я должна была ему подробно описать⁴. Я много говорила ему о Вашем желании иметь доклад Института об «Acta» (он, впрочем, получил уже Ваше письмо). Он думает, что это можно устроить. Я ему сказала также, что очень хотела бы видеть г-на Бертрана, и он сказал, что передаст ему мое желание. В этот самый момент я получила прилагаемое при сем письмо Эрмита.

Очень все-таки смешно, что Эрмит, несмотря на высказываемое мне устно и письменно восхищение, не приглашает меня посетить его семью. Не понимаю, от чего это может зависеть? Я полагаю, что г-жа Эрмит боится ученых женщин и не хочет со мной знакомиться. Липманы очень со мною любезны. В следующую среду я приглашена к ним на обед⁵.

Я написала Броку, что я в настоящее время в Париже и что хотела бы прийти к нему. Я адресовала письмо в Севр, по данному Вами адресу, но ответа не получила.

Вчера я была у Ионаса Ли, отнесла ему новую книгу Анны-Шарлотты, как она меня об этом просила. Он очень хорошо меня принял и произвел на меня очень хорошее впечатление. Он говорил об Анне-Шарлотте с большой симпатией, но сказал, что когда он себе ее представляет, то всегда с тюрбаном на голове. Что он хотел этим сказать, я не могла понять. Он высоко ценит ее рассказы, больше, чем драмы, и в этом я придерживаюсь одинакового с ним мнения. Он обещал прийти ко мне, как только прочтет этот повый роман, и сказать, каким он нашел его.

Вот, дорогой друг, приблизительно все, что я могу Вам сообщить. Я должна теперь запечатать письмо, так как обещала сегодня пойти к Бутру, они сегодня принимают.

В Вашем письме содержится много такого, о чем бы я хотела с Вами поговорить; надеюсь, что вскоре это можно будет сделать устно.

Горячо Вам преданная

Соня.

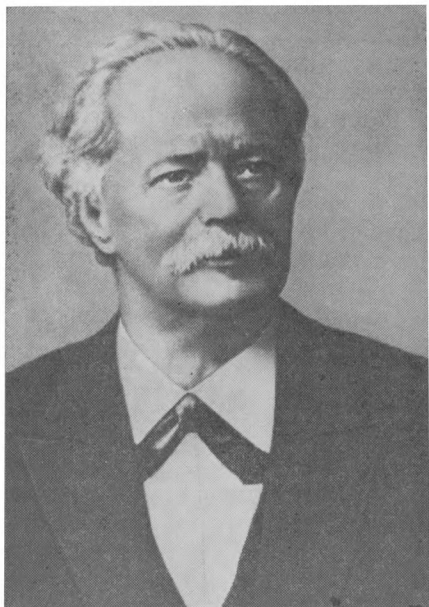
107. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Дюфед, Емтланд, 18/6—1886

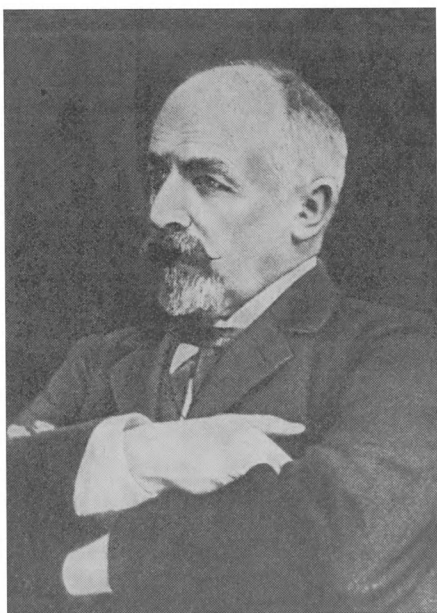
Дорогая Соня!

Анна-Шарлотта не едет со мной в Нордкап. Она телеграфировала, что устала, что ей нужно отдохнуть в тишине и покое. Она пишет, что пока она останется в Хеллебакене, Х[аух] ни разу не будет у нее.

Что же я могу сделать? В настоящий момент — ничего. Я в самом деле думаю, что ей прежде всего необходим покой, и я не собираюсь и никогда не намеревалась применять какое-либо насильственное вмешательство. Мне бы хотелось, чтобы она смогла приехать сюда совершенно одна, пока Сигне отсутствует. Тогда, быть может, мое влияние могло бы воздействовать на нее. А она между тем намеревается теперь поехать в Христианию.

Иммануил Лацарус Фукс
(1833—1902)

Георг Кантор
(1845—1918)

Письмо от Эрмита. Он как будто слегка обижен тем, что Вы не были у него. Пойдите к нему скорее, не дожидаясь своего сундука. Его Вы, вероятно, не дожидетесь до самого отъезда.

Эрмит предлагает мне написать г. Бертрону, что шведское правительство собирается официально обратиться в Институт по поводу «Acta», спросить его, обещает ли он дать благоприятный отзыв, и объяснить ему, что запрос шведского правительства будет сделан лишь в этом случае. Мне кажется, что это хорошее предложение. Поэтому я прошу Вас сейчас же папести визит Бертрону, и если Вы найдете, что ситуация благоприятна, то сделать этот запрос, применив при этом все свои дипломатические способности, которые Вы умеете проявить, когда этого хотите. Упомяните о короле, о его горячем интересе к делу и т. п. Эрмит говорит, что все зависит от Бертрона, и в этом он, конечно, прав. Скажите ему также о *моем* влиянии на короля.

Вейерштрасс прямо спросил Фукса о письмах. Фукс ни устно, ни письменно не высказался о Вас. Но на одном ужине в Берлине, на котором присутствовали Кронекер и Фукс, Вилле спрашивал, действительно ли Вы являетесь одним из выдающихся современных математиков. На это Кронекер ответил, что «это доктринерский вопрос», по что касается Вашего избрания в Академию; то надо принять во внимание, кого избирали до сих пор. Если это сделать, то Вы, разумеется, заслуживаете избрания. Вилле тогда очень возмущался, что хотят избрать женщину-иностранку и обойти заслуженных шведов. Очевидно, дело в том, что Вилле поручили навести справки в Берлине. Получив письмо В[ейерштрасса], я тотчас же поехал в Упсалу. Лундстрём повторил мне то же, что и раньше. Он узнал от Фалька, а Фальк от Шульца, который, по его словам, видел письмо. Если Вы будете писать В[ейерштрассу], то ни в коем случае не называйте этих имен. Я навестил также Дауга и прямо спросил его, что ему известно. Он сказал, что не может отрицать, что относительно Вас было не очень благоприятное письмо из Берлина, но он не мог (или, скорее, не хотел) сказать, от кого оно было и к кому. Я предложил теперь В[ейерштрассу] выполнить свое намерение и самому написать Эдлунду. Он это, наверное, сделает, и тогда я узнаю результат.

Поводом для приезда В[ейерштрасса] в Берлин была отчасти эта история, отчасти его желание прочитать лекции по теории функций, в которых он «самым решительным образом» выступает в защиту своих взглядов.

Я сейчас здесь один. Оставил Сигне с ее отцом в Тронхейме. 23-го я поеду в Нордкап, а к 1-му июля вернусь. Напишите мне длинное письмо из Парижа, которое должно быть отправлено 26-го. Тогда оно застанет меня здесь.

21-го будет поставлен вопрос о платеже у городских уполномоченных. Подготовительная комиссия утвердила платеж, но при резком порицании Правления и констатировании правильности наших замечаний. Это было больше того, на что я смел надеяться.

Я приехал сегодня из Тронхейма смертельно усталый. Больше не в состоянии писать. Здесь неописуемо прекрасно. Устройте хорошо дело с Бертраном, поговорите затем с другими, об этом просит Ваш горячо преданный друг

Гёста.

108. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Дюфед. Емтланд. 22/6—1886

Дорогая Соня!

Если бы я по своей природе был завистлив, то очень завидовал бы Вашему счастью: сделать новое математическое открытие и самой изложить его перед самой компетентной публикой в Европе². Но я не завистлив и искренне радуюсь Вашему успеху. Что я в то же время глубоко чувствую собственную бесплодность, это вполне естественно. Я пробовал немного поработать последнее время, но должен был вместе с тем ежедневно писать около двадцати писем. Мои попытки показали мне лишь, как много я забыл и упустил за последний год и вместе с тем, что во всяком случае ничто меня так не интересует, как занятие самостоятельными математическими работами.

Обращаюсь, однако, к делам. Сегодня я получил две телеграммы о нашей победе у городских уполномоченных. Вопрос о платеже отложен до октября³. Тем самым, во-первых, подтверждается, что я был прав в своих замечаниях, и, во-вторых, решающая борьба переносится на более благоприятное время. Теперь мы имеем основание надеяться на самое лучшее, но нам предстоит еще много трудностей.

Я получил очень любезное письмо от Бертрана со статьей для «Acta»⁴. Напишу ему завтра, поблагодарю, попрошу его содействовать тому, чтобы Институт дал благоприятный отзыв об «Acta», и скажу ему, что официальный запрос будет сделан лишь в том случае, если он сможет заверить меня, что такой отзыв будет дан. Все зависит от него. Теперь Вам надо довести дело до благополучного конца. Иначе я буду считать Вас самым плохим дипломатом и самым плохим знатоком людей из всех женщин.

Не могли бы Вы побудить Бертрана составить предполагаемый ответ для предварительного представления мне? Завоюйте его для себя самой, для меня и прежде всего для «Acta»! Хорошее начало уже положено тем, что я подарил ему журнал.

Не забудьте Перотта!

Не забудьте переговорить с Пикаром о статье Дюгема!⁵

Достаньте письмо 8.6 [написанное на улицу Баньё]!

Напишите так, чтобы я получил письмо к 1-му июля!

Анна-Шарлотта пишет, что она с X[аухом] договорилась о том, чтобы не встречаться в течение нескольких лет. Делайте вид, что Вы ничего об этом не знаете, пока она сама Вам не расскажет. Я очень рад этому выходу, единственно возможному и единственно достойному Анны-Шарлотты. Как ни жаль мне ее, но я не могу не думать, что этот богатый и мучительный личный опыт, пережитый ею, сделает ее крупной писательницей, которой она иначе вряд ли бы стала.

Мадам Эрмит Вас опасается, и это вполне естественно.

Письмо, в котором я рассказываю историю с Вейерштрассом⁶, находится [на улице] Баньё.

Не ведите себя так, чтобы Вас заподозрили в нигилизме! Это обернется против меня, которому придется все улаживать. Получили ли Вы заказное письмо из России?

Не забудьте, что 7-го Вы должны быть в Христиании! Узнайте, когда пароход отходит из Гавра! Если Вы можете достать хорошие статьи для «Аста», то берите не раздумывая!

Я, со своей стороны, не возражаю, чтобы Вы вышли замуж за Липмана, но с тем условием, чтобы он согласился на то, чтобы Вы встречались с ним только во время каникул в Стокгольме. Кланяйтесь общим друзьям от

Вашего Гёсты.

109. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж, 26.VI.86

Дорогой Гёста!

Я только что получила Ваше письмо от 22 июня. Вот это мне нравится — Вы мне рекомендуете пойти за Вашими письмами на улицу Баньё!² Что же Вы полагаете, что я, зная, что Вы будете мне писать по этому адресу, оставила бы эти письма там, не приняв меры, чтобы все Ваши письма мне сразу пересылали по моему новому адресу? Я ожидаю всегда от Вас повостей с чересчур большим нетерпением, чтобы так поступать.

Я надеюсь, что дело насчет «Аста» в Академии устроится³; вчера я говорила об этом с Бертраном, который, правда, не дал мне формальных обещаний, но сказал, что он сделает все от него зависящее, и уверил меня, что успех этого дела зависит только от Эрмита. Бертран вообще проявляет ко мне необычайную доброжелательность. Представьте себе, что он придумал: в следующий понедельник эти господа должны собраться, чтобы предложить тему на большую академическую премию на 1888 г. Бертрану пришлось в голову предложить темой как раз проблему вращения твердого тяжелого тела⁴. Таким образом, у меня будут некоторые шансы получить эту премию. Вы можете себе представить, насколько меня соблазняет эта мысль. Вчера Эрмит, Бертран, Камилл Жордан и Дарбу, все являющиеся членами комиссии⁵, обсуждали этот проект вместе со мной. Они меня заставили изложить им еще раз детально результат моей работы, и они, кажется, нашли ее настолько интересной, что, по их мнению, эта работа имеет много шансов быть премированной. Единственным неудобством является то, что я должна буду отложить в этом случае публикацию до 1888 г. Т. е. в 1887 в течение года я должна буду послать ее в Академию, а обсуждение состоится в 1888 г. Вы можете себе представить, как этот проект мне улыбается? Но в таком случае мне нельзя делать сообщение о моей работе в Христиании в этом году⁶. Это было бы слишком смешно. Я не знаю, что же тогда я буду делать в Христиании. Может быть, было бы лучше совсем туда не приезжать? Если бы у меня здесь был мой курс дифференциальных уравнений, то я, быть может, могла бы составить что-нибудь из моих исследований о числе произвольных постоянных, действительно содержащихся в данном выражении. Но, к несчастью, у меня нет с собой этих бумаг.

В то время как я Вам пишу это письмо, мне уже раз десять помешали: вследствие этого оно стало таким несвязным. Вчера у меня был удачный день: в 8 ч. утра пришел за мной г-н Таннери, чтобы отвезти меня в Нормальную школу в Севре; г-жа Жюль Фавр, Дарбу и Аппель ждали меня там. В моем присутствии барышень экзаменовали. Затем мы пошли завтракать в Вирофле⁷ у Бертрана, где было много математиков. Меня осыпали комплиментами. Бертран преподнес мне в качестве подарка манускрипт, написанный рукой Гаусса. Я познакомилась с г-жой Эрмит⁸. Во вторник я обедаю у них.

Мне надо многое Вам рассказать о диссертации Дюгема⁹, это очень сложная история. Невозможно все это написать сегодня, так как я еще должна написать непременно Анне-Шарлотте с сегодняшней почтой, а через полчаса я обещала прийти к Эдельфельдам. Я не знаю, когда больше чувствую свою дружбу к Вам — когда Вы здесь или когда Вы отсутствуете. В обоих случаях я ужасно ее ощущаю. Какая глупость пришла Вам в голову по поводу Л[ипмана]. Он думает обо мне не больше, чем о любом другом человеке.

Весьма преданная Вам
Соня.

110. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Дюфед, 10.VIII.1886

Дорогая Соня!

Хоть бы Вы получили эти строки при более благоприятных обстоятельствах, чем те, при которых Вы покинули нас, и чтобы Вы нашли Вашу сестру в лучшем состоянии, чем то, которое можно было ожидать, судя по письму Ламанского!²

Миттаг-Леффлер обеспокоен здоровьем и делами Анны-Шарлотты.

Богослужение лапландцев было ерундой. Тысяча зрителей и 12 лапландцев. Лапландцы не пожелали явиться, чтобы таким образом оказаться выставленными напоказ. Проповедь против современного неверия и современной литературы. Посещение же школы, наоборот, было бы весьма удачным, если бы и Вы тоже в нем участвовали. Одиннадцатичасовая прогулка. Чудесный вид. Чудесная погода. Мы возвратились сегодня утром, и так как я две ночи почти не спал, то я смертельно устал и не в состоянии сейчас больше писать. Хоть бы поскорее получить от Вас известия, и хорошие известия!

Анна-Шарлотта и Сигне шлют сердечный привет через преданного Вам друга

Гёсту.

Передайте Вашей сестре мой почтительнейший и полный участия привет.

111. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Вторник, 10 августа [1886] [Стокгольм]

Дорогой Гёста!

Брёггер еще не вернулся. Он велел сказать в Высшей школе, что он вернется не раньше 15 августа. Его жена тоже в Христиании. Я видела вахтмейстера Андерсона². Здоровье советника юстиции³ все такое же, улучшения нет. В настоящее время он в Челльвике. Фрекен Игнелль получила от него письмо, что он вернется после 5 сентября. Я сказала Андерсону, чтобы он Вам написал, как только что-нибудь будет точно известно о его возвращении в Стокгольм. Воздух здесь очень плохой. После Дюфеда кажется, что задыхаешься. Гюльден здоровы. Г-н Эдгрэн сегодня утром был у меня. У него очень хороший вид.

Я уезжаю сегодня в 6 часов.

Передайте мой привет Сигне, Анне-Шарлотте и Бендиксонам и Насти.

Преданная Вам
С. К.

Никто из профессоров еще не вернулся.

М-м Гюльден очень нравится вторая часть «Летней сказки»⁴.

Дюфед, 14.8.86

Дорогая Соня!

Прилагаю два письма, которые пришли сегодня. Я не могу отправить их обратно, так как не могу скопировать Ваш русский адрес, и поэтому прилагаю их к этому письму. Советник юстиции вернется 30 или 31, и к тому времени я, следовательно, тоже приеду в Стокгольм.

Мы предполагаем сентябрь пробить в Ваксхольме². С нами поедет также и Анна-Шарлотта. Ваксхольм был бы неплох для Вас и для Вашей девочки. Он находится на расстоянии всего лишь часа езды от Стокгольма.

Получил письмо от молодого Жонкьера³ о том, что он будет в Стокгольме около 1-го сентября. Он будет, вероятно, заниматься главным образом изучением Ваших абелевых функций. Где находятся Ваши записки, чтобы он мог заняться их изучением в первой половине сентября? Мы ждем теперь с большим нетерпением известий от Вас. Надеюсь, что Вы нашли состояние Вашей сестры лучше, чем можно было ожидать по письму!

Не можете ли Вы воспользоваться своим пребыванием в Петербурге и устроить так, чтобы Ваша Р. М.⁴ через г-жу Достоевскую попала в руки Победоносцева? Если бы этот план удался, то многое в Стокгольме могло бы устроиться иначе и лучше в отношении математики.

Нашли ли Вы газетную статью о Вас и что в ней содержалось? Что там говорилось об «Acta»?

Здесь чудесно, мы ездим верхом, гуляем, но с работой мало что получается. Я скоро начну просматривать абелевы функции, чтобы зимой быть как следует в курсе Ваших лекций. Тот экземпляр статьи Земмлера^{10*}, который я заказал для Вас, прибыл⁵. Если бы я умел написать адрес, я послал бы его Вам. Цена невысока — 1,60 рейхсмарок.

Анна-Шарлотта и Сигне сердечно кланяются, и мы все просим передать наш привет Вашей сестре. Об Анне-Шарлотте по всей Швеции циркулируют ужаснейшие скандальные истории, и необходимо, чтобы зимой она осталась в Швеции, чтобы заставить их смолкнуть.

Фрёкен Бендиксон уехала. Книга Альфана об эллиптических функциях вышла. Это труд в трех томах, который охватывает все существенное в теории⁶.

Преданный Вам Г. Миттаг-Леффлер.

Шеринг в Швеции. Посмотрим — удастся ли убедить его навестить нас в сентябре.

113. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Москва, 17 августа 1886

Дорогой Гёста!

Пишу Вам уже из Москвы, куда я приехала несколько часов назад. Благодарю Вас за хорошее письмо, которое я получила за полчаса до отъезда из Петербурга. Все эти дни меня настолько трепали во все стороны, что я не могу связать двух мыслей. Вот в двух словах, каково состояние дел. Я нашла свою сестру уже преодолевшей непосредственную опасность, но все еще находящейся в тяжелом состоянии. Врач дал мне понять, что, по его мнению, ей осталось не более года жизни. Ее муж, которому телеграфировали, также успел уже приехать.

Еще в Стокгольме я получила письмо от Юлии Лермонтовой, которая очень просила меня скорее приехать хотя бы на несколько дней в Москву насчет одного дела, о котором я расскажу Вам по возвращении. Я воспользовалась поэтому присутствием Виктора [Жаклара] около моей сестры, чтобы поехать в Москву, куда только что приехала.

^{10*} Лагранжев случай задачи о вращении. (Сноска Г. Миттаг-Леффлера.)

Я останусь здесь, вероятно, с неделю, затем возвращусь с дочерью в Петербург, где проведу более или менее короткое время, в зависимости от состояния здоровья моей сестры. Я вернусь в Стокгольм, как только представится возможность. Я не могу писать Вам больше сегодня.

Большой привет Анне-Шарлотте и Сигне. Продолжайте адресовать Ваши письма в Гатчину. Я буду там через несколько дней.

Весьма преданная Вам

Соня.

114. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Дюфед, 19.8—86

Дорогая Соня!

Мы с величайшим нетерпением ждем Ваших писем. Хоть бы Вы не встретили слишком тяжелые обстоятельства в Петербурге! Надеюсь также, что Вы сможете хоть приблизительно указать время Вашего возвращения.

Если Вы не вернетесь теперь, то это повлечет за собой целый ряд затруднений. Мы должны сохранить за собой механику, так как я уже передал для этого деньги. Едва ли мы сможем обратиться к кому-нибудь другому, кроме Линдстедта², а если уж он получит механику, то не знаю, захочет ли он потом отдать ее Вам. А тогда пропадет все, чего мы так долго и с таким трудом добивались. Я полагаю, что Вы сможете сохранить за собой механику по крайней мере на 2—3 года. Но если Вы все же считаете, что должны остаться, то я, конечно, приложу все усилия к тому, чтобы устроить все наиболее выгодным для Вас образом. Но пока я не переговорю с Кеем, трудно сказать, что именно надо сделать. Насколько я могу сейчас судить, Вам придется, наверное, все же приехать в Стокгольм и лично переговорить с соответствующими лицами. Вы очень ко мне несправедливы, если думаете, что я только из эгоизма боюсь последствий того, что Вы не вернетесь к началу семестра. Это совсем не так, и я горячо разделяю то чувство, которое побуждает Вас остаться у своей больной сестры. Но в Швеции, как и в большинстве других стран, отпуск никогда не дается по причинам личного характера. Мужчина не может просить и никогда не получит отпуска, чтобы остаться с больной женой, ребенком или другим родственником. Он может получить отпуск для собственного лечения, но тогда это делается потому, что он не в состоянии работать. Он может также получить отпуск для выполнения какой-нибудь научной работы, но и то лишь в том случае, если эта работа принесет существенную пользу его учреждению. Если Вы попросите отпуск для того, чтобы остаться у сестры, то это вызовет целую бурю и, между прочим, послужит одним из доводов в женском вопросе. Это также будет существенным аргументом против нас в борьбе за Высшую школу. Но как бы то ни было, я все же сделаю все, что могу, в Ваших интересах. Но если результат, как я опасаясь, будет очень плохим, то не относите этого за счет недостатка у меня доброй воли.

Но об одном я Вас все-таки настоятельно прошу: дайте мне знать возможно скорее и возможно подробнее о Ваших намерениях. Если у Вас есть какое-нибудь предложение или если Вы можете дать какой-нибудь совет, то скорее сообщите мне их, так как я совсем не знаю, как мне поступать.

Я все же продолжаю надеяться, что напрасно беспокоюсь и что ничто не помешает Вам в первую неделю сентября приехать в Стокгольм.

Прилагаю два письма и несколько строчек от Анны-Шарлотты. Не сердитесь на меня, что я высказал Вам всю правду о возможности получить отпуск. Это, право, не бессердечность с моей стороны. Просто необходимо, чтобы и Вы, и я хорошенько вдумались в настоящее положение и чтобы Вы могли объяснить это также и Вашим друзьям в Петербурге.

Возьмите с собой свое имущество в Стокгольм. Сколько денег Вам чадо, чтобы переправить сюда коллекции Вашего мужа, и сколько на вы-

куп Вашего серебра и других драгоценностей? Я постараюсь достать Вам необходимую сумму, если она не слишком велика. Но Вам придется перевезти все самой, иначе я не думаю, чтобы что-нибудь из этого вышло.

Я начинаю сегодня абелевы функции. Читали ли Вы статью Вебера? Как Вам нравится следующая теорема, которую мне удалось доказать?

Пусть $\psi(z)$ является однозначной функцией, которая для всех подстановок $f_i(z)$, принадлежащих некоторой разрывной группе, имеет свойство

$$\psi(f_i(z)) = \frac{1}{f'_i(z)^2} \psi(z).$$

Вы легко увидите, что если это свойство имеет место для всех *основных подстановок* группы, то оно имеет также место и для всех подстановок группы.

Функция $\psi(z)$ является, таким образом, «фуксовой функцией тета» и, следовательно, может быть выражена либо непосредственно, как это делает Пуанкаре, или может быть записана так:

$$\psi(z) = \left(\frac{dx}{dz}\right)^2 R(x, y),$$

где $R(x, y)$ является рациональной функцией от x и y , а также x и y являются двумя «фуксовыми функциями», которые относятся к той же группе.

Пусть дано дифференциальное уравнение

$$\frac{1}{y} \frac{d^2 y}{dx^2} = \psi(z).$$

Моя теорема тогда такова.

Это дифференциальное уравнение, если общий интеграл *однозначен* (условие для этого легко получить), всегда имеет интеграл $F(z)$, обладающий свойством

$$F[f_i(z)] = \mu_i (f'_i)^{1/2} F(z),$$

для подстановки $f_i(z)$, принадлежащей моей группе.

Количество μ_i является константой, такой, что

$$\mu_i = \mu_{h_1} \mu_{h_2} \mu_{h_3} \dots, \quad \text{когда} \quad f_i = f_{h_1} f_{h_2} f_{h_3} \dots$$

и $f_{h_1}, f_{h_2}, f_{h_3}, \dots$ являются основными подстановками. Если мы положим

$$f_i(z) = \frac{\alpha_i z + \beta_i}{\gamma_i z + \delta_i},$$

то свойство выразится следующим образом:

$$F[f_i(z)] = \frac{\mu_i}{\gamma_i z + \delta_i} F(z).$$

Если

$$f_i(z) = z + 2\mu K + 2\nu i K',$$

то Вы получите как частный случай теорему Пикара:

$$F(z + 2K) = \mu_1 F(z), \quad F(z + 2iK') = \mu_2 F(z).$$

Моя теорема может так же хорошо привести к действительному интегрированию дифференциального уравнения

$$\frac{1}{y} \frac{d^2 y}{dx^2} = \psi(z),$$

как теорема Пикара приводит к интегрированию дифференциального уравнения Ламе⁴.

Так как я уже начал говорить о математике, то попрошу Вас посмотреть следующее. Пусть дано

$$y'' + py' + qy = 0 \tag{1}$$

и пусть y_1 и y_2 — полная система интегралов. Положим

$$f(y_1, y_2) = F(x),$$

где f однородная функция от y_1 и y_2 порядка m с постоянными коэффициентами. Положим

$$f_1 = \frac{1}{m} \frac{\partial f}{\partial y_1}, \quad f_2 = \frac{1}{m} \frac{\partial f}{\partial y_2},$$

тогда

$$F(x) = f_1 y_1 + f_2 y_2$$

и

$$f_1 y_1' + f_2 y_2' = \frac{1}{m} F'(x). \quad (3)$$

Имеем также (теорема Абеля):

$$y_2 y_1' - y_1 y_2' = C e^{-\int p dx},$$

$$\frac{1}{m} y_1 F'(x) + C e^{-\int p dx} f_2 = f_1 y_1 y_1' + f_2 y_2 y_1' = (f_1 y_1 + f_2 y_2) y_1' = F(x) y_1', \quad (4)$$

$$\begin{cases} F(x) y_1' = \frac{1}{m} y_1 F'(x) + C e^{-\int p dx} f_2, \\ F(x) y_2' = \frac{1}{m} y_2 F'(x) - C e^{-\int p dx} f_1. \end{cases} \quad (5)$$

Если возьмем производную от (3) по x , а затем с помощью (1) исключим y_1'' и y_2'' , то получим

$$f_{11} y_1'^2 + 2f_{12} y_1' y_2' + f_{22} y_2'^2 = \frac{1}{m(m-1)} [F''(x) + pF'(x) + m q F(x)].$$

Этим я установил, что

$$f_{11} = \frac{1}{m(m-1)} \frac{\partial^2 f}{\partial y_1^2}; \quad f_{12} = \frac{1}{m(m-1)} \frac{\partial^2 f}{\partial y_1 \partial y_2}; \quad f_{22} = \frac{1}{m(m-1)} \frac{\partial^2 f}{\partial y_2^2}.$$

Бриоски говорит, что, применяя (5), можно из

$$f_{11} y_1'^2 + 2f_{12} y_1' y_2' + f_{22} y_2'^2 = \frac{1}{m(m-1)} [F''(x) + pF'(x) + qF(x)]$$

вывести

$$h(y_1, y_2) = \frac{e^{\int p dx}}{m^2(m-1)C^2} [mFF'' - (m-1)F'^2 + m p F F' + m^2 q F^2], \quad (6)$$

а также

$$\theta(y_1, y_2) = \frac{e^{\int p dx}}{m(m-2)C} [2(m-2)F'(x)P(x) - mP'(x)F(x)], \quad (7)$$

так как h есть определитель Гесса для

$$f h'(y_1, y_2) = f_{11} f_{22} - f_{12}^2$$

и θ есть ковариант порядка $3(m-2)$:

$$\theta(y_1, y_2) = 2(f_1 h_2 - f_2 h_1),$$

а $P(x)$ есть правая часть уравнения (6). Можете ли Вы помочь мне каким-нибудь простым способом вывести уравнения (6) и (7)?

Критика в Швеции недружелюбна и несправедлива к книге Анны-Шарлотты⁵. Варбург в «Göteborgs Handels och Sjöfartstidning»⁶ (газета Хедлунда) написал глупую и уничтожающую рецензию. В Норвегии же, напротив, книга встретила большое одобрение как у правых, так и у левых. Так же, по-видимому, обстоит дело и в Дании.

Далее говорится о личных делах Анны-Шарлотты.

Сигне кланяется. Передайте от всех нас привет Вашей сестре и напишите немедленно, об этом Вас просит искренне преданный друг

Гёста М.-Л.

115. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм, август-сентябрь 1886 г.]

Дорогой друг!

Я совершенно не понимаю, путем каких рассуждений Вы приходите к тому результату, что $\varphi(x)$ и $\psi(x)$ вообще являются однозначными функциями. Пусть y_1 и y_2 будут теми двумя интегралами, которые в окрестности точки a имеют форму²

$$y_1 = (x-a)^{-\alpha/3} p_1(x-a), \quad y_2 = (x-a)^{\alpha/3+1} p_2(x-a).$$

Вы полагаете

$$\zeta_1 = A_1 y_1 + A_2 y_2, \quad \zeta_2 = \varepsilon A_1 y_1 + \varepsilon^2 A_2 y_2, \quad \zeta_3 = \varepsilon^2 A_1 y_1 + \varepsilon A_2 y_2$$

ε — комплексный корень уравнения $\varepsilon^3 - 1 = 0$). Тогда, действительно, $\zeta_1 + \zeta_2 + \zeta_3 = 0$, и если Вы положите

$$\varphi(x) = \zeta_1 \zeta_2 + \zeta_2 \zeta_3 + \zeta_3 \zeta_1$$

и

$$\psi(x) = \zeta_1 \zeta_2 \zeta_3,$$

то $\varphi(x)$ и $\psi(x)$ однозначны в окрестности a . Но я не вижу, каким образом отсюда следует, что они также однозначны в окрестности другой точки b .

Если Вы обозначите через Y_1 и Y_2 те два интеграла, которые в окрестности b имеют форму

$$Y_1 = (x-b)^{-\alpha/3} P_1(x-b), \quad Y_2 = (x-b)^{\alpha/3+1} P_2(x-b),$$

то Вы имеете

$$y_1 = C_1 Y_1 + C_2 Y_2, \quad y_2 = C_1' Y_1 + C_2' Y_2$$

и, следовательно,

$$\begin{aligned} \zeta_1 &= (A_1 C_1 + A_2 C_1') Y_1 + (A_1 C_2 + A_2 C_2') Y_2, \\ \zeta_2 &= (\varepsilon A_1 C_1 + \varepsilon^2 A_2 C_2') Y_1 + (\varepsilon A_1 C_2 + \varepsilon^2 A_2 C_2') Y_2, \\ \zeta_3 &= (\varepsilon^2 A_1 C_1 + \varepsilon A_2 C_2') Y_1 + (\varepsilon^2 A_1 C_2 + \varepsilon A_2 C_2') Y_2. \end{aligned}$$

Следовательно,

$$\zeta_1 \zeta_2 + \zeta_2 \zeta_3 + \zeta_3 \zeta_1 = A_1 A_2 C_1 C_2 (\varepsilon + \varepsilon^2) (Y_1^2 + Y_2^2) + \dots + Y_1 Y_2$$

совершенно не однозначная!¹

Преданная Вам Соня.

116. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм] 22.X.86

Дорогой Гёста!

Будьте так добры одолжить мне труды Лагранжа — тот или те тома, где находятся его два мемуара по проблеме трех тел. Я еще не пыталась систематически искать, где они имеются.

Я была бы Вам также очень благодарна, если бы Вы мне могли одолжить мемуар Пинкерле², о котором говорили вчера.

Не у Вас ли мои бумаги об абелевых интегралах?³ Мне кажется, что я Вам их отдала после своей последней лекции.

Зайдете ли Вы за мной завтра?

К Вашим услугам

Соня.

Есть ли у Вас мемуар Линдстедта об одном специальном случае проблемы трех тел? ⁴ В таком случае Вы меня очень обяжете, если пришлете также и его.

117. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Стокгольм, осень 1886]

Дорогой Гёста, я возвращаю Вам рукопись Пинкерле. Я думаю, что будет очень хорошо, если Вы ему напишете и попросите отредактировать ее несколько более тщательно, прибавив некоторые объяснения ².

Мемуары Пикара в «Comptes Rendus» ³ очень хороши. Я читала их с большим интересом. Будет очень хорошо, если Вы ему напишете и попросите сделать по тому же предмету большой мемуар для «Acta». Я не очень удивилась бы, узнав, что моя работа о вращении тела и наши беседы об этом послужили для него толчком заняться этим предметом. Не далее как этим летом он был очень недоверчив, когда я ему сказала, что функции вида $y = \frac{0(Cx + A, C_1x + A_1)}{\theta_1(Cx + A, C_1x + A_1)}$ могут быть весьма полезны для интегрирования некоторых дифференциальных уравнений. Он находил, что подобные выражения являются чем-то искусственным, а в настоящее время считает, что, как только дифференциальное уравнение второго порядка имеет однозначный общий интеграл, его можно интегрировать с помощью подобных функций. Было бы очень хорошо, если бы он подготовил для «Acta» большую работу, где резюмировал бы свои исследования о поверхностях и их интегралах.

Пришлите мне, пожалуйста, абелевы функции Хеттнера ⁴ и письмо Бендиксона ⁵.

Болин ⁶ пришел ко мне вчера, чтобы сказать, что он не может написать Аррениусу. Он боится, что Онгстрём об этом узнает. У меня нет власти настаивать.

[без подписи]

118. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Стокгольм] 14.XI.86

Дорогой Гёста, я еще не получила телеграммы ². Я тоже думаю, что Вы правы, что я не могу уехать раньше 15. Я всю ночь не спала, и у меня сильная головная боль.

Преданная Вам

Соня.

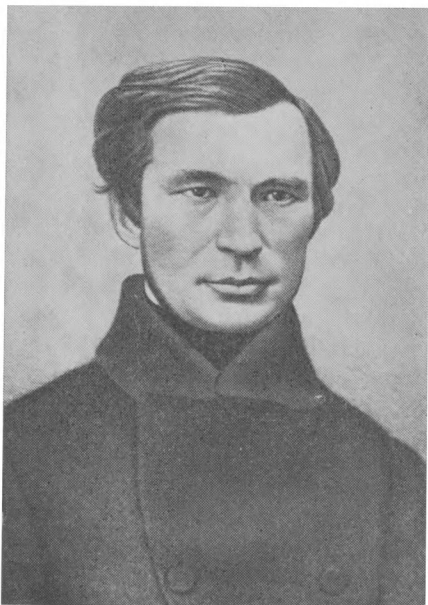
119. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Петербург] Васильевский остров,
6 линия, д. 15, Воскресенье, 19.XII.86

Дорогой Гёста!

Я приехала в Петербург в пятницу ² в 11½ часов вечера. Моя сестра очень больна и ужасно страдает, но все же наблюдается некоторое улучшение ее состояния и есть надежда, что она еще на этот раз избегнет смерти.

В субботу утром я отправила письмо Остен-Сакену ³, прося принять меня возможно раньше; через два часа после этого я получила от него записку, извещающую меня, что он придет ко мне на следующий день. Я снова должна была послать к нему, чтобы сказать, что моя сестра настолько тяжело больна, что я не могу принять его и прошу его принять меня у себя. Он просил меня прийти к нему сегодня. Я только что вернулась от него. Он принял меня очень сердечно. Как только я произнесла Ваше имя, он сказал, что он уже не сомневается, о чем я хочу с ним говорить. Он начал с того, что осыпал бранью Делянова ⁴, который, по его

Пафнутий Львович Чебышев
(1821—1894)

Андрей Андреевич Марков
(1856—1922)

словам, всегда много обещает и никогда ничего не делает. Затем он долго рассуждал о том, насколько Россия в данный момент обеднела, насколько теперь соблюдается экономия во всем, что касается науки и общественного образования. «Вы не можете себе представить,— сказал он мне,— что нам иногда приходится выпрашивать, буквально выклянчивать какую-нибудь сумму в 200 рублей». Предоставив ему говорить добрые полчаса, я начала говорить в свою очередь. Я изложила так красноречиво, как только могла, насколько король дорожит нашим журналом, насколько моя национальная гордость страдает от того, что Россия ничем не хочет содействовать международному делу, которым заинтересовались другие правительства. Если бы дело шло о чем-нибудь другом, но математика, в которой Россия всегда шла во главе других наций! Со всех сторон мне говорят: в России все математические науки так культивируются — и вот одна только Россия отказывается участвовать в этом деле. Все эти аргументы произвели большое впечатление на О[стен]-С[акена]. Он начал бегать по комнате, повторяя: «Все это правда, совершенная правда, но что делать, что делать». Наконец он сам меня спросил, каким образом можно было бы дать знать здесь, насколько король интересуется этим предприятием. Я ему сказала, что король предложил нам написать г-ну или г-же Д[еляновой]. «Это ничему не поможет,— поспешил сказать О[стен]-С[акен].— Делянов только снова пообещает и соврет. Его жена не имеет больше влияния. Может быть, найдется другое средство, пойдите завтра к Чебышеву и просите его побывать у графа Толстого⁵ и позондировать почву насколько можно было бы заинтересовать графа Т[олстого] в этом деле. В том случае, если граф Т[олстой] не абсолютно против, надо бы просить короля написать [Толстому]. Последний будет настолько польщен получить письмо непосредственно от монарха, что тогда все станет возможным». О[стен]-С[акен] обещал мне, что сам поговорит с Чебышевым.

Министром просвещения в настоящее время является Бунге⁶, но королю не стоит, по мнению О[стен]-С[акена], писать ему, так как последний избалован письмами королей и скорее склонен был бы показать, что он не придает им значения. Толстой же наоборот.

Само собой разумеется, я отправлюсь завтра к Чебышеву и немедленно сообщу Вам о результатах моих переговоров. Остен-Сакен просил меня также сообщить ему следующие цифры:

- 1) Итоги подписки в других странах.
- 2) Число статей, принадлежащих русским ученым.
- 3) Количество опубликованных экземпляров.

Я сказала ему, что напишу Вам, чтобы получить точные цифры. Я прошу Вас сообщить их мне, но увеличив, насколько возможно.

Очень жаль, что Вы не сможете пойти к королю в этот вторник и должны ждать, пока пройдет рождество. Но фактически невозможно было Вам получить ответ Чебышева в этот вторник. Было уже почти 9 часов вечера, когда я вышла от Остен-Сакена. Я не могу поэтому увидеть Ч[ебышева] до завтра, и очень маловероятно, что он сейчас же пойдет к Толстому. Я сделаю все, что могу, чтобы убедить его помочь Вам, но Вы сами знаете, как трудно бывает иметь с ним дело.

До свидания на сегодня, дорогой Гёста. Я умираю от усталости. Сердечно жму Вашу руку. Напишите мне поскорее и подлиннее. Я в отчаянии, что не видела Вас перед своим отъездом. Я, однако, предупредила швейцара, и он уверил меня, что не ложился до 11^{1/2}. Мой привет Сигне.

Весьма Вам преданная

Соня.

120. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Петербург, 11/23 декабря [1886]

Дорогой Гёста,

Я была у Чебышева, но он, как обычно, ломается. Было бы хорошо, если бы Вы сами написали ему обо всем.

В конце концов он обещал мне поговорить с Толстым, но я очень сомневаюсь, употребит ли он все свое влияние, чтобы нам помочь.

В следующую субботу, т. е. через 3 дня², он увидит Толстого и будет с ним говорить. Тогда я сейчас же уведомлю Вас о результатах. Пожалуй, Вам лучше все же подождать с письмом Чебышеву, пока я снова не напишу Вам. Простите, что я пишу Вам так кратко. Моей сестре сегодня очень плохо, и сама я ужасно устала и угнетена.

Преданная Вам

Соня.

121. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Петербург] Васильевский остров,
6 лин., 15, 17/29 декабря [1886]

Дорогой Гёста!

К сожалению, не могу Вам сообщить ничего хорошего. Вчера Чебышев пришел мне сказать, что у него еще не было случая поговорить с графом Толстым. По-видимому, необходимо, чтобы Вы сами ему написали. Я не знаю, какие еще пути могла бы я найти к человеку, пользующемуся некоторым влиянием. Высшее общество в Петербурге совсем не то, что в Стокгольме. Там все друг друга более или менее знают, тогда как если в Петербурге не принадлежишь прямо к администрации, то не имеешь ни малейшего понятия о лицах, которые находятся у власти.

Вот единственная вещь, которую я могу предположить, если произойдут перемены в министерстве финансов. Буиге уже не будет министром, и на его место будет назначен Вышнеградский², до этого — профессор механики в Политехнической школе. Можно ли найти путь к нему? Я знаю, что некоторое время назад он был в Стокгольме. Это было уже тогда, когда я была там, но он не навестил меня. Постарайтесь узнать, кого он видел в Стокгольме; были ли он у Норденшельда или у Гюльдена. Нельзя ли достать через них рекомендации к нему?

Моей сестре становится все хуже. Заботы, требуемые ее состоянием, поглощают большое количество моего времени и моих мыслей. То общество, которое я раньше посещала в Петербурге, настолько далеко от административного, что никто из моих прежних знакомых не может мне помочь в этих хлопотах. Я очень обескуражена. Единственное, что я могу предпринять для самой себя,— это обратиться к Эрмиту и постараться получить место преподавателя в женском лицее. С моим характером я, может быть, буду там больше на месте, чем в более высоком положении.

Вот уже пять дней, как я не получаю известий о своей дочери. Как поживает Сигне? Анна-Шарлотта совсем мне не написала.

Если никакие новые осложнения не задержат меня здесь, то я думаю уехать отсюда 2/14 января.

До свидания. Весьма преданная Вам

Соня.

122. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

[Стокгольм] 27.XII—86

Дорогая Соня!

Сердечное спасибо за Ваше письмо и все Ваши хлопоты. У Вас большая способность завоевывать людей, но, пожалуй, не такая же большая способность их затем удерживать. Надеюсь, однако, что на этот раз Вам удастся. По-моему, дело начато чрезвычайно удачно. Я посылаю Вам теперь ту Р. М. [рго memoia. — *Сост.*], которую Вы просили ². В той, которая была у Вас с собой, была сделана ошибка при переводе с франков на рубли. Изменяйте Р. М. по Вашему усмотрению, но сохраните цифры. Как Вы видите, я требую 200 экз., а самое меньшее, что можно принять,— это 100. Но я думаю, что 200 пройдет так же хорошо, как и 100.

Что касается Толстого, то ясно, что ни к чему бы не привело, если бы король написал ему прямо по почте, и кроме того, это было бы и неудобно. Через Дуэ, шведского посла, он не может передать письма, потому что этот болван заявил как-то, что это дело не пойдет, и теперь хочет показать, что он прав. Поэтому лучше всего передать письмо через Вас, что кажется мне во всех отношениях наиболее подходящим. Вы должны завоевать Т[олстого], а тем самым выиграть и то дело, которого мы добиваемся, и, кроме того, этим самым Вы подготовите и то, чтобы Вас призвали в Петербургскую академию. Затем я посету Т[олстого] и выдвину эту идею. Но мы не должны компрометировать короля. Мы заранее должны знать, что его письмо приведет к желаемому результату. В противном случае он никогда нам этого не простит. После того как Вы через Чебышева, Баклунда и других наведете все необходимые справки, переговорите еще раз с Остен-Сакеном и спросите его мнения. Следует ли королю написать Толстому письмо, в котором упоминалось бы, что Вы его передаете? Телеграфируйте имя Толстого и телеграфируйте подробные сведения обо всем. Стоимость телеграмм будет отнесена за счет журнала.

(Конец письма отсутствует).

1887

123. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ ¹

Стокгольм, 4.I.87 г.

Дорогая Соня!

Сердечное спасибо за Ваше письмо с экспрессом. Надеюсь, что Вы теперь получили письмо с моей новой Р. М. ² Согласно Вашему первому письму Остен-Сакен потребовал сведения о том, что делается другими государствами. Я считаю поэтому, что Вам надо еще раз навестить его, отдать Р. М. и получить его окончательный совет. Король, конечно, напишет Толстому, если мы попросим об этом, но для того, чтобы эта мера помогла, Вы сами должны передать ему письмо.

Мне писать Чебышеву бесполезно. Не будет он слушать меня, раз не захотел слушать Вас. И вообще, чего можно добиться с помощью человека, который сам не согласен? Нет, если мы хотим чего-нибудь добиться, то мы сами должны обратиться к Толстому. Но если Вы этого не можете, то поговорите по крайней мере еще раз с Остен-Сакеном, передайте новую Р. М. и посоветуйтесь с ним о том, как следует поступить с этим делом и удобно ли было бы, если бы я летом явился к Толстому с собственноручным письмом от короля. Я предпочел бы, чтобы такое письмо было послано Вам и чтобы Вы сразу же все устроили. Но если, как я упомянул, этого сделать нельзя, то по крайней мере подготовьте хорошенько почву для меня.

Не пишите Эрмиту, пока Вы не вернетесь сюда и не переговорите еще со мной. Возможно, что мы еще победим у городских уполномоченных. В таком случае удалось бы, вероятно, собрать кое-какую сумму для механики. Дело будет решаться 7 января. До этого срока я считаю неразумным начинать свои хлопоты. Пока что у меня были только огорчения.

Маленькая Соня отлично себя чувствует. Гюльдены ее очень любят. У Анны-Шарлотты было сильное воспаление надкостницы зуба, что и задержало ее отъезд.

Надеюсь, что это письмо застанет Вас при лучших обстоятельствах, чем те, когда Вы последний раз мне писали.

Преданный Вам друг
Гёста.

Посылаю Вам еще раз свою Р. М. для Остен-Сакена на тот случай, если прежняя пропала. Пойдите с ней сейчас же к О[стен]-С[акену]. Если в результате разговора выяснится, что королю следует послать Вам письмо для Толстого, то телеграфируйте. Укажите также сумму, необходимую Вам для выкупа Ваших драгоценностей.

Вышнеградский был здесь только в качестве туриста и ни с кем не встречался. Он ответил Дуэ, что не хочет делать что-либо для «Аста».

Но Толстой ведь будет председателем Государственного Совета³, и тогда, видимо, будет иметь большое влияние. Пожалуй, лучше подождать, пока он будет назначен, и тогда уж поднять вопрос. Но деньги нужны нам сейчас. Да, поговорите еще раз с Остен-Сакеном и постарайтесь хорошенько его заинтересовать. Он ведь немец и не оставит того дела, за которое серьезно взялся.

124. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Петербург [начало 1887 г.]

Дорогой Гёста, к сожалению, я не могу Вам сообщить никаких хороших известий. Все лица, к которым я обращалась, с первого же слова мне говорят, что в настоящий момент нечего и мечтать о получении чего-нибудь от русского правительства². Здешние математики наиболее положительно это повторяют. Не позже, чем предыдущей весной, они приложили все усилия для того, чтобы получить для русского Математического общества (единственного существующего в России) ежегодную субсидию в *несколько сот* рублей, и это им не удалось³. Быть может, если бы удалось обратиться непосредственно к императору или к императрице, то можно было бы что-нибудь получить. Но устроить это у меня нет никаких возможностей. Завтра я пойду еще к одному члену комитета просвещения, который, как мне сказали, очень ко мне расположен, но я сомневаюсь, чтобы он мог мне помочь в этом деле. По правде говоря, у меня больше нет никакой надежды. Если я увижу, что здесь ничего не могу сделать, то выеду 2/14 января; если же, наоборот, мне представится какая-нибудь новая комбинация, то останусь еще на одну неделю.

Что касается моих личных дел, то я буду вынуждена ограничиться до весны 4000 крон и за это время должна буду написать Эрмиту и Силь-

вестеру, чтобы серьезно спросить их, могу ли рассчитывать на женские курсы в Севре или на какую-нибудь должность в новом женском университете в Лондоне. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше оно мне кажется единственно возможным решением. Я была бы Вам очень благодарна, если бы Вы захотели мне помочь в этих запросах. Но не пишите ничего Эрмиту до моего возвращения.

В состоянии моей сестры произошло довольно заметное улучшение за последние 2—3 дня. Конечно, на этом улучшении нельзя еще основывать большие надежды, но счастье уже то, что она меньше страдает.

До свидания на сегодня, дорогой Гёста. Не пишу Вам больше, так как не могу сообщить никаких интересных новостей.

Передайте от меня привет Сигне и Анне-Шарлотте.

Преданная Вам

Соня.

125. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм, 1887 г.]

Милостивый государь!

Благодарю Вас за приглашение на завтра и с удовольствием приду.

Надо интегрировать следующие уравнения²:

$$A \frac{dp}{dt} = (B - C)qr + z_0\gamma' - y_0\gamma'', \quad \frac{d\gamma}{dt} = q\gamma'' - r\gamma',$$

$$B \frac{dq}{dt} = (C - A)rp + x_0\gamma'' - z_0\gamma, \quad \frac{d\gamma'}{dt} = r\gamma - p\gamma'',$$

$$C \frac{dr}{dt} = (A - B)pq + y_0\gamma' - x_0\gamma', \quad \frac{d\gamma''}{dt} = p\gamma' - q\gamma.$$

До сих пор они были проинтегрированы только в двух случаях:

1) $x_0 = y_0 = z_0 = 0$ (случай Пуассона или Якоби),

2) $A = B, x_0 = y_0 = 0, \quad p + iq = \frac{\sigma(u + vi)}{\sigma u}$ (случай Лагранжа)³.

Я нашла интеграл также в случае, когда $A = B = 2C, z_0 = 0$, и могу показать, что эти три случая являются единственными, когда общий интеграл этих уравнений есть однозначная функция времени, которая имеет только полюсы для конечных значений t .

(Продолжения нет).

126. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм] [начато до 17 апреля 1887]

Милостивый государь!

Вчера я получила рукопись² и очень благодарна Вам за подробные примечания, которые Вы к ней добавили. Прежде всего признаюсь Вам, что ни Анна-Ш[арлотта], ни я не могли противостоять желанию прочесть их вместе, не дожидаясь, когда она окончит вторую пьесу. В настоящий момент она опять так полна энтузиазма к нашему новому детищу, что, по моему мнению, маленький душ холодной критики не представляет большой опасности. И, кроме того, я всегда замечала, что всякое событие, как бы ужасно оно ни было, никогда не бывает столь ужасным, как ожидание его. Раз Анна-Шарлотта знала, что Вы не одобряете нашей пьесы, было гораздо лучше, чтобы она немедленно узнала все наиболее неприятное, что Вы имели сказать по этому поводу. Действительно, совершенно невозможно, — зная, что в двух шагах от меня находится нечто, что меня интересует, и что мне стоит только протянуть руку, чтобы его взять, — противиться этому желанию из осторожности.

Я со своей стороны не была бы откровенной, если бы не призналась Вам, что мне очень горько, что наш бедный маленький первенец встретил так мало снисхождения в Ваших глазах. Но должна признаться, что

во многих отношениях я вынуждена согласиться с Вами и некоторые из Ваших замечаний кажутся мне вполне справедливыми. В первый момент я очень удивилась тому, что Вы так мало поняли характер Карла³; но получше поразмыслив, я нашла это вполне естественным. Я думаю, что это происходит от того, что мы жили в столь различной среде. Я со своей стороны столько видела таких «Карлов» и так близко изучила их, что не могу не считать его хорошо подмеченным типом. Вы забываете, что он как раз из того теста, из которого сделаны гениальные специалисты, а не интересные люди. Он — не писатель, не поэт, не публицист; его мозг — совершенный рабочий инструмент, но при этом фантазии (в обычном смысле этого слова) он лишен совершенно. Чтобы олицетворить Карла, мне достаточно вызвать в памяти образы таких людей, как, например, Кирхгоф (изобретатель спектрального анализа), Гексли, Эрмит (знаменитый математик), Вернер Сименс и т. д., т. е. людей, которым никто, конечно, не откажет в гениальности и которые во всех обстоятельствах частной жизни думают, рассуждают и поступают совершенно как Карл. Вы упрекаете нас в том, что Марта⁴ шаржирована, и считаете неестественным, что Карл так просто проглатывает все ее плоскости. Но я Вам скажу по секрету, что прототипом этой Марты послужила некая г-жа профессорша, очень известная и вызывающая восхищение в берлинском учебном мире. Она вдова одного очень талантливого математика, и ею был одурачен другой талантливый математик. Между тем уверяю Вас, что наша Марта еще далека от оригинала и что у нас не хватило смелости воспроизвести все двусмысленные наивные изречения, постоянно срывающиеся с уст этой очаровательной профессорши, принимаемые ее учеными поклонниками за чистую монету.

24 апреля. Прошло уже более недели с тех пор, как я начала это письмо. Мне все не хватало времени, чтобы благополучно закончить его. Я больше ничего не скажу в защиту наших бедных детей. На сегодня я жму Вашу руку и прошу Вас передать мой поклон Лулу. Преданная Вам
Соня Ковалевская.

127. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм, май 1887]

Дорогой Гёста, вчера я получила очень неприятное известие, а именно что мой зять выслан из Петербурга за 4 дня². Мне придется, очевидно, вместо Парижа ехать туда. Сегодня я совсем не спала, и сейчас у меня ужасная головная боль. Так как я как раз сегодня должна начать говорить о своих собственных исследованиях, то было бы очень неприятно, если бы стала делать это так плохо, как невольно сделаю это сегодня. Поэтому я очень желала бы отложить мою лекцию до завтрашнего дня. Будьте так добры известить наших слушателей об этой перемене. Собрание преподавателей будет в 3 или 4. Возможно, что моей голове станет лучше к этому времени, тогда я приду туда.

Преданная Вам
С. К.

128. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Стокгольм, 22.V—1887

Дорогая Соня!

Грустно было, возвратясь из Упсалы, не застать уже Вас здесь и горько думать о печальной причине, по которой Вы были вызваны в Петербург². Спасибо за Ваше ласковое письмо, встретившее меня здесь. Благодарю за обещание разузнать о Пиренеях. Я надеюсь вскоре получить ответ относительно этого. Не могли бы Вы также разузнать о климате в рекомендованном мне курорте, очень ли там жарко и не прохладные ли там по крайней мере ночи. Если бы хоть ночи были прохладные, то я бы как-нибудь приспособился. Иначе же — нет.

Ваша бонна была у меня и сообщила, что Вы хотели послать мне шка-тулку с драгоценностями, но что она не может ее найти. Вы не выдали также Вашей бедной прислуге аттестата, а без него она не может полу-чить нового места. Я попрошу Сигне составить черновик, который Вы перепишите и немедленно перешлете мне, сделайте это, а то Вы обязаны будете содержать прислугу до 1-го октября. И разъясните толком пашет шкатулки с драгоценностями.

Жаль, очень жаль, что ни Вы, ни Анна-Шарлотта, или обе вы вместе, не были в Упсале³. Новая драма стала бы настоящим шедевром. Дни, проведенные там, были не особенно интересны, хотя и ужасно утомитель-ны. Я не спал в продолжение трех ночей. По возвращении же домой мой тесть не давал мне ни минуты покоя — обеды, кафе, театры, коньяк, шам-панское, сигары — все, чего я не переношу. Не было ни минуты свободной, чтобы написать Вам, до настоящего момента, когда я освободился на ча-сок, отделившись от посещения салона Бернс; Анне-Шарлотте я телегра-фирую, так как не успею ей написать.

Поездку в Лондон придется, вероятно, отменить, во-первых, по эконо-мическим причинам, во-вторых, по соображениям здоровья. Мой тесть, наверное, поехал бы с нами, а я лягу костыли, если мне придется носиться с ним по всем увеселительным местам Лондона. Но мне очень хотелось бы поехать сейчас с Анной-Шарлоттой.

С «Acta» дела обстоят довольно хорошо, но я боюсь слишком обнаде-живаться.

Но возвращаюсь к Упсале. Нигде не умеют устраивать такие праздни-ства, как там, а теперь еще отечество подарило своей старейшей Высшей школе лучшее на всем Севере помещение для празднеств — актовый зал. Он великолепен и почти может соперничать с «Эдемом», «Альказаром», или как они там называются, большие парижские кафе. Отделка актового зала произведена по образцу этих кафе. Широкая публика в восторге.

Собрались на холме, на котором возвышается *Carolina rediviva* (библиотека). Оттуда двинулась действительно торжественная процессия из 1500 белых фуражек⁴ с флагами и штандартами. За ними — профес-сора со сморщенными, как от горького миндаля, лицами или красноще-кими петерсоновскими физиономиями. За ними превосходительства в мун-дирах с орденами и лентами, затем обыкновенные достопочтенные лица более низкого ранга. Здесь и там служители в мундирах и с жезлами. Процессия спустилась в Роццу Одена и поднялась опять на холм, на ко-тором высится здание университета. Яркое майское солнце, гул соборных колоколов, оживленное настроение. Все в целом в высшей степени импо-зантно. Затем мы, свыше трех тысяч человек, заняли места в актовом зале. Превосходный хор из молодых свежих голосов пропел короткий, переложенный на стихи, компендий философа Бострёма из К. Д. Вирсена. Затем величаво и изящно взошел на кафедру архиепископ. Он в самом деле замечательно красиво ходит. Он: возблагодарил господа бога нашего и предостерег от науки и учености. После этого он спустился с кафедры так же эффектно, как и взошел на нее. Затем пели псалом, который архиепископ пел с часами в руке — следил за тем, чтобы это не заняло слишком много времени. Потом просеменил на кафедру ректор Салин. Невольно вспоминались слова датчанина на юбилее в Упсале: «Жаль, что бельмановские типы вымерли в Швеции, я видел в Швеции только одного-единственного — великолепного ректора в Упсале». Затем благодарили короля и кронпринца, а потом нам пришлось в течение часа слушать не-сколько более пространный компендий Вирсена о бострёмовской филосо-фии, о Сократе, Платоне, Христе, Лейбнице, Канте и, наконец, о великом, чье имя слишком свято, чтобы упоминаться при таком случае (Бострём). Науке порядочно-таки досталось, предостерегали от опубликования. Это, мол, одно лишь высокомерие! Ученость восхвалялась. Молодежи напоми-нали, что она не может обладать знаниями зрелого возраста и поэтому должна послушно учиться у зрелых людей. Задача университета — дать молодежи плоды науки.

Я слушал и воображал себя на месте Салина. Я думал о том, как бы я сказал молодежи, что все истинно великие и новые мысли рождались в молодых головах, что, правда, они не всегда выдвигались молодыми людьми, но когда зрелые люди преподносили их миру, то они лишь выражали то, о чем они мечтали и думали в молодости. И с этой точки зрения я старался бы подогревать энтузиазм молодежи. Я сказал бы им, что задача университета состоит не в том, чтобы совать зрелые плоды в молодые глотки, а, наоборот, в том, чтобы научить молодежь работать так, чтобы ее собственный труд приносил наилучшие плоды. Наконец, Салин просеменял с кафедры вниз, и тот же превосходный хор пропел действительно прекрасные стихи из К. Д. Вирсена, в которых он предостерегал против вердандистов⁵ и говорил, что новый актовый зал — концертный зал в Упсале — станет той твердыней, о которую разобьется испорченность нашего времени. Затем мы отправились принять участие в прекрасном, превосходно организованном торжественном обеде в присутствии его величества. Произносились тосты, в которых мы чествовали короля, королеву, кронпринца и принцев, благодарили министерство и риксдаг и напоминали обоим последним учреждениям об их обязанностях и предостерегали от превышения их. Король по-королевски и звучно провозгласил тост, комментирующий высказанные ранее мысли, кульминационной точкой которых были достопримечательные слова об актовом зале: «Мыслить свободно — это велико, мыслить правильно — еще более велико!». Я слышал, как многие говорили, что следовало бы добавить третью фразу: «Поступать правильно — это превыше всего!». Слова «мыслить правильно» истолковывались всеми как «мыслить правильно с моральной точки зрения». Король был чрезвычайно милостив ко мне и особенно к моему тестю. Ужин был у губернатора — графа Гамильтона, на него были приглашены король и Вы. Мой тесть и я попали в число гостей в последнюю минуту.

Празднества следующего дня я уже не в состоянии описывать. Я сделал несколько интересных знакомств, расточал похвалы Соне Ковалевской, усердно рекламировал «Аста», допустил сорваться с языка неосторожным выражением об Упсале и здании университета и как всегда, перемешивал умно рассчитанные, благоприятно действующие шахматные ходы с необдуманными, опрометчивыми, действующими в противоположном направлении.

Если Вы думаете, что Анне-Шарлотте будет интересно прочесть это суммарное описание того, что она упустила в Упсале, то пошлите его ей. Я не успею ей написать раньше, чем воспоминания уже несколько поблекнут.

Хоть бы мне скорее получить от Вас письмо и чтобы оно содержало сколько-нибудь хорошие известия. Нельзя же Вам, в самом деле, провести все лето в качестве сиделки. Вам нужно отдохнуть некоторое время и затем располагать временем и для работы.

Рассчитываю на то, что Вы мне будете часто писать. Нумеруйте Ваши письма, как я это хочу делать со своими.

Сердечный привет Сонечке, которую я люблю больше, чем она и Вы это подозреваете, и передайте мое почтение Вашей сестре.

Мама и Сигне сердечно Вам кланяются.

Ваш Гёста.

129. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Петербург, 27.V.87

Благодарю Вас, дорогой Гёста, за Ваше милое письмо, которое так приятно было получить. Мне доставило большое удовольствие читать Ваши ласковые слова и Ваше подробное описание празднеств в Упсале. Я очень раскаиваюсь в том, что сразу не написала Вам. Но зная меня теперь более или менее, Вы сами можете догадаться, почему я не писала. Мне было далеко не весело в Петербурге, я была в страшно подавленном

состоянии; относительно Вас же я полагала, что если Вы и не в очень веселом, то во всяком случае в праздничном настроении, а так как у меня не было ничего интересного сообщить Вам общего характера, то я и не хотела писать. Я надеюсь, что Вы на меня не сердитесь, дорогой Гёста. Вы же должны знать, что Вы и Анна-Шарлотта значите для меня.

Моя сестра почти в том же состоянии, как и зимой. Иногда выпадает вдруг хороший день, когда ей как будто делается настолько лучше, что можно серьезно думать о возможности для нее поездки. Но на следующий день появляется какое-нибудь новое осложнение: t° растет, боли в боку усиливаются, и всякая надежда исчезает. Мой зять все еще здесь, и я склонна думать, что русское правительство спокойно позволит ему остаться здесь все лето, если ему это нравится. Но я очень боюсь, что он сам превратит себя в изгнанника из своей страны, если моя сестра не будет скоро в состоянии уехать. Но я не должна писать о нем сейчас, так как слишком зла на него, чтобы быть к нему справедливой. Пожалуйста, никому обо всем этом не рассказывайте. Ведь утверждают же, что каждый француз является врожденным актером.

Пока здесь все так неопределенно, я не могу думать о том, чтобы уехать из России. Но я воспользуюсь ближайшими днями, чтобы отвезти Фуфу в Москву. Юлия Лермонтова не может приехать за ней, так как слишком занята хозяйством в своем имении. Впрочем, я совсем не огорчена, что должна покинуть Петербург, хотя бы на несколько дней, здесь слишком много неприятного в настоящее время и как Фуфа, так и я уже заболели обычной лихорадкой, на этот раз очень бурной.

Большинство профессоров уже уехали. Здесь много говорят о том, что университет вообще закроют или что его преобразуют на манер английских. Говорят также, что его переведут в небольшое селение Грузино, расположенное в половине дня езды от Петербурга. Но все это пока еще *только толки*, достоверно же то, что в этом году не будет приема новых студентов, и это мероприятие делает слухи правдоподобными.

Проектируемый новый налог на заграничные паспорта отменен на этот год, но утверждают, что он будет введен в будущем году, хотя и не в том размере, как предполагалось — 10 рублей (банковскими билетами, не золотом) за каждый месяц, но хорошо и так. Что же касается моего выхода из русского подданства², то я действительно должна уплатить 400 рублей, чтобы добиться его; и эти деньги не миф, по словам моего поверенного в делах, а составляют долг правительству, лежащий на нашем общем деле, который в общем лишь по имени *наш*, но принадлежит, по существу, банку, имеющему на него [неразборчиво]. Почему эта последняя должна относиться лично ко мне, этого я не могла понять, но, по-видимому, я должна выплатить налог лишь в том случае, если захочу переменить свое подданство, в противном же случае не обязана. Я нахожу, что мне нечего заботиться об уплате, пока налог еще находится в проекте.

Сейчас же по приезде сюда я написала двум французским врачам относительно Пиренеев: Летурно, редактору «Философского обозрения»³ и директору одного курорта в Пиренях, и одному молодому врачу, о котором я знаю, что он сделает все, что в его силах, чтобы достать мне необходимые сведения. Я надеюсь скоро получить ответы на свои письма и немедленно сообщу их Вам.

Мне очень жаль будет Анну-Шарлотту, если Вы не поедете с ней в Лондон. Почему Вы так мало сообщаете о своем здоровье?

Напишите мне, пожалуйста, о фрекен Левен; как ее приняли в Упсале? А теперь прощайте на сегодня, милый, добрый Гёста. Я вложу конверт для Вашего следующего письма, которое надеюсь скоро получить.

Фуфа все время говорит обо всех вас; она находит, что в Стокгольме веселее, чем в России. Я часто говорю с ней по-шведски, чтобы она не совсем забыла то, чему научилась за эту зиму. Я очень сожалею, что совершенно забыла оставить аттестат для своей бедной прислуги. Почему же она сама не напомнила мне о нем? Что же касается коробочки с укра-

шениями, то мне слабо помнится, что я ее заперла в последний момент в свой письменный стол. Я, однако, не вполне в этом уверена. К сожалению, я взяла ключ с собой и должна пребывать в неизвестности до своего возвращения домой. Еще раз прощайте, дорогой друг. Передайте, пожалуйста, мой привет Сигне и Вашей маме.

Я уже два раза писала Анне-Шарлотте. Но не уверена в том, что на первом письме написала правильный адрес: Вестерброгаде, 25 — это ли действительно адрес Хауха? Второе письмо я послала по ее стокгольмскому адресу^{11*}.

Горячо преданная Вам

София.

130. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

На пароходе «Дёбельн», на пути в Гельсингфорс,
22/6—87 г.

Дорогая София!

Пришлите мне как можно скорее конверт с Вашим адресом, и я Вам напишу подробное письмо. Я был 14 дней в Лондоне, посетил также Оксфорд и Кембридж, а после возвращения в Стокгольм еду в Гельсингфорс. В Гельсингфорсе пробуду до среды 29-го, вернусь в Стокгольм 30-го вечером и пробуду там 1-го и 2-го июля, а 3-го утром поеду в Швейцарию на курорт Ленк в Верхний Симменталь, кантон Берн, где мой друг (доктор) де Жонкьер будет лечить меня по предписанию доктора Мирела Макензи.

Вы должны прислать мне ключ, с помощью которого я мог бы добраться до аттестата Вашей прислуги, или Вы должны передать это поручение кому-нибудь другому. Она говорит, что Вы ей обещали передать аттестат Вашей бонне, а при этих обстоятельствах Вам придется уплатить ей жалованье и содержание за все лето, если Вы не вернете ей аттестата. Разве Вы не получили письма Анны-Шарлотты и Сигне об этом? Пришлите же мне как можно скорее большой, хороший конверт с Вашим адресом, и я напишу Вам обстоятельно. Сейчас же, когда вполне вероятно, что мое письмо пропадет, мне этого делать не хочется. Из вышеуказанных дат Вы легко можете решить, куда Вам лучше всего адресовать Ваше письмо.

Привет маленькой Соне. Сердечное спасибо за Ваше письмо, я получил его — одно-единственное!!

Гёста.

131. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Россия] 27.VI.87

Мои дорогие друзья, Гёста и Сигне,
пишу вам обоим, так как не знаю, где вы сейчас находитесь.

Спасибо, дорогая Сигне, за твое письмо; я не ответила на него тотчас же, так как не могла сразу принять какого-нибудь решения относительно моей прислуги. При теперешнем положении дел я была бы очень рада, если бы она еще не получила другого места, так как в таком случае я бы оставила ее у себя. Я ведь намерена очень скоро вернуться в Стокгольм. Я начала серьезно работать, и моя работа идет так хорошо, что я не хочу ее прерывать какой-нибудь увеселительной поездкой. Здесь же я не могу остаться, так как у меня нет книг. Я написала также Терезе Гюльден и просила ее узнать, не могла ли бы я снять две комнаты вблизи от них. Было бы очень хорошо и для меня, и особенно для Фуфы, если бы я могла поселиться с ними. Анна-Шарлотта писала мне и предлагала поехать с Вами в Даярне² и провести там август и 1/2 сентября, но как бы ни было приятно побыть с вами, я все же не хочу этого делать, так как знаю

^{11*} Я не буду пересылать ей Вашего письма, пока не узнаю точно, куда его адресовать. (Сноска С. Ковалевской.)

по опыту, что тогда не стала бы работать как следует. Ведь немного мы наработали в Емтланде, хотя и Гёста и я воображали, что работали прилежно. Но, может быть, я приеду к Вам на недельку перед самым началом семестра, чтобы отдохнуть немного перед началом лекций.

Не будешь ли ты так добра, милая Сигне, если это письмо еще застанет тебя в Стокгольме, поговорить с моей прислугой и дать ей денег, сколько ей надо для ее содержания до 15 июля, когда я думаю приехать в Стокгольм. Если Гёста будет один в Стокгольме, когда придет это письмо, то, может быть, он устроит так, чтобы кто-нибудь поговорил с ней.

А затем до свидания, мои дорогие друзья.

Преданная Вам

Соня.

132. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Стокгольм, 2/7—1887 г.

Дорогая Соня!

Сердечное спасибо за полученное сегодня письмо к Сигне и ко мне². Я попытаюсь разыскать Вашу прислугу, но это будет нелегко. По возвращении сюда обратитесь к моим прислугам, и Вы от них узнаете, что с этим получилось. Они знают также, где находятся Ваши собаки, которых Вам следует взять, так как, может быть, будет дорого держать их на пансионе в другом месте. Ваша прислуга была у меня сегодня утром, до того как я получил Ваше письмо. Мы нашли ее аттестат в *незапертом* ящике письменного стола! У бедняжки даже слезы выступили на глазах. Она имела работу в июне, так что Вам придется уплатить ей только за июль. Если я ее разыщу, то уплачу ей 15 крон за время с 1-го июля по 15 июля и попрошу ее переехать в Вашу квартиру до Вашего приезда.

Ваше решение приехать сюда я нахожу чрезвычайно разумным, и меня чрезвычайно радует, что Вы снова принялись за работу! Что Вам делать в августе — это мы увидим. До этого еще далеко. Главное, чтобы Ваша работа была действительно хорошей и была бы готова. Поверьте мне, что это Вам нужно для того, чтобы Ваше положение действительно было упрочено. До тех пор пока Вы не получите официального штемпеля Института³, в глазах многих и очень многих Вы останетесь humbug^{12*}. В Англии Вам много навредил Сильвестер своими глупыми стихами⁴; Гексли держался очень холодно, говоря со мной о Вас, Дарвин сомневался, Глейшер — тоже. Наибольший интерес проявлял Кейли. Но относительно Англии я напишу подробнее из Ленка, после того как Вы меня известите, что Вы в Швеции, и дадите свой адрес. Я вчера вернулся из Финляндии, а в понедельник вечером поеду к Жонкьеру в Швейцарию через Берлин и Стральзунд. Пишите мне: *Бад Ленк, Кантон Берн, Швейцария*.

Миттаг-Леффлер сообщает о приезде своего брата Фрица и о некотором улучшении его здоровья. Самому Миттаг-Леффлеру надоело думать о своем здоровье, но все же пришлось посоветоваться в Лондоне с Макензи, который порекомендовал ему врача Жонкьера. Он едет в Швейцарию, а Анна-Шарлотта в Данию.

Мои хлопоты о том, чтобы Вы осенью получили механику, увенчались успехом, и Вы теперь назначены и на осень⁵. Но это было нелегко. Вероятно, это удастся и в будущем году, но, конечно, только после многих хлопот. С «Acta» мы также победили в риксдаге⁶.

У меня была большая неприятность. Пропали «Абелевы функции» Вейерштрасса⁷. Я отдал своему посыльному обе части для передачи Фрагмену, а он не помнит, куда их отнес, и они пропали. Я сделал объявление и сообщил полиции, но ничто не помогло. Это, действительно, чрезвычайно досадно.

Напишите мне о своей работе⁸, насколько она уже продвинулась и что Вы нашли. Я хочу быть в курсе дела и детально рассмотреть работу,

^{12*} Обманщик, ханжа (англ.); мошенничество, мошенник (швед.).

когда Вы ее закончите. Мне становится все более ясным, что Вы должны представить ее и на премию короля Оскара. Если Вы достигнете всего того, чего хотели достичь, то она явится прямым ответом на вопрос № 1. И во всяком случае в ней содержится полное решение строго ограниченной функционально-теоретической проблемы, и она вполне соответствует премиальным условиям. Это был бы бесподобный триумф, если бы Вы получили обе премии. И, кроме того, было бы маленькое состояние для начала работы во Франции, если Вы — я думаю, что тогда это удастся, — попадете туда.

Если я смогу поработать в Ленке, то, конечно, Вам напишу об этом. У меня есть несколько идей, и я уверен, что они хорошие.

Во всяком случае эту зиму мы постараемся хорошенько поработать. Но только над математикой, *никакой литературы*.

Гюльден опять несколько резковат, когда говорит о Вас, но это ничего не значит, Вы все же сможете хорошо там работать.

Если Вам понадобятся книги из моей библиотеки, то напишите *инженеру Байе в Геннесе, О-во Виктория, Дроттнинггата, № 28*. Пишите ему по-французски. Он запишет те книги, которые Вы возьмете.

Если Вы увидите моего брата Фрица, то не говорите с ним о его здоровье. Я думаю, что он с удовольствием с Вами поведается, ведь он так одинок.

Пишите теперь в Ленк. Я расскажу Вам обстоятельно об Англии и о Берлине. Большой привет Сонечке.

Ваш Гёста.

133. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Бад Ленк, Кантон Берн, Швейцария, 3.8—87 г.

Дорогая Соня!

Из письма, полученного сегодня от Сигне, я, наконец, узнал о Вас. Я уже начал сильно беспокоиться, не получая ответа на мои многочисленные запросы, и уже думал, не случилось ли с Вами чего-нибудь. Теперь я очень рад, что Вы благополучно отыскались, и жажду скорее узнать подробности о Вас. Напишите, как только сможете и немножко устроитесь. Хоть бы Вам удалось найти удобную квартиру недалеко от Гюльденов. Это, вероятно, не будет трудно, и для Вас это, безусловно, лучше всего. И пойдите, пожалуйста, к зубному врачу, в наше время непозволительно ходить с зубной болью.

Напишите мне о своей работе и сообщите, что Вы нашли! Это меня чрезвычайно интересует. Со своей стороны прошу у Вас позволения написать Вам об исследованиях, начатых мной весной. Они оказались совсем безрезультатными, и когда у меня будет немного покоя для работы, то мне кажется, можно будет кое-что сделать.

Миттаг-Леффлер пишет о заболевании уха, из-за которого он опасается потерять слух.

Напишу подробнее, когда получу Ваш адрес в Швеции. В настоящее время я очень устал, но все же не мог не сказать Вам тотчас же, как я рад, что Вы вернулись. Кланяйтесь Сонечке! О чем говорилось в речи к Вам в Гельсингфорсе?²

Ваш Гёста.

134. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм, август 1887]

Дорогой Гёста, мне очень совестно, что я не написала сразу же по приезде в Стокгольм. Мы приехали в прошлый четверг. В Гельсингфорсе мы случайно встретили Сигне и ее отца, которые были очень милы и любезны и тут же пригласили нас на семейный обед, устроенный в честь капитана Тома и его матери, которые должны были ехать с тем же паромом, что и мы. По приезде в Стокгольм в тот же вечер поехали к Гюль-

демам. Я не нахожу, чтобы они очень удачно выбрали место своего летнего пребывания; мне кажется, что они легко могли бы найти что-нибудь более красивое и ближе к Стокгольму. Но несмотря на это, я все же решила поселиться поблизости от них, ведь Фуфе так приятно их общество. Я сняла три комнаты за 50 крон. Затем я оставила там Фуфу и вернулась сама в Стокгольм, чтобы взять свои книги и привести в порядок вещи. Здесь я нахожусь уже три дня. Утром я очень занята беготней в поисках квартиры на зиму. Я могу выбрать одну из двух квартир; первая из них очень хороша, состоит из пяти больших светлых комнат во втором этаже и стоит только 850 кр[он]. Хозяин очень приятный. Но, к сожалению, она находится на улице Юхана, и я не решаюсь ее брать, так как боюсь, что Анна-Шарлотта «рассвирепеет» от того, что я переселилась так далеко от нее; вторая квартира находится совсем около вас: улица Стуре, прямо против парка Стуре, но сама квартира гораздо хуже — пять маленьких комнат на 5-м этаже!!!² и стоит 900 кр[он]. Я думаю, что все же решусь на нее.

Каждый день, в 4 ч, я навещаю Вашего брата Фрица. Мне он очень нравится. Он производит впечатление здорового человека, хотя, конечно, должен лежать. Разговаривать с ним очень приятно, ведь он так много читал и много думал. Вчера он показал мне свои стихи о патриотизме, которые мне очень понравились. Вечерами я хожу гулять и меня развлекает Линдстедт. Он в настоящий момент тоже один, без семейства, и мы изобретаем самые причудливые способы повеселиться. Мы были вместе в цирке и ужинали вместе у Стрёмберга. А в один из вечеров мы даже танцевали!!! Жданов, любимый ученик Гюльдена, который так оскорбился, когда его причислили к *нашим* ученикам, в настоящее время находится здесь со своей молодой женой. Подумайте только <...> он хочет теперь читать *чистую математику* в Петербургском университете, потому что там открылось два вакантных места математиков в связи с тем, что Поссе и Коркин³ собираются уйти. Не возмутительно ли, что такой мальчишка, как Жданов, будет теперь выступать в качестве математика в России? Там он, вероятно, хвастается тем, что изучал математику в Стокгольме!

Недавно мне прислали две математические статьи с просьбой напечатать их в «Acta mathematica». Одна из них написана немецким математиком и довольно интересна, в ней обсуждается следующий вопрос: если целая алгебраическая функция имеет один общий корень с алгебраическим уравнением, то будут ли у них и все остальные корни общими? Можно ли распространить это свойство и на целые трансцендентные функции? На этот вопрос следует отрицательный ответ, так как приводится пример целой трансцендентной функции, которая обращается в 0 для одного ир[рационального] корня алгебраического уравнения, но не для всех других. Эта статья во всяком случае настолько интересна, что ее можно принять в «Acta»⁴.

Другая статья принадлежит молодому русскому математику, окончившему года два тому назад Петербургский университет и ищущему теперь стипендии, чтобы продолжать свои занятия в Стокгольме. Поэтому мне бы очень хотелось, чтобы его статья была напечатана в «Acta», так как это укрепило бы его желание приехать к нам. Этого молодого человека считают очень одаренным. Его статья, несомненно, верная, но не очень интересная. В ней излагается разложение некоторых данных простых функций в ряды вида

$$A_0 + A_1(x+y) + A_2(x+y)^2 + \dots,$$

где y означает корень определенного алгебраического уравнения $F(x, y) = 0$. Такое разложение оказывается очень полезным для некоторых геометрических целей.

Скажите мне, кому я должна передать эти две статьи?

Я ожидаю с величайшим нетерпением подробного письма, которое Вы обещали мне написать. Но я в особенности хочу знать о Вас и о Вашем

здоровье. Вам бы надо взять отпуск и остаться в Швейцарии до тех пор, пока Ваше здоровье не восстановится вполне. Быть может, Вам было бы полезнее совсем не читать лекций в этом семестре?

Я ужасно огорчена потерей «Абелевых функций»⁵. Зачем это Вам понадобилось отдавать эти записки, пока я еще не закончила своих лекций по этому предмету? Осенью я намереваюсь читать об исследованиях Пуанкаре о кривых, определяемых дифференциальными уравнениями. Я сейчас очень подробно изучила его статьи по этому вопросу и нахожу их чрезвычайно интересными. Прощайте, дорогой друг. Сегодня вечером, в 1/2 11-го, я поеду к Гюльденам и буду там завтра в 9 ч. утра. Теперь я уже начну работать.

Ваш преданный друг

Соня.

Пишите мне по следующему адресу: Швеция. Стокгольм. Норрзунд-Веддё. Сёдерзунд. Г-же Ковалевской.

135. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Бад Ленк, Кантон Берн, Швейцария, 12.8—87 г.

Дорогая Соня!

Хотя данный мне Вами адрес слишком фантастичен, чтобы быть правильным², я все же попытаюсь послать по нему письмо. Сигне приехала позавчера, пробыла в дороге без перерыва 5 суток, поэтому я несколько задержался с ответом на Ваше письмо.

Сначала несколько слов о делах. Работу об общем корне для неприводимого алгебраического или трансцендентного уравнения Вам надо отослать Энестрёму для публикации, если она не слишком длинна³. Энестрём должен известить автора, что она принята, попросите его об этом. Что касается русской статьи⁴, то будьте добры посмотреть, нельзя ли ее сократить и упростить. Напишите затем об этом автору и сообщите ему, как, по-Вашему, надо ее переделать, а также скажите, что после переработки она будет напечатана. Посоветуйте ему приехать в Стокгольм.

Что касается лекций, то я очень рад, что Вы хотите читать о работах Пуанкаре. Но сначала Вам надо как следует закончить абелевы функции. Иначе среди учеников распространится [слух], что Вы не заканчиваете потому, что пропали заметки Вейерштрасса⁵. Было столько разговоров и столько хлопот с этими заметками. Фрагмен убедительно просил меня дать их ему дня на два, и я не мог ему отказать в этом. Однако есть надежда, что они найдутся осенью, когда люди начнут съезжаться в город. Кроме того, Кноблаух обещал мне, что в конце августа он даст переписать ту часть заметок, в которой говорится об абелевых функциях, и что он пошлет их возможно скорее в Стокгольм⁶. Скажите мне, какую часть абелевых функций надо переписать в первую очередь, и я ему об этом сообщу.

Я нахожу, что Вам следует читать абелевы функции, чередуя их с работами Пуанкаре. Если же Вам действительно нужны статьи Вейерштрасса для абелевых функций, то начните с работ Пуанкаре, чтобы ученики скорее освоились с ними, и скажите, что после двух-трех лекций Вы вернетесь к абелевым функциям. Тогда мы во всяком случае успеем получить заметки Кноблауха. Но не закончить абелевы функции нельзя. Это я хорошо понял по высказываниям и Фрагмена, и Кобба. По механике Вы ведь будете читать свою собственную работу?⁷ Мне кажется, что это будет лучше всего.

Будет очень досадно, если Вы переедете так далеко, на улицу Юхана, и я надеюсь, что Вы снимете квартиру возле нас. Торопиться не надо, так как к 1 октября будет много квартир и они будут дешевле. Пятый этаж — это довольно высоко, хотя Вам такая гимнастика не повредила бы. Благодарю Вас, что посещаете моего брата! Я возлагаю большие надежды на то, что гипнотизм ему поможет. Я дам Вам прочесть некоторые вещи о гипнотизме как методе лечения в таких случаях.

Не могли бы Вы побудить Линдстедта⁸ снова начать писать научные статьи? Бедняга, ему приходится много заниматься другой работой для поддержания своей большой семьи.

Можно ли было, в самом деле, назначать Жданова математиком? Теперь он, быть может, распространяет слухи, что он в Стокгольме слышал то-то и то-то, о чем он теперь соответствующим образом рассказывает в Петербурге.

Миттаг-Леффлер перенес тяжелую ушную операцию, надеется, что слух восстановится.

Жонкьер очень хороший врач с чрезвычайно верным глазом; в скобках сказать, он совершенно не похож на брата, и я ему вполне доверяю. Понемногу лечение подвигается, и у нас имеются большие надежды. Но отпуска по болезни я не возьму, если не буду прямо вынужден к этому. Много новых учеников придет осенью, и важно, чтобы я был в Стокгольме и принял их. Раньше 14 сентября я все же вряд ли буду в Стокгольме. Я предполагаю, что вечером в этот день у нас будет последний прием учеников. Пожалуйста, постарайтесь, чтобы это было так. Относительно лекций нам надо теперь списываться. Я чрезвычайно рад, что Вы и хотите, и можете читать о работах Пуанкаре.

Я порядочно поработал и вник в ту проблему, о которой мы говорили весной. Мне кажется, что здесь открывается новое, интересное и неисследованное поле для изучения, имеющее большое значение. Но об этом в другой раз. Теперь позвольте только задать Вам один вопрос, на который прошу Вас ответить по совести.

Имеется функция действительного переменного x , которая для каждого конечного значения однозначна, непрерывна и дифференцируема. Всегда ли возможно выразить эту функцию в форме

$$a_1 e^{\lambda_1 x} + a_2 e^{\lambda_2 x} + a_3 e^{\lambda_3 x} + \dots,$$

где $a_1, \lambda_1; a_2, \lambda_2; a_3, \lambda_3; \dots$ — действительные постоянные?

Думаете ли Вы, что можно? Я этого не думаю. Каким приблизительно Вы представляете себе доказательство?

У Пуанкаре родилась дочка, у Алпеля — сын.

Пуанкаре работает над премиальным вопросом по астрономии⁹. Он совершенно уверен, что такое решение, которое мы представляем посредством обычных, известных до сих пор видов функций, невозможно. Но он нашел новые неожиданные результаты, примыкающие к статьям Болина и Хилла в «Акта»¹⁰. Все это глубокий секрет, который нельзя доверить никому.

Но сейчас поздно, и я очень устал. Продолжу завтра!

13/8.

Вейерштрасс был обижен тем, что Вы так долго не давали о себе знать. Я рассказал ему, взяв с него обещание молчать об этом, о драме Анны-Шарлотты и Вашей, и прибавил, что Вы, вероятно, из-за этих литературных занятий стыдитесь ему писать. Это его, по-видимому, успокоило. Он теперь написал сюда и спрашивал Ваш адрес. Я дал адрес, указанный Вами в Вашем письме. Напишите ему скорее. Он все лето остается в Берлине. Он был здоров и очень бодр. Он полностью решил ту проблему, решение которой Пикар и Нетер пытаются найти в разных работах.

Самый общий абелев интеграл x_{n+1} является функцией n переменных $x_1, x_2, \dots, x_n$, такой, что между $\frac{\partial x_{n+1}}{\partial x_N}$ и $x_1, x_2, \dots, x_n$; $N=1, 2, \dots, n$ всегда имеет место алгебраическое уравнение. Все предложения, относящиеся к обычным абелевым функциям, могут быть обобщены. Вместо понятия о ранге выступает другое число, которое, по-видимому, иное, чем у Пикара. Новые общие абелевы функции могут быть выражены с помощью отношения общих θ -рядов, где нет никаких других соотношений

между периодами, кроме необходимых фундаментальных соотношений. Принципиально все становится очень простым, но требуется большое, юношеское мужество, чтобы *вычислить* новые случаи, более общие, чем обычные.

Кронекер, наконец, опубликовал в журнале Крелле свою критику вейерштрассовской математики¹¹. Гельмгольц опубликовал статью с той же целью¹². Кантор написал резкую, но несколько слишком философскую критику математики¹³.

Кронекер просил Вас кланяться. «Я ей постоянно посылаю свои работы, все, что я пишу, а она мне никогда не отвечает. Могла бы она когда-нибудь написать мне хоть строчку». Фукс говорил о Вас очень дружелюбно.

Рунге женился 9-го. Вейерштрасс написал мне, чтобы я имел возможность послать телеграмму, что я и сделал. У Фукса была большая неудача с его последней работой в «*Berliner Monatsberichte*»¹⁴, и Гурвиц его основательно отделал¹⁵. Он занялся той же проблемой, что и Гурвиц, об уравнении, которое может трансформироваться в себя самого, но получил только нелепый ответ. Когда он затем узнал о работе Гурвица, он отнесся к нему свысока. Вейерштрасс был очень огорчен этой историей.

О моих впечатлениях об Англии поговорим при встрече. Они сейчас слишком далеки от меня, чтобы я без особого труда мог писать о них. С наукой во всяком случае дело обстоит из рук вон плохо как в Кембридже, так и в Оксфорде. Гексли говорил о Вас довольно-таки холодно, как мне показалось. Дарвин был очень заинтересован, но говорил о Вас как о социалистке и нигилистке. Я старался по мере сил замять это. Глейшер незначителен, но он, может быть, лучше всех знает Европу и интересуется иностранной математикой. Кейли произвел тоже довольно незначительное впечатление. Но сэр Вильям Томсон и лорд Рэлей, наоборот, произвели на меня тем большее впечатление.

Сигне шлет Вам сердечный привет. Пишите скорее преданному Вам другу.

Гёста.

Какие имеются известия от Вашей сестры? Сердечный привет Гюльденам и Сонечке. Расскажите же что-нибудь о России, о Чебыщеве, Баклунде, Имшенецком. Встретили ли Вы Вашего изобретателя, закончена эта история или только началась?¹⁶

136. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Сёдерсунд, 12.VIII.87

Милый, дорогой Гёста, сердечное спасибо за Ваше желанное и милое письмо, полученное мною сегодня. Вторую Вашу карточку из Бад Ленк, адресованную в Россию, мне также переслали сюда.

Мне так ужасно, так несказанно больно было узнать, что Вы столько страдали и что даже в настоящее время Вы еще не совсем поправились. Каким образом Вы получили такую неприятную болезнь, как воспаление барабанной перепонки? Было ли оно следствием простуды или явилось неизбежным следствием того метода лечения, которому Вы подвергали себя? Как бы ни хотела я поскорее Вас увидеть, но все же я была бы почти рада, если бы Вы решили взять отпуск, по возможности на весь осенний семестр, и остались в Швейцарии до полного восстановления своих сил. Единственное, что можно было бы возразить против этого проекта, это то, что осень бывает обычно хорошей и здоровой в Стокгольме, а весна, наоборот, очень неприятной, и именно к этому неприятному сезону Вы должны в этом случае вернуться сюда. Но во всяком случае Вам надо было бы серьезно поговорить с Жонкьером, не сочтет ли он нужным, чтобы Вы продлили свое пребывание в Швейцарии. Я очень рада была узнать, что Вы работали, несмотря на Ваши страдания, и я восхищалась тем, что Вы могли это делать. Я с нетерпением жду известий

о результатах, к которым Вы пришли, и надеюсь, что Вы скоро о них сообщите. Что касается моих исследований, то они относятся к общему случаю задачи о вращении, и я провожу их на тех же основаниях, которые были установлены Пуанкаре в его гениальной статье².

Я думаю развить все эти положения в моих лекциях по механике в этом году. Мои исследования, правда, еще далеко не закончены, но я уже нашла довольно интересные вещи и собираюсь в этом году работать очень прилежно.

В настоящее время я живу в деревне в непосредственном соседстве с Гюльденами. Мой адрес: Норрзунд, Веддэ, Сёдерсунд, у хозяина К.-И. Эриксона. От Стокгольма приходится ехать пароходом 10 ч., чтобы попасть к нам. Мои хозяева — очень приятные крестьяне. Мясо и все остальные продукты можно получить на месте, и жизнь здесь довольно дешева. Воздух прекрасный; ближайшие окрестности не особенно живописны, но на расстоянии одного часа ходьбы находится Оландское море, берега которого прелестны; отсюда видна и Финляндия.

Профессор Гюльден большую часть времени живет в Стокгольме. Соня почти постоянно проводит время с детьми Гюльденов, и ей здесь очень весело и хорошо. Я встаю очень рано, уже в половине седьмого или около этого. Все утро я работаю, в 2 ч. мы купаемся, затем обедаем, а после обеда обычно совершаем прогулку с Гюльденами. В половине восьмого мы ужинаем, и если я не слишком устала от прогулки, то потом еще работаю часа два.

1-го сентября я собираюсь вернуться в Стокгольм, но Соня еще останется здесь до 13-го сентября. В этом году она тоже начнет ходить в школу.

Я сняла себе квартиру очень близко от Вас. Она не особенно хороша (на пятом этаже), но очень дешевая, 850 кр., и по этой цене вполне прилична. Правда, за эту цену я могла бы иметь гораздо лучшую квартиру на улице Юхана, но я не решилась ее взять из-за Анны-Шарлотты. Она мне ничего не писала из Хорнебека; когда я в последний раз видела Вашего брата Фрица, он мне сказал, что только что получил письмо от Вашей мамы, но что Анна-Шарлотта не успела написать, так как ужасно занята прогулками, катанием на лодке под парусами и т. д.

А теперь на сегодня прощайте, дорогой Гёста. Я с нетерпением жду обещанного длинного письма. Где теперь Сигне? Приедет ли она к Вам в Ленк? Она обещала написать мне, когда приедет в Стокгольм, но я ничего о ней не слыхала.

Речь генерала Линдфорса в нашу честь была довольно короткой; он восхвалял случай, сведший нас, и надеялся, что я в следующий раз извещу их заранее о моем приезде в Гельсингфорс. Моя сестра в настоящее время в Париже. Первое время она была в санатории, но по последним известиям они сняли виллу в ближайших окрестностях Парижа. Сейчас я уже две недели о них ничего не знаю и начинаю беспокоиться. Я выписала сюда обеих наших собак. Снифс стала вдвое толще прежнего, но Рунне довольно красив. Этот противный щенок убежал от нас вчера вечером, но я надеюсь, что он найдется до нашего отъезда.

Преданная Вам Соня.

Пожалуйста, пишите скорее.

*Амелия Викстрём
(около 1883)*

Бад Ленк, Кантон Берн, Швейцария, 21.8—87 г.

Дорогая Соня!

Ваше милое письмо от 12/8 уже несколько дней тому назад дошло до меня, но из-за нескольких сделанных мне операций я не мог до сих пор ответить Вам. Вероятно, я все же вернусь домой к началу осеннего семестра и начну как следует читать лекции, если не наступит неожиданного ухудшения. А как будет весной — это мы увидим. Что мне придется из-за моего здоровья уехать раньше, чем в Стокгольме начнется самое худшее время, — это мне довольно ясно. Я надеюсь, однако, что буду сравнительно здоров и работоспособен зимой и что смогу тогда много заниматься математикой. Я ожидаю получить большое удовольствие от Ваших лекций. Из Вашего последнего письма я вижу, что Вы прекрасно можете читать о работах Пуанкаре применительно к Вашей собственной проблеме в курсе механики. Вы могли бы тогда сначала читать лекции только о них, пока не придут записки Кноблауха². Но напишите мне сейчас же, с какого отдела я должен просить переписывать. Начиная с θ -функций?

Сам я думал, основываясь на многих пожеланиях, читать об обыкновенных дифференциальных уравнениях, взяв или работу Эрмита о дифференциальном уравнении Ламе³, или о гипергеометрических рядах⁴, или же о работе Брио и Буке⁵, — я еще точно не знаю сам. Во всяком случае я начну с исследований Фукса.

Я пытался найти те функции, которые удовлетворяют дифференциальному уравнению

$$\frac{\partial^2 F}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 F}{\partial y^2} + \frac{\partial^2 F}{\partial z^2} = 0$$

и вдоль данной линии, замкнутой или продолжающейся до ∞ , предписанным образом обращаются в ∞ или становятся глубоко сингулярными. Я пытался обобщить двоякопериодические функции. Но можно показать, что это обобщение, применяя выражение Якоби, является скорее «утолщением», чем «углублением». Также, если

$$F(x+ma, y+nb, z+pc) = F(x, y, z),$$

то в нем самым общим решением является решение, установленное Аппелем. Пусть имеется, например, подобная функция, которая не определена в точке $x=y=z=0$ и которая вдоль оси x , вдоль оси y и вдоль оси z становится бесконечной известным предписанным образом.

Между прочим, я хотел бы знать, имеет ли все это какое-нибудь применение? Можете ли Вы указать мне какую-нибудь проблему из физики, когда пужна функция, которая удовлетворяет [уравнению]

$$\Delta F = 0$$

и которая вдоль данной линии становится ∞ известным предписанным образом?

Я очень рад, что Вы сняли квартиру рядом с нами. Несмотря на всю Вашу подвижность, было бы совсем иначе, если бы Вы переехали на улицу Юхана.

Я предлагаю нам читать, как и раньше, по средам и субботам с 1/2 11 до 2-х; Вам с 1/2 11 до 1/2 1-го, а мне с 1 до 2-х. Дней теперь нельзя переменить, а то мы столкнемся с Онгстрёмом. Возможно, что я не вернусь в Стокгольм раньше 16-го и начну тогда читать 17-го, когда начнете и Вы. Но тогда Вам придется одной принимать учеников 14-го. Об этом мы, однако, еще успеем списаться.

Сигне приехала сюда на основании полученной от меня телеграммы. Она получила телеграмму в 4 ч. дня, а вечером уже выехала. Поэтому она не успела Вам написать. Я очень стремлюсь домой и не отложил бы своего путешествия ни на один день, если бы только мог. Но у меня все

еще остался полип, который должен быть удален, и лечение Макензи (расширение носовой полости путем введения все более толстых гуттаперчевых стержней) не настолько продвинулось, чтобы я затем, зимой, смог самостоятельно лечиться. Воспаление ушей было связано с носом и возникло в связи с удалением нароста. Барабанная перепонка теперь зажила.

Передайте сердечный привет Сонечке от Сигне и меня и кланяйтесь также Гюльденам.

Я прочел «Братья Карамазовы» Достоевского. Какое чудовищное, ужасное и вместе с тем гениальное произведение! Типично русские черты у Достоевского выступают гораздо ярче, чем у Тургенева и Толстого. Я прочел также «Власть тьмы» Толстого и восхищался⁶. Но я нахожу, что она все-таки оставляет читателя довольно холодным. Все время испытываешь неприятное чувство, что автор хотел произвести другое впечатление, чем чисто художественное. Не могу ничего с этим поделать, но, по-моему, выражение «искусство для искусства», равно как и выражение «наука для науки», являются единственными принципами, которые создают художественные произведения и действительно значительные научные работы.

Пишите скорее, просит Ваш преданный

Гёста.

138. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм] 2.IX.87

Мои дорогие друзья

Гёста и Сигне!

Спасибо за Ваше письмо. Я его только что получила, и мне очень совестно, что я сразу не ответила на предыдущее письмо. Причиной было преимущественно то, что я хотела сначала приехать в Стокгольм, пересмотреть все свои собственные бумаги о функциях θ и затем уже написать Вам что-нибудь определенное. Кроме того, мне надо написать столько писем, как в Россию, так и в Париж, что я прямо не успеваю вести свою корреспонденцию. Почти ежедневно посылаю 2—3 письма, и все же на меня со всех сторон жалуются, что я ленюсь и мало пишу. Я чрезвычайно рада мысли скоро Вас увидеть. Так приятно будет обо всем переговорить. Поэтому сегодня говорю исключительно о делах.

1) Я отдала немецкую статью Эннстрёму² и просила его напечатать ее как можно скорее.

2) Русская статья, к счастью, довольно короткая, так что я надеюсь, что Вы найдете возможным также поместить ее в «Акта»³.

3) Я буду очень счастлива, если получу ту часть копий «Абелевых функций», в которых речь идет о θ , т. е. приблизительно последние 150 стр.⁴

4) Завтра я навещу Леке и поговорю с ним насчет лекций.

5) Я вполне согласна со всеми Вашими предложениями относительно последних.

А теперь прощайте, мои дорогие друзья. Я только вчера вернулась в город, и у меня ужасно много дела.

В большой спешке, преданная Вам

Соня.

139. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм] 1887

Я только что получила вложенную [в письмо] телеграмму². Я охотно приду за Вами в 2.45, но Анна-Шарлотта хотела в это же время пойти к Фрицу. Она сегодня обедает у Хегстрёма.

Преданная Вам

Соня.

[Стокгольм] [Рукой Миттаг-Леффлера: 3.XII.1887]

Дорогой Гёста, будьте так добры, напишите для меня адрес фрёкен Гайдукевич и передайте его Соне № 2.

Преданная Вам
Соня № 1.

Я получила длинное и очень интересное письмо от фр. Вейерштрасс, которое я должна Вам прочитать, потому что в нем содержится, между прочим, и кое-что относительно Вас.

Приписка Г. Миттаг-Леффлера:

«Добавление Г. Миттаг-Леффлера, во избежание возможного упрека в нежелании сразу же сообщить интересную новость.

Собрание с Советом преподавателей состоялось 2.XII в полдень, 2.XII же пришло письмо Вейерштрасс. 3.XII получено первое сообщение. Я все время был под замком из-за катара. 4.XII она только посредством этой записочки и другой подобной же от 1.XII, написанной с целью избежать необходимости идти на собрание Совета, дала о себе знать».

[Стокгольм] Понедельник вечером, 5.XII—87

Дорогая Соня!

Я не хочу ложиться, не рассказав Вам еще раз, и яснее, чем устно, как обстояло дело с историей Монтели. Во-первых, я определенно завещаю Вас, что это дело самых последних дней не имело для меня большего значения, чем многочисленные другие проекты, постоянно приходящие мне в голову. Тем не менее, я, наверное, поговорил бы с Вами о нем, если бы мне не казалось, что Вы за последние недели были настроены ко мне очень недружелюбно, и если бы я именно в это время не страдал больше, чем обычно, от первого состояния и бессонницы, которые еще усиливали мою прирожденную нелюбовь к длинным объяснениям. К тому же я Вас не встречал в то время, как дело из пустого проекта стало выливаться в нечто более определенное, до вчерашнего дня, а как мало у нас тогда было времени для разговоров, это Вы, вероятно, еще помните. Я должен был торопиться, чтобы встретить своего тестя, и говорил поэтому о вещах, совершенно иным образом интересовавших меня, да, вероятно, и Вас, чем дело Монтели, которому я к тому же по многим причинам никогда не придавал большого значения. Я продолжаю и сейчас думать, что все дело сведется к тому, что лекции Монтели будут происходить в одной из аудиторий Высшей школы, а не в помещении Академии наук.

Затем была наша сегодняшняя прогулка. Вы, вероятно, помните, что мы ехали на конке и что мне там невозможно было говорить о таком деле. Сойдя с конки, мы должны были бежать, чтобы попасть вовремя. Тогда я, действительно, подумал, что теперь пора было бы рассказать Вам об истории Монтели, но тут у меня мелькнула несчастная, как потом оказалось, мысль, что теперь мне представляется удобный случай показать Леке, что я не рассказываю Вам о таких вещах, о которых, по нашей договоренности, не следует рассказывать, и чтобы он сам был первым, рассказавшим Вам все.

Лишь для того, чтобы показать Вам, что Вы и сами, по отношению ко мне, не всегда стараетесь сейчас же сообщить мне вещи, которые могут меня интересовать, я напомним Вам, — конечно, не в виде упрека, так как мне известна причина, — о происшедшем на днях. 2/XII Вы получили письмо от фр. Вейерштрасс, содержание которого чрезвычайно меня интересовало. На следующий день, 3/XII, Вы написали в P. S. к записке, написанной совсем с другой целью: «Я получила вчера длин-

ное и очень интересное письмо от фр. Вейерштрасс, которое я должна прочесть Вам, так как в нем, между прочим, содержится и кое-что о Вас». Лишь вчера, 4/XII, во время моего посещения Вас я познакомился с этим письмом. Как бы Вы отнеслись, если бы я поступил по отношению к Вам подобным образом, сколько бы извиняющих обстоятельств я ни приводил? Между друзьями должна ведь быть известная терпимость по отношению к вещам, совершенным без злого умысла, а зависящим от различных обстоятельств.

Впрочем, Вы совершенно правы в том, что у меня нет друзей, и я не прав, говоря о том, как бы рассуждали или поступили мои друзья. У меня их нет, а что причина этого лежит во мне самом, в этом Вы, вероятно, также правы.

Преданный Вам
Гёста.

142. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Стокгольм, 6.XII.87]

Дорогой Гёста,

Простите меня за то, что я вчера так вспылила. Зато я всю ночь сожалела о том, что вчера произошло между нами. Вы ведь знаете, а может быть, и не знаете, как сильно я дорожу Вашей дружбой и как я чувствительна к малейшим колебаниям ее. Именно потому, что я уже несколько времени тому назад стала замечать известный холодок в Вашем отношении ко мне, я и стала такой раздражительной и, чтобы не обнаружить этого, я стала несколько отдаляться и не так часто искала Вашего общества, как обычно. Вы же ужасно несправедливы, сравнивая свой образ действий в этой глупой истории с моим в отношении письма В[ейерштрасс]². Я сейчас же Вам сообщила, что у меня есть таковое, и Вы могли в любой момент прийти и ознакомиться с ним. Но что бы Вы почувствовали, если бы впервые узнали об этом письме через Гюльдена или Линдстедта?

Во всяком случае могу Вас уверить, дорогой Гёста, что Вы ошибаетесь, когда говорите, что у Вас нет друзей. Один друг у Вас во всяком случае есть, хотя последний и не может похвалиться мягкостью и самообладанием. Но этого друга, со всеми его недостатками, Вы сохраните, хотя бы это Вам не нравилось, на всю Вашу жизнь, и Вам было бы довольно трудно теперь от него избавиться.

Ваша Соня.

Мне, вероятно, нет надобности просить Вас о том, чтобы Вы никому не показывали этого письма и ни с кем не говорили о нашей вчерашней ссоре. Я не люблю говорить с кем-нибудь о наших небольших размолвках, и даже с Анной-Шарлоттой не говорите.

1888

143. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Стокгольм, 2/2—1888]

Дорогой Гёста, пойдете ли Вы сегодня на каток? Я хочу пойти, но не раньше 1/2 4, чтобы успеть побольше поработать.

После некоторых размышлений я считаю, что хорошо было бы Вам побудить Леке прийти и объясниться со мной. Но тогда Вам придется до этого редактировать мое объяснение Правлению, которое я тотчас ему передам.

В России, по-видимому, также считают, что Максим Ков[алевский] и я родственники, как Вы увидите из приложенной телеграммы, полученной мною сегодня ².

Преданная Вам
Софья Ковалевская.

[Стокгольм, после 2/3 1888]

Дорогой Гёста,
я только что получила очень хорошие известия от Максима Ковалевского.

1) Он уже получил свой заграничный паспорт и через несколько дней будет в Стокгольме.

2) Он только что получил большую награду (золотую медаль) Петербургского географического общества за свою новую книгу².

3) Появился новый и очень лестный отзыв об этой книге в журнале «Savants étrangers», написанный Родольфом Дарестом, членом Института и Президентом общества юстиции в Париже (как будто большая знаменитость).

4) Очень лестные рецензии о работах Ковалевского появились также в Лондонской академии и в «Augsburger Allgemeine».

5) Он просит меня найти ему переводчика для его книги — об истории дипломатических отношений Швеции с Россией. Он охотно оплатит переводчика. Я думаю, что лучше всего направить его к кому-нибудь в Упсале.

6) Ковалевский извещает меня, что он приготовил свои лекции очень старательно³.

Все эти его хорошие известия меня очень радуют. Я обратилась к доктору Леффлеру⁴ с просьбой прийти сегодня вечером ко мне, чтобы вместе составить статью для газеты⁵. Прошу Вас также подумать немного, о чем было бы хорошо написать в этой статье.

Ваша Соня.

145. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Оран, 3/4 1888 г.

Дорогая Соня!

От мамы Вы уже знаете все подробности нашего путешествия. Я вижу также из письма Фрагмена, что Вы знакомы с письмом Эрмита. Он повторил устно почти то же и, кроме того, дал мне ясно понять, что если бы Вы желали получить должность в Париже, то это было бы хоть и трудно, но возможно, после того как Вы получите премию². В последнем письме мамы сообщается тревожная новость о том, что Сонечка больна, и мама боится scarlatины, которая появилась у Гюльденов. Я все же искренне надеюсь, что, когда Вы получите это письмо, уже окажется, что все опасения были неосновательными.

Жаль, что наше пребывание в Париже было таким коротким. Мне бы надо было встретиться со многими, и прежде всего с Броком. Ковалевского я также не видел и не смог даже толком выяснить, живет ли он еще в отеле Лувр.

Сильвестер здесь, но он недоволен, что его не чествуют особо. Это здесь, по-видимому, не принято, но нам оказывают большое гостеприимство. Как он, так и я, и обе мои дамы считаемся гостями города, и оба мы были почетными председателями на конференции³. В математической секции болтают, впрочем, только срунду. Но очень интересны экскурсии. На днях было инсценировано нападение 1000 арабских всадников. Это было грандиозно, но нас чуть не задавили одичавшие лошади. Анну-Шарлотту и Сигне я совершенно потерял. Мы все подумали о том, какую храбрость Вы проявили бы в этом случае.

Анна-Шарлотта так бодрa и энергична, что это нам даже внушает тревогу. Ее ничто не берет, и у нее прямо магия таскать нас с Сигне по всевозможным неподобающим местам: кофейням, где марокканки из самых низших слоев общества, перед публикой, состоящей из парижан и нескольких арабов, исполняют знаменитый танец живота и т. д., и т. д. в этом роде.

Завтра мы едем в Тлемсен — наиболее сохранившийся из всех арабских городов, а 10-го вечером снова будем в Алжире, где и останемся приблизительно до 18-го (адрес — Шведское консульство, Алжир). Вообще же наиболее верный адрес на ближайшие недели — это Шведское консульство в Марселе. Оттуда письма нам будут пересылаться по нашим телеграммам.

Я очень был бы Вам благодарен, если бы Вы в нескольких строчках сообщили мне о том, что произошло на семинарах, как идут дела у Фрагмена, что было на заседании 13-ти⁴, а главным образом о том, как идет Ваша работа.

Фрекен Лагерборг должна сдать экзамен по математике и механике. Ее легко освободят от экзамена на бакалавра на основании свидетельства от нас. Но нельзя ее выпускать, пока она не будет вполне подготовлена, иначе это будет слишком большим скандалом для нас.

Я не думаю, чтобы я успел написать маме раньше, чем из Алжира. Передайте поэтому наш привет ей и Фрицу.

Сердечный привет от Анны-Шарлотты и Сигне и от меня Вам и от всех нас Сонечке, на письмо которой Анна-Шар[лотта] ответит при первой [возможности].

Ваш преданный друг

Гёста.

146. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Париж, май 1888]

Дорогой Гёста!

Я получила Ваше милое письмо. Моя голова теперь так полна математикой, что я не могу ни думать, ни говорить о чем-нибудь другом. Я пришла к определенному результату, и к очень радостному, а именно что этот случай задачи о вращении интегрируется действительно посредством *ультраэллиптических* функций. Но мне еще предстоит получить окончательные формулы, и я не знаю, успею ли это сделать до конца месяца. Не могу не сообщить Вам несколько подробнее о своей работе².

Вследствие недостатка времени буду писать очень кратко, но Вы все же постарайтесь, пожалуйста, вникнуть в вопрос.

Система дифференциальных уравнений для 6 величин $p, q, r, \gamma, \gamma', \gamma''$ в этом случае следующая

$$\begin{aligned} 2 \frac{dp}{dt} &= qr, & \frac{d\gamma}{dt} &= \gamma' r - \gamma'' q, \\ 2 \frac{dq}{dt} &= -pr - c_0 \gamma'', & \frac{d\gamma'}{dt} &= \gamma'' p - \gamma r, \\ \frac{dr}{dt} &= c_0 \gamma', & \frac{d\gamma''}{dt} &= \gamma q - \gamma' p, \end{aligned}$$

c_0 — действительная постоянная.

Между этими 6 величинами $p, q, r, \gamma, \gamma', \gamma''$ прежде всего имеют место 3 известных алгебраических соотношения, которые имеем также и в общем случае:

$$\begin{aligned} 2(p^2 + q^2) + r^2 &= c_0 \gamma + l_1^2, \\ 2(p\gamma + q\gamma') + r\gamma'' &= l, \\ \gamma^2 + \gamma'^2 + \gamma''^2 &= 1, \end{aligned} \tag{1}$$

l и l_1 являются постоянными интегрирования. Кроме этих трех соотношений, мы находим в этом случае еще четвертое. А именно имеем

$$\begin{aligned} 2 \frac{d(p + qi)}{dt} &= -ri(p + qi) - c_0 i \gamma'', \\ \frac{d(\gamma + \gamma' i)}{dt} &= -ri(\gamma + \gamma' i) + \gamma'' i(p + qi). \end{aligned}$$

Таким образом,

$$\frac{d}{dt} \{(p + qi)^2 + c_0 (\gamma + \gamma' i)\} = -ri \{(p + qi)^2 + c_0 (\gamma + \gamma' i)\},$$

а также

$$\frac{d}{dt} \{(p - qi)^2 + c_0 (\gamma - \gamma' i)\} = ri \{(p - qi)^2 + c_0 (\gamma - \gamma' i)\},$$

следовательно,

$$\frac{d}{dt} \lg \{(p + qi)^2 + c_0 (\gamma + \gamma' i)\} + \frac{d}{dt} \lg \{(p - qi)^2 + c_0 (\gamma - \gamma' i)\} = 0$$

или

$$\{(p + qi)^2 + c_0 (\gamma + \gamma' i)\} \{(p - qi)^2 + c_0 (\gamma - \gamma' i)\} = k^2, \quad (2)$$

k — действительная постоянная. Это новый алгебраический интеграл. Теперь я ввожу следующие обозначения:

$$\begin{aligned} x_1 &= p + qi, & y_1 &= \gamma + \gamma' i, & \zeta_1 &= x_1^2 + c_0 y_1, \\ x_2 &= p - qi, & y_2 &= \gamma - \gamma' i, & \zeta_2 &= x_2^2 + c_0 y_2. \end{aligned}$$

Тогда мы имеем

$$\zeta_1 \zeta_2 = k^2 \quad [\text{из } (2)] \quad (2')$$

и на основании уравнений (1)

$$\begin{aligned} r^2 &= A + \zeta_1 + \zeta_2, \\ c_0 r \gamma'' &= B - x_2 \zeta_1 - x_1 \zeta_2, \\ c_0^2 \gamma''^2 &= C + x_2^2 \zeta_1 + x_1^2 \zeta_2, \end{aligned}$$

где я для краткости полагаю

$$\begin{aligned} A &= l_1^2 - (x_1 + x_2)^2, \\ B &= l c_0 + x_1 x_2 (x_1 + x_2), \\ C &= c_0^2 - k^2 - x_1^2 x_2^2. \end{aligned}$$

Теперь у меня, следовательно, четыре величины: x_1 , x_2 , ζ_1 , ζ_2 , между которыми существуют два равенства

$$\begin{aligned} \zeta_1 \zeta_2 &= k^2, \\ (A + \zeta_1 + \zeta_2) (C + x_2^2 \zeta_1 + x_1^2 \zeta_2) - (B - x_2 \zeta_1 - x_1 \zeta_2)^2 &= 0. \end{aligned}$$

Это последнее равенство, если его раскрыть, дает мне следующее: если я положу

$$\begin{aligned} R x_1 &= A x_1^2 + 2 B x_1 + C = -x_1^4 + l_1^2 x_1^2 + 2 c_0 l x_1 + c_0^2 - k^2, \\ R x_2 &= A x_2^2 + 2 B x_2 + C = -x_2^4 + l_1^2 x_2^2 + 2 c_0 l x_2 + c_0^2 - k^2, \\ R(x_1, x_2) &= A x_1 x_2 + B(x_1 + x_2) + C = -x_1^2 x_2^2 + l_1^2 x_1 x_2 + c_0 l (x_1 + x_2) + c_0^2 - k^2, \\ v &= AC - B^2 = \frac{R x_1 R x_2 - \{R(x_1, x_2)\}^2}{(x_1 - x_2)^2}, \end{aligned}$$

то я могу написать вышестоящее равенство в следующей форме:

$$\begin{aligned} R(x_2) \zeta_1 + R(x_1) \zeta_2 + v + k^2 (x_1 - x_2)^2 &= 0, \\ \zeta_1 \zeta_2 &= k^2, \end{aligned}$$

из чего следует

$$\zeta_1 = \frac{-v - k^2 (x_1 - x_2)^2 + W}{2R(x_2)},$$

и поэтому

$$W^2 = \{v + k^2(x_1 - x_2)^2\}^2 - 4k^2 R x_1 R x_2.$$

Как Вы легко убедитесь, можно на основании соотношения

$$v = \frac{R x_1 R x_2 - R(x_1, x_2)^2}{(x_1 - x_2)^2}$$

написать W в следующей форме.

Если я положу

$$s_1 = \frac{R(x_1, x_2) + \sqrt{R x_1} \sqrt{R x_2}}{2(x_1 - x_2)^2},$$

$$s_2 = \frac{R(x_1, x_2) - \sqrt{R x_1} \sqrt{R x_2}}{2(x_1 - x_2)^2},$$

то мы имеем

$$W^2 = (x_1 - x_2)^4 (s_1^2 - k^2) (s_2^2 - k^2)$$

и

$$\zeta_1 = \frac{(x_1 - x_2)^2}{4R(x_2)} \{(\sqrt{s_1 - k} \sqrt{s_2 - k} + \sqrt{s_1 + k} \sqrt{s_2 + k})^2 - 4k^2\},$$

$$\zeta_2 = \frac{(x_1 - x_2)^2}{4R(x_1)} \{(\sqrt{s_1 - k} \sqrt{s_2 - k} - \sqrt{s_1 + k} \sqrt{s_2 + k})^2 - 4k^2\}.$$

Теперь присоединяется удивительное обстоятельство, которое долго вводило меня в заблуждение. Если Вы помните формулы для приведения эллиптического интеграла $\frac{dx_1}{\sqrt{R x_1}}$ к нормальной форме $\frac{ds}{\sqrt{4s^2 - g_2 s - g_3}}$

(мне кажется, что Вы сами применяли эти формулы в одной из Ваших более ранних работ и, кроме того, они изложены подробно в лекциях В[ейерштрасса] о применении эл[липтических] функц[ий])³, то Вы сейчас же заметите, что именно количества s_1 и s_2 производят это приведение. Т. е. если

$$R(x) = Ax^4 + 2Bx^3 + 6Cx^2 + 4B'x + A',$$

$$R(x_1, x_2) = Ax_1^2 x_2^2 + 2Bx_1 x_2 (x_1 + x_2) + 6Cx_1 x_2 + 2B'(x_1 + x_2) + A'$$

(в моем случае $A = -1$, $B = 0$, $6C = l_1^2$, $4B = 2c_0 l$, $A' = c_0^2 - k^2$)

и если положить

$$du_1 = \frac{dx_1}{\sqrt{R x_1}}, \quad du_2 = \frac{dx_2}{\sqrt{R x_2}},$$

$$s_1 = \frac{\sqrt{R x_1} \sqrt{R x_2} + R(x_1, x_2)}{2(x_1 - x_2)^2}, \quad s_2 = \frac{-\sqrt{R x_1} \sqrt{R x_2} + R(x_1, x_2)}{2(x_1 - x_2)^2},$$

то

$$s_1 = \wp(u_1 - u_2) + \frac{1}{2}C, \quad s_2 = \wp(u_1 + u_2) + \frac{1}{2}C,$$

(вейерштрассовская $\wp$ -функция), и, таким образом, мы имеем, если положить

$$S_1 = 4s_1^3 - g_2 s_1 - g_3, \quad S_2 = 4s_2^3 - g_2 s_2 - g_3,$$

где

$$g_2 = AA' + 3CC' - 4BB', \quad g_3 = ACA' + 2BCB' - AB'B' - A'BB - C^3,$$

$$\frac{ds_1}{\sqrt{S_1}} = \frac{dx_1}{\sqrt{R x_1}} - \frac{dx_2}{\sqrt{R x_2}},$$

$$\frac{ds_2}{\sqrt{S_2}} = \frac{dx_1}{\sqrt{R x_1}} + \frac{dx_2}{\sqrt{R x_2}}.$$

Теперь Вы можете, вероятно, понять, что эти формулы навели меня на мысль, что я действительно имела здесь дело с эллиптическими функциями.

ми^{13*}. Я искала и искала, но тщетно; к своей большой радости и удивлению я обнаружила, что каждая симметрическая функция от s_1 и s_2 является ультраэллиптической функцией времени, т. е. может быть выражена через рациональные функции отношения $\frac{\theta(u_1, u_2)\alpha}{\theta(u_1, u_2)}$, где $u_1=at+b$, $u_2=a_1t+b_1$, a , b , a_1 , b_1 — постоянные, t — время. А именно, мы находим, если подставим в дифференциальные [уравнения] для x_1 и x_2 вместо r и γ'' их выражения через x_1 , x_2 , ξ_1 , ξ_2 и возведем в квадраты,

$$\begin{aligned}-4\left(\frac{dx_1}{dt}\right)^2 &= R(x_1) + (x_1 - x_2)^2 \xi_1, \\ -4\left(\frac{dx_2}{dt}\right)^2 &= R(x_2) + (x_1 - x_2)^2 \xi_2, \\ 4 \frac{dx_1}{dt} \cdot \frac{dx_2}{dt} &= R(x_1, x_2).\end{aligned}$$

Таким образом:

$$\begin{aligned}\frac{1}{s_1} \left(\frac{ds_1}{dt}\right)^2 &= \frac{1}{R(x_1)} \left(\frac{dx_1}{dt}\right)^2 + \frac{1}{R(x_2)} \left(\frac{dx_2}{dt}\right)^2 - \frac{1}{\sqrt{R x_1}} \frac{dx_1}{dt} \cdot \frac{1}{\sqrt{R x_2}} \cdot \frac{dx_2}{dt} = \\ &= \frac{(x_1 - x_2)^4}{R x_1 \cdot R x_2} \left\{ \left(\frac{\sqrt{R x_1} \sqrt{R x_2} + R(x_1, x_2)}{x_1 - x_2} \right)^2 - k^2 \right\} = - \frac{s_1^2 - k^2}{(s_1 - s_2)^2}.\end{aligned}$$

Если теперь положим

$$R_1(s) = (k^2 - s^2)S = (k^2 - s^2)(4s^2 - g_2s - g_3),$$

где $R_1(s)$ обозначает полином пятой степени, то имеем

$$\frac{ds_1}{\sqrt{R_1 s_1}} = \frac{dt}{s_1 - s_2} \text{ и также } \frac{ds_2}{\sqrt{R_1 s_2}} = \frac{dt}{s_2 - s_1},$$

откуда следует, таким образом,

$$\begin{aligned}0 &= \frac{ds_1}{\sqrt{R_1 s_1}} + \frac{ds_2}{\sqrt{R_1 s_2}}, \\ dt &= \frac{s_1 ds_1}{\sqrt{R_1 s_1}} + \frac{s_2 ds_2}{\sqrt{R_1 s_2}}.\end{aligned}$$

Это как раз нормальная форма ультраэллиптических интегралов 1-го рода; и известное решение этой системы диф[ференциальных] ур[авнений] как раз таково, что каждая симметрическая функция s_1 и s_2 есть рациональная функция от $\theta(u_1, u_2)$, где u_1 и u_2 — линейные функции времени.

Все входящие в рассматриваемую проблему количества суть алгебраические функции s_1 и s_2 , и именно такие, что как x_1 , так и x_2 являются корнями алгебраического уравнения 4-й степени, коэффициенты которого симметрические функции от s_1 и s_2 (следовательно, ультраэллиптические θ -функции).

Но так как я с помощью предыдущих исследований убедилась в том, что x_1 и x_2 суть однозначные функции времени, то не подлежит сомнению, что в окончательном решении должны x_1 и x_2 являться рациональными функциями $\theta(u_1, u_2)$; и это мы должны уметь показать посредством преобразования 2-й степени тех θ -функций, к которым непосредственно приходим, исходя из вышестоящей системы диф[ференциальных] уравнений. Это те самые формулы, которые я не успела рассмотреть до конца.

Это очень досадно, потому что, как Вы видите, моя работа стала довольно интересной. Самое худшее то, что я так устала, так изнемогла, что сижу, сижу и размышляю в течение целых часов о какой-нибудь простой вещи, которую при других обстоятельствах легко могла бы решить в полчаса.

^{13*} К этому еще присоединялось то наводящее на ложный путь обстоятельство, что в специальном случае, когда я считала постоянную интегрирования $k=0$, я действительно приходила к эллиптическим функциям. (Списка С. Ковалевской.)

Я буду Вам очень благодарна, если Вы напишете Эрмиту, как Вы это предложили, и сообщите ему, как обстоит дело со мной и с моей статьей. У меня еще есть одна неделя для работы над нею. Но я все же думаю, что едва ли успею.

Так еще досадно с премией короля Оскара. Если бы я серьезно о ней подумала, то устроилась бы таким образом, что или осталась бы в Стокгольме, или поехала бы в Берлин и работала там весь июнь. Тогда бы я наверное успела закончить работу к первому июля. Дня два тому назад я еще могла бы сделать это, но сейчас это совершенно невозможно. Дело в том, что, несмотря на то что Макс[им] Ковалевский и я переписывались друг с другом довольно усердно (по крайней мере, по русским понятиям о переписке), у нас все же получилось маленькое недоразумение, так как мы оба хотели быть слишком любезными и деликатными друг к другу. Как раз вчера я случайно узнала, что присутствие Ковалевского в его имении было, собственно говоря, необходимо в течение июня, но так как он думал, что я очень стремлюсь к тому, чтобы уехать тотчас по окончании моих лекций, то он освободился, принося жертву со своей стороны. Не досадно ли это? А я ведь как раз так хорошо могла бы употребить июнь для своей работы! Сейчас для меня совершенно невозможно дальше откладывать путешествие, и я уезжаю отсюда через неделю, в пятницу, в Гётеборг, а оттуда пароходом в Лондон, так как мы решили встретиться там.

Если статья до тех пор не будет готова, то придется ее отложить до следующей осени, потому что летом вряд ли я смогу много заниматься математическими работами. Досадно быть так близко к цели и все же не достигнуть ее! Но придется утешаться тем, что я во всяком случае сделала хорошую работу, и не слишком горевать о премии. Но будьте добры написать Эрмиту. Я, впрочем, сама напишу ему, чтобы дать отчет о своей работе. Но хорошо, если бы и Вы тоже написали.

Во всяком случае утешением может служить то, что мне не в чем упрекнуть себя, по крайней мере за последнее время, потому что я была так прилежна, как только это возможно. На это письмо Вы, вероятно, не успеете ответить в Стокгольм. Пожалуйста, адресуйте следующее Ваше письмо: Лондон, Great Russel Street, 90, М[аксиму] Ковалевскому, для передачи г-же Ковалевской.

Сердечный привет А[нне]-Ш[арлотте]. Я напишу ей длинное и подробное письмо, как только кончу со своей работой. В настоящее время моя голова так наполнена математикой, что я с трудом могу думать о чем-нибудь другом.

Преданная Вам

Соня.

147. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Капри, Альберго Пагано, 18/5—88 г.

Дорогая Соня!

Сердечное спасибо за Ваше письмо. Я искренне сожалею, что Вы потратили свое время на него, когда Вы так переутомлены работой над Вашей статьей. Но я совсем не знал, как у Вас обстояло дело с этим, иначе я, конечно, не просил бы Вас писать.

Если статья будет готова теперь, то, надеюсь, все будет хорошо, и никто не будет этому радоваться больше, чем я. Если же она не будет готова, то, по-моему, Вам надо отнестись к этому так же спокойно, как отнесусь я. Не встретится ни малейших затруднений к тому, чтобы отложить вопрос до будущего года, если только Вы дадите мне знать, в каком духе я должен написать Эрмиту.

Самое важное для Вас теперь — это полный отдых на два-три месяца, и на это время совсем не думать ни о математике, ни о литературе, ни о других утомительных вещах. Если Ваше путешествие на Кавказ со-

стоит, как я надеюсь, то для Вашего здоровья это будет лучше всего. Я нахожу, что горный воздух является лучшим лекарством от переутомления нервной системы.

Досадно получилось с этой глупой статьей о Ковалевском². Я думаю, однако, что ему будет очень легко все уладить, написав непосредственно Кею³. Но пусть он не разводит дипломатии, а напишет откровенно, просто и по-дружески. Кей в высокой степени человек чувства — не знаю известно ли это Вам — и Ковалевскому легко будет подойти к нему с этой стороны. Тем более что Кей относится к нему с большой симпатией. Ковалевскому надо только сказать, — а я думаю, что так оно и было, — что он рассказал всю историю «о грандиозности» таким образом, что острие шутки обратилось против него самого. Ковалевский ведь настолько слаб в немецком языке, что не понял самой сути, пока Леке не поднял вопрос об этом, и тогда он понял так, что это высказывание было комичным ввиду его объемистой фигуры.

Анна-Шарлотта невозможна. Теперь она безудержно кокетничает с одним неаполитанцем⁴ *n*-х размеров, да еще с небольшим горбом, очевидность которого даже Гюльден признал бы. У этого человека слабый интеллект и легко возбудимые чувства, настоящий представитель знати. Он отменил несколько лекций, чтобы ехать сюда с нами и испортить нам ту неделю, которую мы могли бы прожить здесь спокойно. У нас же здесь есть такой умный, своеобразный и интересный человек, как доктор Мунте⁵. Мы могли бы все время встречаться с ним, он предлагал быть нашим гидом и, конечно, не захочет быть вместе с дель Пеццо. Последний в течение нескольких часов развивал проект, начатый уже в Неаполе, а именно чтобы Анна-Шарлотта и он взяли лодку и поехали бы вместе купаться. Не характерно ли это для обоих? Не думайте, что я снисхожу до слушания подобных разговоров, но во всяком слушаю их.

Я очень хочу знать, как Вы устроитесь летом. Анна-Шарлотта говорит, что она поедет к Фольмарам, если только не останется здесь. Я, может быть, уеду в начале июля в Финляндию, а затем с середины июля — в Лександ, у озера Сильян в Далекарлии. Часть лета я непременно должен быть в горах, отдохнуть несколько недель и попытаться работать.

Мне трудно будет избежать визита в Финляндию.

Ситне сердечно Вам кланяется. Анна-Шарлотта сейчас гуляет и мечтает где-то с д[ель] П[еццо], разговаривая о прогулках на лодке и о Данте.

Сердечно кланяйтесь от нас всех Сонечке. Я посылаю ей вид Неаполитанского залива с Везувием на заднем плане, сфабрикованный одним из уличных художников.

Ваш друг

Гёста.

148. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Стокгольм, лето 1888]

Дорогой Гёста!

Я сегодня исправляла свою статью *tant bien que mal, plutôt mal que bien*^{14*}. Проблема полностью решена. Все теоретические трудности преодолены. Я показываю, что все шесть величин $p, q, r, \gamma, \gamma', \gamma''$ могут быть выражены рационально через отношения вида $\frac{\theta(v_1, v_2)_\lambda}{\theta(v_1, v_2)}$,

где v_1 и v_2 являются линейными функциями времени. Что это было не так легко, Вы можете видеть из того, что Вейерштрасс, которому я писала до и после того, как нашла, что проблема решается с помощью ультра-эллиптических θ -функций, и который, по-видимому, серьезно думал об этом предмете, не смог доказать этого. Он пишет мне, чтобы сказать, что он на-

^{14*} Плохо ли, хорошо ли, скорее плохо, чем хорошо (*φp.*).

чинает думать, что это вещь невозможная и что, вероятно, я ошиблась в своих рассуждениях о том, что p , q , r являются однозначными функциями времени. Но я не успела по-настоящему выполнить все вычисления. Последние ведь чисто механические и, вероятно, могут быть выполнены меньше чем за неделю каждым, кто сколько-нибудь привык обращаться с θ -функциями. Но в данное время я так устала, что не могу ничего больше сделать. Поэтому я не решилась послать статью прямо в Академию наук и адресую ее Эрмиту в сопровождении длинного письма, в котором подробно излагаю ему все причины, задержавшие меня в этой работе. Я рассказываю о некоторых, как мне кажется, удивительных и интересных результатах, которые я нашла относительно общего случая. Теперь Эрмит должен решить, что следует сделать со статьей. В качестве девиза я выбрала

Dis ce que tu sais,
Fais ce que tu dois,
Adviennne ce qui pourra. ²

Сегодня вечером я еду в Лондон. Я напишу Анне-Шарlotte из Копенгагена хотя бы несколько строчек.

Преданная Вам Соня.

149. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹
Лондон [лето 1888]

Дорогой Гёста.

Вчера утром я получила Ваше последнее письмо, адресованное Вами в Стокгольм ². Оно такое необычное, «так полно загадок», что я была глубоко изумлена. Я Вас умоляю написать мне вслед за этим более пространно и более ясно, так как до получения письма от Вас я ничего не осмеливаюсь написать Анне-Шарlotte. Я боюсь, что письмо, которое я ей написала из Гамбурга, когда я еще совсем не подозревала правды, какой она представляется по Вашему последнему письму, могло уже наделать беды. Но кто бы мог ожидать чего-либо подобного после всех Ваших предыдущих писем?

Вы уже знаете, что я отредактировала свой мемуар, что я добилась удачного его окончания и послала его Эрмиту ³, прося его распорядиться им, как он найдет нужным. Я получила от него сегодня письмо — он представил его в Академию наук на Конкурс Бордена. Эрмит поздравляет меня «с моим прекрасным глубоким анализом», но он говорит, что у него хватило времени только пробежать мой мемуар и что он собирается вскоре основательно его изучить. Но признаюсь, что об этом, т. е. об истинной ценности моей работы, я не слишком беспокоюсь, так как Вейерштрасс, который ее изучил, как будто очень ее ценит. Изложение же моего мемуара неряшливо и ниже всякой критики. Но Эрмит мне пишет, что вполне в моей власти написать добавление, которое Академия примет во внимание при распределении премии. Это, очевидно, то, что я должна сделать. Но если, с одной стороны, эта возможность меня очень радует, то с другой стороны, она противоречит моим планам на лето, обязывая меня работать еще в течение двух или трех недель. Я не знаю, на что мне решиться. Вейерштрасс тоже написал мне, очень högtidligt ^{15*}, и просит меня устроить дела так, чтобы провести несколько недель с ним этим летом. Он говорит, что чувствует — его силы слабеют, что он еще многое должен мне сказать, и боится, что не будет иметь возможности мне это сказать в более отдаленное время. Очевидно, я должна провести с ним некоторое время этим летом, но я еще не знаю, когда и как я это сделаю. Вообще я абсолютно ничего не знаю, что со мной будет. Я не строю никаких планов, мне сейчас очень хорошо, и я живу от одного дня до другого, избегая думать о будущем, чтобы не портить настоящее. Я желала бы быть, как Анна-Шарлотта, какой она кажется, такой же решительной

^{15*} Торжественно (швед.).

и уверенной в том, чего хочешь или не хочешь. Но я, к сожалению, совсем другая и, в сущности, я люблю только неопределенные оттенки. «Слово, как только произносится, становится ложью»¹, — говорит русский поэт, и это я так глубоко чувствую.

Прощайте, дорогой Гёста, пишите мне поскорее.

Преданная Вам

Соня.

Мой адрес: Great Russel Street, 90.

150. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Париж] 5 июля 1888

Дорогой Гёста,

Очень рада была получить сегодня Ваше письмо и еще более радуюсь при мысли скоро увидеть Вас снова. Ваше письмо позволяет мне надеяться, что мы встретимся в Гарце в конце этого месяца или в самом начале августа. Последнее время меня преследовали угрызения [совести], что я так долго Вам не писала. «Почему же Вы не писали, это было так просто», — сказал бы, конечно, всякий другой на Вашем месте, но Вы же знаете, — многое, что кажется простым для европейских обывателей, совсем не просто для такой старой русской цыганки, как я, и наоборот. Короче, я хочу Вам сейчас рассказать в нескольких словах наиболее интересное из моего пребывания в Париже, с тем чтобы рассказать Вам об этом более подробно, когда мы увидимся в Гарце.

Все здешние математики, кажется, очень заинтересованы результатами, которых я добилась в своей работе, и не сомневаются, что я получу премию. Что касается редакции — лишь бы мне послать другой отредактированный экземпляр до начала октября, — тогда все будет в порядке. В прошлый вторник Бертран дал в мою честь обед, на который были приглашены Эрмит, Пикар, Альфан и Дарбу. В мою честь были произнесены три тоста, и Эрмит и Дарбу сказали откровенно, что они не сомневаются в том, что я получу премию. Я думаю уехать из Парижа 17 июля. Я отправлюсь прямо в Гарц, туда, где живет Вейерштрасс. Собираюсь много работать в течение будущего месяца. Я здорова и в хорошем настроении.

Мечтаю только об одном: получить место профессора в Париже. Однако я еще ничего не сказала, не сделала, чтобы достичь этого, и мне не хватает мужества поговорить об этом с Эрмитом. Я предполагаю, что самое лучшее — дожидаться декабря², ничего не говоря по этому поводу.

Я видела много интересного в области гипнотизма, присутствовала на сеансе Шарко, Люиса (из Медицинской академии) и д-ра Берильона (главного редактора журнала «Нурпозе»), который видел Вас в Оране. Завтра я пойду на лекцию Вуазена, и меня ему представит Берильон. Признаюсь, однако, что все, что я здесь видела, поколебало мою веру в гипнотизм. Я очень подробно отметила все, что я видела, все записала, правда по-русски, но я Вам переведу, когда увидимся.

До свидания, добрый друг. Эрмит, Пуанкаре, Пикар и Альфан поручили мне передать Вам дружеский привет.

Ваша Соня.

Передайте, пожалуйста, от меня привет Сигне. Как она поживает? Приедет ли она также в Гарц или будет сопровождать своего отца в Финляндию?

Я была бы в восторге, если бы можно было пригласить дель Пеццо³ в Стокгольм — прочесть лекцию. Мы поговорим об этом более подробно при встрече.

Мне было бы очень интересно познакомиться с новым гением математики, которого Вы открыли. Напишите же ему, чтобы он тоже приехал в Гарц.

Вернигероде, 24 июля [1888]

Дорогой Гёста.

Я приехала сюда вчера вечером и нашла бумагу, касающуюся Гюльдена, которую я должна была подписать и которую Вейерштрасс не прислал мне в Париж. Я получила в Париже Ваше последнее письмо. К сожалению, я ничего не могла сделать ни для Вас, ни для себя. Единственный человек, с которым я могла бы говорить, — это Эрмит, но с ним Вы ближе, чем я. Впрочем, в настоящий момент он настолько взволнован своей постоянной боязнью войны и революции, что я не думаю, чтобы сейчас было подходящее время для разговора с ним. Что касается Липмана — я Вам поведаю, конечно под большим секретом, каковы были на этот раз наши отношения. Я Вам рассказывала уже в свое время, что его мать обвиняла меня перед рядом лиц, мне передававших, что я причиной тому, что ее сын не женится. В этот раз, когда я приехала к ним с визитом, я застала дома только мать, и она тотчас сообщила мне, что теперь у нее есть надежда, что сын решится, наконец, просить руку дочери Виктора Шербюлье и что она только опасается, как бы какое-либо опасное влияние не отвлекло его от этого. Вы понимаете, что после подобного оборота дела мои отношения с Липманом не могли быть очень близкими. Он один раз пришел ко мне с визитом, но меня как раз в это время не было дома, и я не осмелилась ему написать, чтобы просить его прийти снова. Мне было совершенно невозможно говорить с ним конфиденциально, что было необходимо, чтобы затронуть вопрос о Вашем назначении на место Брока. Посмотрим, что можно будет сделать, когда я вернусь в Париж на рождество.

Когда Вы приедете сюда? Приезжайте скорее. Я смогу, вероятно, остаться лишь до 15-го августа. Теперь я снова с большим пылом возьмусь за работу.

Преданная Вам

Соня.

Прошу сообщить мне адрес Анны-Шарлотты, чтобы я могла ей написать.

Германия, Гарц, пятница 7.IX.1888

Дорогой Гёста, большое спасибо за Ваше письмо, полученное мною сегодня. Последние пять дней я была совершенно одна с В[ейерштрассом] в Тале. Его сестра поехала в Берлин, чтобы привести там все в порядок. Завтра мы тоже уедем отсюда, а во вторник я собираюсь уехать из Берлина и в среду надеюсь быть в Стокгольме. Я не думаю, чтобы Вам очень понравилось в Тале. После прекрасного воздуха в Вернигероде здесь ужасно душно и воздух давит. В[ейерштрасс] последнее время тоже не очень хорошо себя чувствовал. Статья Пуанкаре доставляет ему много работы, и он не может хорошенько разобраться в ней. Доказательства Гюльдена он еще не получил. Я также не вполне окончила свою работу, но осталось уже немного. Таким образом — до среды. Если по непредвиденным обстоятельствам я отложу свой отъезд, то телеграфирую. Если никакой телеграммы не будет, значит я приеду. Здесь был Поль Дюбуа,

С наилучшими пожеланиями Сигне остаюсь

преданная Вам

Соня.

*С. В. Ковалевская с дочерью Соней
(1885)*

153. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Париж, декабрь 1888]

Дорогой Гёста!

Вот уже пять дней как я в Париже, и мне очень стыдно, что я Вам до сих пор не написала. Я живу в меблированных комнатах. Мне очень посчастливилось — я нашла меблированную квартиру, состоящую из очень большой гостиной и спальни, — за 200 франков в месяц. Все очень красиво обставлено. Площадь Мадлен, 21.

Я пошла повидать Эрмита на следующий день после приезда. Он был со мной очень любезен и пригласил меня на обед, на котором соберется вся семья Эрмит — Бертран, — во вторник 25-го ². Затем я была у Бертрана и Дарбу. В первый день я не касалась моих планов относительно Парижа, но в понедельник г-н Бертран просил меня зайти в Академию, чтобы получить мои 5000 франков и решить все относительно издания моего мемуара, который они не замедлят напечатать в «Savants étrangers» ³. Когда мы с Бертраном остались одни, я с ним поговорила откровенно. Я начала разговор, спросив его об известиях от г-жи Бортникер. Он мне сказал, что ей предложили место руководителя семинара в провинции, но что она отказалась и удовольствовалась местом в пансионе для молодых девушек. Тогда я набралась мужества и спросила его откровенно, как он думает, могла ли бы я получить какое-нибудь место в Париже. Он мне

ответил приблизительно следующее: *он думает*, что я могла бы без затруднения получить место профессора где-нибудь в провинции. Что же касается Парижа, то на это нельзя рассчитывать. Но если я согласна удовольствоваться местом руководителя семинара в Париже (с окладом 4000 франков) — он думает, что это вполне возможно. Сверх того, я могла бы иметь место профессора в Севре⁴, так как г-н Дарбу заявлял уже несколько раз, что он в нем не заинтересован, и г-н Бертран думает, что г-н Дарбу пожелал бы мне его уступить. Это мне дало бы около 8000 франков в год. Это меня устроило бы, тем более что мне было бы, я думаю, легко приработать, давая статьи в газеты. Я не была бы завалена работой. Короче говоря, условия мне представляются прекрасными. Я сказала Бертрану, что со своей стороны я была бы в восторге, если бы это смогло осуществиться. Он мне пообещал поговорить об этом с министром и профессорами. С тех пор я его больше не видела. Ах, дорогой Гёста, если бы Вы были здесь — насколько бы дела шли лучше.

Я была вчера у Пуанкаре, была у Дарбу и у его жены <...> Бертран собирается дать в мою честь обед, на который хочет пригласить шведского посла. Я была очень смущена тем, что не смогла сказать его имя. Напишите мне его. Я нанесу ему визит. Брок все еще болен. Передайте от меня привет Сигне, Вашей матери и Фуфи. Напишите мне, какие известия Вы имеете от Анны-Шарлотты. Сообщите мне ее адрес. Как поживает Фуфи?

Ваша Соня.

1889

154. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж, площадь Мадлен, 21, 4/1—89

Дорогой Гёста!

Я чувствую себя очень виноватой перед Вами в том, что не писала в последние дни. Но я провела их в таком лихорадочном состоянии, что совсем потеряла голову. Как настоящая эгоистка, начну с беседы о себе самой и о том, что меня больше всего в данный момент интересует. Я не знаю, в каком состоянии мои дела в Париже и, главное, каким образом все это будет устроено в будущем. Опасаюсь, что трудности окажутся большими, чем я предполагала. Я говорила об этом Эрмиту, который беседовал на этот счет с Бертраном. Но мне кажется, что Бертран не считает, что я могу скоро получить место в Париже. Придется побыть в провинции, что меня несколько не прельщает. Но признаюсь Вам откровенно, что мне больше всего хотелось бы получить на предстоящий семестр отпуск, провести весну где мне захочется, и иметь возможность сосредоточиться, собраться с мыслями. Вы не можете себе представить, в каком я нервном состоянии. Если я сейчас возвращаюсь в Стокгольм и буду вынуждена вновь приняться за работу, то уверена, что кончу каким-нибудь тяжким заболеванием. С другой стороны, я не в состоянии в этот момент принять какое-нибудь определенное решение. Вы всегда были мне добрым преданным другом, дорогой Гёста, но уверяю Вас, что, если бы Вы могли устроить мне отпуск на предстоящий семестр, это была бы самая большая услуга из всех, какие Вы мне когда-либо оказывали. В следующем письме пришлю Вам свидетельство врача, удостоверяющее, что в настоящее время я действительно нуждаюсь в отдыхе, что действительно не является преувеличением. Я готова уступить половину своего содержания за эти четыре месяца своему заместителю (Фрагмену?). Я знаю, что этот отпуск представит большие трудности ввиду окончания в июле моего профессорства². Но даже предвидя эту опасность, я не могу решиться вернуться в Стокгольм. Прошу Вас, дорогой и добрый Гёста, не сердитесь на меня за это. Уверяю Вас, что в настоящее время я не способна возобновить работу. Больше не буду сейчас надоедать Вам. В ближайшие дни пришлю удостоверение врача. Очень прошу Вас сразу же мне ответить.

Признаюсь откровенно, что в последнее время я несколько пренебрегала своими общественными обязанностями. Но сегодня Ковалевский уехал на 10 дней в Монте-Карло почитать своего больного друга, и я рассчитываю снова сделаться вполне благоразумной³.

Еще одна просьба, дорогой Гёста. Не сможете ли Вы зайти в Гранд-отель и спросить, что сделали с большим сундуком, который следовало переслать Ковалевскому по адресу: улица Ренн, 78. Ковалевский ошибочно назвал номер. Нужно 78, а не 178, как он сказал. Будьте добры, попросите метрдотеля указать агентство, которому была поручена пересылка, и что должен предпринять Ковалевский, чтобы вернуть свои вещи.

Преданная Вам Софья.

Завтра или послезавтра напишу Вам более интересное и более благоразумное письмо. Очень прошу, помогите мне получить отпуск на предстоящий семестр. Сейчас это единственный выход, который дал бы мне время, чтобы успокоить нервы, и избавил от необходимости принять какое-либо решение в данную минуту. Ничего я сейчас так не желаю, как получить отпуск.

155. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ⁴

Стокгольм, 9.1.1889

Дорогая Соня!

Я только что получил Ваше письмо. Тороплюсь Вам сказать в ответ на него, что, конечно, я достану Вам отпуск. Раз он Вам требуется, то ясно, что это должно быть сделано. Не хочу скрывать от Вас, что это еще новая и довольно значительная трудность, но у меня сейчас столько забот и неприятностей, что добавить еще одну — это все равно, что добавить еще одну единицу к $+\infty$. Но для того, чтобы дело удалось, я прошу Вас выполнить следующее.

1. Свидетельство должно быть от одного из наиболее известных врачей в Париже, лучше всего, например, от Шарко. Здесь его хорошо знают через Норденсона, который в продолжение нескольких лет жил в Париже. Во всяком случае надо, чтобы оно было от одного из самых выдающихся невропатологов. Я не сомневаюсь, что Вы сможете получить такое свидетельство.

2. Узнайте через шведское посольство — письмом к г-ну графу Левенгаупту, послу Швеции и Норвегии в Париже, — имеется ли в настоящее время в Париже какой-нибудь шведский или норвежский врач. Напишите ему, *после того как Вы получите свидетельство от парижского врача*, попросите его посетить Вас и попросите, чтобы и он со своей стороны выдал Вам свидетельство.

3. Никому в Швеции не сообщайте о Вашем намерении взять отпуск, пока я не дам Вам на это разрешение.

Надеюсь, что Вы не сделаете для меня невозможным выхлопотать желаемый Вами отпуск, пренебрегши выполнением этих трех пунктов. Ведь все так легко выполнить.

Пришлите врачебные свидетельства как можно скорее. Пусть они будут возможно [более] серьезными.

Здесь предполагали встретить Вас большими овадиями, но это теперь отпадает. Вы не получили от нас никаких поздравлений, ввиду того что мы хотели отложить их до собрания 13-ти, которое должно было состояться в понедельник. Но тут заболел Ловен, и собрание было отложено. Вчера я был у короля. Он говорил о Вас с большим восхищением.

Напишу больше в другой раз. Но если Вы хотите доставить Вашим друзьям, и особенно мне, некоторую радость, то пишите иногда и сообщайте о Вашей жизни и Ваших делах.

Сонечка вполне здорова.

Ваш Гёста.

На большом листе бумаги напишите крупным и ясным почерком:

«Правлению Стокгольмской Высшей Школы!

Нижеподписавшаяся просит Правление Высшей школы Стокгольма разрешить ей, на основании приложенного врачебного свидетельства, отпуск на время наступающего весеннего семестра. Позволяю себе предложить Правлению назначить моим заместителем на вышеуказанный срок кандидата Э. Фрагмена, который, по моему мнению, вполне обладает всеми требующимися для этого качествами. Я обязуюсь выплатить ему ту сумму, которая будет определена согласно основаниям, ранее установленным Правлением для подобных случаев.

Париж. Январь 1889.

С. К.».

156. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Париж] Суббота, 12 января 89

Дорогой Гёста,

Только что получила Ваше милое письмо. Как я Вам благодарна за Вашу дружбу! Я, право, считаю ее самым ценным, что мне дала жизнь. И как мне стыдно, что я так мало делаю, чтобы доставить Вам удовольствие и показать, как я ценю эту дружбу. Не сердитесь на меня за это, дорогой Гёста. Я, право, сейчас потеряла голову. Со всех сторон я получаю поздравительные письма, и, по странной насмешке судьбы, никогда в своей жизни я не чувствовала себя столь несчастной, как сейчас. Несчастлива, как собака, нет, я думаю, что собаки не могут быть так несчастны, как люди, и особенно женщины. Я пишу Вам это, дорогой Гёста, чтобы Вы знали, в каком я состоянии. Но я прошу Вас, не говорите об этом никому, даже Сигне. Вы знаете, что меня тяготит сознание, что обо мне «судачат». Я, может быть, стану более благоразумной через некоторое время. Приложу для этого все усилия. Я снова пачну работать, интересоваться практическими делами, и тогда я, естественно, буду всецело ориентироваться на Ваши советы и делать все, что Вам будет угодно. В настоящее время все, что я в состоянии сделать, — это хранить свою печаль при себе, чтобы о моих ошибках поменьше знали в обществе и не очень болтали об этом. За последнюю неделю я получила много приглашений — к Бертрану (граф Л[евенгаупт] сказал мне, что он подробно описал этот обед в письме в Стокгольм и что он написал Вам, чтобы Вы ознакомились с этим письмом). Затем к Менабреа, к графу Левенгаупту, где была в обществе принца Евгения, и т. д., и т. д. Но мне слишком грустно сегодня, чтобы подробно описать Вам эти обеды. Сделаю это в другой раз. Возвращаясь домой, я только и делаю, что хожу по комнате. Страдаю бессонницей, нет аппетита, нервная система в ужасном состоянии. Сейчас я даже не в состоянии похлопотать об отпуске. Решусь на это, вероятно, на следующей неделе.

До свидания, мой дорогой Гёста. Сохраните свою дружбу ко мне. Я в этом очень нуждаюсь, уверяю Вас. Поцелуйте за меня Фуфи и поблагодарите Сигне за заботу о ней.

Преданная Вам Соня.

157. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Стокгольм] 15/1—89

Дорогая Соня!

Только что получил Ваше письмо от 12/1². Мне так искренне Вас жаль. Если бы я мог Вам помочь, то не нашлось бы никого более готового на это, чем я. Поверьте мне и не смущайтесь тем, что совершенно невозможно, чтобы два человека, и в особенности если один из них муж-

чина, а другой — женщина, в области чувств были бы в совершенно одинаковом настроении, как бы одинаковы ни были у них основания для этих чувств.

Я не могу сейчас покинуть Стокгольм, а то немедленно поехал бы в Париж. Но, во-первых, сейчас начался процесс Анны-Шарлотты, и я должен быть здесь, чтобы защищать ее интересы³, а во-вторых, — премия, хотя последнее и не так важно. Следует Вам просить отпуск или нет — это мне довольно трудно решить на расстоянии. Но во всяком случае я Вас прошу *сейчас же* заготовить Ваше прошение, достать врачебные свидетельства и все прислать мне. Вложите документы в незаклеенный конверт, адресуя его ректору Высшей школы проф. Леке, и все вместе вложите в больший конверт и пришлите мне.

Обратитесь к доктору Огюсту Вуазену, врачу больницы Сальпетриер, ул. Сегье, 16. Напишите ему, вложите прилагаемую карточку и спросите, когда Вы его можете видеть. Он прекрасный врач по нервным болезням. И он также хороший и благородный человек, который сделает все, что возможно, чтобы привести в порядок Вашу нервную систему, и сделает это просто и деликатно. Я вполне уверен, что не ошибаюсь в моем мнении о нем. Скажите ему, что я написал ему длинное письмо из Италии, но не знаю, получил ли он его.

Я должен иметь здесь Ваши бумаги, чтобы поступать сообразно с обстоятельствами. После можно решить дело по телеграфу.

Сонечка здорова и бодра. Она была с нами в Упсале в воскресенье, и это доставило ей большое удовольствие. Собрание 13-ти *единогласно* постановило вчера выразить в протоколе свою радость по поводу Вашего награждения. Ретциус был так отвратителен, что мне стоило большого труда не дать ему просто-напросто пощечины. Гюльден держится весьма сомнительно, завидует Вам, видимо из-за Парижской премии, и восстанавливает Ретциуса против меня. С горячей симпатией отнеслись к Вам в особенности Гильдебранд, Линдстедт, Тигерстедт, а также Рюдберг.

Телеграммы не послали, так как нашли, что теперь уже поздно.

Монтан⁴ очень доволен и заинтересован Вашим успехом.

Поговорите же с Вуазеном. Я вовсе не стараюсь видеть причину огорчений и печалей в нервной системе, но Вы во всяком случае должны признать, что я прав в том, что все переносится гораздо легче, если удастся держать свои нервы в порядке.

Не обращайтесь внимания на выраженную в моем последнем письме просьбу отвечать на мои вопросы и т. д., но пишите все же иногда, чтобы я всегда знал, как обстоят Ваши дела.

Ваш друг

Гёста.

158. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Париж] Четверг, 17 января 1889 г.

Дорогой Гёста,

Сегодня у меня был очень важный разговор с Бертрапом. Он сказал мне, что самым большим препятствием к тому, чтобы я могла создать себе положение во Франции, является то обстоятельство, что я не француженка. Он не сможет хлопотать обо мне перед министром, пока я не приму французского гражданства. Но с другой стороны, как я могу менять гражданство, не имея определенных обещаний? Вот что мне пришлось в голову и что, кажется, очень понравилось Бертрапу. Нельзя ли найти возможность натурализоваться во Франции, не компрометируя окончательно своего положения в Швеции. Для малой натурализации достаточно шестимесячного пребывания в Париже. Если я возьму сейчас отпуск на предстоящий семестр, мое пребывание здесь продлится до 15 сентября, т. е. необходимый срок. В течение этого времени я буду продолжать свои исследования о вращении тел и приготовлю хорошую работу на эту тему,

Емгланд (конец XIX в.)

которая послужит мне докторской диссертацией, потому что Бертран и Эрмит считают очень важным для моего будущего во Франции не добиваться разрешения на докторат в Германии, а наоборот, блестяще защитить докторскую диссертацию в Париже. Если все это будет сделано, но не будет еще подходящего для меня места, я смогу к сроку вернуться в Швецию, но здешние математики будут себя считать обязанными по отношению ко мне создать мне положение во Франции. Признаюсь, что этот проект мне кажется подходящим. Ясно, что здесь предстоят большие затруднения. Во-первых, материальные трудности парижской жизни. В течение этих месяцев я буду получать только половину оклада. 2) Тоска ожидания. Но признаюсь Вам откровенно, что я не возражаю против нового стимула, толкающего меня к работе. С одной стороны, у меня настоящая *sångtan*^{16*} по Вас и Фуфе. С другой стороны, однообразие стокгольмской жизни, в которую мне придется снова окунуться, меня сейчас прямо страшит ввиду тяжелого состояния моей нервной системы, бороться с этим состоянием я могу, только углубившись в какую-нибудь работу. Я думаю, думаю и не знаю, на что решиться. Я очень расположена следовать всем Вашим советам. Сейчас больше, чем когда-либо, я ощущаю потребность в направляющей руке и поддержке друга. Спасибо, Гёста, за Вашу дружбу. Я думаю, что лучше было бы, пожалуй, начать не с того, чтобы хлопотать об отпуске на весь семестр, а послать Вам справку врача о необходимости продлить мое пребывание здесь еще на 2—3 недели. За это время мои нервы немного успокоятся и мне станет яснее, как поступить. До свидания, мой дорогой Гёста. С большим нетерпением жду Вашего письма. Я успею получить его и послать Вам справку врача. Знаете ли Вы, что Эрмит единогласно избран вице-президентом Академии?²

Преданная и благодарная Вам

Софья Ковалевская.

^{16*} Тоска (*швед.*).

[Париж] 19 января 1889

Добрейший Гёста,

Вчера, получив Вашу телеграмму, я пошла к Вуазену, но смогла его увидеть только сегодня. Он, действительно, находит, что моя нервная система в плохом состоянии, и настаивает, чтобы я подверглась серьезному гидротерапевтическому лечению. Он призвел на меня очень хорошее впечатление. Завтра я снова его навещу.

Сегодня я больше не успею написать. Визит к Вуазену, а затем необходимые формальности для удостоверения его подписи отняли так много времени, что я теперь должна спешить на почту.

В общем я чувствую себя теперь гораздо спокойнее, чем раньше, и стыжусь тех глупых писем, которые я написала Вам на днях. Завтра напишу больше.

Благодарная и преданная

Соня.

[Париж, 24.1.1889]

Дорогой Гёста,

Сегодня отправила Вам телеграмму² после разговора с Эрмитом. Он дважды был у меня, не застав, к сожалению, дома. И я была у него с таким же успехом. Наконец сегодня я его застала. По его виду я поняла, что он хочет мне что-то сказать, но не знает, как это сделать. Наконец, под глубочайшим секретом он сообщил мне, в чем дело. Вы ему как будто написали, что король желает выразить ему и В[ейерштрассу] свою признательность. Эрмит чувствует себя в крайне затруднительном положении и считает, что для нас троих — для меня, для Вас и даже для Вейерштрасса — могут быть неприятности: Бертран будет *чрезвычайно* задет, если Эрмит получит новое отличие от шведского короля, в то время как у него только орден Полярной звезды³. Он пожелает получить такое же отличие, как Эрмит. Это желание было откровенно высказано его старшим сыном, и, видимо, поэтому он так заискивал перед шведским министром. Эрмит думает, что если его наградят новым орденом или чем-нибудь подобным, обойдя при этом Бертрана, тот будет глубоко обижен, и это плохо отразится на всех нас. Эрмит сам опасается столкновения с Бертраном, но для нас это будет еще хуже. Эрмит сообщил мне следующие два проекта, взяв с меня, конечно, клятву, что я никому об этом не скажу. Он хочет получить для Вас орден Почетного легиона⁴ (той же степени, какую имеет Гюльден), что может быть полезно для Ваших будущих планов ввиду того значения, которое во Франции имеют глупость придавать этой красной ленточке, а для Вейерштрасса он хочет получить 50 000 франков, которые Академия должна в этом году присудить самому заслуженному ученому Европы. Сами понимаете, что без поддержки Б[ертрана] осуществление этих двух проектов невозможно. Ради бога, приложите все усилия, чтобы Бертран получил это отличие. Мгновенное вдохновение подсказало мне следующую выдумку, которую, надеюсь, Эрмит повторит Бертрану. Я сказала ему, что если Вы больше не думаете о Б[ертрane], то это моя вина, потому что у меня была мысль, вернувшись в Швецию, использовать свое влияние на короля, чтобы Бертран получил это отличие, и поэтому я просила Вас ничего не предпринимать и предоставить эту честь мне. Но Эрмит все же считает очень важным, чтобы его награда не опередила награждения Б[ертрана]. Лучше подождать того, что [уже] присуждено.

Дорогой Гёста! Напрягите свой ум, приложите сверхчеловеческие усилия, чтобы устроить это дело. Это Эрмит внушил мне мысль телеграфировать Вам. Я Вам сегодня больше ничего не напишу, чтобы письмо быстрее ушло. Я чувствую сильные угрызения совести, что писала Вам такие

глупости в предшествующих письмах. Сейчас я вижу, что это просто вспышка нервного расстройства. Теперь я немного отдохнула, и жизнь снова представляется в более светлых тонах, а голова полна проектов. Если получу отпуск, надеюсь провести его с пользой.

Преданная Вам Софья.

Если нужно, скажите королю от моего имени. Сделайте все, чтобы Бертран получил орден.

Остерегайтесь обмолвиться в Ваших письмах к Эрмиту о моей нескромности относительно двух проектов.

161. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Стокгольм, 27/1—1889

Дорогая Соня!

Вчера я говорил с Кеем относительно Вашего прошения об отпуске. По его мнению, нам не следует представлять свидетельство Вуазена как слишком серьезное, а удовлетвориться свидетельством Якоби. Он держался в общем очень сочувственно. Он считает, что Вам пока следует остаться в Париже и лечиться у Вуазена, а затем поехать в какую-нибудь горную местность. Да, что касается Вуазена, то Вам следует спросить его, сколько он возьмет за Ваше лечение. Вы скажите ему всю правду о Вашем экономическом положении, и на основании этого он и назначит цену. Он говорил мне, что так принято поступать. Сам он чрезвычайно богат.

Я теперь достиг того, что собрал фонд в 50 000 крон². Проценты с них (4%) = 2000 крон и 2000 от городских уполномоченных пойдут на Ваше жалованье, т. е. то жалованье, которое сейчас обязуются выплачивать. Но затем у меня есть надежды, кажущиеся мне основательными, что если Вы действительно останетесь в Стокгольме еще года на два, то Ваше жалованье сможет быть увеличено до тех размеров, которые оно должно иметь. Что касается возобновления Вашего приглашения на службу, то, как Вам известно, Правление не имеет уже этого права, и пришлось бы в таком случае менять для Вас устав. Но это означало бы понапрасну слишком сильно натягивать струну. Лучше уж, чтобы все шло своим порядком. В верном деле не нужно прибегать к ухищрениям. И тогда это будет для Вас новым триумфом. Мы выберем Гельмгольца, сэра Вильяма Томсона и Бельтрами экспертами, и тогда для Ретциуса и компании будет большой радостью увидеть, что не одна только «группка Вейерштрасс—Эрмит—Пуанкаре» ставит Вас высоко.

Что касается ордена для Бертрана, то я постараюсь это дело устроить, будьте только милой и доброй и напишите мне обстоятельное письмо с изложением того, как обстоит дело в этом отношении и что на самом деле произошло. Иначе я ничего не смогу сделать. Еще пройдет некоторое время, пока что-нибудь будет сделано для Эрмита — Вейерштрасса, и что будет сделано — еще пока неизвестно, или, вернее, я этого не знаю. А я не решаюсь настаивать, так как тогда подумают, что я сам хочу получить что-то.

Расскажите мне теперь подробно, какое впечатление произвела премия в Париже, и предпочтительно в таких пикантных выражениях, чтобы я смог цитировать Ваши слова королю, который всегда спрашивает, когда Вы вернетесь домой.

Позднее.

Спасибо за Ваше письмо, сообщаемое об истории с орденом. Конечно, Бертран будет командором. А каким образом — об этом я напишу завтра или послезавтра. Но этого будет не очень-то легко добиться.

Ваш Гёста.

[Стокгольм] 29/1—89

Дорогая Соня!

Прежде всего я должен поборанить Вас за то, что Вы с самого начала не уведомляли меня о событиях в Париже и не отвечали как следует на мои вопросы. Если бы Вы это сделали, то я легко мог бы уладить историю с Берtrandом, но сделать это так сразу в последний момент, по телеграфному² приказанию оказалось прямо невозможным. А затем, разве я не просил Вас выполнить Ваши общественные обязанности по отношению к Левенгаупту и не обращал Ваше внимание на важность этого? А Вы не сделали ему визита [неразборчиво], и поэтому Вас не пригласили на праздник в честь рождения нашего короля, о чем теперь знает половина Стокгольма и прежде всего сам король. Нет, попомните мои слова, Вам никогда ни в Париже, ни в другом месте не удастся играть той общественной роли, которой Вы домогаетесь, и это по двум причинам: 1. Какой бы ловкой Вы ни были спорадически, в Вас совершенно нет настойчивости, необходимой для достижения того, что Вы заранее, быть может, очень хорошо себе наметили. 2. С другой стороны, в Вас нет и того равнодушия к общественным и внешним обстоятельствам, которое, когда оно совершенно искренне, и создает успех, которого ищешь.

Но теперь довольно морали. Если Вы действительно хотите сохранить благоволение Берtrана, то сделайте следующее.

1. Сейчас же пойдите с визитом к Левенгаупту. Скажите ему, что Вы были больны и должны были просить отпуск по болезни, и извинитесь, что поэтому не были у него с визитом раньше.

2. Когда Вы через несколько дней получите в Париже Вашу статью, то дайте один экземпляр ее переплести у Эрмана³ (улица Сорбонны, 8) в добротный, красивый, королевский переплет. Пусть поместят на переплете [вензель]⁴ с королевской короной сверху. Затем напишите производящее впечатление письмо королю (пришлите мне тотчас же черновик его), в котором Вы скажете, что надеялись лично передать письмо его величеству, высокому другу и покровителю математики, который благодаря учреждению премии по математике навсегда связал свое имя с историей точных наук, но что Вы затем заболели вследствие переутомления при этой работе. Поэтому Вы вынуждены были взять отпуск и пробыть в отсутствии довольно долго и позволяете себе поэтому послать ему эту работу теперь. Когда книга и письмо будут готовы (письмо должно быть предварительно одобрено мною), то пойдите снова к Левенгаупту и спросите его, не окажет ли он любезность препроводить их.

Не говорите с ним об орденах.

Смотрите, не запачкайте книгу, как это с Вами бывает, не поцарапайте, не загибайте на ней углов и т. п.!!!

3. Сообщите Эрмиту или Берtrandу (но ни в коем случае не Левенгаупту) то, что найдете нужным рассказать из следующего разговора, который я имел сегодня с одним приближенным министра иностранных дел.

Король не может назначить Берtrана лишь потому, что он член Института Франции. Тогда ему пришлось бы подумать по крайней мере и об [академиках] Берлина. Но немецкое правительство лишь с большим трудом позволяет немецким ученым получать иностранные ордена. У короля должна быть специальная причина. Я проект [Конца письма нет].

[Стокгольм] 31/1—89

Дорогая Соня.

Ваша открытка относительно истории с орденом Берtrана только что пришла. Если бы Вы, о чем я настоятельно просил Вас, несколько раньше удостоили меня письмом и описали бы в нем, о чем я также просил, всю ситуацию относительно Берtrана, то я, без сомнения, сам бы подумал

о том, что надо постараться сделать что-нибудь для него, и тогда это мне, возможно, и удалось бы. Теперь же Вы пишете и телеграфируете как раз в тот момент, когда я Вам нужен, и ограничиваетесь при этом сообщением только о том, что Вам нужно. Но сколь бы практичным и выгодным в смысле затраты времени это Вам ни казалось, это на самом деле оказывается весьма непрактичным, так как я ничего не могу сделать, не зная подробно, как обстоит дело, и не имея достаточно времени для подготовки. Если бы я немного раньше, несколькими днями раньше, узнал о душевном состоянии Бертрана, то, вероятно, можно было бы устроить это дело. Теперь же и телеграмма, и письмо пришли слишком поздно, когда уже невозможно было просить о чем-либо. И что за ребячество думать, что король воспользуется своим юбилеем, чтобы почтить Институт Франции! Ведь Вы же хорошо знаете, во-первых, что король не республиканец, во-вторых, что его политика скорее склоняется на немецкую, чем на французскую сторону, в-третьих, что он чрезвычайно боится всего, что может задеть Германию, и, наконец, что он в отношении орденов для математиков сделал гораздо больше для Франции, чем для Германии: Эрмит, Серре, Пуанкаре, Пикар, Аппель². В Германии же только Вейерштрасс. Это мне сказал сам король года два тому назад, когда я просил об ордене для Дарбу, и безуспешно. И он намекнул также в одном из наших разговоров, что он удивляется, что со стороны Франции не было оказано никакой любезности соответственно той, какую он оказал в смысле орденов. Все это как будто идет вразрез с международным обычаем относительно орденов, и, по-видимому, король чувствовал себя как бы лично оскорбленным этим. Кроме того, сейчас и вообще трудно получать ордена. Я просил через управляющего делами государства...

(Нет части письма.)

...оказанную Вам любезность. Он ответил: «Какую любезность оказали тебе французы за все ордена, которые ты послал во Францию? Есть ли у тебя орден Почетного легиона?» Я возражал, что если я его не имею, то это зависело от того, что по различным соображениям сам отклонил получение его. Он ответил: «Посмотрим, какую любезность окажут тебе французы теперь, ввиду тех почестей, которые выпали на долю Франции благодаря премии. Лишь в том случае, если они здесь исполнят свой долг, может идти речь о том, чтобы сделать что-нибудь для Бертрана». Передаю, что слышал [неразборчиво], и думаю, что дело обстоит именно таким образом. Между прочим, я не приму более низкой степени, чем у Гюльдена и Дунера. Офицер³. Все это могло бы иметь некоторую выгоду в отношении тех планов, которые я возлагаю на Францию.

Вообще же мне это дело безразлично. По отношению к Эрмиту и Вейерштрассу король должен в какой-нибудь форме, которая еще обсуждается, выразить свою благодарность. Мне обещали, что я узнаю это во вторник. Что касается меня, то меня хотели сделать командором Полярной звезды. Я просил передать мою определенную просьбу, чтобы на этот раз обо мне вообще не вспоминали, и мотивировал это тем, что тогда все завистники, которых много, скажут, что я лишь из-за этого вообще хлопотал о премии. Мне обещали передать эту просьбу через соответствующих лиц. Истинной же причиной было то, что я хочу попытаться сделать что-нибудь для Бертрана, когда король вернется из Норвегии. И, кроме того, я хочу быть в состоянии сказать Эрмиту, что я сделал все, что мог, чтобы добиться чего-нибудь для Бертрана. Но у меня должны быть достаточные основания. Одним из этих оснований будет любезность, оказанная Вам со стороны Института Франции⁴. Другое можно найти в том, что Бертран, согласно своему обещанию Гюльдену, пришлет недостающие в Академии работы, список их я через несколько дней пошлю Вам или Эрмиту. И тогда, после возвращения короля из Норвегии, я попытаюсь добиться успеха. Но если я его не добьюсь, то у нас всегда в запасе, что Вы...

(Нет части письма.)

...«Ты же можешь получить что-то за математику, если только не сделают для тебя что-либо совсем особое. Недостаточно, чтобы тебя сделали офицером (2-я степень снизу). Это только едва лишь соответствует твоему положению, и это то же самое, что сделали, например, для Дунера. Должны сделать нечто большее, сделать тебя командором (3-я степень снизу). То же, что есть у самого Э[рмита]. Если это сделают, то король сочтет это за знак внимания к нему самому, и тогда ты можешь надеяться на то, что ты хотел просить для Бертрана».

Вы понимаете, конечно, что Левенгаупт ни в коем случае не должен знать об этой беседе. Иначе он расскажет ее в своих письмах домой, а эти письма распечатывает 1-й секретарь, и тогда я буду навсегда скомпрометирован перед королем из-за своей нескромности. Очевидно, рассчитывают на то, что я ничего не могу или не хочу рассказывать и хотел бы, чтобы все произошло внезапно.

Вообще Вы можете использовать это конфиденциальное сообщение, как Вам угодно, лишь бы оно не дошло до Швеции.

Но во всяком случае книги должны быть доставлены, и Вы должны послать свою работу королю^{17*}. Если Вы будете поступать умно, последовательно и обдуманно, то дело, по всей вероятности, нам удастся. Не моя вина, что на этот раз требуется столько хлопот. Я сегодня повторил свою просьбу, чтобы меня в этот раз не делали командором Полярной звезды. Мне обещали, что этого не будет.

Не удивляйтесь поэтому слишком королю. Вполне естественно, что он со своей точки зрения расценивает то внимание, которое привлекла его премия, судя по той любезности, которую оказывают мне. И это так обычно, что орденами обмениваются при всех случаях, что он задет тем, что раньше ничего не делали, и поэтому хочет, чтобы теперь было бы сделано нечто большее, чем только то, что полагается. Сам же я никогда раньше не думал обо всем этом.

Если я телеграфирую, то Эрмит пойдет к Левенгаупту.

Ваш Гёста.

Ради бога, пусть Эрмит не рассказывает, что это сообщение исходит непосредственно от меня. Можно ведь подумать и на Вас, а это ничего не значит. Лев[енгаупт] не должен ничего знать.

164. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

позднее [Стокгольм] 31/1—89

Дорогая Соня!

Прилагаю здесь список тех трудов Французского Института, которых нет в здешней Академии.

Недостающие работы должны быть переданы Ш. Рейнвальду², ул. Св. Отцов, 15.

Это одно, что должен сделать Бертран, и возможно *скорее*, так, чтобы они скоро были у нас.

Я побывал у первого секретаря департамента иностранных дел. Он еще не смог поговорить с королем, но он сопровождает его в Норвегию, дорогой поговорит с ним и из Христиании сообщит мне о результате. Вероятно, Эрмит станет командором ордена Св. Олафа³. Если он этого не хочет, то должен поступить так, как я предлагаю в моем первом сегодняшнем письме. Но он должен остерегаться обидеть короля. Он должен сказать, что это Вейерштрасс написал отчет о статье П[уанкаре]⁴ и что это моя заслуга, что премия вообще состоялась, так как я предложил это королю, что на меня легли главные хлопоты и что я благодаря «Acta mathematica» был весьма полезен королю.

И если Вы действительно мой друг, то предупредите Эрмита, чтобы он не говорил о том, что получал от меня какие-нибудь сообщения или что я говорил с ним о возможных орденах. Это бы навсегда и бесповорот-

^{17*} Пришлите мне черновик письма. (Сноска Mittag-Леффлера.)

ло меня скомпрометировало. Он не должен также ни под каким видом рассказывать, что я сообщал что-либо о том, что соответственные лица здесь обижены на то, что на любезности в отношении орденов, оказанные французским математикам, никогда не получали ответных действий. Если он сам заговорит об этом, то пусть это будет так, как будто бы он сам понял, как это неудобно, но что сам он в этом неповинен, так как он легитимист. Это Левенгаупт поймет, и тогда он сообщит домой весь разговор, что может оказаться полезным и в дальнейшем может помочь нам. Он, конечно, должен говорить очень хорошо о короле и сказать, как это замечательно, когда монарх интересуется покровительством наукам и искусствам, и особенно математике^{18*}.

Если Вы затем исполните то, что я Вам предложил, то я думаю, что удастся достать для Бертрана орден Полярной звезды, когда я после возвращения короля из Норвегии смогу спокойно переговорить с ним.

Лучше всего было бы Вам в одном из своих конфиденциальных разговоров с Эрмитом путем вольного перевода моего письма сообщить ему весь план действий.

Но пусть Э[рмит] не обижается на меня, я совершенно не виноват. Я не мог сделать ничего другого, как только отклонить, чтобы меня самого сделали командором, для того чтобы легче было выхлопотать что-нибудь для Бертрана. Возможно, что это вообще было умно, потому что если король сделает что-нибудь для меня, то это сейчас же возбудит зависть и будут говорить, что вообще премия была затеяна для того, чтобы я стал командором. Но это и так говорят, а эта ерунда с орденом могла бы все-таки иметь реальный интерес, так как подняла бы мой престиж за границей, в чем я действительно пуждаюсь. Надеюсь, Вы не подозреваете меня в том, что я так глуп, чтобы придавать какое-либо значение замене несколько меньшей пустяковины несколько большей. Во всяком случае я теперь отказался от замены и надеюсь, что Эрмит увидит в этом доказательство моей доброй воли. Но если он проговорится Левенгаупту о том, что я Вам здесь рассказал, а именно что я просил не назначать меня командором, то он меня сильно *скомпрометирует*.

Левенгаупт пишет домой все, что ему сообщают.

А теперь я так устал от всей этой несносной возни с орденами, что начинаю думать, что было бы лучше, если бы король никогда не имел дела с математикой.

Гюльден страшно обижен премиями, Норденшёльд тоже, и мне дают это всячески понять. А Аппель что-то не отвечает. Дайте мне знать, как он к этому относится. Если Вы не будете держать меня в курсе дел в Париже, то я совершенно ничего не смогу сделать. И будьте уверены, что в величайшей степени в Ваших собственных интересах, чтобы я ясно представлял себе положение вещей.

Я надеюсь, что выиграл сражение за Анну-Шарлотту здесь, в Швеции⁵, но это было нелегко с таким противником, как Аннерстедт. Он в бешенстве от перспективы потерпеть поражение и имеет такой вид, точно его окунули в холодную воду, а затем снова выудили. Выиграть бы мне сражение также и в Неаполе, но это, вероятно, не удастся⁶, пока я сам не смогу приехать туда. Я не отправлю письма, пока не узнаю, что предназначено Эрмиту. Если я не узнаю этого сегодня, то телеграфирую и шлюсь тогда на мое сегодняшнее письмо от 31.1.

Фуфа здорова. Пока я еще не знаю, что она собственно думает об отсутствии своей мамы. Не сдать ли нам Ваши комнаты, если это удастся?

Подпишите прилагаемую доверенность⁷ после того, как Вы проставите дату. Подпишите также свидетельство для фрёкен Сёдерстрём и поскорей пошлите мне то и другое.

Ваш Гёста.

Постарайтесь, чтобы Вуазен скорее привел Ваши нервы в порядок.

^{18*} Ему следует также употреблять сильные выражения, говоря о том, какое впечатление премия произвела на весь образованный мир. (Сноска Г. Миттаг-Леффлера.)

Дорогая Соня!

Я лежу уже несколько дней в постели с какой-то лихорадкой, которая вряд ли опасна и во всяком случае не заразна. Говорю последнее, имея в виду Сонечку. Я каждый день спрашивал Висинга, не надо ли отослать ее из дома.

Я только что получил письмо из Христиании относительно истории с орденами. Мои усилия увенчались успехом в той мере, что Вейерштрасс и Эрмит не получают орденов, но каждый из них получит портрет короля большого формата и в соответствующей рамке. В официальной шкале это расценивается выше любого ордена. Его обычно дают министрам и послам, имеющим уже настолько высокие ордена, что им нельзя дать больше.

С другой стороны, Бертран не может обидеться на то, что король пошлет свою фотографию лицу, оказавшему ему личную услугу. Теперь Эрмит ни при каких обстоятельствах не сможет отклонить это отличие. Это было бы личным оскорблением королю, который подумал бы, что я проболтался и что он не хочет иметь его портрет. Хоть бы Эрмит теперь действительно был доволен.

Что касается Бертрана, то он, вероятно, будет командором, как только король вернется, а я встану с постели, — если, конечно, Вы исполните все, о чем я Вас просил, и будете письменно держать меня в курсе всех событий. Моя просьба, чтобы меня не делали командором и вообще не упоминали обо мне, также удовлетворена. Я надеюсь, что Эрмит действительно осознает, что я сделал все, что было в моих силах. Странно, однако, что Аппель не написал мне. Как объяснить это?

Брок умер². Я слышал от Талена в Упсале, что комиссия единодушна в своем желании, чтобы молодой француз, из окружения Брока, сделался его преемником. Но вполне может статься, что дипломаты не разрешат.

(Нет части письма.)

для француз. В таком случае не будет кандидата, и тогда я мог бы выступить. Но я не знаю, захочу ли я на этих условиях. Во всяком случае тогда уже от дипломатов, а не от меня должно будет зависеть, что француз потерпит поражение, иначе мое положение станет невозможным.

(Нет части письма.)

Письмо от дядюшки Вейерштрасса, в котором он пишет, что он убеждал Вас как можно скорее вернуться сюда. Дядюшка Миттаг-Леффлер надеется, однако, устроить все таким образом, что в этом не будет необходимости. Будьте пока спокойны, а там видно будет. Отпуск Вы теперь получили на всю весну. Иначе нельзя было устроить. Ретциус написал в газетах, что Вы страдаете неврозом и бессонницей. Злобный выпад, довольно-таки безвредный. Я заболел, вероятно, от всех тревожений и хлопот за это рождество, но надеюсь скоро снова быть на ногах.

Пишите Вашему

Гёсте.

Фуфа чувствует себя хорошо.

166. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹

[Ницца, начало февраля 1889]

Дорогой Гёста!

Представьте, я сейчас в Ницце. Я так быстро решилась на эту поездку, что у меня не было возможности предупредить Вас об этом раньше. Нескольким парижским друзьям я написала прощальные письма уже отсюда.

В Ницце сейчас прекрасно. Здесь настоящее лето. После плохой погоды, какая была в Париже в последние дни, трудно вообразить столь

чудесную перемену. Можете себе представить, как это действует на меня, которая никогда не была на юге.

Я нашла здесь небольшую русскую колонию, очень приятную. С некоторыми из этих людей я раньше была знакома в Петербурге. Таким образом, я надеюсь провести время очень хорошо. Я, впрочем, не знаю, долго ли здесь останусь. Это зависит от того, смогу ли привыкнуть за работу. Если смогу заставить себя работать, останусь на более продолжительное время, а если нет, то вернусь через две недели в Париж. Сейчас мне надо сделать несколько небольших заметок литературного характера, которые хочется запечатлеть на бумаге, прежде чем приняться по-настоящему за литературную работу.

Не приходится говорить Вам, с каким нетерпением жду от Вас письма и известий от Фуфи.

Прошу передать привет Сигне и мадам Гюльден.

Преданная Вам

София.

Мой адрес: Ницца, отель Лувр, мадам Софье Ковалевской.

167. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Стокгольм] 7/2—89

Дорогая София!

Ваше письмо из Ниццы² только что пришло. Надеюсь, что Вы распорядились относительно получения Ваших писем. Я писал Вам каждый день и хотел бы, чтобы Вы получили все письма. Сейчас Вы, видимо, не собираетесь потрудиться над подробным письмом к Эрмиту, чтобы посвятить его во все подробности истории с орденом Б[ертрану]. И тогда ничего не выйдет, а это было бы очень досадно. Во-первых, потому что неприятно, когда не удастся дело, на которое уже потратил столько времени и труда, и, во-вторых, потому что было бы важно по-прежнему быть в хороших отношениях с Бертраном. Но поступайте, как хотите.

Список недостающих экземпляров в библиотеке Академии я послал Вам. Эрмит думает, что достаточно, чтобы Б[ертран] восполнил недостающие экземпляры (я раньше писал ему об этом). Он не подозревает о действительных трудностях.

Что касается Вашей работы для короля³, то я могу, если Вы не вернетесь в Париж, дать переплести ее в Стокгольме, хотя, конечно, было бы лучше, если бы она пришла из Парижа. Затем я думаю, что лучше мне самому передать ее вместе с письмом от Вас, чем сделать это через иностранный отдел. В таком случае упадет риск возможной болтовни. Но во всяком случае письмо необходимо. В противном случае никогда больше не рассчитывайте на короля.

Как дальше пойдет моя болезнь — трудно сказать. Для верности я попытаюсь сегодня и завтра сделать несколько распоряжений, на тот случай, если дело пойдет плохо.

Сегодня не имею больше сил писать, я слишком устал.

Ваш Гёста.

168. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Стокгольм] 9/2 1889

Дорогая София!

Игрушечная плита для Сонечки пришла вчера, и она очень довольна. Сегодня вечером она у Леке и играет главную роль в разыгрываемой там пьесе.

Лихорадка теперь у меня прекратилась, и если ничего нового не

Вилла Батава в Больё

приключится, то всякая опасность миновала. Что, собственно, у меня было — неизвестно. Я очень хотел бы знать, написали ли Вы Эрмиту и что именно.

Привет.

Ваш Гёста.

Живите себе спокойно на Ривьере и выздоравливайте поскорее!

169. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Больё около Ниццы, вилла Батава,
Приморские Альпы [февраль 1889]

Дорогой Гёста!

Я только что получила три Ваших последних письма. Сознаюсь, что все Ваши упрёки вполне заслуженны. Единственное извинение, которое могу привести, это то, что я действительно потеряла голову в последнее время своего пребывания в Париже. Боюсь, что Вы будете меня бранить за то, что я уехала из Парижа, ничего так и не устроив. Завтра напишу Эрмиту и сообщу ему все, о чем Вы мне говорите в письме². Напишу Левенгаупту, когда у меня будет экземпляр своей работы, чтобы послать ему.

Вы правы: я никуда не гожусь. Я ничего не умею устраивать, поддерживать деловые отношения с людьми, я невыносима, и мне нельзя довериться. Но уверяю Вас, что в данный момент я ненормальна, я переоценила свои нервы. И они отомстили мне.

Самое важное по отношению к Б[ертрану] — это дело с 50 000 для В[ейерштрасса]³. Все остальное уладится.

Прошу простить меня за все беспокойство, которое причинила Вам.

Скажите Фуфи, чтобы она мне писала. Очень плохо с ее стороны, что она этого не делает.

Преданная Вам

София.

Вы мне окажете большую услугу, если будете так добры зайти в мою библиотеку и поискать там портфель с надписью «Софья Ковалевская», возьмите по одному экземпляру всех находящихся в нем моих докладов и пошлите их г. Резаль, ул. Св. Андре-Дезар, 58.

Если Вы случайно найдете также мой экземпляр «Курса вариационного исчисления» В[ейерштрасса]⁴, Вы меня очень обяжете, если перешлете его заказным г. Перотту, Гро Флори Тумиак, община д'Арзон, Морбиан, Бретань. Я обещала дать ему, если смогу, этот курс на несколько месяцев. Я была бы рада, если бы можно было сдать мою квартиру, заперев, конечно, мой кабинет на ключ.

Ваша Соня.

170. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

[Стокгольм] 20/2—89

Дорогая Соня!

Наконец-то я получил Вашу телеграмму², после того как послал Вам две телеграммы с оплаченным ответом³. Никогда еще не приходилось иметь дело с таким упорным корреспондентом. Даже Вейерштрасс всегда отвечает на первую же телеграмму „с оплаченным ответом“. Я непременно должен был иметь от Вас ответ, так как Эрмит пишет мне самые запутанные письма относительно орденов, и мне необходимо было знать, влияли на него сообщения от Вас или нет. Теперь я знаю, как обстоит дело, и надеюсь, что все пойдет хорошо. Сделайте мне теперь большое одолжение и исполните следующее⁴.

1. Напишите мне *сейчас же* письмо, в котором Вы скажете, что «в ответ на Ваш вопрос, желаю ли я искать профессуры по высшему математическому анализу, мне остается только заявить, что ввиду того, что Правление уже не имеет права приглашения на службу, я ничего не имею против того, чтобы мое возобновленное и окончательное назначение совершилось в такой форме. Прошу Вас, однако, в возможно более сильных выражениях передать Комитету семи⁵ мою просьбу, чтобы эксперты были *действительно* экспертами, взявшими на себя труд прочесть мои работы».

Не бойтесь написать это. Вы ничем не связываете себя, кроме необходимости через 14 дней подать Ваше заявление. За Вами сохраняется полная свобода принять, когда Вам будет угодно, предложение другого места, если оно действительно будет Вам предложено.

Кей и Хаммаршельд (бывший министр просвещения, теперь вице-председатель. Он очень горячо выступал в пользу Вашего закрепления за Академией, когда об этом шла речь) хотят Вам добра и горячо стоят, в Ваших интересах, за то, чтобы место было объявлено вакантным, и за то, чтобы не чинили затруднений для изменения устава специально ради Вас⁶. Сомнительно, чтобы это удалось, и это во всяком случае только скомпрометировало бы Вас и меня. А я, как уже было сказано, превращу соискание места в новый, большой триумф для Вас. Экспертами мы пригласим Гельмгольца, сэра Вильяма Томсона и Бриоски или Бельтрами⁷.

2. Пришлите мне черновик Вашего письма к королю на французском языке. Вы скажете в нем, что, так как Вы вследствие болезни, происшедшей от переутомления работой, зимой не вернетесь домой, то разрешаете себе послать свою работу высокому покровителю мат[ематических] наук, так много сделавшему для прославления своей страны.

Затем Вы скажете что-нибудь о том, что Вы сами видели, какое глубокое впечатление произвела работа П[уанкаре], получившая премию короля, на научный мир, и что Вы радуетесь тому, что премия короля, таким образом, связывается с работой, являющейся одной из величайших работ, созданных в науке, и т. п. Затем я передам Ваше письмо и Вашу работу.

Все сердечно Вам кланяются.

Ваш Гёста.

[Стокгольм], 23/2—89

Дорогая Соня!

Здесь имеется для Вас ряд пакетов на почте, которые я не могу получить без Вашей доверенности². Напишите поэтому там, где я карандашом поставил цифру 1, дату, а там, где я поставил 2,— Ваше имя. Затем пусть два лица — все равно кто — подпишутся там, где стоят цифры 3 и 4.

Георг Брандес скоро придет и прочтет три доклада. Надеюсь, что это будет маленьким развлечением в здешней однообразной жизни.

Г-жа Гюльден собирается Вам писать. Вы, конечно, ей ответите, ведь она так мила по отношению к Сонечке. Но если она спросит о Ваших планах насчет Франции, то ответьте ей, что у Вас нет никаких видов на это, или что-нибудь в этом роде. Если же она не спросит, то ничего об этом и не говорите. Вообще не давайте *никому* здесь возможности подозревать, что Вы думаете покинуть Швецию. Это значило бы преждевременно и без всякой пользы сжечь свои корабли. Эрмит и Бертран говорят со мной откровеннее, чем с Вами. Они считают, что Ваши шансы на получение должности в Париже минимальны. Во всяком случае они станут повышаться по мере улучшения Вашего положения здесь. Я думаю, что неплохо было бы попросить отзывы у Гельмгольца, сэра Вильяма Томсона и Бриоски³. Отзыв от них, вместе с таковым от французов и от Вейерштрасса, значительно повысит Ваши шансы везде, где они вообще могут у Вас быть.

Вообще же, если Вы исполните то небольшое, о чем я Вас прошу в этом деле, и предоставите мне свободу действий, я надеюсь, что через некоторое, не слишком отдаленное, время я смогу все устроить так, что Вы будете довольны настолько, насколько Вы вообще можете быть довольной.

Какие у Вас планы на лето?

В среду состоится развод Анны-Шарлотты⁴, и затем, как только будут готовы все бумаги, она сможет снова выйти замуж.

Здесь ужаснейшая погода — холодно, ветрено и пасмурно. Как мне хочется на юг — к солнцу, теплу и красоте!

Кланяйтесь Макс. Ковалевскому и поблагодарите его за телеграмму⁵, но скажите ему, что я обижен на него за то, что он не прислал мне своей фотографии. Я не знал, что он там находится, и моя телеграмма касалась Вас, а не его. Моя фотография еще не сделана. Я все еще жду ясного дня и своего выздоровления.

Ваш Гёста.

[Стокгольм] 24/2—89

Дорогая Соня!

Вы не можете себе представить, как я был поражен, найдя среди своих бумаг приложенное здесь письмо², которое считал давно отправленным. Я посылаю его без всяких изменений, чтобы не тратить лишнего времени, и повторяю свою просьбу, чтобы Вы выполнили пункты 1 и 2, о которых я Вас прошу.

Георг Брандес будет здесь завтра обедать. Я, правда, очень зол на него³, но с ним приходится быть любезным ради Анны-Шарлотты⁴, и кроме того, он очень умный, интересный и приятный человек, а здесь так чертовски скучно с тех пор, как нет ни Вас, ни Анны-Шарлотты. Я пригласил Эллен Кей и Каллу Курман⁵ — надо сказать, слабое утешение взамен Сони Ковалевской и Анны-Шарлотты Эдгрен-Леффлер, — но ничего не поделаешь. А из мужчин приглашены Гедин и Норденсван. Надо найти еще одного.

Брандес спросил меня с инквизиторским взглядом, почему Макс. Ковалевский не навестил его в Копенгагене при своем вторичном приезде. Он все знает и, разумеется, понимает, почему.

Привет.

Ваш Гёста.

Париж, 7 марта 1889

Любезный г. профессор,

Отвечая на Ваш вопрос о том, буду ли я искать профессиу по высшему математическому анализу, я могу только объяснить, что ввиду того, что Правление не имеет больше права назначения, я не имею ничего против того, чтобы мое возобновление и окончательное утверждение совершилось в такой форме².

У меня одна настоятельная просьба к администрации, чтобы уполномоченные эксперты были *действительно* знающими дело, которые дали бы себе труд прочесть мои работы.

С величайшим уважением

Софья Ковалевская.

[Париж] 7 марта 1889

Дорогой Гёста!

Вы, вероятно, будете очень удивлены, получив от меня снова письмо из Парижа². Этим также объясняется, почему я Вам снова некоторое время не писала. Причина моего возвращения в Париж довольно скучна: было решено, что мы проведем всю зиму в Больё; жизнь там была очень приятна и все шло очень хорошо. Макс[им] Ковалевский настолько увлекся Ривьерой, что купил виллу (вилла Батава принадлежит ему), как вдруг прибыло письмо из России, в котором сообщалось о необходимости его немедленного возвращения в имение, по крайней мере на 2—3 месяца. Он сначала думал избавиться от этой обузы. Прошла неделя, во время которой мы отправляли и получали телеграммы, не в состоянии решить, как мы поступим. Я не хотела Вам писать, пока что-нибудь не определится. Наконец оказалось, что Макс[им] Ков[алевский] обязательно должен уехать, а я не захотела оставаться в Больё, чтобы не портить воспоминаний о Ривьере. Так тоскливо оставаться там, где раньше чувствовала себя хорошо, оставаться в худших условиях. Мое здоровье, впрочем, настолько поправилось, что я могу вновь серьезно приняться за работу.

Приехала в Париж вчера утром. Никого из профессоров еще не видела, но сегодня рассчитываю пойти к Эрмиту и Бертрану. Завтра напишу Вам свои впечатления об этих визитах, не хочу откладывать отправление сегодняшнего письма. Посылаю Вам также указанное Вами письмо³, касающееся моего назначения в Стокгольм. Не приходится говорить, что в этом деле, как и во всем, что касается моей научной карьеры, я слепо полагаюсь на Вас. Если я опоздала с ответом, то только потому, что голова была занята другим. Но сейчас я стала вполне благоразумной и надеюсь, что впредь Вам не придется на меня жаловаться. Напишите несколько слов о Брандесе. Как Вы его нашли? Что он говорит об Анне-Шарлотте? Что касается моих планов на лето, то они, конечно, еще не определились. Вероятнее всего, решу провести лето в окрестностях Парижа. Во всяком случае попрошу Вас привезти мне Фуфи, когда Вы поедете за границу. Надеюсь, что проездом Вы будете в Париже, я выведу Вас встретить и возьму ее.

Я не знаю, как благодарить Вас и Сигне за заботы, которыми вы окружаете Фуфи. Я больше ничего не пишу Вам сегодня, потому что намерена еще написать Вам завтра, после моего визита к Эрмиту и Бертрану. Теперь у Вас уже нет оснований жаловаться на редкость моих писем.

Ваша горячо преданная

София.

Когда Вы встретите Монтелиуса, доставьте мне удовольствие, спросив у него, что он сделал со статьей, которую Макс[им] Ков[алевский] ему передал (доклад, который он читал собранию 13-ти). Монтелиус попросил

ее у Макс[има] с намерением опубликовать в шведском журнале. Если публикация не сможет осуществиться, Макс[им] хотел бы вновь увидеть эту статью.

175. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Стокгольм, 11/3—1889

Дорогая Соня!

Спасибо за Ваше письмо из Парижа. Пришлите мне теперь:

1. Черновик Вашего письма королю. Мне его необходимо скорее получить, так как мой визит к королю нельзя больше откладывать и так как оно является необходимым условием для награждения Б[ертрана] орденом.

2. Ваше прошение, аккуратно написанное на большом листе хорошей бумаги, следующего содержания:

Правлению Стокгольмской Высшей Школы!

Нижеподписавшаяся настоящим заявляет Правлению Высшей Школы в Стокгольме о своем выступлении в качестве соискательницы объявленной вакантной кафедры *высшего математического анализа*. Ввиду моей пятилетней преподавательской деятельности в Высшей Школе я прошу освободить меня от чтения пробной лекции. Что касается моей компетентности, то я ссылаюсь, во-первых, на мои печатные работы и, во-вторых, на указанную преподавательскую деятельность.

Ницца, Март 1889 г.

С. К., урожден. Корв[ин]-Крук[овская].

Меня объявили кавалером (низшая степень) Почетного легиона². Это для меня большая неприятность. Во-первых, потому, что я боюсь, что король будет недоволен. Об этом Вы не должны ничего говорить Левенгаупту. Мне это сказали под таким большим секретом, что я буду сильно скомпрометирован, если это выйдет наружу.

Во-вторых, потому, что как Гюльден, так и Дунер, недавно назначенный астрономом в Упсале, получили ордена офицеров второй степени снизу и теперь истолковывают мое назначение в кавалеры как доказательство того, насколько во Франции меня ставят ниже их. Это вдвойне неприятно сейчас, когда я вступил с ними в тяжелую борьбу из-за премии П[уанкаре]³, которую они объявили *humbug*'ом^{19*}. И мне, право, кажется немножко обидным, что во Франции хотят меня дискредитировать. Если бы совсем ничего не сделали, то я лично не имел бы ничего против. Но официальное объявление, что меня ставят ниже Гюльдена и Дунера, значительно ухудшает мое положение здесь, и я считаю, что этого я не заслужил.

Я написал поэтому Левенгаупту и просил его аннулировать назначение, если это можно сделать, не возбуждая толков.

Теперь окажите мне услугу, немедленно нанеся визит Л[евенгаупту]. Сами не говорите ничего об этом деле, но если он заговорит, то поступайте соответственно обстоятельствам и заступитесь за меня, если это потребуется.

Что Вы скажете Эрмиту — это я предоставляю Вам решить самой. Я написал ему, что дорожу этим делом лишь постольку, поскольку оно интересовало его. И больше ничего. Что касается моего назначения командором Полярной звезды, — *не говорите и об этом ни одного слова Левенгаупту!* — то я действительно отклонил его, и уже окончательно решено, что этого не будет. Это Вы можете сказать Эрмиту.

Брандес очень просил меня довести до сведения Макс[има] Ковалевского, что он совершенно неповинен в газетной статье. Она написана Лундсгордом, другом г-жи Бснедиктсон, которого Ковалевский встретил у Брандеса, когда собирался уходить.

^{19*} Вздор (англ.).

Относительно лета мы поговорим потом. Я не знаю, будут ли у нас средства на поездку в Париж, как бы мне этого ни хотелось. Вам надо хорошенько подумать о том, брать ли Вам в самом деле Сонечку и не лучше ли было бы оставить ее у нас на лето. Мы подумываем о том, чтобы нам всем устроиться вблизи городка Хью в прекрасной местности и с возможностью для многих прекрасных прогулок на берегу озера Веттерн. Климат там представляет смесь лесного и горного. Но об этом мы еще поговорим в дальнейшем.

Не работайте слишком много и снова посоветуйтесь с Вуазеном относительно Вашего здоровья.

Все Вам кланяются!

Ваш Гёста.

176. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Париж] Бульвар С. Мишель, 32
14 марта 1889

Дорогой Гёста!

Только приехав в Париж, я узнала, что Вы получили низшую степень ордена Почетного легиона². Эрмит уверял меня, что Вы получите ту же степень, что Гюльден. Он сам очень огорчен этим. Он вчера был у меня и говорил об этом в течение часа. Ему кажется, что в этом виноват Бертран, который несколько схож характером с Кронекером: очень ревнив, если предпринимается что-либо, где не он играет первую роль. Вот почему он ни разу не проявил горячего интереса к делу о премии Оскара. Это у Дарбу и Эрмита явилась мысль просить правительство наградить Вас так же, как Пуанкаре и Аппеля. Но этикет Института требует, чтобы просьбу министру представил Бертран³. Бертран охотно согласился на это, но они договорились еще раз встретиться, чтобы составить представление министру. Каково же было удивление Эрмита, когда два дня спустя он узнал, что Бертран уже сам написал министру и, как видите, написал очень плохо. Эрмит очень сердится на Бертрана за то, что тот, написав министру, ничего не сказал ни о важнейшей аналитической теореме⁴, с которой навсегда связано Ваше имя, ни об «Acta mathematica». Он просто испросил [орден] Почетного легиона для Вас, *как для инициатора премии Оскара*.

Когда Эрмит сделал некоторые замечания Бертрану относительно низшей степени, которую Вы получили, тот ему ответил, что для Аппеля и Пуанкаре могла пройти только эта степень, а так как вы проходили все вместе, он не мог просить для Вас чего-нибудь другого. Я думаю, что это просто уловка со стороны Б[ертрана]. Он не знает, что Вы в настоящее время кое-что предпринимаете, чтобы получить для него орден Полярной звезды.

В то же время Эрмит мне рассказал, конечно, под большим секретом, что мадам Эрмит устроила ему сцену по поводу этих наград. Она соглашалась, что на худой конец Пуанкаре мог быть награжден раньше Пикара, но что одновременно награжден и Аппель — это она считает для Пикара слишком унижительным.

Я еще не видела Бертрана после моего возвращения в Париж. Была у него, но не застала дома. Он ко мне не приходил. Сейчас они все в суматохе по поводу возвращения принца д'Омаль. Вернувшись в Париж, принц первый визит нанес Бертрану. Можете представить себе, как этим гордится наш друг.

Завтра пойду к Левенгаупту. Я очень озабочена письмом, которое должна написать королю. Не знаю, что я ему должна сказать. Во всяком случае попробую. Вы посмотрите, может ли это в таком виде пойти. У меня к Вам еще большая просьба. У меня случилась большая неприятность: во время моего путешествия из Ниццы в Париж я потеряла циркулярное письмо⁵, которое по моей просьбе мне выдали в Лионском кредитном банке на все вложенные мной деньги. Это несчастье не так велико, как

могло бы казаться, потому что я, к счастью, сохранила персональную справку, которую мне выдали для удостоверения личности. В банке Лионского кредита в Париже, куда я, обнаружив пропажу, сейчас же обратилась, меня уверили, что никто, кроме меня, не сможет получить эти деньги. Но несчастье в том, что я сама смогу получить их только спустя месяц после того, как истечет срок, на который выдано это письмо, т. е. не раньше 10-го июля. Я в большом затруднении, что сейчас делать. Считая, что я расходую около 500 франков в месяц, мне нужно на март, апрель, май и июнь 2000 франков. Нет ли возможности занять их в Стокгольмском банке до 15-го июля? На худой конец я могла бы одолжить их у кого-нибудь из друзей здесь или в России. Но это так тягостно — занимать у знакомых. Вы оказали бы мне огромную услугу, если бы устроили это дело с каким-нибудь банком. Прошу Вас ответить мне на этот счет немедленно. В данный момент у меня 150 франков, которые составляют все мое состояние. Я хранила это циркулярное письмо в маленькой сумочке, которую, видимо, украли в пути. К счастью, кроме этого циркулярного письма и нескольких личных писем, русских, не очень меня компрометирующих, в сумочке ничего не было.

На сегодня до свидания. Поцелуйте от меня Соню, Сигне и Вашу ма-тушку. Привет Фрицу. Я сильно скучаю по всем вам.

Преданная Вам

Соня.

Прошу Вас адресовать Ваши письма: Бульвар С.-Мишель, 32, меблированные комнаты.

177. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж, 18.3.1889

Ковалевская благодарит Миттаг-Леффлера за столь быстрое исполнение ее просьбы². Собирается написать дочери Фуфе и Сигне Миттаг-Леффлер. Письмо к королю, просмотренное и исправленное Эрмитом, она отправляет в этот день.

178. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Стокгольм, 15/3—89

Дорогая Соня!

Прилагаю здесь квитанцию, которую Вам надо заполнить и послать Кейли (Кембридж). Он прислал Вам 1-й том своего Собрания сочинений.

Пришлете ли Вы мне доверенность на все, что лежит здесь на почте для Вас? Образец я Вам послал. Если же Вы не хотите получить все заказные посылки, которые здесь ожидают Вас, то это уж Ваше дело.

Но письмо королю Вы мне немедленно должны послать, и лучше в уже переписанном виде, чтобы его сразу можно было использовать². Если Вы этого не сделаете, то это будет означать, что Вы совершенно с ним порываете, а, по-моему, это было бы глупо. Орден для Бертрапа я в таком случае совсем не смогу выхлопотать.

Пришлите мне также Ваше прошение о профессуре по тому образцу, который я Вам послал. Если я его не получу до конца месяца, то это будет уже непоправимо и равносильно тому, что Вы заявили об уходе, и на Ваше место, быть может, посадят Фалька или Бергера, — а ведь не захотите же Вы все-таки бросить меня на произвол судьбы.

Другого письма, кроме первого из Парижа, без адреса, я еще не получал.

Получил ли Эрмит список недостающих в Академии трудов?³ Если Вы его затеряли, то, ради бога, дайте мне знать об этом, чтобы мне скорей достать новый.

Ваш Гёста.

Стокгольм, 18/3—1889

Дорогая Соня!

Сердечное спасибо за Ваши письма с заявлением и с черновиком письма королю². Они только что пришли. Приступаю к рассмотрению вопросов по порядку:

1. Сегодня я затребую, а завтра пошлю Вам аккредитив на 2000 франков³. Когда Вы сможете взять Ваши деньги в Лионском кредите, то Вы пришлете мне вексель на эту сумму. Уплату процентов Вы произведете по возвращении. В здешнем банке я слышал, что Ваш аккредитив также был украден. Хотели написать французским банкам, писать же всем банкам на свете не стоит. Если попытаются получить деньги, то это уже произошло. Но тогда Лионский кредит, как только получит квитанцию, телеграфирует, и тогда сразу же примут меры к аресту соответствующих лиц. Конечно, возможно, что Вы, таким образом, потеряете те 600—700 франков, которые остались на аккредитиве. Но будем надеяться на лучшее. 1-го апреля кончается его срок, и тогда Вы ничем не рискуете.

2. Нельзя говорить королю «Вы». Перепишите черновик и попросите Эрмита исправить его и придумать соответствующую подпись, он на это мастер. В подпись должно входить слово «*sujet*»⁴. Затем пошлите мне переписанное набело письмо *как можно скорее*. Я не могу более откладывать свой визит к королю.

3. Орден Почетного легиона нельзя было возвратить. Левенгаупт написал по этому поводу очень любезное письмо. Это неприятное дело, но я уже забыл о нем и оно меня не будет интересовать, если только это не слишком заденет короля, чего, к сожалению, приходится опасаться.

Г-н Бертрам, однако, при удобном случае и соответствующим образом должен быть поставлен в известность, что я рассматриваю это не как отличие, а как «афронт». Это может оказаться полезным для другого раза, когда вопрос коснется более важных дел.

4. Сигне хочет, чтобы Вы поскорее ответили, следует ли ей оплатить счета, о которых она писала.

Я в самом скором времени напишу Эрмиту, от которого вчера получил любезное письмо.

Сонечка хорошо себя чувствует. У нас, наконец, появилось солнце и наступила хорошая погода для катанья на коньках.

Мой доклад в Академии о Пуанкаре удался⁵ и убедил большинство, как мне кажется, хотя публика ничего не поняла. Гюльден сильно возражал, но по существу был сговорчив. Он, однако, доставил мне много горьких минут тем, что характеризовал премию как ерунду (*humbug*), а Вейерштрасса, Эрмита, Пуанкаре, Ковалевскую и М.-Л. назвал «лигой взаимного восхищения»⁶. И Вы можете себе представить, как теперь ликуют, что я получил более низкую степень Почетного легиона и что тем самым во Франции выпущены были в решительную минуту признать, насколько они все же ставят меня ниже Гюльдена и Дунера.

Мне кажется, что Гюльден теперь в глубине души осознал, в чем главная ошибка в его работе⁷. Пуанкаре удалось доказать ему это.

Передайте привет тем друзьям, которые у меня могут быть в Париже. Ваш Гёста.

Стокгольм, 23 марта 1889

Дорогая Соня!

По Вашему адресу пришла статья под следующим заглавием: «О двух теоремах, относящихся к теории вероятностей» П. Чебышева, переведенная с русского Лионом², и, кроме того, другая статья, на русском языке, которую я пересылаю Вам. Посылаю также данные об отправителе, стоявшие на конверте. Дайте мне знать, кто это послал? Ответьте тотчас же,

что французская рукопись будет напечатана. И сообщите, о чем идет речь в русской статье. На почте для Вас есть еще целый ряд заказных отправлений. Пришлите мне немедленно следующую доверенность:

Доверенность профессору Миттаг-Леффлеру или лицу, которому он передоверит вместо себя, получать все приходящие на мой адрес почтовые отправления.

Париж, март 1889.

Софья Ковалевская.

Собственноручная подпись засвидетельствована.

Здесь пусть два лица, все равно кто, поставят свои подписи.

Как обстоит дело с книгой, взятой Вами в библиотеке Чельмана? Вас извещают оттуда, что Вы взяли книги 17.3—88, что срок истек 27 апреля 88 г. и что Вы должны уплатить 12 крон. Не думаете ли Вы давать расти задолженности? Что это за книга? Не лучше ли уплатить указанную сумму и вернуть книгу или же купить новую, если она пропала?

Как только я получу ответ от Монтана относительно статьи М. Ковалевского, Вы его получите.

Ваше заявление подано³. Я предполагаю и надеюсь, что больше никто не подаст заявления, и тогда дело пройдет совершенно тихо.

Вы, вероятно, получили аккредитив? Я послал его в тот самый день, когда получил Ваше письмо⁴.

Сегодня я постараюсь успеть написать письмо Эрмиту.

Мне очень любопытно узнать о Вашей встрече с Левенгауптом и Бертраном.

Не лучше ли было бы для Сонечки поехать с Сигне в Турхольм? Там много детей, к ее услугам были бы лошади, экипажи, собаки, и ей было бы очень весело. В начале августа она вернулась бы сюда вместе с Сигне. Мы, вероятно, проведем лето в окрестностях города Хью на озере Веттерн, в округе Остергётланд. Она пожила бы у нас, пока Вы не приедете за ней.

Гюльдены не могут принять ее к себе этим летом.

В школе ею очень довольны. Она вполне акклиматизировалась и ее очень любят товарищи. Я сомневаюсь, хорошо ли и разумно ли снова поставить ее в новые условия в окрестностях Парижа.

Все Вам кланяются.

Ваш Гёста.

181. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж [весна] 1889

Дорогой Гёста,

Чебышев прислал французский перевод своей статьи для напечатания в «Acta mathematica»². Я надеюсь, что Вы скоро сможете исполнить его просьбу. Он просит меня обратить Ваше внимание на следующее. Его переводчик, Лион, употребляет несколько странные обозначения, $a^{(2)}$, $A^{(2)}$ вместо $a^{(2)}$, $A^{(2)}$; это было бы легко изменить при печатании.

Я теперь ожидаю с нетерпением письма от Вас. Две ночи подряд мне снится, что Фуфа больна. Если Вы действительно летом останетесь в Швеции, то, вероятно, увидите у себя как большую Соню, так и маленькую. Представьте себе, что меня иногда прямо тянет обратно в Швецию и ко всем вам.

Кланяйтесь Вашей маме, Сигне и Фрицу.

Ваша Сося.

Посылаю Вам новейший роман Мопассана³ на тот случай, если Вы его еще не читали. В Ницце я встретила М[опассана], но он произвел на меня очень плохое впечатление.

[Париж] 18 бис, ул. Данфер Рошери,
[Апрель 1889]

Дорогой Гёста!

Что означает, что Вы мне не пишете? Произошло ли что-нибудь исключительно неприятное? Касающееся моей профессуры? Или касается премии Оскара и отказа короля наградить Эрмита и Бертрана? Вы знаете, что все подобное я воспринимаю философски. Иногда я себя спрашиваю, не сердитесь ли Вы на меня. Но моя совесть спокойна — более или менее. Единственный упрек, который я могу себе сделать за последнее время, — это то, что я еще не нанесла визита Левенгаупту. Признаю, что это нехорошо. Но, видите ли, я могу привести ряд оправданий: если бы я нанесла визит Л[евенгаупту], я должна была бы сделать визиты ряду других светских лиц, с которыми я у него встречалась и которые приглашали меня обедать. И все мое время было бы этим занято. Очень трудно бывать в обществе в таком положении, в каком я сейчас нахожусь — положении странствующей женщины, без горничной. Тут не только занят вечер, весь день проходит в заботах о важном вопросе туалета.

А я чувствовала такую потребность немного поработать в этом месяце!

Во время своего пребывания в Ницце я рассказала Максиму Ковалевскому и еще одному бывшему там русскому, профессору Иванюкову, много эпизодов из своего детства, которые они нашли очень интересными и горячо предложили мне написать и опубликовать их. Этим я занята в течение последнего месяца. Я только что закончила большой рассказ о своем детстве², воспоминаниях моей сестры о Достоевском³ и т. д. Написала по-русски и отослала Максиму, чтобы он передал для публикации в какой-нибудь русский журнал⁴. Когда у меня будет свободное время, переведу на французский, чтобы показать Вам. Поскольку я была увлечена воспоминаниями, я написала также небольшой рассказ по-французски о польском восстании, он не может быть опубликован в России⁵. Посылаю Вам этот рассказ, хотя он очень плохо написан. Если он удовлетворит Вас, когда Вы его прочтете, я была бы Вам очень обязана, если бы Вы передали его Монтану и спросили его, не опубликует ли он этот рассказ в своем журнале, уплатив мне, разумеется, за это сколько-нибудь. Я не обращала большого внимания на стиль, когда писала по-французски⁶, имея в виду, что рассказ должен быть переведен на шведский язык.

Я просила бы также, чтобы французская рукопись была мне возвращена, потому что хочу показать ее своей новой приятельнице, мадам Резаль, и посмотреть, нельзя ли будет, исправив немного язык, напечатать этот рассказ где-нибудь здесь.

До свидания, дорогой Гёста.

Преданная Вам

Соня.

[Почт. штемпель: Париж, 5/4 89]

Дорогой Гёста!

Что это значит, что Вы мне не пишете? Вы тоже разучились писать? Если это так, то мне остается только повеситься. Нет, право! Очень тоскливо не получать от Вас известий. Вы меня избаловали, а теперь начинаете обижать меня. Это плохо, ужасно плохо! Вчера я уже готова была телеграфировать Вам, чтобы спросить, как живет Фуфи, до такой степени я беспокоилась. Но вечером получила Ваше письмо-«сфинкс»², которое мне ничего, абсолютно ничего не рассказало обо всех вас. Конечно, я очень рада узнать, что Бельтрами³ одобряет мой труд, но я предпочла бы лучше знать, что Вы делаете.

Хорошее, длинное письмо от Вас раз в неделю стало моим обычным рационом, без которого я не могу существовать.

Прошу Вас, напишите мне поскорее.

Преданная Вам

Соня.

Открываю еще раз письмо, чтобы просить Вас оказать мне следующие услуги:

1) Не сможете ли Вы достать экземпляр статьи Максима Ковалевского, напечатанный в «Умер»⁴. Мне кажется, что редакция журнала должна была бы послать ему несколько экземпляров. Его адрес: Харьков, Немецкая ул., дом Биндовского.

2) Сделайте мне одолжение, найдите среди моих книг папку с надписью «Софья Ковалевская», возьмите оттуда экземпляр «Кольца Сатурна»⁵ и пошлите его Резалю, ул. С. Андре Дезар, 58. Он ему очень нужен: Резаль хочет говорить о нем в своем курсе (как, между прочим, уже сделал Тиссеран⁶), он хочет даже построить модель.

3) Спросите Кобба, что он сделал с моим экземпляром «Курса вариационного исчисления» Вейерштрасса⁷. Если он Коббу больше не нужен, прошу Вас послать его Ж. Перотту, Бретань, Гро-Тумиак, Арзон (Морбиан).

Я только что получила очень печальное известие: мой друг Юлия Лермонтова тяжело больна — двустороннее воспаление легких. Я дала ей телеграмму. Возможно, мне придется немедленно выехать в Москву. Нет покоя на этом свете.

Эрмит обеспокоен: мадам Пикар⁸ ожидает четвертого ребенка!!!

184. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж, ул. Данфер Рошери, 18 бис [Почт.
штемпель: 15 апреля 1889]

Дорогой Гёста!

Я решительно не понимаю, почему Вы мне не пишете. Не могу Вам сказать, как я беспокоюсь. Что случилось? Могу себе представить, что у Вас какие-нибудь неприятности, очень серьезные, что Вы надеетесь уладить их каким-нибудь образом и в ожидании этого не хотите сейчас меня беспокоить и огорчать. Но уверяю Вас, что неизвестность, в которой я сейчас нахожусь, для меня гораздо тягостнее всего, что Вы можете мне сообщить. Прошу Вас, если Вы мне еще не написали, получив это письмо, сразу же написать несколько слов. Сообщите, что происходит и в чем причина Вашего молчания. Не хожу к Эрмиту только потому, что не хочу говорить ему, что ничего о Вас не знаю. Он такой пессимист, что я предпочитаю ничего не говорить ему, пока не получу несколько слов от Вас.

Ваша Соня.

P. S. Получили ли Вы мою рукопись?²

185. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж 18 бис, улица Данфер Рошери,
18 апреля 1889 г.

Дорогой Гёста!

Наконец-то я получила письмо от Вас². Вы себе представить не можете, как я беспокоилась. Вы никак не объясняете, почему так долго оставляете меня без весточки о себе, но я очень довольна, получив, наконец, эту весточку, и не хочу искать повода к ссоре. Я очень рада, что мой маленький рассказ Вам нравится³. Ваш план напечатать все мои рассказы осенью в виде книги мне тоже улыбается⁴. Только нельзя ли объединить одновременно две вещи? У меня сейчас немало материалов для книги. Рукопись, которую я только что отослала Макс[иму] Ков[алевскому], почти вчетверо больше той, которая находится у Вас. Затем рассказ, который я читала Вам этой зимой и который я оставила в Стокгольме.

В настоящий момент я работаю над новеллой «Vae victis!»⁵, которую уже давно испытывала потребность написать. Все это заполнит, как мне кажется, упомянутый том (тем более что можно добавить к этому «Мои воспоминания о Джорже Эллиоте»⁶, хоть они и печатались). Кроме этой новеллы, у меня есть еще три или четыре новеллы в голове, которые я, может быть, сумею написать летом, если не вернусь вдруг к математике...

Но в ожидании я предпочитаю напечатать что-нибудь у Монтана⁷, и вот почему: мне хотелось бы иметь от него карточку корреспондента его журнала. Эта карточка дала бы мне право на пригласительный билет в театры и на многие другие интересные вещи.

Сверх того, если бы Монтан захотел написать директору павильона прессы, я могла бы иметь свободный доступ на выставку⁸. Не были бы Вы добры поговорить с ним об этом? Я могла бы также ему писать время от времени, в течение лета. Ничто не мешает ему иметь другого корреспондента, кроме меня. Если он согласен все это устроить и платить мне не более 150 или даже 100 кроп за мой рассказ,— я думаю, мне было бы выгодно передать ему этот рассказ. Ничто, впрочем, не помешает мне присоединить его осенью к моему сборнику, где были бы к тому же три новые вещи: «Нигилистка», «Мои воспоминания детства» (Достоевский) и «Горе побежденным!» (Vae victis!).

Как досадно, что Эрмит меня не нашел! А ведь я сообщила свой новый адрес г-же Эрмит и г-ну Пикару. Они его, вероятно, забыли. Что касается отеля, в котором я жила (Бульвар Сен-Мишель), конечно, там я также оставила свой адрес, но владелец — ужасный плут, он был взбешен, что я уйду от него, и, вероятно, по злобе, не дал моего адреса.

В будущую субботу я пойду к Пикару. Бертрам более чем холоден со мной. Он мне не отдал два визита, которые я ему нанесла, и был очень холоден во время моего последнего визита (надо, однако, сказать, что я пришла в неудачное время: он только что получил известие о том, что один из его двоюродных братьев сошел с ума).

Г-жа Резаль очаровательная женщина. Она жена академика г-на Резаля. Она имеет большое влияние в научном мире и дружески ко мне относится. Она очень интересуется литературой, и, хотя она ничего не печатала, все мои многочисленные друзья утверждают, что у нее превосходный стиль.

Вот, дорогой Гёста, все, что я могу Вам сказать сейчас хорошего.

После пасхи я буду делать визиты. Напишите мне, пожалуйста, поскорее. Поцелуйте от меня Соню, Сигне и Вану матушку.

Преданная Соня.

Какие новости Вы имеете от Анны-Шарлотты? Что она делает?

186. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Париж] 18 бис, улица Данфер Рошера,
23 апреля [1889]

Дорогой Гёста!

Я получила Ваше письмо с фотографией². Очень Вас благодарю за нее, я была очень, очень рада получить ее. По фотографии видно, что Вы похудели и у Вас очень усталый вид, но все же я нахожу ее очень хорошей. Мне очень нравится Ваше выражение на этой фотографии, оно такое доброе и приятное.

Но я не понимаю, каким образом мои письма, адресованные на Бульвар Сен-Мишель, не были мне посланы по новому адресу. Я написала письмо начальнику почты в день моего отъезда и, кроме того, обращалась с претензиями в три различных почтовых отделения.

В субботу я была у Пикаров. Эрмит еще не возвратился. Я жду его с нетерпением, чтобы поговорить с ним обо всем. Я так рада, что у него будет фотография короля, он очень желал ее иметь. Бертрам не отдал мне

мои два визита. Я снова пойду к нему в один из этих дней, под предлогом узнать у него подробности относительно моего приема в подданство.

Дарбу также уехал из Парижа на пасхальные каникулы, не отдав мне мой визит.

У Пуанкаре я еще не была. Я теперь так поглощена своими трудами, что пренебрегаю всем остальным. Вы были неправы, подозревая, что я хочу ехать в Россию, привлекаемая другими интересами, кроме тех, которые касаются Юлии Лермонтовой. Я действительно была очень напугана телеграммой, извещавшей меня о том, что у нее крупозное воспаление легких. Для меня, наоборот, было бы большим огорчением уехать из Парижа в это время, и я была счастлива узнать, что ей лучше и что мое присутствие около нее не является необходимым.

Какие известия Вы имеете от Анны-Шарлотты? Я получила письмо от нее в начале января. Я ей написала в начале февраля из Больё, но мое письмо осталось без ответа. Я даже не знаю, получила ли его Анна-Шарлотта. Спросите у нее, пожалуйста.

Посылаю Вам новую книгу Бурже³.

Ваша Соня.

Почему девица Лагерборг нарушила свое обязательство? Устройте же ее брак с Фрагмёном. Оба так хорошо подошли бы друг к другу.

187. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Почт. штемпель: Париж, 4 мая 89]

Дорогой Гёста!

Почему Вы мне не пишете? Я жду с большим нетерпением карточку от Монтана². Если она придет слишком поздно, я не смогу получить от прессы пропуск на выставку³.

Вчера я разговаривала с Эрмитом относительно г-жи Лагерборг. Я боюсь, что ей создадут затруднения в деле получения ученой степени. Во всяком случае она должна держать экзамен в Высшей школе и получить свидетельство от Вас, от Гюльдена и от Линдстедта. Пикар обещал попытаться сделать все необходимое и принести мне вскоре решительный ответ.

Отели стали, как в этом меня уверяют, недоступными. Напишите мне заранее, когда Вы приедете и на сколько времени, и поручите мне найти Вам квартиру. Боюсь, что иначе у Вас будут большие затруднения⁴.

Ваша Соня.

Невестка г-жи Липман, трижды миллионерша, нашла одну комнату на 5-м этаже отеля «Диреклу», после того как ей отказали в десяти других.

188. Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕР — С. В. КОВАЛЕВСКОЙ¹

Стокгольм, 7 мая 1889

Дорогая Соня!

Посылаю Вам корреспондентскую карточку, которую мне только сейчас удалось достать. Если Вы хотите другую, иначе формулированную, то пришлите мне ее редакцию, и я постараюсь убедить Монтана принять ее².

Анна-Шарлотта хочет сделать перевод или, вернее, стилистически обработать Ваше жизнеописание. Вероятно, потребуется полная переработка и французского текста³, и я нахожу, что Вам надо бы воспользоваться случаем и поговорить об этом с хорошим французским литератором. Если только Вы добьетесь достаточно хорошего стиля в том и в другом языке, то я думаю, что Вы будете иметь большой успех.

Я полагаю, что мы сможем приехать в Париж в конце мая. Это еще не решено окончательно и зависит от моего тестя и от того, в каких размерах он намеревается финансировать нашу поездку.

Мы возьмем с собой Сонечку. Но я ей еще ничего об этом не говорил. Ей будет слишком грустно, если поездка вдруг не состоится. Быть может, в таком случае ее согласится взять с собой мой тесть? Я считаю, что все-таки правильнее, чтобы она теперь была у Вас.

Далее речь идет о Сонечке.

Только в июле Вы опять сможете получить все свое жалованье, но оно целиком уйдет на налоги и оплату квартиры, и только в августе Вы сможете рассчитывать на какой-то доход отсюда. Сигне даст Вам отчет во всех расходах при встрече с Вами. Очень дорого обходится оплачивать заместителя, держать квартиру и оплачивать прислугу.

Скажите мне, когда Вы сможете и захотите начать выплачивать мне Ваш долг⁴. Он состоит из Вашего аккредитива 1450,

Вашей части абелевского сбора⁵ $\frac{100}{1550 \text{ кр.}}$

Я спрашиваю *только* потому, что до отъезда из Стокгольма должен установить свои средства на лето. Если эти деньги Вам нужны, то пусть они у Вас останутся так долго, как Вы хотите. Но если Вы хотите выплатить их летом, то мне заранее нужно знать — приблизительно когда.

Я предоставляю Вам самой улаживать дело между Фрагмёном и Лагерборг; у него, как мне кажется, уже пропала охота, и он умно поступает. У нее большое самомнение и чувство собственного достоинства с вытекающими отсюда претензиями, не оправдываемыми какими-либо необычайными умственными достоинствами или свойствами характера. Поводом для разрыва, как говорят, было ее поведение с женихом. Но я не беру на себя ответственность утверждать, что это правда.

Новую книгу Бурже я не получил, но буду Вам благодарен, если Вы ее пришлете.

Очень досадно получилось с Бертраном и Дарбу. Поводом к этому, вероятно, послужило то, что Вы исчезли из Парижа, не попрощавшись. Это можно делать, но тогда следует сейчас же написать и объяснить. Успокойте Эрмита тем, что Бертран, наверное, получит свою Полярную звезду, хотя дело движется медленно, так как оно пошло официальным путем. Я был вынужден прибегнуть к этому вместо непосредственной просьбы. Другого выхода не было. Расскажу Вам устно, почему.

У Сонечки дело шло не о полном удалении миндалин — это не применяется и здесь уже несколько лет. Надо было только слегка уменьшить их. Но сейчас ей значительно лучше, поэтому ничего не предприняли. <...>

У меня много забот с Анной-Шарлоттой. Как Вы знаете, дель Пеццо уже давно выбрал университетскую карьеру, отказавшись от титулов и объявив, что он никогда не будет вести бесполезную, праздную жизнь неаполитанского [герцога]. Когда я вел переговоры относительно развода Анны-Шарлотты, то сначала исходил из того, что она не будет снова выходить замуж. Но затем все изменилось благодаря самому решительному заявлению как с ее стороны, так и со стороны д. П., сделанному не только мне, но и Густаву⁶ и его поверенному Аннерстедту, что он, дель Пеццо, и Анна-Шарлотта решили вступить в брак и поэтому требуют развода на совершенно иных условиях. После невероятных хлопот мне удалось удовлетворить их желание. Затем отец д. П. заболел, и из уважения к нему свадьба была отложена, что было совершенно естественно, так как не следовало его беспокоить мыслями о ней. Теперь отец умер, и естественно, что снова откладывают свадьбу из уважения к его памяти и ради матери. Но Анна-Шарлотта идет еще дальше. Она считает, что она не является подходящей партией для [герцога] и что он должен думать о своем имени и своем положении в обществе и т. п. Он получил очень небольшое состояние, достаточное, если он будет жить как профессор и вести такой образ жизни, о котором он мечтал в ранней юности. Но...

(Продолжение отсутствует.)

[Париж, май 1889]

Дорогой Гёста!

Благодарю Вас за то, что так хорошо устроили все с Монтапом². Поступив так, Вы, очевидно, сделали лучшее из всего, что можно было сделать. Позавчера я получила большое письмо от Анны-Шарлотты, извещающее меня о смерти отца дель Пеццо. Теперь, конечно, ее положение совсем изменится. Не поедете ли Вы из Парижа в Италию, чтобы присутствовать на их свадьбе? Или же Анна-Шарлотта и дель Пеццо приедут в Париж? Я буду Вам очень признательна, если Вы мне привезете Фуфи в Париж. У меня здесь две комнаты, и Фуфи уже настолько большая девочка, что я не буду бояться оставлять ее иногда одну.

Мои планы на лето еще окончательно не составлены, мы о них поговорим, когда Вы будете здесь.

Анна-Шарлотта предлагает мне перевести мои новеллы на шведский язык, подумайте, в каком я восторге от этого предложения!³

Я просто не дождусь, когда ее увижу и Вас также, дорогой Гёста.

Я не видела ни Бертрана, ни Эрмита. Последние дни мне нездоровилось и, так как погода ужасная, я не выходила. Напишите мне, пожалуйста, как обстоит дело с моим жалованьем. Начну ли я с июня снова получать все мое жалованье? Мне кажется, это было бы вполне справедливым, но я не помню, как это было решено в Высшей школе. Простите мне, пожалуйста, что я Вам пишу сегодня с пятого на десятое. У меня еще три письма, на которые я должна непременно ответить сегодня.

Вы меня безгранично обяжете, если поищете в ящиках моего письменного стола рукопись «Нигилистка»⁴ и привезете мне ее в Париж. Она там наверняка, но в каком ящике — я не знаю.

Целую Фуфи и Сигне.

Ваша Соня.

Прежде чем отправить мое письмо, я ходила к двум моим друзьям, чтобы посоветоваться с ними относительно удаления гланд у Фуфи. Один из них — доктор Якоби, один из наиболее талантливых врачей, которых я знаю, другой — г-н Мечников (один из руководителей Института Пастера), который как раз сейчас занимается изучением гланд в организме. Оба мне совершенно отсоветовали удалять гланды хирургическим путем. Они оба говорят, что удаление хирургическим путем было чрезвычайно модно 5 или 6 лет тому назад, но что теперь от него почти отказались все специалисты Парижа и Германии. Якоби сказал мне положительно, что он лично видел случаи, когда удаление у детей миндалевидных гланд хирургическим путем производит тот же губительный эффект, как и удаление шпалы из-под рельс.

Ваша Соня.

P. S. Отправьте, пожалуйста, заказное письмо г-ну Ковалевскому в Россию, по адресу, который я Вам дала. Что это за «жених», по поводу которого Вы подшучиваете надо мной?

190. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Почт. штемп.: Париж, 15 мая 1889]

Дорогой Гёста.

Посылаю Вам письмо, которое Вы у меня просите для Высшей школы, хотя я плохо понимаю, что оно означает. Как досадно, что Ретциус и Рюдберг причиняют столько неприятностей, по этому падо было от них ожидать! Я совсем не уверена, что Бьеркнес² скажет что-нибудь особенно благоприятное относительно моих работ, он их, конечно, не очень хорошо понимает.

Я жду Вас с большим нетерпением, но, если Вы не приедете, я думаю, не стоит заставлять приезжать сюда Фуфи, так как в таком случае я не

останусь, вероятно, в Париже дольше месяца или шести недель, а в конце июля я приеду к Вам туда, где Вы будете. Судя по тому, что говорит Эрмит, вероятность получить мне место здесь — очень незначительна. Во всяком случае мне надо снова серьезно прийтись за математику и готовить докторскую диссертацию³.

Если Ваша поездка в Париж не состоится, я бы хотела провести август где-нибудь с Вами и Вашей семьей, и мы оба займемся математикой.

Я надеюсь, что буду в состоянии вернуть Вам свой долг⁴ в течение лета, но число я Вам скажу более точно, когда в следующий раз пойду в Лионский кредит и мне скажут, когда я смогу получить деньги по своему утерянному аккредитиву.

Время проходит здесь так быстро, что я его почти не замечаю. Я была у графа Левенгаупта, но не застала его дома. Графиня была очень любезна.

Преданная Вам Соня.

191. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж [май 1889]

Ковалевская подыскивает комнаты для Миттаг-Леффлера, который собирается приехать в Париж на Всемирную выставку.

192. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Париж, май 1889]

Видимо, Миттаг-Леффлер ответил, что предпочитает поселиться в отеле. Ковалевская считает, что ему было бы удобнее снять квартиру на две недели.

193. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Париж] 5 июля 1889

Дорогой Гёста.

Я только что получила Ваше письмо. Представьте, два дня назад я получила письмо от Кронекера. Он мне пишет под довольно странным предлогом. До него дошло, пишет он, что недоброжелательные лица распространили слух, будто бы он сделал все возможное, чтобы помешать окончательному назначению меня в Стокгольм. Он считает своим долгом написать мне, чтобы уверить меня в обратном и заверить, что ни он, ни его жена не переставали превозносить меня при каждом удобном случае. Я сожалею, что не могу послать Вам это любопытное письмо, ввиду того, что уже послала его Вейерштрассу. Я ответила по-французски, говоря ему, что слух, о котором он говорит, никогда не доходил до меня, что его письмо первым оповестило меня о том, что ходил подобный слух, и что я абсолютно не знала — кому было интересно его распространять. Впрочем, пишу я ему, я очень довольна, что эти досадные сплетни предоставили Вам возможность уверить меня в Вашем ко мне расположении, о котором я думаю тем более охотно, что на моей совести нет ни одного случая, когда я подала бы Вам серьезный повод на меня обижаться.

Эрмит нашел мое письмо очень хорошим и очень меня за него похвалил. Но зато бедный Эрмит очень огорчен, что Вы его заставили написать письмо министру² и написали сами последнему относительно «Аста». «Почему Вы не сказали об этом самому Миттаг-Леффлеру?» — спросила я его. «Но я же ему дал понять, что состояние наших финансов было такое плачевное, что мы принуждены были отказаться от подписки на научные французские журналы, — ответил мне Эрмит. — Я надеялся, что он сам поймет, что при таких обстоятельствах было бы бестактно просить добавочную подписку на иностранный журнал. Поскольку он не захотел понять, мне ничего больше не оставалось, как сообразоваться против воли с его желаниями».

Я заметила Эрмиту, что мы, люди севера, привыкли к тому, что наши друзья говорят с нами вполне откровенно, без утайки. «Это всегда господствует в наших отношениях — Миттаг-Леффлера и моих», — сказала я ему.

Я Вас попрошу ничего об этом не писать Эрмиту. Он сам прекрасно поймет, что я Вам сообщила наш разговор. У меня есть даже маленькое подозрение, что он говорил со мной с этим намерением, но поскольку он не поручил мне официально Вам об этом сказать, я думаю, будет более деликатно молчать об этом.

Что касается моих литературных попыток — до сих пор я испытала только неудачу. Г-н Леметр возвратил мне мой сценарий (который я Вам посылаю), сообщив, что все его собраты, которым он его показал, нашли идею исключительно остроумной, но что «это не для театра». «Revue bleue» тоже не захотело мою статью о Щедрине³. Одна моя приятельница, девица Герцен⁴, невестка Моно, которая очень хорошо знает г-на Рамбо, редактора этого обозрения, ходила к нему говорить от моего имени, но он ей ответил, что слишком много написано в последнее время о русских авторах, и он даже не захотел посмотреть мою статью.

Вы меня очень обяжете, если будете любезны прислать мне номер «Stockholms Dagblad»⁵, в котором находится моя статья.

Я сейчас занята переводом на французский язык моих воспоминаний⁶, которые весьма обширны.

Через несколько дней я поселюсь на даче — на Вилле Девре, где сняла дачу вместе с двумя русскими семьями моих друзей. В одной из этих семей есть мальчик одного возраста с Фуфи, так что они не будут скучать, и Фуфи очень радуется этот план.

Я думаю остаться здесь до конца августа, а потом проеду через Берлин; я не думаю, что возвращусь в Стокгольм ранее 15-го сентября.

Я уже слышала от Кнута Викселя, что шведские газеты — «Stockholms Dagblad» первая — написали о браке Анны-Шарлотты. Не дождусь, когда увижу ее, так же как и дель Пеццо.

Передайте от меня привет Анне-Шарлотте, Вашей матери, Сигне и Артуру.

Я напишу Анне-Шарлотте в один из этих дней. Получила ли она мое последнее письмо, на которое она не ответила?

Ваша Соня.

Направьте, пожалуйста, Ваше следующее письмо еще по парижскому адресу.

194. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Севр, после 14 июля] 1889

Дорогой Гёста.

Я только что получила Ваше письмо. Я сейчас в Севре. Мой адрес следующий: Севр (вблизи Парижа), Сена и Уаза, улица Виль д'Авре, Вилла Клемантин. Что касается новостей, я должна Вам сказать, что я только что награждена знаком отличия. 14 июля получила письмо от министра народного образования, в котором он извещает о том, что он назначил меня офицером народного просвещения. (Это высшая степень для простого офицера Академии.) Пуанкаре получил тот же знак отличия. Я пошла к Эрмиту, который, я думаю, способствовал получению мной **этого знака отличия**, но он делает вид, что даже ничего об этом не слышал. Я еще не была у Бертрана и Дарбу, но написала министру благодарственное письмо под диктовку Эрмита.

Самое удивительное — это то, что ни одна местная газета еще не поместила мое имя в списке награжденных. Уведомьте об этом, во всяком случае, все шведские газеты. Я бы Вам послала письмо министра, но оно мне еще нужно, чтобы показать его Бертрану и Дарбу.

Пришлите мне скорее Ваш мемуар о дифференциальных уравнениях². Само собою разумеется, что я его немедленно переведу на французский язык; было бы неприятно, если бы Фукс выступил со своим мемуаром раньше Вас. Поцелуйте от меня Анну-Шарлотту. Я жду с нетерпением ее письма. Фольмар сейчас в Париже. Мы ждем его сегодня в Севре. Я получила письмо от Вейерштрасса, он извещает меня, что придет осенью в Рюген, и приглашает меня приехать туда его повидать. Я думаю уехать отсюда в конце августа и остаться с 1 по 15 сентября с Вейерштрассом.

Пишите мне скорее.

Ваша Соня.

195. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Франция, почт. штемпель 25.8.1889]

Дорогой Гёста.

Ввиду того что Вы интересуетесь русской литературой, я Вам посылаю русскую пьесу², которая в России считается шедевром. На этих днях она была сыграна в Париже, но, правда, потерпела фиаско. Но и как же она была сыграна! В пригородном театре, с такими плохими актерами, что я, право, не думала, чтобы французы могли играть так отвратительно³. [Франциск Саржей], который был очарован пьесой, написал очень хороший фельетон и хвалил ее.

Когда Вы читаете пьесу, то, может быть, будете добры послать ее Анне-Шарлотте? Я предполагаю, что она пожелает приспособить ее для шведской сцены.

Преданная Вам Соня.

196. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж, улица Белле, отель «Клебер», 22.XII.89

Дорогой Гёста.

Я еще не удосужилась пойти ни к кому из математиков, так как все эти дни ходила с Анной-Шарлоттой по всем тем местам, куда мы должны были пойти вместе. Пищу Вам сейчас несколько слов по делу, которое для меня очень важно. Вчера я узнала о смерти Буняковского². Появилась вакансия в Академии, на которую я могла бы претендовать. Мне кажется, что сейчас мое присутствие в Петербурге было бы необходимо. Я серьезно думаю о следующем плане: уехать отсюда сейчас же после 1-го января нового стиля в Петербург, с остановкой на 2—3 дня в Берлине. Тогда я приеду в Петербург вовремя, к съезду³, и смогу увидеть много лиц, которые могут быть мне очень полезны в этом деле. Не могли бы Вы устроиться так, чтобы также быть в Петербурге в это время — 10 января (нового стиля)? Я бы так хотела быть в Петербурге в одно время с Вами. Это было бы очень хорошо во многих отношениях. Но если это для Вас будет невозможно и если Вы сможете быть в Петербурге незадолго до этого числа, то в таком случае, я надеюсь, что Вы позондируете почву для меня и телеграфируете мне из Петербурга — считаете ли Вы мой приезд необходимым, или, по крайней мере, полезным.

У меня очень серьезный конкурент в лице Маркова⁴. Он пользуется большим покровительством, и я уверена, что большинство будет за него.

Мне очень неприятно не иметь сейчас сведений от моего двоюродного брата — губернатора⁵. За 2—3 дня до моего отъезда я получила от него письмо, в котором он извещал меня о своем намерении приехать в Париж. Я ему телеграфировала и написала из Копенгагена, сообщив свой адрес в Париже, но здесь я не имела от него известий, и теперь не знаю — куда ему писать, так как, может быть, он уже уехал из Саратова.

Здесь мы еще не видели никого, кто бы мог Вас интересоваться. Мы только и делали, что ходили к моим русским друзьям и к скандинавским

артистам. Мы были у Юнаса Ли и у Рунеберга⁶, у обоих инфлуэнца, которая здесь распространена более, чем в самом Стокгольме.

Мы еще не были у г-жи Коцебу, но Анна-Шарлотта пойдет к ней сегодня, а я — в один из последующих дней.

Ожидаю с нетерпением Вашего письма.

Преданная Соня.

197. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Париж] 7, ул. Белле, отель «Клебер», 24/XII 89

Дорогой Гёста.

Позавчера послала Вам письмо в Гельсингфорс, а сейчас узнала, к своему большому огорчению, что Вы так сильно заболели, что должны были отменить, или, по крайней мере, отложить свое путешествие². Искренне надеюсь, что Вам уже лучше, но адресую наугад свое письмо в Стокгольм.

Вы ведь знаете, в каком напряжении я теперь живу после смерти Буняковского. Пожалуйста, напишите мне, не находите ли Вы, что я должна поехать в Петербург. Это не было бы собственно большим крюком, но я должна была бы тогда уехать из Парижа гораздо раньше, чем предполагала. Как приятно было бы встретиться с Вами в Петербурге на съезде естествоиспытателей!

Позавчера я была у Эрмита. Пуанкаре держится спокойно и передал Эрмиту заметку о своей статье на премию, которую Пуанкаре должен зачитать на публичном заседании Академии³ в следующий понедельник. Эрмит был очень любезен. Я рассказала ему о своих надеждах и опасениях относительно вакации в Петербургской академии, и он тотчас же предложил написать Чебышеву⁴, чтобы выразить свое большое удовольствие тем, что меня выбрали в члены-корреспонденты⁵, и одновременно надежду, что Петербургская академия не остановится на этом первом шаге.

Эрмит просил меня передать Вам его горячий привет и очень любезно говорил о Вас. Я была у Бертрапа, но застала только его жену. Вчера я была также у Резаля, который настоятельно советовал мне не обращать внимания на высказывания Эрмита и Бертрапа о невозможности получить место в Париже, но советовал сдать здесь докторский экзамен. Он со своей стороны твердо надеется, что после этого для меня найдется здесь место.

Анна-Шарлотта была у г-жи Коцебу и была очень тронута ее любезными высказываниями о Вас, а также ее участием во всех событиях семейства Леффлеров, за которыми она внимательно следит. Тотчас после рождества я также сделаю ей визит.

На сегодня прощайте, дорогой Гёста. Не успею написать больше.

С сердечным приветом

предавшая Вам

Соня.

198. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Париж 7, ул. Белле, отель «Клебер»,
29 декабря 1889 г.

Дорогой Гёста.

Благодарю Вас за письмо, полученное мною вчера.

Я не знаю адреса моего брата² в Петербурге, но г-н Ламапский (мой друг, о котором я Вам говорила³) живет на Васильевском острове, 6-я линия, д. 15. Он так много слышал о Вас от меня, и это такой преданный друг, что я не сомневаюсь в том, что он вполне предоставит себя в Ваше распоряжение. Хорошо было бы Вам заранее ему написать и уведомить относительно дня, когда Вы приедете в Петербург.

Преданная Вам

Соня.

199. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ ¹[Петербург, май 1890] ²

Дорогой Гёста.

Я ужасно боюсь, что Вы будете недовольны мной, что я никого, кроме Фрекен Сёдерельм ³, из наших учеников не видала в Гельсингфорсе. Ни один из них меня не отыскал; я повторяла несколько раз каждому новому встреченному мною лицу, что я охотно увидела бы гг. Стенберга, Съёберга, Меллина ⁴ и т. д., но никто не знал их. Наконец, я пошла в университет на диспут одного юнца, который написал какую-то мазню о минимальных поверхностях и которому усердно протестирует Неовиус, надеясь встретить там кого-нибудь из наших знакомых математиков, но все было тщетно. Вообще же в Гельсингфорсе было весело. Генерал Линдфорс был очень мил и любезен. Он встретил нас на пароходе и пригласил остановиться у него. В тот же день он дал большой обед, на который он, помимо некоторых родственников, пригласил Мекелина, Линделёфа, Болина, графа Бьёрншерна ^{4а} и некоторых других. Мне очень понравился Мекелин. Генерал Линдфорс и Мекелин выступили с речами обо мне. Вечером мы поехали в Альпийскую хижину и пили чай и шампанское, там опять выступил с речью Мекелин. Позже вечером мы заехали еще на минутку в театр, в директорскую ложу.

На следующий день я свободно прошла на защиту диссертации, куда меня горячо приглашали Болин и Линделёф. Накануне меня искал Неовиус у Линделёфа, но не застал.

Когда я увидела его на защите, то сказала ему, что остаюсь на несколько дней в Гельсингфорсе, чтобы папести некоторые визиты. Но поэтому я не могла также посетить Линделёфа.

Здесь, в Петербурге, я уже была у Чебышева и у Имшенецкого. Оба были очень любезны, но мне кажется все же, что они вряд ли что-то сделают для меня. <...>

Марков, между прочим, публично высказался о моей работе по вращению (премированная статья), что *она полна грубейших ошибок!* ⁵ Когда его попросили показать эти ошибки, он нагло ответил, что не желает этого делать, так как вскоре кто-нибудь из академиков, которые предложили меня в члены [Академии], даст себе труд действительно прочесть мою статью!!! По случаю каникул никто из присутствующих академиков не принял его вызова. Много недель спустя его *частным образом* спросил Имшенецкий, поддерживает ли он свое обвинение против меня. Тогда Марков уже успел быть выбранным в экстраординарные, и тогда он ответил милостиво, что дело с моей статьей не вполне плохо, как он думал при первом чтении; но много ценного в ней все же не содержится.

Все *не* математические члены Академии (со слов других) убеждены в том, что Марков совершенно уничтожил мою статью. Эту милую сказку я уже слышала от разных лиц. Я сказала очень энергично, как Чебышеву, так и Имшенецкому, что я требую, чтобы они объяснили при каком-нибудь *официальном* случае в Академии, как дело обстоит на самом деле; они мне ответили несколько уклончиво, что Марков еще очень молодой человек и не надо быть к нему слишком строгой. Я не думаю, что они что-нибудь сделают, а сама я не знаю, что бы я смогла сделать. Я не уеду из Петербурга, не быв представленной великому князю.

Я должна кончать, так как пора идти на обед к моей тетушке Софии ⁶, у которой я должна встретить Баклунда.

Как вы все поживаете?

Мой горячий привет Тетунке и Сигне.

В Петербурге ужасно жарко, и у меня страшная головная боль. Соня также плохо себя чувствует.

Преданная Вам Соня.

С.-Петербург, Васильевск. остр.,
17-я линия, Гостиница «Кайзер» [май 1890]²

Дорогой Гёста!

Спасибо за несколько строк, добавленных Вами к письму Сигне. Где Вы сейчас находитесь? Следовательно, Вы от поездки в Монпелье решительно отказались? Как раз сегодня я прочитала в газетах описания приема, оказанного там Гельмгольцу.

Вчера я была представлена великому князю³, с которым имела беседу с глазу на глаз, длившуюся почти час. Это еще совсем молодой человек, но он показался мне очень симпатичным.

Я побывала также у Дуэ, так как г-жа Дуэ передала мне через мужа сестры г-жи Хагестрёмер просьбу, чтобы я не уезжала, не посетив ее. Г. Дуэ говорил о Вас так дружески и с такой симпатией, что мне действительно было приятно это слышать.

Супруги Дуэ собираются уезжать, но, несмотря на это, пригласили меня обедать в следующую среду. В четверг я приглашена к Гадолину⁴. Вся шведская колония в Петербурге решила женить молодого Нобеля на мадмуазель Гадолиной. Об этом говорят совершенно открыто и непрерывно устраивают пикники, обеды, посещения музеев, чтобы дать возможность молодым людям встречаться. Это очень забавно.

От моего двоюродного брата — губернатора⁵ я получила письмо о том, что он сегодня приезжает в Петербург. Я этому очень радуюсь и ввиду его приезда думаю немного продлить свое пребывание в Петербурге.

Я думаю, что пробуду здесь еще недели две. Жаль, что многие уже уехали за город. В начале мая погода была чрезвычайно теплая. Но эти два последних дня почти холодно.

Юлия Лермонтова пробыла здесь два дня. Она не могла оставаться дольше, так как в ее имении только что начались полевые работы. Вчера она уехала с Фуфи.

Сегодня получила письмо от Макса Ковалевского из Оксфорда. Он начал читать там свой курс лекций и, говорят, пользуется огромным успехом. Его лекции закончатся к 15 июня, и он приглашает меня приехать к 20-му в Швейцарию, в Тарасп.

Я буду Вам очень признательна, если Вы мне пришлете сведения об Энгадине⁶, о котором Вы мне говорили.

Прощайте, дорогой Гёста; поблагодарите, пожалуйста, от меня Сигне за ее письмо. Когда увидите генерала Линдфорса, поблагодарите и его за очаровательный прием, оказанный им мне в Гельсингфорсе, а также спросите его, пожалуйста, о том, послал ли он мне то заказное письмо, которое обещал выслать на следующий день после моего отъезда. Я боюсь, не ошибся ли он адресом.

Нежно целую Вашу мать. Я так часто думаю о ней. Вас же прошу писать мне возможно чаще.

Ваша Соня.

[Петербург] 4/VI.1890

Дорогой Гёста.

Очень Вас благодарю за Ваше письмо, которое я получила вчера. Я останусь в Петербурге до следующей среды 11 июня главным образом потому, что будет происходить заседание Академии², и я думаю, что если я буду здесь, то они будут вынуждены пригласить меня. Я уже два раза была у великого князя (один раз я была приглашена на завтрак). Он казался очень заинтересованным моим разговором и повторил несколько раз, как было бы хорошо, если бы я поселилась в России. Откровенно говоря, я все же не думаю, чтобы его добрая воля значила очень много. Мой кузен Косич говорит, что я должна непременно представиться государыне.

Ковалевская сообщает, что из-за приезда итальянского принца³ при дворе каждый день праздники и о представлении не может быть и речи.

И здесь часто бываю у Баклунда и у Гадолина. Последний мне особенно нравится. Не будете ли Вы так добры, дорогой Гёста, послать ему те мои статьи, которые Вы сможете достать? Он главным образом интересуется моей докторской диссертацией⁴ и статьей о преломлении света⁵. Если у Вас осталось несколько экземпляров этих двух работ, то Вы меня очень бы обязали, послав один генералу Гадолину, Фурштаттская, 39.

Я попрошу Вас также достать от Хегстрёма один экземпляр моей книги «Из русской жизни»⁶ и послать его г. Гроту, вице-президенту Академии наук в Петербурге⁷.

Были ли Вы так добры отдать фрёкен Хедберг ее часть из моего гонорара из «Aftonbladet»?⁸

Я слышала от одного шведа, которого встретила недавно в 2 часа ночи в кафешантане «Аркадия» (место, имеющее довольно плохую репутацию), что моя статья о гипнотизме уже вышла и была перепечатана финской газетой⁹. Г-жа Бекман обещала мне послать экземпляр ее, но я ничего еще не получила. Пожалуйста, дайте мне знать, что о ней говорят в Стокгольме.

Когда выйдет, наконец, книга А[нны]-Ш[арлотты]¹⁰? Как Вам нравится произведение г-жи Бенедиктсон «Увлеченный в горы»?

Пожалуйста, напишите мне еще раз в Петербург; а затем адресуйте письма в Берлин (W)¹¹.

Я пробуду там одну неделю.

Сердечный привет тете. Я сама напишу ей, как только буду иметь свободную минуту. Меня начинает сильно утомлять жизнь, которую я веду здесь.

Ваша преданная Соня.

Простите, что мое письмо такое глупое. У меня сегодня сильная мигрень, и вообще мне сегодня нездоровится.

202. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Берлин, июнь 1890]

Дорогой Гёста.

Сердечное спасибо за Ваше письмо, которое я получила через Вейерштрасса сразу же по приезде в Берлин. Ввиду того что мне сегодня страшно некогда, я напишу только несколько слов о самом необходимом.

Гёльдера в настоящее время в Берлине нет (он, кажется, в Гиссене), и, кажется, он взял тетрадь с лекциями В[ейерштрасса] с собой. Но В[ейерштрасс] написал ему (действительно написал) и просил меня узнать, когда Вы сможете их прочесть. Завтра я увижу Кноблауха, друга Гёльдера, который постарается связаться с ним.

Вейерштрасс производит впечатление очень усталого; только позавчера у него выдался хороший момент, когда мне удалось поговорить с ним немного о математике. Обычно же он для этого слишком слаб.

Как Вы знаете, мы здесь часто встречались с Анной-Шарлоттой. Пасквале произвел на меня очень хорошее впечатление, как и на всех, имевших возможность видеть его здесь. По общему мнению, А[нна]-Шарл[отта] очень похорошела и очень хорошо держится в качестве герцогини.

К сожалению, меня так осаждали все старые друзья, что я не могла так долго быть с нашими дорогими герцогами, как бы я желала. Я надеюсь на осень.

Я должна закончить мое письмо, так как у меня есть полчаса для себя, и я должна еще написать несколько слов Фуфе и Ю. Лермонтовой. Сердечные нежные приветы тете, которой я напишу, как только успокоюсь.

Будьте так добры сказать моей горничной, чтобы она прибрала квартиру, чтобы принять там Анну-Шарлотту с мужем, когда они придут в Стокгольм.

И, право, нахожу, что это самое простое, так как ведь вас всех не будет в Стокгольме, когда они приедут.

Я уезжаю 20/VI.90 вечером. Будьте добры, адресуйте письма в Тарасп, до востребования. Очень Вам благодарна за выполненные поручения.

Ваша Соня.

203. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Бонн, около 25 июня 1890]

Дорогой Гёста.

Пишу Вам несколько слов из Бонна, где я сейчас нахожусь. Вот наш маршрут: в четверг я выехала из Берлина (20-го [июня]), встретила Макса в Амстердаме, где пробыли два дня. Город этот очень интересный и живописный. Если Вы его еще не знаете, я советую там как-нибудь побывать. Вчера мы отправились дальше. Провели несколько часов в Кёльне и ночь в Бонне. Сегодня поедem на пароходе в Майнц, но если какое-нибудь место очень понравится, то остановимся там по пути. В Гейдельберге думаем пробыть несколько дней, но я не буду делать никому визитов, так как путешествую инкогнито. В Берлине я сказала всем своим друзьям, включая Вейерштрасса, что встречу в Амстердаме моего дeвeрy — зоолога Ковалевского.

Если Вы имеете мне сообщить что-либо срешное, будьте добры телеграфировать в Гейдельберг, до востребования. Если нет, то адресуйте Ваше письмо в Тарасп, куда мы должны приехать, во всяком случае, в начале июля. Я видела Кноблауха, который уже написал Гельдеру по поводу своей рукописи. Я посоветовала Кноблауху доставить ее Вам прямо в Стокгольм.

Теперь я должна опять обратиться к Вам с просьбой. В Петербурге я часто виделась с братом. Вы знаете, что он в свое время прошел в Петербурге курс математики, к которой всегда проявлял большие способности. В данное время он ее совсем забросил и интересуется только ее практическим применением. Но мне кажется, что для него было бы чрезвычайно полезно заняться изучением математических принципов, которыми руководствуются страховые общества. Они еще слабо развиты в России, и человек, подобный моему брату, мог бы, вероятно, сделать карьеру в этой области. Вы окажете мне большое одолжение, если напишете моему брату и укажете ему математическую литературу, имеющую отношение к теории страхования. Я знаю, что Вы очень сведущи в этом вопросе; поэтому я надеюсь, что выполнение моей просьбы не составит для Вас особого труда. Ввиду того что мой брат мог бы для изучения этих вопросов использовать свои летние каникулы, я просила бы Вас, во избежание потери времени, адресовать Ваши указания непосредственно ему по следующему адресу: Петербург, Васильевск. остров, 6-я линия, дом 15, господину Ламанскому, для Федора Корвин-Круковского.

Кроме того, я бы очень Вас просила в следующем письме сообщить мне, какие проценты обычно получает лицо в возрасте 40—50 лет, помещая свой капитал в Швеции на пожизненную ренту.

Я видела в Петербурге свои драгоценности и свое серебро.

Я не могу закончить своего письма, так как пора ехать. Вскоре я напишу Вам.

Ваша Соня.

Целую тетю Леффлер.

204. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

[Тарасп] 9/VII.90 г.

Дорогой Гёста.

Вчера я приехала в Тарасп и получила здесь Ваше письмо; к сожалению, оно очень короткое и очень давнее, написанное до Вашего путешествия в Финляндию. Я теперь с нетерпением жду от Вас более свежих из-

вестий. Приехали ли Анна-Ш[арлотта] и ее муж в Швецию? Как тете понравился ее зять²? Пожалуйста, напишите обо всем этом подробно.

Что касается меня, то мне сейчас очень весело. В Тараспе очень красиво, погода прекрасная, и путешествие через Южную Германию и Швейцарию было прелестным. В Тараспе мы останемся 3—4 недели, а затем намереваемся провести остаток моих каникул где-нибудь в Тироле или у итальянских озер, если последнее будет возможно из-за жары. Пожалуйста, напишите мне о том местечке недалеко от Тараспа, о котором Вы мне как-то говорили.

С тех самых пор, как я выехала из Швеции, я не писала ни строчки и в мой голове не было ни одной разумной мысли. Я начинаю бояться, что безнадежно поглупела. Однако с завтрашнего дня намереваюсь возобновить свою литературную работу, но не знаю, как пойдет дело.

Очень неприятно так мало знать о Вас. Осуществилось ли Ваше путешествие в Берлин и Париж? Каковы его результаты? Смогли ли Вы осуществить все свои большие планы?

Пожалуйста, напишите обо всем.

Адрес Ханземана в Берлине: Маасенштрассе, 29, но теперь, вероятно, уже поздно Вам об этом писать.

Я со страхом думаю, что должна зимой читать теорию чисел. Я рассчитываю на Ваши лекции³, но если они неполные или неупорядочены, то я пропала.

Прощайте, дорогой Гёста. Напишите скорее.

Преданная Вам Соня.

Макс сердечно Вам кланяется и просит передать его почтение герцогине⁴. Я привезу Вам его карточку, когда вернусь в Швецию. В настоящее время у меня нет ни одного экземпляра.

205. С. В. КОВАЛЕВСКАЯ — Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ¹

Тарасп, 12/7 90

Дорогой Гёста.

Вчера я получила Вашу открытку от 7/7. Посылаю Вам два рекомендательных письма к двум друзьям Макса в Париже, которые, быть может, пригодятся Вам. Один из них, господин Корриес, поверенный в делах агентства Дольфус, знаком со всем биржевым миром в Париже и может дать Вам как рекомендацию, так и сведения обо всех тамошних финансистах. Другой, г-н Вырубов, русский ученый, ставший французским подданным и сделавший довольно блестящую карьеру во Франции; в настоящее время он председатель Минералогического общества и в качестве такового, быть может, будет Вам полезен, так как если я правильно помню, то дело, которым Вы интересуетесь, состоит в горных разработках. Оба большие друзья Макса. Г-н Вырубов, по слухам, большой *blagueur*^{20*} по всем вопросам, которые не касаются непосредственно его науки, но в последней он весьма выдающийся человек.

Мы в настоящее время в Тараспе и останемся здесь около трех недель. Погода, когда мы приехали, была прекрасной, но вчера наступила внезапная перемена и все покрылось глубоким снегом. Как было бы хорошо, если бы Вы смогли навестить нас на обратном пути! Если Вы не хотите доезжать до самого Тараспа, но если Вам подходит какое-нибудь место вблизи, то я могу выехать Вам навстречу.

Макс сердечно Вам кланяется.

Преданная Вам Соня.

Макс не уверен в адресе В. Вы можете спросить его у Вырубова.

^{20*} Насмешник, шутник, остряк (*фр.*).

Отель и пансион Дженаццини в Белладжio,
озеро Комо, д. Гандола с братьями,
[июль 1890]

Дорогой Гёста.

Вы так редко теперь пишете, что я даже не знаю, где Вы в настоящее время находитесь, тем более что дня два тому назад я получила письмо от Вейерштрасса, который также недоумевает, что с Вами случилось и почему от Вас ничего не слышно.

Я предполагаю, что Вы уже вернулись домой, не заезжая в Берлин.

Я со своей стороны в настоящее время в Белладжio, где очень красиво и не слишком жарко. Мне очень нравится это южное, влажное, душистое тепло.

Из Тараспа мы поехали в Самедан, намереваясь предпринять несколько горных восхождений, но погода была настолько плоха, что мы должны были довольствоваться ледником Розечем; ни о Диаболицце, ни о Пиц Ланггауд не могло быть речи. В Понтрезино было так полно, что мы не нашли там комнат и пришлось довольствоваться двумя отвратительными каморками в пристройке отеля [Бернина] в Самедане. Поэтому мы надолго там не остались и после пятидневного ожидания солнца, не желавшего показываться, решили искать его по другую сторону Альп. Мы поехали через Малойю, поклонились Сильваплана и Сильс Мара от А[нны]-Ш[арлотты] и дель Пеццо, переночевали в Къавенна и на следующий день прибыли в Белладжio, который я нахожу таким прелестным, что у меня нет охоты искать чего-нибудь еще красивее. Позавчера мы были в Лугано и поднялись на Монте Дженерозо, с которого открывается обширный вид через Монте Роза и группы Бернины на все три озера, и поехали дальше в Милан. Ночь в отвратительной гостинице прошла в отчаянной борьбе с бесчисленными насекомыми, но мы были вознаграждены красивым восходом солнца. Сегодня мы оба до крайности утомлены и лентяйничаем, куря одну папиросу за другой.

Оставшуюся часть моих вакаций мы думаем провести в Комо и его окрестностях; поэтому Вы меня много обяжете, если будете добры прислать мне те 1000 крон, которые я Вам оставила до моего отъезда в Комо, вычтя из них возможные расходы, произведенные Вами для меня, и прислав деньги в виде циркулярного письма. Первое такое письмо, которое при мне, должно, по нашему соглашению, быть оплачено моим жалованьем за летние месяцы.

Пожалуйста, передайте привет Вашей матери, Сигне и А[нне]-Шарлотте. Очень поблагодарите ее за ее книгу, которую я перевожу Макс.

Преданная Вам Соня.

Макс просит передать вам и А[нне]-Шарл[отте] его сердечный привет.

Генуя [январь 1891]

Дорогой Гёста,

Пишу Вам из Генуи, куда мы приехали в надежде встретиться с Анной-Шарлоттой. К несчастью, произошла, очевидно, какая-то путаница с письмами и телеграммами и они, по-видимому, проехали Геную не останавливаясь, так что мы напрасно совершили поездку и встречали Новый год в весьма мрачном настроении².

Я получила Ваше милое письмо и очень благодарна Вам за сообщаемые Вами новости из Петербурга. Судя по тому, что Вы мне пишете, не потеряна еще надежда на то, что в один прекрасный день я буду избрана в члены Академии³. Если Вам представится случай еще съездить в Петербург, я была бы Вам очень признательна, если бы Вы пошли к великому князю и поговорили обо мне в том духе, как Вы предлагаете. Мне кажется, что такой разговор был бы для меня только полезен.

*Кладбище Кампо-Санто в Генуе
(конец XIX века)*

Я совершенно не представляю, что должна читать в предстоящем семестре. Может быть, было бы лучше продолжить теорию чисел⁴, если только продолжение Вашего курса так же хорошо разработано, как начало. Скажите мне, пожалуйста, к какому числу я обязательно должна вернуться в Стокгольм и нельзя ли запоздать на недельку без того, чтобы произошел скандал, чтобы я смогла присутствовать на карнавале, который начнется здесь 2 февраля. Однако должна признаться, что питаю намерение просить отпуск в апреле, чтобы съездить в Россию, куда к этому же времени, может быть, поедет и Макс. Во всяком случае я не хотела бы отрезать себе возможность получения отпуска в апреле, и ввиду этого было бы, может быть, лучше, если бы я была аккуратна сейчас. Напишите мне, пожалуйста, что Вы об этом думаете.

Не пишу Вам сегодня больше, милый Гёста, так как надеюсь Вас скоро увидеть.

Прошу Вас передать мой привет Сигне, Фрицу и тете Леффлер.

Преданная Вам

Соня.

О ЗАПИСКАХ С. В. КОВАЛЕВСКОЙ и Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА

Жизнь Ковалевской в Стокгольме в значительной мере отражена именно в этих отрывочных и недатированных записках. Из общего количества 279 записок, имеющихся в архиве Миттаг-Леффлера, здесь отобрано 154, среди которых 146 принадлежат Ковалевской, а 8 — Миттаг-Леффлеру. Они расположены в основном в том порядке, в каком их поместил Миттаг-Леффлер, хотя этот порядок и не является всегда хронологически выдержанным. Здесь много новых лиц, не встречавшихся в письмах: математики Юмбер и Гейне, банкир Валленберг, президент правления Высшей школы Форсель, писатели Золя, Абу, Агрель, В. Бенедиктсон, Ржевуский, историк Маколей, журналисты, редакторы и издатели шведских газет и журналов, артисты и режиссеры.

В записках тесно переплетены вопросы преподавания, научной работы, участия в общественной жизни, издания журнала «Acta mathematica». Мы узнаем о встречах Ковалевской с разными людьми, о посещении театров, занятиях спортом и т. д. Как и в жизни, в записках трудно разграничить эти сферы. Большое место в них занимает подготовка к лекциям и связанные с нею просьбы Ковалевской к Миттаг-Леффлеру дать те или иные книги и журналы. Несколько слов в записке к Миттаг-Леффлеру позволяют понять, насколько серьезно Ковалевская готовилась к лекциям. Она боялась, что отсутствие опыта в чтении лекций скажется на их качестве, и потому очень тщательно (особенно вначале) записывала их, изводя большое количество бумаги (зап. 51), потом просила Миттаг-Леффлера прочитать конспект, сделать свои замечания — может быть, по поводу ее шведского языка, вносила в текст некоторые изменения и очень ценила советы Миттаг-Леффлера по методике преподавания (зап. 3, 82, 89).

Как видно из записок, источниками при подготовке лекций служили записи курсов Вейерштрасса, печатные лекции Якоби, Гельмгольца, труды Лежен-Дирихле, Гаусса, Кирхгофа, Клаузиуса, Конни, Гейне, Шварца, Брунса, Дини и др. Ковалевская излагала на лекциях новые работы Пуанкаре и свои собственные исследования об уравнениях в частных производных и о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки. Миттаг-Леффлер, даже будучи больным, считал своим долгом прочитывать ее лекции (зап. 152).

Сравнение указанных в записках фамилий с каталогом библиотеки Миттаг-Леффлера¹ позволяет во многих случаях установить, какие именно книги этих авторов брала Ковалевская, а просмотр упоминаемых журналов позволяет выяснить, какие статьи в этих журналах интересовали ее. Тридцать шесть записок касаются подготовки к лекциям и научной работы Ковалевской. Иногда она сама говорит, для какой цели ей нужны были книги: «Я весь день сегодня изучала Неймана и Гейне, и все начинаю для меня проясняться. Все же я не знаю, смогу ли уже завтра изложить Вам свои приобретенные познания, особенно ввиду того, что мне теперь надо оставить цилиндрические функции и подумать о своей лекции» (зап. 84). В той же записке она просит прислать два тома журнала Борхардта—Крелле², в которых, как выясняется, были напечатаны другие статьи Гейне.

¹ G. Mittag-Lefflers matematiska bibliotek. Systematisk förteckning upprättad av St. Grönfeldt. Stockholm — Djursholm. 1914.

² Journal für die reine und angewandte Mathematik.

Помимо лекций, Ковалевская и Миттаг-Леффлер организовали математический семинар, видимо, по образцу берлинского семинара Вейерштрасса. С докладами и рефератами там выступали профессора, преподаватели и студенты университета. В записке 49 говорится, что Фрагмен (впоследствии известный математик) читал на семинаре свой реферат работы Кирхгофа, а в записке 69, что сама Ковалевская делает доклад на семинаре в следующем году.

В записках 92, 93, 98, 99 и др. отражена подготовка Ковалевской ее работы на премию Парижской академии наук, результаты которой потом вошли в статьи [8] и [10]; здесь записки дополняют соответствующие письма.

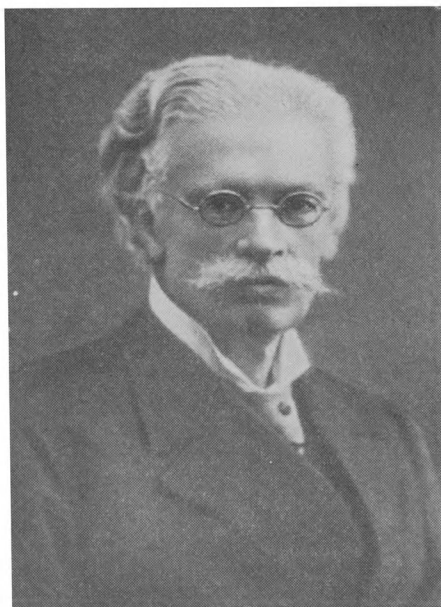
Кроме научной работы, преподавания, проведения семинаров, консультаций студентов и молодых преподавателей, как видно из записок, Ковалевская принимает активное участие в деятельности различных научных и литературных кружков и обществ Стокгольма: «Общества тринадцати», в основном состоявшего из профессоров Стокгольмского университета, «Молодой Швеции» — объединения молодых писателей. Она входила в женское общество «Новая Идун» (Nya Idun), которое было организовано по идее общественной деятельности Каллы Курман как параллельное существующему обществу «Идун», чисто мужскому по составу (Idun — скандинавская богиня обновления, владевшая яблоками вечной молодости — Idunäpplen (швед.))³.

Ковалевская в обществе была центром, вокруг которого сосредоточивались интересные разговоры, ее даже называли «Микельанджело беседы». К столетию со дня рождения Ковалевской в шведской газете о ней писали: «Первая женщина-профессор в Швеции производила ослепляющее впечатление на жителей Стокгольма в 80-е гг. ... Она покорила общество своим очарованием, интеллигентностью и остроумием»⁴.

Среди друзей и знакомых Ковалевской — литераторы Эллен Кей, Г. Ибсен, Стрёмберг, В. Бенедиктсон, Агрель, В. Рюдберг, художники, артисты и режиссеры. Имена многих из этих лиц встречаются только в записках. В литературных кругах Ковалевская пользуется широкой известностью, тем более что и сама пишет ряд литературных произведений, переводит со шведского на русский рассказ Анны-Шарлотты Леффлер «Кусок хлеба», рекомендует для публикации в русском журнале еще один ее рассказ «Сомнение», знакомит Миттаг-Леффлера и своих друзей с русской литературой.

Вместе со шведскими знакомыми Ковалевская бывает в театре, слушает оперу Халлстрёма «Неага», оперу Вагнера «Риенци», посещает музеи и выставки.

Она — инициатор многих полезных начинаний. Как видно из записок, Ковалевская и Анна-Шарлотта Леффлер являлись активными членами Комитета существующего до сих пор Фонда Лорена для развития общественных наук в Швеции, о котором говорилось во вступительной статье.

Г. Миттаг-Леффлер
(1916)

³ Gurli Linder. Sällskapsliv i Stockholm under 1880 och 1890-talen. Stockholm, 1918. 174 p. Также: Mia Leche-Löfgren. Våra föräldrars värld. Stockholm, 1934. 232 p.

⁴ Svenska Dagbladet, 13 Jan. 1950.

К. Вейерштрасс
(1895)

Создание этого Фонда содействовало развитию общественных наук, в частности социологии и политэкономии, в Скандинавских странах.

Важную роль сыграла деятельность Ковалевской в организации женского образования в Швеции. К ней обращались не только русские, но и шведские девушки с просьбой помочь им получить образование, дать им совет (см. зап. 39, 105, 124). Влияние Ковалевской проявилось и в том, что в Стокгольмском университете обучались и женщины. Несомненно, пример Ковалевской и долголетняя дружба с ней были причиной того, что в своем завещании Миттаг-Леффлер специально оговорил: «назначение стипендий для обучения на родине или за рубежом молодым людям обоего пола из четырех Скандинавских стран, учитывая действительные способности их к научным исследованиям и открытиям в области чистой математики»⁵.

Еще одной важной стороной деятельности Ковалевской было участие в издании журнала «Acta mathematica» — редактирование, поиски и отбор материала для публикации, забота о распространении журнала в других странах. Эти вопросы рассматриваются в письмах и во многих записках. Заметка Ковалевской, касающаяся статьи Юмбера, доказавшего другим способом результат, ранее полученный Вейерштрассом, была напечатана в журнале «Acta mathematica» за подписью «Главный редактор»⁶.

Есть записки, дополняющие содержание писем, относящихся к присуждению премий Оскара II, или содержащие ряд подробностей о пребывании Ковалевской и Миттаг-Леффлера в Париже во время Всемирной выставки 1889 г., о ее неосуществившемся плане получить профессию в Женской нормальной школе в Севре и стараниях Миттаг-Леффлера убедить ее не порывать со Стокгольмом, пока нет уверенности в получении места во Франции.

Стокгольмский университет был основан и существовал вначале на частные пожертвования, позднее часть средств на его содержание стала поступать от правительства. Для сбора средств требовалось поддерживать постоянные связи с состоятельными людьми, с представителями высшего чиновничества, знати. Ковалевская и Миттаг-Леффлер, добывавшиеся для университета средств и покровительства влиятельных кругов, посещали вечера, приемы, обеды у банкиров и промышленников. Валленберга, Пальме и других, поддерживая с ними дружеские отношения. Этих лиц включали в Правление университета, во всевозможные комитеты. Очень часто упоминается имя барона Уггласа, бывшего председателем Правления университета. В этой связи неоднократно упоминается и имя короля Оскара II, с которым Ковалевская была лично знакома.

Для университета и для журнала важно было также поддерживать постоянные связи с издателями, редакторами и сотрудниками издательств. Поэтому в записках так много имен представителей этих кругов.

⁵ G. et S. Mittag-Leffler testament.— Acta math., 1916, t. 40, p. I—V.

⁶ Humbert G. Sur les intégrales algébriques de différentielles algébriques.— Acta math., 1887, t. 10, p. 281.

После того как Ковалевская потеряла свою любимую сестру, у нее, в сущности, не осталось близких родных. Семья Миттаг-Леффлеров и Гюльденов заменили ей собственную семью. Миттаг-Леффлер заботился о ней как старший брат, руководил ее действиями, давал необходимые советы, составлял списки ее сочинений, образцы деловых бумаг и даже нумеровал формулы в ее работе. Ковалевская могла спокойно ездить по своим делам, оставляя маленькую дочь на попечении Миттаг-Леффлеров и Гюльденов. Она знала, что обе семьи искренне любят и ее и девочку. Вместе с Миттаг-Леффлерами Ковалевская начинает заниматься спортом: катается на коньках, берет уроки верховой езды и гимнастики. Об этом говорится в ряде записок. Но простое перечисление этих занятий не может передать того, что содержит, например, такая фраза: «Не забудьте дать мне Ваши коньки, когда завтра пойдете на лекцию» (зап. 89). Тут видны и рассеянность обоих профессоров (Ковалевская забыла свои коньки на королевском катке и поэтому просит коньки у Миттаг-Леффлера, и, зная рассеянность Миттаг-Леффлера, просит его не забыть о своем обещании), и видно, что лишнего времени нет ни у того, ни у другого. Катанье на коньках для них важно, но на него отведено ограниченное время — по дороге на лекцию Миттаг-Леффлер передаст ей коньки.

Таким образом, записки существенно дополняют наши знания о работе Ковалевской и ее окружении в последний период ее жизни, столь богатый событиями и достижениями в научной, литературной и общественной деятельности.

ЗАПИСКИ

С. В. КОВАЛЕВСКОЙ и Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА

(недатированные (1884—1891))^{1*}

1*¹. Не будете ли Вы любезны одолжить мне следующие тома журнала Борхардта: XIV, XVI и XIX? Нет ли у Вас случайно диссертации Шталя о приведении объемного потенциала к поверхностному?² Возвращаю Вам с благодарностью Якоби и Дини³.

2¹. Будьте столь добры, одолжите мне том Гаусса, в котором находятся «Рассуждения о поверхностях и т. д.»² Они нужны мне для завтрашней лекции. Позвольте мне прийти к Вам сегодня вечером попозднее, так как я не знаю, когда смогу закончить свою лекцию.

3¹. Можете ли Вы взглянуть на объяснения, которые я добавила к своей предыдущей лекции, как относительно разложений в ряд для некоторых случаев особой системы начальных значений, так и относительно теории особых решений?² Я не хотела бы показывать их ученикам, пока не получу Вашего одобрения. Извините, что доставляю Вам этот труд.

4¹. Не знаю, смогу ли я прийти завтра к Вам обедать, так как я обещала г-же Ретциус прийти к ним в два часа на чашку чая, и не знаю, смогу ли уйти достаточно рано на Ваш обед. Но во всяком случае я приду сразу же после обеда, к 6¹/₂ или 6 часам, чтобы провести с Вами вечер. Я очень рада, что познакомилась с Вашим кузеном-социалистом², и очень благодарна Вам за это. Я очень благодарна г-же Эдгрэн³ за ее любезное приглашение на сегодня, которое принимаю с большим удовольствием.

5¹. Адрес, который мне сообщил г. Вейерштрасс, следующий: Кларан, вила Дюбоше, 10².

^{1*} Годы, к которым относятся записки, указаны Миттаг-Леффлером, иногда со знаком вопроса. В некоторых случаях оказалось возможным уточнить датировку.

^{2*} В записках Ковалевской опущено обращение (сначала это было *сударь*, затем — *дорогой Гёста*), а также подпись — *преданная Вам С. Ковалевская* или *Соня*.

Но так как я уже послала два письма по этому адресу, не получая ответа,— вещь, которая со мной не случалась в продолжение всей моей переписки с В[ейерштрассом],— я не слишком осмеливаюсь утверждать, что этот адрес точен.

Когда Вы будете писать г. Эрмиту, прошу Вас передать ему мои приветствия и просьбу извинить меня за то, что я уехала из Парижа, не простившись с ним.

6¹. Я очень охотно приду к Вам завтра и очень радуюсь, что увижу Редданде Энгель². Тысяча благодарностей.

7¹. Не будете ли Вы добры доставить мне следующие работы, необходимые мне для лекций: Якоби. Лекции по динамике²; Comptes rendus de l'Académie des sciences, t. 14, 15, 16, 30³, Journal de l'École polytechnique, t. 36⁴, и, наконец, мою собственную диссертацию⁵. Я решительно принимаюсь за работу по подготовке своего курса.

8¹. Как Вы чувствуете себя сегодня, милостивый государь? Я прочитала свою сегодняшнюю лекцию, как мы с Вами условились, и объявила, что ближайший семинар будет в понедельник. Получили ли Вы приглашение на завтра на обед к г-же Валленберг?² Я надеюсь, что Вы достаточно поправились, чтобы принять его и в таком случае примете его.

9¹. Благодарю Вас, милостивый государь, за приглашение на завтра. Я приду очень охотно. Я прилежно работаю над моими лекциями. Я буду очень осторожна с «Записками» Вейерштрасса².

10¹. Я еще не знаю, смогу ли пойти сегодня на собрание. Если увижу, что моя лекция продвигается, приду к Вам в 1½. Вы, конечно, знаете, что собрание будет на улице Клараберггата, так как наша Высшая школа закрыта по случаю дифтерита. Я так рада победе, которую Вы одержали! Поздравляю Вас с нею и сгораю от нетерпения узнать детали. Я пойду сегодня вечером в театр с большим удовольствием; с 5 до 6 у меня урок у Лундгрена², но затем я буду свободна.

Теперь я изучаю Ваш курс.

11¹. Милостивый государь! Не будете ли Вы добры одолжить мне «Vildanden»², а также «Giftas»³. В этой последней книге есть несколько новелл, которые я не читала, но я очень скоро прочитаю и смогу вернуть уже завтра. Как здоровье Сигне и что сказал доктор о ее болезни горла?

12¹. Я с большим удовольствием пойду к Вашему другу Хаммарбергу, если он меня пригласит.

Король был чрезвычайно любезен; он довольно долго беседовал со мной, как раз в то время, когда я находилась между г-жой Ретциус и г-ном Петерсоном.

Варминг сказал мне, что он почти решил поехать в Копенгаген. Я разговаривала также с Вашим другом, директором Национального музея² (я опять забыла его имя), который взялся составить каталог моих гравюр. Он сказал мне, что музей Сток[гольма], может быть, захочет купить мою коллекцию, но он ничего не мог сказать о цене. Естественно, надо сначала узнать за границей.

Завтра после лекции я буду дома.

13¹. Извините меня за то, что я не пришла встретить Вас к пароходу, но я работала до 3 часов, а потом мы обедали и совершили прогулку с Рунге².

Я думаю, что сегодня, сразу после Вашего возвращения, Вам не будет удобно принять нас у себя и будет лучше, если Вы сможете прийти к нам на чай около 7½ <...>. Я жду Вас, значит, у себя.

14¹. Дискуссия была не очень оживленной. Варминг прочел нам письмо, полученное им от учащихся, и предложил, чтобы Совет профессоров обратился в Правление с просьбой понизить плату с учащихся до 10 крон в год. Брёггер протестовал против этого, говоря, что, по его мнению, преподавание в Высшей школе должно быть бесплатным. Варминг и другие возразили, что Правление не согласится с этим ввиду лекций Рюдберга. Брёггер предложил, чтобы для Рюдберга было сделано исключение. Тогда я сказала, что принципиально я того же мнения, как Брёггер, но нахожу,

*Бюст С. В. Ковалевской
(скульптор В. Рунеберг)
(1892)*

что невозможно делать или мотивировать такие исключения и что если бы пришлось выбирать между всеобщей платой в 10 крон или исключениями, то я скорее стою за всеобщую плату. Окончательного решения не приняли.

Завтра Варминг прочтет в Правлении письмо учащихся, а затем Совет профессоров соберется еще раз в этом полугодии.

Говоря о преподавании в нашем университете, Варминг сделал нам следующий комплимент. Он сказал: «Некоторые преподаваемые предметы, например математика, представлены у нас лучше, чем где бы то ни было на Севере».

15¹. Как Вы чувствуете себя сегодня? Скажите мне, если знаете, будет ли сегодня собрание профессоров и собираетесь ли Вы туда пойти. Мне кажется, что я со своей стороны должна это сделать, чтобы не дать повод Петерсону и Леке сказать: «Профессор Ковалевская, конечно, не пришла, так как она занята базаром»².

Если Вы чувствуете себя хорошо, то было бы очень забавно пойти вместе.

Милостивый государь! Это письмо уже было написано, когда я получила Вашу записку. Я не пойду на базар сегодня утром; совершенно достаточно, если я пойду туда вечером. Есть столько дам, которые сочтут за честь подавать русский чай. Я побуду у Вас немного, прежде чем пойду в Высшую школу.

16¹. Боюсь, что Вы очень рассердились на меня из-за того, что я не пришла вчера. Представьте себе, я совершенно забыла, что у нас семинар. Только в 11 часов вечера эта мысль представилась мне впервые, и я очень расстроилась из-за того, что забыла о своем долге, но было уже слишком поздно, чтобы исправить это. Амелия Викстрём обедала вчера у меня и предложила мне после этого пойти в театр посмотреть новую оперу «Neaga»². Я согласилась на это, не имея ни малейшего представления о том, что я что-нибудь забыла, и только встретив случайно в одном из антрактов м-ль Бендиксон³, которая также была в театре, вспомнила о нашем семинаре. Будьте добры, извините меня.

Я приду к Вам завтра в обычное время.

17¹. Благодарю Вас за любезное приглашение и приду с большим удовольствием. Так как моя лекция уже подготовлена² и так как лучше прочесть слушателям о решении уравнений всех степеней сразу, не позволяя им забыть начало, то я смогу начать сегодня. Я воспользуюсь возможностью «заболеть» в другой раз.

Я попробую доказать теорему, о которой Вы мне сообщили.

18¹. Как это печально! Я тоже совсем больна сегодня [...] Как Вы себя чувствуете? Какая ужасная книга новый роман Золя!²

19¹. Спасибо за Ваше любезное приглашение на четверг. Приду с большим удовольствием. Буду сегодня на катке в 3¹/₂. Я должна сознаться, что уже была там сегодня, но я встала очень рано и в 11 часов была уже дома за работой.

Будьте так добры, напишите мне адрес г-на Бьеркнеса.

20¹. Дорогая Сигне! Как чувствует себя сегодня твой муж? Сама я чувствую себя плохо — насморк и зубная боль, обе ужасные болезни напали на меня. Относительно своей маленькой дочери я получила хорошие сведения. Корь была очень легкой². Она настолько поправилась, что могла сама написать несколько слов.

21¹. Возвращаю Вам 1. Гейне², 2. Итальянские рукописи³, 3. Лекции Брунса. Что касается мемуаров Шварца и Брунса, то я их верну Вам, когда наведу немного больше порядка в своих книгах.

22¹. Напишите, пожалуйста, адрес на письме к Сигне и пришлите мне «Механику» Кирхгофа², она мне необходима для лекции.

23¹. Я с большой охотой пошла бы завтра в риксдаг², только не знаю, как быть с моей лекцией, если заседание затянется.

24¹. Профессор Рубенсон просил меня прийти сегодня вечером на его семинар по физике, так как он хочет говорить о преломлении света в кристаллических телах². С семинара я пойду к Вам. Если хватит сил, то пойду еще с Анной-Шарлоттой в риксдаг.

25¹. Я не могу прийти так рано, как хотела бы, потому что забыла, что позвала сегодня двух своих слушателей — Болина и нового, финна. Но я приду немного позже, около 9, чтобы записать адреса² и узнать результаты заседания Правления.

26¹. Я наметила несколько фамилий лиц, которым, как мне кажется, надо послать билеты на субботу²:

Г-жа Лимнель, Г-жа Гюльден, Норденшельд, Г-жа Шишкина, Г-н Хедлунд, Генерал Бьерншерна,	} ^{3*} Я бы охотно послала сама.
Профессор Кей, Директор банка Пальме и его жена, Гедин, Профессор Линдхаген и его жена,	

^{3*} Знак } — у С. В. Ковалевской.

Норвежский министр³ Риктер,
Президент Форсель,
Мейерберг (он член Союза Высшей школы).

Пошлите также один билет Юхану Леффлеру; он, без сомнения, будет Вам за это благодарен. Я со своей стороны была бы очень рада, если бы могла дать один или, если это возможно, два билета Амелии Викстрём.

1) Прошу Вас одолжить мне пемного той бумаги, которую мы употребляем для наших курсов, и будьте столь любезны заказать для меня запас ее на следующий семестр.

2) Посмотрите, пожалуйста, прошу Вас, есть ли у Вас все мои курсы оплаченного семестра; мне они нужны на воскресенье.

3) Записались ли вчера какие-нибудь ученики на математику?

4) Когда будет вторая запись?

5) Видели ли Вы, что вчера «Aftonbladet» воспроизвела статьи наших противников из Академии?⁴

27¹. У меня нет большой охоты идти сегодня вечером к Ретциусам. В настоящий момент у меня находится доктор Онгстрём; он пришел ко мне за некоторыми разъяснениями по поводу математического вопроса, и я не решаюсь отослать его. А кроме того, у меня нет большой охоты идти к Ретциусам.

28¹. Вот письмо из страховой конторы². Что же касается моих расчетов, то я их вовсе от Вас не получала. Они, вероятно, лежат где-нибудь среди Ваших бумаг. Придете ли Вы на каток между 2 и 3-мя?

29¹. Разве Вы не пойдете сегодня к министру [неразборчиво], чтобы получить необходимые сведения по поводу запрошенных расчетов?² Завтра у меня как раз было бы время их сделать. Потом я снова буду очень занята.

Я обедаю сегодня у Анны-Шарлотты. Увижу ли я Вас там?

30¹. [От Миттаг-Леффлера]. Из тех бумаг, что Вы от меня получили, должно определенно вытекать², что ежегодный аннuitет = сумме ренты и амортизации и равняется 3067. Из этой суммы часть составляет амортизация, которая выплачивается 1 июня. Вторая (часть) является рептой на незолотой капитал, она выплачивается в два срока, 1 декабря и 1 июня. Что дело обстоит именно так, чрезвычайно легко установить путем контрольного расчета. Как на немецком документе, так и на документе Пальме расчеты ренты ведутся отдельно от амортизации.

Прилагаю все четыре письма и прошу вернуть мне все сразу.

31¹. Будьте добры, перечитайте еще раз первое письмо, полученное Вами из страховой конторы, в котором разъяснены условия займа. Вполне ли Вы уверены, что каждое полугодие надо платить ренту лишь за [неразборчиво] капитал, а не ренту за первоначальный капитал 81 000 000? Я не могу вполне уяснить себе этого из той бумаги, которую я от Вас получила [...] Я произвела вычисления для обоих случаев.

32¹. [От Миттаг-Леффлера]

Непременно сделайте теперь правильные вычисления², иными словами, примите во внимание все обстоятельства. И отошлите бумаги, когда работа будет готова. Помните, что нам нельзя себя компрометировать. Если я еще раз явлюсь с неправильной цифрой, то все будет кончено, и это очень повредит моей репутации.

33¹. Я сделаю вычисления² так, как Вы хотите, хотя еще не вполне убеждена, что Вы правы. Мне кажется, что мы тогда насчитываем слишком много. Я больше не могу писать, так как Ваша горничная торопится, а мою уже не впустят в Ваш дом, так как сейчас больше 10 часов. Я вычислю все так, как Вы хотите.

34¹. [...] Высчитать время для того же года, право, довольно легко². Для того случая, если предположить, что примут [в основу расчета? — *Сост.*] Тёрнеблада³, этот подсчет у меня уже готов. Остальное будет готово, за это я ручаюсь, завтра к часу.

35¹. Я надеюсь, что Вы и Сигне доставите мне удовольствие прийти ко мне обедать завтра в 5 часов вместе с Анной-Шарлоттой и Хаухом. Сегодня мы имели намерение обедать на Мусельбакке² в 5 часов. Не придете ли также и Вы? Потом мы вместе пойдем в риксдаг³. Что я должна делать с бумагами, касающимися «Acta», которые Вы мне посылаете?

36¹. Энестрём был у меня, чтобы показать мне Вашу биографию², которую он только что написал. Я просила оставить ее мне до завтрашнего утра, и я посылаю ее Вам, чтобы Вы ее прочли. Если у Вас есть какие-нибудь замечания, то напишите их, прошу Вас, на отдельной бумаге и пришлите вместе с рукописью Энестрёма как можно скорее.

Я получила очень плохие известия из России. У моей сестры снова был очень сильный приступ ее болезни³. Врачи говорят, что она была на волосок от смерти и что следующий приступ будет, возможно, смертельным. Я совсем не знаю, что мне делать.

37¹. Могу ли я просить Вас одолжить мне следующие книги, которые мне нужны для моих лекций по механике².

1) Клаузиус. Потенциальные функции³.

2) Дирихле. О потенциале⁴.

3) Том Гаусса, где находится «О силах» и т. д.⁵

Мне кажется, что у Вас все эти книги имеются.

Как прошло вчера собрание Правления? В сегодняшней «Dagbladet» нет статьи Липдхагена. Я заключаю на этом основании, что Вы видели Монтапа. Каких интересных людей Вы видели вчера у Пальме?

38¹. Мы решили с Анной-Шарлоттой, что она сегодня придет ко мне обедать в 3½ часа и что затем мы пойдем вместе кататься на коньках в Кастельхольмен до 6½ ч. Поэтому я благодарю Вас за приглашение к обеду, но не могу по данной причине воспользоваться им. Что же касается «Риенци»², то я охотно пойду. Если Сигне будет добра прислать мне мой билет, то я могу пойти в театр прямо с катка.

Вчера я была у Липдхагена, но он не смог меня принять, он просил меня прийти к нему между 12 и 4.

39¹. Будьте так добры, пришлите мне те бумаги, которые Вы любезно взяли с собой после моей последней лекции, включая и «Абелевы функции»². Не можете ли Вы назвать мне несколько хороших учебников по тригонометрии, элементам аналитической геометрии и алгебре, а также по дифференциальному исчислению, предпочтительно на шведском языке? Какими учебниками пользуются здесь в реальных училищах? Одна молодая барышня обратилась ко мне письменно и просила меня рекомендовать ей такие книги.

40¹. Будьте так добры, верните мне записки Хеттнера², а также мои собственные по механике. Было бы также очень любезно с Вашей стороны одолжить мне еще журнал Борхардта, т. 66³. Мне он нужен сегодня вечером, а идти за ним в Академию слишком далеко.

41¹. Я получила ответ от Жаклара следующего содержания: «Нехорошо, но непосредственной опасности нет»². Таким образом, мне надо ехать сейчас же. Я не поняла сегодня утром Вашего сообщения. Узнали ли Вы что-нибудь новое?

42¹. Удалось ли Вам, Сигне, сбыть мой билет? Когда начало лекции Викселя? Пожалуйста, пришлите мне письмо Сильвестера с советом².

43¹. Посылаю Вам бумагу, касающуюся Дюгема, а также письмо от Энестрёма, только что полученное мною. Что мне на него ответить? Я тоже думаю, что самое важное — узнать название обзора. Должна ли я попросить Энестрёма прийти ко мне сегодня вечером между 6 и 7? Я получила сегодня две новые статьи от Дюгема².

Представьте себе, что мое портмоне действительно украли вчера в копцете. Какое мне дать объявление? В нем была монета 20 франков и несколько кроп, а также, что гораздо важнее, несколько амулетов.

44¹. Будьте так добры, одолжите мне «Journal de l'École polytechnique» № XXXVI, в котором напечатана знаменитая статья Брио и Буке². Не будете ли Вы также столь добры, чтобы еще раз написать мне названия

лучших учебников по тригонометрии, аналитической геометрии и элементарному анализу. По несчастливой случайности, в которой я признаю себя виновной, бумажка, полученная мною от Вас, пропала³.

Рюдберги не придут сегодня к Анне-Шарлотте.

45¹. Юхан Леффлер был очень доволен, что Кей едет по поводу Фонда Лорена². Сегодня Анна-Шарлотта и я были у Кей, чтобы просить его поехать. Но мы опоздали, его уже не было. Когда Вы его увидите, то поговорите с ним об этом деле. Ему следует выехать завтра или, самое позднее, послезавтра.

Будьте так добры, пришлите мне вечером вахтмейстера, чтобы известить меня о результатах выборов³. Анна-Шарлотта обещала прийти ко мне сегодня вечером.

46¹. Не будете ли Вы так добры просмотреть прилагаемое письмо? Я не могу, однако, отрицать того, что в нем содержится один слабый, и даже очень слабый пункт, а именно я здесь соглашаюсь с тем, что советник юстиции² имеет право располагать по своему усмотрению учреждениями Высшей школы и решать, кто имеет право ими пользоваться. Остальные профессора были бы совершенно вне себя, если бы узнали, что я письменно могла допустить что-либо подобное. Советник юстиции, вероятно, покажет это письмо некоторым из них, и я боюсь, что это письмо и в будущем может доставить нам неприятности. Хорошенько обдумайте его и дайте мне знать, следует ли мне отсылать его.

Дорогой Гёста, я только что получила этот отказ от Онгстрёма. Не похоже ли это несколько на объявление войны? Пожалуйста, отправьте прилагаемую карточку Юхану Леффлеру.

47¹. Я только что вернулась домой после прогулки в лесу с Анной-Шарлоттой. Было прекрасно, и мы очень освежились. Как жаль, что Вы не пошли с нами. Анна-Шарлотта ни за что не хочет идти на верховую езду раньше 2-х часов. Не зайдете ли Вы поэтому за мной в $\frac{1}{2}$ 2; мы должны начать верховую езду ровно в 2 часа. Вы можете поездить $\frac{3}{4}$ часа и окончить без $\frac{1}{4}$ 3.

Спасибо за Якоби².

48¹. Конечно, я забыла Ваше письмо в кабинете Брёггера — нет, я шучу, оно в моем кармане, в полной сохранности. Я слишком хорошо помню уроки своего отца², чтобы быть такой [неосторожной? — *Сост.*] по отношению к своим друзьям. Что касается книг, то я вернула «Милого друга»³ Анне-Шарлотте. Английские книги я еще не начинала читать, намерена сделать это сегодня. Не знаю, какие еще из Ваших книг в настоящее время у меня.

49¹. Пришлите мне, будьте добры, два мемуара Шварца² об интегрировании уравнения $\Delta u = 0$. Я совсем не помню, куда делась рукопись Кирхгофа о принципе Дирихле³, которую я привезла из Берлина года два тому назад и которую Фрагмен даже реферировал на семинаре. Нет ли ее среди Ваших бумаг? Если это так, то пришлите ее мне, пожалуйста.

50¹. Милый Гёста, я только что получила весьма успокоительную телеграмму, так что больше совсем не думаю о поездке².

Эллен Кей сейчас у меня и спрашивает, не может ли она поговорить с Вами, но я должна предварительно сказать, по какому поводу она хочет говорить с Вами. Это для того, чтобы уговорить Вас пойти на собрание в защиту свободы слова, которое состоится в 1 ч. (дня) в воскресенье в Свеа сален³. Поскольку я знаю, что в настоящее время Вы не хотите посещать какие-либо собрания, я хотела бы сказать об этом заранее.

51¹. Будьте так добры, пришлите мне снова немного бумаги для моей лекции. Со своими четырьмя лекциями в неделю я поглощаю огромное количество ее.

Анна-Шарлотта и я пойдем кататься на коньках около 3-х часов. Я надеюсь, что мы там встретимся с Вами.

52¹. Я все еще сильно простужена. Нет ли у Вас чего-нибудь интересного почитать, что Вы могли бы одолжить мне, так как очень скучно сидеть одной дома в воскресный вечер.

Какую книгу я Вам послала вчера? Книга о гипнотизме, которую я хотела Вам послать, оказалась на моем столе. Если, как я предполагаю, это была книга Норденсвана², то будьте добры отослать мне ее обратно, так как я ее еще не прочла. Спросите Анну-Шарлотту, не почувствует ли она сострадания к бедной больной и не придет ли навестить меня сегодня вечером, если она сама, конечно, не чувствует себя слишком усталой.

53'. Я полагаю, будет тактичным послать наше сообщение профессору Кею² и предоставить ему самому возможность за счет Фонда снять необходимое количество копий с него, так как вполне возможно, что он захочет внести туда некоторые изменения^{4*}. Может ли Альстранд пойти с этим к Кею?

Юхан Леффлер только что был у меня. Сначала он был весьма против какого-либо упоминания о Викселе, но позже решил, что будет очень хорошо сделать это. Я пойду на каток в воскресенье, но не раньше 3, чтобы не прерывать своей работы.

54'. Я подумаю, могу ли я написать что-нибудь о моем девере². Я очень рада, что он получил премию. Я поищу также биографию Гаусса³ и отошлю ее Вам с моей горничной.

Ради бога, не приходите сегодня вечером. Придет только профессор Валлис, чтобы познакомиться с [неразборчиво] врачом.

55'. Я только что получила рукопись с сопроводительным письмом Эне-стрёма². Я прошу Вас прийти ко мне, чтобы устно обсудить, что нам теперь делать. Я нахожу всю эту историю чрезвычайно неприятной. Сегодня я не пойду на гимнастику, а останусь дома и буду ждать Вас все утро. Я очень одобряю, что Вы хотите пригласить на завтра Брёггера.

56'. Почему Вы не пришли вчера вечером к Анне-Шарлотте? Собрание было таким длительным или, может быть, на нем случилось что-нибудь неприятное?

Будьте столь добры послать мне «Comptes rendus», 1878, тот №, в котором содержится статья Пикара о диф[ференциальных] уравнениях², и «Journal de l'École polytechnique», cah. 45, со статьей Пикара³.

Увидимся ли мы сегодня в 2 часа у Анны-Шарлотты, чтобы оттуда пойти в лес?

57'. Отсылаю Вам обратно «Comptes rendus», которые мне, однако, еще нужны. Посылаю также свою лекцию. Я не могу идти гулять сегодня в 3 ч., так как Эллен Кей придет сегодня ко мне обедать в 3½ ч. дня.

58'. К несчастью, Кей уже говорил вчера с Юханом Леффлером, который не пришел в особый восторг от этого плана. Посмотрим, что из этого будет сегодня. Впрочем, Кей наговорил Ю. Леффлеру много комплиментов и несколько раз повторил ему, что вполне естественно, если Ю. Л. выберут профессором Вашего университета. Кей придет к Фрицу² около 4½ ч. Ведь Ваш обед только в 5, не так ли?

59'. Дорогой Гёста, спасибо за приглашение Сони. Сейчас она в школе, но я полагаю, что она с большим удовольствием придет. В ½ 4 я приду за Вами. Было очень любезно со стороны Ибсена послать нам билеты.

60'. Дорогой Гёста! Добро пожаловать в Стокгольм! Я так рада, так рада, что Вы снова здесь, но надеюсь, что эту зиму Вы будете себя лучше чувствовать, чем предыдущую. Я бы уже пришла к Вам, если бы меня не задержали дольше, чем я думала, в школе фрёкен Витлок, куда сегодня поступила Фуфа. К сожалению, я обещала Леке обедать у него сегодня в ½ 4 вместе с проф. Гюнгли (или как его там зовут²), который пробудет здесь всего один день. Я не хотела отказаться от этого приглашения, так как он [Леке] ведь наш единственный друг в Высшей школе в настоящее время. Жду теперь с большим нетерпением Анну-Шарлотту, кроме всего прочего и в связи с планом использования денег из Фонда Лорена, о которых я хожу и строю фантазии. Но об этом мы поговорим сегодня вечером. Ах, как мне жаль, что я не могу обедать с Вами сегодня!

^{4*} Кстати, говорят, что у него всегда есть люди, для которых он охотно достает небольшую работу.

Я полагаю, что сейчас Вы отдыхаете, иначе я забежала бы к Вам хоть на момент.

61¹. 1) Я решила во всяком случае поехать в Упсалу. 2) Я читаю завтра абелевы функции, но Вам не надо извещать Болина, так как он сам сегодня вечером был у меня. 3) Деньги я Вам передам при первой же нашей встрече. 4) Я только что получила приглашение от Леке. Неужели же Рюдберг действительно отказался быть нашим представителем?!!

62¹. В самый последний момент я вспомнила, что оставила свои коньки на королевском катке, вот почему я не могла пойти сегодня на каток. Сегодня вечером я очень занята своей лекцией и не смогу прийти к Вам. Не будете ли Вы добры написать в нескольких словах то, что хотели мне рассказать, по крайней мере — о чем идет речь.

Ваша Соня.

Будьте добры также написать мне, в какой форме я должна пригласить всех наших 12 коллег на будущий понедельник². Я должна разослать приглашения завтра и, следовательно, приготовить их сегодня вечером. Придете ли Вы завтра на мою лекцию? Я буду говорить об абелевых функциях.

63¹. Будьте любезны подписать адреса на этих 11 конвертах². Я потом за ними пошлю, чтобы отправить их на почту. Будьте также добры проверить, правильно ли я написала имя профессора Тигерстедта³.

Я надеюсь, что нам принесут сегодня наше жалованье, так как мне очень нужны деньги.

64¹. Не знаю, нужна ли Тигерстеду доска для его лекции. Не могли бы Вы послать Альстранда спросить его об этом? В том случае, если доска ему нужна, не мог ли бы Альстранд принести Вашу доску ко мне?

65¹. [От Миттаг-Леффлера]

Отослано ли Ваше письмо к Пуанкаре? У Вас ли статья Юмбера² или где она находится? Пожалуйста, ответьте два слова.

66¹. К сожалению, я еще не отослала своего письма Пуанкаре, но сделаю это сегодня. Вот статья Юмбера.

67¹. Я думаю, что можно поступить двояким образом: или попросить у Вейерштрасса разрешение изложить теорию функции $H(x, y, x', y')$ в виде маленькой статьи, или же ограничиться очень краткой заметкой следующего вида:

«Полученные г. Юмбером результаты² уже были найдены г-ном Вейерштрассом много лет назад и сообщены им в его курсе по абелевым функциям. Но метод, которому следовали оба ученых, совершенно разный. У г. Вейерштрасса условия того, чтобы интеграл вида $\int R(x, y) dx$ был алгебраической функцией от x , вытекают как простое следствие из теоремы о приведении каждого интеграла рассматриваемого вида к сумме нормальных интегралов первого, второго или третьего рода. Чтобы осуществить это приведение, необходимо и достаточно знать: 1) коэффициенты при отрицательных степенях t в окрестностях всех аналитических точек, для которых разложение

$$R(x_t, y_t) \frac{dx_t}{dt}$$

содержит, вообще говоря, отрицательные степени t ; 2) значения $R(x, y)$ для p аналитических регулярных точек $(a_1, b_1), \dots, (a_p, b_p)$, выбранных произвольно. Эта теорема г. Вейерштрасса изложена, хотя и без доказательства, в диссертации г. Хеттнера (Берлин, 1877)³».

Прощайте, дорогой Гёста. Желаю Вам хорошего путешествия. В особенности желаю восстановления Вашего здоровья. Пишите мне, пожалуйста, так часто, как сможете. Как только я приеду в Петербург, я напишу Жаклару по поводу Пиренеев⁴. Благодарю за все.

68¹. После зрелого размышления я решила ехать только во вторник. Есть много причин не торопиться чересчур с поездкой; самая важная из них та, что я посылаю телеграмму Юлии Лермонтовой, чтобы узнать, в деревне ли она уже и может ли принять Фуфу.

Будьте добры прочитать Вашу лекцию, как обычно, в 10 ч. Я не спала всю ночь, у меня ужасная зубная боль, и я буду очень благодарна, если мне можно будет еще немного поспать.

69¹. Возвращаю Вам 10 кроп. Г-жа Гюльден нашла, что вторая пьеса лучше первой², мнение Линдстедта — противоположное. Г-жа Агрель вообразила, что все это плагиат из ее новой пьесы.

Я сказала своим слушателям, что в этом семестре не могу читать доклада, это надо отложить до следующего семестра.

70¹. Мне сегодня гораздо лучше, и я охотно приеду к Вам в воскресенье вечером для чтения своего рассказа², если только Сигне и Ваша мама не найдут, что скучно слушать плохой шведский язык, и не предпочтут подождать, пока Анна-Шарлотта немного его исправит.

Сегодня я начинаю серьезно работать, но после обеда снова должна пойти к Анне-Шарлотте, чтобы прослушать интересную автобиографию доктора Мейера. Я только что совершила большую глупость, приняла два веселых приглашения на понедельник: одно у Анны-Шарлотты, где будет вся «Молодая Швеция»³, другое — у Леке, где у меня будет возможность встретить много интересных людей. Я надеюсь, что смогу пойти по обоим приглашениям. <...>

71¹. Вместо того, чтобы работать и быть прилежной вчера вечером, я, легкомысленный человек, дала себя соблазнить гадкой Анне-Шарлотте, и мы пошли с ней в театр. Там мы, однако, получили неожиданное удовольствие встретить Вас, да, не пытайтесь отрицать это. Довольно примечательно, что вместо того, чтобы скромно занять свое место во втором ряду, Вы выступали на сцене под маской профессора математики в комедии Пауля Кейзера «Между нами, братьями, говоря». На афише было, конечно, указано, что в этой роли выступает Хиллберг, но прямая, как палка, осанка, манера шуриться и даже несколько длинноватый пиджак были настолько безошибочно Вашими, что даже Кнут Виксель, который тоже случайно оказался в театре, подошел к нам в антракте, чтобы спросить, не думаем ли мы, что профессор Леффлер был очень хорош.

Сегодня я собираюсь работать по-настоящему; если мне удастся найти это красивое решение, то я приду к Вам во второй половине дня. В противном случае мы встретимся завтра.

72¹. Дорогой Гёста, формула, о которой Вы говорите, вытекает из той предпосылки, что если функция $F(x, y)$ имеет следующие свойства:

$$F(x_t, y_t) = F_0(1 + tf(t)), \quad F_0 \leq 0,$$

$$F(x_t^\alpha, y_t^\alpha) = F_\alpha(1 + tf(t)), \quad F_\alpha \leq 0,$$

то постоянные величины C_α образуют систему связанных периодов

$$C_\alpha = \sum_{\beta} \omega_\alpha = \sum_{\beta} (2m_\beta \omega_{\alpha\beta} + 2n_\beta \omega'_{\alpha\beta}),$$

и если обозначить посредством $\varepsilon(x, y)$ соответствующее ε , то получим

$$F(x, y) = C\varepsilon(x, y).$$

Кроме того, имеется $F(a, b) = 1$. Тогда $C = 1$. Обозначим теперь через $2\omega_1, \dots, 2\omega_\rho$ систему связанных периодов ($\varepsilon(x, y)$ — соответствующая функция), где всегда существует система 4ρ положительных целых чисел

$$m_1, \dots, m_\rho, n_1, \dots, n_\rho,$$

$$m_1', \dots, m_\rho', n_1', \dots, n_\rho',$$

так что одна из двух пар чисел (m_α, m_α') , (n_α, n_α') равна нулю и что

$$2\omega_\alpha = \sum_{\beta=1}^{\rho} 2(m_\beta - m_\beta') \omega_{\alpha\beta} + 2(n_\beta - n_\beta') \omega'_{\alpha\beta}.$$

Обозначим $\varepsilon_\beta(x, y)$, $\varepsilon'_\beta(x, y)$ 2р фундаментальных функций и положим

$$F(x, y) = \prod_{\beta} \frac{\varepsilon_\beta(x, y)^{m_{\beta\varepsilon'_\beta(x, y)^{n_\beta}}}}{\varepsilon_\beta(x, y)^{m_{\beta\varepsilon'_\beta(x, y)^{n_\beta}}}}.$$

На основе указанной предпосылки будет

$$\varepsilon(x, y) = F(x, y).$$

73¹. Бендиксон сейчас как раз у меня; я забыла спросить Вас, как он может найти в Берлине Вейерштрасса. В своем письме Вейерштрассу я не смогла сообщить ему, где остановится Бендиксон. Что же должен делать Бендиксон после своего приезда? Напишите, пожалуйста, об этом два слова Бендиксону и пошлите их ему вместе с адресом до его отъезда.

74¹. Собираетесь ли Вы ехать завтра в Упсалу² и находите ли Вы, что мне тоже есть смысл поехать? Как нам в таком случае поступить? Когда и где мы встретимся? Ответил ли Фальк на Ваше письмо?

75¹. Будьте так добры прислать мне ту часть записок Хеттнера² об абелевых функциях, которая непосредственно примыкает к алгебраической части; я должна просмотреть ее для моей завтрашней лекции.

76¹. О чем пойдет речь на сегодняшнем собрании? Вероятно, о работах, опубликованных за границей, которые можно получить в обмен на Отчеты Высшей школы?² Мне так некогда, что я намереваюсь пропустить собрание, тем более что и Рюдберг часто не бывает. Ведь Вы можете сказать все то же, что сказала бы я.

77¹. Я только что услышала от фрёкен Лагерборг, что сегодня вечером на королевском катке будет праздник (с музыкой и электрическим освещением). Куда Вы предпочитаете пойти: на Ньюбрувикен в 3 ч. или на этот праздник вечером? Кажется, начало его в 7 ч. Я сделаю так, как Вы хотите. Если Вы предпочитаете пойти на праздник, то прошу Вас послать свою горничную к Фрицу², чтобы уведомить его, что я приду к нему после обеда в 6 ч. Зайдете ли Вы за мной?

78¹. Пойду ли я сегодня на каток, зависит от Анны-Шарлотты. Если она здорова, то мы пойдем смотреть новую совместную школу для мальчиков и девочек, организованную в Стокгольме². Но если она не чувствует себя достаточно хорошо, чтобы туда идти, то я с удовольствием отправлюсь с Вами на каток.

79¹. Энестрём был у меня вчера. Наш разговор был слишком длинным, чтобы его передавать в письме². Кроме того, я не успею, так как должна сейчас идти на гимнастику. Но с этим нечего особенно спешить, поэтому я могу рассказать Вам все завтра.

Я не пойду сегодня вечером на собрание общества страхования жизни, так как хочу тихонько посидеть дома и поработать.

80¹. Л[индстедт] только что ушел от меня. Мы поговорили очень дружески. Сначала он был в большом затруднении, и он еще не ответил окончательно, будет ли читать лекции осенью². Однако я думаю, что будет. Я объяснила ему, что это место только временное и что он может сохранить его лишь до тех пор, пока Фрагмен не сможет его заменить. Он даже сказал в шутку: «Вы, вероятно, боитесь, что потом не сможете мне это сказать».

Я сказала ему, что наш разговор надо держать в секрете от всех, кроме Вас и Леке³.

81¹. Сегодня мне лучше, и я приду к Гильдебранду². Счастливый Гюльден, который завтра уезжает! Я прямо-таки завидую ему. Лишь бы его не ожидало в Париже какое-нибудь разочарование насчет его работы.

82¹. Моя лекция еще не настолько готова, чтобы я ее могла отдать сейчас же, но во всяком случае я напишу ее так подробно и тщательно, что Вы потом сможете ее прочитать и Вам не нужно будет самому приходить завтра на мою лекцию. Я нахожу, что Вам не следует туда идти, если Вы сами не читаете. Я постараюсь записать все особенно тщательно.

83¹. Сегодня я снова вынуждена изменить Вам: нас обеих, меня и Анну-Шарлотту, уговорила Амелия Викстрём пойти к г-же Курмац, где сегодня будет особенно хорошо. Таким образом, у меня остается только утро для написания моей завтрашней лекции. Лишь в данный момент я могу начать работать. Начиная с 9 ч. я должна посвятить все время скучным, но необходимым хозяйственным заботам. Ужасно неприятно, когда случаются такие перемены правления², как у меня недавно. Я приду к Вам в воскресенье утром или в понедельник.

84¹. Я весь день сегодня изучала Неймана и Гейне², и все начинает для меня проясняться. Все же я не знаю, смогу ли уже завтра изложить Вам свои приобретенные познания, особенно ввиду того, что мне теперь надо оставить цилиндрические функции и подумать о своей лекции. Во всяком случае я зайду к Вам ненадолго завтра после лекции. Как жаль, что Вы снова плохо себя чувствуете. Я Вам ведь говорила вчера вечером, что Вам не следовало бы купаться.

Пожалуйста, пришлите мне журнал Борхардта № 69 и 48³. Я нахожу, что не совсем удобно, когда семинар приходится на вторник, накануне лекционного дня. Не лучше ли было бы назначить его на четверг?

85¹. Собрание у Анны-Шарлотты отложено на завтра в 2 ч. дня, так как Кей не смог прийти сегодня. Я только что вернулась от Уггласа, но барона не было дома, была только барышня. Я очень устала и чувствую себя сегодня не совсем хорошо. Поэтому с Вашей стороны было бы очень мило, если бы Вы сами пришли ко мне. Написала эти слова и вспомнила, что Вы ведь сегодня вечером ждете к себе Брёггера и Леке²; тогда уже мне придется все же идти к Вам.

86¹. Юхан Леффлер только что пришел ко мне. Я попросила его зайти за г-ном Боше² вместо Вас, так что Вы можете больше не заботиться об этом. Как Вы поживаете?

87¹. Я пойду сегодня или завтра к г-же Боше отдать ей визит и сообщу ей Ваш адрес.

Я буду очень рада познакомиться с г. Дуэ и его женой. Это во всяком случае может когда-нибудь пригодиться.

88¹. Я скажу К[овалевскому М. М.], что завтра мы вместе пообедаем. Сегодня вечером я Вас не приглашаю, так как хочу именно сегодня прочитать мою новеллу² Ковалевскому, и у него тоже есть рукопись, которую он хочет мне показать.

Мы условились встретиться у Вас в час дня. (Я, конечно, забыла всю историю с Кеем³.) Я зайду, однако, к Вам, чтобы проводить потом К[овалевского] к Фрицу.

Вы сказали мне, что так трудно достать мою диссертацию. Посмотрите на этот красивый пакетик, который я нашла сегодня утром, когда искала совсем другое.

89¹. Наибольшая часть моей вчерашней лекции имеется в записках предыдущей. В сущности, надо лишь добавить рассуждение об интегралах 3-го рода². Не могли бы Вы одолжить мне Ваши заметки по Вашему курсу? Быть может, Вы сможете прислать мне их позднее, если сейчас они Вам нужны? Иначе я не смогу следить за Вашей лекцией. Не забудьте дать мне Ваши коньки, когда завтра пойдете на лекцию.

90¹. Мне надо много денег², так как вчера приходили требовать с меня налог 239 крон. Кроме того, мне нужны также деньги для хозяйства. У меня есть деньги в банке, и я могла бы взять их там, но я не нахожу это необходимым, так как должны же нам принести сегодня наше жалованье.

Будьте столь добры, напишите мне адрес Ловена. Я забыла его имя.

91¹. Дорогая Сигне, я просмотрела сегодня все свои книги, но не нашла рассказов Францоса; так как я их никогда не читала, то подозреваю, что они лишь по ошибке записаны за мной. Быть может, книга эта лежала в кармане у Гёсты, когда он пошел меня провожать в какой-нибудь вечер. Зато я возвращаю Вам книгу «Фру Марианна»². У Вас тоже находятся 2 мои книги: «Жан и Пьер»³ и очерки Маколея⁴. Надеюсь, что Гёста

не потерял мою фотографию с А[нной]-Ш[арлоттой], которую надо отослать Юнасу Ли. Пожалуйста, пусть он достанет ее. Счастливого пути желает Вам Ваша преданная Соня.

92¹. Откровенно говоря, я так спешу теперь со своей работой, что мне не хочется жертвовать двумя днями на посещение семейства Пальме. Это займет два дня, так как, если мы вернемся домой только завтра, я уже не смогу много сделать в течение этого дня. Тем более что на 3 часа назначены похороны Г.² Так приятно было бы оказаться у семейства Пальме при других обстоятельствах и увидеть их прекрасный Свальнес³, но я должна отказаться от этого удовольствия. Пожалуйста, передайте мою благодарность семейству Пальме за их дружеское приглашение и скажите им также, что я буду очень рада, если они пригласят меня и маленькую Соню в другой раз попозже весной.

93¹. Я была вынуждена переговорить с Эллен Кей, чтобы спросить ее, не согласится ли она поселиться у меня на время моего отсутствия ради Сони. Она тогда спросила меня с большим удивлением: разве не решено, что Соня будет жить у Анны-Шарлотты? Я ей ответила, что еще неизвестно, вернется ли Анна-Шарлотта домой, и что я должна решить дело с Соней независимо от этого. Больше мы ни слова об Анне-Шарлотте не говорили. С г-жой Гюльден я не говорила (я ведь давно в последнее время ее не встречала), но г-жа Гюльден мне вчера сказала, что Соня высказывала вчера Арне Гюльдену² свое глубокое огорчение, что не только ее мамы, но и А[нны]-Ш[арлотты] не будет здесь на рождество.

Я сегодня прилежно работала, но почти не имею надежды вовремя быть готовой. У меня столько предметов, о которых надо подумать, что моя голова готова лопнуть.

В среду через неделю я должна уехать, иначе боюсь, что и в Париже все будет неладно³.

94¹. Довольно трудно определить, какая статья лучше. Но со всей беспристрастностью могу сказать, что у Болина².

95¹. Я только что получила прилагаемое письмо². Будьте добры, после того как его прочтете, доставьте его Анне-Шарлотте, которая потом вернет его мне. Каждая новая подробность так сокрушает, что я чувствую себя абсолютно сраженной перед лицом этой бесполезной и несправедливой жестокости судьбы.

96¹. Я была вчера вечером такой усталой, что не в состоянии была закончить переписывание². Я боялась написать глупости, если бы все же продолжала писать. Я окончу сегодня после своей лекции. Приду к Вам немного ранее ³/₄ 1.

97¹. Сегодня я получила очень милое письмо от Чебышева², который посылает мне свою последнюю работу с просьбой напечатать ее в «Acta mathematica». Я надеюсь, что Вы захотите и сможете вскоре это сделать. Сегодня я отослала письмо барышням Вейерштрасс такого содержания, о каком мы говорили вчера.

Есть ли что-нибудь новое от А[нны]-Ш[арлотты]? Ее «Сомнение» появилось в одном русском журнале³.

98¹. Как Ваша головная боль сегодня? Я думаю, что можно достать последний номер русского журнала («Вестник Европы»), содержащий «Сомнение» Анны-Шарлотты², здесь, в Королевской библиотеке. Не сходим ли мы как-нибудь вместе поискать его? Моя приятельница Юлия Лермонтова, читавшая эту повесть, говорит, что, к сожалению, перевод очень плохой, так что диалог во многих местах кажется странным и неестественным. Но все же ей очень нравится эта повесть. Сделанный мною перевод «Куска хлеба»³ находится у Юлии Лермонтовой. Я ей сегодня написала и просила отослать его в Стокгольм. Здесь я дам прочитать его Ковалевскому, а потом мы решим, куда его послать.

Будьте добры передать мне Вашу тетрадь об эллиптических функциях. Сегодня я напишу Чебышеву⁴. Теперь я прилежно работаю над своей статьей. Вы, вероятно, тоже получили «Теорию вероятностей» Бертраана⁵?

Придется мне написать и поблагодарить его, но прежде я хочу пере-листать книгу.

99¹. Не будете ли Вы так добры просмотреть § 2 и перенумеровать уравнения также и на приложенной рукописи². Мне очень стыдно просить Вас об этом, но самой мне невозможно успеть это сделать [если я хочу], чтобы вышло что-нибудь из моей сегодняшней лекции. Если у Вас тоже нет на это времени, то я сделаю это после лекции.

100¹. Я на этот раз не писала настоящего конспекта, но если Вы хотите, то я могу в полчаса вкратце сообщить Вам содержание лекции. Я получила сегодня письмо от проф. Ковалевского. Он придет.

101¹. Что мне теперь делать с моим Schmerzenskind^{4*}. Сейчас мне прислали одновременно приглашение на завтра, в пятницу, к Кею² и письмо от К[овалевского] — он остается в Упсале до вечера пятницы³. К[овалевский] просит меня исполнить для него кое-что, но не сообщает своего адреса. Как же мне сообщить ему о приглашении Кея? Не лучше ли всего телеграфировать Лунделю: «Ковалевский приглашен Кею пятницу на обед 5 часов»? Я думаю, что это было бы вернее всего. Но будьте добры сообщите мне адрес Лунделя. Или мне лучше телеграфировать Хегстрему? Он пишет, что Ваши знакомые очень любезно его приняли.

102¹. Будьте столь добры прислать мне обе книги Тета². У меня самой есть одна из них, но я не могу найти своего экземпляра. Зато «Лекции» Гельмгольца³ стоят на моей книжной полке.

Пожалуйста, попросите Сигне сообщить мне адрес или хотя бы имя итальянской учительницы⁴.

Как Вам понравилась вчерашняя лекция К[овалевского]⁵? К[овалевский] просил меня поблагодарить Вас за Ваше любезное приглашение; мы будем у Вас в 6 ч. [ведь, кажется, так]. Я постараюсь прийти немного раньше, чтобы пойти к Фрицу; я так давно уже не видала его. Было ли письмо от А[нны]-Ш[арлотты]? Я бы сама пришла к Вам, но до обеда хочу сидеть дома и работать.

103¹. В 1 ч. дня [Ковалевский] и я придем к Вам. К[овалевский] уезжает завтра вечером. Вчера мы много говорили о наших планах поездки на лето. Мы пришли к заключению, что все же лучше было бы поехать на Кавказ. К[овалевский] там часто бывал, и, в сущности, он должен туда вернуться, чтобы закончить свою работу². Кавказ, впрочем, так интересен. Мы об этом поговорим сегодня, так как я надеюсь, что Вы тоже решите ехать на Кавказ. Мне кажется возможным убедить также Анну-Шарлотту. Мы встретимся все в Италии, потом поедем через Константинополь, Одессу, Крым. Есть ли у Вас географическая карта этих стран? Нам она будет нужна, чтобы сегодня составить наши планы.

104¹. Не будете ли Вы добры прислать мне франко-русский или, если у Вас есть, англо-русский словарь? Где бы я могла найти «Proc. R. S.» за 1862 г.? В них имеется статья Томсона о диссипации энергии, которую я очень хотела бы прочитать для своих лекций².

У меня сейчас столько дела, что я намереваюсь пропустить сегодняшнее заседание.

105¹. Мне кажется, что я сделала теперь все изменения, которых Вы желали, но, прежде чем я отошлю свою рукопись Фрагмену, я хотела бы попросить Вас просмотреть ее еще раз, не сделаете ли Вы еще каких-нибудь замечаний². Получили ли Вы письмо от Анны-Шарлотты? Довольны ли Вы моими замечаниями к статье К[овалевского]? Не будете ли Вы добры подписать аттестат фрёкеп Сёдерельм?³

106¹. Я думаю, что Силлов предполагает, что Ваша лекция сегодня будет очень элементарной, и потому не хочет прийти. Дайте ему знать, будете ли Вы читать сегодня что-либо интересное. В этом случае я тоже приду на Вашу лекцию. Если нет, если Вы будете читать только о вещах очень элементарных,— мы встретимся на катке в 4 часа,— не правда ли? Не

^{4*} Schmerzenskind (нем.) — дитя скорби.

думаете ли Вы также, что надо предупредить Кея, что мы приведем сегодня вечером Силова?

Не можете ли Вы указать мне адрес Юнаса Ли? Анна-Шарлотта поручила мне доставить ему нашу фотографию, но я не знаю, куда ее адресовать.

107¹. Я хочу пригласить Силова в воскресенье после обеда вместе с Брёггерами и Леке. Я надеюсь, что Вы ничего не имеете против этого предложения. Тогда Вы можете пообедать со своим семейством, а затем прийти ко мне около 8 ч.

108¹. Дорогой Гёста, что же делать? Мы должны быть довольны и тем, что хоть что-нибудь получили! Теперь, вероятно, Угглас уйдет². Лишь бы Форсель не счел своей обязанностью заменить его! Точно в 8.20 я буду готова.

109¹. Что означает письмо Вашей матери, которое я получила вчера? Может быть, это шутка? Я не могу поверить, что «Svenska Dagbladet»² могла позволить себе такую отвратительную вещь³. Я не смогла сомкнуть глаз этой ночью. Теперь я должна читать лекции. Мы встретимся в 1¹/₄.

110¹. Посылаю Вам 90 марок. Остальной свой долг я выплачу, как только получу мою сберегательную книжку, которую я еще не успела получить у Гюльденов. Не будете ли Вы так добры одолжить мне все имеющиеся у Вас статьи Штауде о гиперэллиптических функциях²? Я должна посмотреть, не содержится ли в них чего-нибудь, чем я могла бы воспользоваться в своих вычислениях³. Потом я верну их Вам.

Я не успела к Вам уже вечером, так как меня задержали у Гюльденов.

111¹. Сейчас я получила записку от г. Ковалевского, который приехал вчера вечером и который находится сейчас в Гранд-отеле². Вот что называется приехать как раз вовремя. Сегодня вечером, конечно, он придет ко мне. Вчера я должна была прочитать столько лекций, что пришла домой слишком поздно для того, чтобы идти обедать к Вам. Я так устала, что не смогла пойти вечером к Фуфи.

112¹. Не может ли Альбранд передать приложенную записку в Гранд-отель? Если он уже ушел или занят другими делами, то скажите моей прислуге, что ей надо пойти. Я пишу К[овалевскому], что он может навестить Фрица² сегодня в 1¹/₂ 2, и тогда он, вероятно, занесет свою карточку и Вам.

113¹. Я уверена, что К[овалевский] будет очень рад пообедать с Вами и провести у Вас завтрашний вечер, и я очень благодарю Вас за Ваше милое приглашение, которое принимаю с большим удовольствием.

114¹. Дорогие Гёста и Сигне, я надеюсь, что вы воспользуетесь приглашением Гюльдена посмотреть телефонную башню? Я не могу пойти, потому что у меня слишком много дела, а К[овалевский] тоже не может из-за нездоровья. Надеюсь, что Вы извините нас.

115¹. Очень благодарна за любезное приглашение, полученное мною вчера вечером. К сожалению, я вижу, что мне невозможно его принять, так как мне не с кем оставить Фуфу, которая придет из школы в 1¹/₂ 4. Позднее, зимой, я смогу в таких случаях посылать ее к Гюльденам, но сейчас нет другого выхода, как остаться самой дома.

116¹. [От Миттаг-Леффлера]

Почему Аппель не отвечает и не благодарит?² В Париже ли он? Не обиделся ли также и он, что орден получил Пуанкаре? Ведь он же получил другую награду, которая также считается очень высокой. Пуанкаре телеграфировал.

Сообщите теперь мне во всех подробностях, что Вы делаете по отношению к Бертрану. Если Вы не сообщите точно ситуацию, то мне будет совершенно невозможно что-то сделать.

Весь мой рождественский отпуск³ ушел на разные хлопоты для обеих дам, Сони и Анны-Шарлотты⁴, и на премию. А я так хотел бы и сам немного поработать, так как я, право, думаю, что мог бы сейчас сделать

что-нибудь порядочное в отношении сингулярных решений дифференциальных уравнений.

Теперь хорошенько позаботьтесь о своем здоровье, это сейчас для Вас самое важное, и сообщайте мне, как Вы поживаете.

Мой тесть еще здесь и останется по крайней мере еще с неделю. Сонечка здорова. Завтра она узнает, что Вас не будет эту зиму. Все Вам кланяются. Что Вы узнали относительно метрической комиссии?

Ваш Гёста.

117¹. Я телеграфировала г-же Янковской, что собираюсь уговорить Вас прийти к ней сегодня вместе со мной к обеду, и получила сейчас ответ, что она будет в восторге, если мне это удастся. Я надеюсь, что Вы придете. Я буду ждать Вас до 6¹/₂. Обед будет, конечно, очень скромный. Если Вы не сможете прийти к обеду, то приходите по крайней мере вечером. Но я надеюсь, что Вы сможете прийти к обеду².

118¹. Адрес г-жи Янковской: 13, Бульвар Латур-Мобур. Было бы чрезвычайно любезно с Вашей стороны, если бы Вы нанесли также визит моему зятю Жаклару. Как Вы знаете, он очень тщеславен и всегда жалуется, что мои друзья недостаточно его замечают. А мне, быть может, он очень понадобится. Сам он живет очень далеко: 55, ул. Лепик, но между 5 и 7 он всегда в редакции «La Justice»², ул. Фобур, Монмартр, 10. Если бы Вы занесли ему туда свою карточку в один из ближайших дней, то это было бы с Вашей стороны очень мило. Завтра мы дома, за исключением времени между 2-мя и 4-мя часами, когда г-жа Бутру (сестра П[уанкаре]) просила, чтобы Соня пришла к ее детям.

119¹. [От Миттаг-Леффлера]

Для того чтобы Вы не поняли меня ложно, я хочу только сказать, что Вы можете положиться на то, что я буду по мере сил стараться устроить Вам новое место в Севре², если Вы по-прежнему настаиваете на этом. Я хотел бы только, чтобы одновременно было сделано что-нибудь «гораздо большее», а этого легче добиться, если Ваше положение здесь будет более прочным и обеспеченным. Поэтому разрешите мне стараться добиваться этого. Вы ничем себя не связываете и в любой момент можете быть совершенно свободны.

Ответьте мне насчет Вашего заявления³, о котором я просил, и имейте некоторое доверие ко мне. Это было бы самым лучшим, что можно сделать при данных обстоятельствах. Помните, что желая получить место, Вы еще не обязываетесь принять его. Вы можете, как только захотите, подать прошение об отставке. Сейчас дело обстоит иначе, чем прошлый раз, при Вашем назначении. Теперь от Вас не требуется никаких обязательств остаться на определенный срок. Профессура считается свободной, на нее подают заявления и она замещается, согласно нашему уставу, совершенно так, как здесь принято⁴.

Мы все очень огорчены тем, что Вы так мало сообщаете о себе. Вы доставили бы мне большую радость, если бы иногда писали о том, как Ваше здоровье и как Вы вообще живете. Сонечка здорова, но также очень огорчается, что так редко узнает что-нибудь от своей мамы.

Ваш Гёста.

120¹. Как вчера, так и сегодня мы ждали каких-нибудь признаков жизни от Вас. Я только что получила длинное письмо от Вейерштрасса, содержащее и письмо для Вас². Я его, однако, не отсылаю, так как надеюсь, что мы все-таки где-нибудь встретимся раньше, чем почта успеет Вам его доставить.

Во всяком случае телеграфируйте мне, как Вы проводите завтрашний день. Если бы я знала, где Вы сегодня вечером, я бы туда пришла.

121¹. Не будете ли Вы добры написать мне еще раз черновик письма в Академию, которое я должна составить для Линдхагена². Это очень глупо, но я никак не найду первый, который Вы мне написали.

122¹. Не будете ли Вы добры отыскать мою биографию, написанную Паулем Дюбуа-Реймоном². Сестра г-жи Гюльден просит ее для отсылки в один немецкий журнал вместе с немецким переводом моей книги³.

Я не успела вчера зайти к Линдхагену, но пойду к нему сегодня по дороге в Высшую школу, куда я, как было условлено, зайду за Вами в 2 ч., чтобы потом пойти в банк.

123¹. Судьба решила, что я не могу идти сегодня вечером к Леке, поспавши мне сильную мигрень. Если бы мне пришлось сидеть весь вечер в облаке табачного дыма, которым обычно окружают себя мужчины, то я бы и завтра не могла ничего делать, а это было бы уж чересчур большой жертвой. Возьмите, пожалуйста, на себя защиту перед [неразборчиво] преданной Вам Софьи Ковалевской.

124¹. Софья Ковалевская просит Гёсту быть любезным прислать ей книгу о дифференциалах и интегралах, по которым должна экзаменоваться фрёкен Лагерборг.

125¹. Будьте так добры одолжить мне Вашу тетрадь об эллиптических функциях и их применении². Мне она нужна для моей завтрашней лекции. Я хочу несколько освоиться с вопросом.

126¹. Я совершенно не хочу ехать во дворец одна. Кроме того, у меня самой с утра такая сильная мигрень, что я едва держу голову. Я прямо боюсь, что у меня будет на балу сердечный припадок. Я хотела уже утром послать к Вам и сказать, что я не смогу ехать. Одна я определенно не поеду.

127¹. Как было вчера в Правлении? Пойдете ли Вы на мою лекцию сегодня? Не ходите, если Вы устали, и я постараюсь читать так же хорошо, как если бы Вы присутствовали², а потом когда-нибудь в будущем Вы прочитаете мои заметки.

128¹. Жаль, что Вы не были на утреннике Стр[ёмберга]², это было очень интересно. Я получила письмо от Томаса³ и хочу пойти к нему.

129¹. [От Миттаг-Леффлера]

Дорогая Соня! Что сказал американец?² Надеетесь ли Вы прийти сегодня к маме?³

Ваш Гёста.

Верните, пожалуйста, Золя⁴ с посланным.

130¹. Представьте себе, что Томаса не было дома, когда я к нему пришла, несмотря на то что он прислал мне сказать, что будет ждать меня с 3 до 5. Неправда ли, как любезно! Я оставила только свою карточку.

Постараюсь вечером зайти к тете², если только выберусь от Гюльденов достаточно рано.

131¹. Гильдебранд не был сегодня на Совете преподавателей. Зато Леке сразу же начал говорить о Вашем споре. Он со своей стороны утверждает, что один друг всегда может сказать другому прямо в лицо, будучи наедине с ним, любую мысль, возникшую в его голове. Что же касается того намека, который он высказал относительно Вас, то он охотно возьмет его назад и признает, что здесь он был неправ. Но он не хочет сделать первого шага Вам навстречу. Он надеется, что все само собой сгладится, как только Вы с ним встретитесь в следующий раз.

Завтра я не могу приехать в Дьюрсхольм². Я надеюсь, что Вы найдете время навестить меня, когда будете в городе. Мое последнее возвращение от Вас было не особенно приятным. Лошадь лягалась и делала всевозможные фокусы. Кучер первый раз объезжал ее.

132¹. Я не могла приехать в Дьюрсхольм, потому что была приглашена к Гюльденам. Если не случится ничего неожиданного, то я приеду к Вам в следующее воскресенье.

Со своей стороны я была бы очень рада прочитать свою историю о нигилистке² для 15³. Гюльден, правда, проворчал что-то о том, что общество собирается, собственно, не для чтения повестей, и то же самое может сказать кто-нибудь другой.

Эллен Кей говорила мне, что молодые Гейерстамы⁴ охотно ответили бы на Ваше объявление относительно комнаты. Раньше, чем Вы решитесь на что-нибудь, хорошо бы Вам поговорить с ней, у нее есть два предложения.

133¹. Как чувствует себя Ваша мама сегодня? Я получила письмо от Леке, извещающее меня, что Правление дало мне отпуск². Я еду во втор-

ник вечером. Окажите любезность, передайте пьесе А[нны]-Ш[арлотты] «Den Kärleken»^{5*}, которую я Вам послала несколько дней тому назад, моей горничной, которая отнесет ее Эллен Кей.

Что Вы скажете о «Крейцеровой сонате»³? Вероятно, мы увидимся сегодня вечером у Гюльденов. К которому часу Вы придете?

134¹. Мне очень жаль, что я вчера из-за простуды не могла прийти к Вам к обеду. Сегодня мне немного лучше, но я еще не совсем здорова и не выхожу еще из комнаты.

Пишу Вам сейчас, чтобы напомнить: 1) о Вашем любезном обещании прислать мне список собственных математических работ, который от меня усиленно требует один русский журнал²; 2) адреса первостепенных итальянских математиков, чтобы послать им мою статью из «Savants étrangers»³; 3) фотографии — Вашу и Сигне, а также Анны-Шарлотты и герцога⁴.

Не будете ли Вы добры спросить Анну-Шарлотту, говорила ли она уже с Норденшельдом.

135¹. Моя мигрень, которая прошла вчера вечером, возобновилась сегодня с такой силой, что мне совершенно невозможно сегодня читать лекции.

Я бы очень хотела, чтобы Кобб² также отложил свой доклад на завтра, так как я в нем очень заинтересована. Сегодня я, конечно, не пойду к Гюльденам.

Я только что получила известие о том, что моя биография принята в большом русском журнале «Вестник Европы»³, где была напечатана вещь А[нны]-Ш[арлотты] «В борьбе с обществом»⁴, и скоро начнет печататься.

Фрекен Хедберг дала мне перевод моей польской повести⁵. Было бы приятно прочитать ее вам в один из ближайших вечеров, например вечером в воскресенье.

136¹. [От Миттаг-Леффлера]

Дорогая г-жа Ковалевская, пожалуйста, ответьте на следующие вопросы: 1) Как Вы попали домой вчера вечером? 2) С кем Вы разговаривали за ужином? 3) Не знаете ли Вы, имел ли король возможность поговорить об «Acta» с русским послом?²

Я так устал, что ушел уже в 12 ч. Сегодня мне надо было встать в 7 ч утра. Было бы приличнее, чтобы Вас вел к столу Норденшельд, являющийся наиболее известным научным деятелем в Швеции, чем если бы это сделал я. Кроме того, если бы я вошел вместе с Вами в комнату, где собралось общество, к которому я не принадлежу, то я подвергся бы опасности, что на меня стал бы смотреть сверху вниз какой-нибудь камергер или другие тому подобные лица.

137¹. Спасибо за приглашение. Мы приедем с большим удовольствием. Я, впрочем, заранее уже знала, что завтра день Вашего рождения², и отказалась вчера, ожидая Вашего приглашения, от такового у Гюльден, которая тоже хотела меня завтра видеть. У меня сегодня болит голова, сейчас я должна идти на свою лекцию.

В самое ближайшее время я переведу конец Вашей статьи³. Прочитайте мою записку и тете.

138¹. Посылаю Вам снимок своей тени² и сердечные поздравления к x -му году Вашего рождения³. Я вернулась с праздника С[триндберга]⁴ сегодня днем в $\frac{1}{2}$ 5-го. Пьеса была очень хороша и возбудила живое одобрение. Стриндберга вызывали несколько раз, и он получил несколько лавровых венков. На празднестве было очень оживленное настроение. Норденшельд, который вел меня к столу, был в таком блестящем настроении, в каком я его еще никогда не видала.

Я ничего не подписала на своей фотографии, потому что хочу сфотографироваться еще раз, и, может быть, Вам больше поправится новая карточка и Вы захотите переменить.

^{5*} Den Kärleken (швед.) — Эта любовь!

139¹. Я возьмусь за Вашу статью², как только справлюсь со своей корреспонденцией. В настоящее время у меня имеется не меньше 10 писем, требующих немедленного ответа. Если я не успею сегодня, то закончу перевод завтра. Около 1 ч. я зайду за Вами для совместной прогулки.

140¹. Когда я получила вчера Ваше любезное приглашение пообедать у Вас сегодня, я совсем забыла, что м-ль Кей обедает сегодня у меня. Поэтому я смогу прийти к Вам только в 6¹/₂, чтобы затем вместе пойти в Гранд-отель². Я попытаюсь закончить сегодня перевод Вашего мемуара³.

141¹. Как это грустно, что у Вас постоянные мигрени! Как случилось, что Вы не были вчера на обеде у Леке? Благодарю Вас за приглашение на сегодня. Я приду с большим удовольствием, и мне очень любопытно узнать о предложении г. Бекмана. Но вечером я не хотела бы идти на Совет преподавателей без большой необходимости, так как мы хотим пойти вместе с несколькими членами семьи Гюльдена в русскую церковь, где будет ночная служба. Завтра — наша русская пасха². До свидания.

142¹. Не будете ли Вы так исключительно добры, чтобы послать сегодня список моих заслуг г-же Бекман². Вчера она сказала мне, что ждет только его, чтобы послать в Америку.

Сигне, вероятно, рассказала Вам, как мил был Милле по отношению к моей книге³.

143¹. Почему Вы не написали мне черновик для письма к Фредриксону², которое должно быть сегодня отослано? В котором часу Вы пойдете к Милле? Пойдем ли мы вместе? Благодарю Вас за роман Золя, который я нахожу отвратительным³.

144¹. Посылаю Вам вместе с этим [письмом]: 1) мою собственную злополучную статью, 2) Ваши заметки на моих лекциях, 3) Журнал Крепле², диссертацию Брунса³ и книгу Ламе⁴ (пожалуйста, помните, что я ее Вам вернула). Якоби⁵ я сохранию до следующей лекции. 4) Роман Абу. Пожалуйста, прочитайте его, по возможности скорее. Во-первых, он не стоит труда читать его медленно, а во-вторых, я скоро должна вернуть его Милле.

145¹. Я буду готова в ³/₄ 6 ч. Я посылаю Вам также роман одного молодого польского писателя графа Ржевуского, которым весьма интересуюсь, поскольку он, так же как и я сама, претендует на то, чтобы стать интернациональным писателем. Он написал пьесу «Le compte Vitold»^{6*}, которую я видела в Париже и которая мне очень понравилась. Вчера в книжном магазине «Fritze»² я увидела его новую книгу и купила ее. Может быть, она Вас также заинтересует и Вы ее прочтете. Книга довольно интересна, хотя ей также не хватает в известной степени современной французской манеры письма. Тема — защита взглядов в пользу многоженства.

146¹. Чем больше я думаю о данном деле, тем яснее вижу, что не могу искать личной беседы с Линдстедтом². Она возбудила бы лишь столько же болтовни и сплетен, как и мой злополучный визит к Монтану. Но не было ли бы возможным для Вас написать Хассельбергу, чтобы он намекнул в разговоре Линдстедту, что я охотно стала бы его преемницей. Попытка уговорить Линдстедта, если он сам не захочет предложить меня, не приведет ни к чему. Он слишком упрямый человек. Самое важное — дать ему понять, что я охотно взяла бы это место, а там пусть он делает, что хочет.

147¹. Дорогая Сигне! Нет ли возможности достать еще один билет на сегодняшний вечер? Не будешь ли ты добра узнать об этом по телефону? Я охотно взяла бы с нами Фуфу. Я уже давно обещала взять ее в театр и нахожу, что сегодня это было бы очень удобно и сегодняшняя пьеса хорошо бы подошла. Не говорите ей ничего об этом, потому что было бы разочарованием, если билетов уже нет.

^{6*} Le compte Vitold (фр.) — граф Витольд.

148¹. Мне сегодня лучше, и я могла бы в крайнем случае пойти на собрание преподавателей. Но не думаете ли Вы, что Вы могли бы сообщить им, что я больна?

Скажите, как мне писать к Милле? Милле — французский посланник, не так ли?

149¹. Я постараюсь выяснить для Вас математическую часть. Сегодня я получила заметки Кобба.

150¹. Не будете ли Вы любезны одолжить мне новый роман Ги де Мопасана², а также сообщить адрес фрёкен Гайдукевич. Мне кажется, что Вы его где-то записали, и я была бы весьма благодарна, если бы смогла сразу получить его.

151¹. Прошу Вас отправить мои письма вместе с Вашими на «Экспрессе»². Написали ли Вы о брошюре о матриархате?

152¹. [От Миттаг-Леффлера]. Благодарю Вас за Ваше милое письмо. Я очень болен. Болезнь становится, кажется, серьезной. Горло настолько опухло, что я не могу ни глотать, ни говорить. И я так ослабел, что мне трудно даже водить пером. Но я надеюсь, что все пройдет.

Пришлите мне Вашу лекцию, я ее поправлю. Бог знает, когда я буду читать в следующий раз. Во всяком случае передайте, что завтра я читать не буду.

Попросите Фрагмена навестить меня.

Преданный Вам Г. М.-Л.

153¹. Я вернулась домой сегодня около 8 ч. утра и была бы очень рада встретиться с Вами как можно скорее². Не можете ли Вы прийти навестить меня после своей лекции? Поклоны от Вейерштрасса.

Ваша Гёста³.

154¹. Дорогой Гёста. Сегодня мне очень плохо. Я была уже простужена, но пошла все же вечером к Гюльденам. Там, однако, у меня сделался такой сильный приступ озноба, что мне пришлось почти тотчас же вернуться домой. Позднее вечером у меня началась сильная рвота и всю ночь был сильный жар. Сейчас у меня сильные боли в спине слева, и вообще мне так плохо, что я очень хотела бы позвать врача. Будьте так добры, напишите несколько строчек Вашему врачу, чтобы он посетил меня сегодня, и пошлите с посыльным. Я не знаю никакого врача.

Преданная Вам

[подпись на визитной карточке]: Софья Ковалевская
профессор Стокгольмской высшей школы

[Приписка Г. Миттаг-Леффлера]:

Последнее письмо. Я тотчас же послал за врачом и приехал сам сейчас же после своей лекции. Инфлюэнца. Легкие. Г. М.-Л. 7/2.1891.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ

1880 — 1883

1

¹ Письмо 1 (фр.) в группе писем С. В. Ковалевской (далее — С. К.).

² На конверте надпись: «В Финляндию, г. Гельсингфорс, г. Миттаг-Леффлеру, из университета». Почтовый штемпель: 4 октября (16 октября н. ст.) 1880.

³ Речь идет о VI съезде русских естествоиспытателей и врачей, который проходил в Петербурге с 20 по 30 декабря 1879 г. (1—11 января 1880 г. н. ст.). 29 декабря 1879 (10 января 1880 г.) на секции астрономии и математики Ковалевская сделала доклад «О приведении некоторого класса абелевых интегралов 3-го ранга к эллиптическим интегралам». — См.: Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей. 20—30 декабря 1879 г. СПб., 1880, с. 207. Миттаг-Леффлер прочитал доклад на тему «О дифференциальных линейных уравнениях» 30 декабря 1879 г. — См.: Там же, с. 186—188.

⁴ Фамилия девушки — Покровская. Никаких сведений о ней найти не удалось. См. о ней также в письмах 3, 4.

⁵ Университет в Гельсингфорсе ведет свое начало от старинного университета в Або, основанного в 1640 г. Во время большого пожара в Або 4 сентября 1827 г. здание университета сгорело, и был открыт новый университет в Гельсингфорсе, куда перевели профессоров прежнего университета Або. Лекции в университете читались на шведском языке.

⁶ В те годы женщин как полноправных студентов допускали только в университеты Швейцарии. Как мы знаем, в Германии, в Гейдельберском университете. С. В. Ковалевской, в виде исключения, в 1869—1870 гг. разрешили слушать лекции Гельмгольца, Кирхгофа. Кенигсбергер (ученик Вейерштрасса), П. Дюбуа-Реймон. Подруга Ковалевской Ю. В. Лермонтова в Гейдельберге слушала лекции по химии. В Берлине в 1870 г. Ковалевскую не допустили к слушанию лекций в университете.

2

¹ Письмо 1 (фр.) в группе писем Миттаг-Леффлера (далее — М.-Л.).

² Дать или не дать разрешение должен был русский император Александр II, так как Финляндия (Великое княжество Финляндское) входила в то время в состав Российской империи (с 1809 по 1917 г.).

³ Г. Миттаг-Леффлер преподавал в Гельсингфорском университете с 9 марта 1877 г. по 11 июня 1881 г. (н. ст.).

⁴ По-видимому, Миттаг-Леффлер имеет в виду лекции Кронекера по теории чисел: *Kronecker L. Vorlesungen über Mathematik. I Abschnitt: Vorlesungen über Zahlentheorie. Leipzig, 1901, Bd. 1, Teil 2.*

⁵ Друг Вейерштрасса Карл Вильгельм Борхардт скончался 27 июня 1880 г. в Рюдерсдорфе близ Берлина.

⁶ Парижский журнал «Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences» (Еженедельные доклады о заседаниях Академии наук), издаваемый с 1835 г., сокращенно называют «Comptes rendus» (далее — С. г.). Миттаг-Леффлер опубликовал в нем статьи [57—59], о которых говорится в письме.

⁷ Первое исследование Ш. Эрмита об уравнении Ламе было помещено в его «Cours d'analyse de l'Ecole Polytechnique», 1872/1873. — (Oeuvres, P., 1912, 3, p. 118—122). Уравнению Ламе посвящены также фрагменты писем Эрмита к Э. Гейне и к Ф. Бриоски: Oeuvres, 1912, 3, p. 474—478; 1917, 4, p. 8—18. Эрмит занимался дифференциальным уравнением Ламе второго порядка, представленным в различных формах. Миттаг-Леффлер обобщил исследования Эрмита, рассмотрев линейные дифференциальные уравнения n -го порядка с двоякопериодическими коэффициентами. Работы Миттаг-Леффлера сразу же привлекли внимание Эрмита, и он изложил результаты, полученные молодым ученым, в статье «Sur quelques applications des fonctions elliptiques». — Oeuvres, 1912, 3, p. 371), где рассмотрел решение уравнения третьего порядка с двоякопериодическими коэффициентами. Эрмит упоминает при этом и другие результаты Миттаг-Леффлера и Пикара.

⁸ *Picard E. Sur les équations différentielles linéaires à coefficients doublement périodiques. (C. r., 16 fév. 1880, 90, p. 293—295).*

⁹ Статьи Пикара: Sur les fonctions entières. (C. r., 1879, 89, p. 662—665); Sur une propriété des fonctions entières. (C. r., 1879, 88, p. 1024—1027); Mémoire sur les fonctions entières. (Annales scient. Ecole Normale supér., 1880, 9, p. 145—166). В них содержится знаменитая теорема Пикара о том, что целая функция, не принимающая двух конечных значений a и b , есть постоянная.

¹⁰ Изложение результатов Миттаг-Леффлера Эрмит дает в своих лекциях. См.,

например: *Эрмит III*. Курс анализа. М.; Л., 1936, с. 115 и далее.

¹¹ «Berliner Monatsberichte», или просто «Monatsberichte» — сокращенное название журнала «Monatsberichte der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin» (Ежемесячные отчеты Королевской академии наук в Берлине).

¹² *Weierstrass K. Über einen functionentheoretischen Satz des Herrn G. Mittag-Leffler*. — Monatsberichte, 1880, S. 707—717; Werke, 1895, Bd. II, S. 189—199. О влиянии трудов Вейерштрасса по теории однозначных функций на Миттаг-Леффлера, Э. Пикара, Ж. Таннера см. в кн.: Письма К. Вейерштрасса к Софье Ковалевской. 1871—1891. М., 1973, с. 225—226 (Письмо Вейерштрасса от 6 марта 1881 г.).

3

¹ Письмо 2 (фр.) в группе писем С. К.

² На конверте надпись: «Финляндия, Гельсингфорс. Г. профессору Миттаг-Леффлеру в Гельсингфорский университет». Почтовый штемпель: Москва, 28 декабря 1880.

³ Вейерштрасс читал в Берлинском университете курс теории абелевых функций. Конспект этих лекций, записанных и обработанных Хеттнером и Кноблаухом, напечатан в Собрании трудов Вейерштрасса: *Vorlesungen über die Theorie der Abelschen Transcendenten*. Bearbeitet von G. Hettner und J. Knoblauch. — Math. Werke, B., Bd. 4. 1902.

⁴ Под редакцией Вейерштрасса были изданы тома 1—7. *Jacobi C.-G.-J. Gesammelte Werke*. B., 1881—1891; в редактировании I тома участвовал также Борхардт.

⁵ *Steiner Jacob. Gesammelte Werke*. B., Bd. I, II, 1881, 1882. Оба тома редактировал Вейерштрасс. Средства на их публикацию пожертвовали Академии наук К. Борхардт и К. Вейерштрасс.

⁶ *Briot Ch., Bouquet J. Théorie des fonctions doublement périodiques et, en particulier, des fonctions elliptiques*. P., 1859; II éd. P., 1875.

⁷ *Neumann C. Vorlesungen über Riemann's Theorie des abelschen Integrale*. 1865. Leipzig; II Aufl., 1887.

⁸ *Чебышев П. Л.* Теория механизмов, известных под названием параллелограммов. — Полн. собр. соч., 1947, т. 2, с. 23—51; Вопросы о наименьших величинах, связанные с приближенным представлением функций. — Полн. собр. соч., 1947, т. 2, с. 146—235.

⁹ *Золотарев Е. И.* Об одном вопросе о наименьших величинах: Дис. pro venia legendi (литогр.), СПб., 1868; Полн. собр. соч. Л., 1932, т. 2, с. 130—166; Приложение эллиптических функций к вопросам о функциях, наименее или наиболее отклоняющихся от нуля. — Зап. АН, 1877, т. 30, Прилож. № 5, с. 1—71; Полн. собр. соч., 1932, т. 2, с. 1—59. Sur l'application des fonctions elliptiques aux questions de maxima et minima. — Bull. Acad. sci. Pétersb., (3), 1878, 5, p. 305—310; Полн. собр. соч., 1931, т. 1, с. 369—374.

¹⁰ Видимо, Ковалевская имеет в виду работы Е. И. Золотарева, указанные выше в прим. 9.

¹¹ Ковалевская не опубликовала исследований на эту тему.

¹² Этой теме посвящены печатные работы Ковалевской [4—6]. Об исследованиях по рефракции света в кристаллической среде Ковалевская говорит также в письмах 5, 9 и др.

4

¹ Письмо 2 (фр.) в группе писем М.-Л.

² См. письмо 3.

³ Речь идет о репрессиях против передовой молодежи России, начавшихся после 1 марта 1881 г., когда был убит народолюбцами Александр II.

⁴ Стокгольмская высшая школа (Стокгольмский университет) — Stockholm's högskola — была основана в 1877 г. на частные пожертвования и имела сначала три факультета: философский, юридический и геологический. Занятия начались в 1878 г. Факультет математических и естественных наук открылся осенью 1881 г., позднее был открыт и гуманитарный факультет.

⁵ Шведская королевская академия наук в Стокгольме (Kungliga Svenska Vetenskapsakademien) учреждена в 1739 г. Кроме нее, в Швеции имеются еще Шведская академия (Svenska Akademien), основанная в 1786 г., Шведская королевская академия литературы, истории и древностей (Kung. Svenska Vitterhets, Historie och Antikvitets Akademien), основанная в 1753 г. и преобразованная в 1786 г.

⁶ В Стокгольме находится Королевский Каролинский медико-хирургический институт, созданный в 1810 г. и выполняющий функции как учебного заведения, так и научно-исследовательского института. Современное название он получил в 1822 г. При институте имеется клиникальная больница.

⁷ Высшая техническая школа в Стокгольме (или Королевский технологический институт) основана в 1827 г. (Kung. Tekniska Institutet).

⁸ Старинный университет в Упсале основан в 1477 г.

⁹ См. примеч. 11 к письму 3.

¹⁰ См. примеч. 12 к письму 3.

¹¹ Миттаг-Леффлер был в Петербурге в начале 1880 г. См. примеч. 3 к письму 1.

¹² Имеется в виду «Журнал чистой и прикладной математики», (Journal für die reine und angewandte Mathematik). Первым редактором (с 1826 по 1856 г.) был его основатель А.-Л. Крелле, затем К.-В. Борхардт (с 1856 по 1880 г.). После Борхардта, с 1880 г., издателями стали Л. Кронекер и К. Вейерштрасс. Журналу часто присваивали имя его редактора. Сокращенно писали: Crelle's Journal, J. Crelle, J. C., журнал Крелле, журнал Борхардта.

¹³ *Picard E. Sur les équations différentielles linéaires à coefficients doublement périodiques*. — J. für Mathem., 1881, Bd. 90, S. 281—302; C. R., t. 90, 1880, p. 293—295.

¹⁴ Финляндское научное общество в Гельсингфорсе (*Suomen tiedeseura*) было основано в 1838 г. Оно выполняло роль Академии наук Финляндии. Миттаг-Леф-флер был членом этого общества с 1878 г.

¹⁵ Ученик Г. Шварца по Цюрихскому политехническому. — Э.-Р. Неовиус.

¹⁶ *Hermite Ch. Extrait d'une lettre à M. Mittag-Leffler sur quelques points de la théorie des fonctions.* — *J. für Mathem.*, 1880, Bd. 91, S. 53—78; *Oeuvres*, 1917, 4, p. 48—75; *Acta Societatis scient. Fennicae*, 1883, 12, p. 67—94.

¹⁷ Имеются в виду следующие работы Вейерштрасса: 1. *Weierstrass K. Über einen functionentheoretischen Satz des Herrn G. Mittag-Leffler.* — *Monatsberichte Akad. Wissensch. zu Berlin*, 1880, S. 707—717; *Abhandlungen aus der Functionenlehre*, B., 1886, S. 53—66; *Werke*, B., 1895, Bd. 2, S. 189—199. 2. *Weierstrass K. Zur Functionenlehre.* — *Monatsberichte*, 1880, S. 719—743; *Abhandlungen aus der Functionenlehre*, B., 1886, S. 69—101; *Werke*, 1895, Bd. II, S. 201—223.

5

¹ Письмо 3 (фр.) в группе писем С. К.

² На конверте надпись: «Финляндия. Гельсингфорс. Г. Г. Миттаг-Леффлеру, профессору университета».

³ Миттаг-Леффлер был помолвлен с Сигне Эмилией Юлией Линдфорс, дочерью генерала Ю. Я. Линдфорса из Гельсингфорса. Брак был заключен в 1882 г.

⁴ О дружеском отношении Вейерштрасса к Миттаг-Леффлеру свидетельствуют, в частности, письма Вейерштрасса к Ковалевской. Первое упоминание о Миттаг-Леффлере содержится в письме от 17 июня 1875 г. — См.: Письма К. Вейерштрасса к С. В. Ковалевской. М., 1973, с. 212. В другом письме, от 15 августа 1878 г., Вейерштрасс пишет: «Миттаг-Леффлер был для меня очень приятным учеником; наряду с основательными знаниями он обладает удивительными способностями к усвоению предмета и умом, направленным к идеалу; я уверен, что общение с ним оказало бы на Тебя стимулирующее действие». — См.: там же, с. 218.

6

¹ Письмо 3 (фр.) в группе писем М.-Л.

² См. примеч. 4 к письму 4.

³ Имеются в виду сестры Вейерштрасса — Клара и Элиза.

7

¹ Письмо 4 (фр.) в группе писем С. К.

² На конверте почтовый штемпель: 8 июля 1881.

³ Письмо Миттаг-Леффлера от 19 июня 1881 г. — см. здесь письмо 6. Письмо от 3 июля 1881 г. не сохранилось.

8

¹ Письмо 4 (фр.) в группе писем М.-Л.

² Письмо 7 имеет почтовый штемпель 8 июля 1881 г.

³ Речь идет о рейхсканцлере Германской империи О. Бисмарке.

9

¹ Письмо 5 (фр.) в группе писем С. К.

² На конверте почтовый штемпель: 21 ноября 1881.

³ См. примеч. 12 к письму 3.

⁴ Это первое сообщение о начале занятий Ковалевской задачей о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки.

⁵ Диссертация К. Неймана: *Neumann C. De problemate quodam mechanice quod ad primum integralium ultraellipticarum classem revocatur.* Regiomonti, 1856.

⁶ Видимо, выпускник Петербургского университета Д. Ф. Селиванов, который слушал Вейерштрасса в Берлине и участвовал в заседаниях его семинара, где 4 июля 1883 г. сделал доклад (ААН СССР, ф. 603, оп. 1, альбом 51).

⁷ По-видимому, здесь говорится о статье Пикара, представленной Парижской академии наук 7 ноября 1881 г. *Picard E. Sur la reduction des intégrales abeliennes.* — *C. r.*, 1881, 93, p. 696—698.

10

¹ Письмо 5 (фр.) в группе писем М.-Л.

² Миттаг-Леффлер использовал понятия теории бесконечных множеств Г. Кантора в статьях [61, 63].

³ Другие работы Миттаг-Леффлера, опубликованные в С. г., указаны в списке литературы (с. 280).

⁴ Так называется Миттаг-Леффлер «Журнал чистой и прикладной математики» (см. примеч. 12 к письму 4).

⁵ *Weierstrass K. Zur Functionenlehre. Nachtrag.* — *Monatsberichte vom 21 Februar 1881*, S. 228—230; *Werke*, 1895, Bd. II, S. 231—233.

⁶ Ряд Жюля Таннери — ряд, сходящийся внутри круга $|z|=1$ к одной функции, вне этого круга — к другой. Приведем пример: ряд

$$\frac{a - cz}{1 - z} + (a - c) \left[\frac{z}{z^2 - 1} + \frac{z^2}{z^4 - 1} + \frac{z^3}{z^8 - 1} + \dots \right]$$

сходится к a при $|z| < 1$ и к c при $|z| > 1$.

11

¹ Письмо 7 (фр.) в группе писем С. К.

² Получено в Стокгольме 24 октября 1882 г.

³ Имеется в виду телеграмма следующего содержания: Телеграмма из Парижа 18/10.1882, 6.30. Проф. Миттаг-Леффлеру. Стокгольм. Университет.

Окажите мне большую услугу. Передайте г. Перотту на борту парохода «Норра Свериге» сто франков. Письмо и деньги следуют.

Софья Ковалевская.

Жозеф Перотт, знакомый Ковалевской, ехал с сестрой Зинаидой из России во Францию, через Финляндию и Швецию. Заподозрив в них нигилистов, в Финляндии их дважды арестовывали, но затем отпускали. К приезду в Стокгольм, как писал сам Ж. Перотт, их «одежда была

в плачевном состоянии» (ААН СССР, ф. 603, оп. 1, альбом 45, письмо 5).

⁴ В 1882 г. Ф. Линдемман доказал трансцендентность числа π и тем самым доказал невозможность решения задачи квадратуры круга с помощью циркуля и линейки. (*Lindemann F. Über die Ludolph'sche Zahl.*— *Sitzungsber. Akad. Wissensch. zu Berlin*, 1882; *Über die Zahl π .*— *Math. Ann.*, 1882, Bd. 20, S. 213—225; *Sur le rapport de la circonférence au diamètre.*— *C. R.*, 1882, 95, p. II, p. 72—74). Вейерштрасс усовершенствовал доказательство Линдеммана в статье «*Zu Lindemann's Abhandlung über die Ludolph'sche Zahl*».— *Sitzungsber. Akad. Wissensch. zu Berlin*, 1885, S. 1067—1085; *Math. Werke*, Bd. 2, 1895, B., S. 341—362.

⁵ Г-жа Миттаг — мать Г. Миттаг-Леффлера. Далее в письмах Софья Ковалевская называет Густаву Леффлер — «те-тя», «мама».

12

¹ Письмо 8 (фр.) в группе писем С. К.

² На конверте: Швеция. Стокгольм, г-ну профессору Миттаг-Леффлеру, Стокгольмский университет.

³ Письмо Ковалевской не сохранилось.

⁴ Ответ Вейерштрасса на ее письмо от 1 сентября 1883 г. см. в кн.: Письма К. Вейерштрасса Софье Ковалевской. М., 1973, с. 242—243. Вейерштрасс писал: «Напиши Миттаг-Леффлеру, что ты приедешь, как только твои дела в России устроятся так, что будут допускать твое длительное отсутствие, и попытаешься начать работу, как было предложено им...».

⁵ Осенью 1883 г. Ковалевская читала теорию абелевых функций нескольким молодым математикам в Берлине, среди которых были Д. Ф. Селиванов и К. Рунге.

⁶ С 18 по 28 августа 1883 г. (ст. ст.) (30 августа — 9 сентября н. ст.) в Одессе проходил VII съезд русских естествоиспытателей и врачей. См.: Протоколы VII съезда русских естествоиспытателей и врачей. Одесса, 1883.

⁷ В. П. Ермаков 20 августа 1883 (ст. ст.) прочитал доклад на тему «О сходимости рядов». Содержание этого доклада отражено в печатных работах Ермакова: Отчет о путешествии за границу.— *Унив. изв.*, Киев, 1874, вып. 1, с. 1—10; Теория сходимости бесконечных строк и определенных интегралов.— *Мат. сб.*, 1872, т. 6, вып. 1, с. 39—76; *Унив. изв.*, Киев, 1872, т. 6, вып. 3, с. 1—20. Первое сообщение Ермакова о своих исследованиях относительно признаков сходимости было сделано на III съезде русских естествоиспытателей в Киеве в 1871 г. См.: *Киселев А. А., Ожигова Е. П.* П. П. Чебышев на съездах русских естествоиспытателей и врачей.— *Ист.-мат. исслед.* 1963, вып. 15, с. 301—303.

⁸ Ковалевская сделала доклад 22 августа 1883 г. (ст. ст.) «Об интегрировании дифференциальных уравнений с частными производными, определяющих преломление света в прозрачной кристаллической среде» (Протоколы VII съезда русских естествоиспытателей и

врачей. Одесса, 1883, с. 1—2). Содержание доклада отражено в ее печатных работах [4, 5]. Как заметил Вито Вольтерра, Г. Ламе, а вслед за ним и Ковалевская не обратили внимания на многозначность употребляемых ими решений. См.: *Ковалевская С. В.* Научные работы. М., 1948, с. 279—283.

⁹ Среди участников секции были М. П. Авенариус, Н. Е. Жуковский, В. И. Лапшин, А. П. Старков, Н. П. Слугинов, Н. А. Умов, Ф. Н. Шведов.

13

¹ Письмо 6 (фр.) в группе писем М.-Л.

² Ответ на письмо 12.

³ Дочь С. В. Ковалевской, Софья Владимировна Ковалевская, (5/17 октября 1878—1952) — (в семье ее называли Софа, Сонечка, Фуфа, Фуфи) — в это время находилась у своей крестной матери, Юлии Всеволодовны Лермонтовой (см. примеч. 5 к письму 14). Первые два года работы С. В. Ковалевской в Стокгольме Соня жила в Москве у Ю. В. Лермонтовой, потом была в Стокгольме, училась в частном учебном заведении. После смерти матери она еще три года жила в Швеции у Гюльденов и только на лето ездила в Россию. В 1894 г. пятнадцати лет она окончила курс шведской школы (равный пяти классам русской гимназии), потом поступила в 6-й класс гимназии Таганцевой в Петербурге, где окончила последние три класса. Жила она у дяди, А. О. Ковалевского. Софья Владимировна поступила на физико-математическое отделение Высших женских курсов (Бестужевских), затем сдала экзамен по латинскому языку и в 1900 г. была принята в Женский медицинский институт. По окончании, в 1906 г., она уехала в Москву, работала врачом, а позднее — в медицинской библиотеке.

⁴ *Inaugural dissertation* — вступительная диссертация. Для того чтобы быть допущенным к чтению лекций в университетах, требовалось прочитать вступительную лекцию и представить работу на право чтения лекций — *pro venia legendi*.

⁵ Миттаг-Леффлер имеет в виду работу Ковалевской «К теории уравнений в частных производных» [1] — одну из трех, представленных ею в 1874 г. в Геттингенский университет в качестве докторской диссертации.

⁶ *Poincaré H.* Sur les propriétés des fonctions définies par les équations aux différences partielles. P., 1879; *Oeuvres*, 1, p. XLIX—CXXXI. В этой работе Пуанкаре рассматривает линейные дифференциальные уравнения в частных производных. В «Анализе работ Анри Пуанкаре, сделанном им самим». Пуанкаре сказал: «Коши и Ковалевская научили тому, как разлагать в ряды интегралы этих уравнений (т. е. уравнений в частных производных.— *Сост.*) в окрестности обыкновенной точки». Пуанкаре в указанной работе изучает интегралы вблизи особой точки (*Пуанкаре А.* Избр. труды, 1974, т. III, с. 581).

- ¹ Письмо 9 (фр.) в группе писем С. К.
² Ответ на письмо 13.
³ Открытка не сохранилась.
⁴ Ковалевская приехала в Стокгольм 18 ноября 1883 г. (н. ст.)

⁵ Крестной матерью дочери Ковалевской была Ю. В. Лермонтова, а крестным отцом — И. М. Сеченов. Ю. В. Лермонтова в 1874 г. стала доктором философии Геттингенского университета. В дальнейшем работала в лабораториях Бутлерова (Петербург) и Марковникова (Москва), опубликовала ряд статей по химии, в частности по перегонке нефти. В 1884 г. оставила занятия химией и в 1886 г. поселилась в своем имении Семеново в Звенигородском уезде (в трех километрах от нынешней платформы Жаворонки Белорусской железной дороги) и занялась сельским хозяйством. О ней см. кн.: Мусабегов Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. М., 1967. Софья Владимировна называла Лермонтову «мама Юля» и была с ней дружна до конца жизни последней.

15

- ¹ Письмо 10 (фр.) в группе писем С. К.
² Это письмо Миттаг-Леффлера не сохранилось.
³ Сестра С. В. Ковалевской — А. В. Корвин-Круковская (Жаклар).
⁴ Племянник Ковалевской — Юрий Петрович Жаклар.
⁵ Зять — Виктор Жаклар.

16

- ¹ Телеграмма 11 (фр.) в группе писем С. К.
² Ковалевская выехала из Петербурга 16 ноября 1883 г.

17

- ¹ Телеграмма 12 (фр.) в группе писем С. К.

1884

18

- ¹ Письмо 6 (швед.) в группе писем М.-Л.
² Сестра Г. Миттаг-Леффлера — Анна Карлотта (Шарлотта) Леффлер.
 Об Анне-Карлотте Леффлер см.: Кей Эллен. Анна-Карлотта Леффлер, герцогиня ди Кайанелло: По личным воспоминаниям. — В кн.: Леффлер А.-К. Софья Ковалевская/Пер. со швед. М. Лучицкой. СПб., 1893, с. 1—68). Была издана автобиография А.-К. Леффлер: *Leffler A.-C. En självbiografi*. Stockholm. 1922. В содружестве с С. В. Ковалевской ею написана пьеса «Борьба за счастье» (см.: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974, с. 381—482).

В литературных произведениях А.-К. Леффлер именуется Анна-Карлотта (Anna Carlotta), но Миттаг-Леффлер всюду пишет Anna-Charlotta, сокращенно Ach, поэтому мы в дальнейшем приняли: Анна-Шарлотта, так называла ее и С. Вл. Ковалевская.

- ³ Зять Г. Миттаг-Леффлера — Г.-Э. Эдгрен — первый муж Анны-Шарлотты.

- ¹ Письмо 64 (фр.) в группе писем С. К.
² Видимо, здесь говорится о статье Шеффера: *Beweis des Laurent'schen Satzes*. — *Acta math.* 1884, 4, p. 375—380.

³ Письмо Л. Кронекера, датированное 5 января 1884 г., Ковалевская получила 9 января 1884 г. Оно опубликовано в русском переводе П. Я. Кочиной: «Из переписки С. В. Ковалевской», — Усп. мат. наук, 1952, т. 7, вып. 4, с. 103—125 (см. с. 124—125).

Письмо жены Кронекера — Фанни к Ковалевской также от 5 января 1884 г. опубликовано в работе П. Я. Кочиной «Письма С. В. Ковалевской от иностранных корреспондентов». М., 1979, с. 18—19.

Защищая свои взгляды, Кронекер вел упорную борьбу с принципами теоретико-функциональной школы Вейерштрасса и теоретико-множественной школы Г. Кантора. Имеется собрание сочинений Кронекера: *Kronecker L. Werke*. Leipzig, 1895—1930. Bd. I—V; *Idem. Vorlesungen über Mathematik*. 1893—1894. Bd. I—II. О нем см.: *Frobenius G. Gedächtnissrede auf L. Kronecker*. В., 1893.

- ⁴ Имется в виду журнал «*Acta mathematica*», издается с 1882 г.

⁵ В журнале «*Acta mathematica*» в 1883—1885 гг. было напечатано девять статей Кантора. Имеется собрание сочинений Кантора: *Cantor G. Gesammelte Abhandlungen mathematisches und philosophisches Inhalts*. В., 1892. Несколько основных работ Кантора есть в русском переводе в сборнике: Новые идеи в математике. СПб., 1914, № 6.

20

- ¹ Письмо 79 (фр.) в группе писем С. К.
² Письмо Л. Фукса от 3 февраля 1884 г. касалось вопросов чествования Вейерштрасса: Ковалевская была членом комиссии по юбилею Вейерштрасса, председателем которой был Фукс (ААН СССР, ф. 603, оп. 1, № 51, письмо 14).
³ Речь идет об адресе К. Вейерштрассу по случаю его 70-летия, исполнявшегося 31 октября 1885 г.

21

- ¹ Письмо 77 (фр.) в группе писем С. К.
² Это, по-видимому, список лиц, которым надо послать для подписи адрес Вейерштрассу (см. письмо 20). В списке 28 фамилий скандинавских, немецких, французских математиков.

22

- ¹ Письмо 7 (фр.) в группе писем М.-Л.
² Заметка Ковалевской «*Sur la propagation de la lumière dans un milieu cristallisé*» [5] была представлена Парижской академии наук Ш. Эрмитом в феврале 1884 г. (С. г., 1884, 98, p. 356—357).
³ Миттаг-Леффлер перевел эту статью на шведский язык, и она была опубликована в Докладах Шведской академии наук [5]. См.: Ковалевская С. В. Научные работы. М., 1948, с. 136—138.

¹ Письмо 14 (фр.) в группе писем С. К.
² 1884 г. был годом особенно сильной реакции в России. В этом году был принят новый, весьма реакционный устав университетов.

³ Чебышев и Эрмит были избраны в Римскую академию деи Линчеи одновременно, 16 декабря 1883 г. Неясно, о каком голосовании здесь идет речь.

⁴ Чебышев уже выступал в пользу журнала, представляя его Петербургской академии наук 18 января 1883 г., после получения первого номера. Он дал высокую оценку журналу и работе его редактора (Собр. соч. П. Л. Чебышева, т. V, с. 384). Теперь речь шла о подписке на журнал для средних учебных заведений. В 1884 г. в Министерство просвещения была подана записка, составленная А. Н. Коркиным, в которой доказывалась необходимость выписывать журнал «Acta mathematica», один из лучших журналов Европы, не только для университетов, но и для гимназий. Записка достигла цели: Ученый комитет Министерства народного просвещения вынес решение рекомендовать журнал для фундаментальных библиотек мужских средних учебных заведений. См.: *Ожигова Е. П. Г. Миттаг-Леффлера и русские математики.* — *Вопр. истории естествознания и техники*, 1979, вып. 64—66, с. 43—44.

⁵ Брат Ковалевской — Ф. В. Корвин-Круковский.

⁶ Драма Генрика Ибсена «Кукольный дом» («Нора»), опубликованная в 1879 г., сразу же привлекла внимание не только в Скандинавских, но и в других европейских странах. Ее ставили театры Германии, Австрии. В России пьеса шла под названием «Нора». Первая постановка «Норы» в России была осуществлена 8 февраля 1884 г. (ст. ст.) в Александринском театре в Петербурге в бенефис М. Г. Савиной. Спектакль прошел всего два раза, второй раз — почти при пустом зале. По отзывам одних петербургских газет, в провале спектакля была виновата пьеса, других — Савина, поскольку роль Норы будто бы ей не подходила, третьих — отсутствие ансамбля у участников спектакля. (См.: *Шайкевич Б. А. Русская «Нора».* — В кн.: Ибсен и русская культура. Киев, 1974, с. 68—70; см. также: *Ибсен Г.* Собр. соч. М., 1957, т. 3).

Письмо Ковалевской указывает, думается, истинную причину провала спектакля — настроение умов в Петербурге («Пять лет назад в России сумели бы понять эту прекрасную драму!») Публика в Александринском театре была в основном аристократическая, и в 1884 г. настроена весьма реакционно.

⁷ Дед С. В. Ковалевской Ф. Ф. Шуберт написал воспоминания «Под двуглавым орлом. Воспоминания немца, офицера русской армии, 1789—1814», изданные в 1962 г. в Штутгарте (*Schubert*

F. von. Unter dem Doppeladler. Erinnerungen eines Deutschen im russischen Offizierdienst 1789—1814. Herausgegeben und eingeleitet von Erik Amburger. Stuttgart, 1962. 390 S.).

⁸ Новая пьеса А.-Ш. Леффлера — «Истинные женщины» (*Sanna kvinnor*, 1883).

24

¹ Письмо 9 (фр.) в группе писем М.-Л.

² Брат Г. Миттаг-Леффлера — Фриц Леффлер.

³ Премия журнала «Acta mathematica». По идее Миттаг-Леффлера в связи с предстоявшим в 1889 г. 60-летием короля Швеции был объявлен конкурс на премию имени Оскара II. Условия конкурса были опубликованы в 7-м томе журнала «Acta mathematica» за 1885 г. Премия должна была быть присуждена 21 января 1889 г. и состояла из золотой медали стоимостью 1000 франков золотом и денежной суммы — 2500 крон золотом. В жюри по присуждению премии вошли К. Вейерштрасс, Ш. Эрмит и Г. Миттаг-Леффлер.

В условиях конкурса говорилось:

«Принимая во внимание вопросы, которые с разных точек зрения занимают аналитиков и решение которых представляло бы величайший интерес для прогресса науки, комиссия почтительно предлагает Его Величеству присудить премию за лучший мемуар по одному из следующих вопросов.

1) Пусть дана система любого числа материальных точек, притягивающихся взаимно по закону Ньютона; предлагается, в предположении, что никогда не будет иметь места столкновение двух точек, представить координаты каждой точки в виде рядов по некоторым известным функциям времени, равномерно сходящихся для всякого действительного значения переменной.

Эта задача, решение которой значительно расширит наши познания системы мира, кажется, может быть решена с помощью аналитических средств, которые мы имеем в настоящее время в нашем распоряжении; по крайней мере, это можно предположить на том основании, что Лежен-Дирихле сообщил незадолго до своей смерти одному своему другу математику, что он открыл метод интегрирования дифференциальных уравнений механики и что, применяя этот метод, ему удалось доказать абсолютно строго устойчивость нашей планетной системы. К сожалению, мы ничего не знаем об этом методе, кроме того, что, по-видимому, отправной точкой его открытия была теория бесконечно малых колебаний¹. Однако можно предположить с уверенностью, что этот метод основан не на длинных и сложных вычислениях, а на развитии фундаментальной и простой идеи, которую можно с уверенностью надеяться найти вновь настойчивым и углубленным исследованием. Однако в случае, если предложенная задача не поддастся решению

¹ *Kummer E. Gedächtnissrede auf Lejeune-Dirichlet.* — *Abhandl. K. Akademie der Wissensch. zu Berlin*, 1860, S. 35.

ко времени конкурса, можно будет присудить премию за работу, в которой какая-нибудь другая проблема механики была бы рассмотрена указанным образом и полностью решена.

2) Г-н Фукс показал во многих своих мемуарах²..., что существуют однозначные функции двух переменных, которые относятся по своему происхождению к ультраэллиптическим функциям, но являются обобщением последних, и которые могли бы, вероятно, приобрести большую важность для анализа, если бы их теория получила дальнейшее развитие.

Предлагается получить в явной форме функции, существование которых было доказано г. Фуком, в достаточно общем случае, чтобы можно было узнать и изучить их наиболее существенные свойства.

3) Изучение функций, определяемых достаточно общим дифференциальным уравнением первого порядка вида: целая рациональная функция независимого переменного, функции и ее первой производной равна нулю.

Гг. Брио и Буке открыли путь к такого рода исследованию в мемуаре по поводу этого предмета (J. de l'Ecole polytechnique, P., cah. 36, 1856³). Математики, знакомые с результатами, открытыми этими авторами, знают также, что их работа далека от исчерпания трудного и важного вопроса, к которому они подошли первыми. Кажется вероятным, что новые исследования, предпринятые в этом направлении, смогут привести к весьма интересным предложениям в анализе.

4) Известно, какой свет был внесен в общую теорию алгебраических уравнений изучением тех специальных уравнений, к которым приводит деление круга на равные части и деление на целое число аргумента эллиптических функций. Замечательная трансцендента, которую получают, выражая модуль эллиптических функций через отношение периодов, приводит подобным образом к модулярным уравнениям, которые привели к появлению совершенно новых понятий и к результатам столь большой важности, как решение уравнения пятой степени. Но эта трансцендента является только первым членом, самым простым случаем бесконечного ряда новых функций, которые г. Пуанкаре ввел в науку под названием фуксовых функций и приложил с успехом к интегрированию линейных дифференциальных уравнений любого порядка. Эти функции, играющие в анализе роль, важность которой очевидна, до сих пор еще не рассматривались с точки зрения алгебры как трансценденты теории эллиптических функций, обобщением которых они являются. Предполагается заполнить этот пробел и прийти к новым уравнениям,

аналогичным модулярным уравнениям, выясняя, не будет ли только частным случаем образование и свойства алгебраических соотношений, которые связывают две фуксовы функции, когда они имеют общую группу.

В случае, если ни один из представленных на конкурс мемуаров на предложенные темы не будет признан достойным премии, последняя может быть присуждена мемуару, представленному на конкурс и содержащему полное решение какого-либо важного вопроса теории функций, отличного от предложенных комиссией.

Мемуары, представляемые на конкурс, должны быть снабжены девизом, а также именем и адресом автора в запечатанном конверте и направлены главному редактору «Acta Mathematica» до 1-го июня 1888 г.

Мемуар, которому Его Величество соизволит присудить премию, так же как и мемуар или мемуары, которые комиссия сочтет достойными почетного отзыва, будут напечатаны в «Acta mathematica», причем никакой из них не должен быть опубликован раньше.

Мемуары могут быть представлены на том языке, какой автор пожелает выбрать, но, так как члены комиссии принадлежат к трем разным странам, автор должен присоединить к оригиналу его перевод на французский язык, если мемуар не написан по-французски. Если такого перевода не будет, то автор должен согласиться с тем, чтобы комиссия сделала таковой по своему усмотрению.

Главный редактор»

(Acta mathematica, 1885, 7, p. I—VI).

Премии были удостоены мемуары Пуанкаре и Анпеля (*Poincaré H. Sur le problème des trois corps et les équations de la dynamique.*— Acta math., 13, p. 1—270; *Appell P. Sur les intégrales de fonctions à multiplicateurs et leur application au développement des fonctions abéliennes en séries trigonométriques.*— Acta math., 13, p. 1—174).

(В каждой из статей Пуанкаре и Анпеля своя пагинация).

25

¹ Письмо 17 (фр.) в группе писем С. К.

² См. здесь письмо 24.

³ См. примеч. 3 к письму 24.

⁴ Брат Миттаг-Леффлера Фриц Леффлер.

⁵ См. письмо 23, примеч. 3.

⁶ Ковалевская должна была добиваться правительственных постановлений о расширении подписки на «Acta mathematica» не только в России, но и в других странах, в частности в Германии.

26

¹ Письмо 15 (фр.) в группе писем С. К.

² На конверте надпись: Швеция. Стокгольм. Г. Проф. Миттаг-Леффлеру. Пе-

² Указано 10 статей Фука в разных журналах. (Примеч. сост.)

³ Briot et Bouquet. 1) Etude des fonctions d'une variable imaginaire.— J. Ecole polytechn., 1856, 21, cah. 36, p. 85—132; 2) Recherches sur les propriétés des fonctions définies par des équations différentielles.— Ibid., p. 133—190; 3) Mémoire sur l'intégration des fonctions elliptiques.— Ibid., p. 199—254.

реслано: Финляндия, Гельсингфорс. Генералу Линдфорсу. Почтовый штемпель: 31 мая 1884 г.

³ По-видимому, А. Сёдерблом рассчитывал слушать другой курс лекций Вейерштрасса.

⁴ Премия Штейнера была учреждена Берлинской академией наук в 1864 г. в соответствии с пожеланием Штейнера, завещавшего Академии 8000 талеров для присуждения премий за работы по синтетической геометрии, главным образом в направлении идей и методов его собственных исследований о фундаментальных свойствах поверхностей третьего порядка. Премии должны были присуждаться раз в два года. Первый раз вопросы были объявлены в 1864 г. на 1866 г. С 1890 г. премию присуждали раз в пять лет. Среди награжденных премией Штейнера были: Ст. Смит, Л. Кремона, Л. Шлёфли, О. Фидлер, И. Цейтен, Ф. Шоттки и другие математики. См.: *Harnack A. Geschichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Bd. II. Berlin, 1900.*

⁵ Датский геометр — И. Цейтен. Он опубликовал статью о проблеме Штейнера в «*Bull. des sciences mathém.*», 1887, 11, p. 82—86. В 1888 г. Цейтен получил премию Штейнера.

⁶ Вейерштрасс предложил для конкурса на премию Оскара II вопрос 1) — см. примеч. 3 к письму 24.

⁷ Л.-Э. Фрагмен слушал лекции Миттаг-Леффлера и Ковалевской в Стокгольмском университете. Возможно, речь идет о его работе «*Über die Begrenzungen von Continua.*» — *Acta math.*, 1886, 7, p. 43—48.

⁸ Об этом написал Вейерштрассу Отто Гёльдер в письме от 24 ноября 1882 г. См.: *Кочина Л. Я. Письма С. В. Ковалевской от иностранных корреспондентов. М., 1979, с. 16—17.* В письме Гёльдера приводится пример, показывающий, что общая область сходимости двух степенных рядов не обязательно состоит из одного куска.

⁹ В том же письме Гёльдер пишет, что посылает Вейерштрассу свою диссертацию, основанную на принципах, которые он усвоил по лекциям Вейерштрасса. Диссертация была посвящена строгому доказательству некоторых теорем теории потенциала с указанием достаточных условий существования: *Hölder O. Beiträge zu Potentialtheorie. Diss. naturw. Fak. Tübingen. Von Otto Hölder. Stuttgart, 1889. 71 S.*

¹⁰ См. примеч. 2 к письму 19.

¹¹ Фамилия Шеффера у Ковалевской написана неверно: «Schöffner» вместо «Scheeffner».

¹² Ковалевская познакомилась с Г. Шварцем в Цюрихе в 1873 г.

¹³ В 1869 г. Ковалевская слушала лекции Л. Кенигсбергера.

¹⁴ Речь идет об Эрнсте Шеринге.

¹⁵ Речь идет, по-видимому, о статьях Миттаг-Леффлера «*Démonstration nouvelle du théorème de Laurent.*» — *Acta math.*, 1884, 4, p. 80—88; *Ett nytt bevis för Laurents teorem.* — *Öfversigt af K. Vetenskaps Akademiens Förhandlingar. Arg. 40, N 9, 1883, p. 5—13.*

27

¹ Письмо 16 (фр.) в группе писем С. К. На конверте: Финляндия, Гельсингфорс, генералу Линд[форсу] с просьбой передать г. профессору Миттаг-Леффлеру.

³ Миттаг-Леффлер был избран почетным членом Кембриджского философского общества в 1884 г.

⁴ Над статьей о преломлении света в кристаллической среде [6]. См.: *Научные работы. М., 1948, с. 74—135.* Там было напечатано предисловие Вейерштрасса. Об этой работе Ковалевской см. письма 3, 5, 9.

⁵ В связи с исполнившимся пятидесятилетием научной деятельности известного естествоиспытателя, академика К. Бэра Петербургская академия наук учредила в 1864 г. премию им. Бэра за лучшие сочинения по биологическим наукам. Премия должна была присуждаться каждые три года. Первыми лауреатами этой премии в 1867 г. стали молодые естествоиспытатели И. И. Мечников и А. О. Ковалевский, брат В. О. Ковалевского, мужа С. В. Ковалевской. Поэтому Ковалевская хорошо знала о правилах этих премий. См.: *Райков Б. Е. Карл Бэр: Его жизнь и труды. Л., 1961.*

⁶ Французский перевод статьи Вейерштрасса «*Zur Theorie der elliptischen Functionen.*» — *Sitzungsber. Preuss. Akad. Wissensch. zu Berlin, 1883, S. 95—105, 163—173, 621—647. Mathem. Werke. Bd. 2. Berlin, 1895, S. 257—309* был опубликован в журнале «*Acta mathematica*»: *Sur la théorie des fonctions elliptiques.* — *Acta math.*, 1885, 6, p. 169—228.

Буквой «q» обозначается один из основных параметров в теории эллиптических функций.

28

¹ Письмо 10 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Колпаки, или ночные колпаки — прозвище одной из политических партий Швеции в XVIII в.

³ Комитет семи — *Sjumannanämnden* — так называли организованную еще в 1879 г. группу деятелей, заботившихся об интересах Стокгольмской высшей школы, заменявшую в некоторых случаях Совет преподавателей. Проф. К.-О. Селениус сообщил нам сведения о составе Комитета семи за ряд лет:

Андерсон Андерс	1879—1891
Дальгрэн Фредрик	1879—1885
Стенберг Стен	1879—1884
Гильям Густав	1879—1892
Сандер Фредрик	1879—1881
Стенберг Стен Юхан	1879—1881
Рубенсон Роберт	1879—1882
Миттаг-Леффлер Гёста	1881—1895
Брёггер Вальдемар	1881—1890
Варминг Эуген	1882—1886
Рюдберг Виктор	1884—1895
Леке Вильгельм	1884—1895
Петерсон Отто	1884—1895

⁴ Ковалевская была утверждена в должности профессора Стокгольмской высшей школы 28 июня 1884 г.

⁵ Статья о преломлении света в кристаллической среде была напечатана в журнале «Acta mathematica», 1885, Bd. 6 [6].

⁶ См. примеч. 4 к письму 27.

⁷ Вейерштрасс писал готическим шрифтом.

⁸ Mayer und Müller — книжное издательство.

⁹ Речь идет о работах Миттаг-Леффлера: Sur la représentation analytique des fonctions monogènes uniformes d'une variable indépendante. — Acta math., 1884, t. 4, p. 1—79, и Démonstration nouvelle du théorème de Laurent, — Acta math., 1884, t. 4, p. 80—88.

¹⁰ Работа Адольфа Крапера: Über die Verallgemeinerung der Riemann'schen Thetaformel. — Acta math., 1889, t. 3, p. 240—276.

¹¹ Речь идет о теме для премии имени Оскара II.

29

¹ Письмо 11 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Видимо, письмо Ковалевской от 29 мая 1884 г. (письмо 26), в котором речь идет о «сплетнях» из Берлина и о Шварце.

³ Емтланд (Jemtland) — провинция на севере Швеции, славящаяся красотой природы.

⁴ Э. Неовиус какое-то время учился в Цюрихском политехникуме у Шварца. В письме 26 Ковалевская рассказывает (по сведениям, полученным «из верного источника») о нападках профессора Шварца на гельсингфорского астронома Крюгера. Видимо, «источником» для Шварца был Неовиус (судя по реакции Миттаг-Леффлера на слова Ковалевской).

30

¹ Письмо 18 (фр.) в группе писем С. К.

² На конверте: Швеция. Стокгольм, г. проф. Миттаг-Леффлеру. 1 Норра Хуммлегордсгата.

³ Статья Ковалевской [2] была напечатана в 1884 г. в 4-м томе «Acta mathematica».

⁴ Статья Ковалевской [7] была напечатана в 1885 г. в «Astr. Nachr.».

⁵ Ковалевская была дружна с семьей Кронекеров.

⁶ Г. Кирхгоф — немецкий физик и механик. Ковалевская слушала его лекции в Гейдельберге в 1869—1870 гг. Вместе с Ковалевской занималась у Кирхгофа и Ю. В. Лермонтова. С 1875 г. Кирхгоф стал работать в Берлине, и Ковалевская навещала его, когда бывала там. Первые работы Кирхгофа — по электричеству, затем он занимался различными проблемами механики — вопросами движения и равновесия упругих тел, течением жидкости. Вместе с Р. Бунзеном он положил начало спектральному анализу. Изданы его сочинения: Kirchhoff G.-R. Gesammelte Abhandlungen. Leipzig, 1882; Bunsen R.-W., Kirchhoff G.-R. Vorlesungen über mathematischen Physik. Leipzig,

1874—1894, Bd. I—IV. В своих лекциях Ковалевская часто обращалась к трудам Кирхгофа. О Кирхгофе см.: Столетов А. Г. Г.-Р. Кирхгоф. — В кн.: Собр. соч. М.; Л., 1941, т. 2.

⁷ См. примеч. 15 к письму 26.

⁸ Ковалевская познакомилась с Рунге в Берлине в 1882 или 1883 г. Вместе с Д. Ф. Селивановым они все были участниками небольшого математического кружка. Рунге занимался теорией дифференциальных уравнений, теорией аналитических функций, решением алгебраических уравнений, численными методами решения уравнений. В 1900 г. он издал книгу «Praxis der Gleichungen» (L., 1900).

⁹ Видимо, речь идет о статье К. Рунге «Theorie der eindeutigen analytischen Functionen» (Acta math., 1885, t. 6, p. 229—244). На с. 229 в ней есть примечания редактора журнала Миттаг-Леффлера. Он сравнивает эту работу Рунге со своей статьей [63].

¹⁰ Статья Вейерштрасса «Zur Theorie des aus n Haupteinheiten gebildeten complexen Grössen». — Nachr. K.-gl. Ges. Wiss. zu Göttingen, 1884, S. 395—414; Math. Werke, B., 1895, Bd. 2, S. 311—332.

¹¹ Об исчислении кватернионов Гамильтона см.: Венков Б. А. Об арифметике кватернионов. — Изв. Рос. акад. наук. 1922, т. 16, с. 205—220; 221—246; Изв. АН СССР. Сер. физ.-мат., 1929, с. 489—504; 535—562, 607—622.

¹² Weierstrass K. Zur Integration der linearen partiellen Differential-Gleichungen mit constanten Coefficienten. — Math. Werke, B., 1894, Bd. 1, S. 275—295 (впервые напечатано в статье Ковалевской [6] как введение).

¹³ Hamburger M. Bemerkung über die Form der Integrale der linearen Differentialgleichungen mit veränderlichen Coefficienten. — J. für Math., 1877, Bd. 76, S. 113—125; Hamburger M. Ueber ein Princip zur Darstellung des Verhaltens mehrdeutiger Functionen einer complexen Variablen, insbesondere der Integrale linearer Differentialgleichungen in der Umgebung singularer Punkte. — J. für Math., 1887, Bd. 83, S. 185—209.

¹⁴ Здесь говорится о статье Кирхгофа: Beweis der Existenz des Potentials das an der Grenze des betrachteten Raumes gegebene Werthe hat, für den Fall dass diese Grenze eine überall convexe Fläche ist. — Acta math., 1890—1891, t. 14, p. 179—183. На первой странице этой работы Кирхгофа имеется следующее примечание С. Ковалевской: «Примерно шесть лет назад я имела удовольствие встретить в Берлине Кирхгофа. Я воспользовалась этой возможностью, чтобы обратиться к нему с просьбой оказать честь «Acta mathematica» его сотрудничеством. Кирхгоф (в это время уже страдавший болезнью, которая свела его безвременно в могилу) сообщил, что у него нет ничего другого готового, кроме печатаемой здесь заметки, подготовленной им уже много лет тому назад. Так как проф. К. Нейман в Лейпциге уже писал об этом предмете, то Кирхгоф сомневался, целесообразно ли печатать эту работу. Он

предоставил мне право распорядиться работой по моему собственному желанию. Я теперь считаю своим долгом не оставлять в забвении эту научную работу великого физика. Каждая написанная им строчка, без сомнения, имеет значение. Софья Ковалевская».

¹⁵ Установить точно, о какой газете в данном письме идет речь, не удалось. Личность первой женщины-профессора привлекала внимание многих газет как за границей, так и в России. В 1884 г., к которому относится письмо, заметка о Ковалевской и ее портрет были напечатаны, например, в Петербургской иллюстрированной газете «Нева» (№ 25 от 17 июня, с. 389 и 403), в газете «Всемирная иллюстрация» (№ 804 от 2 июня, с. 470—474). В ней, в частности, говорилось: «Нельзя не отдать справедливости Стокгольмскому университету: допустив в число своих профессоров эту замечательную женщину, он оказал большую услугу делу женской эмансипации. Инициативу в этом похвальном шаге проявил, как утверждают, знаменитый математик и декан Стокгольмского математического факультета профессор Миттаг-Леффлер».

31

¹ Письмо 12 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Письмо из Москвы — см. письмо 25.

³ Письмо от 1 июня 1884 г. — см. письмо 27.

⁴ Мнение Вейерштрасса относительно вопроса о премии короля Оскара II см. в письме 27.

⁵ Вопрос на большую премию по математике Французского института (вернее, Парижской академии наук) относительно линейных дифференциальных уравнений: «Усовершенствовать в некотором важном пункте теорию линейных дифференциальных уравнений от одной независимой переменной». Работу на эту тему написал Пуанкаре и был удостоен почетного отзыва (1881 г.). Частично работа была опубликована посмертно под названием «Sur les fonctions fuchsienues» в журнале «Acta mathematica» (1923, т. 39, р. 59—93). (Oeuvres. t. 1, p. 336—373).

⁶ О премии Штейнера см. примеч. 4 к письму 26.

⁷ А. Кейли — английский математик. Основные труды по алгебре, теории инвариантов и их связи с проективной геометрией, теории дифференциальных уравнений, теории эллиптических функций. Занимался также астрономией и астрофизикой. О нем см.: Noether M. Arthur Cayley. — Math. Ann., 1895. Bd. 46. S. 462—480.

⁸ Дж. Сильвестер — английский математик. Основные работы — по теории чисел, алгебре, теории вероятностей, механике, математической физике, теории инвариантов и их геометрическим приложениям. Изданы его The Collected mathematical Papers, v. 1—4. Cambridge, 1904—1912. Написал несколько вариантов сочета, в котором упоминается Ковалевская, чья «звезда сияет над озером Ме-

лар» (См. статью: Полубаринова-Кочина П. Я. Дж. Дж. Сильвестер и С. В. Ковалевская. — Вопр. истории естествознания и техники, 1957, вып. 5, с. 156—162).

⁹ Ф. Бриоски — итальянский математик. Труды — по алгебре, теории дифференциальных уравнений, теории эллиптических функций и др.

¹⁰ Речь идет о премии Бара. См. примеч. 5 к письму 27.

¹¹ В. Брёггер был одним из первых, кто отнесся с симпатией к Ковалевской в Стокгольме. Сохранилась его приглашительная записка Ковалевской от 23.12.1883 (ААН СССР, ф. 603, оп. 1, альбом 49, письмо 6).

¹² О вероятном отъезде Гюльдена в Германию см. письмо 26. Его приглашали в Геттингенскую обсерваторию.

¹³ Я. Хольмгрен — шведский математик и механик. В 50-х гг. ездил в Париж, где слушал лекции Коши и Лиувилля. Основные работы — по сходимости рядов, интегрированию дифференциальных уравнений, механике.

¹⁴ Г. Минковский — основоположник (вместе с Г. Ф. Вороным) геометрической теории чисел. Дал геометрическую интерпретацию специальной теории относительности. Работы — по теории чисел, топологии, математической физике, гидродинамике, теории капиллярности.

¹⁵ Здесь речь идет о статье Фрагмена: Phragmén E. Über die Begrenzungen von Continua. — Acta math., 1885, t. 7, p. 43—48.

¹⁶ Phragmén E. Sur un théorème concernant les fonctions elliptiques. — Acta math., 1885, t. 7, p. 33—42.

¹⁷ Weierstrass K. Sur la théorie des fonctions elliptiques. — Acta math., 1885, t. 6, p. 169—228.

32

¹ Письмо 13 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Письмо Ковалевской от 7 июня 1884 г. — письмо 30.

³ Работа Ковалевской об абелевых интегралах [2] была напечатана в «Acta mathematica» в том же 1884 г.

⁴ Видимо, статья Вейерштрасса «Bemerkungen zur Integration eines Systems linearer Differentialgleichungen mit constanten Coefficienten». (1875). — Mathem. Werke, 1895, Bd. 2, S. 75—76.

⁵ См. примеч. 13 к письму 30.

⁶ Работа Вейерштрасса о высших комплексных числах — примеч. 10 к письму 30.

⁷ Г. Хеттнер записывал лекции Вейерштрасса и отдавал их переписчику для размножения.

⁸ См. примеч. 9 к письму 30.

⁹ Статья К. Крапера в III т. журнала написана совместно с Ф. Примом: Über die Verallgemeinerung der Riemann'schen Thetaformel. — Acta math., 1883, t. 3, p. 240—276.

¹⁰ См. примеч. 14 к письму 30.

¹¹ Берлинские издатели журнала «Acta mathematica».

¹² Minkowski H. Untersuchungen über quadratischen Formen. — Acta math., 1885, t. 7, p. 201—258.

¹³ Шестая статья Пуанкаре, вероятно «Sur les groupes des équations linéaires». — Acta math., 1884, t. 4, p. 201—311.

33

¹ Письмо 40 (фр.) в группе писем С. К.

² Речь идет о назначении Ковалевской профессором.

34

¹ Письмо 14 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. письмо 33.

³ Правление утвердило решение о назначении Ковалевской профессором 28 июня 1884 г. Об этом ей сообщили Миттаг-Леффлер и барон Угглас. Текст телеграммы Уггласа Миттаг-Леффлеру: «Из Стокгольма. 29 июня 1884. Мёрсиль. Миттаг-Леффлеру. Г-жа Ковалевская назначена вчера профессором на пять лет. Ее поставили в известность телеграммой в Берлин. Густав [Угглас]». (Это приложение к письму 19 в группе писем М.-Л.)

⁴ Письмо 26. Гюльден остался в Стокгольме.

⁵ «Тюле» — страховое общество (примеч. С. Вл. Ковалевской).

⁶ «Виктория» — страховое общество.

⁷ В шведских газетах в июне—сентябре 1884 г. было помещено несколько заметок о предполагаемом отъезде Гюльдена. Возможно, что заметка в сентябрьском номере «Stockholms Dagblad» принадлежит Баклунду. Подписи под ней нет. Заметка перепечатана 15 сентября 1884 г. в «Nya Pressen», газете, издававшейся на шведском языке в Гельсингфорсе.

⁸ Муж А.-Ш. Леффлер — Густав Эдгрел.

⁹ «Ny illustrerad tidning for konst, bildning och nöje» — газета, издававшаяся с 1865 г. в Стокгольме. Русский перевод статьи был сделан Сениговым и помещен в его журнале «Школа математики», 1885, № 1, с. 1—4.

¹⁰ См. примеч. 3 к письму 30.

¹¹ Poincaré H. Sur les groupes des équations linéaires. — Acta math., 1884, t. 4, p. 201—311.

35

¹ Письмо 42 (фр.) в группе писем С. К.

² Почтовый штемпель: Берлин, 25 июня 1884 г. Стокгольм, 28 июня 1884 г.

³ Mittag-Leffler G. Démonstration nouvelle du théorème de Laurent. — Acta mathematica., 1884, t. 4, p. 80—88.

⁴ Видимо, работа Миттаг-Леффлера: Sur la représentation analytique des fonctions monogènes uniformes d'une variable indépendante. — Acta math., 1884, t. 4, p. 1—79.

⁵ Фукс в 1884 г. стал ординарным академиком и профессором Берлинского университета.

⁶ Видимо, здесь говорится о работе Миттаг-Леффлера [63].

⁷ См. примеч. 9 к письму 30.

⁸ Речь идет о работе А. Гурвица: Über die Perioden solcher eindeutiger $2n$ -fach periodischer Functionen, welche im End-

lichen überall den Charakter rationaler Functionen besitzen und reell sind für reelle Werthe ihrer n Argumente. — J. für Math., 1884, Bd. 94, S. 1—20.

⁹ Hurwitz Adolf. Grundlagen einer independenten Theorie der elliptischen Modulfunctionen und Theorie der Multiplicator-Gleichungen erster Stufe. Inaug. Diss. von Adolf Hurwitz. Lpz.: Teubner, 1881, 82 S.; Math. Ann., 1881, Bd. 18, S. 528—592; Math. Werke, 1962, Bd. 1, S. 1—66.

¹⁰ Речь идет о работе Гурвица, указанной в примеч. 8.

¹¹ В «Acta mathematica» были напечатаны работы Гурвица позже, начиная с 11-го тома 1887 г.

¹² Об Э. Вильтхейсе есть статья в «Jahresberichte der Deutschen Mathem. Vereinigung» (1901, S. 59—63). Статьи Вильтхейса в «Acta mathematica» не появилось.

¹³ Письмо 42 (нем.) среди писем С. К. От газеты Винер Резиденцблатт:

Вена, 4 июня 1884 г.

Ваше Высокоблагородие, Дружески расположенные лица предлагают нам украсить один из ближайших номеров нашей газеты помещением Вашего портрета и биографии. После того как мы предприняли все подготовительные шаги, нам остается только попросить Вашего разрешения, в котором Вы нам, вероятно, не откажете ввиду общественно-полезной цели этой просьбы.

Уверяем Вас, Ваше Высокоблагородие, что мы сумеем оценить оказанную нам честь и примем все меры к тому, чтобы соответствующим образом оформить напечатание портрета. Пользуемся случаем, чтобы пригласить Вас вступить в число абонентов нашей газеты, прилагаем соответствующую квитанцию на ее получение.

В приятном ожидании Вашего благосклонного ответа остаемся с глубоким уважением и преданностью

Редакция Винер Резиденцблатт

Вена II, Одеонштрассе 10.

36

¹ Письмо 14 (фр.) в группе писем М.-Л.

² Речь идет о назначении Ковалевской профессором сроком на пять лет. См. примеч. 3 к письму 34.

37

¹ Письмо 16 (фр.) в группе писем М.-Л.

38

¹ Письмо 17 (фр.) в группе писем М.-Л.

² «The Illustrated London News» — «Иллюстрированные лондонские новости». Статья о Ковалевской была напечатана в 1884, т. 85, с. 126, а на с. 121 помещен портрет Ковалевской. Приводим текст заметки о С. В. Ковалевской (автор не указан):

«Госпожа Ковалевская. Эта леди, родившаяся в России, — знаменитый математик, которая читала прошлой зимой лекции в Стокгольмском университете, только что назначена профессором математики в этом университете. Мы полагаем, что это первый случай, со времен

средневековья (в Италии), когда женщина назначается на академическую кафедру европейского университета. Швеция — страна, где проявляется большой интерес к требованиям прекрасного пола о получении и применении высшего образования. Положение, которое заняла теперь г-жа Ковалевская, заслуживает внимания как знамение времени и должно быть встречено с удовольствием многими английскими друзьями и защитниками высшего образования для женщин».

⁷ «The Graphic. An illustrated weekly newspaper» — иллюстрированная еженедельная газета, издавалась в Лондоне. Статей о Ковалевской в газете за 1884 г. не найдено.

⁴ См. примеч. 9 к письму 30 и письмо 35.

39

¹ Письмо 20 (фр.) в группе писем С. К.

² Письмо помещено не по дате написания, а по дате отправления (10 июля 1884).

³ Работа Л. Фукса: *Über Differentialgleichungen deren Integrale feste Verzweigungspunkte besitzen.* — *Sitzungsberichte d. Preuss. Akad. der Wiss.*, 1884, S. 699—710.

⁴ Статьи Кронекера в «Acta mathematica» не появились.

⁵ См. примеч. 9 к письму 30.

⁶ Ректор Берлинского университета в 1883/84 уч. г. — А. Кирхгоф, в 1884/85 — Генрих Дернбург. Очевидно, второй — противник женского вопроса. См.: *Reden von Rektoren der Berliner Universität, 1810—1932.* В., 1977.

⁷ Тереза Гюльден была всеми уважаемой женщиной. С. Ковалевская была с ней в близких, дружеских отношениях.

40

¹ Письмо 21 (фр.) в группе писем С. К.

² Письмо помещено по дате отправления.

³ См. примеч. 12 к письму 3. Работы Ковалевской [4—6].

⁴ Написано по-немецки: *Welche schöne Wirtschaft.*

⁵ В Стокгольмской высшей школе канукулы были продолжительными.

41

¹ Письмо 18 (фр.) в группе писем М.-Л.

² Письма от 1 июля (письмо 39) и от 8 июля (письмо 40) были отправлены одновременно — 10 июля.

³ Новое открытие Фукса — см. примеч. 3 к письму 39.

⁴ В «Acta mathematica» была напечатана статья Фукса и Эрмита: *Sur un développement en fraction continue.* — *Acta math.*, 1884, t. 4, p. 89—92; *Hermite Ch. Oeuvres.* Paris, 1917, t. 4, p. 172—174.

⁵ См. примеч. 9 к письму 30.

⁶ «Функции Пуанкаре» — см.: *Poincaré H. Mémoire sur les fonctions zeta-fuchsienues.* — *Acta math.*, 1884, t. 5, p. 209—278.

⁷ Миттаг-Леффлер собирался испросить Кронекеру командорский крест Полярной звезды после выхода 100-го тома «Journal für die reine und angewandte

Mathematik». Шведский орден «Полярная звезда» (Nordstjärna) учрежден в 1748 г. Бывает двух степеней.

⁸ «Грозный канцлер», видимо, Бисмарк.

⁹ По-видимому, речь идет о дачном поселке в Дьюрскольме, где впоследствии Миттаг-Леффлер построил дачу, переданную им для Института (в настоящее время им. Миттаг-Леффлеров).

42

¹ Письмо 22 (фр.) в группе писем С. К.

² Работа Пуанкаре, только что доложенная Парижской академии: *Sur un théorème de M. Fuchs.* — С. г., 1884, t. 99, p. 75—77 и под тем же названием в более полном виде напечатанная в «Acta mathematica», 1885, t. 7, p. 1—32.

³ Отец Миттаг-Леффлера — Юхан Олаф Леффлер.

43

¹ Письмо 19 (фр.) в группе писем М.-Л.

² Г. Энстрём — секретарь редакции журнала «Acta mathematica». Им был составлен полный список сочинений Л. Эйлера, положенный в основу Полного собрания сочинений (издаваемого в Швейцарии с 1911 г. по настоящее время). Ему принадлежит много работ по различным вопросам истории математики, статистики, о «вдовьих» кассах и т. д. Он переводил русских поэтов на шведский язык (см.: *Кочина П. Я.* Письма С. В. Ковалевской от иностранных корреспондентов. М., 1979, с. 51—53).

³ Речь идет о печатании в «Acta mathematica» работы Ковалевской [4].

44

¹ Письмо 20 (фр.) в группе писем М.-Л.

45

¹ Письмо 21 (фр.) в группе писем М.-Л.

² О Вильтхейсе см. примеч. 12 к письму 35.

46

¹ Письмо 24 (фр.) в группе писем С. К.

² Сёдертелье — дачный поселок недалеко от Стокгольма.

³ См. [6].

⁴ См. письмо 35.

47

¹ Письмо 25 (швед.) в группе писем С. К. Это первое письмо Ковалевской, написанное на шведском языке.

48

¹ Письмо 23 (швед.) в группе писем С. К.

² Речь идет о профессоре М. М. Ковалевском, социологе, историке, общественном деятеле.

³ В. Рюдберг — шведский поэт, который в сентябре 1884 г. начал чтение лекций в Стокгольмской высшей школе.

⁴ А. Лундгрэн — сестра Лундгрена М. Ф. Возможно, с нею хотела Ковалевская заниматься шведским языком.

49

¹ Письмо 27 (швед.) в группе писем С. К.

² Эта фраза написана по-немецки: «Leben Sie wohl, meine theure Freunde».

³ Речь идет о печатании статьи Ковалевской [6].

50

¹ Письмо 28 (швед.) в группе писем С. К.

² На конверте: профессору Г. Миттаг-Леффлеру, Альмнес, Ю. Швеция, у графа Густава Спарре.

51

¹ Письмо 76 (фр.) в группе писем С. К.

² Русский министр — русский посол в Швеции Н. П. Шишкин. Имеется письмо Н. П. Шишкину (письмо 29 (фр.) среди писем С. К.):

Королевское Иностранное Управление

24 октября 1884 г.

Дорогой г. Министр,

Король с удовольствием примет Вашую ученую соотечественницу в ближайший вторник, когда Его Величество дает аудиенцию с десяти часов утра до часу дня.

С уверением в моем чувстве высокого уважения

Гохшильд.

Получив это письмо, Н. П. Шишкин пишет С. В. Ковалевской:

Суббота 25/13 октября

Зная, многоуважаемая Софья Васильевна, что сегодня, в субботу, Вас заставить дома трудно, не хочу откладывать до завтра удовольствия известить Вас об исполнении Вашего поручения. Из прилагаемой при сем записки барона Гохшильда Вы изволите увидеть, что король Вас примет в будущий вторник.

Рад случаю уверить Вас снова, многоуважаемая Софья Васильевна, в искренней моей преданности и готовности всегда быть к услугам Вашим

Н. Шишкин.

52

¹ Письмо 78 (швед.) в группе писем С. К.

² В статье «Sur les courbes définies par les équations différentielles» (С. г., 1884, t. 98, p. 237—289) Пуанкаре применяет понятие всюду плотного множества (он пишет по-немецки: überalldicht), введенное Г. Кантором, теорию множеств которого Кронекер не признавал. Перед тем Кантор опубликовал ряд основополагающих статей в «Mathematische Annalen» (1879—1883), перепечатанных в «Acta mathematica» (1883, t. 2, p. 349—380), под названием «Sur les ensembles infinis et linéaires de points».

53

¹ Письмо без номера (фр.) в группе писем С. К.

² Интерес Гельмгольца к акустике и его занятия вопросами сложения колебаний нашли отражение в его печатных работах: Die Lehre von den Tonempfindungen. I. Aufl. 1863; IV, Aufl. 1877. В 1863 г. он издал книгу «Учение о звуко-

вых ощущениях как физиологической основе теории музыки», она выдержала несколько изданий и переводов. В 1875 г. вышел русский перевод М. О. Петухова. О Гельмгольце см. кн.: Лебединский А. В., Франкфурт У. И., Френк А. М. Гельмгольц (1821—1894). М., 1966.

54

¹ Письмо 23 (швед.) в группе писем М.-Л.

² В Галле жил Г. Кантор. Как известно, Кронекер относился к нему недоброжелательно.

³ Статьи Гельмгольца в «Acta mathematica» напечатано не было.

⁴ Э. Бельтрами опубликовал статью: Sur les couches de niveau électromagnétiques.— Acta math., 1884, t. 3, p. 141—152. Работы Э. Бельтрами относятся к дифференциальной геометрии, теории инвариантов дифференциальных квадратичных форм, теории аналитических функций. Он показал, что для так называемых псевдосферических поверхностей выполняется неевклидова геометрия Лобачевского. Его работа «Опыт истолкования неевклидовой геометрии» (1868 г.) сыграла важную роль в истории геометрии Лобачевского. Следуя идеям Римана, он развил геометрию пространства постоянной кривизны для любого числа измерений.

55

¹ Письмо 24 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Павия — город в Италии.

³ Чертоза — картезианский монастырь, памятник архитектуры недалеко от Павии.

⁴ С. Г. Шварцем Ковалевская познакомилась в апреле 1873 г. в Цюрихе, куда приезжала к сестре. См.: Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской. 1871—1891. М., 1973, с. 161—163 (письмо от 18 апреля 1873 г.).

⁵ Вейерштрасс предложил вопрос 1) для премии Оскара II.

⁶ Посоветоваться с Эрмитом по поводу вопросов на премию Оскара II. Эрмит был членом жюри, и ему принадлежит вопрос 4) и, видимо, 2), 3).

56

¹ Письмо 31 (фр.) в группе писем С. К.

² Почтовый штемпель Берлина 25 декабря 1884 г.

³ Возможно, что семейство фон Поммер-Эше было знакомо с родственниками Ковалевской по линии матери — семейством Шубертов.

⁴ См. примеч. 3 к письму 3. Хеттнер и Кноблаух записывали лекции Вейерштрасса.

⁵ Статья об уравнениях Ковалевской; может быть, она имела в виду развитие исследований, изложенных ею в письме 57.

⁶ См. примеч. 5 к письму 55.

57

¹ Письмо 30 (фр.) в группе писем С. К.

² Имеется в виду приемный сын Вейерштрасса Франц — «Френцхен».

³ Будучи на передовых позициях во многих вопросах общественной жизни, Стриндберг, однако, был противником женской эмансипации (см.: *Giftas. Stockholm*, 1886, p. XI, XV) Ковалевская высоко ценила Стриндберга как писателя, несмотря на его выпады против женской эмансипации и против «чужовищного явления — женщины-профессора математики».

⁴ На самом деле Ковалевской исполнилось 34 года. Она родилась 3(15) января 1850 г.

⁵ Рассматриваемые в этом письме Ковалевской системы уравнений того же типа, что и системы уравнений в задаче о вращении тяжелого твердого тела вокруг неподвижной точки (см. письмо 125). По-видимому, Ковалевская не переставала думать над этими уравнениями и в ближайшие годы. Так, в 1886 г. она беседовала о них с Томасом Крэггом, заместителем редактора «Американского математического журнала». Он напомнил ей об этом в письме от 30 августа 1887 г.:

«Милостивая государыня,

Вы оказали мне честь в прошлом году, обещав мне мемуар для «Американского математического журнала» о системе $dx/X=dy/Y=dz/Z$, и сказали, что Вы могли бы, вероятно, прислать его во время летних каникул. Я обращаюсь за разрешением напомнить Вам об этом и спросить Вас, когда я могу увидеть его. Думаете ли Вы, что он может успеть прибыть, чтобы выйти в следующем номере журнала, т. е. в томе X, № 1? Я с радостью задержу выпуск этого номера для того, чтобы увидеть Ваш мемуар напечатанным в нем». (Письма С. Ковалевской от иностранных корреспондентов / Публ. П. Я. Кочиной. М., 1979, с. 60).

Никакой статьи Ковалевской в американском журнале не появилось. См.: *Полубаринова-Кочина П. Я.* Из переписки С. В. Ковалевской. — Усп. мат. наук, 1952, т. VII, вып. 4(50), с. 103—125).

⁶ Бюст Вейерштрасса был заказан к его 70-летию (31 октября 1885 г.).

58

¹ Письмо 32 (фр.) в группе писем С. К.

² Обращение к математикам по поводу предстоящего празднования 70-летия Вейерштрасса.

³ Русский перевод писем Г. Кантора Ковалевской от 7 и от 30 декабря 1884 г. был опубликован П. Я. Кочиной в журнале «Успехи математических наук», 1952, т. 7, вып. 4, с. 121—123. Немецкий текст писем Кантора Ковалевской и его письма Л. Фуксу опубликованы А. П. Юшкевичем: Georg Cantor und Sofie Kovalevskaja. — In: *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturelle Beziehungen*. В., 1966, S. 683—686.

⁴ Имеется в виду Эмиль Дюбуа-Реймон.

⁵ См. примеч. 5 к письму 55.

1885

59

¹ Письмо 33 (фр.) в группе писем С. К.

² Почтовый штемпель: 17 января 1885. На конверте адрес: Г. Миттаг-Леффлеру, Париж, Гранд-отель дю Лувр.

¹ Письмо 26 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. примеч. 5 к письму 55.

61

¹ Письмо 196 (швед.) в группе писем С. К.

² Ковалевская выехала в Петербург в начале мая 1885 г. (В письме 62 Миттаг-Леффлер дает ей советы о маршруте этой поездки).

³ Ковалевская по просьбе Миттаг-Леффлера должна была узнать у В. Жаклара о водных курортах в Пиренеях. См. также письмо 63.

62

¹ Письмо 28 (швед.) в группе писем М.-Л.

² *Diarium* — дневник (лат.). Здесь — расписание занятий на каждый день.

³ Метеорологическая центральная служба Шведской королевской академии наук основана в 1873 г. Р. Рубенсоном.

⁴ Институт Эдлунда — Физический институт Шведской королевской академии наук (*Fysiska institutionen*, основан в 1849 г.).

⁵ Празднество в честь Карла Линнея, видимо, приуроченное к 150-летию его труда «Система природы» (1735). Линней — крупнейший естествоиспытатель, один из создателей Шведской королевской академии наук (1739).

63

¹ Письмо 34 (фр.) в группе писем С. К.

² См. примеч. 5 к письму 62.

³ Новая пьеса Анны-Шарлотты, видимо, «Каким образом делать добро» (*Nur man gör godt*, 1885).

⁴ Записка о курортах Пиренеев, вероятно, написана Жакларом.

64

¹ Письмо (фр.) без номера из конверта № 7 в группе писем М.-Л. В нумерации Миттаг-Леффлера это письмо № 2.

² Портрет Вейерштрасса был помещен в 7-м томе журнала «*Acta mathematica*» за 1885 г.

³ Должно быть, здесь имеется в виду статья Кантора: *Cantor G. De la puissance des ensembles parfaits de points.* — *Acta math.*, 1884, t. 4, p. 381—392. Всего в журнале «*Acta mathematica*» было опубликовано девять работ Г. Кантора.

Г. Кантору не повезло с опубликованием его работы о порядковых типах. Так, В. Иентш пишет: «Даже его [Кантора] друг Миттаг-Леффлер, издававший журнал «*Acta mathematica*», оказался в 1885 г. вынужденным, под давлением противников теории множеств, настоячиво посоветовать Кантору взять обратно его работу о порядковых типах, хотя корректура была уже прочитана. Чтобы не повредить существованию молодого журнала, Кантор взял работу обратно, как написал об этом позднее в одном письме французскому математику Пуанкаре. Ценная работа все же была напечатана в «*Acta mathematica*» в 1970 г.,

г. е. через 52 года после смерти Кантора». (*Jentsch W. Die Leopoldina und ihre halleschen Mathematiker. 100 Jahre Leopoldina in Halle. 1878—1978. — Deutsche Akademie der Naturforscher Leopoldina. Halle (Saale). 1979, S. 51—52.*)

Опубликовал статью английский историк математики Граттан-Гуинес: *Grattan-Guinness I. An Theorie der Ordnungstypen. Erste Mitteilung. — Acta math., 1970, t. 124, p. 65—107.*

По-видимому, об этой своей статье Г. Кантор писал Ковалевской 7 декабря 1884 г.: «Сейчас я занимаюсь обработкой мемуара по теории порядковых типов, которая должна быть закончена в первых месяцах следующего года. Основные принципы я с возможной краткостью составил еще ранее для публикации в Вашем журнале. Первые пять параграфов этих «Принципов» я 20-го октября послал проф. Миттаг-Леффлеру; за этим первым сообщением последуют еще по крайней мере пять параграфов, которые будут готовы, как только я узнаю, что должно начаться печатание» (в статье Г. Кантора 1970 г. всего 8 параграфов).

Далее Кантор пишет: «В первых параграфах речь идет лишь о типах просто упорядоченных множеств; но подобным же образом существуют и типы двухкратно, трехкратно, n -кратно, даже ω -кратно и т. д. упорядоченных множеств, благодаря которым, по-видимому, проливается много света на старые и новые вопросы арифметики и космологии».

В статье 1970 г. Кантор развивает более подробно мысль о применении теории множеств к естествознанию или космологии, «к которой принадлежат естественные науки, связанные как с неорганическим, так и с органическим миром».

⁴ Миттаг-Леффлер искал преподавателя механики на место профессора Хольмгрена (см. примеч. 13 к письму 31) для Стокгольмского университета и для Высшей технической школы.

⁵ Молодой Шеринг — Карл Юлиус Эдуард. Его статья: *Schering K. Ueber das Borchardt'sche arithmetico-geometrische Mittel aus 4 Elementen. — J. für Math., Bd. 85, 1878.*

⁶ Суждения Миттаг-Леффлера об учениях Вейерштрасса субъективны. На самом деле Г. Фробениус, о котором Вейерштрасс был высокого мнения, являлся хорошим математиком, давшим важные результаты в теории матриц, конечных групп, алгебраических чисел. О Ф. Шоттки Вейерштрасс писал Ковалевской: «Писал ли я Тебе, что Шоттки получил профессорскую кафедру в Политехникуме в Цюрихе? Я очень радовался этому, также и потому, что я оказался прав, в то время как Куммер считал его совсем не подходящим для педагогической работы». — См.: Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской (1871—1891). М., 1973, с. 238. — Г. Хеттнер оказался благодарным учеником Вейерштрасса, он провел большую работу по изданию трудов своего учителя. Г. Фробениус также принимал участие в подготовке к печати трудов Вейерштрасса.

¹ Письмо 29 (швед.) в группе писем М.-Л. (№ 3 в нумерации Миттаг-Леффлера). Ответ на письмо 63.

² Варминг должен был произнести речь во время возложения венка к памятнику К. Линнея. См. примеч. 5 к письму 62.

³ См. примеч. 3 к письму 63.

⁴ О Метеорологической центральной службе см. примеч. 3 к письму 62.

⁵ О Физическом институте см. примеч. 4 к письму 62.

⁶ Толстой Л. Н. Исповедь. В чем моя вера. — Полн. собр. соч., 1913, т. XI, с. 1—62, 409—566.

¹ Письмо 35 (швед.) в группе писем С. К. (№ 2 в нумерации Ковалевской). На конверте: В Швейцарию, Монтрё, Террите.

² См. примеч. 4 к письму 64.

³ Вейерштрасс писал о кандидатуре Герца на кафедру механики в Стокгольме в письме к Ковалевской: «Месяц тому назад я мог бы рекомендовать в качестве хорошего физика-математика приват-доцента Герца в Киле (бывшего ассистента Гельмгольца). Он, однако, приглашен в Политехникум в Карлсруэ...» (Письма Карла Вейерштрасса Софье Ковалевской. М., 1973, с. 258).

⁴ Герц — немецкий физик. Учился в университетах Мюнхена и Берлина. Занимался электродинамикой и теоретической физикой. Придал уравнениям Максвелла современную форму. Изданы его труды: *Gesammelte Werke. Leipzig, Bd. I—III, 1895—1914.* Имеется на русском языке: *Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи / Сост. А. Т. Григорьян, Л. С. Полак; под ред. И. И. Артоболевского. М., 1959. О нем: Григорьян А. Т., Вальцев А. Н. Генрих Герц (1857—1894). М., 1968. 309 с.*

⁵ *Hertz H. Über die Berührung fester elastischer Körper. — J. für Math., 1882, Bd. 92, S. 156—171.*

⁶ Статья Герца была напечатана в 14-м томе журнала «Acta mathematica» в переводе Видемана: *Sur les équations fondamentales de l'électro-dynamique pour les corps en mouvement. — Acta math., 1891, t. 14, p. 349—375.*

⁷ В 80-м томе журнала «Journal für die reine und angewandte Mathematik», Berlin, 1875, была статья Ковалевской [1]. Том был посвящен Вейерштрассу. Ковалевская потеряла этот том, и Ханзман прислал ей другой экземпляр.

⁸ Кронекер был обижен, что его не включили в состав жюри конкурса на премию Оскара II. Но не это было главной причиной столкновений между Кронекером, с одной стороны, и Вейерштрассом, его учениками и Г. Кантором — с другой. Вейерштрасс писал Ковалевской о пунктах, в которых Кронекер и Фукс расходились с ним: «Нередко бывает так, что я на лекции доказываю какое-нибудь положение, которое на другой лекции (Кронекера. — Сост.) признается неправильным и не выдерживающим критики. В то время как я утверждаю, что так называемое иррациональное чисто имеет

такое же реальное существование, как и что-либо иное в области мышления, Кронекер принимает теперь за аксиому, что только целые числа между собой связаны уравнениями» (Письма Карла Вейерштрасса Софье Ковалевской. М., 1973, с. 255). Далее Вейерштрасс сообщает: «Фукс помещает в Протоколах заседаний Академии статью, которая должна доказывать существование линейных дифференциальных уравнений, не определяющих „аналитические“ функции, не замечая, что если бы он был прав, то этим наложил бы штамп абсурдности на преобладающее большинство тех функций, исследование свойств которых он сам производил с таким успехом... Еще хуже, однако, когда Кронекер использует *весь* свой авторитет, чтобы доказать, что все те, кто до сих пор работал по вопросу обоснования теории функций, являются грешниками перед господом. Если такой чудак, как Кристоффель, говорит, что через 20—30 лет современная теория функций будет похоронена и весь анализ растворится в теории форм, то в ответ можно только пожать плечами. Но если Кронекер *буквально* заявляет: «Если у меня останется достаточно лет жизни и сил, то я сам покажу математическому миру, что не только геометрия, но и арифметика может показать анализу пути, и, безусловно, наиболее точные. Если это мне не удастся, то это сделают те, кто придет после меня (Гензель, Мольк?), и они осознают неправильность *всех* тех заключений, на основе которых работает теперь *так называемый анализ*», то подобные высказывания со стороны человека, высокие способности которого к математическому исследованию и выдающиеся достижения искренне и радостно признаны не только мною, но и всеми его коллегами, не только оскорбляет тех, кто обвиняется в ошибочном признании и должен отречься от того, что являлось содержанием их упорной работы, мысли и усилий, но составляет и непосредственный призыв к более молодому поколению бросить своих прежних вождей и примкнуть к нему, как апостолу нового учения, которое, правда, еще *должно быть* доказано. Очень печально и горько, что вполне законное самолюбие человека, слава которого бесспорна, доводит его до высказываний, при которых он даже не чувствует, насколько они оскорбительны для других» (Там же, с. 256).

Кристоффель Э.-Б., о котором упоминает Вейерштрасс, — немецкий математик. Его труды — в области теории функций, дифференциальных уравнений с частными производными, теории инвариантов, дифференциальных квадратичных форм.

⁹ Ковалевская читала весной 1885 г. курс «Теория алгебраических функций по Вейерштрассу». В этой теории буквой p обозначается ранг алгебраического уравнения.

¹ Письмо 30 (швед.) в группе писем М.-Л. (номер 4 в нумерации Миттаг-Леффлера). Ответ на письмо 66.

² Кроме теории алгебраических функций по Вейерштрассу, в первом семестре 1885 г. Ковалевская читала и элементарную алгебру, см. с. 278 наст. изд.

³ См. примеч. 4—6 к письму 66.

⁴ Journal für die reine und angewandte Mathematik, 1875. Bd. 80. См. примеч. 7 к письму 66.

⁵ Страховое общество — ответ на вопрос Ковалевской. См. письмо 66.

⁶ О дальнейших шагах в отношении шведского подданства см. письма 72, 77, 78, 80, 81. Ковалевская осталась русской подданной.

⁷ См. примеч. 7 к письму 32.

⁸ См. примеч. 4 к письму 2.

⁹ См. примеч. 3 к письму 24, примеч. 6 к письму 26.

¹⁰ Кронекер был маленького роста.

¹ Письмо 36 (фр.) в группе писем С. К. (в нумерации Ковалевской № 3).

² Письма Г. Ханземана опубликованы в кн.: Кочина П. Я. Письма С. В. Ковалевской от иностранных корреспондентов. М., 1979, с. 28—29, 34—35, 38—40.

³ Пьеса А.-Ш. Леффлера «Kvinnlighet och erotik», 1884.

¹ Письмо 31 (швед.) в группе писем М.-Л. (в нумерации Миттаг-Леффлера письмо № 5).

² Речь идет о смерти сестры Ю. В. Лермонтовой — Софьи Всеволодовны.

³ «Aftonbladet» — газета, выходившая в Стокгольме с 1830 г. Первым ее издателем был Л.-Ю. Хьерта. В 1884—1887 гг. газету издавал Г. Ретпиус, зять Л. Хьерта. В газете сотрудничали А.-Ш. Леффлер, А. Агрель, Ю. Леффлер, В. Рюдберг, С. Пальме и др. Некоторое время там сотрудничала и С. В. Ковалевская.

⁴ Вопрос о преподавании механики после Хольмгрена освещается в предыдущих письмах.

⁵ Имеется в виду организация журнала «Acta mathematica» Миттаг-Леффлером.

⁶ Ю. В. Лермонтова.

¹ Письмо 43 (фр.) в группе писем С. К. (в нумерации Ковалевской письмо № 4). Почти целиком оно помещено в книге: Леффлер А.-К. Софья Ковалевская. СПб., 1893, с. 189—190.

² Решение о том, чтобы Ковалевская взяла на себя чтение лекций по механике на один год в Высшей школе. Слова в кавычках написаны по-шведски: «och att alla voro mycket tacksamma att jag ville ataga mig detta för ett år».

³ Слова «таким счастливым событием» — «en så lycklig tilldragelse» написаны по-шведски.

⁴ Förtvivlad (швед.) — в отчаянии.

⁵ См. примеч. 5, 6 к письму 66.

⁶ См. примеч. 5 к письму 64.

⁷ Т. Гексли пригласил Ковалевскую приехать в Англию осенью 1885 г. на съезд Британской ассоциации прогресса

науки. (British Association for Advancement of Science, осн. в 1831 г.)

⁸ См. примеч. 9 к письму 66.

⁹ Слова в кавычках — по-шведски: «ja naturligtvis, varje vetenskap har sina uppgifter».

71

¹ Письмо 38 (фр.) в группе писем Ковалевской (в нумерации Ковалевской № 5). На конверте: в Швейцарию, Беатенберг.

² Вероятно, С. И. Ламацкий.

³ Фрагмен намерен держать экзамен в Упсале, так как Стокгольмская высшая школа не имела права присуждать ученые степени. Кроме того, в Упсале была хорошая физическая лаборатория. Поэтому Фрагмен, обучавшийся в Стокгольмской высшей школе, ездил в Упсалу.

72

¹ Письмо 32 (швед.) в группе писем М.-Л. (в нумерации Миттаг-Леффлера письмо № 7).

² Ответ на письмо Ковалевской № 4, см. здесь письмо 70.

³ О шведском подданстве см. примеч. 6 к письму 67.

73

¹ Письмо 33 (швед.) в группе писем М.-Л. (Это продолжение письма 72). Ответ на письмо 71.

² О хороших новостях из Петербурга см. письмо 71.

³ Изменение дней лекций, чтобы Фрагмен имел возможность ездить в Упсалу. См. примеч. 3 к письму 71.

⁴ П. Л. Чебышев в Стокгольм не приехал, видимо, из-за нездоровья.

⁵ Чебышев опубликовал в «Acta mathematica» пять статей.

⁶ После Ж.-А. Серре — французского математика, члена Парижской академии наук с 1860 г., стал членом Академии Э. Лагерр.

⁷ Ж.-А. Альфан работал в области геометрии, теории эллиптических функций, теории дифференциальных уравнений и др. Автор трехтомного труда по теории эллиптических функций: *Halphen G.-A. Traité des fonctions elliptiques et de leurs applications*. P., 1886—1891, t. 1—3.

⁸ Пуанкаре был избран иностранным членом Упсальского научного общества в 1885 г.

⁹ В русском переводе есть: *Белло А.* Девница Жиро, моя супруга. СПб., 1870.

74

¹ Письмо 39 (фр.) в группе писем С. К. (в нумерации Ковалевской письмо № 6).

² Его ассистент — М. В. Гортынская-Павлова (в указателе см. Павлова).

75

¹ Письмо 41 (фр.) в группе писем С. К. (№ 7 в нумерации Ковалевской).

² Фраза, брошенная Миттаг-Леффлером об учениках Вейерштрасса в письме 64. См. примеч. 6 к письму 64.

³ *Schottky F.* Ueber die conforme Abbildung mehrfach zusammenhängender ebener Flächen. — J. für Math., 1877, Bd. 83, S. 300—351.

76

¹ Письмо 34 (швед.) в группе писем М.-Л. (№ 8 в нумерации Миттаг-Леффлера). Ответ на письмо 74.

² Здесь письмо 73.

³ Г. Ибсен в 1864 г. уехал из Норвегии за границу, иногда приезжал на родину. В 1892 г. поселился в Христиании. О нем см.: *Лотар Р.* Ибсен. СПб., 1903.

⁴ Юнас Ли описывал природу и быт рыбаков и моряков Северной Норвегии. Его роман «Осужденный на смерть» (*Livs-slaven*, 1883) был переведен на русский язык в 1884 г., он принес ему широкую известность.

⁵ А. Кьелланд подвергал критике буржуазное общество. *Kjelland A.* Samlede verker. Oslo, 1949—1950, Bd. 1—12.

77

¹ Письмо 35 (швед.) в группе писем М.-Л. (№ 9 в нумерации Миттаг-Леффлера).

² О проекте избрания Ковалевской в Шведскую королевскую академию наук см. письма 67, 72.

³ Непременный секретарь Шведской королевской академии наук действительно был в ней главной фигурой. Непременного секретаря избирали на неопределенный срок, в то время как президента — на определенный и короткий. Поэтому именно секретарь ведал всеми делами Академии, предлагал проекты решений, влиял на научную политику. С 1866 г. по 1901 г. непременным секретарем Академии был Д.-Г. Линдхаген. При нем была основана Центральная метеорологическая служба, астрономическая обсерватория издавала с 1880 г. журнал «Стокгольмские астрономические наблюдения». В конце XIX в. был куплен новый участок для Ботанического сада Академии. В 1877 г. была создана Морская зоологическая станция в Кристинеберге. Сам Линдхаген участвовал в русско-шведско-норвежском измерении дуги меридиана.

77а

¹ Письмо 36 (швед.) в группе писем М.-Л. (По-видимому, это окончание письма 77.)

² Написано по-французски: «m'avilir», т. е. «унижаться».

78

¹ Письмо 37 (швед.) в группе писем М.-Л. (№ 10 в нумерации Миттаг-Леффлера).

² Письмо № 9 — здесь письмо 77.

³ Гуриниц А. с 1884 г. был профессором в Кенигсберге.

⁴ См. примеч. 3—6 к письму 66.

⁵ Это различные места в горах Швейцарии, в различной части страны.

⁶ В Эбердине проходил съезд Британской ассоциации прогресса науки.

79

¹ Письмо 45 (фр.) в группе писем С. К. (№ 8 в нумерации Ковалевской). Ответ на письмо № 8 М.-Л. (Здесь 76).

² На конверте почтовый штемпель Москвы 20.6.1885 и почтовый штемпель Ленка 7.7.85.

80

¹ Письмо 37 (фр.) в группе писем С. К. (№ 9 в нумерации Ковалевской).

² Это ответ на письма Миттаг-Леффлера № 9, 10 (Здесь 77, 78).

³ См. письмо 77 — о предполагаемом выдвижении кандидатуры Ковалевской в Шведскую королевскую академию наук.

⁴ См. письма 67, 72.

⁵ Ковалевская не поехала на съезд Британской ассоциации прогресса науки в Эбердин. О приглашении, полученном ею от Гексли, см. письмо 70.

81

¹ Письмо 38 (швед.) в группе писем М.-Л. (№ 11 в нумерации Миттаг-Леффлера). Ответ на письмо Ковалевской № 9.

² Здесь письмо 80.

³ Миттаг-Леффлер изучал лекции Кронекера по теории чисел. См. примеч. 4 к письму 2.

⁴ Дирихле опубликовал ряд исследований об асимптотических выражениях («законах») для теоретико-числовых функций: *Lejeune-Dirichlet P.-G. Über die Bestimmung asymptotischer Gesetze in der Zahlentheorie* (1838).— Werke. B., 1889, Bd. 1, S. 351—356; Sur l'usage des séries infinies dans la théorie des nombres. (1838).— Werke, Bd. 1, S. 357—374; Recherches sur diverses applications de l'analyse infinitésimale à la théorie des nombres (1839, 1840).— Werke, Bd. 1, S. 411—496.

⁵ В. Лорен был другом Анны-Шарлотты Леффлер. Скончался в Италии.

⁶ Возможно, статья Рунге (Извлечение из письма Рунге к Миттаг-Леффлеру): *Runge C. Über die Darstellung willkürlicher Functionen.*— Acta math., 1886, t. 7, p. 387—392.

⁷ Статья Фрагмена: *Phragmén E. Beweis eines Satzes aus der Mannigfaltigkeitslehre.*— Acta math., 1884, t. 5, p. 47—48. Автор указывает, что частный случай доказал Бендиксон во 2-м томе журнала «Acta mathematica» (1883, p. 415—429), а здесь дается доказательство для общего случая и более простым методом.

⁸ Здесь речь идет о статье Ковалевской [1] в русском переводе: «К теории дифференциальных уравнений в частных производных».— *Ковалевская С. В.* Научные работы. М., 1948, с. 7—50. Вопрос о приоритете Ковалевской обсуждался в Парижской академии наук вскоре после выхода работ Дарбу на ту же тему. Но ни Коши, ни Дарбу не заметили главных условий существования решения в виде степенных рядов — возможности приведения уравнений к нормальному виду (см. подробное объяснение Ковалевской в письме 83). Пуанкаре сказал, что Ковалевская придала теореме окончательную форму. Теперь теореме существования голоморфного решения системы уравнений в частных производных называют теоремой Коши — Ковалевской (см.: *Полубаринова-Кочина П. Я.* Научные работы С. В. Ковалевской: (К столетию со

дня рождения).— Усп. мат. наук, 1950, т. 5, вып. 4, с. 3—14).

⁹ *Cauchy A. Mémoire sur un théorème fondamental dans le calcul intégral.*— C. r., 1842, t. 14, p. 1020—1028; *Mémoire sur l'emploi du calcul des limites dans l'intégration des équations aux dérivées partielles.*— C. r., 1842, t. 15, p. 44—59, 85—101.

¹⁰ Возможно, Миттаг-Леффлер имеет в виду исследование Ковалевской систем обыкновенных дифференциальных уравнений (см. письмо 57).

82

¹ Письмо 38 (швед.) в группе писем М.-Л. (№ 12 в нумерации Миттаг-Леффлера).

² Ответ на письмо № 9 Миттаг-Леффлера (здесь 77).

³ О выдвижении кандидатуры Ковалевской в Шведскую королевскую академию наук см. письма 67, 72, 73, 77, 80.

⁴ См. письмо 81.

⁵ См. примеч. 6 к письму 78.

⁶ Миттаг-Леффлер интересовался, от кого в русском правительстве зависит решение об ассигновании средств на подписку на «Acta mathematica» для средних учебных заведений.

⁷ См. письмо 81.

83

¹ Письмо 44 (фр.) в группе писем С. К. (№ 11 в нумерации Ковалевской). Ответ на письмо № 11 Миттаг-Леффлера.

² Здесь 81.

³ Слова в кавычках написаны по-шведски: «Leffler synes nu hafna återvunnit sin vanliga arbetsförmåga; jag erhåller nästen hvarje dag bref från honom».

⁴ См. примеч. 8, 9 к письму 81.

⁵ Во Франции имеется Institut de France — Институт Франции. Под этим названием соединены: Académie Française (Французская академия, т. е. академия французского языка, ее называют академией сорока «бессмертных»), Académie des Sciences (Парижская академия наук, т. е. академия физико-математических и естественных наук), Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Академия надписей и изящной словесности), Académie des Sciences morales et politique (Академия моральных и политических наук) и Académie des Beaux-Arts (Академия художеств).

⁶ Статьи: *Darboux G. Mémoire sur l'existence de l'intégrale dans les équations aux dérivées partielles contenant un nombre quelconque de fonctions et de variables indépendantes.*— C. r., 1875, t. 80, p. 101—104; Sur l'existence de l'intégrale dans les équations aux dérivées partielles d'ordre quelconque.— C. r., 1875, t. 80, p. 317—319.

⁷ Письмо Итцигзона по поводу чествования Вейерштрасса:

«Берлин, 1 июля 1885

Многоуважаемая г-жа.

Извините меня, если я обращаюсь к Вам с запросом, как к члену Комитета чествования Вейерштрасса.

Средства для чествования 70-летия нашего высокопочтимого Учителя и глубокого исследователя стекались в большом количестве. В распоряжении Комитета имеется 5—6 тысяч марок. Предполагается преподнести юбиляру (кроме бюста и медали) альбом с изображениями его учеников и почитателей (фотографические карточки визитного или кабинетного формата). Эта мысль принадлежит как г. профессору Фуксу, так и Математическому объединению в Берлине, которое внесло на чествование 1000 марок. Так как проф. Фукс чрезвычайно занят, то он поручил мне обратиться к Вам с вопросом, *согласны ли Вы, чтобы расходы на альбом были покрыты из собранного фонда*. Я держу мнение (конечно, это моя личная точка зрения), что дарители желали, чтобы фонд был полностью использован для г. проф. Вейерштрасса и чтобы экземпляры медали выдавались желающим их получить не безвозмездно, а с возмещением расходов на их изготовление.

Так как я твердо уверен, что Ваше искреннее желание заключается в том, чтобы всеми возможными способами доказать высокопочтимому юбиляру наше глубокое уважение (желание, которое я лично разделяю с Вами в полной мере), то я надеюсь, что Вы не будете возражать против предложения о взносе некоторой суммы на поднесение альбома. Если же средств не хватит, то я готов лично покрыть расходы на это подношение. Только мне хотелось бы, чтобы Комитет рассматривал это подношение, как исходящее от него, потому что это увеличит радость юбиляра, — я не сомневаюсь в правильности своего предположения.

Покорнейше прошу Вас сообщить свое решение г. проф. Фуксу (Берлин, ул. Клейн Берен, № 1) или нижеподписавшемуся.

С искренним уважением имею честь оставаться глубоко преданным Вам

Карл Итдигзон, Лотарингштрассе, 72).
(Письмо Итдигзона является приложением к письму 44 С. К.)

84

¹ Письмо 40 (швед.) в группе писем М.-Л. (№ 13 по нумерации Миттаг-Леффлера). (Ответ на письмо Ковалевской № 11).

² Здесь письмо 83.

³ Молодой Онгстрём — Кнут Юхан, физик и геофизик, сын физика Андерса Онгстрёма.

⁴ Мнение Миттаг-Леффлера об Аррениусе было ошибочным: это был прославившийся впоследствии Сванте Аррениус.

⁵ Советник юстиции — А. Линдхаген. См. письмо 28.

⁶ См. примеч. 8 к письму 81.

⁷ См. письмо 82.

⁸ Речь идет о расходовании денег, предназначенных на празднование 70-летия Вейерштрасса. См. примеч. 7 к письму 83.

85

¹ Письмо 46 (фр.) в группе писем С. К. (№ 12 в нумерации Ковалевской).

² См. письма 77, 80, 82.

³ См. примеч. 3 к письму 57.

⁴ См. письма 67, 72, 73, 77, 80, 82.

86

¹ Письмо 41 (швед.) в группе писем М.-Л. (№ 14 в нумерации Миттаг-Леффлера). Ответ на письмо № 12 Ковалевской.

² Здесь 85.

³ См. письма 67, 72, 73, 77, 80.

⁴ См. примеч. 5, 6 к письму 55.

87

¹ Письмо без даты в группе писем М.-Л., 1885 г. Нет начала письма. (Может быть, это добавление к письму 86.)

² См. примеч. 6 к письму 82.

³ Речь идет о Д. А. Толстом, в то время президенте Петербургской академии наук.

88

¹ Письмо 50 (фр.) в группе писем С. К. (№ 13 в нумерации Ковалевской). Ответ на письмо № 14 Миттаг-Леффлера.

² Здесь 86.

³ См. письмо 86.

⁴ Слова написаны по-немецки: Das Sprechen ist Silber, das Schweigen ist Gold.

⁵ Слова написаны по-немецки: Aber das Schreiben ist Dreck.

⁶ Л. Кронекер был в то время редактором «Journal für die reine und angewandte Mathematik».

⁷ См. письмо 86 (слова Миттаг-Леффлера о возрасте Вейерштрасса).

⁸ Слова написаны по-немецки: Die Moral von der Geschichte.

⁹ Одно «печальное письмо» Вейерштрасса от 24.3.1885 нами частично процитировано (см. примеч. 8 к письму 66). Добавим еще две выдержки из него. О своем положении в Берлине в последнее время Вейерштрасс говорит: «чего мне не хватает все больше и больше. — это дружественного сотрудничества с коллегами, основанного на согласии в принципах и искреннем взаимном признании. В нашем университете это в течение ряда лет нарушено, причины мне не вполне ясны. Одно лишь могу с уверенностью сказать, не я этому причиной» (Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской. М., 1973, с. 254).

Дальше Вейерштрасс пишет: «Но доволно об этих вещах, которых я коснулся, чтобы объяснить Тебе, по каким причинам я в будущем более не буду находить такую же радость в моей педагогической деятельности, как раньше, даже если мое здоровье позволит продолжать ее еще несколько лет. Но об этом никому ничего не говори, так как я не хочу, чтобы другие, знающие меня не так хорошо, как Ты, увидели в сказанном выше выражение обидчивости, которая в действительности мне чужда. Никто лучше меня не знает, насколько я далек от той светлой и возвышенной цели, которую поставил перед собой еще

в молодости, но никто не может отнять у меня сознание того, что мои стремления и моя деятельность были не совсем напрасными и что путь, которым я шел к истине, не был ложным» (Там же, с. 256).

Второе известное нам «печальное письмо» Вейерштрасса написано 22.9.1885. В нем Вейерштрасс говорит о своем намерении переехать из Берлина в Швейцарию, причем добавляет: «Причины, заставившие меня, наконец, решиться на отъезд. Ты можешь себе представить». (Там же, с. 261).

89

¹ Письмо 42 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Письмо 88.

³ В «Acta mathematica» в томах 6 и 7 1885 г. Рунге опубликовал пять статей. Вероятно, работа, которую отмечает Миттаг-Леффлер: *Über die Darstellung willkürlicher Functionen.*— *Acta math.*, 1885, т. 7, р. 387—392.

90

¹ Письмо 47 (фр.) в группе писем С. К.

² О вакансии механика в Высшей технической школе см. примеч. 4 к письму 64.

³ См. примеч. 7 к письму 32.

91

¹ Письмо 43 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Кронекер был неправ, у Вейерштрасса не было напечатанной работы. В первой части статьи «О преломлении света в кристаллических средах» [6] Ковалевская излагает теорию, которую ей сообщил Вейерштрасс. Позднее эта часть статьи Ковалевской была перепечатана в сочинениях Вейерштрасса: *Weierstrass K. Mathematische Werke.* В., 1894, Bd. I, S. 275—295.

³ Видимо, получив от Г. Миттаг-Леффлера письма 91 и 92, Ковалевская отправила следующую телеграмму 48 (нем.) в группе писем С. К.

Телеграмма из Стокгольма, 14 слов, 1885 г. Принята 11 сентября 11 ч. 50 мин. утра. Страсбург, Проф. Миттаг-Леффлеру. До востребования.

Оба Ваши письма получены сегодня. Мой ответ следует.

Ковалевская.

⁴ Съезд немецких естествоиспытателей и врачей в Страсбурге в сентябре 1885 г. О нем см.: *Tageblatt der 58. Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte, Strassburg.* 18.—23. September 1885. Strassburg, 1896.

⁵ Ковалевская и Миттаг-Леффлер следуют мнению берлинских математиков, которые невысоко ценили Клейна. Основные труды Ф. Клейна посвящены теории групп, геометрии, в частности неевклидовой, теории эллиптических функций, автоморфных функциям. Большую известность получила так называемая «Эрлангенская программа» Клейна (1872), где он изложил свои геометрические идеи.

Клейн был одним из инициаторов издания — «Энциклопедии математических наук», редактором журнала «*Mathematische Annalen*», занимался вопросами методики преподавания. См.: *Biermann K.-R. Die Mathematik und ihre Dozenten an der Berliner Universität, 1810—1920: Stationen auf dem Wege eines mathematischen Zentrums von Weltgeltung.* В., 1973. 265 S. (см. с. 109 и след.).

92

¹ Письмо 44 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. письма 67, 72, 73, 77, 80, 85.

93

¹ Письмо 89 (фр.) в группе писем С. К.

² Достоевская А. Г., жена Ф. М. Достоевского.

94

¹ Письмо 49 (фр.) в группе писем С. К.

² Ответ на письма Миттаг-Леффлера 89 и 91.

³ С. П. Боткин в 1856—1860 гг., находясь в научной командировке за границей, завязал контакты с иностранными учеными и медиками.

⁴ Об отношении Ковалевской к приглашению Рунге в качестве профессора в Стокгольм см. письма 67, 89, 91, 92.

⁵ На письмо Ковалевской Вейерштрасс ответил 22 сентября 1885 г. (Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской. М., 1973, с. 260—262). Он сообщает, что решил ехать в Швейцарию и потому не пригласил Ковалевскую приехать в Берлин. Сообщает, что Кронекер решил обратиться к Эрмиту относительно вопросов на премию короля Оскара II.

95

¹ Письмо 45 (швед.) в группе писем М.-Л.

² *Dagbladet* — шведская газета. См. письма 89, 90—92, 94.

³ Письмо барона Уггласа к Ковалевской с предложением преподавать механику в Стокгольмской высшей школе в новом учебном году в соответствии с постановлением Правления Высшей школы было написано 8 октября 1885 г. Этим оканчивается история с поисками преподавателя механики.

96

¹ Письмо без даты в группе писем С. К. (осень 1885 г.).

² Работа Ковалевской [6].

97

¹ Письмо 42 в группе С. К. Нет даты. По содержанию можно отнести к декабрю 1885 г.

² Письмо О. Штауде к Ковалевской от 12 декабря 1885 г. опубликовано в кн.: *Кочина П. Я. Письма С. В. Ковалевской от иностранных корреспондентов.* М., 1979, с. 50. В нем Штауде сообщает, что послал в редакцию журнала «*Acta mathematica*» объяснения относительно функций, фигурирующих в его статье и имеющих необычные обозначения. Статья Штауде: *Über eine Gattung transcenden-*

ter Raumkoordinaten.— Acta math., 1887, t. 10, p. 183—200. Очевидно, Ковалевская говорит о письме, ответом на которое явилось указанное письмо Штауде.

98

¹ Письмо 51 (фр.) в группе писем С. К.

² Правление (Styrelse) Высшей школы было организовано 1 мая 1879 г. и состояло из двух членов муниципалитета (Угглас и А. Линдхаген), двух членов Академии наук (Сантессон и Эдлунд) и представителя школьного Совета (Дубен). В 1880 г. к ним добавился советник юстиции К. Хофстен. В течение 1879—1887 гг. были избраны профессора А. Кей и Ф. Нильсон, а также оптовый купец Карл Сёдерстрем. Автоматически входили в состав Правления ректоры Высшей школы: Варминг (до 1886 г.), Миттаг-Леффлер (в 1886 и 1891 г.) и Леке (1887—1890). (Сообщено профессором Упсальского университета К.-О. Селениусом.)

³ Миттаг-Леффлер был избран ректором Стокгольмской высшей школы 28 декабря 1885 г.

1886

99

¹ Телеграмма 46 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. письмо 98.

100

¹ Письмо 25 (швед.) в группе писем М.-Л.

101

¹ Письмо 132 (швед.) в группе писем С. К.

102

¹ Телеграмма 113 (швед.) в группе писем С. К. Лето 1886 г. Ковалевская проводила в Дании вместе с Анной-Шарлоттой Леффлер.

103

¹ Телеграмма 47 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Миттаг-Леффлер сообщает, что и в 1886 г. Ковалевская будет читать в Стокгольмской высшей школе курс механики.

104

¹ Письмо 114 (фр.) в группе писем С. К.

105

¹ Письмо 48 (швед.) в группе писем М.-Л. Адресовано в Копенгаген.

² О назначении Ковалевской профессором механики в Стокгольмской высшей школе на осенний семестр 1886 г.

³ Речь идет о пожертвовании 550 крон на преподавание.

106

¹ Письмо 115 (фр.) в группе писем С. К.

² Неясно, был это Жюль или Поль Таннери, скорее — Жюль.

³ Статья А. Пуанкаре в газете «Temps» 5 мая 1886 г.

⁴ Ковалевская рассказывала Эрмиту о своих результатах по задаче о вращении твердого тела.

⁵ От матери французского физика Габриеля Липмана есть пригласительное письмо, датированное 6 января 1884 г. Оно сопровождается припиской Г. Липмана, в которой говорится: «Университет Стокгольма хорошо поступил. Франция в этом отношении не такая передовая. Идея предоставления кафедр женщине потрясла бы нас всех». (ААН СССР, ф. 603, оп. 1, альбом 49, письмо 32). См. также: *Полубаринова-Кочина П. Я.* К биографии С. В. Ковалевской. — В кн.: Ист.-мат. исследования. М., 1954, вып. VII, с. 707.

107

¹ Письмо 49 (швед.) в группе писем М.-Л.

108

¹ Письмо 50 (швед.) в группе писем М.-Л. Ответ на письмо 106.

² Речь идет об исследованиях Ковалевской, посвященных вращению твердого тела вокруг неподвижной точки.

³ По вопросу о платеже см. письмо 107.

⁴ См. письмо 107, а также статью: *Кочина П. Я.* Письма Ш. Эрмита к С. В. Ковалевской. — Тр. Ин-та истории естествознания и техники, 1957, вып. 19, с. 650—690.

⁵ Речь идет о какой-то статье П. Дюгема, отклоненной редакцией «Acta mathematica».

⁶ Видимо, письмо Миттаг-Леффлера от 18 июня — письмо 107.

109

¹ Письмо 116 (фр.) в группе писем С. К.

² См. письмо 108.

³ Относительно рекомендации подписки на «Acta mathematica».

⁴ На самом деле на Большую академическую премию 1888 г. была выдвинута тема: «Усовершенствовать теорию алгебраических уравнений с двумя независимыми переменными» (см.: С. г., 1886, t. 103, p. 1395). Эту премию получил Э. Пикар. Для Ковалевской же была предназначена премия Бордена, равнозначная в денежном отношении Большой премии, по теме: «Усовершенствовать в каком-нибудь важном пункте теорию движения твердого тела» (см.: С. г., 1886, t. 103, p. 1397), которую она и получила 24 декабря 1888 г.

⁵ Члены комиссии по выдвижению темы на премию Бордена Парижской академии наук: Эрмит, Жордан, Бертрап, Дарбу.

⁶ Ковалевская собиралась ехать на съезд скандинавских естествоиспытателей в Христианию, который проходил с 7 по 12 июля 1886 г. См.: *Forhandlingar ved de Skandinaviske Naturforskars, tretende möde* (Christiania, 7—12 Juli 1886). — Christiania, 1887. Но в связи с тем, что тема ее доклада (О вращении твердого тела вокруг неподвижной точки) была принята в качестве темы на премию Парижской академии наук, работа Ковалевской не могла быть опубликована до ее представления на конкурс, Ковалевская осталась без доклада и решила поехать на съезд к его окончанию. Она

впервые появилась на заседании секции физики, астрономии и математики 12 июля (в 11 часов), это было заключительное секционное заседание. О своем приезде Ковалевская сообщила Миттаг-Леффлеру в телеграмме (117 (фр.) в группе писем С. К.).

Профессору Леффлеру. В Христианию.
Из Гавера. 8/7.1886

Приеду завтра пароходом «Кунгдаг».
София

¹ Вирофле — вилла Ж. Бертрана недалеко от Парижа.

² Луиза Эрмит (жена Ш. Эрмита) была сестрой Ж. Бертрана.

³ См. примеч. 5 к письму 108.

110

¹ Письмо 51 (швед.) в группе писем М.-Л.

² По-видимому, С. И. Ламанского. Письмо, должно быть, вызывало С. В. Ковалевскую в Россию к сестре, которой стало хуже.

111

¹ Письмо 118 (фр.) в группе писем С. К.
² Новости Ковалевская, по-видимому, узнала от вахтмейстера Андерсона.

³ А. Линдхагена

⁴ Роман Анны-Шарлотты Леффлер «Летняя сказка» (En Sommarsaga, 1886).

112

¹ Письмо 52 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Городок Ваксхольм находится к северу от Стокгольма.

³ Молодой Жонкьер — Жонкьер Эммануэль Альфред — математик, защитил диссертацию в Берне.

⁴ Р. М. — памятная записка о журнале «Acta mathematica» (См. далее письмо Миттаг-Леффлера от 27 декабря 1886 г. — письмо 122). Она была передана К. П. Победоносцеву через вдову Ф. М. Достоевского Анну Григорьевну.

⁵ Есть диссертация Землера: *Semmler. Reduction der Bewegung eines schweren um einen festen Punkt seiner Axe rotierenden Rotationskörpers auf die elliptischen Transcendenten mit Hilfe der Sigma-Funktionen: Dissertation. Göttingen, 1874 (1876).* (Сообщено в кн.: *Домогазов Ар.* Рассуждение о свободном движении гироскопа. СПб., 1893).

⁶ *Halphen G.-H. Traité des fonctions elliptiques et de leurs applications. P., 1886—1891. Т. 1—3.*

113

¹ Письмо 119 (фр.) в группе писем С. К.

114

¹ Письмо 53 (швед.) в группе писем М.-Л.

² А. Линдстедт — с 1886 г. профессор математики и теоретической механики в Высшей технической школе Стокгольма (заменил Хольмгрена в этом учебном заведении).

³ Вероятно, речь идет о статье: *Weber H. Theorie der Abel'schen Zahlkörper. — Acta math., 1886, t. 8, p. 193—263; 1887, t. 9, p. 105—130.*

⁴ Исследование Пикара о дифференциальном уравнении Ламе в статье: *Sur les équations différentielles linéaires à coefficients doublement périodiques. — C. r., 1880, t. 90, p. 293—295.*

⁵ По-видимому, речь идет о романе А.-Ш. Леффлер «Летняя сказка».

⁶ Гётеборгская газета торговли и навигации (швед.).

115

¹ Письмо 126 (швед.) в группе писем С. К.

² Не ясно, о какой задаче Миттаг-Леффлера идет речь. Вероятно, об интегрировании какого-то линейного дифференциального уравнения.

116

¹ Письмо 121 (фр.) в группе писем С. К.

² О мемуаре Пинкерле см. примеч. 2 к письму 117.

³ О конспектах лекций Вейерштрасса, записанных Хеттнером, см. примеч. 3 к письму 3.

⁴ Статья Линдстедта, вероятно: *Lindstedt A. Beitrag zur Integration der Differentialgleichungen der Störungstheorie. — Mém. Acad. sci. Pétersbourg (7 Sér.), 1883, t. 31, N 4.*

117

¹ Письмо 158 (фр.) в группе писем С. К.

² Рукопись С. Пинкерле, которую возвращают ему для редактирования, по-видимому, статья: *Pincherle S. Sur certaines opérations fonctionnelles, représentées par des intégrales définies. — Acta math., 1887, t. 10, p. 152—182; или: Note sur une intégrale définie. — Acta math., 1886, t. 7, p. 381—386.*

³ См. примеч. 8, 9 к письму 2, примеч. 13 к письму 4.

⁴ Абелевы функции Хеттнера — это конспекты лекций Вейерштрасса. См. примеч. 3 к письму 3. См.: *Кочина П. Я.* Письма С. В. Ковалевской от иностранных корреспондентов: Препринт № 121 Ин-та проблем механики АН СССР. М., 1979, с. 41—44.

⁵ Письма И. Бендиксона — см. там же, примеч. 4, с. 47, 48.

⁶ К. Болин — ученик С. Ковалевской.

118

¹ Письмо 120 (фр.) в группе писем С. К.

² Ковалевская ожидала телеграмму из Петербурга; собиралась туда ехать в связи с ухудшением состояния здоровья сестры.

119

¹ Письмо 123 (фр.) в группе писем С. К.

² Т. е. она приехала в Петербург 17 декабря 1886 г. н. ст.

³ Видимо, имеется в виду барон Ф. Р. Остен-Сакен.

⁴ Имеется в виду И. Д. Делянов — министр народного просвещения с 1882 г.

⁵ Ковалевская выяснила у Остен-Сакена, что наиболее влиятельным лицом в отношении рекомендации подписки на журнал «Acta mathematica» является Д. А. Толстой (22 декабря 1886 г. Кова-

левская телеграфирует: «Все зависит от Толстого. Ждите письма» (Телеграмма 124 (фр.) в группе писем С. К.).

⁶ Ковалевская, видимо, ошиблась. Н. Х. Бунге с 1881 г. был министром финансов, она это знала, что явствует из письма 121.

120

¹ Письмо 125 (швед.) в группе писем С. К.

² 25 декабря (н. ст.) 1886 г.

121

¹ Письмо 122 (фр.) в группе писем С. К.

² Действительно, в 1887 г. Бунге был назначен председателем Совета министров (см. примеч. 6 к письму 119), Вышнеградский занял пост министра финансов (1888—1892).

122

¹ Письмо 54 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Памятная записка (на фр. яз.) была составлена Миттаг-Леффлером для Остен-Сакена (см. письмо 119):

«Acta mathematica»

Шведское правительство ежегодно дает 4000 крон (приблизительно 6000 франков) и, кроме того, подписывается на журнал для всех лицесв страны.

Норвежское правительство дает 1000 крон (примерно 1500 франков) в год на подписку 22-х экземпляров журнала, которые распределяются между всеми лицеями Норвегии.

Датское правительство также дает 1000 крон (около 1500 франков) и, кроме того, подписывается на журнал для лицесв страны.

Правительства Пруссии и Баварии официально рекомендовали журнал всем университетским и гимназическим библиотекам, что повлекло за собой подписку примерно на 250 экземпляров.

Правительство Франции подписывается на журнал для факультетов и лицесв Франции, что составляет абонемент, равный германскому.

Правительство Финляндии дает 1500 франков в год на подписку 22-х экземпляров для всех лицесв и всех технических школ страны.

Правительства, оказывающие поддержку журналу, уплачивают, таким образом, стоимость подписки, составляющую, по крайней мере, 30 франков за том.

В России имеется свыше 400 лицесв и, так как математические науки там специально культивировались со времен Петра Великого и Екатерины II, то нет сомнения, что как преподаватели лицесв России, так и их лучшие ученики также будут в состоянии пользоваться благами «Acta mathematica» и будут ощущать такую же большую потребность в чтении статей этого журнала, как это имеет место в Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Франции и Финляндии. Но так как библиотеки русских лицесв не получают достаточно крупных субси-

дий от государства, то необходимо, чтобы журнал был предоставлен им правительством, как это делается в других странах.

Принимая во внимание, что небогатая Финляндия нашла возможность подписаться на журнал для всех лицесв Великого Княжества, кажется естественным предположить, что правительство России соблаговолит подписаться на журнал по крайней мере для половины своих лицесв.

Доклад относительно выгоды подписки на Acta mathematica для русских гимназий (здесь — «лицесв». — Сост.) был сделан г-ном Коркиным, профессором С.-Петербургского университета. (См. ниже. — Сост.).

Осмеливаемся предложить, чтобы русское правительство подписалось на 200 экз. всего того, что выйдет в течение года, что составит приблизительно 2 тома и будет меньше, чем подписка Франции и Германии. Стоимость этих 400 томов, выпускаемых каждый год, составит 12 000 франков. Но необходимо будет купить также 200 экз. каждого из 8 томов, вышедших до настоящего времени. Эти экземпляры будут предоставлены также по цене 30 франков за том, т. е. за 48 000 франков.

Что касается участия русских математиков в «Acta mathematica», то журнал опубликовал уже мемуары великого математика, известного г-на Чебышева, г-жи Ковалевской, г-на Маркова из С.-Петербурга, г-на Сонина из Варшавы, г-на Линделёфа из Гельсингфорса. Многие другие профессора русских университетов прислали мемуары, которые скоро будут напечатаны⁴.

Черновик упоминаемого доклада профессора А. Н. Коркина хранится в Ленинградском отделении Архива АН СССР. Приведем выдержки из этого документа.

«Ныне развитие математических наук достигло такой степени, при которой стало недостаточно прежнего числа периодических изданий. Если взять только постоянно появляющиеся работы по проективной геометрии, алгебре линейных преобразований и теории функций с ее приложениями, то они в состоянии наполнить несколько журналов. Такое развитие науки и распространение математических знаний значительно больше, чем в прежнее время, потребовали основания новых журналов. По этой причине в недавнее время появилось много новых периодических изданий в Западной Европе, но не доставало журнала для северных стран, который соединил бы усилия математиков и служил бы собранием их работ.

Знаменитый шведский геометр, бывший профессором в Гельсингфорсе, в настоящее время профессор и ректор университета в Стокгольме, исполнил этот пробел основанием журнала «Acta mathematica» в 1882 г. Высокое значение работ редактора и его сотрудников, между которыми находится знаменитый Эрмит (Hermite) и его ученики (Poincaré, Ar-

⁴ Приложение к письму 54 в группе писем М.-Л.

pell, Picard, Laguerre), а также шведские ученые Мальмстен, Гюльден и другие, сразу же поставило «Acta mathematica» наряду с лучшими математическими журналами Европы».

Коркин указал, что журнал имеет не только научное, но и государственное значение и что вышедшие шесть томов его заключают в себе множество открытий. Затем он перешел к главной цели записки: доказать необходимость выписывать журнал для гимназий.

«Библиотеки всех наших русских университетов, соединяя в себе важнейшие издания по математике, конечно, выписывают и «Acta mathematica», как один из журналов, наиболее необходимых для желающих следить за современным состоянием науки».

Затем Коркин переходит к библиотекам средних учебных заведений: «В них нет не только иностранных математических журналов, но даже и отечественных, не говоря уже о том, что по большей части недостает классических сочинений Эйлера, Лагранжа, Лапласа. Гаусса и других. Это ведет к тому, что учителя гимназий не только не имеют возможности ознакомиться с важнейшими открытиями, но даже забывают и то, что они проходили в университетских курсах. По этой причине те пункты элементарного анализа и геометрии, которые получают свое разъяснение в выписях частях математики, остаются для них темными, и это не может не отзываться на преподавании. С другой стороны, учителя, которые находятся в провинциях и продолжают занятия для приготовления к экзамену на степень магистра, находятся в весьма затруднительном положении по отсутствию самых необходимых источников; они принуждены делать очень значительные затраты для их небольших средств за выписку книг от столичных книгопродавцов и из-за границы [...]»

По нашему мнению, было бы весьма полезно, если бы и наши гимназии последовали примеру французских и германских училищ» (ЛО ААН СССР, ф. 759. оп. 1, № 30, л. 163—164).

Ученый комитет МНП вынес определение, в котором говорилось: «Периодическое издание «Acta mathematica» ...рекомендовать для фундаментальных библиотек мужских средних учебных заведений». (Журнал Министерства народного просвещения, июнь 1886, ч. 245, с. 37).

1887

123

¹ Письмо 55 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. примеч. 2 к письму 122.

³ Д. А. Толстой был членом, но не председателем Государственного Совета.

124

¹ Письмо 175 (фр.) в группе писем С. К.

² Речь идет о подписке на «Acta mathematica». См. письма 119—123.

³ О прошении субсидии для Московского математического общества см.:

Чебышев П. Л. О проекте устава Московского математического общества.— Полн. собр. соч., М., 1951, т. 5, с. 400—401.

125

¹ Письмо 187 (фр.) в группе писем С. К.

² Выписаны уравнения движения тяжелого твердого тела вокруг неподвижной точки. См.: Кочина П. Я. Об однозначных решениях и алгебраических интегралах задачи о вращении тяжелого твердого тела вокруг неподвижной точки.— В кн.: Движение твердого тела вокруг неподвижной точки: Сборник, посвященный памяти С. В. Ковалевской. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 157—186.

³ Вероятно, в такой форме записано выражение для $p+qi$ в работе Земмлера (см. прим. 5 к письму 112).

126

¹ Письмо 14 (фр.) в группе писем С. К.

² Рукопись пьесы Ковалевской и А.-Ш. Леффлер «Борьба за счастье». См.: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести: (К 125-летию со дня рождения). М., 1974, с. 382—482.

³ Карл — персонаж пьесы «Борьба за счастье».

⁴ Марта — персонаж пьесы «Борьба за счастье».

127

¹ Письмо 155 (швед.) в группе писем С. К.

² Имеется в виду, что Виктор Жаклар получил предписание в течение 4 дней покинуть Россию (в связи с репрессиями после покушения на Александра III).

128

¹ Письмо 56 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Причина необходимости поездки Ковалевской в Петербург — болезнь сестры и предполагаемый отъезд Жаклара.

³ Миттаг-Леффлер сожалеет, что они не были на праздновании 410-летия Упсальского университета.

⁴ Студенты в Швеции носят белые фуражки.

⁵ Вердандисты — студенческое общество в Упсале.

129

¹ Письмо 176 (швед.) в группе писем С. К.

² О предполагаемом выходе из русского подданства см. письма 67, 72, 73, 77, 80, 85, 92.

³ «Философское обозрение» (Revue philosophique de la France et de l'étranger) выходило с 1876 г.

130

¹ Письмо 57 (швед.) в группе писем М.-Л.

131

¹ Письмо 177 (швед.) в группе писем С. К. На конверте надпись: Швеция. Стокгольм. Обратно. Проф. Гёста Миттаг-Леффлеру у проф. Фрица Леффлера, 13, Кривен, Терраса Бейсуотер. Лондон, Англия.

² Даляре — местность на севере Швеции, где профессор Миттаг-Леффлер впоследствии построил себе дачу. (Примеч. Софьи Вл. Ковалевской).

132

¹ Письмо 58 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Здесь письмо 131.

³ То есть одобрения Института Французской Академии.

⁴ Сильвестер написал стихотворение, посвященное С. В. Ковалевской. См.: Кочина П. Я. Дж. Сильвестер и С. В. Ковалевская. — Вопр. истории естествознания и техники, 1957, вып. 5, с. 156—162.

⁵ О назначении Ковалевской преподавателем механики см. письма 64, 67—72, 89, 90, 91—95, примеч. 3 к письму 95.

⁶ Получили субсидию правительства на издание «Acta mathematica».

⁷ Речь идет о конспектах лекций Вейерштрасса по абелевым функциям.

⁸ Имеется в виду работа о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки.

133

¹ Письмо 59 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Имеется в виду речь на обеде у генерала Линдфорса. См. ответ на этот вопрос в письме 136.

134

¹ Письмо 178 (швед.) в группе писем С. К.

² В Швеции говорят не «второй или третий этаж», а «пройти одну лестницу, две лестницы и т. д.». Здесь сказано: «четыре лестницы вверх».

³ В 1888 г. исполнялось 30 лет службы А. Н. Коркина в Петербургском университете. С 1888 г. Коркин был внештатным профессором.

⁴ Статей такого содержания в «Acta mathematica» не обнаружено.

⁵ О потере лекций по абелевым функциям см. примеч. 7 к письму 132.

135

¹ Письмо 60 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. конец письма 134.

³ См. примеч. 4 к письму 134.

⁴ См. письмо 134.

⁵ О потере лекций Вейерштрасса см. примеч. 7 к письму 132.

⁶ См. об этом в кн.: Письма иностранных ученых С. В. Ковалевской / Публикация П. Я. Кочкиной. М., 1979, с. 41.

⁷ Видимо, о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки.

⁸ Линдстедт занимался задачами механики, в частности задачей трех тел. См. ниже, примеч. 10.

⁹ Пуанкаре работал над задачей трех тел — первым вопросом из предложенных на премию Оскара II.

¹⁰ Статья Хилла: Hill G. W. On the part of the motion of the lunar perigee which is a function of the mean motions of the Sun and Moon. — Acta math., 1886, t. 8, p. 1—36. Статья Болина: Bohlin K. P. Über die Bedeutung des Principis der lebendigen Kraft für die Frage von der Stabilität dy-

namischer Systeme. — Acta math., 1887, t. 10, p. 109—130.

Пуанкаре показал, что ряды, которые применяли Болин, Хилл, Гюльден, Линдстедт в задаче трех тел, расходятся; однако они пригодны для применения, являясь асимптотическими разложениями функций: См.: Poincaré H. Sur les intégrales irrégulières des équations linéaires. — Acta math., 1886, t. 8, p. 595—344. Также: Пуанкаре Анри. Избранные труды. М.: Наука, 1971. Т. 1.

¹¹ Kronecker L. Über einige Anwendungen der Modulsysteme auf elementare algebraische Fragen. — J. für Math., 1886, Bd. 99, S. 329—371 (см. с. 336, 339).

¹² Helmholtz H. Zählen und Messen erkenntnistheoretisch betrachtet: Philosophische Aufsätze. L., 1887, S. 14—52; Schriften zur Erkenntnistheorie. B., 1921, S. 70—108.

¹³ Cantor G. Mitteilungen zur Lehre vom Transfiniten. — Ztschr. Philosophie und philosophische Kritik, 1887, Bd. 91, S. 81—125; 1888, Bd. 92, S. 240—265.

¹⁴ Fuchs L. Über diejenigen algebraischen Gebilde, welche eine Involution zulassen. — Monatsberichte, 1886, Bd. 39, S. 797—804; Gesammelte mathematische Werke. Bd. 2, S. 417—425. Ответ Фукса Гурвицу: Bemerkungen zu einer Note des Herrn Hurwitz. — Göttinger Nachrichten, 1887, S. 345—347; Gesamm. math. Werke, Bd. 11, S. 463—465.

¹⁵ Hurwitz A. Über diejenigen algebraischen Gebilde, welche eindeutige Transformationen in sich zulassen. — Göttinger Nachrichten, math.-phys. Kl., 1887, S. 85—107. В статье Гурвица и ответной статье Фукса — взаимные упреки в недостаточности цитирований.

¹⁶ Вероятно, это был П. М. Голубицкий, изобретатель в области телефонии, которому С. В. Ковалевская должна была вернуть старый долг. Софья Васильевна ездила к нему в Тарусу.

136

¹ Письмо 179 (швед.) в группе писем С. К.

² Возможно, Ковалевская имеет в виду статью Пуанкаре: Sur certaines solutions particulières du problème des trois corps. — Bull. Astr., 1884, I. Oeuvres, Paris, 1952, t. 7. Свой знаменитый мемуар о проблеме трех тел Пуанкаре тогда еще писал.

137

¹ Письмо 61 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. примеч. 7 к письму 132, примеч. 5 к письму 134, примеч. 6 к письму 135.

³ См. примеч. 7 к письму 2.

⁴ Гипергеометрический ряд (α , β , γ — постоянные):

$$1 + \frac{\alpha\beta}{1\cdot\gamma} x + \frac{\alpha(\alpha+1)\beta(\beta+1)}{1\cdot2\gamma(\gamma+1)} x^2 + \dots$$

⁵ О работах Брио и Буке см. примеч. 6 к письму 3 и примеч. 3 к письму 24.

⁶ Толстой Л. Н. Власть тьмы. 1886. На шведском языке «Власть тьмы» была

издана в 1889 г. (*Tolstoy L. Märkets makt. Stockholm, 1889*), поэтому не ясно, на каком языке читал эту пьесу Миттаг-Леффлер.

138

¹ Письмо 180 (швед.) в группе писем С. К.

² См. примеч. 4 к письму 134.

³ См. письмо 134.

⁴ См. примеч. 7 к письму 132.

139

¹ Записка 180a (фр.) в группе писем С. К.

² Приложена телеграмма от 1.10.1887 из Франции о тяжелом состоянии сестры Ковалевской А. В. Жаклар:

Телеграмма из Нельи [Франция]. Профессору Ковалевской. Стокгольм. Состояние по-прежнему тяжелое. Сутерланд.

140

¹ Письмо 181 (швед.) в группе писем С. К.

141

¹ Письмо 63 (швед.) в группе писем С. К. По-видимому, письмо 62 (швед.) — черновик письма 63.

142

¹ Письмо 180 (швед.) в группе писем С. К.

² См. письма 140, 141.

1888

143

¹ Письмо 292 (швед.) в группе писем С. К.

² Текст телеграммы, о которой идет речь:

2.2.1888, из Петербурга. Университет. Профессору Ковалевской, Стокгольм. Поздравляем большой золотой медалью Петербургского географического общества семью Ковалевских. Майков (см. примеч. 2 к письму 144).

144

¹ Письмо 272 (швед.) в группе писем С. К.

² Золотая медаль Русского географического общества была присуждена М. М. Ковалевскому за книгу «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении». М., 1886, т. 1, 2.

³ М. М. Ковалевский был приглашен в Швецию на средства Фонда Лорена для чтения лекций по социологии.

⁴ Речь идет о Ю.-А. Леффлере.

⁵ Статья для газеты — вероятно, о Стокгольмской высшей школе.

145

⁴ Письмо 64 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. письмо 109.

³ В Оране проходила научная конференция африканских стран.

⁴ «Общество тринадцати» — Tretton-sällskapet — было кружком свободомыслящих людей, противников укоренившихся

в некоторых кругах шведского общества косности и предрассудков. В его первоначальный состав в 1885 г. входили профессор, ученые и общественные деятели: Брёггер, Гильдебранд, Гюльдён, А. Кей, Ковалевская, Леке, Линдстедт, Ловён, Миттаг-Леффлер, Монтелиус, Ретциус, Смитт, Тигерстедт. Члены общества собирались друг у друга по очереди и делали доклады. (См.: *Mia Leche-Löfgren. Våra föräldrars värld. Stockholm, 1934, S. 168*).

146

¹ Письмо 273 (швед.) в группе писем С. К.

² Далее Ковалевская кратко излагает результаты своих исследований о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки — о возможности интегрирования уравнений движения в открытом ею случае с помощью ультраэллиптических функций. Полное исследование дано в работах [8—10]. См.: *Ковалевская С. В. Научные работы. М., 1948, с. 160 и далее.*

³ *Weierstrass K. Vorlesungen über die Theorie der elliptischen Functionen.— Math. Werke. B., 1915, Bd. 5, hrsg. von J. Knoblauch.*

147

¹ Письмо 65 (швед.) в группе писем М.-Л.

² С. В. Ковалевскую возмутила статья о М. М. Ковалевском, написанная А. Лундгордом. А М. Ковалевский думал, что статья написана Г. Брандесом.

³ А. Кей был председателем правления Фонда Лорена.

⁴ Речь идет о Паскале дель Пеццо, будущем муже А.-Ш. Леффлера.

⁵ Доктор Мунте — видимо, доктор Аксель Мунте. О нем см. Предисловие в кн.: *Мунте А. Легенда о Сан-Микеле. М., 1969.*

148

¹ Письмо 274 (швед.) в группе писем С. К.

² Работы, посылаемые на премию Бордена, должны были идти под девизом, а не под фамилией автора. Девиз работы Ковалевской: «Говори, что знаешь, делай, что должен, будь, что будет» (фр.).

149

¹ Письмо 248 (фр.) в группе писем С. К.

² Письмо Миттаг-Леффлера не сохранилось. Вероятно, в нем речь идет о замужестве Анны-Шарлотты Леффлер.

³ Ковалевская послала Ш. Эрмиту рукопись своей работы на премию Бордена.

⁴ Мысль изреченная есть ложь. Строка из стихотворения Тютчева «Silentium». См.: *Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. М.: Современник, 1978, с. 56.*

150

¹ Письмо 242 (фр.) в группе писем С. К.

² В декабре 1888 должно было быть объявлено решение жюри о присуждении премий Парижской академии наук.

³ О дель Пеццо см. письмо 147.

151

¹ Письмо 243 (фр.) в группе писем С. К.

¹ Письмо 244 (швед.) в группе писем С. К.

153

¹ Письмо 247 (фр.) в группе писем С. К.

² На следующий день после вручения Ковалевской премии Бордена. Премия была присуждена 18 декабря 1888 г., о чем Ковалевская получила извещение Института Франции (письмо 241 (фр.) в группе писем С. К.).

Институт Франции
Академия наук

Париж, 18 декабря 1888

Непременные секретари Академии

Госпоже Софье Ковалевской, в Стокгольм
Сударыня.

имеем честь известить Вас, что Академия наук присудила Вам премию Бордена (Усовершенствование в важном пункте теории движения твердого тела). Мы приглашаем Вас, сударыня, присутствовать на публичном заседании, которое состоится в понедельник 24-го текущего месяца в час дня и на котором будут провозглашены результаты конкурса. С готовностью пользуемся этим случаем, чтобы принести Вам наши личные поздравления и засвидетельствовать нашу уверенность в той пользе, которую Академия предвидит в Ваших работах и Ваших успехах.

Примите, сударыня, уверения в самом высоком нашем уважении

Л. Пастер Ж. Бертран
(Подписи двух непременных секретарей, Пастера и Бертрана, соответствуют двум отделениям Академии наук: естественных наук и физико-математических).

Провозглашение результатов конкурса состоялось 24 декабря на торжественном заседании Академии наук. Имеется телеграмма от 24 декабря из Парижа: «Профессору Миттаг-Леффлеру, Стокгольм. [Премия] Бордена присуждена мадам Ковалевской. Хвалебная речь президента Жансена в ее честь. Вследствие высокой оригинальности работы премия удвоена. Награда встречена горячими аплодисментами». (Подпись отсутствует).

Премия Ковалевской была увеличена с 3000 до 5000 франков.

³ См. в списке литературы [9]. Полное название журнала: *Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Sciences de l'Institut National de France*.

⁴ В женской Нормальной школе Севра.

1889

154

¹ Письмо 320 (фр.) в группе писем С. К.

² 28 июня 1889 г. истекло 5 лет со дня назначения Ковалевской профессором Стокгольмского университета (на 5 лет).

³ Отношения между Софьей Васильевной и Максимом Максимовичем не были ровными и безоблачными. Но в конце концов установились определенные положительные взаимоотношения, и весной 1891 г. М. М. и С. В. Ковалевские должны были заключить брак, чему помешала смерть Софьи Васильевны.

¹ Письмо 66 (швед.) в группе писем М.-Л.

156

¹ Письмо 321 (фр.) в группе писем С. К.

157

¹ Письмо 67 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Здесь письмо 156.

³ Речь идет о бракоразводном процессе Анны-Шарлотты Леффлер с ее первым мужем Г. Эдгеном.

⁴ Видимо, здесь имеется в виду старший из братьев Монтан — Эрик Вильгельм.

158

¹ Письмо 323 (фр.) в группе писем С. К.

² Эрмит был избран вице-президентом Парижской академии наук 7 января 1889 г.

159

¹ Письмо 324 (швед.) в группе писем С. К.

160

¹ Письмо 326 (фр.) в группе писем С. К.

² Телеграмма 325 (фр.) в группе писем С. К.: *Париж 24/1.1889 8 ч. 10 м. Стокгольм, Миттаг-Леффлеру. Если Эрмит получит награду, Бертран обязательно также должен получить.*

Софья.

³ Эрмит думал, что если он получит награду шведского короля (видимо, как член жюри конкурса на премию короля Оскара II), то Бертран почувствует себя оскорбленным.

⁴ Орден Почетного легиона (Légion d'honneur) был учрежден Наполеоном в 1802 г. Младшая степень ордена — кавалер (chevalier), затем идут: офицер (officier), командор (commandeur), кавалер большого офицерского креста (grand officier); кавалер большого креста (grand croix). Президент республики является великим магистром ордена (grand maître de l'ordre). Иностранцев представляет к ордену министр иностранных дел.

161

¹ Письмо 68 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Миттаг-Леффлер собрал 50 000 крон. Впоследствии он собрал 1 млн. крон и завещал их и свою библиотеку Шведской академии наук. Был учрежден Фонд супругов Миттаг-Леффлер — *Stiftelse makarna Mittag-Leffler*. См. завещание Миттаг-Леффлера в «Acta mathematica», 1916, t. 40, p. III—X.

162

¹ Письмо 69 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. письмо 160, примеч. 2.

³ Hermann (Эрман) — известное французское издательство.

⁴ Вензель короля: буква O, внутри которой II, т. е. Оскар Второй.

¹ Письмо 70—71 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Перечисляются французские математики, награжденные в разное время шведскими орденами.

³ См. примеч. 4, письмо 160.

⁴ Видимо, награждение премией Бордена.

¹ Письмо 71 (швед.) — продолжение письма 167, в группе писем М.-Л.

² Вероятно, сотрудник шведского посольства в Париже.

³ Норвежский орден «Святого Олафа» учрежден в 1847 г. королем Оскаром I. Имеет пять классов.

⁴ В противоположность Эрмиту, опубликовавшему полный отзыв о премированной статье Аппеля (*Acta mathematica*, 1890, t. 13, c. VIII), Вейерштрасс подробно отзыва о статье Пуанкаре не дал. Этот вопрос подробно рассматривается в статье И. Б. Погребыского «О проблеме трех тел и об уравнениях динамики» (*Пуанкаре А. Избранные труды*. М.: Наука, 1972, т. II, с. 967—976). Но известно, что Вейерштрасс очень высоко оценивал работу Пуанкаре и без колебаний признал ее достойной премии. Так, в письме к Миттаг-Леффлеру от 15 ноября 1888 г. Вейерштрасс говорит о работе под девизом: «*Nunquam praescriptos transibunt sidera fines*» (Никогда светила не перейдут предписанных границ), который избрал Пуанкаре (*Poincaré H. Oeuvres*. P., 1952, t. 7). «Рассматриваемую работу нельзя, правда, считать решением конкурсной проблемы, но эта работа настолько значительна, что с ее опубликованием, по моему убеждению, начнется новая эпоха в истории небесной механики».

⁵ Миттаг-Леффлер говорит о бракоразводном процессе А.-Ш. Леффлер и Г.-Э. Эдгрена.

⁶ По-видимому, Миттаг-Леффлер ожидал, что предстоящий брак А.-Ш. Леффлер и неаполитанца П. дель Пеццо вызовет сопротивление высокопоставленных родственников дель Пеццо, в частности его отца герцога ди Кайанелло. Но герцог внезапно умер, П. дель Пеццо сам стал герцогом, и для вступления в брак с ним А.-Ш. Леффлер должна была обратиться с просьбой о разрешении на брак к папе Римскому.

⁷ О доверенности на получение корреспонденции для Ковалевской см. также письмо 171.

¹ Письмо 72 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Норвежский ученый О.-Я. Брок был членом-корреспондентом Парижской академии наук. После его смерти Миттаг-Леффлер надеялся занять его место. Однако он стал членом-корреспондентом Парижской академии наук только 29 января 1900 г.

¹ Письмо 328 (фр.) в группе писем С. К.

¹ Письмо 73 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Письмо 166.

³ См. письмо 162.

¹ Письмо 74 (швед.) в группе писем М.-Л.

¹ Письмо 330 (фр.) в группе писем С. К.

² С. В. Ковалевская отправила Г. Миттаг-Леффлеру телеграмму 322 (нем.) в группе писем С. К.:

Болье 20/2 1889 г. 4 ч. 50 м. Стокгольм Миттаг-Леффлеру
Я сообщила Эрмиту содержание Ваших писем.

По этой телеграмме можно уточнить дату письма, видимо, 19 февраля 1889 г.

³ См. письмо 160.

⁴ Лекции — «Курс вариационного исчисления» Вейерштрасса (экземпляр, принадлежавший Ковалевской).

¹ Письмо 75 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Телеграмма 331 (фр.) в группе писем С. К.

Болье 13/2 1889 г. 10 ч. 30 м.

Миттаг-Леффлеру Стокгольм

Как Ваше здоровье, телеграфируйте Ниццу, Болье.

Вилла Батава, на которой С. В. Ковалевская находилась в последний год жизни, дача М. М. Ковалевского в Болье (Beaulieu). Она была построена в первой половине 80-х годов XIX в. и сохранилась в прежнем виде, сделана только пристройка. В настоящее время дача служит помещением детского сада. Ее теперешний адрес: 10, Boulevard Marinoni, Beaulieu.

³ 13 февраля 1889 г. Миттаг-Леффлер отправил Ковалевской в Ниццу телеграмму с оплаченным ответом. Из гостиницы ему сообщили: «*Мадам Ковалевская, Отель Лувр, Ницца, уехала*». От М. М. Ковалевского пришла телеграмма следующего содержания: «*Болье, 21/2 1889, 9 ч. 30 м. Профессору Миттаг-Леффлеру Швеция Стокгольм. Мадам Ковалевская живет в отеле Болье. Ковалевский*» (письмо 333 в группе писем С. К.).

⁴ Миттаг-Леффлер просит Ковалевскую прислать заявление, чтобы сделать возможным ее утверждение в должности профессора на следующий срок. См. далее письмо 173.

⁵ Комитет семи — группа профессоров Стокгольмской высшей школы, иногда заменявшая Совет преподавателей (см. примеч. 3 к письму 28). В их число входили Линдхаген, Брёггер, Кей.

⁶ Комитет семи высказался за объявление места профессора вакантным и за изменение Устава университета специально для Ковалевской.

⁷ Были получены отзывы от экспертов Ш. Эрмита, К. Бьеркнеса и Э. Бельтрами (см. Приложение).

¹ Письмо 76 (швед.) в группе писем М.-Л.

⁴ См. письмо 164.

³ См. письмо 170 об экспертах.

⁴ См. примеч. 5 к письму 164.

⁵ См. примеч. 3 к письму 170.

172

¹ Письмо 77 (швед.) в группе писем М.-Л.

² Письмо 170.

³ Миттаг-Леффлер подозревал Брандеса в публикации газетной статьи о М. М. Ковалевском (см. ранее письмо 147, примеч. 2), возмущившей С. В. Ковалевскую.

⁴ Видимо, имеется в виду принадлежность Анны-Шарлотты к литературным кругам.

⁵ Курман Калла — основательница женского общества «Nya Idun» (1885 г.). «Идун» — имя молодой богини, обладательницы «яблок Идун», дающих молодость и красоту. Первое собрание «Новой Идун» было 7 февраля 1885 г. Элен Кей председательствовала на собраниях. Среди первых докладов были: «Немецкий катедер-социализм», «Отель „Рамбуйе“», «Новые Афины», «Мадам Монпансье», «Княгиня Дашкова», «Жилища восточного Лондона», «Графология». «Положение наших рабочих», «Модели реформы платья». Ковалевская была членом общества и делала доклад, так же как и Л.-Ш. Леффлер.

173

¹ Письмо 335 (швед.) в группе писем С. К.

² См. письмо 170.

174

¹ Письмо 336 (фр.) в группе писем С. К.

² Ковалевская приехала в Париж 6 марта 1889 г.

³ См. письмо 173.

175

¹ Письмо 78 (швед.) в группе писем М.-Л.

² О французском ордене Почетного легиона см. примеч. 4 к письму 160.

³ О полученной Пуанкаре премии короля Оскара II.

176

¹ Письмо 338 (фр.) в группе писем С. К.

² См. письмо 175 от 11 марта 1889 г.

³ Ж. Бертран был непременным секретарем Парижской академии наук с 1874 г.

⁴ Теорема Миттаг-Леффлера была им опубликована в «Öfversigt af Kungl. Svenska Vetenskaps-Akademiens Förhandlingar», 1877. См. например: *Маркушевич А. И.* Теория аналитических функций. М., 1950, с. 533—537.

⁵ Видимо, аккредитив Лионского кредита.

177

¹ Письмо 337 (швед.) в группе писем С. К.

² См. письмо 176.

178

¹ Письмо 79 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. письма 167, 170, 175, 176, 177.

³ См. письма 163, 164, 167.

179

¹ Письмо 80 (швед.) в группе писем М.-Л.

² К письму приложен образец заявления, которое должна прислать Ковалевская, и черновик ее письма шведскому королю. См. письма 170, 175—178.

³ Ответ на просьбу Ковалевской прислать аккредитив Стокгольмского банка. См. письмо 176.

⁴ Слово «sujet» (фр.) означает «подчиненный, подданный». В данном случае, так как Ковалевская не была шведской подданной, оно имеет скорее смысл «покорный слуга».

⁵ Доклад Миттаг-Леффлера на заседании Шведской королевской академии наук был о работе Пуанкаре (*Acta mathematica*, t. 13), получившей премию Оскара II.

⁶ Эти слова Гюльдена о Вейерштрассе, Эрмите, Пуанкаре, Ковалевской и Миттаг-Леффлере часто цитируют, но не указывают, что Гюльден назвал их так, рассердившись по некоторым причинам на Миттаг-Леффлера. Но прозвище оказалось не обидным, так как все лица «лиги», действительно, достойны восхищения.

⁷ Возможно, речь идет о сходимости рядов, которые применял Гюльден.

180

¹ Письмо 81 (швед.) в группе писем М.-Л.

² В «*Acta mathematica*» была опубликована статья: *Tchebycheff P. Sur deux théorèmes relatifs aux probabilités* (Traduit du russe par J. Lyon).— *Acta math.*, 1890/91, t. 14, p. 305—316. Ковалевская в письме от 16(28) марта 1889 г. поблагодарила Чебышева за присылку указанной статьи. См.: *Чебышев П. Л.* Полн. собр. соч., 1951, т. 5, с. 423. О Лионе Чебышев писал Ковалевской в письме от 20 октября 1888 г.— Там же, с. 417.

³ См. письмо 170 и примеч. 4 к нему, примеч. 2 к письму 179.

⁴ См. письма 176, 179.

181

¹ Письмо 340 (швед.) в группе писем С. К. К письму была приложена доверенность на получение корреспонденции для Ковалевской на имя Миттаг-Леффлера, подписанная В. Жакларом и д-ром Сутерландом (Southernland).

² См. примеч. 2 к письму 180.

³ В 1887 г. вышел роман Мопассана «Монт-Ориоль», вероятно, речь идет о нем.

182

¹ Письмо 341 (фр.) в группе писем С. К.

² «Воспоминания детства» были опубликованы впервые на шведском языке в кн.: *Sonja Kovalevsky. Ur ryska lifvet. Systrarna Rajevski. Stockholm, 1889.* 277 p.; на рус. яз.: *Ковалевская С. В.* Вос-

поминания детства.— Вестн. Европы, 1890, № 7, с. 55—98, № 8, с. 584—640. Наиболее полное издание см.: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Наука, 1974, с. 9—89.

³ Воспоминания о знакомстве А. В. Корвин-Круковской с Ф. М. Достоевским вошли в «Воспоминания детства» Ковалевской. См.: Знакомство с Ф. М. Достоевским. В кн.: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974, с. 73—89.

⁴ См. примеч. 2.

⁵ Рассказ о польском восстании впервые был опубликован на шведском языке в «Nordisk tidskrift», 1891, т. 2; см.: Воспоминания из времени польского восстания.— В кн.: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974, с. 342—357.

⁶ Позже (7 октября 1890 г.) Ковалевская писала Марии Мендельсон-Залеской, что одна девушка перевела ее воспоминания на французский язык и что Ковалевская показала перевод Р. Милле, французскому послу в Стокгольме, который обещал заняться изданием этой книги. Нам известен французский перевод воспоминаний 1895 г.: *Souvenirs d'enfance de Sophie Kovalevsky, écrits par elle-même et suivis de sa biographie par Mme A.-Ch. Leffler duchesse de Cajanello*. P., 1895. 332 p.

183

¹ Письмо 342 (фр.) в группе писем С. К.

² Письмо «сфинкс» Миттаг-Леффлера не сохранилось.

³ Отзыв Бельтрами — см. Приложение.

⁴ Журнал «Ymer. Tidskrift utgifven af Svenska sällskapet för antropologi och geografi» издавался Шведским обществом антропологии и географии. Выходил в Стокгольме с 1881 по 1965 г. В журнале статья М. М. Ковалевского: *Mazime Kovalevski. Om dyrkan af förfädren hos de kaukasiska folken*. (О культе предков среди народов Кавказа).— Ymer, 1888, t. 8, p. 111—222. (Примеч. Д. Я. Броуна).

⁵ Кольцо Сатурна — статья Ковалевской, см. [7, 13].

⁶ Тиссеран изложил содержание работы С. В. Ковалевской о кольце Сатурна в своем труде: *Tisserand F. Traité de mécanique céleste*. P. t. 2. Результат работы Ковалевской приведен в кн.: *Ламб. Гидродинамика*. М.; Л., 1947, с. 894. См. также [7].

⁷ См. письмо 160.

⁸ Мадам Пикар — дочь Шарля Эрмита.

184

¹ Письмо 343 (фр.) в группе писем С. К.

² См. примеч. 5 к письму 182.

185

¹ Письмо 344 (фр.) в группе писем С. К.

² Письмо Миттаг-Леффлера, видимо, не сохранилось.

³ См. примеч. 5 к письму 182.

⁴ Была издана книга на шведском языке, указанная в примеч. 2 к письму 182. Перевод на шведский язык был сделан В. Хедберг.

⁵ *Vae victis!* — «Горе побежденным!» Введение к этому сочинению Ковалевская опубликовала в 1890 г. в журнале

«Norna». См.: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974, с. 182—210.

⁶ Воспоминания о Джорже Эллиотте.— Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974, с. 230—243. Впервые очерк был опубликован на шведском языке в газете «Stockholms Dagblad» в апреле 1885 г. Затем он появился в журнале «Русская мысль», 1886, кн. VI, с. 93—108.

⁷ Монтан — издатель газеты «Stockholms Dagblad».

⁸ О Всемирной выставке в Париже 1889 г. Ковалевская написала отрывок «На выставке», опубликованный в книге: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974, с. 282—288.

186

¹ Письмо 345 (фр.) в группе писем С. К.

² Письмо Миттаг-Леффлера не сохранилось.

³ В 1889 г. вышел в свет роман П. Бурже «Ученик» (*Le disciple*).

187

¹ Письмо 347 (фр.) в группе писем С. К.

² См. примеч. 7 к письму 185.

³ См. письмо 186.

⁴ Трудности с гостиницами из-за большого наплыва гостей в Париж в связи с Всемирной выставкой.

188

¹ Письмо 82 (швед.) в группе писем М.-Л.

² См. письма 185—187.

³ Вероятно, речь идет о помощи А.-Ш. Леффлер при переводе, который делала В. Хедберг (см. примеч. 4 к письму 185); о французском тексте у нас есть сведения только о переводе 1895 г. (см. примеч. 6 к письму 182). А.-Ш. Леффлер опубликовала книгу: *Leffler A.-C., D: ssa di Cajanello. Sonja Kovalevsky. Hvad jag upplefvat tillsammans med henne och hvad hon berättat mig om sig själf*. Stockholm, 1892. 196 p. См.: Софья Ковалевская. Что я пережила с нею и что она сама рассказала мне о себе. Воспоминания А.-Ш. Леффлер, герцогини ди-Кайанелло / Пер. со швед. М. Лучицкой. СПб., 1893. 315 с.

⁴ О долге Ковалевской Миттаг-Леффлеру см. письмо 179.

⁵ Видимо, сбор средств на памятник Абелю. Миттаг-Леффлер предложил начать подписку на памятник Абелю на XIII съезде скандинавских естествоиспытателей в 1886 г.

⁶ Густав Эдгрэн.

189

¹ Письмо 346 (фр.) в группе писем С. К.

² См. письмо 188.

³ Первый сборник рассказов Ковалевской на шведский язык перевела В. Хедберг (см. примеч. 2 к письму 182). второй, возможно, А.-Ш. Леффлер: *S. Kovalevsky. Vera Vorontzoff. Berättelse ur ryska lifvet*. Stockholm, 1892.

⁴ Этот рассказ был напечатан впервые во втором сборнике, указанном в примеч. 3. На русском языке с предисловием М. М. Ковалевского. *S. Kovalevsky. Une nihiliste*. Нигилистка. Софья Кова-

левской. Женева: Вольная русская типография, 1892. См.: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974, с. 90—156.

190

¹ Письмо 348 (фр.) в группе писем С. К.

² Отзыв К. Бьеркнеса о творчестве Ковалевской см. в Приложении.

³ У Ковалевской появилась идея защитить вторично докторскую диссертацию в Париже, чтобы иметь право там получить работу. Вейерштрасс восстал против этого плана. Он писал: «Тот, кому присвоено звание доктора на каком-либо факультете, не может причинить этому факультету большей обиды, чем приняв ту же степень от другого факультета той же категории... Я не верю в то, что в Париже, где каждый влиятельный ученый окружен большой клиентурой, с которой он должен считаться, Ты займешь достойное Тебя положение на каком-либо факультете» (Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской. М.: Наука, 1973, с. 282).

⁴ См. примеч. 3 к письму 179.

191

¹ Письмо 349 (швед.) в группе писем С. К.

192

¹ Письмо 350 (фр.) в группе писем С. К.

193

¹ Письмо 351 (фр.) в группе писем С. К.

² Письмо Эрмита, видимо, касалось вопроса о подписке на журнал «Acta mathematica» во Франции.

³ Французский журнал «Revue politique et littéraire (Revue bleue)» отказался публиковать очерк Ковалевской о Салтыкове-Щедрине.

⁴ Речь идет о Н. А. Герцен, дочери А. И. Герцена.

⁵ В «Stockholms Dagblad» в июне 1889 г. была напечатана статья Ковалевской о Салтыкове-Щедрине.

⁶ См. примеч. 2 к письму 182.

194

¹ Письмо 352 (фр.) в группе писем С. К.

² Видимо, речь идет о статьях Миттаг-Леффлера [65] и [66] в списке его работ. Французский перевод их в виде одной статьи был напечатан в «Acta mathematica» [70]. Судя по этому письму, перевод был сделан Ковалевской.

195

¹ Письмо 339 (швед.) в группе писем С. К.

² Пьеса А. Н. Островского «Гроза».

³ Театр Бомарше. (См.: Le Temps, 10, 11/III. 1889 г.)

196

¹ Письмо 355 (фр.) в группе писем С. К.

² В связи с кончиной В. Я. Буняковского открылась вакансия (место ординарного академика) в Петербургской академии наук.

³ Ковалевская собиралась поехать на VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей.

⁴ Речь идет об А. А. Маркове, который

и был избран экстраординарным академиком 30 января 1890 г. (ст. ст., 11 февраля н. ст.) по представлению П. Л. Чебышева и В. Г. Имшенецкого, зачитанному в заседании физико-математического отделения Академии наук, в январе 1890 г. (заседание № 1, § 16). За избрание Маркова голосовало 16 человек против 1.

⁵ Речь идет об А. И. Косиче, двоюродном брате Ковалевской.

⁶ В.-М. Рунеберг после смерти Ковалевской изваял ее мраморный бюст.

197

¹ Письмо 356 (швед.) в группе писем С. К.

² Ковалевская телеграфирует Миттаг-Леффлеру в Гельсингфорс из Парижа «Не выезжайте, если нездоровы» (30.XII. 1889).

³ Резюме работы Пуанкаре, получившей премию короля Оскара II, было напечатано в: С. г., 1889, t. 109; большая работа: *Poincaré H. Sur le problème des trois corps et des équations de la dynamique.*— *Acta Math.*, 1889, t. 13, p. 1—270.

⁴ Письмо Эрмита Чебышеву от 21 мая 1890 г. см. в кн.: Чебышев П. Л. Полн. собр. соч. М., т. 5. с. 434—435.

⁵ С. В. Ковалевскую избрали членом-корреспондентом на заседании физико-математического отделения Петербургской академии наук 7 ноября 1889 г. по представлению П. Л. Чебышева, В. Г. Имшенецкого и В. Я. Буняковского. Общее собрание Академии утвердило избрание 2 декабря 1889 г.

198

¹ Письмо 357 (швед.) в группе писем С. К.

² То есть Ф. В. Корвин-Круковского.

³ Имеется в виду С. И. Ламанский.

1890 — 1891

199

¹ Письмо 373 (швед.) в группе писем С. К.

² На конверте: Швеция. Стокгольм. Г. Профессору Гёсте Миттаг-Леффлеру. 19. Остермальмсгата. Получено в Стокгольме 18 мая 1890 г.

³ Фрёкен Сёдербельм — студентка Стокгольмской высшей школы, впоследствии преподавательница математики в одной из гимназий Гельсингфорса.

⁴ Стенберг Арвид Эмиль, Сьёберг и Меллин — ученики Миттаг-Леффлера. студенты Гельсингфорского университета.

⁵ Неизвестно, какой из братьев Бьершерна имеется в виду.

⁶ Впоследствии А. А. Марков стал говорить, что он имел в виду не ошибки, а недостаточную подробность анализа в § 1 мемуара Ковалевской [8]: возможно, что ею упущены еще некоторые новые случаи интегрируемости по ее методу. Дополнительные исследования, проведенные Г. Г. Апфельротом и П. А. Некрасовым, показали, что новых случаев не имеется и что теорема Ковалевской вер-

на. А. М. Ляпунов вскоре дал обобщение теоремы Ковалевской (см.: *Движение твердого тела вокруг неподвижной точки*: Сб., посвящ. памяти С. В. Ковалевской. М.; Л., 1940, с. 157—186; *Ковалевская С. В.* Научные работы. М., 1948. 368 с.). Понятно возмущение Ковалевской поведением Маркова. Ковалевская ошибается, думая, что покровительство великого князя — президента Петербургской академии наук — играло большую роль в избрании Маркова; несмотря на свой нелегкий характер, он получил лишь один голос против: очевидно, ценили его научный талант.

На заседании Московского математического общества 17 ноября 1891 г. после разбора ряда заявлений А. А. Маркова и доклада П. А. Некрасова вынесено решение: «Общество постановило: так как голосовые заявления, каковы заявления проф. А. А. Маркова относительно трудов С. В. Ковалевской, В. Г. Имшенецкого, Н. В. Бугаева и Г. Г. Аппельрота, бесполезны для науки, и суждения о таковых заявлениях лишь бесплодно отвлекают Общество от его занятий, то впредь не принимать к обсуждению в Обществе никаких голословных и резких суждений» (Математический сборник. 1891. т. 16. с. 845).

⁶ Тетушка София — С. Ф. Шуберт.

200

¹ Письмо 372 (фр.) в группе писем С. К.

² В предыдущие приезды в Петербург Ковалевская останавливалась обычно в доме 15 по 6-й линии Васильевского острова, где жила ее сестра А. В. Жаклар.

³ Ковалевская была представлена великому князю К. К. Романову — президенту Петербургской академии наук, поэту.

⁴ См. о нем: *Ларман Э. К.* Аксель Вильгельмович Гадолин. М., 1969.

⁵ То есть А. И. Косич.

⁶ Энгадин — живописная долина реки Инн в Швейцарии.

201

¹ Письмо 374 (швед.) в группе писем С. К.

² 11 июня 1890 г. состоялось заседание Петербургской академии наук. Ковалевская была приглашена и присутствовала на нем, хотя перед тем Чебышев сказал ей, что присутствие членов-корреспондентов не в обычаях академии (*Ковалевская С. В.* Воспоминания и письма. М., 1951, с. 181).

³ Принц Виктор-Эммануил, который в мае 1890 г. приехал в Петербург. (Примеч. Л. А. Воронцовой.)

⁴ Ковалевская просит прислать ей работу, одну из трех, составлявших ее докторскую диссертацию, вероятно [1].

⁵ Статья о преломлении света в кристаллах [6].

⁶ Книга Ковалевской «Из русской жизни» (*Ur ryska lifvet*) была издана в Стокгольме на шведском языке в 1889 г. в книгоиздательстве И. Хегстрёма (*Haeggström I.*). См. примеч. 4 к письму 185.

⁷ Видимо, Ковалевская хотела послать свои статьи Я. К. Гроту в связи с возможным выдвижением ее кандидатуры в члены Академии наук.

⁸ «Aftonbladet» — стокгольмская газета.

⁹ Статья Ковалевской «О гипнотизме» вышла в парижской газете «La Justice» (где сотрудничал В. Жаклар), а затем была перепечатана финской газетой (июнь 1890 г.).

¹⁰ Книга Анны-Шарлотты — может быть, «Kvinnlighet och erotik» (1890).

¹¹ W — Запад Берлина.

202

¹ Письмо 375 (швед.) в группе писем С. К.

203

¹ Письмо 376 (фр.) в группе писем С. К.

204

¹ Письмо 377 (швед.) в группе писем С. К.

² Имеется в виду П. дель Пеццо, герцог ди Кайанелло.

³ См. далее примеч. 4 к письму 207 — о лекциях Миттаг-Леффлера по теории чисел.

⁴ Т. е. А.-Ш. Леффлер, герцогиня ди Кайанелло.

205

¹ Письмо 378 (швед.) в группе писем С. К.

206

¹ Письмо 379 (швед.) в группе писем С. К.

207

¹ Письмо 420 (фр.) в группе писем С. К.

² С. В. Ковалевская и М. М. Ковалевский побывали в Новый год на кладбище в Генуе. Кладбище Кампо Санто славится красотой местоположения и памятников.

³ О возможности быть избранной в Петербургскую академию наук см. письма 196, 197, 199, 201.

⁴ В осеннем семестре 1890 г. Ковалевская читала теорию чисел, пользуясь записками Миттаг-Леффлера.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЗАПИСКАМ

1

¹ Записка 56 (фр.) в группе писем С. К.

² По-видимому, речь идет о работе: *Stahl W.* Zur Theorie der Potentialflächen. — *J. Math.*, 1875, Bd. 79.

³ Здесь и в дальнейшем нами использован каталог библиотеки Г. Миттаг-Леффлера: *G. Mittag-Lefflers matematiska bibliotek. Systematisk förteckning upprättad af St. Grönfeldt.* Stockholm; Djursholm, 1914. В нем перечислены в систе-

матическом порядке все печатные работы, вышедшие отдельными изданиями и имевшиеся в библиотеке Миттаг-Леффлера. Кроме того, приводится список находившихся там полных собраний сочинений и журналов. Рукописные издания и курсы лекций в каталог не включены. В каталоге указаны следующие сочинения Якоби, которые могли быть нужны Ковалевской в то время: *Jacobi C.-G. Mathematische Werke*. В., 1846—1871. Bd. 1—3; *Bildung der Determinanten*, В., 1846; *Vorlesungen über Dynamik. Nebst fünf hinterlassenen Abhandlungen desselben*. В., 1866; II. Aufl., 1884.

Скорее всего, Ковалевская брала «Лекции по динамике», так как они неоднократно упоминаются и в других ее письмах.

Из книг Дини в каталоге указаны (за годы, когда ими могла пользоваться Ковалевская): *Dini U. Fondamenti per la teoria delle funzioni di variabili reali*. Pisa, 1878; *Serie di Fourier e altre rappresentazioni analitiche delle funzioni di una variabile reale*. Pisa, 1880. Кроме того, Ковалевская могла взять какие-либо оттиски статей Дини, посланные Миттаг-Леффлеру.

2

¹ Записка 57 (фр.) в группе писем С. К.

² *Gauss C.-F. Disquisitiones generales circa superficies curvas* (1827). Перепечатано в: *Werke*, 1873, Bd. IV, S. 217—258.

3

¹ Записка 60 (фр.) в группе писем С. К.

² Записка относится к 1884 г., когда Ковалевская читала лекции по теории дифференциальных уравнений в частных производных.

4

¹ Записка 65 (фр.) в группе писем С. К.

² Кузен-социалист — Юхан-Андерс Леффлер, врач.

³ Г-жа Эдгрэн — А.-Ш. Леффлер.

5

¹ Записка 68 (фр.) в группе писем С. К.

² Вейерштрасс жил в Кларахе (Clarens) в конце 1883 — начале 1884 г. Он пишет оттуда 27 декабря 1883 г., что не получил от Ковалевской писем, написанных ею из Одессы, а 15 января 1884 г. — что он с сестрами находится там с 25 октября 1883 г. и что вилла Пьерье и вилла Дюбоше — это одно и то же. (См.: Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской. М., 1973, с. 245, 248.) Таким образом, записку можно датировать началом 1884 г.

6

¹ Записка 67 (фр.) в группе писем С. К.

² Редданде энгель (*Räddande ängel*) — «Спасующий ангел», или «Ангел-хранитель» — пьеса А.-Ш. Леффлера, ставившаяся в 1880 г. в Драматическом театре Стокгольма. Главную роль — Гурли — исполняла актриса Эллен Хартман. Она выступала в 1880—1890 гг., ездила на гастроли в Одессу, Москву, Петербург (сообщение Д. Я. Броуна). Очевидно, в узком кругу знакомых Эллен Хартман называли Редданде Энгель.

7

¹ Записка 71 (фр.) в группе писем С. К.

² *Jacobi C.-G. Vorlesungen über Dynamik*. См. примеч. 3 к записке 1.

³ *Comptes rendus de l'Académie des sciences de Paris*, 1842, t. 14, 15; 1843, t. 16; 1850, t. 30.

Там печатались статьи Коши по теории дифференциальных уравнений.

⁴ *Journal de l'Ecole polytechnique*. Р., 1856, t. 36. Здесь помещена статья Брюи и Буке, о которой см. примеч. 3 к письму 24.

⁵ *Kovalevsky S. Zur Theorie der partiellen Differentialgleichungen. Inaugural dissertation*. 1874.— *J. für Math.*, 1875, Bd. 80, S. 1—32.

8

¹ Записка 72 (фр.) в группе писем С. К.

² Г-жа Валленберг — жена директора банка А. О. Валленберга.

9

¹ Записка 73 (фр.) в группе писем С. К.

² Видимо, речь идет о конспектах лекций Вейерштрасса, записанных Хеттнером и Кноблаухом. См. примеч. 3 к письму 3.

10

¹ Записка 97 (швед.) в группе писем С. К.

² Урок у Лундгрена — шведского языка, т. е. это, видимо, 1884 год.

11

¹ Записка 80 (фр.) в группе писем С. К.

² «Vildanden» (1884) — «Дикая утка», или «Дикий селезень», пьеса Г. Ибсена.

³ «Giftas» — «Свадьба» (швед.) (1884, 1886) — сборник рассказов А. Стриндберга.

12

¹ Записка 82 (фр.) в группе писем С. К.

² Директором Национального музея (*Nationalmuseum i Stockholm*, основан в 1794 г.) с 1880 по 1900 г. был Упмарк.

13

¹ Записка 75 (фр.) в группе писем С. К.

² Рунге находился в Стокгольме с 10 сентября 1884 г. (см. письмо 50), т. о. записку Ковалевской можно отнести к сентябрю 1884 г.

14

¹ Записка 83 (фр.) в группе писем С. К.

15

¹ Записка 84 (фр.) в группе писем С. К.

² Речь идет о благотворительном базаре 1 апреля 1885 г., где должен был подаваться «русский чай» из самовара. Средства от базара предназначались на создание народного музея. Подробнее см.: *Леффлер А.-К. Софья Ковалевская*. СПб. 1893, с. 188.

16

¹ Записка 86 (фр.) в группе писем С. К.

² «Neaga» — комическая опера Халл-стрёма по пьесе Кармен Сильва.

³ Мадемуазель Бендиксон — родственница Ивара Бендиксона.

17

¹ Записка 87 (фр.) в группе писем С. К.

² Записка относится к весне 1885 г., когда Ковалевская, кроме своего основного курса, читала лекции по теории алгебраических функций (по Вейерштрассу).

18

¹ Записка 88 (фр.) в группе писем С. К.

² Возможно, роман Э. Золя «Жерминаль» (1885).

19

¹ Записка 110 (швед.) в группе писем С. К.

20

¹ Записка 108 (швед.) в группе писем С. К.

² О болезни дочери Ковалевской говорится в письме 74 от 13 июня 1885 г. Таким образом, записка относится к маю 1885 г.

21

¹ Записка 93 (швед.) в группе писем С. К.

² Видимо, книгу: *Heine E. Handbuch der Kugelfunctionen*. В., 1861; II. Aufl., Bd. I, 1872; 1881, Bd. II.

³ Итальянские рукописи, может быть, Пинкерле. См. примеч. 2 к письму 117 (1886 г.)

22

¹ Записка 94 (швед.) в группе писем С. К.

² Вероятно, *Kirchhoff G. Lehrbuch der Mechanik*. 1874. Ковалевской, по-видимому, нужна была книга для подготовки лекций по механике. Она читала курс теоретической механики после смерти Хольмгрена в 1885 и 1886 гг. См. письма 64, 66, 67, 69, 70 и др.

23

¹ Записка 107 (швед.) в группе писем С. К.

² Ковалевская интересовалась делами риксдага (парламента). В очерке «Три дня в крестьянском университете в Швеции» (см.: *Ковалевская С. В. Воспоминания*. Повести. М.: Наука, 1974, с. 244—267) Ковалевская пишет о шведском парламенте и его членах из крестьянской партии, давая интересные характеристики представителям этой партии.

24

¹ Записка 106 (швед.) в группе писем С. К.

² Ковалевскую интересовал этот вопрос, которому была посвящена ее работа «О преломлении света в кристаллической среде», 1885 г. [6].

25

¹ Записка 130 (швед.) в группе писем С. К.

² Вероятно, адреса лиц, указанных в следующей, 26-й записке.

26

¹ Записка 131 (фр.) в группе писем С. К., отнесенных Миттаг-Леффлером к 1886 г.

² По-видимому, речь идет об одном из приглашений на вечер общества «Хеймдал». Во второй половине прошлого века в Швеции стали организовываться общества для взаимного общения разных групп людей. Существовало общество «Идун», в которое входили только мужчины, затем было организовано женское общество «Новая Идун» («Nya Idun»), см. примеч. 5 к письму 172. Зимой 1887 г. образовалось новое общество — «Хеймдал» (Heimdal), которое должно было состоять как из мужчин, так и из женщин. Собрания его должны были содействовать сближению людей разных специальностей. Первым председателем был профессор медицины Курт Валлис, секретарем — фру Ханна Пальме. Свое название общество получило от древнескандинавского героя Хеймдала, сына девяти матерей, так как учредительницами общества были дамы: Х. Пальме, К. Курман, А.-Ш. Леффлер, С. Ковалевская и др. Первое собрание состоялось 23 февраля 1887 г. в отеле Рюдберга, с докладом археолога Гильдебранда. На следующих собраниях докладчиками были: К. Валлис, К. Гейерстам, В. Леке, К. Брёггер, Ю. Леффлер, Р. Тигерстедт и др. Темы докладов были разнообразные: посещение мормонов, внушение в обычной жизни, новое открытие ископаемых людей, полярная поездка Ф. Нансена. Выступали поэты, художники, музыканты. Каждые два члена, объединившись, могли пригласить постороннее лицо. Выступления сопровождался ужином, первое время — на 50—60 человек. См.: *Linder Gurli. Sällskapsliv i Stockholm under 1880—1890-talen*. Stockholm, 1918. 174 p.

³ Норвежский министр, т. е. посол Норвегии.

⁴ В шведских газетах была постоянная рубрика «Högskolegrädet» («брань в Высшей школе»). Об этом см.: *Leche Mia. Våra föräldrars värld*. Stockholm, 1934, p. 87.

27

¹ Записка 135 (фр.) в группе писем С. К.

28

¹ 129 (швед.) в группе писем С. К.

² Письмо из страховой конторы, для которой Ковалевская делала расчеты. Миттаг-Леффлер привлёк Ковалевскую к работе в страховом обществе.

29

¹ Записка 128 (фр.) в группе писем С. К.

² По-видимому, речь идет о расчетах, которые делала Ковалевская для страхового общества. См. записку 28.

30

¹ Записка в альбоме 7 в группе писем М.-Л.

² См. записки 28 и 29 о расчетах для страхового общества.

¹ Записка 133 (швед.) в группе писем С. К.

¹ Записка Е из альбома 7 в группе писем М.-Л., или ААН, ф. 603, оп. 1, альбом 40.

² Расчеты для страхового общества. См. записки 28—34.

¹ Записка 172 (швед.) в группе писем С. К.

² Речь опять идет о расчетах, которые Ковалевская делала для страхового общества.

¹ Записка 150 (швед.) в группе писем С. К.

² По-видимому, речь идет о расчетах, которые Ковалевская делала для страхового общества. Ср. записки 28—33.

³ По-видимому, Ковалевская говорит о расчетах, проведенных в соответствии с методом, применявшимся Р. Г. Тёрнебладом.

¹ Записка 141 (фр.) в группе писем С. К.

² Мусельбакке — видимо, Mosebacke — ресторан в Стокгольме.

³ См. прим. 2 к записке 23.

¹ Записка 144 (фр.) в группе писем С. К.

² Может быть, речь идет о подготовке составленных Энестрёмом биографических сведений, напечатанных в 10-м томе «Acta mathematica» за 1887 г.

³ По-видимому, эта записка относится к августу 1886 г., поскольку Ковалевская в это время выехала в Петербург в связи с болезнью сестры. См. письмо 110.

¹ Записка 146 (фр.) в группе писем С. К.

² Лекции по механике Ковалевская читала в 1885 и 1886 гг. См. письма 64, 89, 90, 95, 132 и др.

³ *Clausius P.-F.-L.* Die Potentialfunktion und das Potential: Ein Beitrag zur mathematischen Physik. III. Aufl. Leipzig. 1877.

⁴ *Dirichlet P.-G.* Vorlesungen über die im umgekehrten Verhältniss des Quadrats der Entfernung wirkenden Kräfte / Hrsg. von F. Grube. Leipzig, 1876.

⁵ *Gauss C.-F.* Allgemeine Lehrsätze in Beziehung auf die im verkehrten Verhältnisse des Quadrats der Entfernung wirkenden Anziehungs- und Abstossungs Kräfte. Leipzig, 1841; Werke. Göttingen. 1867, Bd. 5, S. 195.

¹ Записка 149 (фр.) в группе писем С. К.

² «Риенци» — опера Р. Вагнера (1842).

¹ Записка 151 (швед.) в группе писем С. К.

² «Абелевы функции», видимо, концепты лекций Вейерштрасса. См. примеч. 3 к письму 3.

¹ Записка 152 (швед.) в группе писем С. К.

² Записки Хеттнера — см. примеч. 3 к письму 3.

³ *J. für die reine und angewandte Mathematik.* B. 1866.

¹ Записка 153 (швед.) в группе писем С. К.

² Телеграмма содержит ответ на запрос о состоянии здоровья сестры Ковалевской А. В. Жаклар. См. письмо 118. Таким образом, записка, возможно, датируется декабрем 1886 г.

¹ Записка 154 (швед.) в группе писем С. К. Она обращена к жене Миттаг-Леффлера, Сигне.

² См. письмо 132 и примеч. 4 к нему.

¹ Записка 156 (швед.) в группе писем С. К.

² По-видимому, Дюгем прислал Ковалевской свои статьи для «Acta mathematica», однако они не были опубликованы.

¹ Записка 157 (швед.) в группе писем С. К.

² См. примеч. 4 к записке 7.

³ См. записку 39.

¹ Записка 163 (швед.) в группе писем С. К.

² Может быть, речь шла о поездке А. Кея в Лондон, где находился умирающий В. Лорен (ср. с письмом 82). Тогда записку можно отнести к 1885 г.

³ Может быть, о результатах избрания Миттаг-Леффлера в ректоры университета (28 декабря 1885 г.).

¹ Записка 165 (швед.) в группе писем С. К.

² Советник юстиции — А. Линдхаген был председателем Правления Высшей школы.

¹ Записка 169 (швед.) в группе писем С. К.

² Видимо, за «Лекции по динамике» К.-Г. Якоби. См. записки 1 и 7.

¹ Записка 170 (фр.) в группе писем С. К.

² Видимо, Ковалевская намекает на случай с письмом Ф. М. Достоевского к ее сестре Анне. Прочитав это письмо, отец Ковалевской узнал, что его старшая дочь Анна написала повесть, которая

была опубликована в журнале «Эпоха», и получила за нее гонорар (в письмо были вложены деньги), это известие привело его в страшную ярость. См.: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974. с. 68—70.

³ Роман Мопассана «Милый друг» (*Maupassant Guy de. Bel ami. Paris, 1885*).

49

¹ Записка 171 (фр.) в группе писем С. К.

² Мемуары Шварца: 1. Ueber die Integration der partiellen Differentialgleichung $\partial^2 u / \partial x^2 + \partial^2 u / \partial y^2 = 0$ unter vorgeschriebenen Grenz- und Unstetigkeitsbedingungen. — Monatsberichte, 1870, S. 767—795; — Schwarz H. A. Gesammelte mathematische Abhandlungen. B., 1890, Bd. 2, S. 144—171. 2. Zur Integration der partiellen Differentialgleichung $\partial^2 u / \partial x^2 + \partial^2 u / \partial y^2 = 0$. — J. für Math., 1870, Bd. 74, S. 218—253; Gesammelte Abhandl., Bd. 2, S. 175—210.

³ См. примеч. 14 к письму 30.

50

¹ Записка 417 (швед.) в группе писем С. К.

² В письме 118 от 14.11.86 Ковалевская пишет, что ждет телеграмму из России о состоянии здоровья сестры. Телеграмма успокоила Ковалевскую, и она поехала в Петербург в середине декабря 1886 г. (См. письмо 119).

³ Svea salen (швед.) — «Шведские залы» (или «Шведский салон»).

51

¹ Записка 145 (фр.) в группе писем С. К.

52

¹ Записка 175 (швед.) в группе писем С. К.

53

¹ Записка 176а (швед.) в группе писем С. К.

² Видимо, к Кею здесь обращаются как к председателю Фонда Лорена. См. примеч. 3 к письму 147.

54

¹ Записка 177а (швед.) к группе писем С. К.

² Деверь Ковалевской — А. О. Ковалевский.

³ Возможно, Миттаг-Леффлеру биография Гаусса понадобилась в связи с 110-летием со дня его рождения (1887 г.).

55

¹ Записка 181 (швед.) в группе писем С. К.

² Так как Энстрём был секретарем редакции журнала «Acta mathematica», то, возможно, что речь идет о статье Дюгема, которая была по-какой-то причине отклонена (см. письмо 108).

56

¹ Записка 185 (швед.) в группе писем С. К.

² Picard E. Sur la forme des intégrales des équations différentielles du second

ordre dans le voisinage de certains points critiques. — C. r. Acad. sci. Paris, 1878, t. 87, p. 430—432, 743—746.

³ В указанной тетради статей Э. Пикара нет. Ковалевская, видимо, ошиблась.

57

¹ Записка 188 (фр.) в группе писем С. К.

58

¹ Записка 191 (фр.) в группе писем С. К.

² Возможно, А. Кей придет к Фрицу Леффлеру, как врач к больному.

59

¹ Записка 194 (швед.) в группе писем С. К.

60

¹ Записка 195 (швед.) в группе писем С. К.

² Может быть, профессор Лульи Аурелио.

61

¹ Записка 198 (швед.) в группе писем С. К.

62

¹ Записка 263 (фр.) в группе писем С. К.

² Речь идет о приглашении на собрание «Тринадцати» 5 марта. 1887 г. Год устанавливается тем фактом, что 5 марта понедельник был в 1887 г. Кроме того, весной 1887 г. Ковалевская читала абелевы функции. Следовательно, записка была написана 3 марта 1887 г. Об обществе «Тринадцати» см. примеч. 4 к письму 145.

63

¹ Записка 251 (фр.) в группе писем С. К.

² Видимо, на конвертах с приглашением на собрание «Тринадцати», которое должно состояться у Ковалевской 5 марта 1887 г. См. предыдущую записку.

³ На собрании предусмотрен был доклад Тигерстедта. Текст приглашения на собрание у Ковалевской был таким: *Совещание 13-ти у нижеподписавшейся 5-го марта в 1/2 8 пополудни.*

Софья Ковалевская.

Стурегатан 56, лестниц 4 [т. е. 5-й этаж]. Доклад профессора Тигерстедта начинается в 8 ч. (Записка 252 (швед.) в группе писем С. К.)

64

¹ Записка 253 (швед.) в группе писем С. К.

65

¹ Записка 201а (швед.) в группе писем М.-Л.

² Речь идет об опубликовании статьи Юмбера: *Humbert G. Sur les intégrales algébriques de différentielles algébriques. — Acta math., 1887, t. 10, p. 281—298.*

66

¹ Записка 202 (швед.) в группе писем С. К.

¹ Записка 196 (швед.) в группе писем С. К.

² В статье Юмбера (см. примеч. 2 к записке 65) на с. 281 имеется подстрочное примечание, дословно совпадающее с текстом, написанным Ковалевской в этом письме к Миттаг-Леффлеру (текст в кавычках). Примечание подписано: «Главный редактор».

³ *Hettner H.-G.* Reduction der Integrale einer Classe von algebraischer Differentialen auf die elliptischen Integrale: Dissert. Berlin, 1877.

⁴ См. письмо Миттаг-Леффлера 128 с вопросом о курортах в Пиренеях и ответ Ковалевской в письме 129. Ковалевская думала, что Жаклар уже выслан из Петербурга (см. письмо 127), но по приезде туда застала его еще в Петербурге. Поскольку Миттаг-Леффлер получил эту записку Ковалевской по приезде из Упсалы 22 мая 1887 г., то записка может быть датирована 18—19 мая 1887 г.

68

¹ Записка 197 (швед.) в группе писем С. К.

69

¹ Записка 201 (швед.) в группе писем С. К.

² Здесь говорится о двух частях одной пьесы С. Ковалевской и А.-Ш. Леффлер «Борьба за счастье».

70

¹ Записка 203 (швед.) в группе писем С. К.

² Вероятно, какой-то части своих «Воспоминаний детства».

³ «Молодая Швеция» — объединение молодых писателей Швеции.

71

¹ Записка 205 (швед.) в группе писем С. К.

72

¹ Записка 206 (швед.) в группе писем С. К.

73

¹ Записка 155 (фр.) в группе писем С. К.

74

¹ Записка 134 (швед.) в группе писем С. К.

² Возможно, здесь идет речь о поездке в Упсалу на празднование по случаю 410-летия Упсальского университета. См. письмо 128 Миттаг-Леффлера от 22.5.87.

75

¹ Записка 207 (швед.) в группе писем С. К.

² О записках Хеттнера см. примеч. 3 к письму 3.

76

¹ Записка 208 (швед.) в группе писем С. К.

² Отчеты Высшей школы — *Meddelanden från Stockholms Högskola* (Bihang till Handlingar Svenska Vetenskaps Akademiens), 1883, t. 1.

¹ Записка 211 (швед.) в группе писем С. К.

² Т. е. Ф. Леффлеру.

78

¹ Записка 213 (швед.) в группе писем С. К.

² Школа фрау Витлок.

79

¹ Записка 217 (швед.) в группе писем С. К.

² Видимо, разговор с Энестрёмом шел о подготовке 10-го тома журнала «*Acta mathematica*», 1887.

80

¹ Записка 224 (швед.) в группе писем С. К.

² С 1886 г. Линдстедт был профессором математики и механики в Высшей технической школе в Стокгольме (он заменил там профессора Хольмгрена, которого в Стокгольмской высшей школе временно замещала С. В. Ковалевская). Может быть, речь идет о чтении им лекций в Высшей школе.

³ Леке был в то время (с 1887 по 1890) ректором Высшей школы.

81

¹ Записка 228 (швед.) в группе писем С. К.

² Вероятно, это было очередное собрание «Общества тринадцати», в состав которого входил Гильдебранд.

82

¹ Записка 230 (швед.) в группе писем С. К.

83

¹ Записка 231 (швед.) в группе писем С. К.

² По-видимому, речь идет о новой прислуге.

84

¹ Записка 232 (швед.) в группе писем С. К.

² По-видимому, книги: *Neumann F.-E.* Vorlesungen über die Theorie des Potentials und der Kugelfunctionen / Hrsg. von C. Neumann. Leipzig, 1887; *Heine E.* Handbuch der Kugelfunctionen. B., 1861; II. Aufl., 1872, Bd. I; 1881, Bd. II. Обе книги имелись в библиотеке Миттаг-Леффлера.

³ *Journal für die reine und angewandte Mathematik*, Bd. 48, 1854; Bd. 69, 1868. В этих томах были напечатаны статьи Э. Гейне. В частности: *Heine E.* Die Fourier-Bessel'sche Functionen.

85

¹ Записка 237 (швед.) в группе писем С. К.

² Это начало 1886 г., когда Миттаг-Леффлер стал ректором Стокгольмской высшей школы. См. письмо 98.

86

¹ Записка 308 (швед.) в группе писем С. К.

² Л. Боше, профессор истории права, по приглашению Фонда Лорена прочитал в Стокгольме 30 лекций по политической экономии. В его трудах есть статьи, относящиеся к истории шведского права. О том, что он выступал в Стокгольме одновременно с М. Ковалевским, т. е. начиная с февраля 1888 г., есть свидетельство М. М. Ковалевского (*Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1961, с. 398*). Таким образом, эта записка относится к февралю или марту 1888 г.

87

¹ Записка 315 (фр.) в группе писем С. К.; начало 1888.

88

¹ Записка 249 (фр.) в группе писем С. К.

² В мае 1888 г. Ковалевская писала А.-Ш. Леффлер: «Мне ужасно хочется изложить этим летом на бумаге те многочисленные картины и фантазии, которые роятся у меня в голове... Никогда не чувствуешь такого сильного искушения писать романы, как в присутствии М[аксима], потому что, несмотря на свои грандиозные размеры (которые, впрочем, нисколько не противоречат типу истинного русского боярина), он самый подходящий герой для романа (конечно, для романа реалистического направления), какого я когда-либо встречала в жизни. В то же время он, как мне кажется, очень хороший литературный критик» (*Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1961, с. 302*). Возможно, что какую-то новеллу Софья Васильевна читала Максиму Максимиовичу осенью 1888 г.

³ А. Кей был привлечен к разбору дела с неприятной для М. М. Ковалевского газетной статьей (см. письмо 147).

89

¹ Записка 235 (фр.) в группе писем С. К.

² Ковалевская читала лекции по теории эллиптических функций осенью 1888 г.

90

¹ Записка 250 (фр.) в группе писем С. К.

² Ответ на записку Миттаг-Леффлера, который, видимо, предложил Ковалевской денег займа.

91

¹ Записка 254 (швед.) в группе писем С. К. Она написана жене Миттаг-Леффлера.

² «Фру Марианна» — роман Виктории Бенедиктсон «Fru Marianne» (1887). Имеется собрание ее сочинений: *Samlade Skrifter; 7 Bd., Stockholm, 1918—1920*.

³ Роман Ги де Мопассана «Пьер и Жан».

⁴ *Macaulay T.-B. Works. L., 1838. Vol. 1—12; рус. пер. Полн. собр. соч. СПб., 1860—1866. Т. 1—16*.

92

¹ Записка 257 (швед.) в группе писем С. К.

² Вероятно, кто-то из семьи астронома Г. Гюльдена.

² Свальнес, видимо, именно Пальме.

93

¹ Записка 277 (швед.) в группе писем С. К.

² Арне Гюльден — сын Г. Гюльдена.

³ Вручение Ковалевской премии Боргена состоялось в Париже 24 декабря 1888 г. Таким образом, записка относится к декабрю 1888 г.

94

¹ Записка 260 (швед.) в группе писем С. К.

² См. письмо 135, где Миттаг-Леффлер говорит о статьях Болина и Хилла.

95

¹ Записка 261 (фр.) в группе писем С. К.

² Видимо, письмо о смерти А. В. Жаклар, сестры С. В. Ковалевской, в 1887 г. Это позволяет примерно датировать записку.

96

¹ Записка 276 (фр.) в группе писем С. К.

² Видимо, речь идет о переписывании статьи Ковалевской на премию Парижской академии наук.

97

¹ Записка 287 (швед.) в группе писем С. К.

² Видимо, письмо Чебышева от 20 октября 1888 г. (ст. ст.). Оно напечатано в 5-м томе Полного собрания сочинения П. Л. Чебышева (1951, с. 417). В нем Чебышев просит опубликовать в журнале «Acta mathematica» его статью «Об интегральных вычетах, доставляющих приближенные величины интегралов». — *Acta math., 1888—1889, t. 12, p. 287—322*; см.: Полн. собр. соч., 1947, т. 3, с. 191—225.

³ Повесть «Сомнение» А.-К. Леффлер-Эдгрен была напечатана в 5-м томе «Вестника Европы» (1888, с. 146—196). Вместо фамилии переводчика указана подпись «М. В.» — это М. В. Лучицкая.

98

¹ Записка 280 (швед.) в группе писем С. К.

² См. записку 97, примеч. 3.

³ Рассказ А.-Ш. Леффлер «Кусок хлеба» напечатан в журнале «Русское богатство» (1893, № 10, с. 117—144). Фамилия автора — Лефлер, переводчик не указан.

⁴ Ответ Ковалевской на письмо Чебышева от 20 октября 1888 г. (см. записку 97) не сохранился.

⁵ *Bertrand J. Calcul des probabilités. P., 1888*.

99

¹ Записка 282 (швед.) в группе писем С. К.

² По-видимому, конкурсной работы Ковалевской.

100

¹ Записка 283 (швед.) в группе писем С. К.

101

¹ Записка 285 (швед.) в группе писем С. К.

² Кей был председателем правления Фонда Лорена (см. письмо 82), который

пригласил Ковалевского читать лекции в Стокгольме.

³ Весной 1888 г. по предложению Миттаг-Леффлера М. М. Ковалевский ездил в Упсалу.

102

¹ Записка 286 (швед.) в группе писем С. К.

² Видимо: *Tait P.-G. Lectures en some recent advances in physical science*. II ed. L., 1871; *Tait P.-G. Properties of Matter*. Edinburgh, 1865.

³ Возможно: *Thomson W., Tait P.-G. Elements of natural philosophy*. Oxford, 1867; *Handbuch der theoretischen Physik*. Autor. Übers. v. H. Helmholtz und G. Wertheim. Braunschweig, 1871—1874. *Helmholtz H. Populäre wissenschaftliche Vorträge*. B., 1865—1876. Bd. I—III.

⁴ Ковалевская решила начать брать уроки итальянского языка перед предполагавшейся летом 1888 г. поездкой в Италию.

⁵ Ковалевский читал в Стокгольме лекции о происхождении и развитии семьи и собственности, издав на их основе книгу: *Kovalevsky M. Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété*. Stockholm, 1890. Книга посвящена С. В. Ковалевской.

103

¹ Записка 271 (фр.) в группе писем С. К. Вероятно, относится к маю 1888 г., судя по обсуждаемым в записке планам летних поездок.

² Имеется в виду книга: *Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе*. М., 1890. Т. 1, 2.

104

¹ Записка 288 (швед.) в группе писем С. К.

² У В. Томсона было несколько статей о диссипации энергии. Первая по времени из них: *Thomson W. On universal tendency in nature to the dissipation of mechanical energy*.— *Proc. R. S. Edinburgh*, 1852. Перепечатано в: *Philosoph. Magazine*, 1852, II part; *Mathematical and Physical Papers*, 1882, vol. 1, p. 456—459.

105

¹ Записка 289 (швед.) в группе писем С. К.

² Видимо, Ковалевская давала просмотреть рукопись статьи, написанной на премию Парижской академии наук, Миттаг-Леффлеру и Фрагмену.

³ Седерьельм — студентка Стокгольмской высшей школы.

106

¹ Записка 293 (швед.) в группе писем С. К.

107

¹ Записка 302 (швед.) в группе писем С. К.

108

¹ Записка 298 (швед.) в группе писем С. К.

² Видимо, Угглас выйдет из состава Правления Высшей школы.

109

¹ Записка 305 (фр.) в группе писем С. К.

² Стокгольмская газета, редактором которой был тогда Монтан.

³ Вероятно, это статья о М. М. Ковалевском (см. письмо 147).

110

¹ Записка 309 (швед.) в группе писем С. К., вероятно, относится к 1888 г., когда Ковалевская работала над задачей о вращении твердого тела.

² Статьи О. Штауде: *Staudé O. Über hyperelliptische Integrale zweiter und dritter Gattung*.— *Acta math.*, 1886, t. 8, p. 81—92; *Über eine Gattung transcenderter Raumcoordinaten*.— *Acta math.*, 1887, t. 10, p. 183—200. Первая из этих статей рассматривалась Ковалевской, как членом редколлегии журнала. Об этом сказано в письме к ней от О. Штауде от 12.12.85, в котором он сообщает, что внес в свою статью требуемые редакцией изменения. (См.: Письма С. В. Ковалевской от иностранных корреспондентов / Публ. П. Я. Кочиной. Препринт ИПМ № 121. М., 1979, с. 50).

³ Вероятно, эти сведения о гиперэллиптических функциях могли понадобиться Ковалевской при работе над задачей о вращении твердого тела.

111

¹ Записка 291 (швед.) в группе писем С. К.

² Вероятно, это осень 1888 г.

112

¹ Записка 304 (швед.) в группе писем С. К.

² Фриц Леффлер, брат Гёсты Миттаг-Леффлера.

113

¹ Записка 313 (фр.) в группе писем С. К.

114

¹ Записка 314 (швед.) в группе писем С. К.

115

¹ Записка 316 (швед.) в группе писем С. К. Вероятно, осень 1888 г.

116

¹ Записка А (швед.) в группе писем М.-Л. в конверте 7; также ААН СССР, ф. 603, оп. 1, альбом 40.

² Речь идет о присуждении шведских орденов французским математикам.

³ Судя по упоминанию рождественского отпуска, записка относится к январю 1889 г.

⁴ Миттаг-Леффлер занимался бракоразводным процессом Анны-Шарлотты и Г. Эдгрена, хлопотами об отпуске для Ковалевской, делами, связанными с присуждением премии короля Оскара II.

117

¹ Записка 358 (швед.) в группе писем С. К.

² Записка относится ко времени пребывания Ковалевской и Миттаг-Леффлера

в Париже во время Всемирной выставки 1889 г. Открытие выставки было назначено на 5 мая, но предварительное открытие, вернисаж для избранных, состоялось 4 мая.

118

¹ Записка 359 (швед.) в группе писем С. К.

² Жаклар сотрудничал в газете «La Justice» (Справедливость).

119

¹ Записка 13 (швед.) в группе писем М.-Л. в конверте 7; также ААН, ф. 603, оп. 1, альбом 40. Лето 1889 г.

² Ковалевская хотела получить должность профессора в Нормальной школе в г. Севре (женской). Об этом она писала Миттаг-Леффлеру, а тот Вейерштрассу. Вейерштрасс считал такую должность совершенно не подходящей для нее: «Сказали бы, что Ты сама почувствовала себя недостаточно подготовленной для университетской профессуры, и тем самым доказала бы, что женщины непригодны как преподаватели и представители точных наук». (Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской. М., 1973, с. 281. Письмо от 12 июня 1889 г.).

³ Заявление Ковалевской о ее желании быть профессором в Стокгольмской высшей школе с 1889 г. (по истечении предыдущих пяти лет). См. письма 170, 173—175, 178—180.

⁴ Вейерштрасс в том же письме от 12 июня 1889 г. также советовал Ковалевской не отказываться от места в Стокгольме, а, напротив, выяснять возможность этого места и до тех пор, пока это не будет сделано, не предпринимать никаких шагов, которые указывали бы, что она не хочет оставаться там.

120

¹ Записка 360 (швед.) в группе писем С. К.; лето 1889.

² Письмо от К. Вейерштрасса; видимо, письмо, датированное 12 июня 1889 г. К нему было приложено письмо Вейерштрасса к Миттаг-Леффлеру. См.: Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской. М., 1973, с. 281—283.

121

¹ Записка 361 (швед.) в группе писем С. К.

² См. письма 170—180. Письмо должно было быть посвящено просьбе Ковалевской о ее утверждении профессором на новый срок.

122

¹ Записка 362 (швед.) в группе писем С. К.

² В письме Вейерштрасса от 1 февраля 1889 г. говорится о статье П. Дюбуа-Реймона, посвященной Ковалевской, которая была напечатана в газете «Nationalzeitung» (См.: Письма Карла Вейерштрасса к Софье Ковалевской. М., 1973, с. 280). Статья была написана, видимо, в связи с премией, полученной Ковалевской в Париже. Русский перевод статьи имеется в кн.: Ариян П. Н. Первый женский ка-

лендарь. Год II, на 1900 г. СПб., с. 304—317.

³ Речь идет о книге «Воспоминания детства», впервые изданной на шведском языке в 1889 г. Немецкий перевод появился позже: *Kowalewsky Sonja. Kindheitserinnerungen von ihr selbst erzählt.* Halle, 1896, 1 Teil. 136 S.

123

¹ Записка 366 (швед.) в группе писем С. К.

124

¹ Записка 367 (швед.) в группе писем С. К.

125

¹ Записка 368 (швед.) в группе писем С. К.

² Теорию эллиптических функций и ее приложения Ковалевская читала в осенних семестрах 1888 и 1889 гг.

126

¹ Записка 369b (швед.) в группе писем С. К.

127

¹ Записка 369c (швед.) в группе писем С. К.

² Слова из этой записки приведены А.-К. Леффлер в ее книге «Софья Ковалевская» (рус. пер. М. Лучицкой, СПб., 1893, с. 226).

128

¹ Записка 415 (фр.) в группе писем С. К.

² Речь идет об одном из театральных деятелей: Э. К. Стрёмберге или Ю. Ф. Стрёмберге.

³ Вильям Томас — американский посол в Швеции.

129

¹ Записка 380a (швед.) в группе писем М.-Л.

² Вильям Томас (записка 128, примеч. 3).

³ Мама — мать Г. Миттаг-Леффлера.

⁴ Вероятно, речь идет об одном из двух романов Э. Золя: «Земля» (*La Terre*, 1888) или «Человек-зверь» (*La bête humaine*, 1890).

130

¹ Записка 380 (швед.) в группе писем С. К.

² Тетя — мать Миттаг-Леффлера.

131

¹ Записка 382 (швед.) в группе писем С. К.

² Дьюрскольм — место, где был дом Миттаг-Леффлера, окрестность Стокгольма, куда он переехал, видимо, в 1890 г.

132

¹ Записка 391 (швед.) в группе писем С. К.

² Речь идет о повести «Нигилистка», впервые напечатанной в шведском переводе: *Kowalewsky S. Vera Vorontzoff. Berättelse ur ryska lifvet.* Stockholm, 1892. На русском языке — в 1892 г. с предисловием М. М. Ковалевского: *Sophie Kowalewska. Une nihiliste.* Нигилистка. Софья

Ковалевской. Женева: Вольная русская типография, 1892. В Москве в 1906 г. Переиздана в кн.: *Ковалевская С. В.* Воспоминания: Повести. М., 1974, с. 90—156.

³ Общество 15 — это увеличившееся «Общество тринадцати», о котором см. примеч. 4 к письму 145.

⁴ Молодые Гейерстамы — видимо, братья Гейерстам, Густав и Карл.

133

¹ Записка 392 (швед.) в группе писем С. К.

² Видимо, записка относится к апрелю 1890 г., когда Ковалевская получила отпуск и поехала в Россию в надежде быть избранной академиком Петербургской академии наук.

³ *Толстой Л.* Крейцерова соната (1887—89); шведский перевод В. Хедберг: *Tolstoy L. Kreutzersonaten*. Stockholm, 1890.

134

¹ Записка 388 (швед.) в группе писем С. К.

² Список работ Ковалевской (составленный, как следует из этой записки, Г. Миттаг-Леффлером) был напечатан в «Русской старине», СПб., т. 68, 1890, № 11, с. 581—582 под заглавием «Математические и литературные труды С. В. Ковалевской в 1874—1890», с ее портретом и предисловием «От редакции».

³ Статья С. В. Ковалевской «Мемуар об одном частном случае задачи о вращении тяжелого тела вокруг неподвижной точки, когда интегрирование производится с помощью ультраэллиптических функций времени». См. [9].

⁴ Герцог — муж Анны-Шарлотты, дель Пеццо, герцог ди Кайанелло.

135

¹ Записка 389 (швед.) в группе писем С. К.

² Г. Кобб — шведский математик, доцент Стокгольмской высшей школы. По-видимому, ученик Ковалевской и Миттаг-Леффлера.

³ Биография Ковалевской — видимо, ее «Воспоминания детства», напечатанные в журнале «Вестник Европы», СПб., 1890, с. 55—98, 584—640. В том же году была напечатана статья ее учителя И. И. Малевича «Софья Васильевна Ковалевская, доктор философии и профессор высшей математики, в воспоминаниях первого по времени ее учителя И. И. Малевича». — Русская старина, 1890, т. 65, № 12, с. 615—654, на с. 615—617 помещено предисловие «От редакции» (редактором был С. И. Семевский).

⁴ В «Вестнике Европы» в 1888 г. была напечатана повесть А.-К. Леффлер «Сомнение», повесть «В борьбе с обществом» напечатана в журнале «Северный вестник», 1889, № 6, с. 101—174.

⁵ *Ковалевская С. В.* Воспоминания из времен польского восстания. Впервые опубликованы в «Северном журнале» в 1891 г.: *Rajevsky Tanja. Ett barndomsminne från polska uppresningen*. — Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industri. Ny följd 1891, II häften. Stockholm, Kristiania, Helsingfors, København. *Kovalev-*

sky S. Vera Vorontzoff: Berättelse ur ryska lifvet. Stockholm, 1892. Перевод со шведского сделан Софьей Владимировной Ковалевской. См. в кн.: *Ковалевская С. В.* Воспоминания. Повести. М., 1974, с. 342—357.

136

¹ Записка А (швед.) в группе писем М.-Л., в конверте 7; также ААН, ф. 603, оп. 1, альбом 40.

² Миттаг-Леффлер хотел, чтобы король посоветовал русскому послу содействовать расширению подписки на журнал «Acta mathematica» в России.

137

¹ Записка 396 (швед.) в группе писем С. К.

² День рождения Миттаг-Леффлера — 16 марта. Следовательно, дата этой записки 15 марта 1890 г.

³ Речь идет о статье Миттаг-Леффлера [65], к ней была приложена статья [66], которую Ковалевская переводила для «Acta mathematica» [70].

138

¹ Записка 394 (швед.) в группе писем С. К.

² Возможно, это был снимок-силуэт.

³ Записка написана в день рождения Миттаг-Леффлера, 16 марта 1890 г.

⁴ Вероятно, имеется в виду премьера пьесы Стриндберга «Кредиторы» (*Fordringsägare*, 1890).

139

¹ Записка 392 (швед.) в группе писем С. К.

² Речь идет о работе Миттаг-Леффлера, упомянутой в записке 137 и письме 194. Таким образом, данную записку можно отнести к марту 1890 г.

140

¹ Записка 390 (фр.) в группе писем С. К.

² Может быть, к Ковалевскому, который там жил. См. записки 111, 112.

³ См. примеч. к записке 137 и к письму 194. Таким образом, и эту записку следует отнести к марту 1890 г.

141

¹ Записка 413 (фр.) в группе писем С. К.

² Пасха в 1890 г. была 1/13 апреля.

142

¹ Записка 395 (швед.) в группе писем С. К.

² Возможно, г-жа Бекман — жена журналиста Е. И. Бекмана. Биографический очерк о Ковалевской был напечатан, например, в американском журнале «Nature», 1890—1891, vol. 43, p. 375—376.

³ Р. Милле, французский посол в Стокгольме, читал перевод воспоминаний Ковалевской на французский язык. (Примеч. 6 к письму 182).

143

¹ Записка 398 (швед.) в группе писем С. К.

² Может быть, Г. Фредриксон, шведский актер и режиссер.

³ В 1890 г. вышел роман Э. Золя «Человек-зверь»: *La bête humaine*. Paris, 1890.

144

¹ Записка 400 (швед.) в группе писем С. К.

² Журнал Крелле — см. примеч. 12 к письму 4.

³ Диссертация Брунса: *Bruns E. H. De proprietate quadam functionis potentialis corporum homogeneorum*. В., 1871.

⁴ *Lamé G. Leçons sur les fonctions inverses des transcendentes et les surfaces isothermes*. Р., 1857, t. 1.

⁵ Вероятно, это «Лекции по динамике» Якоби: *Jacobi C. Vorlesungen über Dynamik*. В., 1866.

145

¹ Записка 402 (швед.) в группе писем С. К.

² *Fritze's bokhandel* — книжный магазин фирмы Фрице (швед.).

146

¹ Записка 404 (швед.) в группе писем С. К.

² Линдстедт был профессором Высшей технической школы и, видимо, временно читал в ней механику.

147

¹ Записка 407 (швед.) в группе писем С. К.

148

¹ Записка 409 (швед.) в группе писем С. К.

149

¹ Записка 411 (швед.) в группе писем С. К.

150

¹ Записка 412 (швед.) в группе писем С. К.

² Может быть, роман Мопассана «Наше сердце» (*Notre coeur*, 1890) или «Сильна, как смерть» (*Fort comme la mort*, 1889).

151

¹ Записка 416 (фр.) в группе писем С. К.

² «Экспресс» — ледакол, ходивший в Финляндию (сведения С. Вл. Ковалевской).

152

¹ Записка Е (швед.) в группе писем М.-Л. из конверта 7, также ААН, ф. 603, оп. 1, альбом 40.

153

¹ Записка 418 (швед.) в группе писем С. К.

² Записка датируется 4 февраля 1891 г. — днем возвращения С. В. Ковалевской в Стокгольм из поездки по Италии.

³ У Ковалевской ошибка, вероятно, вследствие болезни, написано «Гёста» вместо «Соня».

154

¹ Записка 419 (швед.) в группе писем С. К.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. В. КОВАЛЕВСКОЙ

1850 г. 3/15 января в семье полковника артиллерии Василия Васильевича Круковского (с 1856 г. Корвин-Круковского) родилась дочь Софья. Мать, Елизавета Федоровна, урожденная Шуберт.
1868 г. 15/27 сентября — Софья Васильевна Корвин-Круковская вышла замуж за Владимира Онуфриевича Ковалевского. Отъезд в Петербург для научных занятий.
1869 г. апрель — отъезд в Гейдельберг.
1870 г. октябрь — переезд в Берлин и начало занятий с Вейерштрассом.
1874 г. июль — присуждение С. В. Ковалевской степени доктора философии Геттингенским университетом *summa cum laude* — с отличием.
1878 г. 5/17 октября — рождение дочери Софьи Владимировны Ковалевской.
1879 г. 28 декабря/9 января 1880 г. — доклад С. В. Ковалевской на VI съезде русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге: «О приведении абелевых интегралов 3-го ранга к эллиптическим».
1881 г. 17/29 марта — избрание С. В. Ковалевской в члены Московского математического общества.
1882 г. 24 июля — избрание ее в члены Математического общества в Париже.
1883 г. 15/27 апреля — смерть Владимира Онуфриевича Ковалевского.

1883 г. 22 августа/4 сентября — доклад С. В. Ковалевской на VII съезде русских естествоиспытателей и врачей «О преломлении света в кристаллах».
1883 г. 18 ноября — приезд С. В. Ковалевской в Стокгольм.
1884 г. 11 февраля — первая лекция в Стокгольмской высшей школе.
1884 г. 28 июня — назначение С. В. Ковалевской профессором Стокгольмской высшей школы на 5 лет.
1888 г. 18 декабря — Парижская академия наук присудила С. В. Ковалевской премию Бордена [8, 9], 24 декабря — вручение премии.
1889 г. 7/19 ноября — избрание С. В. Ковалевской членом-корреспондентом Петербургской академии наук на физико-математическом отделении Академии, утвержденное общим собранием Академии наук 2/14 декабря.
1889 г. — присуждение С. В. Ковалевской премии Шведской королевской академии наук за дополнительный мемуар о вращении твердого тела [10].
1889 г. — утверждена пожизненным (*à vie*) профессором Стокгольмской высшей школы.
1891 г. 29 января (10 февраля) — С. В. Ковалевская скончалась.

2. ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА

1846 г. 16 марта — родился Магнус Густав (Гёста, Йёста) Миттаг-Леффлер (г. Стокгольм).
1865—1872 гг. — студент Упсальского университета.
1872—1873 гг. — доцент математики в Упсале.
1873—1876 гг. — годы учебы в Германии и Франции в качестве стипендиата.
1877—1881 гг. — профессор математики в Гельсингфорском университете.
1881—1911 гг. — профессор математики в Стокгольмской высшей школе.
1883 г. — избран членом Шведской королевской академии наук.
1882 г. — женитьба на Сигне Юлии Эмилии Линдфорс.

1882 г. — создание журнала «Acta mathematica».
1885—1886 и 1891—1892 гг. — ректор Стокгольмской высшей школы.
1896 г. — избран иностранным членом Лондонского королевского общества.
1896 г. — избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук.
1899 г. — избран иностранным членом Академии деи Линчии в Риме.
1900 — избран членом - корреспондентом Парижской академии наук.
1926 г. — избран почетным членом Академии наук СССР.
1927 г. 12 июля — Г. Миттаг-Леффлер скончался.

3. КУРСЫ. ПРОЧИТАННЫЕ С. В. КОВАЛЕВСКОЙ В СТОКГОЛЬМСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ¹.

1. Теория уравнений в частных производных. Весна и осень 1884.
2. Теория алгебраических функций, по Вейерштрассу. Весна 1885.
3. Элементарная алгебра. Весна 1885.
4. Теория абелевых функций, по Вейерштрассу. С осени 1885 до весны 1887.
5. Теория потенциальных функций. Весна 1886.
6. Теория движения твердого тела. Осень и весна 1886 и весна 1887.
7. О кривых, определяемых дифферен-

циальными уравнениями, по Пуанкаре. Осень 1887 и весна 1888.

8. Теория функций θ , по Вейерштрассу. Весна 1888.

9. Приложения теории эллиптических функций. Осень 1888.

10. Теория эллиптических функций, по Вейерштрассу. Осень 1889.

11. Теория уравнений в частных производных. Весна 1890.

12. Применение анализа к теории целых чисел. Осень 1890.

4. ЛИТЕРАТУРА

I. Научные работы С. В. Ковалевской

1. Zur Theorie der partiellen Differentialgleichungen. Inaugural Dissertation, 1874; см. также в: J. reine und angew. Math., 1875, Bd. 80, S. 1—32.
2. Über die Reduction einer bestimmten Klasse Abel'scher Integrale 3-en Ranges auf elliptische Integrale.— Acta math., 1884, vol. 4, p. 393—414.
3. О приведении некоторого класса абелевых интегралов 3-го ранга к эллиптическим интегралам.— В кн.: Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей, 20—30 декабря 1879 г. (ст. ст.). СПб., 1880, с. 207.
4. Об интегрировании дифференциальных уравнений с частными производными, определяющих преломление света в прозрачной кристаллической среде.— Протоколы VII съезда русских естествоиспытателей и врачей. Одесса, 1883, с. 1—2.
5. Sur la propagation de la lumière dans un milieu cristallisé.— C. r. Acad. Sci., 1884, t. 98, p. 356—357.
Om ljusets forplantning uti ett kristalliniskt medium: Öfversigt af Kungl. Vetenskaps-Akademiens Förhandlingar. Stoskholm. 1884, bd. 41, p. 119—121.
6. Über die Brechung des Lichtes in cristallinischen Mitteln.— Acta math., 1885, vol. 6, p. 249—304.
7. Zusätze und Bemerkungen zu Laplace's Untersuchung über die Gestalt der Saturnringe.— Astron. Nachr., 1885, Bd. 111, S. 37—48.
8. Sur le problème de la rotation d'un corps solide autour d'un point fixe.— Acta math., 1889, vol. 12, p. 177—232.
9. Mémoire sur un cas particulier du problème de la rotation d'un corps pesant autour d'un point fixe, où l'intégration s'effectue à l'aide de fonctions ultraelliptiques du temps.— Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des sciences de l'Institut National de France. P., 1890, t. 31, p. 1—62.

10. Sur une propriété du système d'équations différentielles qui définit la rotation d'un corps solide autour d'un point fixe.— Acta math., 1890, vol. 14, p. 81—93.

11. Sur un théorème de M. Bruns.— Acta math., 1891, vol. 15, p. 45—52; см. также: Notes et Mémoires présentés à la conférence de Mathématique de l'université de Stockholm, t. 1.

12. Движение твердого тела вокруг неподвижной точки: Сборник / Под ред. С. А. Чаплыгина, Н. И. Мерцалова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 11—49; с. 50—60; с. 61—71.

13. Научные работы / Ред. и коммент. П. Я. Полубариновой-Кочиной. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 368 с. (Классики науки)².

II. Литературные произведения С. В. Ковалевской

14. Kovalevsky S. V. Der Privatdozent, 1877 (указано: New Intern. Encycl. N. Y., 1935, vol. XIII, p. 358).

15. Ковалевская С. В. Воспоминания о Джорже Эллиоте.— Русская мысль, 1886, № 6 (июнь), с. 93—108; см. также в кн.: [41], с. 150—167; [44], с. 230—244.

16. Kowalewsky S., Leffler A.-C. Kampen för Lyckan. Stockholm, 1887.

17. Kowalewsky S. Vae victis.— Nornä, 1887 (указано: Nature, 1887; Ann. Mat., 1889). См. также: [44, с. 182—210].

18. Софья Нурон [С. В. Ковалевская]. В больнице La Charité.— Русские ведомости, 1888, № 297, 28 октября. См. также в кн.: [44, с. 267—275].

18а. Софья Нурон [С. В. Ковалевская]. В больнице La Salpêtrière.— Русские ведомости, 1888, № 301, 1 ноября. См. также в кн.: [44, с. 275—281].

19. Kovalevsky Sonja. Ur ryska lifvet. Systrarna Rajevski. Stockholm, 1889. 277 p.

20. Kowalewsky S. Vae victis.— Yul almanack, 1889.

21. Ковалевская С. В. Три дня в крестьянском университете в Швеции.— Северный вестник, 1890, № 11, с. 133—161. См. также в кн.: [44, с. 244—267].

¹ Mittag-Leffler G. Sophie Kovalevsky. Notice biographique.— Acta math., 1893, t. 16, p. 392.

² В этой книге содержатся все научные работы С. В. Ковалевской в переводе на русский язык.

22. Ковалевская С. В. Воспоминания детства.— Вестник Европы, 1890, № 7, с. 55—98; № 8, с. 584—640. (О др. изданиях см. [44, с. 507—508]).

23. Ковалевская С. Знакомые. Письмо 9.V.1890 (Запись С. В. Ковалевской в альбоме М. И. Семевского).— Русская старина, 1890, № 9, с. 640—641. См. также в кн.: [41, с. 137—138].

24. Софья Васильевна Ковалевская, профессор высшей математики. Автобиографический рассказ 29 мая 1890 г. [Стенографическая запись рассказа С. В. Ковалевской в редакции журнала. Подготовлена к печати Ф. В. Корвин-Круковским].— Русская старина, 1891, № 11, ноябрь, с. 450—463. См. также в кн.: [41, с. 138—149; 44, с. 367—377].

25. *Rajevski Tanja* [С. Ковалевская]. Ett barndomsminne från polska upperingen. [Раевская Таня. Из воспоминаний детства о польском восстании].— Nord. tidskr., 1891. См. также в кн.: [44, с. 342—357].

26. *Rajevski Tanja* [С. Ковалевская]. Familjen Vorontzoff (Семья Воронцовых).— Nord. tidskr., 1891 (указано: Svensk bokkatalog).

27. Ковалевская С. В. Посмертное стихотворение.— Вестник Европы, 1892, № 2. См. также в кн.: [41, с. 317—319; 44, с. 311—312].

28. Ковалевская С. В., Леффлер А.-Ш. Борьба за счастье. Две параллельных драмы. Сочинено быв. проф. Стокгольмского университета Софиею Ковалевской совместно с Алисою³ Карлоттою Леффлер / Пер. со швед. М. Лучицкой. Киев, 1892. См. также в кн.: [44, с. 381—482].

29. *Kovalevsky Sonja*. Vera Vorontzoff. Berättelse ur ryska lifvet. 2-a uppl. tillökad med Efterskörd (Ellen Key) ur Sonja Kovalevskys papper Stockholm: Alb. Bonnier, 1893. 335 p., 1 pt; första uppl. 1892.

30. Борьба за счастье: Драма в 5-ти действиях, с прологом, соч. С. Ковалевской и А. Леффлер / Пер. со швед. М. Лучицкой. Поставлена в первый раз в Москве, на сцене театра Ф. А. Корша, в бенефис артистки Л. Б. Яворской, 18 февраля 1894 г. режиссером театра Д. А. Александровым.— Сцена, вып. VII, изд. С. Разсохина.

31. Ковалевская С. В. Литературные сочинения. СПб., 1893. 320 с.

32. *Kovalevsky S. Souvenirs d'enfance de Sophie Kovalevsky écrits par elle-même et suivis de sa biographie par M-me A.-Ch. Leffler duchesse de Cajanello*. P.: libr. Hachette et C°, 1895, 334 p.

33. *Kowalewsky Sonja*. 1. T. Kindheitserinnerungen von ihr selbst erzählt.— Deutschen v. M. Kurella, 1896. 136 S.

34. *Kowalewsky Sonja*. Die Nihilistin: Roman / Aus dem Russ. übers. von Louisa Flachs-Folkschaneanu. Wien, 1896.

35. *Kowalewsky Sonja*. Jugenderinnerungen / Aus dem Russ. übers. von Louise Flachs-Folkschaneanu. B., 1897. 205 S.

36. Ковалевская С. В. Если ты в жизни...— Женское дело, 1899, № 2, с. 3—4.

37. Ковалевская С. В. Нигилистка. Харьков: Пролетарий, 1928. 157 с. См. также в кн.: [44, с. 90—156].

38. Неизданная статья Софьи Ковалевской о Салтыкове / Публ. С. Я. Штрайха.— В кн.: Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1934, т. 13/14, с. 545—552. См. также в кн.: [44, с. 221—230].

39. Ковалевская С. В. Воспоминания и письма / Ред. и примеч. С. Я. Штрайха. М., Изд-во АН СССР, 1945. 227 с.

40. Ковалевская С. В. Воспоминания детства и автобиографические повести / Отв. ред. С. Л. Соболев. Примеч. С. Я. Штрайха. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

41. Ковалевская С. В. Воспоминания и письма / Отв. ред. М. В. Нечкина. Ред. и коммент. С. Я. Штрайха. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 576 с., 1961, 576 с.

42. Ковалевская С. Отрывки из рукописи о Н. Г. Чернышевском.— Огонек, 1953, № 29, с. 18—19.

43. Софья Ковалевская. Воспоминания детства. Нигилистка / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. А. Путинцева. М.: Худож. лит., 1960. 239 с.

44. Ковалевская С. В. Воспоминания, повести / Отв. ред. П. Я. Кочина. М.: Наука, 1974. 559 с.

45. *Sofya Kovalevskaya*. A Russian Childhood / Transl., ed. and intr. Beatrice Stillman; With an analysis of Kovalevskaya's Mathematics by P. Y. Kochina. N. Y. etc.: Springer-Verl., 1978. 252 p.

III. Избранные работы

Г. Миттаг-Леффлера⁴

46. Om skiljandet av rötterna till en synektisk funktion av en variabel. Stockholm, 1872. 68 p. Diss. Upsala univ. Årsskrift, 1872.

47. Beweis für den Cauchy'schen Satz.— Nachr. Ges. Wiss. Göttingen, 1875.

48. En metod att analytiskt framställa en funktion av rationell karaktär, vilken blir oändlig alltid och endast uti vissa föreskrivna oändlighetspunkter, vilkas konstanter äro på förhand angivna. Övers. Vet.-ak. Stockholm, 1876. Årg. 33, p. 3—16.

49. En metod att i teorien för de elliptiska funktionerna härleda de oändliga dubbelprodukterna utur multiplikationsformlerna. Övers. Vet.-ak. Stockholm, 1876, Årg. 33, p. 17—24.

50. Ytterligare om den analytiska framställningen av funktioner utav rationell karaktär. Övers. Vet.-ak. Stockholm, 1877, Årg. 34, p. 17—32.

51. Om den analytiska framställningen av en funktion av rationell karaktär med en godtyckligt vald gränspunkt. Övers. Vet.-ak. Stockholm, 1877, Årg. 34, p. 33—43.

52. Om den analytiska framställningen av en funktion av rationell karaktär med ett ändligt antal godtyckligt föreskrivna gränspunkter. Övers. Vet.-ak. Stockholm, 1877, Årg. 34, p. 31—41.

53. Till frågan om den analytiska framställningen av en funktion av rationell karaktär genom kvoten av två beständigt

³ Ошибочно, вместо Анной.

⁴ Полный список — 119 работ Г. Миттаг-Леффлера — приведен в статье: *Nörlund N. E.* G. Mittag-Leffler.— Acta math., 1927, t. 50, p. 1—23.

konvergerande potensserier. Övers. Vet.-ak. Stockholm, 1877, Arg. 34. 9 p.

54. Om den analytiska framställningen av funktioner av rationell karaktär utav flera oberoende variabler. Pars 1, 2. Stockholm: Övers. Vet.-ak. 1877, Arg. 34, p. 3—15, 17—31.

55. Extrait d'une lettre à M. Hermite sur la représentation analytique des fonctions monogènes uniformes d'une variable indépendante.—Bull. sci. math., 1879, (2), t. 3, p. 269—278.

56. О дифференциальных линейных уравнениях.—Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб., 1880, с. 186—188.

57. Sur les fonctions doublement périodiques de seconde espèce.—C. r. Acad. sci., 1880, t. 90, p. 177—180.

58. Sur la théorie des équations différentielles linéaires.—C. r. Acad. sci., 1880, t. 90, p. 218—221.

59. Sur les équations différentielles linéaires à coefficients doublement périodiques.—C. r. Acad. sci., 1880, t. 90, p. 299—300.

60. Sur les équations différentielles linéaires du second ordre.—C. r. Acad. sci., 1880, t. 91, p. 978—980.

61. Sur la théorie des fonctions uniformes d'une variable. 9 стратей.—C. r. Acad. sci., 1882, t. 94—95.

62. Über die Integration der Hermite'schen Differentialgleichungen der dritten und vierten Ordnung, bei denen die Unendlichkeitstellen der Integrale von der ersten Ordnung sind.—Ann. mat. pura appl., 1882/83, (2) t. 11, p. 65—80.

63. Sur la représentation analytique des fonctions monogènes uniformes d'une variable indépendante.—Acta math., 1884, vol. 4, p. 1—79.

64. Démonstration nouvelle du théorème de Laurent.—Acta math., 1884, vol. 4, p. 80—88.

65. Analytisk framställning av invarianterna till en linjär homogen differentialekvation. Stockholm: Övers. Vet.-ak. 1889, Arg. 46. p. 427—446.

66. Analytisk framställning av integra-

lerna till en linjär homogen differentialekvation för en cirkelring, vilken icke innesluter något singulärt ställe. Stockholm: Övers. Vet.-ak., 1889, Arg. 46. p. 415—426.

67. Sur les invariants d'une équation différentielle linéaire et homogène.—C. r. Acad. sci., 1889, t. 109, p. 3.

68. O. J. Broch. Nachruf.—Acta math., 1889, vol. 12, p. 1.

69. Sur une transcendente remarquable trouvée par M. Fredholm.—Acta math., 1891, vol. 15, p. 279—280.

70. Sur la représentation analytique des intégrales et des invariants d'une équation différentielle linéaire et homogène.—Acta math., 1891, vol. 15, p. 1—32.

71. Sophie Kovalevsky. Notice biographique.—Acta math., 1892/93, vol. 16, p. 385—392.

72. Weierstrass.—Acta math., 1897, vol. 21, p. 79—82.

73. Une page de la vie de Weierstrass.—C. r. 2e congr. math. P., 1902.

74. Charles Hermite.—Acta math., 1901, vol. 24, p. 395.

75. Niels Henrik Abel. Ord och bild. Stockholm, 1903, Arg. 12. 75 p.

76. Niels Henrik Abel. La Revue du mois. P., 1907, t. 4. 48 p.

77. Lorenz Leonard Lindelöf.—Acta math., 1908, vol. 31.

78. Sur la représentation arithmétique des fonctions analytiques générales d'une variable complexe.—Atti del 4 congr. Intern. dei mat., Roma, 1908. Roma, 1909.

79. Sur les fondements arithmétiques de la théorie des fonctions d'après Weierstrass.—C. r. Congr. math. tenu à Stockholm 1909. Leipzig; Berlin, 1910. 22 p.

80. Zur Biographie von Weierstrass.—Acta math., 1912, vol. 35, p. 29—65.

81. Weierstrass et Sonja Kowalevsky.—Acta math., 1923, vol. 39, p. 133—138.

82. Die ersten 40 Jahre des Lebens von Weierstrass.—Acta math., 1923, vol. 39, p. 1—57.

83. Zusätzliche Bemerkungen (zu d. Abhandl. v. Schoenflies: Die Krisis in Cantors math. Schaffen).—Acta math., 1927, vol. 50, p. 25—26.

5. ОТЗЫВЫ О РАБОТАХ С. В. КОВАЛЕВСКОЙ

(ААН СССР, ф. 603, оп. 1, альбом 50)

Отзыв Ш. Эрмита

(оригинал на французском языке)

Университет оказал мне честь, запросив мое мнение о математических работах г-жи Софьи Ковалевской, и я спешу представить ему оценку тех мемуаров знаменитого математика, которые мне лучше известны, сожалея о том, что у меня не хватило времени представить университету более глубокий и полный отзыв.

Аналитический талант г-жи Ковалевской проявился в первый раз в ее докторской диссертации «К теории уравнений в частных производных», опубликованной в 80-м томе журнала Борхардта. Эта прекрасная и важная работа имеет своим предметом фундаментальное предложе-

ние теории уравнений в частных производных, которое представляет собой отправную точку исследований, дополняющих наши познания в этой теории. Автор имела целью установить вполне строго существование единственного решения, удовлетворяющего данным начальным условиям.

Как и в случае обыкновенных дифференциальных уравнений, для которых аналогичная теорема имеется в знаменитом мемуаре Брио и Буке, в 36-й тетради Журнала Политехнической школы, здесь ограничиваются рассмотрением аналитических функций. Коши принадлежит первый метод доказательства этого

предложения, но г-же Ковалевской — неопенимая заслуга — внести в него предельную ясность, дать новый метод, более простой и легкий, добавив совершенно новое замечание, весьма важное, целиком принадлежащее ей.

В этой задаче прежде всего предполагается удовлетворить формально данному уравнению в частных производных рядом, расположенным по степеням независимых переменных, а затем надо доказать, что полученный ряд сходится в некоторой области. Было бы большой ошибкой думать, что всякий ряд, полученный с помощью метода неопределенных коэффициентов, формально удовлетворяющий уравнению, будет единственным, необходимо сходящимся в некоторой области. Именно здесь автор указала в высшей степени замечательный факт, который ускользнул от внимания Коши. Эта сходимость может быть установлена с полной уверенностью только в том случае, когда уравнение порядка n действительно содержит производные порядка n функции по всем независимым переменным. В этом случае уравнение имеет то, что г-жа Ковалевская называет нормальной формой; если это не так, то ряд, полученный по методу неопределенных коэффициентов, может быть расходящимся, и автор приводит в высшей степени интересный пример, рассматривая знаменитое уравнение теплопроводности.

В статье «Добавления и замечания к исследованию Лапласа о форме кольца Сатурна», опубликованной в *Astronomische Nachrichten*, Band 9*, г-же Ковалевской удалось путем остроумного анализа дополнить в важном пункте исследования Лапласа о кольцах Сатурна. Задача, которую имел в виду автор «Небесной механики», такова. Однородное тело, имеющее вид кольца, полученного вращением эллипса вокруг прямой, расположенной в его плоскости и параллельной одной из его осей, находится в равномерном вращательном движении, причем тело покрыто бесконечно тонким слоем однородной жидкости. Надо узнать, возможно ли равновесие этого жидкого слоя, предполагая, что он подвергается притяжению центрального тела. Для того чтобы можно было рассмотреть аналитически эту трудную проблему, Лаплас заменил при вычислениях потенциала кольца форму кольца формой бесконечного цилиндра.

Надо было иметь доверие к проникательности знаменитого геометра — как сказал Пуансо, который пренебрегает таким количеством величин, чтобы открыть путь к результатам большой важности, которые затем были полностью подвергнуты более строгому анализу. Ценою длинных вычислений г-жа Ковалевская углубленным изучением и искусными расчетами показала, что применением более точного метода получается иное уравнение между эксцентриситетом эллипса и массой центрального тела, чем полученное Лапласом.

Очень интересное замечание появилось у г-жи Ковалевской в процессе работы. Предполагив массу центрального тела

равной нулю, для фигуры кольца она получила такую же форму, какую оно имело бы, если бы было полностью жидким. Таким образом она пришла к вопросу, который позже рассматривал г-н Пуанкаре: о существовании равновесных кольцевых фигур. Анализ, мало отличающийся от анализа г-жи Ковалевской, позволил знаменитому аналитику рассчитывать приближенным способом форму этой кольцевой фигуры; я могу только полностью присоединиться к такой авторитетной похвале, какую высказал г-н Пуанкаре по поводу прекрасной работы, которую я только что подверг анализу.

Я останавлиюсь немного, поскольку недостаточно их изучил, на двух других работах, опубликованных в «*Acta mathematica*»: «О преломлении света в кристаллической среде» (т. 6) и «О приведении определенного класса абелевых интегралов 3-го ранга к эллиптическим интегралам» (т. 4).

Автор рассматривает во втором из этих мемуаров очень трудный вопрос о приведении к эллиптическим интегралам интегралов, дифференциалы которых являются алгебраическими функциями, когда это возможно вследствие наличия определенных соотношений между коэффициентами уравнения, определяющего эту алгебраическую функцию. Автор, пользуясь методом, принцип которого исходит от г-на Вейерштрасса, приходит к очень красивому результату относительно вида этого уравнения. Г-жа Ковалевская показывает, что первый его член есть однородная функция четвертой степени от трех рациональных функций двух переменных; затем она устанавливает, что приведение к эллиптическим интегралам получается тогда, когда четыре из двойных касательных к кривой 4-го порядка проходят через одну точку.

Мемуары, легкий эскиз которых я дал, свидетельствуют неопровержимо о ясном, точном уме и о высоком математическом таланте.

Теперь я привлеку внимание университета к открытию г-жи Ковалевской, которое живо заинтересовало геометров важностью предмета и чрезвычайной трудностью его. Академия наук Берлина на публичном заседании 1 июля 1872 г. предложила через журнал Дирихле* следующий вопрос на премию, сообщением о чем я обязан г-ну Липшицу:

«Известно, как ограничено число случаев, когда удастся получить в конечном виде или только привести к квадратурам интегралы дифференциальных уравнений динамики. Зная об усложнении, приложенных самыми великими геометрами по этому поводу, можно считать весьма вероятным, что большая часть проблем механики, решение которых не смогло быть получено в этих формах, такой природы, что они требуют иных аналитических форм исследования в рядах. После последних прекрасных исследований Якоби в задаче о вращении твердого тела, но подверженного действию никакой ускоряющей силы, представляется желательным сделать больше попыток дать приложению рядов более широкое развитие и

рассмотреть с их помощью те случаи вращения, которые еще не сведены к квадратурам. Такой случай представляется в задаче о вращении тяжелого твердого тела, в которой приведение к квадратурам осуществлено лишь в одном частном случае, рассмотренном Лагранжем. Академия предлагает как предмет конкурса решение этой задачи в такой формулировке: «Требуется, чтобы дифференциальное уравнение движения тела, которое свободно вращается вокруг неподвижной точки и которое не подвергается никакой ускоряющей силе, кроме силы тяжести, было проинтегрировано регулярными рядами, представляющими все необходимые величины, определяющие движение, в функциях времени».

В «Monatsberichte» 18 июля читаем, что ни один мемуар не был прислан на конкурс, и этот вопрос был предложен вновь. Это также не имело успеха, и по истечении следующих трех лет вопрос снова был поставлен Академией, что опять можно видеть в «Monatsberichte» за 8 июля 1878 г.

Большая и особая честь госпоже Ковалевской, даже с точки зрения Берлинской академии наук, за то, что она так полно рассмотрела и решила поставленный вопрос в более общей постановке Академии наук Парижа, которая присудила ей

премию Бордена, увеличив сумму премии на 2000 франков ввиду исключительного значения работы. Таким образом, открыт новый и плодотворный путь для интегрирования дифференциальных уравнений, открыт математическим талантом женщины, которой принадлежит заслуга в этом капитальном вопросе о вращении твердого тела переступить грань, на которой остановились самые великие геометры этого века. Наиболее глубокие аналитические теории современной науки, открытия Гёпеля и Розенхайна относительно новых трансцендент, являющихся обращением гиперэллиптических интегралов первого класса, использованы г-жой Ковалевской и послужили ей инструментом для ее [неразборчиво] работы о вращении.

Обширность математических познаний соединяется у нее с даром творчества, и я только выполняю долг истинной справедливости, торжественно заявляя со всей ответственностью геометра перед университетом, что по совокупности своих работ госпожа Ковалевская заслуживает быть причисленной к элите Аналитиков нашего времени.

Ш. Эрмит

Париж, 21 мая 1889 г.

Отзыв К.-А. Бьеркнеса (оригинал на норвежском языке)⁵

В Правление Стокгольмской высшей школы.

Уполномоченный Советом преподавателей Стокгольмской высшей школы в качестве специалиста, могущего высказать свое мнение о научных трудах г-жи Ковалевской и ее компетентности для занятия должности профессора математического анализа в этой школе, я имею сообщить следующее.

Авторитетная премия Академии наук Франции, присужденная г-же Ковалевской, говорит сама за себя, присуждение ее г-же Ковалевской свидетельствует о том, что она является выдающимся ученым. Вряд ли мое личное мнение здесь что-либо прибавит. Но поскольку мне поручено высказаться о ее работах, то я не колеблясь заявляю, что все работы г-жи Ковалевской, и в особенности ее последний труд, имеют громадное значение для прогресса науки. Попытаюсь сформулировать обоснование для такого мнения, опираясь на научную деятельность г-жи Ковалевской во всей ее широте.

Прикладная математика рано или поздно приводит к большим практическим результатам. Эти результаты сказываются в естественнонаучной области. Высоко оцененная работа г-жи Ковалевской посвящена вращению тел вокруг неподвижной точки, и она признана вкладом как в чистую математику, так и в физику, к которой эту работу даже скорей можно отнести. Однако все вопросы в работе решаются именно математическим путем,

и поэтому этот труд г-жи Ковалевской так интересен для чистых математиков. Итак, г-жой Ковалевской сделан вклад в рациональную механику. Еще одно замечание, ценное на мой взгляд с исторической точки зрения. Достижения Пуассона и Лагранжа в исследовании вышеупомянутой проблемы вращения тел теперь развиты в значительной степени. Г-жа Ковалевская вывела эти исследования, так сказать, на третью ступень. Г-жа Ковалевская продвинула вперед развитие этого учения, основы которого были заложены выдающимися учеными, и все ее исследования проведены на высочайшем научном уровне и оказали стимулирующее влияние на достижения в области естественных наук, т. е. тех наук, которые в последнее время радуют нас удивительными результатами. Этими результатами мы, несомненно, во многом обязаны глубоким исследованиям г-жи Ковалевской. Эти исследования представляют несомненный интерес и с чисто математической точки зрения. Особенно это касается вышеназванной общепризнанной работы. Эту работу надо рассматривать как лежащую на границе между чистой математикой и высшим анализом, поскольку частично работа является исследованием в области теоретической механики. Особенный интерес работы г-жи Ковалевской представляют потому, что она делает теоретические открытия, ведущие к практическим достижениям. Идя неуклонно к решению поставленной ею об-

⁵ Перевод Н. И. Крымовой и Д. К. Киселева.

щей задачи, она по пути решает и целый ряд побочных задач, которые оказывается возможным решить с помощью методов анализа, что, несомненно, получит признание и будет использовано учеными, пусть даже для этого потребуются дополнительные усилия и вклад других математиков.

Особенно важно, что решен целый ряд задач, представляющих собой раньше как бы недостающие звенья, необходимые для глубокого понимания ряда важнейших явлений не только в области анализа, но и в области механики и физики. За основными элементарными и эллиптическими функциями следуют математические принципы построения гиперэллиптических или розенхаймовских функций; прибавим сюда исследования Абеля и получим, что г-жа Ковалевская благодаря своему острому уму и глубокому анализу открыла третий этап в решении проблемы вращения. Этот новый этап открыла известная работа г-жи Ковалевской. Теперь можно успешно преодолевать дальнейшие трудности, совершенствовать решение и найти решение проблемы, в том числе и в смежных областях.

Великолепный, блестящий труд, глубокое знание теории функций стали основой для других трудов г-жи Ковалевской. Использование и дальнейшее совершенствование новых средств анализа даст нам возможность взяться за ранее непрístupные проблемы, представляющие интерес для естествоиспытателей. Не сомневаюсь, что станет возможно найти *относительно простые решения* и в удобных формах. Эти находки г-жи Ковалевской во все большей мере со временем будут служить на пользу науки, став инструментом для проникновения в глубь сложных проблем. Ее работы важны именно с этой точки зрения. А в остальном я должен подчеркнуть, что вся работа написана так, что она свидетельствует о прекрасной школе, о блестящем математическом таланте автора, который возшел на *вершины науки*. Работа отмечена дедуктивным методом, умением тонко вести рассуждения, подвергать критическому анализу утверждения, и если этой работе чего-либо недостает, то это ссылок, которые помогли бы рядовому читателю лучше ориентироваться в этом большом труде. Что же касается меня, то я предпочел бы остановиться на общем ходе изложения и выводах работы, более подробно.

Достойные похвалы эта и другие работы г-жи Ковалевской свидетельствуют о

ее несомненным таланте. Она оказала науке большие услуги, в особенности проведя исследования преломления света в кристаллических средах. Для того чтобы выяснить вопрос о дифференциальных уравнениях в частных производных для двойного преломления света, Ламе был вынужден прибегнуть к *вспомогательной гипотезе* и, таким образом, углубился в область математики, в которой еще не достигнут основополагающий результат. Во имя прогресса он был вынужден идти вперед, признавая недостаточность своего метода. Нужно время, чтобы вынести суждение о том, в какой степени и в каком масштабе применение вспомогательной гипотезы допустимо. Важнейшим шагом вперед в учении о колебаниях в кристаллической среде является более полная *рациональная позиция*, которая теперь создана благодаря исследованиям г-жи Ковалевской, развившей методы Вейерштрасса со свойственным ей потрясающим талантом и острым умом. В своей диссертации она проявила самостоятельность мышления, когда рассматривала в общем виде дифференциальные уравнения в частных производных. С помощью аналитических методов, введенных в наш век в область эллиптических функций, она достигла большого успеха и в области интегрирования. Немалый интерес представляет также то, как г-жа Ковалевская преодолела большие трудности, рассматривая связь между внутренними и внешними поверхностями волн.

Дело не только в значении трудов Ковалевской для чистой математики. Она ставит себе *более трудные и более широкие задачи как физик или даже как астроном*. Перед ее необыкновенным талантом и аналитическим даром исчезают трудности, и это направление в ее работе особенно важно для науки, так как тем самым она делает вклад, особенно актуальный в наши дни, и, как показывает [неразборчиво], это вызовет большой резонанс и получит дальнейшее развитие со временем.

После всего сказанного ясно: труды г-жи Ковалевской показывают, что она вполне компетентна для занятия должности в Стокгольмской высшей школе. Любое высшее учебное заведение можно было бы поздравить, если бы оно приобрело такого выдающегося исследователя и талантливого ученого, каким является г-жа Ковалевская.

Р.-А. Бьеркнес.
Христиания, 16 мая 1889 г.

Отзыв Э. Бельтрами (оригинал на французском языке)

Стокгольмскому университету.
Стокгольмский университет просил меня высказать свое мнение относительно научных трудов г-жи Ковалевской и о тех правах, какие они ей могут дать для получения звания ординарного профессора высшего анализа в этом университете. Спешу ответить на эту почетную для меня просьбу, дающую мне в то же вре-

Павия, 18 мая 1889
мя приятную возможность воздать должное истинным заслугам.

Труды, о которых идет речь, представляют собой образцы самого высокого и тонкого анализа; но в то время как два первых (Вступительная диссертация и мемуар, напечатанный в 4-м томе «Acta mathematica») по своей теме относятся

к чистой математике, три других касаются ее применения, столь же важного, сколь и трудного, к физике и механике. Занимаясь сам последние пятнадцать лет исследованиями такого рода, я позволяю себе остановиться лишь на этих последних работах, тем более что мне не хватило бы времени с достаточным вниманием рассмотреть две первые, высокую оценку которых, данную одним из моих самых выдающихся и компетентных коллег — сенатором Бетти из Пизы, я хорошо помню. Впрочем, достоверным фактом является тот, что точное решение вопросов механики чаще всего требует самых сложных способов анализа, что делает их пробным камнем для тех, кто ими занимается.

Я начну с очень значительного мемуара, появившегося в т. 6 «Acta mathematica» и озаглавленного «О преломлении света в кристаллической среде». Всякий, кто изучал теорию двойного преломления, изложенную Ламе, смог бы убедиться, как утомительно и запутанно его пространное заключительное исследование о возможности единого центра колебания, и многие читатели могли бы подумать, что исследование это ведется неверным путем. У г-жи Ковалевской зародилась мысль преодолеть эти трудности, предприняв непосредственное интегрирование дифференциальных уравнений движения эфира. И что вызывает еще большее восхищение — это то, что ей удалось полностью разрешить столь же смелую, сколь и трудную задачу. Она могла бы, конечно, использовать способы, уже давно обнародованные Пуассоном и Коши (для вопросов аналогичных, но более простых) и в значительной мере усовершенствованные г-ном Вейерштрассом, для этого исследования; но предстояло еще пройти длинный путь и преодолеть многие препятствия. Г-жа Ковалевская сумела довести дело до конца, не отступая нигде ни от изящества формы, ни от строгости выводов. Эта значительная глава математической оптики приобрела благодаря ей свою самую совершенную форму, и результаты гипотез, служивших ей базой, теперь могут быть развиты до мельчайших подробностей.

Мемуар, озаглавленный «Дополнения и замечания к исследованию Лапласа о форме кольца Сатурна», напечатанный по предложению знаменитого господина Гюльдена в т. 3 «Acta mathematica»*, значительно короче, чем предыдущий, но относится к вопросу небесной механики, не менее важному в этой области науки. Речь идет об условиях равновесия жидкости, покрывающей поверхность кольца, вращающегося вокруг центрального ядра. Лаплас решил этот вопрос при помощи сильно ограничивающих предположений, но его соображения не дают возможности четко установить степень приближения, какую в действительности можно было бы приписать сформулированным им результатам. Г-жа Ковалевская вернулась к этому вопросу, чтобы разработать его гораздо более широко и полно; посредством очень искусного анализа ей удалось не только уточнить эту степень

приближения, но и дать общий метод, при помощи которого можно было бы удовлетворить условиям этой задачи с любой желаемой степенью приближения. Больше всего приходится восхищаться в этой работе той уверенностью, с какой ученый-аналитик, не побоявшись сложных и длинных вычислений, идет к поставленной им цели и достигает ее, не сойдя с намеченного пути.

Что касается последнего мемуара «О вращении тяжелого тела вокруг неподвижной точки», в т. 12 «Acta», то оценка, сделанная Парижской академией наук, обосновывает меня от необходимости высказывания. Но все же я не могу удержаться от того, чтобы не отметить, что здесь идет речь о проблеме, которая на протяжении почти целого века была предметом усиленного изучения и которая была полностью решена только в двух случаях, связанных с именами Эйлера и Лагранжа. Блестящие геометрические выводы, принадлежащие Пуансо, сначала, казалось, должны были расширить путь, но, к сожалению, не дали ничего в отношении преодоления трудностей, какие представляет интегрирование, и скорее заставили опасаться, что этот путь останется закрытым. Г-же Ковалевской выпало счастье открыть новый интегрируемый случай при помощи хорошо известных функций. Я сказал — счастье, но это не то слово, так как всякое счастье преходяще, тогда как результат, достигнутый г-жой Ковалевской, останется и найдет свое место после классических результатов названных мною авторов в трудах по механике.

Теперь я должен ответить на вторую часть предложенного мне вопроса и сказать, можно ли рассматривать вышеназванные работы как дающие право на получение звания ординарного профессора в университете. Поскольку этот вопрос является скорее вопросом административного или юридического, а не научного характера, то и решение его не может быть абсолютным. Состоя в своей стране членом большого числа конкурсных комиссий и комиссий по присуждению званий, имея полномочия на обсуждение прав кандидатов на занятие различных кафедр по высшей математике, а также будучи в течение нескольких лет членом Высшего совета народного образования, который ревизует отчеты комиссий и затем выносит собственные окончательные предложения для представления министру, я со своей стороны склонен свести рассматриваемый вопрос к одному из тех, которые я уже неоднократно обсуждал: я хочу сказать об оценке данных для права назначения экстраординарного профессора (ежегодно утверждаемого министром) ординарным профессором (пожизненно утверждаемого королем). Таким образом, я могу заявить с полной ответственностью, что, если бы в подобном случае представленные данные были столь же убедительны, как данные г-жи Ковалевской, самая строгая и требовательная комиссия ни на минуту не усомнилась бы вказать свое единодушное одобрение, и Совет тоже не

усомнился бы его ратифицировать. Я могу также добавить, что Совет уполномочил бы министра увеличить на одну единицу количество кафедр, в случае если бы все остальные были уже замещены. Если же рассматривать этот вопрос с точки зрения того, как он был бы решен в Италии, где я считаюсь вполне компетентным, для меня не подлежит сомнению, что назначение г-жи Ковалевской на постоянную кафедру анализа было бы не только актом справедливости, но и удовлетворило бы блестящим образом требованиям высшего образования.

Ответив, таким образом, насколько я

мог и с полной искренностью, на вопросы, поставленные передо мной уважаемым Стокгольмским университетом, я могу лишь выразить его достойным представителям чувства глубокого уважения и горячей благодарности, с которыми имею честь подписаться

Эудженио Бельтрами,

Профессор Королевского университета
в Павии (Италия)

Примечание. В отзывах Ш. Эрмита и Э. Бельтрами есть неточности, которые мы отметили звездочкой (*).

6. ПЕРЕПИСКА С. В. КОВАЛЕВСКОЙ В АРХИВЕ Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА

Подлинники писем хранятся в Институте Миттаг-Леффлеров (в Дьюрскольме), в конвертах с надписью: Mittag-Lefflers Brefsamling (собрание писем Миттаг-Леффлера). Фотокопии находятся в Архиве Академии наук СССР, ф. 603, оп. 1, в альбомах. Укажем номера конвертов Собрания Миттаг-Леффлера (СМЛ) или их названия и соответствующие им номера альбомов Архива академии наук (АН).

Письма С. В. Ковалевской Г. Миттаг-Леффлеру:

СМЛ, конверты №№ 1, 2, 3, 4₁, 4₂, 5, 6, 7, 8, 9

ААН, альбомы №№ 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24

Годы: 1880—83 84, 85, 84—85, 86, 87, 88, 89, 90—91

Письма Г. Миттаг-Леффлера С. В. Ковалевской:

СМЛ, конверты №№ 1—2, 3, 4, 5, 6, 7

ААН, альбомы №№ 35, 36, 37, 38, 39, 40

Годы: 1880—84, 85, 86, 87, 88—89, без дат.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абель (Abel) Нильс Хенрик (1802—1829) — норвежский математик. П.: 2², 114, 199.
- Абу (About E.-F. V.) Эдмон Франсуа Валентин (1828—1885) — французский писатель, член Французской академии (1884). Зап.: 144.
- Агрель (Agrell) Альфхильд Терезия, урожд. Мартин (1849—1923) — шведская писательница. Печаталась под псевдонимом «Тюра» (Thuga). Зап.: 69.
- Альстранд — слуга Г. Миттаг-Леффлера. П.: 67, 163. Зап.: 53, 64, 112
- Альфан (Хальфен) (Halphen) Жорж Аври (1844—1889) — французский математик. Капитан французской артиллерии, затем репетитор в Политехнической школе, лектор там же. П.— 21, 73, 112, 150
- Ангстрём (Онгстрём) (Ångström) Андерс Юпас (1814—1874) — шведский физик. Профессор Упсальского университета, член Шведской королевской академии наук (1850), член-корреспондент Парижской, Берлинской и других академий наук. Отец К.-Ю. Ангстрёма. П.: 84
- Ангстрём (Онгстрём) (Ångström) Кнут Юхан (1857—1910) — шведский физик и геофизик. Преподавал физику в Стокгольмской высшей школе (1885), потом в Упсальском университете (1891), профессор (1891), член Шведской королевской академии наук (1893). П.: 84, 96, 105, 117, 137. Зап.: 27, 46
- Андерсон — вахтмейстер (сторож) Стокгольмской высшей школы. П.: 96, 105, 111
- Анна-Шарлотта — см. Леффлер Анна-Шарлотта.
- Аннерстедт (Annerstedt) Пер Самюэль Людвиг (1836—1904) — юрист, профессор криминалистики (1876), советник юстиции (1883). С 1896 по 1901 г. — министр юстиции. Поверенный в делах Густава Эдгрена. П.: 164, 188
- Аппель (Appell) Поль Эмиль (1855—1930) — французский математик и механик, автор пятитомного курса теоретической механики, фундаментальных руководств по теории эллиптических функций, о гипергеометрических функциях и других. Профессор механики, затем почетный ректор Парижского университета, член Бюро долгот (1885). Член Парижской академии наук (1892), вице-президент (1913), президент (1914). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1911), почетный член АН СССР (1925). П.: 21, 109, 135, 137, 163—165, 176. Зап.: 116
- Аррениус (Arrhenius) Сванте Август (1859—1927) — шведский физико-химик. Доцент физической химии в Упсальском университете (1884), преподаватель физики в Стокгольмской высшей школе (1891), профессор там же (1895). Лауреат Нобелевской премии по химии (1903), директор Нобелевского института Шведской королевской академии наук (1905). Член-корреспондент (1903), почетный член (1905) Петербургской академии наук, член-корреспондент Парижской академии наук (1911). Создатель теории электролитической диссоциации. П.: 84, 117
- Ауверс (Auwers) Артур Юлиус Георг Фридрих (1838—1915) — немецкий астроном. Член Берлинской академии наук (1866), ее перманентный секретарь (1878); член-корреспондент Петербургской академии наук (1873), почетный член (1904), член-корреспондент Парижской академии наук (1892). Ему принадлежат важные исследования по определению параллакса Солнца, им составлен фундаментальный звездный каталог. П.: 26
- Баје А. (Baije) — шведский инженер, ведавший библиотекской Миттаг-Леффлера. П.: 132
- Баклунд Оскар Андреевич (1846—1916) — русский астроном, уроженец Швеции. Окончил Упсальский университет (1872), доцент там же (1875). С 1876 г. — астроном-наблюдатель Дерптской (Тарту) обсерватории. С 1879 г. — адъюнкт в Пулковской обсерватории. Директор Пулковской обсерватории (1895). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1881), ординарный академик (1883). Член-корреспондент Парижской академии наук (1895). Основные труды относятся к теории движения кометы Энке («Энке—Баклунда») и другим вопросам небесной механики и практической астрономии. Иностраннный член Лондонского королевского общества и многих других научных обществ и академий. П.: 21, 34, 47, 81, 82, 84, 122, 135, 199, 201
- Бекман (Beckman) Эрнст Юхан (1850—1924) — шведский журналист, политик. В 1880—1883 гг. — редактор газеты «*Ny illustrerad tidning*». В 1887—1890 гг. — редактор «*Aftonbladet*». С 1918 по 1924 г. жил в Калифорнии. П.: 105. Зап.: 141
- Бекман (Beckman) Луиза (1852—?) — жена Э. Ю. Бекмана. П.: 201. Зап.: 142
- Бело (Belot) Адольф (1829—1890) — французский писатель. П.: 73

¹ Указатель имен составлен П. Я. Кочиной и Е. П. Ожиговой только по письмам и запискам.

² П. — письма, Зап. — записки.

- Бельман (Bellman) Карл Микаэль (1740—1795) — шведский поэт. Окончил Упсальский университет. Создавал мелодии к своим песням и сам их с успехом исполнял. II.: 128
- Бельтрами (Beltrami) Эудженіо (1835—1900) — итальянский математик. Профессор университетов в Болонье (1862), Риме (1873, 1891), Павии (1876—1891). Член-корреспондент Берлинской академии наук (1881), Парижской академии наук (1890). Член Национальной академии деи Линчей в Риме (1873). Труды относятся главным образом к геометрии. Ему принадлежит «Опыт толкования неевклидовой геометрии» (1868), сыгравший важную роль в истории неевклидовой геометрии Лобачевского. II.: 54, 55, 64, 161, 170, 183
- Бендиксон (Bendixson) Ивар Отто (1861—1935) — шведский математик. Доцент (1890—1905), профессор (1905—1927), ректор (1911—1927) Стокгольмской высшей школы. Профессор Стокгольмской высшей технической школы (1900—1905). Член Шведской академии наук (1905). Ученик Г. Миттаг-Леффлера и С. В. Ковалевской. II.: 63, 67, 70, 81, 111, 117. Зап.: 73
- Бендиксон (Bendixson) Вальфрид, сестра И.-О. Бендиксона. II.: 111, 112. Зап.: 16
- Бенедиктсон (Benedictsson) Виктория Мария, урожд. Бруцелиус (1850—1888) — шведская писательница. Псевдоним — Эрнст Альгрен (Ernst Ahlgren). II.: 175, 201. Зап.: Вступ. ст., 91
- Бергер (Berger) Александр Фредерик (1844—1901) — шведский математик. Доцент Упсальского университета (1875). II.: 89, 178
- Берильон (Berillon) Эдгар (1859—1948) — французский врач. Профессор и директор Ecole de physiologie. Главный редактор журнала «La Revue de psychologie appliquée». Издал труд «La science de l'hypnotisme», 1944—1946. Был генеральным секретарем I (1889) и II (1900) Международных конгрессов по гипнотизму. II.: 150
- Бертран (Bertrand) Жозеф Луи Франсуа (1822—1900) — французский математик и механик. Профессор Коллеж де Франс и Политехнической школы (1862). Член Парижской академии наук (1856), ее непременный секретарь по секции математических наук (1874), вице-президент (1873), президент (1874, до избрания непременным секретарем). Член Французской академии (1901), член-корреспондент (1859), почетный член (1896) Петербургской академии наук. II.: 106—109, 150, 153, 154, 156, 158—167, 169, 171, 174—176, 178—180, 182, 185, 186—189, 194, 197. Зап.: 98, 116
- Бетти (Betti) Энрико (1823—1892) — итальянский математик. Профессор университета и директор Высшей нормальной школы в Пизе. Член-корреспондент Берлинской академии наук (1881). Одним из первых стал заниматься теорией Галуа. II.: 55, 64
- Биглов (Biglow) — сведений об этом лице нет. II.: 89
- Бильдт (Bildt) Дидрик Андерс Гиллис (1820—1894) — барон (1864), шведский военный, дипломат. Шведский посол в Берлине (1874—1886), рейхсмаршал (1886). II.: 28, 54, 56
- Бильдт m-me (Bildt) Люсиль Розали, урожд. Дюфа (1825—1916) — жена Д. А. Бильдта. II.: 28, 54, 56
- Бильдт (Bildt) Карл Нильс Даниэль (1850—1931) — сын Д. А. Бильдта. Дипломат и чиновник. Посол в Риме (1889—1902 и 1905—1920), в Лондоне (1902—1905), автор исторических и других сочинений. II.: 28, 54
- Бисмарк (Bismarck) Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (Schönhausen) (1815—1898) — германский государственный деятель, князь. В 1859—1862 гг. — прусский посланник в России, в 1862 г. — во Франции. Рейхсканцлер (1871—1890) Германской империи. II.: 8, 59
- Болин (Bohlin) Карл Петрус Теодор (1860—1939) — шведский астроном. Помощник астронома в обсерватории Упсальского университета (1880), наблюдатель в Стокгольмской обсерватории (1884), доцент в Упсале (1885), астроном в Вычислительном институте в Берлине (1891—1893), в Пулковской обсерватории (1893—1894). С 1897 г. астроном Шведской королевской академии наук и преподаватель Стокгольмской высшей школы (1897—1927). Директор Стокгольмской обсерватории (1897). II.: 117, 135, 199. Зап.: 25, 61, 94
- Боннетон (Bonneton) — директор школы для девиц в Женеве. II.: 73
- Борден (Bordin) Шарль Лоран (? — 1835) — французский нотариус, завещавший в 1835 г. ренту в 15 000 франков Институту Франции. Рента должна была расходоваться на премии, присуждаемые всеми пятью академиями Института ежегодно. Темы, выдвигаемые на конкурс, должны были иметь целью интересы общества, благо человечества, прогресс науки и национальную честь Франции. II.: 149, 153
- Бортникер (Bortniker) Л. — преподавательница математики в Женской нормальной школе в Севре (близ Парижа). II.: 153
- Борхардт (Borchardt) Карл Вильгельм (1817—1880) — немецкий математик. Приват-доцент Берлинского университета (1848). Ординарный академик Берлинской академии наук (1855), член-корреспондент Парижской академии наук (1876), Петербургской академии наук (1879). Издатель и редактор журнала Крелле. Друг К. Вейерштрасса. II.: 2—4, 26, 39, 66, 170. Зап.: 1, 40, 84
- Борхардт (Borchardt) Роза — жена К. В. Борхардта. II.: 2, 5, 6, 8, 10, 30, 34, 54, 56, 57
- Бострём (Boström) Кристофер Якоб (1797—1886) — шведский философ-идеалист. Доцент Упсальского университета (1828), профессор (1838). II.: 128
- Боткин Сергей Петрович (1832—1889) — русский врач-терапевт, общественный деятель. Профессор терапевтической клиники при Медико-хирургической академии в Петербурге (1861). Издавал «Архив клиники внутренних болезней» проф. С. П. Боткина» (1869—1889),

- «Еженедельную клиническую газету» (1881—1889), впоследствии получившую название «Больничной газеты Боткина». П.: 94
- Боше (Beauchet) Людовик (1855—1914) — французский историк и специалист по политической экономии. Профессор истории права в университете Нанси, автор работ по истории права. Прочел в Стокгольме 30 лекций по политической экономии по приглашению Фонда Лорена. Зап.: 86
- Боше госпожа — жена Боше Л. Зап.: 87
- Брандес (Brandes) Георг Морис Коэн (1842—1927) — датский литературный критик и публицист, историк литературы. П.: 171, 172, 174, 175
- Брёггер (Brøgger) Вальдемар Кристофер (1851—1940) — норвежский петрограф. Профессор геологии и минералогии в Стокгольмской высшей школе (1881—1890), профессор университета в Христиании (1890), ректор его, член стортинга. По его инициативе был основан Нансеновский фонд для развития научных исследований в Норвегии. Член Шведской королевской академии наук (1890), член-корреспондент Петербургской академии наук (1898), почетный член АН СССР (1930). Член-корреспондент Парижской академии наук (1904), иностранный член (1923). П.: 31, 34, 49, 74, 76, 84, 90, 91, 94, 98—99, 111. Зап.: 14, 48, 55, 85, 107
- Брио (Briot) Шарль Огюст Альбер (1817—1882) — французский математик и физик. С 1838 г. преподавал в Парижской Нормальной школе, с 1841 г. — в Коллеже герцога Орлеанского, с 1845 г. — на факультете наук в Лионе. С 1855 г. преподаватель механики и астрономии в Высшей нормальной школе в Париже и профессор математической физики в Сорбонне. Совместно с Ж.-К. Буке написал трактат по эллиптическим функциям и ряд статей. П.: 3, 24, 137, 170. Зап.: 7, 44
- Бриоски (Brioschi) Франческо (1824—1897) — итальянский математик и гидромеханик. Профессор университета в Павии, затем профессор математики и гидравлики и директор Высшей технической школы в Милане. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1884), Парижской академии наук (1880). П.: 31, 55, 114, 170, 171
- Брок (Broch) Оле Якоб (1818—1889) — норвежский математик и общественный деятель. Преподаватель математики в университете Христиании (Осло) (1848), профессор чистой математики (1858). В 1879 г. избран членом правления Международного бюро мер и весов, а с 1883 г. — его директором, в связи с чем последние годы жил в Севре, близ Парижа. Член-корреспондент Парижской академии наук (1875). П.: 106, 145, 151, 153, 165
- Брунс (Brunns) Эрнст Генрих (1848—1919) — немецкий астроном. Работал в Пулковской и Дерптской (Тарту) обсерваториях (1872—1876), с 1876 по 1882 г. — профессор математики и астрономии в Лейпцигском университете. Директор обсерватории в Лейпциге (1882). Член Берлинской академии наук (1906)³. П.: 21 Зап.: 21, 144
- Буке (Bouquet) Жан Клод (1819—1885) — французский математик. Профессор математики в королевском Коллеже в Марселе (1841), на Факультете наук в Лионе (1845), в лицее Бонапарта в Париже (1852), затем в коллеже Луи де Гран, с 1873 г. профессор математики в Сорбонне и профессор механики и астрономии в Нормальной школе. Член Парижской академии наук (1875). П.: 3, 24, 137, 170, Зап.: 7, 44
- Бунге Николай Христианович (1823—1895) — русский буржуазный экономист, публицист. Профессор Киевского университета. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1859), почетный член (1881), ординарный академик (1890). Министр финансов (1881—1886). П.: 119, 121
- Буняковский Виктор Яковлевич (1804—1889) — русский математик. Адъюнкт Петербургской академии наук (1828), экстраординарный (1830), ординарный академик (1841), вице-президент (1864—1889). Профессор Института инженеров путей сообщения, Морской академии, Горного института. Член-корреспондент различных научных обществ, почетный член Петербургского университета и Морской академии. П.: 196, 197
- Бурже (Bourget) Поль (1852—1935) — французский писатель, поэт и критик. В 1889 г. был издан его роман «Le disciple» («Ученик»). На шведский язык были переведены многие его книги. П.: 186, 188
- Бутру (Boutroux) Алин — жена Э. Бутру, сестра Пуанкаре. П.: 106. Зап.: 118
- Бутру (Boutroux) Эмиль (1845—1921) — французский философ-идеалист. Член Академии моральных и политических наук Института Франции. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1916). Профессор Сорбонны (1888). Член Французской академии (1912). Член-корреспондент Берлинской академии наук (1908—1916). П.: 106
- Бухер (Bucher) Адольф Лотар (1817—1892) — немецкий политик и публицист, юрист по образованию. Считался в 1869—1876 гг. «правой рукой» Бисмарка. П.: 59
- Бьеркнес (Bjerknes) Карл Антон (1825—1903) — норвежский математик и физик. Профессор чистой и прикладной математики в университете Христиании (Осло). Автор известной биографии Абеля. П.: 21, 190. Зап.: 19.
- Бьерлинг (Björling) Карл Фабриан Эмануэль (1839—1910) — шведский математик. Доцент в Упсальском университете (1863), профессор в Лундском университете (1873—1904). Член Шведской королевской академии наук (1886). П.: 21

³ В германских академиях наук, кроме экстраординарных и ординарных, были иностранные члены двух видов — иностранные и отечественные (из разных земель Германии).

Бьёрнсон (Bjørnson) Бьёрнстjerne Мартинус (1832—1910) — норвежский писатель и театальный критик, руководитель театров, драматург, издатель газеты «Norsk folkeblad» (1865—1867). Лауреат Нобелевской премии (1903). П.: 76

Бьерншерна (Björnstjerna) — шведские военные и политические деятели, братья Юхан Магнус (1805—1898), Карл Магнус Людвиг (1817—1888), Оскар Магнус Фредрик (1819—1905). П.: 199. Зап.: 26

Бэр (Baer) Карл Максимович (1792—1876) — русский натуралист, путешественник. Бэр окончил Дерптский (Тартуский) университет (1814), с 1817 г. был прозектором, с 1819 — профессором Кенигсбергского университета, с 1826 г. профессором анатомии и заведующим зоологическим музеем там же. С 1862 г. и до конца жизни он жил в Дерпте. Иностраный член Петербургской академии наук (1826), ординарный академик (1828), иностранный почетный член (1830), ординарный академик (1834—1862), почетный член (1862). Петербургская академия наук учредила премию его имени (1864) и золотую медаль (1874). Член-корреспондент Берлинской академии наук (1834), иностранный член (1861). П.: 27

Валленберг (Wallenberg) Анне — жена основателя Стокгольмского государственного банка (1856) А.-О. Валленберга. Зап.: 8

Валлис (Wallis) Курт (1845—1922) — профессор медицины. С 1934 г. профессор патологической анатомии в Каролинском медико-хирургическом институте. Зап.: 54

Варбург (Warburg) Карл Юхан (1852—1918) — шведский историк литературы и публицист. Доцент истории литературы в Упсальском университете (1876), сотрудник «Göteborgs handels- och sjöfartstidning». В 1878—1890 гг. — библиотекарь Гётеборгского музея, в 1890—1900 гг. — профессор эстетики, литературы и истории искусств в Гётеборгской высшей школе. В 1901—1909 гг. — библиотекарь Нобелевской библиотеки в Стокгольме, в 1901—1912 гг. — референт по немецкой и скандинавской литературе Нобелевского института. С 1909 по 1917 г. — профессор истории литературы в Стокгольмской высшей школе. П.: 114

Варминг (Warming) Иоганнес Евгениус (1841—1924) — датский ботаник. Доцент Политехникума (1874), Копенгагенского университета (1875), профессор Стокгольмской высшей школы (1882—1885), профессор Копенгагенского университета и директор Ботанического сада (1885—1911), почетный доктор философии Стокгольмской высшей школы (1909). Почетный член Петербургской академии наук (1896). Один из основателей экологического направления в биологии. Член-корреспондент Берлин-

ской академии наук (1899), Парижской академии наук (1904). П.: 34, 63, 65, 72, 90, 94, 96. Зап.: 12, 14

Вебер (Weber) Генрих (1842—1913) — немецкий математик. Профессор Цюрихского политехникума (1870—1875), Кенигсбергского университета (1875), Берлинской высшей технической школы (1883), Марбургского (1884), Геттингенского (1892), Страсбургского университетов (1895). Член-корреспондент Берлинской академии наук (1896). П.: 26, 114

Вейерштрасс (Weierstrass) Карл Теодор Вильгельм (1815—1897) — немецкий математик. Учитель гимназии (1842—1855), в 1856 г. — экстраординарный, в 1864 г. — ординарный профессор Берлинского университета. Член Берлинской академии наук (1856). Член-корреспондент (1864), почетный член (1895) Петербургской академии наук. Член-корреспондент (1868), иностранный член (1868) Парижской академии наук. Член Лондонского королевского общества (1881), Венской академии наук (1875) и многих других академий и научных обществ. Вместе с Л. Кронекером он редактировал журнал Крелле (Journal für die reine und angewandte Mathematik) с 1880 г.⁴

Вейерштрасс (Weierstrass) Клара (1823—1896) — сестра К. Вейерштрасса. П.: 6, 8, 10, 29, 31, 35, 57, 140, 141, 152. Зап.: 97

Вейерштрасс Франц (1882—1898) — мальчик, которого воспитывал Вейерштрасс. П.: 57

Вейерштрасс (Weierstrass) Элиза (1826—1898) — сестра К. Вейерштрасса. П.: 5, 5, 6, 8, 10, 29, 31, 74, 75, 140, 141, 152. Зап.: 97

Вестерлунд (Westerlund) Эрнст Отто Теодор (1839—1924) — шведский врач-ларинголог. В 1867—1886 гг. — городской врач в Энчепинге, позднее там же занимался частной практикой. Почетный доктор медицины Лундского университета (1900). Работал в нескольких санаториях (Сторлиен, Мёрсиль и др.). П.: 24, 25

Веттерберг (Wetterbergh) Карл Антон (1809—1889) — шведский писатель. Псевдоним «Дядя Адам». Учился в Лундском университете, сначала на юридическом, потом на медицинском факультете. Лицензиат медицины, 1847 — доктор медицины. П.: 70

Веттерберг г-жа — жена К. А. Веттерберга. П.: 70

Виксель (Wicksell) Юхан Густав Кнут (1851—1926) — шведский экономист. После окончания Упсальского университета много путешествовал по Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Австрии, изучал экономические науки. Доктор философии в Упсале (кандидат юридических наук там же, 1899). Доцент по экономике там же, профессор в Лундском университете (1901—1916). Автор многих книг и статей. П.: 193. Зап.: 42, 71

⁴ Имена К. Вейерштрасса, Г. Гюльдена, А. В. Жаклар, А.-Ш. Леффлер, С. Миттаг-Леффлер, С. Вл. Ковалевской встречаются почти в каждом письме, поэтому ссылки на письма здесь не приводятся.

Викстрём (Wickström) Амелия — секретарь Общества Nya Idun. П.: 28, 37, 75. Зап.: 16, 26, 83

Вилле (Wille) Юхан Нордаль Фишер (1858—1924) — норвежский ботаник. Хранитель бразильских коллекций в Государственном музее Стокгольма (1885—1886), ассистент в Стокгольмской высшей школе (1884), преподаватель ботаники там же (1886), профессор университета в Христиании (Осло) (1893). Почетный доктор Упсальского университета (1907), член-корреспондент Берлинской академии наук (1924). П.: 107

Вильтхейс (Wiltheiss) Эдуард (1855—1900) — приват-доцент университета в Галле. П.: 35, 36, 45, 46

Вирсеп (Wirsén) Карл Давид (1842—1912) — шведский поэт, литературный критик, историк литературы. Доцент по истории литературы в Упсальском университете (1868), лектор там же (1870), в Гётеборге (1876) работал в библиотеке Музея. С 1880 г. жил в Стокгольме. Член Шведской академии (1879), ее непременный секретарь (1884). П.: 128

Висинг (Wising) Пер Юхан (1842—1912) — шведский врач-терапевт. Доцент Каролинского медико-хирургического института в Стокгольме (1871), экстраординарный профессор (1879), ординарный профессор по нервным болезням там же (1887—1890). П.: 165

Витлок (Whitlock) Анна (1852—1930) — известный шведский педагог. В 1878 г. основала в Стокгольме свою школу, где применяла новые педагогические методы. Здесь проводились практические занятия, преподавали физкультуру. С 1905 по 1918 г. существовала школа совместного обучения (Whitlocks samskola), которой руководила сама А. Витлок. Зап.: 60

Вуазен (Voisin) Огюст Феликс (1829—1898) — французский врач-психиатр. Работал в госпитале в Бисетре, затем в парижской больнице Сальпетриер (1869). Автор многих трудов по психиатрии. П.: 150, 157, 159, 161, 164, 175

Вырубов Григорий Николаевич (1843—1913) — русский химик, кристаллограф, философ-позитивист, публицист. Окончил Александровский лицей в Петербурге. С 1864 г. жил в Париже. В 1870 г. участвовал в обороне Парижа в рядах Национальной гвардии. Был близок к А. И. Герцену. В 1889 г. принял французское подданство. Был председателем Французского мипералогического общества. П.: 205

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895) — русский ученый и государственный деятель. Профессор механики Петербургского технологического института (1862), Михайловской артиллерийской академии (1865). С 1875 г. — директор Петербургского технологического института. С 1887 г. — управляющий министерством финансов, с 1888 по 1892 г. — министр финансов. Один из создателей теории автоматического регулирования. Почетный член Петербургской академии наук (1888). П.: 121, 123

Гадолин Аксель Вильгельмович (1828—1892) — русский ученый в области артиллерии, механической обработки металлов, кристаллографии, минералогии, генерал от артиллерии. Уроженец Финляндии. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1873), экстраординарный (1875), ординарный академик (1890). Член различных академий и обществ, в том числе Каролинской академии военных наук в Стокгольме. П.: 200, 201

Гамбургер (Hamburger) Мейер (1838—1909) — немецкий математик. Учился в Берлине. Доктор философии в Галле (1865). С 1885 г. — приват-доцент в Высшей технической школе в Шарлоттенбурге, близ Берлина. П.: 26, 27, 30—32

Гамильтон (Hamilton) Гуго (1814—1886) — мэр города Упсала. П.: 128

Гамильтон (Hamilton) Уильям Роуэн (1805—1865) — ирландский математик и астроном. С 1827 г. «эндриус-профессор» астрономии Дублинского университета и королевский астроном Ирландии. Член и президент (1837) Ирландской королевской академии. Член Берлинской академии наук (1839), член-корреспондент Парижской (1844), Петербургской академий наук (1838). Создатель теории кватернионов. П.: 30

Гартман (Hartman) Эллен (1860—1945) — шведская актриса, исполнявшая главную роль в пьесе Анны-Шарлотты Леффлер «Räddande ängel». Зап.: 6

Гаусс (Gauss) Карл Фридрих (1777—1855) — немецкий математик, астроном, физик, окончил Коллегиум Каролиnum в Брауншвейге, затем Геттингенский университет. Астроном в Брауншвейге до 1806 г. С 1807 г. — профессор университета и директор Обсерватории в Геттингене. Член Геттингенского научного общества (1807), член-корреспондент Петербургской академии наук (1802), почетный член (1824). Иногородный отечественный член Берлинской академии наук (1810), член-корреспондент Парижской академии наук (1804), иностранный член (1820). П.: 2, 109. Зап.: 2, 37, 54

Гедин (Hedin) Свен Адольф (1834—1905) — литератор, историк, журналист, общественный деятель. Работал в упсальской газете, с 1864 г. переехал в Стокгольм, сотрудничал в «Aftonbladet». В 1874—1876 гг. — ее редактор. Позднее сотрудничал в «Dagens Nyheter». Член Стокгольмского муниципалитета. П.: 172. Зап.: 26

Гейерстам (Geijerstam) Густав (1858—1909) — шведский писатель, журналист. Окончил Упсальский университет. Сотрудничал в «Aftonbladet» в 1884—1886 гг., позднее (1891—1893) — в «Dagens Nyheter». Был связан с обществом «Молодая Швеция». Зап.: 132

Гейерстам (Geijerstam) Карл Юхан (1860—1899) — инженер, брат Густава Гейерстама. Служил в патентном бюро с 1896 г. Автор нескольких сочинений, в том числе «Гипнотизм и религия» (1890). Зап.: 132

Гейне (Heine) Генрих Эдуард (1821—1881) — немецкий математик. Обучался

- в Берлине и Геттингене. С 1844 г. приват-доцент, а вскоре — экстраординарный профессор Боннского университета, с 1856 г. ординарный профессор математики в университете Галле. Член-корреспондент Берлинской академии наук (1863). Зап.: 21, 84
- Гексли (Huxley) Томас Генри (1825—1895) — английский естествоиспытатель, соратник Дарвина и популяризатор его учения. По образованию врач. В 1854—1895 гг. — профессор Королевской горной школы. С 1873 г. — секретарь, в 1883—1885 гг. — президент Лондонского королевского общества. Работал в области зоологии, палеонтологии, антропологии, геологии. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1864), Берлинской академии наук (1865), Парижской академии наук (1879). П.: 70, 74, 126, 132, 135
- Гельдер (Хельдер) (Hölder) Людвиг Отто (1859—1937) — немецкий математик. Обучался в Штутгарте, Берлине, Тюбингене, Лейпциге. Доктор философии в Тюбингене (1882), Геттингене (1884). С 1884 г. — доцент, с 1889 г. — профессор Геттингенского университета, затем Тюбингенского, с 1890 г. — Кенигсбергского, с 1899 г. — Лейпцигского университета. П.: 26, 202, 203
- Гельмгольц (Helmholtz) Герман (1821—1894) — немецкий естествоиспытатель, физиолог, физик, математик, психолог. Профессор физиологии в Кенигсбергском университете (1849), Боннском (1855), Гейдельбергом (1858), профессор физики в Берлинском университете (1871). С 1888 — директор Физико-технического института в Берлине. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1868), Берлинской (1857). Иногородний член Берлинской академии наук (1870), ординарный академик (1871). Член-корреспондент Парижской академии наук (1870), иностранный член (1894). П.: 53, 54, 56, 57, 64, 66, 68—70, 135, 161, 170, 171. Зап.: 102
- Герман (Эрман) — парижский издатель. П.: 162
- Герц (Hertz) Генрих Рудольф (1857—1894) — немецкий физик. С 1880 г. — ассистент Г. Гельмгольца. С 1885 по 1889 г. — профессор Политехникума в Карлсруэ, с 1889 г. — профессор Боннского университета. Занимался главным образом вопросами электродинамики, экспериментально доказал существование электромагнитных волн и исследовал их свойства. Член-корреспондент Берлинской академии наук (1889). П.: 66—68, 70, 72, 78, 88, 89, 90, 91
- Герцен Наталья Александровна — дочь А. И. Герцена, ее сестра, Ольга Александровна (в замужестве Моно) (Monod) была ученицей В. О. Ковалевского. П.: 493
- Гессе (Hesse) Людвиг Отто (1811—1874) — немецкий математик. С 1857 г. — ординарный профессор математики в Гейдельбергомском университете, с 1869 — в Политехникуме в Мюнхене. П.: 114
- Гильдебранд (Hildebrand) Ганс Олаф (1842—1913) — шведский археолог, этнограф, историк культуры. С 1865 г. — сотрудник Академии литературы, истории и древностей, с 1871 г. — первый хранитель. В 1879—1907 гг. наследовал отцу в качестве государственного антиквара и неперменного секретаря Академии литературы, истории и древностей. С 1891 г. — член Шведской королевской академии наук, с 1895 г. — член Шведской академии. П.: 157. Зап.: 81, 131
- Глейшер (Glaisher) Джеймс Уитбред (1848—1928) — английский математик и астроном. Преподавал в Тринити-колледже в Кембридже. С 1871 г. — член Астрономического общества, его секретарь (1877), член Лондонского королевского общества (1875), Кембриджского философского общества, его секретарь (1878). Соредатор журнала «Quarterly Journal of Mathematics». П.: 132, 135
- Голубицкий Павел Михайлович (1845—1911) — изобретатель в области телефонии. П.: 135
- Гортынская — см. Павлова.
- Гохшильд (Hochschild) Карл Фредрик Лотариус (1831—1898) — шведский дипломат, барон, государственный деятель. Секретарь Департамента иностранных дел (1853). В 1858—1860 гг. — секретарь шведского посольства в Лондоне, с 1861—1863 гг. — поверенный в делах в Турине, 1863—1865 гг. — посланник в Италии, 1865—1866 гг. — посол в Берлине, 1866—1876 гг. — в Лондоне. С 1880—1885 гг. — министр иностранных дел. Член риксдага. Автор книг мемуарного характера П.: 51
- Грин (Green) Джордж (1793—1844) — английский математик-самоучка. Лишь в 1837 г. окончил Кембриджский университет. П.: 30
- Грот Яков Карлович (1812—1893) — русский филолог, историк, специалист по истории и литературе Скандинавских стран. С 1840 г. — профессор Гельсингфорсского университета. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1852), адъюнкт (1855), экстраординарный (1856), ординарный академик (1858), вице-президент (1889—1893). Под его руководством в 1891 г. стал издаваться «Словарь русского языка». П.: 201
- Гумберт (Умбер) — см. Юмбер.
- Гурвиц (Hurwitz) Адольф (1859—1919) — немецкий математик. Экстраординарный профессор Кенигсбергского университета (1884), ординарный профессор в Цюрихском политехникуме (1892). П.: 21, 35, 36, 70, 72, 75, 78, 135
- Гучча (Guccia) Джованни Батиста (1855—1914) — итальянский математик. Доктор математики (Рим, 1880). Профессор высшей математики университета в Палермо. Основатель Математического общества Палермо (1884) и его журнала «Rendiconti» (1855). П.: 55
- Гюльден (Gylden) Арне — сын Г. Гюльдена. Зап.: 93
- Гюльден (Gylden) Гуго Юхан Август (1841—1896) — шведский астроном, специалист по небесной механике. Родился и учился в Гельсингфорсе. В 1861—1862 гг. учился в Готе у Гансена.

- С 1863 г.—адъюнкты Пулковский обсерватории, в 1865—1871 гг.—астроном там же. С 1871 г.—директор Стокгольмской обсерватории, астроном Шведской королевской академии наук. С 1888 — профессор астрономии Стокгольмской высшей школы. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1882), Парижской (1879).
- Гюльден (Gylden) Тереза Амалия Генриетта, урожденная Кнебель (Knebel) — жена Г. Гюльдена с 1865 г.
- Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265—1321) — итальянский поэт. II.: 147
- Дарбу (Darboux) Жан Гастон (1842—1917) — французский математик. С 1873 по 1881 г.—лектор в Нормальной школе, в 1873—1877 гг.—экстраординарный профессор в Сорбонне. С 1881 г.—профессор высшей геометрии, с 1889 г.—декан Факультета наук. Член Парижской академии наук (1884), непременный секретарь (1900—1917). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1895), Берлинской академии наук (1897). II.: 21, 83, 84, 109, 150, 153, 163, 176, 186, 188, 194
- Дарвин (Darwin) Джордж Говард (1845—1912) — английский астроном и математик, профессор астрономии и экспериментальной философии в Кембриджском университете (1883). Сын Ч. Дарвина. Член Лондонского королевского общества (1879), иностранный член Шведской королевской академии наук, член-корреспондент Петербургской академии наук (1907), Парижской академии наук (1907), Берлинской (1908). Президент Лондонского астрономического общества (1899). II.: 132, 135
- Дарест (Darest de la Chavanne) Родольф (1824—1911) — юрист, член Французской академии моральных и политических наук. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1895). II.: 144
- Дауг (Daug) Герман Теодор (1828—1888) — шведский математик. Доцент (1856), экстраординарный профессор (1863), ординарный профессор Упсальского университета (1867). Член Шведской королевской академии наук (1875), член редколлегии журнала «Acta mathematica». Занимался главным образом геометрией. См. о нем статью Миттаг-Леффлера в «Acta mathematica», 1888, т. 11. II.: 21, 105, 107
- Делянов Иван Давыдович (1818—1897) — министр народного просвещения (1882), граф (1888). Почетный член Петербургской академии наук (1859). Крайний реакционер. II.: 119
- Делянова — жена И. Д. Делянова. II.: 119
- Дель Педро — см. Кайафелло ди.
- Дини (Dini) Улиссе (1845—1918) — итальянский математик. Профессор университета в Пизе. Ему принадлежат труды по теории функций действительной переменной, теории аналитических функций, теории поверхностей, теории дифференциальных уравнений в частных производных и другие. II.: 55. Зап.: 1
- Дирихле — см. Лежен-Дирихле.
- Д'Омаль (d'Aumale) Анри Эжен Филипп Луи (1822—1897), герцог Орлеанский, историк, публицист, специалист военного дела. Почетный член Петербургской академии наук (1895). II.: 176
- Достоевская Анна Григорьевна, урожд. Сниткина (1846—1918) — вторая жена Ф. М. Достоевского. II.: 93, 112
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — русский писатель. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1877). II.: 74, 137, 182, 185. Зап.: 48
- Дубен (Duben) Густав Вильгельм Иоганн фон (1822—1892) — шведский анатом и этнолог. Член Правления Стокгольмской высшей школы. II.: 28, 34
- Дунер (Dunér) Нильс Кристофер (1839—1914) — шведский астроном, адъюнктом астрономом и наблюдатель в Обсерватории Лундского университета (1864), экстраординарный профессор там же (1887), ординарный профессор Упсальского университета (1888). Участник экспедиции Норденшельда. Член Шведской королевской академии наук (1881). Член-корреспондент Берлинской академии наук (1900). II.: 163, 175, 179
- Дуэ (Due) Фредрик Георг Кнут (1833—1906) — дипломат, композитор. Шведско-португальский посол в Берлине (1869), в России (1873), Париже (1890). Автор сочинений для фортепиано. II.: 122, 123, 200. Зап.: 87
- Дюбуа-Реймон (Du Bois-Reymond) Пауль (Поль) (1831—1889) — немецкий математик. Профессор математики Гейдельбергского, Фрейбургского, Тюбингенского университетов. С 1884 г.—профессор Высшей технической школы в Берлине (в Шарлоттенбурге). II.: 21, 152. Зап.: 122
- Дюбуа-Реймон (Du Bois-Reymond) Эмиль (1818—1896) — физиолог. Профессор физиологии Берлинского университета, член Берлинской академии наук (1851), непременный секретарь (1867—1895). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1892). II.: 57, 58
- Дюгем (Duhem) Пьер Морис Мари (1861—1916) — французский физик. С 1887 г.—лектор на Факультете наук в Лилле, с 1893 — в Ренне, с 1895 — профессор теоретической физики в университете Бордо. Член-корреспондент Парижской академии наук (1900), иностранный член Берлинской академии наук (1913). II.: 108, 109. Зап.: 43, 55
- Ермаков Василий Петрович (1845—1922) — русский математик. Профессор Киевского университета. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1884). II.: 12
- Жаклар Анна Васильевна, урожд. Корвип-Круковская (1843—1887) — русская революционерка, писательница, общественная деятельница, участница Парижской Коммуны. Сестра С. В. Ковалевской.
- Жаклар (Jaclard) Виктор Шарль (1840—1903) — участник Парижской Коммуны, журналист, врач. Муж А. В. Корвин-Круковской (Жаклар). II.: 23, 55, 57, 58, 61, 63, 65, 113, 129. Зап.: 41, 67, 118
- Жаклар Юрий Викторович (1873—?) — сын А. В. и В. Жаклар. II.: 15

- Жансен (Janssen) Пьер Жюль Сезар** (1824—1907) — французский астроном. С 1853 г. — экстраординарный профессор в Лицее Шарлемань, в 1865—1871 гг. — профессор общей физики в Специальной архитектурной школе. С 1875 г. — директор основанной им обсерватории в Медоне. Участник многих научных экспедиций. Член Парижской академии наук (1873), вице-президент (1887), президент (1887—1888). Член Бюро долгот, член Лондонского королевского общества. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1904). П.: 153
- Жданов Александр Маркелович** (1858—1914) — русский астроном. После окончания Петербургского университета (1881) совершенствовал свои знания в Стокгольме у Г. Гюльдена (1881—1884). Доктор астрономии (1888). С 1890 г. — профессор Петербургского университета, в 1903—1905 гг. — его ректор. П.: 134, 135
- Жонкьер (Jonquière) Эммануэль Альфред де** (1862—1899) — швейцарский математик. Обучался в Берне, Стокгольме, Париже. С 1888 г. — преподаватель математики в Бернской гимназии, в 1890—1893 гг. — доцент по математике в Базеле, в 1894—1895 гг. — статистик Швейцарской статистической службы. Занимался также математическими основами акустики. П.: 112, 135
- Жонкьер (Jonquière) Даниэль де** (1821—1899) — профессор общей патологии в Бернском университете. П.: 81, 84, 130, 132, 135, 136
- Жонкьер (Jonquière) Георг де** — врач в Берне. Сын Д. Жонкьера. П.: 81, 84, 130, 132, 135, 136
- Жордан (Jordan) Мари Эдмон Камил** (1838—1922) — французский математик. С 1860 г. — горный инженер в Прива, Ардеше, Париже. С 1876 г. — профессор Политехнической школы и экстраординарный профессор Нормальной школы в Париже. С 1885 по 1921 г. издавал «Journal de mathématiques pures et appliquées». Член Парижской академии (1881), президент ее (1916). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1895). Ему принадлежат первый систематический трактат по теории групп и теории Галуа (1870), трехтомный курс анализа (1882—1887) и другие важные труды. П.: 109
- Залеская** — см. Янковская.
- Зейдель (Seidel) Филипп Людвиг** (1821—1896) — немецкий математик, астроном. С 1854 г. — ординарный профессор Мюнхенского университета. Член Баварской академии наук, член-корреспондент Берлинской академии наук (1863). П.: 21
- Золотарев Егор (Георгий) Иванович** (1847—1878) — русский математик. Профессор Петербургского университета (1876). Аджункт Петербургской академии наук (1876), экстраординарный академик (1878). П.: 3, 4
- Золя (Zola) Эмиль** (1840—1902) — французский писатель. Зап.: 18, 129, 143
- Ибсен (Ibsen) Генрик** (1828—1906) — норвежский драматург. П.: 23, 74, 76. Зап.: 11, 59
- Иванюков Иван Иванович** (1844—1912) — русский историк, экономист и публицист. Профессор политической экономики и статистики в Петровской с.-х. академии. П.: 182
- Имшенецкий Василий Григорьевич** (1832—1892) — русский математик. Профессор Казанского (1868) и Харьковского (1873) университетов. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1881), ординарный академик (1891). Один из основателей Харьковского и Петербургского математических обществ. Работы главным образом по теории дифференциальных уравнений с частными производными. П.: 135, 199
- Итцигзон (Itzigsohn) Карл** — немецкий математик и переводчик. П.: 83, 84, 89
- Казорати (Casorati) Феличе** (1835—1890) — итальянский математик. С 1857 г. — экстраординарный профессор университета в Павии, в 1868—1875 одновременно — профессор геодезии в Техническом институте в Милане. Член Национальной академии деи Линчей, член-корреспондент Берлинской академии наук (1886) и других научных академий и обществ. П.: 55, 64
- Кайанелло ди (di Cajanello) (?)** (—1889) — герцог, отец Пасквале дель Пеццо ди Кайанелло. П.: 189
- Кайанелло ди, дель Пеццо Пасквале (di Cajanello, del Pezzo P.)** (1856—1936) — итальянский математик. Профессор математики Неаполитанского университета. После смерти отца (1889) стал герцогом ди Кайанелло. Второй муж Анны-Шарлотты Леффлер (1890). П.: 147, 150, 188, 189, 193, 202, 204, 207. Зап.: 134
- Кант (Kant) Иммануил** (1724—1804) — немецкий философ. П.: 128
- Кантор (Cantor) Георг** (1845—1918) — немецкий математик. Обучался в Цюрихе, Берлине, Геттингене. Приват-доцент в Галле, с 1872 г. — экстраординарный профессор там же, с 1879 — ординарный профессор (1879—1913). Родился в Петербурге. Создатель теории множеств, разработал теорию трансфинитных чисел. П.: 10, 19, 21, 35, 36, 54, 58, 64, 66, 76, 81, 135
- Кантор (Cantor) Валли, урожд. Гутман** — жена Г. Кантора. П.: 66
- Кармен Сильва (Carmen Sylva)**, псевдоним королевы Румынии Елизаветы Полины Оттили Луизы (Elisabeth) (1843—1916). Литератор, собиратель фольклора. Почетный член Петербургской академии наук (1898). Зап.: 16
- Кей (Key) Эллен Каролина София** (1849—1926) — шведская писательница и общественный деятель. Э. Кей преподавала в школе Анны Витлок и в рабочем университете в Стокгольме. Ее литературные труды получили высокую оценку Г. Брандеса и других критиков. П.: 172. Зап.: 50, 57, 93, 132, 133, 140
- Кей (Key) Эрнст Генрик Аксель** (1832—1901) — врач, анатом-патолог. Профессор патологической анатомии в Каролинском медико-хирургическом инсти-

- туте (1862—1897), его ректор с 1886 по 1897 г. Главный редактор «*Nordiskt medicinskt arkiv*» (1869—1901). Член различных медицинских комитетов, инициатор санитарно-гигиенических мероприятий в Швеции. Член Шведской королевской академии наук (1871). Председатель Комиссии Фонда Лорена. П.: 105, 114, 147, 161, 170. Зап.: 26, 45, 53, 58, 85, 88, 101, 106
- Кейзер (Keyser) Пауль — писатель. Зап.: 71
- Кейли (Кели, Кэли) (Cauley) Артур (1821—1895) — английский математик. Родился в Ричмонде, детство провел в Петербурге. В 1841 г. окончил Кембриджский университет по юридическому факультету. Занимался адвокатурой и одновременно работал в области математики. Профессор математики в Кембридже (1863). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1870), Берлинской (1866), Парижской (1863). Издано собрание сочинений: *The Collected Mathematical Papers. Cambridge, 1891—1898, vol. 1—13, Supplem. v.* П.: 31, 35, 58, 132, 135, 178
- Кенигсбергер (Koenigsberger) Лео (1837—1921) — немецкий математик. Профессор математики в Вене и Гейдельберге. Преподавал математику в Гейдельбергском университете с 1869 по 1875 г. и с 1882 по 1913 г. Работы — по теории эллиптических функций, теории дифференциальных уравнений, механике, истории математики. В 1869—1870 гг. в Гейдельберге Ковалевская слушала его лекции. Член-корреспондент Берлинской академии наук (1893). П.: 21, 26, 64
- Киперт (Kiepert) Людвиг Фридрих Вильгельм (1845—1934) — немецкий математик. Занимался математикой в Берлине, где сблизился с Вейерштрассом. Сотрудничал в издании сочинений Я. Штейнера. Внештатный профессор во Фрейбурге (1872), Дармштадте (1877), Ганновере (1879), ординарный — в Высшей технической школе Ганновера, с 1901 по 1904 г. — ее ректор. Занимался также математическими вопросами страхования. Член Берлинской академии наук. П.: 21, 91
- Кирхгоф (Kirchhoff) Иоган Вильгельм Адольф (1826—1908) — ректор Берлинского университета в 1883/1884 г. Ординарный член Берлинской академии наук (1860). П.: 39
- Кирхгоф (Kirchhoff) Густав Роберт (1824—1887) — немецкий физик и механик. Экстраординарный профессор экспериментальной и теоретической физики в Гейдельбергском (1854) и Берлинском (1875) университетах. Член-корреспондент (1861), член Берлинской академии наук (1875), член-корреспондент Петербургской академии наук (1862). Член-корреспондент Парижской академии наук (1870) П.: 30, 32, 56, 64, 68, 70, 126. Зап.: 22, 49
- Клаузиус (Clausius) Рудольф (1822—1888) — немецкий физик. Профессор физики в Политехникуме (1855) и университете (1857) Цюриха. С 1867 г. — ординарный профессор в Вюрцбурге, с 1869 г. — профессор физики Боннского университета. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1878), Парижской (1865), Берлинской (1876). Зап.: 37
- Клейн (Klein) Феликс Христиан (1849—1925) — немецкий математик. Учился в Боннском, Геттингенском, Берлинском университетах. С 1871 г. — приват-доцент в Геттингенском университете, с 1872 г. — в Эрлангенском университете, с 1875 г. — профессор Высшей технической школы в Мюнхене, с 1880 г. — профессор Лейпцигского университета, с 1886 г. — профессор Геттингенского университета. С 1876 г. — главный редактор «*Mathematische Annalen*», участвовал в издании Математической энциклопедии. Член-корреспондент Российской академии наук (1924), Берлинской (1913), Парижской (1897—1915). П.: 21, 91
- Кнезер (Kneser) Адольф (1862—1930) — немецкий математик. Профессор Дерптского (ныне Тартуского) университета (1889—1900), Горной академии в Берлине (1900), Высшей технической школы в Бреслау (ныне Вроцлав) (1905). Член-корреспондент Берлинской академии наук, Российской академии наук (1924). П.: 21
- Кноблаух (Knoblauch) Иоганнес (1855—1915) — немецкий математик. Учился в Галле, Гейдельберге, Берлине. С 1878 г. — учитель гимназии в Галле, с 1879 г. — в Берлине, приват-доцент (1883), экстраординарный профессор (1889) Берлинского университета. Вместе с Хеттнером подготовил к печати лекции Вейерштрасса по теории абелевых функций. П.: 3, 56, 135, 137, 202, 203. Зап.: 9
- Кобб (Kobb) Густав (1863—1934) — шведский математик и политический деятель. Доцент математики и механики в Стокгольмской высшей школе (1889), а с 1899 г. одновременно и лектор в Высшей технической школе. Профессор механики там же (1912—1928). Член различных правительственных комитетов. П.: 135, 183. Зап.: 135, 149
- Ковалевская Софья Владимировна (1878—1952) — дочь С. В. Ковалевской и В. О. Ковалевского. Врач по образованию. Работала в Московской медицинской библиотеке.
- Ковалевский Александр Онуфриевич (1840—1901) — русский биолог, один из основоположников сравнительной эмбриологии и физиологии беспозвоночных животных, экспериментальной и эволюционной гистологии. Брат В. О. Ковалевского. С 1866 г. приват-доцент Петербургского университета, с 1868 г. — профессор Казанского, с 1869 г. — Киевского, с 1874 г. — Новороссийского университетов. В 1891—1894 гг. — профессор Петербургского университета. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1883), ординарный академик (1890). Член-корреспондент Парижской академии наук (1895). П.: 12, 203. Зап.: 54
- Ковалевский Владимир Онуфриевич (1842—1883) — русский палеонтолог,

основатель эволюционной палеонтологии. Окончил училище правоведения (1861), занимался переводами на русский язык книг, главным образом по естествознанию. В 1866 г. был корреспондентом «Петербургских ведомостей» в армии Гарибальди в Италии. С 1876 г. сотрудничал в газете «Новое время» и других. Директор «Общества русских фабрик минеральных масел Рагозина и К^о» (с 1880). Был избран доцентом Московского университета в декабре 1880 г. Автор нескольких монографий по палеонтологии копытных животных. В 1868 г. вступил в фиктивный брак с С. В. Ковалевской, впоследствии ставший фактическим. II.: 114

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — русский социолог, общественный деятель, историк права. Окончил Харьковский университет, завершил образование за границей. Профессор Московского университета (1877—1887). С 1888 г. вынужден был оставить университет и уехать за границу. В 1889 г. поселился во Франции. Организовал в Париже Русскую высшую школу общественных наук. По возвращении в Россию был избран в члены Первой государственной думы, позднее — в члены Государственного совета. Читал лекции на Высших женских курсах, в Психоневрологическом институте. Был первым директором Курсов П. Ф. Лесгафта, участвовал в их организации, читал социологию. В 1906—1916 гг. читал в Петербургском университете конституционное право иностранных держав. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1899), ординарный академик (1914). II.: 48, 143—147, 154, 166, 172, 174, 175, 180, 182, 183, 185, 189, 200, 203—207. Зап.: 88, 98, 100—103, 105, 111—114

Корвин-Круковская А. В. — см. Жаклар А. В.

Корвин-Круковский Василий Васильевич (1801—1875) — генерал-лейтенант артиллерии, отец С. В. Ковалевской. Зап.: 48

Корвин-Круковский Федор Васильевич (1855—1919) — брат С. В. Ковалевской. В 1878 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Служил в канцелярии Комитета министров, в департаменте торговли и мануфактур министерства финансов, в Петербургской сберегательной кассе (1898—1912 и с 1913 г.). II.: 23, 71, 198, 203

Коркин Александр Николаевич (1837—1908) — русский математик. Профессор Петербургского университета (1860—1908) и Морской академии (1864—1900). II.: 134

Косич (Косыч) Андрей Иванович (1833—после 1913) — генерал-лейтенант. Саратовский губернатор с 1887 г. Член Государственного совета. Двоюродный брат С. В. Ковалевской. II.: 196, 200, 201

Коцебу Александр Евстафьевич (1815—1889) — художник-баталист. II.: 197

Коцебу мадам — жена А. Е. Коцебу. II.: 196, 197

Коши (Cauchy) Огюстен Луи (1789—

1857) — французский математик. Репетитор, потом профессор математики в Политехнической школе в Париже, которую он окончил. Главный инженер мостов и дорог. После июльской революции 1830 г. эмигрировал вслед за герцогом Бордо в Австрию. Позднее снова жил в Париже, преподавал математику в Орденском доме иезуитов. Почетный член Петербургской академии наук (1831). Член Парижской академии наук (1816), иностранный член Берлинской академии наук (1836). II.: 30, 35, 42, 81, 83, 84.

Крацер (Krazer) Адольф (1858—1926) — немецкий математик. Экстраординарный профессор в Страсбургском университете (1889), ординарный — в Высшей технической школе в Карлсруэ (1892). II.: 28, 32, 35, 36

Крелле (Krellе) (Crelle) Август Леопольд (1780—1855) — немецкий инженер и математик. Основатель и издатель «Journal für die reine und angewandte Mathematik» (1826—1855), член Берлинской академии наук (1827), член-корреспондент Петербургской академии наук (1834). II.: 135

Кремона (Cremona) Луиджи (1830—1903) — итальянский математик. В 1848 г. участвовал в борьбе за независимость Италии. Читал лекции в Болонском университете, в Миланском техническом институте (1866), с 1873 г. — директор реорганизованной им Инженерной школы в Риме и профессор высшей математики в Римском университете. Основатель итальянской геометрической школы. Сенатор. Член-корреспондент Парижской академии наук (1898), член Болонской академии, Лондонского королевского общества, член-корреспондент Берлинской академии наук (1886), Кембриджского философского общества, Академии деи Линчей и других. II.: 26, 55

Кронекер (Kronecker) Леопольд (1823—1891) — немецкий математик. С 1861 по 1891 г. читал лекции в Берлинском университете, профессор (1883). Член Берлинской академии наук (1861), член-корреспондент Петербургской академии наук (1872), Парижской (1868). II.: 2, 19, 26—32, 34—36, 39, 41, 42, 46, 52, 54, 56—58, 64, 66, 67, 73, 81, 86, 88—93, 95, 105, 107, 122, 135, 176, 193

Кронекер Фанни — жена Л. Кронекера. II.: 29, 34, 56

Крюгер (Krüger) Карл Николаус Адальберт (1832—1896) — немецкий астроном. В 1853—1862 — ассистент в обсерватории в Бонне, затем профессор астрономии и директор обсерватории Гельсингфорского университета (1862—1876), с 1878 — директор обсерватории в Готе, с 1880 — в Киле. Участвовал в издании журнала «Astronomische Nachrichten», в издании звездного каталога. С 1881 г. — редактор журнала «Astronomische Nachrichten». Член Лондонского астрономического общества, член-корреспондент Берлинской академии наук (1887) и других академий и обществ. II.: 26, 29

Куммер (Kummer) Эрнст Эдуард (1810—

- 1893) — немецкий математик. С 1832 по 1842 г. — учитель гимназии в Лигнице. Ординарный профессор математики в университете Бреслау (Вроцлав) до 1856 г. С 1855 по 1884 г. — профессор Берлинского университета (после Лежен-Дирихле, уехавшего в Геттинген). Член-корреспондент Берлинской академии наук (1839), член Берлинской академии наук (1855), ее непременный секретарь (1863), член-корреспондент Петербургской академии наук (1862). Член-корреспондент Парижской академии наук (1860), иностранный член (1868). II.: 24, 86, 137
- Кундт (Kundt) Август (1839—1894) — немецкий физик. Доцент Берлинского университета (1867), профессор университета в Цюрихе (1868), Бюрцбурге (1870), Страсбурге (1872), Берлине (1888), где он наследовал Гельмгольцу как профессор экспериментальной физики и директор Физического института. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1888), Берлинской (1879), ординарный член Берлинской академии наук (1888). II.: 84
- Курман (Cirman) Калла, урожд. Лундстрем (1850—1935) — дочь промышленника, жена К.-П. Курмана. Занимала видное место в литературных, художественных и научных кругах Стокгольма в 1880—1890 гг. Хорошая пианистка и композитор. В 1885 г. основала общество Нуа Идун. Пожертвовала Шведской академии наук свое имение и 10 000 крон. II.: 172. Зап.: 83
- Кьелланд (Хьелланд) (Kjelland) Александр (1849—1906) — норвежский писатель. II.: 76
- Кэли — см. Кейли.
- Лагерборг (Lagerborg) — студентка Стокгольмской высшей школы. II.: 145, 186—188. Зап.: 77, 124
- Лагерр (Laguerre) Эдмон (1834—1886) — французский математик. Артиллерийский офицер (капитан), затем экзаменатор по приему в Политехническую школу в Париже. С 1884 г. член Парижской академии наук. II.: 73
- Лагранж (Lagrange) Жозеф Луи де (1736—1813) — французский математик и механик. С 1754 г. — профессор математики в Артиллерийской школе в Турине. Член Берлинской академии наук и директор ее математического класса (1766—1787). Иностраный член Парижской академии наук (1772), действительный член (1787). Профессор математики Политехнической школы в Париже. член Бюро долгот, сенатор. Почетный член Петербургской академии наук (1776). Иностраный член Берлинской академии наук (1759), ординарный (1766). иностранный член (1787). II.: 9, 116, 125
- Ламанский Сергей Иванович (1841—1904) — русский физик. Обучался в Гейдельбергском университете, работал в лабораториях Г. Гельмгольца, Г. Кирхгофа и Р. Бунзена. Преподаватель Медико-хирургической академии в Петербурге. Друг семьи Ковалевских. Издал «Литературные сочинения» Ковалевской. Работал также в Главной физической обсерватории и в Главной палате мер и весов. II.: 71, 110, 198, 203
- Ламе (Lamé) Габриель (1795—1870) — французский математик, инженер, физик. С 1820 по 1832 г. работал в России, в Институте инженеров путей сообщения. По возвращении в Париж был профессором Политехнической школы (1832—1863) и Парижского университета (1848—1863). С 1836 г. — главный горный инженер. Член Парижской академии наук (1843), член-корреспондент Петербургской академии наук (1829), Берлинской (1838). II.: 2, 114, 137, 170. Зап.: 144
- Лёвенгаупт (Löwenhaupt) Карл (1835—1906) — шведский дипломат, чиновник. После окончания Лундского университета находился на государственной службе. Посол Швеции и Норвегии в Вашингтоне (1876), Париже (1884), министр иностранных дел (1889), посол в Англии (1896). II.: 153, 155, 156, 162—164, 169, 175, 176, 179, 180, 182, 190
- Лежен-Дирихле (Lejeune-Dirichlet) Петер (Пьер) Густав (1805—1859) — немецкий математик. Учитель в доме французского генерала Фоя в Париже. Доцент университета в Бреслау (ныне Вроцлав) (1827), затем доцент (1829), экстраординарный (1831), ординарный профессор (1839) математики в Берлинском университете. Преподавал в Общей военной школе в Берлине. С 1855 г. — профессор математики в Геттингенском университете (после Гаусса). Член Берлинской академии наук (1832), с 1855 г. — член Геттингенского научного общества. Иногородный член Берлинской академии наук (1856), иностранный член Парижской академии наук (1854). Член-корреспондент Парижской академии наук (1833). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1837). II.: 24, 30, 81. Зап.: 37, 49
- Лейбниц (Leibnitz) Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ-идеалист, математик, ученый-энциклопедист, основатель и первый президент Берлинской академии наук (1700). Член Лондонского королевского общества (1673). С 1676 г. — на службе у герцогов ганноверских сначала в качестве придворного библиотекаря, затем — историографа и тайного советника юстиции. Член Парижской академии наук (1675), иностранный член (1699). II.: 66, 128
- Леке (Leche) Вильгельм Эббе Густав (1850—1927) — шведский зоолог. Профессор (1884—1918) и ректор (1887—1890) Стокгольмской высшей школы. Основатель Зоологического института при Стокгольмской высшей школе. Член Шведской королевской академии наук (1921). II.: 34, 47, 49, 63, 67, 69, 94, 98, 99, 138, 141, 143, 147, 157, 168. Зап.: 15, 60, 61, 70, 80, 85, 107, 123, 131, 133, 141
- Леке (Leche) Мария (Миа) Эбба Ловиза (1878—1966), в браке Лёфгрэн (Löfgren) — шведская писательница, публицист, дочь В.-Э.-Г. Леке. Ученица Элен Кей. Деятель международного женского движения, активный борец

- против национал-социализма. Автор книги «Våra föräldrars värld» («Мир наших родителей»), где, в частности, рассказывается о С. В. Ковалевской. П.: 168. Зап.: 70
- Леметр (Lemaître) Жюль (1853—1914) — французский критик и публицист, член Французской академии. П.: 193
- Лермонтова Софья Всеволодовна (? — 1885) — сестра Ю. В. Лермонтовой. П.: 68, 69, 74
- Лермонтова Юлия Всеволодовна (1846—1919) — одна из первых русских женщин-химиков. Получила степень доктора философии Геттингенского университета. Родилась в Петербурге, получила домашнее образование. В 1869 г. поехала за границу, три года обучалась в Гейдельбергском университете, два года — в Берлине. Работала в химических лабораториях Бутлерова (в Петербурге) и Марковникова (в Москве). Напечатала ряд статей по химии, в частности по перегонке нефти. В 1882 г. оставила занятия химией, поселилась в своем имении и занималась сельским хозяйством. (См. книгу Ю. С. Мусабеева. Юлия Всеволодовна Лермонтова. М., 1967.) П.: 14, 23, 68—70, 72, 74, 76, 80, 85, 90, 113, 114, 129, 183, 186, 200, 202. Зап.: 68, 98
- Летуэрно (Leturneau) Шарль (1831—1902) — редактор «Revue philosophique» с 1876 г. П.: 129
- Леффлер (Leffler) Анна-Шарлотта (Карлотта), по первому мужу Эдгрэн (Edgren), по второму герцогиня ди Кайанелло (di Cajanello) (1849—1892) — шведская писательница, сестра Г. Миттаг-Леффлера. Ряд ее сочинений был переведен на другие языки, в том числе и на русский. Ей принадлежит подробная биография С. В. Ковалевской (1892), переведенная на русский язык: Леффлер А.-К. Софья Ковалевская / Пер. со швед. М. Лучицкой. СПб., 1893 (то же: Северный вестник, 1892, №№ 9—12).
- Леффлер (Leffler) Артур (1854—1938) — инженер, брат Г. Миттаг-Леффлера. П.: 25, 86—88, 193
- Леффлер (Leffler) Густава Вильгельмина, урожденная Миттаг (1817—1903) — мать Г. Миттаг-Леффлера. П.: 11, 25, 42, 62, 76, 86—88, 128, 129, 132, 136, 145, 153, 185, 193, 199—204, 206, 207. Зап.: 70, 109, 129—130, 133, 137
- Леффлер (Läffler) Леопольд Фредрик-Александр (Фриц) (1847—1921) — брат Г. Миттаг-Леффлера. Доцент скандинавских языков в Упсальском университете (1872), экстраординарный профессор там же (1881—1904). В 1883—1904 гг. много болел и по болезни ушел в отставку. Написал стихотворение, посвященное Ковалевской. П.: 24, 25, 34, 132, 134—136, 139, 145, 176, 181, 207. Зап.: 58, 77, 88, 102, 112
- Леффлер Эмма — троюродная сестра Г. Миттаг-Леффлера. П.: 86, 87
- Леффлер (Leffler) Юхан Андерс (1845—1912) — экономист. Преподаватель экономики в Гетеборге (1878—1880), в Стокгольмской высшей школе и Высшей технической школе. Автор многих трудов. П.: 144. Зап.: 4, 26, 45, 46, 53, 58, 86
- Леффлер (Leffler) Юхан Олаф (1813—1884) — отец Г. Миттаг-Леффлера. Школьный учитель, депутат риксдага (1867—1870). П.: 42
- Ли (Lie) Софус Мариус (1842—1899) — норвежский математик. С 1872 г. — экстраординарный профессор университета в Христиании (Осло), с 1886 г. — профессор Лейпцигского университета. В 1898 г. по болезни вышел в отставку и вернулся в Норвегию. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1896). Член-корреспондент Парижской академии наук (1892). П.: 21
- Ли (Lie) Юнас (Ионас) (1833—1908) — норвежский писатель. П.: 76, 196. Зап.: 91, 106
- Лимпель (Limnell) Фредрика (1816—1892) — хозяйка салона в Стокгольме. Зап.: 26
- Линд ав Харебю (Lind af Hageby) — шведская семья. П.: 28, 47
- Линделёф (Lindelöf) Лоренц Леонард (1827—1908) — финский математик, астроном, общественный деятель. Доцент по астрономии (1855), профессор математики (1857—1874), ректор (1869—1872) — Гельсингфорского университета. Директор главного Управления школьного образования Финляндии (1874—1902). В 1880 г. получил от Берлинской академии наук премию Штейнера. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1868). П.: 122, 199
- Линдеман (Lindemann) Фердинанд (1852—1939) — немецкий математик. Профессор в Кенигсбергском (1883) и Мюнхенском (1893) университетах. В 1882 г., используя идею Эрмита, доказал трансцендентность числа π . П.: 11
- Линдстедт (Lindstedt) Андерс (1854—1939) — шведский астроном и механик. Доктор философии (Лунд, 1877), доцент по астрономии там же, наблюдатель в Дерптской обсерватории (Тарту, 1879), профессор прикладной математики (1883). С 1886 по 1909 г. — профессор математики и теоретической механики в Стокгольмской высшей технической школе, в 1902—1909 гг. — ее ректор. В 1890—1902 гг. — инспектор учреждений по страхованию, в 1917—1924 гг. — президент государственного Совета по страхованию. Участвовал в подготовке закона о пенсиях. В 1921—1933 гг. — председатель Правления Стокгольмской высшей школы. Член Шведской королевской академии наук (1889). П.: 114, 116, 134, 135, 142, 157, 187. Зап.: 69, 80, 146
- Линдфорс (Lindfors) Юлиус Якоб (1831—1903) — генерал, отец Сигне Линдфорс, жены Г. Миттаг-Леффлера. П.: 29, 41, 73, 78, 79, 86, 89, 107, 128, 134, 136, 141, 150, 188, 199, 200. Зап.: 116
- Линдфорс Сигне — см. Миттаг-Леффлер Сигне.
- Линдхаген (Линдгаген) (Lindhagen) Альберт Клас (1823—1887) — юрист, государственный деятель. Доктор философии в Упсале (1848), служил в различных учреждениях, с 1874 г. — советник

- юстиции. Член муниципалитетов, член риксдага. Один из основателей Стокгольмской высшей школы и председатель ее Правления. П.: 28, 31—34, 49, 62—70, 75, 84, 90—95, 98, 105, 111, 112. Зап.: 37, 38, 46, 122
- Линдхаген молодой — сын Д. Линдхагена. П.: 67
- Линдхаген (Линдгаген) (Lindhagen) Даниель Георг (1819—1906) — шведский астроном и геодезист. После окончания Упсальского университета защитил магистерскую диссертацию (1848), с 1847 по 1856 г. работал в Пулковской обсерватории. С 1856 г. — в Стокгольмской, второй астроном Шведской королевской академии наук (1865). С 1866 г. — непременный секретарь Шведской королевской академии наук (до 1901 г.). П.: 77, 82, 84. Зап.: 26, 121, 122
- Линней (Linné, Linnaeus) Карл (1707—1778) — шведский естествоиспытатель и врач, создатель классификации растений, животных, минералов. Обучался в Упсале, потом за границей. С 1738 г. — врач в Стокгольме, с 1741 г. — профессор практической медицины Упсальского университета. Один из основателей и первый президент Шведской королевской академии наук (1739). Почетный член Петербургской академии наук (1754). Иностранный член Парижской академии наук (1762), Берлинской (1746). П.: 62, 63, 65
- Лион (Lyон) Жозеф (1858—1907) — Ученик П. Л. Чебышева и Г. Дарбу. Родился в России, жил за границей, умер в Женеве. Доктор наук Парижского университета (1890). П.: 180, 181
- Липман (Lippmann) Габриель (1845—1921) — французский физик, уроженец Люксембурга. Обучался в Лицее Наполеона и в Нормальной школе в Париже. С 1878 г. — лектор в Сорбонне, с 1886 г. — профессор там же. Член (1886), вице-президент (1911), президент (1912) Парижской академии наук. Лауреат Нобелевской премии (1908). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1912), Берлинской (1900). П.: 106, 108, 109, 151
- Липман госпожа — мать Г. Липмана. П.: 106, 151, 187
- Ловен (Lovén) Свен Людвиг (1809—1895) — шведский зоолог, занимался зоологией морских животных. Доцент (1831), сотрудник Государственного музея (1841—1892). Основал в 1877 г. зоологическую станцию в Кристинеберге. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1860), Берлинской (1872), Парижской (1872). П.: 98, 155. Зап.: 90
- Лоран (Laurent) Поль Матье Эрман (1841—1908) — французский математик. Окончил Политехническую школу в Париже. Саперный офицер, затем репетитор и экзаменатор в Политехнической школе. П.: 28, 30, 35
- Лорен (Lorén) Виктор Эдвард (1857—1885) — шведский экономист. Основатель Фонда Лорена для изучения общественных наук. П.: 81, 82. Зап.: 45, 53, 60
- Лугли (Lugli) Аурелио (Люльи, Люгли) (1853—1896) — итальянский математик. Зап.: 60
- Лундгрен Амалия (1858—?) — кузина Г. Миттаг-Леффлера, сестра М.-Ф. Лундгрена. П.: 48
- Лундгрен Магнус Фредрик (Lundgren) (1852—1903) — языковед, родственник Г. Миттаг-Леффлера по отцовской линии. Доктор философии (Упсала, 1875), доцент там же. С 1881 г. — лектор в Стокгольме. Член Шведской академии (1893), редактор словаря шведского языка. П.: 47. Зап.: 10
- Лундегорд (Lundegård) Аксель Вильгельм (1861—1930) — шведский журналист, писатель. Учился в Лундском университете. Сотрудничал с писательницей Викторией Бенедиктсон. В 1932—1933 гг. изданы его Сочинения: Skrifter, 1932—1933. Т. I—VII. П.: 175
- Лундель (Lundell) Юхан Август (1851—1940) — шведский языковед, специалист по фонетике и славянским языкам. Доцент по фонетике (1882), профессор славянских языков (1891), почетный доктор философии Упсальского университета. Издал учебник русского языка «Lärbok i ryska språket» в двух томах (1911—1914). Зап.: 101
- Лундквист (Lundqvist) Карл Густав (1841—1917) — механик и математик. С 1875 г. профессор механики и математической физики в Упсальском университете. С 1876 г. член Упсальского научного общества. Зять А.-Ю. Ангстрёма. П.: 67, 73
- Лундстрем (Lundström) Георг Филипп (1838—1910) — шведский публицист, журналист, редактор, сотрудник газеты «Фигаро» и других. Псевдоним Jörgen. П.: 105, 107
- Люис (Luys) Жюль Бернар (1828 — после 1890) — французский врач. Член Медицинской академии (1877). П.: 150
- Ляпунов Александр Михайлович (1857—1918) — русский математик и механик. С 1885 по 1901 г. доцент, а затем профессор Харьковского университета. Член-корреспондент (1900), академик (1901) Петербургской академии наук, член-корреспондент Парижской (1916). П.: 199
- Маджи (Maggi) Джан Антонио (1856—1936) — итальянский математик и механик. П.: 64, 67
- Маккензи (Makkensie) Морел, сэр (1837—1892) — английский врач-отоларинголог. П.: 130, 132, 137
- Маколей (Macaulay) Томас Бабингтон (1800—1859) — английский историк, публицист, политический деятель. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1858). Зап.: 91
- Мальмстен (Malmsten) Карл Юхан (1814—1886) — шведский математик. Профессор университета в Упсале (1842—1859). Основатель Шведского страхового общества «Skandia». Почетный член Берлинской академии наук (1880). Член Шведской королевской академии наук. П.: 4, 6, 21, 28, 31, 64, 77, 82, 84, 86, 92, 105
- Марков Андрей Андреевич (1856—1922) — русский математик. Окончил Петер-

- бургский университет (1878), экстраординарный профессор (1886), ординарный (1893) там же. Адъюнкт Петербургской академии наук (1886), экстраординарный академик (1890), ординарный академик (1896) Петербургской академии наук. П.: 196, 199
- Мebиус (Mebius) Клас Альберт (1854 — после 1920) — шведский физик и математик. Обучался в Упсале и Стокгольме. Работал в Физическом институте в Упсале. С 1885 г. — доцент там же. С 1891 г. — лектор в Норчепинге, с 1892 г. в реальном училище в Гётеборге. В 1918—1920 гг. профессор Гетеборгского университета. П.: 84
- Мейерберг (Meierberg) Карл Юнас (1816—1903) — учитель, деятель народного просвещения, собиратель фольклора. Окончил Упсальский университет, служил учителем. В 1842 г. вместе с А. Л. Шиллером основал Гётеборскую реальную гимназию, а в 1845—1863 гг. — школу в Гётеборге, школьный инспектор в Бохусе, Стокгольме. Член риксдага, многих комитетов. Член Правления Стокгольмской высшей школы. Зап.: 26
- Мейер (Meuer) Ганс (1852 — ?) — швейцарский математик. Доктор философии (1878), профессор (учитель) математики в Сан-Галлене в гимназии. П.: 90. Зап.: 70
- Мейер (Meijer) Христофер Бернгард Израэль (1848—1925) — шведский писатель, литературный критик, историк. Доктор философии (Лунд, 1874). С 1876 г. — сотрудник редакции «Nordisk familjebok» (биографического словаря), главный редактор второго издания, вып. 1—5. Зап.: 70
- Мекелин (Mechelin) Леопольд (Лео) Генрик (1839—1914) — финский ученый в области правоведения. Профессор (1874). Член либеральной партии и различных правительственных организаций. Сенатор. П.: 199
- Меландер (Melanders) Густав (1861—1938) — финский физик, метеоролог. Доцент Гельсингфорского университета, профессор там же. С 1908 г. — директор Метеорологической центральной службы в Гельсингфорсе. Член Финской академии наук (Suomen Tiedekatemi-en), основанной в 1908 г. Президент академии в 1916—1917 гг. П.: 67
- Меллин (Mellin) Роберт Яльмар (1854—1933) — финский математик. Окончил Гельсингфорский университет в 1875 г. Доцент по математике в Университете и Политехнической школе (1884—1926), с 1908 г. — профессор математики (экстраординарный — с 1897 г.). Член Финской академии наук (1908) и Финского научного общества (1898). Президент Академии наук (1910—1911). Член редколлегии журнала «Acta mathematica». Ученик Г. Миттаг-Леффлера по Гельсингфорскому университету. В математике известно так называемое «преобразование Меллина». П.: 21, 29, 89, 94, 199
- Менабреа ди Вальдора (Menabrea di Valdora) Луиджи Федерико (1809—1896) — граф, итальянский инженер, математик, военный, общественный деятель. Профессор механики и строительного дела в Военной академии, Артиллерийской школе и университете Турина. С 1848 г. — на военной службе. В 1849 г. — член парламента. Работал в качестве инженера в разных городах Италии. Морской министр (1861). Сенатор. Член Туринской академии (1839) и других. Член-корреспондент Парижской академии наук (1887). П.: 156
- Мендельсон-Залеская — см. Япковская.
- Мечников Илья Ильич (1845—1916) — русский биолог, один из создателей эволюционной эмбриологии. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1883), почетный член (1902). Окончил Харьковский университет (1864), был направлен за границу для подготовки к профессорскому званию. В 1868 г. защитил докторскую диссертацию в Петербурге. Доцент Новороссийского университета (1867), профессор зоологии и сравнительной анатомии там же (1870—1882). С 1882 г. продолжал исследования в домашней лаборатории. Организовал (совместно с Н. Ф. Гамалея) в Одессе первую в России бактериологическую станцию для прививок против бешенства. С 1888 г. по приглашению Л. Пастера перешел в Париж и работал в Институте Пастера. Член-корреспондент Парижской академии наук (1904), иностранный член (1916). П.: 27, 189
- Милле (Millet) Рене Филипп (1849—1919) — французский дипломат, посол в Стокгольме (с 1889 г.). Автор книг о странах, где проходила его дипломатическая деятельность. Зап.: 142—144, 148
- Минковский (Minkowski) Герман (1864—1909) — немецкий математик, физик. Родился в России, в местечке Алексоты (ныне район Каунаса). Обучался в Кенигсбергском и Берлинском университетах. С 1893 г. — экстраординарный профессор Боннского университета, с 1894 г. — Кенигсбергского. С 1896 по 1902 г. — профессор университета в Цюрихе, а с 1902 г. — в Геттингене. П.: 31, 32, 35
- Миттаг Густава — см. Леффлер Густава.
- Миттаг-Леффлер (урожд. Линдфорс) (Mittag-Leffler) Сигне Эмилия Юлия (1861—1921) — с 1882 г. жена Г. Миттаг-Леффлера.
- Мольк (Molk) Конрад Фредерик Жюль (1857—1914) — французский математик и механик, издатель французского издания Энциклопедии математических наук (Encyclopédie des sciences mathématiques...). Доктор математических наук (Париж, 1884), профессор механики на Факультете наук в Безансоне, профессор аналитической механики в университете Нанси. П.: 11
- Моно О. А. — см. Герпен О. А.
- Монтан (Montan) Карл Отто (1853—1914) — юрист, журналист, главный редактор «Stockholms Dagblad» в 1895—1901 гг. Зап.: 37, 146
- Монтан (Montan) Эрик Вильгельм (1838—1909) — шведский историк, журналист. Доцент университета в Упсале. Издавал «Svenska adelus riksdagsprotokolle» (1875). С 1884 по 1895 г. — издатель и главный редактор газеты «Stockholms

- Dagblad». П.: 157, 180, 182, 185, 187—189
Зап.: 37, 146
- Монтелиус (Montelius) Оскар (1843—1921) — шведский археолог. Доктор философии (Упсала, 1869). Сотрудник Государственного исторического музея (1863). Член Академии литературы, истории и древностей (1877). С 1888 г. — профессор Государственного исторического музея. С 1907 г. — заведующий отделом в Этнографическом музее в Берлине и профессор Берлинского университета. С 1913 г. — шведский государственный антикварий. Президент Академии литературы, истории и древностей (1918). Член Шведской королевской академии наук (1895). В 1873 г. основал Шведское общество антропологии и географии. Член Шведской академии (1917). Почетный доктор многих университетов и член многих научных обществ. П.: 141, 174
- Мопассан (Maupassant) Ги де (1850—1893) — французский писатель. П.: 181.
Зап.: 48, 150.
- Мунте (Munthe) Аксель (1857—1949) — уроженец Швеции, врач, писатель. Учился в Упсале и Монпелье. Доктор медицины (Париж, 1880), практикующий врач с 1881 г. в Париже, потом в Риме. Издал ряд книг. Наибольшей известностью пользуется «Книга о Сан Микеле» (Boken om San Michele). (1-е изд. 1929 г. на англ. яз.) (Сведения сообщил Е. М. Полищук.) П.: 147
- Натгорст (Nathorst) Альфред Габриель (1850—1921) — шведский палеонтолог, геолог, полярный исследователь. Доктор философии (Лунд, 1874), доцент по геологии там же. С 1876 г. работал в «Шведской геологической разведке». С 1884 по 1917 г. — профессор и заведующий новым отделом археологии и раскопок Государственного музея в Стокгольме. Член Шведской королевской академии наук (1885), член-корреспондент Берлинской академии наук (1900), Петербургской (1901). П.: 76
- Нейман (Neumann) Карл Готфрид (1832—1925) — немецкий математик. Экстраординарный профессор в Галле, ординарный профессор в университетах Базеля, Тюбингена, Лейпцига (1868). С 1868 г. вместе с профессором Клебшем издавал журнал «Mathematische Annalen». Член-корреспондент Берлинской академии наук (1893). П.: 3, 9.
Зап.: 84
- Неовиус (Neovius) (Neovius) Эдвард Рудольф (1851—1917) — финский математик. Доцент (1881), профессор (1883—1900) Гельсингфорского университета. Сенатор. Член Финской академии наук (1910). Занимался главным образом проективной и дифференциальной геометрией. П.: 4, 29, 32, 70, 199
- Нетер (Noether) Макс (1844—1921) — немецкий математик. Доктор философии (Гейдельберг, 1868), приват-доцент там же (1871). Экстраординарный профессор (1875), ординарный (1888) профессор математики в Эрлангене. Член-корреспондент Берлинской академии наук (1896). П.: 135
- Нобель (Nobel) молодой. — См. Нобель Карл или Нобель Эммануил.
- Нобель (Nobel) Карл (1862—1894) — инженер, сын Людвиг Иммануила Нобеля (1831—1888), основателя фирмы «Братья Нобель» (1876), владельца завода в Петербурге. П.: 200
- Нобель (Nobel) Эммануил (1859—1932) — его брат. В 1918 г. уехал из Петербурга в Швецию. Член Шведской королевской академии наук. П.: 200
- Норденсван (Nordensvan) Георг Густав (1855—1932) — шведский писатель, историк искусств, журналист. Редактор газеты «Ny illustrerad tidning» (1883—1886). В 1886—1902 гг. издавал календарь «Nornan», писал статьи о театре, об искусстве, автор ряда беллетристических книг. П.: 172. Зап.: 52
- Норденсон (Nordenson) Эрик Вильгельм (1847—1919) — шведский глазной врач. Доктор медицины (1886). Доцент Каролинского медико-хирургического института (1888—1891), профессор Упсальского университета (1894). В 1895 г. открыл в Стокгольме частную клинику глазных болезней. П.: 155
- Норденшельд (Nordenskjöld) Нильс Адольф Эрик (1832—1901) — шведский геолог и географ, исследователь Арктики. Родился в Гельсингфорсе, окончил Гельсингфорский университет. Доктор философии (1857). Участвовал в экспедиции Торелля на Шпицберген (1858). Профессор и интендант Государственного минералогического музея в Стокгольме, профессор минералогии Гельсингфорского университета (1867). В 1860—1878 гг. — преподаватель геологии и минералогии в Высшей технической школе. Член Шведской королевской академии наук (1861), Шведской академии (1893). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1879), Парижской (1876), иностранный член Парижской (1893). См. о нем: Пассекий В. М. Нильс Адольф Эрик Норденшельд. 1832—1901. М., 1979. П.: 76, 82, 85, 121, 164. Зап.: 26, 134, 136, 138
- Нюрен (Nyren) Магнус Олафович (1837—1921) — русский астроном, уроженец Швеции. Старший астроном Пулковской обсерватории. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1898). П.: 81, 82, 84
- (д)Омаль — см. Д'Омаль.
- Онгстрём — см. Ангстрём К. Ю.
- Оскар II (Oscar II) Фридрих (1829—1907) — король Швеции (1872—1907) и Норвегии (1872—1905); почетный член Берлинской (1897), Петербургской академии наук (1898). П.: 28, 31, 41, 52, 53, 81, 86, 88, 119, 122, 123, 128, 132, 135, 146, 155, 160, 161—165, 167, 170, 175—179, 182, 186. Зап.: 12, 136
- Остен-Сакен Федор Романович, барон (1832—1915) — русский ученый, путешественник, государственный деятель, дипломат. Окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в Азиатском департаменте. В 1857 г. сопровождал графа Путятина в Китай, посетил русские берега Японского моря, о. Цейлон. В 1867 г. — пу-

- тешествовал в Среднюю Азию, участвовал в раскопках, в составлении этнографических карт России. С 1870 по 1897 г. — директор Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел. Председатель отдела Русского географического общества, его ученый секретарь, помощник председателя Географического общества. При нем издано много трудов этого общества, в том числе «Экспедиция А. Норденшельда» (1880). Почетный член Петербургской академии наук (1889). П.: 119, 122, 123
- Павлова Мария Васильевна**, урожд. Гортынская (1854—1938) — советский палеонтолог и палеозоолог, член-корреспондент АН СССР (1925), почетный член (1930). П.: 74 (примеч. 2)
- Пальме (Palme) Генрик Юхан** (1841—1932) — шведский финансист, директор банка в Стокгольме с 1869 по 1919 г., с 1907 по 1930 — председатель его Правления. П.: 41, 63, 65. Зап.: 26, 37, 92
- Пальме (Palme) Свен Теодор** (1854—1934) — шведский деятель страхового дела. В 1888—1932 гг. — директор Страхового общества «Thule». С 1903 по 1931 г. — председатель Шведского союза по страхованию и один из основателей Шведского «Försäkringsväsendet». Член дирекции Государственного банка (1910—1926). Член риксдага. Публиковал работы по экономике, страховому делу, политике и пр. П.: 18.
- Пальме фру (Palme) Хаппа** — жена Свена Пальме. П.: 18.
- Перотт (Perott) Жозеф** (1854—1924) — польский революционер, математик. В 1887 г. уехал в Америку. Доцент (1890—1921) университета Кларка в Вустере (США). Занимался теорией чисел. П.: 11, 62, 69, 70, 108, 169, 183
- Петерсон (Pettersson) Свен Отто** (1848—1941) — шведский океанограф, гидрограф, химик. Доцент физической химии в Упсальском университете (1874), лектор по химии в Стокгольмской высшей школе (1881—1884), профессор (1884—1909). Участвовал в качестве океанографа в ряде экспедиций. Инициатор создания Шведской гидрографической комиссии (1892). Президент Международного океанографического Союза (1915—1920), почетный президент (с 1937 г.). Член Шведской королевской академии наук (1889). Член Совета семьи (1884—1894). П.: 34, 49, 67, 69, 90, 105, 128. Зап.: 12, 15
- Пеццо дель Пасквале** — см. Кайанелло.
- Пикар (Picard) Шарль Эмиль** (1856—1941) — французский математик. Профессор Нормальной школы в Париже (1882—1886, 1900—1928) и Парижского университета (с 1886 г.). Член Парижской академии наук (1889), вице-президент (1908, 1909), президент (1910), ее непременный секретарь (1917—1941). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1895), почетный член АН СССР (1925). Член-корреспондент Берлинской академии наук (1898—1916). Зять Ш. Эрмита. П.: 2, 3, 4, 9, 10, 21, 108, 114, 117, 135, 150, 163, 176, 185, 186. Зап.: 56
- Пикар мадам** — жена Э. Пикара, дочь Ш. Эрмита. П.: 182, 185
- Пинкерле (Pincherle) Сальваторе** (1853—1936) — итальянский математик. Доктор наук (Пиза, 1874). С 1880 г. — профессор аналитической и высшей геометрии в Болонском университете. П.: 116, 117. Зап.: 21
- Плюккер (Plücker) Юлиус** (1801—1868) — немецкий математик и физик. Профессор университетов в Бонне и Галле. П.: 91
- Победоносцев Константин Петрович** (1827—1907) — русский реакционный государственный деятель, юрист. Окончил училище правоведения. В 1860—1865 гг. занимал кафедру гражданского права в Московском университете, преподавал законоведение великим князьям, в том числе и будущим императорам Александру III и Николаю II. Сенатор (1868), член Государственного совета (1872), обер-прокурор Св. Синода (1880). Почетный член Петербургской академии наук (1880), ряда университетов. Вдохновитель крайней реакции. С 1896 г. издавал «Московский сборник». П.: 112
- Покровская** — ученица, которую С. В. Ковалевская рекомендовала Г. Миттаг-Леффлеру для учебы в Гельсингфорском университете. П.: 1—4, 6, 9, 92
- Покровская** — мать студентки Покровской. П.: 3, 93
- Польман фру, Фрекен. П.: 34**
- Поммер-Эше фон (Pommer-Esche von)** — немецкие аристократы. П.: 56
- Поссе Константин Александрович** (1847—1928) — русский математик. Окончил Петербургский университет. Приват-доцент (1873), профессор (1883—1919) Петербургского университета, Высших женских курсов, Института инженеров путей сообщения, Электротехнического института. С 1899 г. был в отставке (по университету, преподавал как внештатный профессор). Почетный член Петербургской академии наук (1916). П.: 134
- Прим (Prum) Фридрих** (1841—1915) — немецкий математик. П.: 28, 32, 35
- Пуанкаре (Poincaré) Анри Жюль** (1854—1912) — французский математик и философ. Родился в Нанси, обучался в Политехнической школе в Париже, затем (1875) — в Горной школе. Некоторое время работал горным инженером, затем читал лекции в Канне на Факультете наук. С 1881 г. преподавал на Факультете наук в Париже. С 1883 г. — репетитор Политехнической школы. Профессор математической физики и теории вероятностей (1886), небесной механики Факультета наук. Член Парижской академии наук (1887), вице-президент (1905), президент (1906). Член Французской академии (1908). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1895) и многих других академий и научных обществ. П.: 10, 12, 13, 21, 31, 34, 42, 52, 73, 76, 81, 86, 106, 134—137, 150, 152, 153, 161, 163, 164,

- 170, 175, 176, 179, 186, 194, 197. Зап.: 65, 66, 116, 118
- Пуассон (Poisson) Симеон Дени (1781—1840); — французский математик, механик, физик. Окончил Политехническую школу в Париже. Профессор рациональной механики в Сорбонне (1816). При Наполеоне стал бароном, при Людовике XVIII — пэром Франции. Член Парижской академии наук (1812), вице-президент (1825; 1839), президент (1826; 1840); почетный член Петербургской академии наук (1826). П.: 125
- Рамбо (Rimbaud) Альфред Никола (1842—1905) — французский историк и публицист, редактор «Revue bleue». Член-корреспондент Петербургской академии наук (1876). П.: 193
- Реддаиде Энгель — см. Гартман Элен.
- Резаль (Résal) Аме Анри (1828—1896) — французский механик. Главный инженер в Национальном горном корпусе, профессор Политехнической школы и Горной школы. Редактор «Journal de mathématiques pures et appliquées». Член Парижской академии наук (1873), член Ученого артиллерийского комитета. Член жюри по присуждению премии Бордена в 1888 г. П.: 169, 183, 185, 197
- Резаль госпожа — жена А. А. Резаля. П.: 185
- Рейли (Релей) (Rayleigh) Джон Уильям, лорд Стретт (1842—1919) — английский физик. Профессор и директор Кавендишской лаборатории Кембриджского университета (1879). Член Лондонского королевского общества (1873), член-корреспондент Петербургской академии наук (1896). П.: 135
- Ретциус (Retzius) Анна Вильгельмина, урожденная Хьерта (1841—1924) — жена М. Г. Ретциуса, занималась филантропией. П.: 28. Зап.: 4, 12, 27
- Ретциус (Retzius) Магнус Густав (1842—1919) — шведский анатом и физиолог. Профессор анатомии и гистологии Каролинского медико-хирургического института и Стокгольмской высшей школы. С 1884 по 1887 г. был редактором «Aftonbladet», которую они с женой унаследовали от Ларса Хьерта. Издавал научные труды и научно-популярные работы. Член Шведской академии (1901), член Шведской королевской академии наук (1879), ее президент (1900—1901), член-корреспондент Петербургской академии наук (1895), почетный член Берлинской академии наук (1893) и других академий и обществ. П.: 6, 68, 69, 105, 157, 161, 165, 190. Зап.: 27
- Ржевуский (Rzewuski) Станислав (1864—1913) — граф, польский писатель. Зап.: 145
- Риктер (Richter) Оле Юргенсон (1829—1888) — норвежский юрист и политический деятель, журналист. Зап.: 26
- Романов Константин Константинович (1858—1915) — великий князь, поэт (псевдонимы КК и КР). Президент Петербургской академии наук с 1889 по 1915 г. П.: 199—201, 207
- Рубенсон (Rubenson) Роберт (1829—1902) — шведский физик и метеоролог, окончил Упсальский университет (1848), преподавал математику в лицее, потом был направлен за границу (1859—1862). Инициатор и первый руководитель Метеорологической центральной службы Швеции (с 1873 г.) в Стокгольме, профессор (1876), преподаватель физики в Стокгольмской высшей школе (1878—1887). Член Шведской королевской академии наук (1873), Упсальского научного общества (1875). Представлял Швецию на международных конгрессах по метеорологии. П.: 49, 62—65, 84, 90, 105. Зап.: 24
- Рудно (Rudio) Фердинанд (1856—1929) — швейцарский математик и историк математики, инженер, библиограф. Обучался математике и инженерным наукам в Цюрихе и Берлине. Доктор философии (Берлин, 1880). С 1881 г. — приват-доцент, с 1885 г. — профессор (Honorary professor), с 1889 г. — ординарный профессор математики в Цюрихском политехникуме. С 1894 г. одновременно — старший библиотечарь. Главный редактор Собрания сочинений Л. Эйлера (Opera omnia) с 1909 г. П.: 21
- Рунге (Runge) Карл (1856—1927) — немецкий математик. Доктор философии (1880), приват-доцент Берлинского университета (1883), профессор математики в Высшей технической школе в Ганновере (1886—1904). Потом — в отставке. Женат на дочери Э. Дюбуа-Реймона (1887). Соредактор журнала «Zeitschrift für angewandte Mathematik». П.: 28, 30—32, 35—39, 41, 49, 50, 51, 54, 56, 57, 64, 67, 72, 81, 83, 84, 89, 91, 92, 94, 95, 135. Зап.: 13
- Рунеберг (Runeberg) Вальтер Магнус (1838—1920) — шведский скульптор. Учился в Финляндии, Дании, Италии. Среди его работ — скульптурные портреты Юнаса Ли, Б. Бьернсона, Н. А. Норденшельда, Л. Мекелина, им создан скульптурный бюст С. В. Ковалевской. П.: 196
- Рюдберг (Rydberg) Виктор (1828—1895) — шведский искусствовед, поэт, публицист. Не окончив Лундского университета, занялся журналистикой. С 1863 г. выступает как писатель. Член муниципалитета Гётеборга. С 1884 г. — профессор истории культуры в Стокгольмской высшей школе, с 1889 — профессор истории искусств и эстетики. Был членом риксдага. Его жена основала Фонд памяти Виктора Рюдберга для Гётеборгской высшей школы. П.: 48, 69, 72, 75, 96, 157, 190. Зап.: 14, 44, 61, 76
- Савина Мария Гавриловна (1854—1915) — русская актриса. П.: 23
- Салин (Sahlén) Ингве Карл (1824—1917) — шведский философ. Профессор Упсальского университета (1862—1894), ректор (1876—1889). Изучал творчество философа Бострема и был его последователем. Член Шведской королевской академии наук (1901). Член Правления Стокгольмской высшей школы (1894—1901). П.: 128
- Салтыков Михаил Евграфович, Салтыков-Щедрин (1826—1889) (наст. фамилия

- Салтыков, литературный псевдоним Щедрин) — русский писатель. Окончил Александровский (б. Царскосельский) лицей. С 1844 г. — чиновник. В 1848 г. сослан в Вятку. С 1856 г. — в Петербурге. С 1868 г. вместе с Н. А. Некрасовым издавал журнал «Отечественные записки». После смерти Некрасова возглавил редакцию журнала (1877—1884). П.: 193
- Сантессон (Santesson) Карл Густав (1819—1886) — хирург. Доктор медицины Упсальского университета (1846). После заграничной командировки 1846—1848 гг. профессор хирургии в Seraфимовском лазарете в Стокгольме, в 1860—1885 гг. — его начальник. Пользовался широкой известностью в Скандинавии. П.: 34
- Сёдерблом (Söderblom) Андерс Леонард Аксель — преподаватель математики, доцент (1884), руководитель математического семинара в Упсальском университете. П.: 26, 28, 35, 64
- Сёдергелм (Söderhjelm) Ярл Вернер (1859—1931) — финский филолог и дипломат. Доктор философии (1885), с 1886 — доцент, с 1889 г. — экстраординарный профессор романской филологии, с 1898 г. — ординарный профессор германской и романской филологии, с 1913 — профессор истории литературы Гельсингфорского университета. П.: 199
- Сёдергелм (Söderhjelm) Альта (1870—1949) — финский историк, писательница, сестра Я.-В. Сёдергелма. Доктор философии (1900), доцент Гельсингфорского университета (1906), экстраординарный профессор общей истории в Або-академии (1927). Сотрудничала в газетах и журналах. Автор ряда книг. С 1918 г. жила в Стокгольме. П.: 199. Зап.: 105
- Сёдерстрем (Söderström) Карл (1824—1904) — оптовый торговец. Член Стокгольмского муниципалитета и шведского риксдага, жертвователь в пользу Стокгольмской высшей школы. Член Правления Стокгольмской высшей школы (1887—1904). П.: 164
- Сёдерстрем, фрекен — студентка, возможно, дочь Карла Сёдерстрема. П.: 164
- Селиванов Дмитрий Федорович (1855—1932) — русский математик. Окончил Петербургский университет. С 1886 г. преподавал в Петербургском технологическом институте и на Высших женских курсах (Бестужевских). С 1905 г. — профессор Петербургского университета. В 1883—1885 гг. был в Берлине, занимаясь у Кронекера и Вейерштрасса, участвовал в математическом семинаре, 4/VII 1883 г. сделал доклад. П.: 9
- Серре (Serret) Жозеф Альфред (1819—1885) — французский математик, механик. С 1861 г. — профессор небесной механики в Коллеж де Франс, одновременно (с 1863 г.) — дифференциального и интегрального исчисления. С 1873 г. — член Бюро долгот. Член Парижской академии наук (1860). Особой известностью пользовался его «Курс высшей алгебры» в двух томах, выдержавший несколько изданий и переведенный на несколько языков. П.: 73, 163
- Сигне — см. Миттаг-Леффлер Сигне.
- Силоу (SyLOW) Петер Людвиг Мейдель (1832—1918) — норвежский математик. Учитель математики в гимназии, с 1898 г. — профессор университета в Христиании (Осло). Вместе с С. Ли издал сочинения Н.-Г. Абеля в 1881 г. в двух томах. П.: 89. Зап.: 106, 107
- Сильвестер (Сильвестр) (Sylvester) Джеймс Джозеф (1814—1897) — английский математик. Окончил Кембриджский университет (1837). Профессор университета в Висконсине (1841—1845), математик в страховой компании (1855), профессор Королевской военной академии в Вулвиче (1855—1870), профессор университета Джона Хопкинса в Балтиморе (1876—1883), Оксфордского университета (1883—1897). В 1878 г. основал американский математический журнал «American Mathematical Journal». Член-корреспондент Петербургской академии наук (1872), Парижской (1863), Берлинской (1861). П.: 31, 58, 124, 132, 145. Зап.: 42
- Сименс Арнольд — сын Вернера Сименса. П.: 26
- Сименс (Siemens) Вернер Эрнст фон (1816—1892) — немецкий инженер, изобретатель и предприниматель. Основатель и владелец крупных концернов: «Сименс и Гальске», «Сименс и Шукерт» и др. Член Берлинской академии наук (1873), член-корреспондент Петербургской академии наук (1882). П.: 26, 56, 126
- Смит (Smith) Ст. Генри (1826—1883) — английский математик. П.: 26
- Смит (Smitt) Фредрик Адам (1839—1904) — профессор, член Шведской королевской академии наук (1875), входил в Общество тринадцати и в Правление Высшей школы. П.: 98
- Снойльский (Snoilsky) Карл Юхан Густав (1841—1903) — шведский поэт, граф. Окончил Упсальский университет. С 1866 г. — секретарь в Департаменте иностранных дел. Издавал поэмы на исторические сюжеты, сборники и переводы. Член Шведской академии (1876), почетный доктор Упсальского университета (1893). О нем см.: *Брандес Г. Собр. соч.* В 12 т./Пер. М. Луцкий. Киев, 1902. Т. 1. П.: 84
- Спарре (Sparre) Густав Адольф (1802—1886) — шведский государственный деятель, граф. Член Шведской академии (1855), рейхсмаршал (1864). Представитель семьи Спарре, многие члены которой были чиновниками, политиками, занимали высокие посты. П.: 50
- Стенберг (Stenberg) Арвид Эмиль (1858—?) — финский математик. Доктор философии (Гельсингфорс, 1886). Обучался в Гельсингфорском университете в 1875—1881 гг., в Стокгольмской высшей школе в 1881—1884 гг. Доцент по математике в Гельсингфорском университете (1886). С 1898 г. одновременно с преподаванием математический руководитель в страховом обществе «Suomi». Ученик Г. Миттаг-Леффлера и С. В. Ковалевской П.: 199

- Стенберг (Stenberg) Стен (1824—1884) — шведский врач, химик. Член Шведской академии наук (1875), член Совета семи (1879—1884). П.: 28
- Степберг (Stenberg) Стен Юхан (1818—1888) — шведский историк литературы. Коммерции советник. Член Совета семи (1879—1881). П.: 28
- Стрёмберг (Strömberg) Эмиль Карл (1853—1910) — театральный деятель. П.: 134. Зап.: 128
- Стрёмберг (Strömberg) Юхан Фредрик (1856—1914) — театральный деятель, актер. П.: 134. Зап.: 128
- Стриндберг (Strindberg) Юхан Август (1849—1912) — шведский писатель. В 1883 г., преследуемый реакционными кругами Швеции, был вынужден покинуть родину, вернулся окончательно лишь в 1896 г. Изданы его сочинения: *Strindberg J.-A. Samlade Skrifter*, Stockholm, 1921—1925. Дл. 1—15; Idem. *Skrifter*. Stockholm, 1945—1946. Дл. 1—14; рус. пер.: Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1908—1912. П.: 57, 85, 88. Зап.: 11, 138
- Сьёберг (Sjöberg) — финский математик, ученик Миттаг-Леффлера по Гельсингфорскому университету. П.: 199
- Сьёблом (Sjöblom) Э. (1858—?) — ученик Миттаг-Леффлера. П.: 199
- Тален (Thalén) Тобиас Роберт (1827—1905) — шведский физик. Профессор физики в Упсале. П.: 165
- Таннери (Tannery) Жюль (1848—1910) — французский математик. С 1875 г. — экстраординарный профессор теоретической и практической механики в Сорбонне. С 1876 г. также соредактор «*Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques*». С 1884 г. — заместитель директора по учебной части Женской Нормальной школы в Севре. Член Парижской академии наук (1907). П.: 10, 12, 109
- Таннери (Tannery) Поль Самсон (1843—1904) — французский инженер, математик и историк математики. Обучался в Политехнической школе. С 1863 г. — инженер табачной мануфактуры. Директор табачной фабрики в Пантене. Сотрудник «*Revue philosophique*» и «*Bulletin des sciences mathématiques et astr.*». С 1875 г. — член Научного общества в Бордо. В 1884—1885 гг. читал историю математики в Парижском университете. Инициатор и участник издания сочинений П. Ферма, Диофанта, Декарта, работ по истории физико-математических наук, астрономии, древнегреческой науки. Его «Исторический очерк развития естествознания в Европе (1300—1900)» издан у нас в 1934 г. П.: 106
- Темпандер (Themptander) Фрекен — видимо, родственница политического деятеля, министра финансов в 1881—1886 гг. О. Р. Темпандера, друга семьи Леффлеров. П.: 47
- Тёрнеблад (Törneblad) Рагнар Генрик (1833—1912) — шведский политический деятель, финансист. Доктор философии (1854), преподавал в учительских школах. Член комитета по просвещению, член риксдага, директор банка (1884—1910). Член Шведской королевской академии наук (1900). Зап.: 34
- Тигерстедт (Tigerstedt) Роберт Адольф (1853—1923) — финский физиолог. Доктор медицины (Гельсингфорс, 1881). Профессор физиологии в Каролинском медико-хирургическом институте (1882—1901), в Гельсингфорсском университете (1901—1919). П.: 157. Зап. 63, 64
- Тиссеран (Tisserand) Франсуа Феликс (1845—1896) — французский астроном. Доктор наук (Париж, 1868). Окончил Нормальную школу в Париже (1868). Помощник астронома Парижской обсерватории. С 1873 г. — директор обсерватории и профессор астрономии в Тулузе. С 1878 г. — профессор теоретической астрономии в Сорбонне. Член-корреспондент Парижской академии наук (1874), ординарный член Парижской академии наук (1878), член Бюро доггот. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1883). Автор капитального труда по небесной механике (*Traité de mécanique céleste*. Paris). П.: 183
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — граф, русский государственный деятель. Обер-прокурор Синода (1865), с 1866 г. одновременно — министр народного просвещения (оба поста — до 1880). Член Государственного совета (1880). С мая 1882 — министр внутренних дел и шеф жандармов. С 1882 г. до 1889 г. (одновременно) — президент Академии наук. Один из столпов политической реакции 80-х гг. Поборник «сильной власти». Издал несколько сочинений по истории Академии наук и просвещения в России. Почетный член Академии наук (1866). П.: 87, 119—123
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — граф, русский писатель. П.: 65, 74, 76, 137. Зап.: 133
- Томас (Thomas) Вильям — американский посол в Швеции. Зап.: 128—130
- Томсон (Thomson) Вильям, лорд Кельвин (1824—1907) — английский физик, уроженец Ирландии. В 1846—1899 гг. — профессор теоретической физики университета в Глазго. Член Лондонского королевского общества (1851), в 1890—1895 гг. — его президент. Получил титул лорда за научные заслуги в 1892 г. Член-корреспондент (1877), почетный член (1896) Петербургской академии наук, Берлинской (1871), иностранный член (1900), почетный член Парижской академии наук (1877). П.: 135, 161, 170, 171. Зап.: 104
- Торелль (Torrell) Отто Мартин (1828—1900) — шведский геолог и метеоролог. Профессор геологии в Лундском университете, председатель Геологического бюро в Стокгольме (1870—1897), участник многих экспедиций. Член Шведской академии наук (1870). П.: 34
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — русский писатель, член-корреспондент Петербургской академии наук (1859). П.: 137
- Тэйт (Тет, Тейт) (Tait) Петер Готфри (1831—1901) — английский математик и физик. Окончил Кембриджский уни-

верситет. С 1854 г. — профессор математики в Королевском университете в Белфасте. С 1860 г. — профессор физики в Эдинбургском университете. С 1879 г. — член и секретарь Эдинбургского королевского общества. Зап.: 102

Угглас (Ugglas) Курт Густав (1820—1895) — барон, шведский государственный деятель и политик. В 1867 г. — министр финансов. Председатель Правления Стокгольмской высшей школы (с 1879 г.) и многих других правлений и комитетов. Член риксдага. II.: 23, 24, 34, 36, 39, 64, 67, 70, 90—92, 94, 95, 98, 105. Зап.: 85, 108

Угглас (Ugglas) молодой — сын К.-Г. Уггласа. II.: 28

Умбер (Юмбер, Гумберт) (Humbert) (1859—1921) — французский математик. Член Парижской академии наук (1901). Зап.: 65—67

Упмарк (Urmärk) Густав (1844—1900) — шведский искусствовед. Доктор философии (Упсала, 1869). Директор Национального музея в Стокгольме (1880—1900). Зап.: 12

Фавр (Favre) Жюль, урожденная Юлия Вельтен, (1833 — после 1882) — директорка женской Нормальной школы в Севре, переводчица и писательница. С 1874 г. — жена политического деятеля Жюль Фавра, во втором браке — жена Д. Л. Михаловского. II.: 109

Фальк (Falk) Маттс (1841—1926) — шведский математик, доцент Упсальского университета в 1884 г. II.: 89, 105, 107, 178. Зап.: 74

Фидлер (Fiedler) Отто Вильгельм (1832—1912) — математик, геометр. С 1852 г. — лектор Строительной школы во Фрейбурге, с 1853 г. — в Высшей военной школе в Хемнице, профессор геометрии в Праге. С 1867 г. — профессор в Цюрихском политехникуме. II.: 29

Фольмар (Vollmar) Георг (1850—1922) — деятель Социал-демократической партии Германии, один из лидеров ее оппортунистического реформистского крыла. Редактор «Dresdener Volkszeitung» (1881—1918), член немецкого рейхстага (1887—1889), член саксонского и баварского ландтага (1893—1918). II.: 78, 80, 147, 194

Фольмар-Чельберг (Vollmar-Kjellberg) Юлия (1854—?) — жена Г. Фольмара с 1885 г. II.: 78, 80, 147

Форсель (Forsell) Ганс Людвиг (1843—1904) — экономист, политический деятель. Окончил Упсальский университет. С 1866 г. — доцент по истории там же. Переехал в Стокгольм, сотрудничал в журнале, издал труд по истории Швеции. Издавал «Svensk literaturtidskrift» (1869), «Svensk Tidskrift för Literatur, Politik och ekonomi» (1870—1875) и др. Директор Центральной типографии, секретарь Государственного банка, начальник финансового департамента. Был председателем большого числа комитетов, в том числе «Учебного комитета» (1882—1884). В 1879—1897 гг. — член риксдага. Член Шведской коро-

левской академии наук (1876), Шведской академии (1881). Зап.: 26, 108

Фрагмен (Phragmén) Ларс Эдвард (1863—1937) — шведский математик и деятель страхования. Кандидат философии Упсальского университета (1885), доцент Стокгольмской высшей школы, профессор (1892—1904). Главный директор Страховой инспекции (1903—1909), с 1908 г. — директор Общей компании страхования жизни. Член Шведской королевской академии наук (1901), почетный доктор Упсальского университета (1907). Ученик Г. Миттаг-Леффлера и С. В. Ковалевской. II.: 26, 31, 67, 71, 73, 81, 132, 135, 145, 154, 155, 186, 188. Зап.: 49, 80, 105, 152

Францос (Franzos) Карл Эмиль (1848—1904) — немецкий писатель. Издавал в Вена «Neue illustrierte Zeitung» (1882—1885). Зап.: 91

Фредгольм (Fredholm) Эрик Ивар (1866—1927) — шведский математик. Его именем назван один вид интегрального уравнения. II.: 82

Фредрикссон (Fredriksson) Юхан Густав (1832—1921) — шведский актер, режиссер, директор театров. Друг короля Оскара II. Зап.: 143

Фридендер (Friedländer) — редактор. II.: 35

Фробениус (Frobenius) Георг Фердинанд (1849—1917) — немецкий математик. Доктор философии (Берлин, 1870). С 1871 г. — учитель в Софийской реальной школе в Берлине, с 1874 г. — экстраординарный профессор Берлинского университета, с 1875 г. — профессор математики в Цюрихском политехникуме. С 1902 г. — ординарный профессор математики Берлинского университета. Член Берлинской академии наук (1893). II.: 21, 64

Фукс (Fuchs) Иммануил Лацарус (1833—1902) — немецкий математик. С 1865 г. приват-доцент, с 1866 г. — экстраординарный профессор Берлинского университета, с 1869 г. — ординарный профессор университета в Грейфсвальде, затем преподаватель Сельскохозяйственной академии в Эльдене. С 1874 г. — в Геттингенском университете и его ректор, с 1875 г. — в Гейдельбергском университете. С 1884 г. — профессор Берлинского университета. Член-корреспондент Берлинской академии наук (1881), ординарный академик Берлинской академии наук (1884), член-корреспондент Петербургской академии наук (1895), член Парижской академии наук (1895). II.: 12, 20, 26, 28, 30, 32, 34, 35, 39, 41, 42, 54, 58, 64, 89, 91, 105, 107, 135, 137, 194

Фуфа, Фуфи — см. Ковалевская Софья Владимировна.

Хаксли Томас Генри — см. Гексли Т. Г. Халлстрём (Hallström) Ивар (1826—1901) — шведский композитор. Зап.: 16

Хаммарберг (Hammarberg) Эмануэль (Манне) Рейнгольд (1865—1905) — друг Миттаг-Леффлера, секретарь редакции «Acta mathematica». Зап.: 12

Хаммаршельд (Гаммаршельд) (Hammar-skjöld) Карл Густав (1838—1898) —

- шведский юрист, государственный деятель, экономист. Профессор национальной экономики и финансового дела в Упсальском университете. Министр духовных дел и просвещения Швеции (1880—1888). Председатель правления Стокгольмской высшей школы (1889—1893). П.: 34, 170
- Ханземан (Ганземан) (Hanseman) Густав (1829—1902) — немецкий физик. Промышленник в провинции Рейн. С 1873 г. жил в Берлине, занимался исследованиями в области физики. П.: 54, 56, 57, 66—68, 70, 204
- Хассельберг (Hasselberg) Клас Бернард (1848—1922) — шведский астроном. Доктор философии (Упсала, 1872). С 1875 г. — адъюнкт Пулковской обсерватории, с 1883 — астрофизик там же. Физик Шведской королевской академии наук (1888). Основатель шведской астрофизической обсерватории (1885—1886). Участник экспедиций, в том числе по наблюдению Венеры в 1874 г. Издал факсимильное издание «Астрономии» Тихо Браге (1901). С 1889 г. — директор Физического института Шведской академии наук. Зап.: 146
- Хаух (Hauch) Адам Готлоб Оленшлегер (1836—1914) — датский педагог. П.: 104, 107, 108, 129. Зап.: 35
- Хегар (Hegar) — врач во Фрейбурге. П.: 86, 87, 94
- Хегстрём (Haeggström) Ивар (1838—1918) — шведский владелец типографии и издательства, где печатались книги А.-Ш. Леффлера и С. В. Ковалевской. П.: 139, 201
- Хегстрём (Hägström) Франс Вильгельм (1827—1896) — специалист по классической филологии. Доктор философии (Упсала, 1854), доцент латинского языка (1858), профессор (1875—1893) там же. Зап.: 101
- Хедберг (Hedberg) Вальборг Мария (1859—1931) — переводчица. Перевела на шведский язык многие сочинения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Горького, Т. Манна, Р. Роллана. Она перевела на шведский язык ряд сочинений С. В. Ковалевской. П.: 185, 201. Зап.: 135
- Хедин — см. Гедин С.-А.
- Хедлунд (Hedlund) Свен Адольф (1821—1900) — журналист. Окончил Упсальский университет. Сотрудничал в разных газетах, был корреспондентом за границей. Редактор Гётеборгской газеты. Инициатор создания Гётеборгского музея и Гётеборгской городской библиотеки. Член муниципалитета Гётеборга, член риксдага. П.: 114. Зап.: 26
- Хёльдер — см. Гёльдер Л.-О.
- Хеттнер (Hettner) Герман Георг (1854—1914) — немецкий математик. Приват-доцент в Геттингенском университете, с 1882 г. — профессор Берлинского университета, с 1894 г. — одновременно профессор Высшей технической школы в Шарлоттенбурге. Вместе с Кюблахуом подготовил к печати лекции Вейерштрасса по теории абелевых функций. П.: 3, 32, 54, 56, 64, 67, 90, 92, 117. Зап.: 9, 40, 67, 75
- Хилл (Hill) Джордж Вильям (1838—1914) — американский астроном. Доктор философии (Принстон), с 1861 — сотрудник Службы американских эфемерид и навигационных альманахов в Вашингтоне. С 1901 г. в отставке. Член-корреспондент Парижской академии наук (1903). Изданы его труды: Collected mathemat. works. 4 vol., 1905—1907. П.: 135
- Хиллберг (Hillberg) — актер. Зап.: 71
- Хольмгрен (Holmgren) Яльмар (1822—1885) — шведский математик и механик. Доктор философии (Упсала, 1845), лектор по математике (1847), профессор Высшей технической школы в Стокгольме (1857) и профессор Стокгольмской высшей школы (1878). П.: 4, 31, 64, 66, 67, 69, 70, 72, 82, 85, 88—92
- Хольст (Holst) Эллинг Болт (1849—1915) — норвежский математик. С 1886 г. — руководитель математического семинара в университете Христиании (Осло). П.: 96
- Цейтен (Zeuthen) Иеронимус Георг (1839—1920) — датский математик, специалист в области геометрии и истории математики. Профессор Копенгагенского университета (1871). Редактор журнала «Tidsskrift för Matematik» (вместе с И.-Р. Грамом, 1883—1885). Член-корреспондент Парижской академии наук (1900). П.: 21, 26
- Чебышев Пафнутий Львович (1821—1894) — русский математик. Основатель Петербургской математической школы. Профессор Петербургского университета (1847—1882). Адъюнкт (1853), экстраординарный (1856), ординарный академик Петербургской академии наук (1859). Член-корреспондент, иностранный член и почтительный член многих академий и обществ, в том числе Берлинской академии наук (1870), Парижской (1860), ее иностранный член (1874). П.: 3, 9, 12, 23, 25, 31, 35, 71, 73, 119, 120—123, 135, 180, 181, 197, 199. Зап.: 97, 98
- Челлапд — см. Кьеллапд.
- Чельберг (Kjellberg) Нильс Густав (1827—1893) — шведский врач. Главный врач Упсальского центрального госпиталя, руководитель университетской психиатрической клиники (1859), профессор психиатрии (1863). П.: 24
- Чельберг Юлия — см. Фольмар-Чельберг.
- Чельгрен (Kjellgren) — врач в Лондоне. П.: 34
- Черрути (Cerruti) Валентинно (1850—1909) — итальянский математик и механик. Гражданский инженер (Турин, 1873). С 1881 г. — ординарный профессор механики в Римском университете. П.: 55
- Шарко (Charcot) Жап Мартен (1825—1893) — французский врач-невропатолог и гипнотизер. Автор трудов о заболеваниях нервной системы. Имеется Полное собрание его сочинений в 12 томах. Член Парижской академии наук (1883), член Академии медицины. П.: 150, 155

- Шварц (Schwarz) Герман Амандус** (1843—1921) — немецкий математик. Профессор университета в Галле (1867), Цюрихского политехникума (1868), Геттингенского университета (1875), Берлинского (1892). Член Берлинской академии наук (1892) и Геттингенского научного общества. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1897), Парижской академии наук (1895). П.: 2, 4, 21, 26, 29, 30, 32, 39, 55—57, 77а, 81—84, 88, 93, 97. Зап.: 21, 49
- Шербюльс (Cherbulier) Виктор** (1829—1899) — французский романист и критик. П.: 151
- Шеринг (Schering) Эрнст Христиан** (1833—1897) — немецкий математик и астроном. Преподаватель Геттингенского университета (1859), ординарный профессор математики и астрономии (1868), директор Гауссовской обсерватории земного магнетизма (в 1884—1886 гг. — директор Геттингенской обсерватории). Издатель сочинений К. Гаусса (Werke, Bd. I—VII). Член-корреспондент Берлинской академии наук (1875). См. о нем: J. für Mathematik, Bd. 119; Astronom. Nachrichten, Bd. 154. П.: 2, 21, 26, 77а, 81, 83, 84, 112
- Шеринг молодой — Шеринг (Schering) Карл Юлиус Эдуард** (1854—1925). Брат Э.-Х. Шеринга. Немецкий математик и физик. С 1883 г. — экстраординарный профессор математики в Страсбурге, с 1889 г. — ординарный профессор физики в Высшей технической школе в Дармштадте. П.: 64, 67, 70, 77а
- Шеффер (Scheffer) Карл Людвиг** (1859—1885) — немецкий математик. Учился в Гейдельберге, Лейпциге, Берлине. Доктор философии (Берлин, 1880). В 1881—1882 гг. — школьный учитель в Берлине. В 1884 г. — приват-доцент Мюнхенского университета. П.: 19, 26, 76, 79
- Шипкини Н. П.** (1830—1902) — русский дипломат, государственный деятель. Окочил Александровский лицей. С 1884 по 1891 г. — посол в Швеции. С 1891 г. — товарищ министра иностранных дел, с 1896 г. — управляющий делами министерства иностранных дел. Член Государственного совета. П.: 51, 52
- Шипкина — жена Н. П. Шипкина.** Зап.: 26
- Шлефли (Schlöffli, Schlaefli) Людвиг** (1814—1895) — швейцарский математик. Доцент университета в Берне (1847), ординарный профессор математики в Бернском университете (1853). Член-корреспондент Берлинской академии наук (1873). П.: 64
- Шоттки (Schottky) Фридрих Герман** (1851—1935) — немецкий математик. Учился в Берлине, Бреславле, с 1878 г. — приват-доцент Берлинского университета, с 1882 г. — профессор математики, в частности, теории функций, в Цюрихском университете. П.: 21, 26, 75, 78
- Шталь (Stahl) Вильгельм** (1845—1894) — немецкий математик. Профессор математики в Высшей технической школе в Шарлоттенбурге. Зап.: 1
- Штауде (Staudе) Отто Эрнст** (1857—1928) — немецкий математик. С 1883 г. — приват-доцент в Университете Бреславля (Вроцлав). С 1886 — экстраординарный профессор прикладной математики в Дерпте (Тарту), с 1887 — ординарный профессор там же. Позднее профессор математики в университете Ростка. П.: 97. Зап.: 110
- Штейнер (Steiner) Якоб** (1796—1863) — геометр, уроженец Швейцарии. Обучался в Ивердоне и Гейдельберге. Учитель в 1825—1835 гг. Профессор Берлинского университета (1835). Член Берлинской академии наук (1834). Умер в Берне. Завещал 8000 талеров на премии за работы по синтетической геометрии, присуждаемые Берлинской академией наук. Член-корреспондент Парижской академии наук (1854), ординарный член Берлинской академии наук (1834). П.: 3, 26, 31
- Штерн (Stern) Мориз Абрахам** (1807—1894) — немецкий математик. Доктор философии (Геттинген, 1829). Приват-доцент (1829), экстраординарный (1849), ординарный профессор (1859) Геттингенского университета. В 1884 г. вышел в отставку. Умер в Цюрихе. П.: 64
- Шуберт Софья Федоровна** (1822—1892) — сестра Е. Ф. Корвин-Круковской, матери С. В. Ковалевской. П.: 14, 199
- Шуберт Федор Федорович** (1789—1865) — русский топограф, геодезист, генерал, почетный член Петербургской академии наук (1827). Дед С. В. Ковалевской. П.: 23
- Шульц (Schultz) Пер Магнус Герман** (1823—1890) — шведский астроном. Ассистент Обсерватории Упсальского университета (1848), наблюдатель (1858), профессор Упсальского университета и директор астрономической обсерватории. Изучал главным образом положения туманностей. П.: 107
- Щедрип — см. Салтыков.**
- Эдельфельды — шведские знакомые Ковалевской.** П.: 109
- Эдгрэн Анна-Шарлотта — см. Леффлер А.-III.**
- Эдгрэн (Edgren) Густав Элиас** (1837—1903) — шведский чиновник, председатель уездного суда. С 1872 по 1889 г. — муж А.-III. Леффлер. П.: 18, 34, 92, 104, 110, 111, 164, 188
- Эдгрэн (Edgren) Юхан Густав** (1840—1929) — врач. Троюродный брат Г. Эдгрэна. Доцент по медицине в Каролинском медико-хирургическом институте (1884), экстраординарный (1888), ординарный профессор (1908—1914). Придворный врач. П.: 43, 77а, 78, 81, 83
- Эдлунд (Edlund) Эрик** (1819—1888) — шведский физик. Доцент по механике в Упсальском университете (1846), получил византийскую стипендию для поездки за границу на три года (1847—1849). Физик Шведской королевской академии наук (1850—1888), сотрудник телеграфной фабрики (1854—1875). Председатель Правления Высшей технической школы в Стокгольме (1871), член риксдага и разных комитетов.

Член Шведской королевской академии наук (1851), Упсальского научного общества (1850), член-корреспондент Петербургской академии наук (1870) и многих других академий и обществ. П.: 34, 62, 64, 67, 84, 107

Экелунд (Ekelund) Адам Вильгельм (1796—1885) — шведский математик, член Шведской королевской академии наук, профессор Лундского университета. П.: 77

Энестрём (Eneström) Густав (1852—1923) — шведский математик, историк математики, переводчик, специалист по страховому делу. Экстраординарный адъюнкт библиотеки Упсальского университета (1875), Стокгольмской королевской библиотеки (1879). Секретарь редакции журнала «Acta mathematica». Издавал историко-математический журнал «Bibliotheca mathematica» с 1884 г. П.: 43, 45, 46, 64, 66, 67, 70, 76, 78, 82, 83, 90, 91, 135, 138. Зап.: 36, 43, 55, 79

Эрман — см. Герман.

Эрмит (Hermite) Шарль (1822—1901) — французский математик. С 1848 г. — репетитор и экзаменатор в Политехнической школе, с 1869 — профессор Сорбонны. Член Парижской академии наук (1856), член-корреспондент Петербургской академии наук (1857), почетный член ее (1895). Его учениками были почти все французские математики второй половины XIX в. Член-корреспондент Берлинской академии наук (1859), иностранный член (1884). П.: 2, 4, 21—23, 25, 26, 31, 35, 55, 64, 65, 68, 83, 86, 88, 89, 95, 106, 107, 109, 121—124, 126, 137, 146—151, 153, 154, 158—165, 167, 169—171, 174, 175, 177—180, 182—187, 189, 193, 194, 197. Зап.: 5

Эрмит (Hermite) Луиза, урожд. Бертран, — жена Ш. Эрмита, сестра Ж. Бертрана. П.: 106, 108, 109, 185

Этельсон (Etelson) — шведская знакомая Ковалевской. П.: 70

Юлин-Данфельт (Juhlin-Dannfelt) Карл Матиас (1823—1904) — шведский дипломат, чиновник. В 1860—1880 гг. — интендант экспериментальной базы Сельскохозяйственной академии. Посол Швеции и Норвегии в Вене (1873), Филадельфии (1876), Париже (1878), генеральный консул в Гельсингфорсе (1881—1886), Лондоне (1886—1899). П.: 105

Юлин-Данфельт Лилли — дочь К.-М. Юлин-Данфельта. П.: 105

Юмбер — см. Умбер.

Якоби Павел Иванович (1842—1913) — русский революционер-шестидесятник, врач-психиатр. П.: 161, 189

Якоби (Jacobi) Карл Густав Якоб (1804—1851) — немецкий математик. С 1824 г. — приват-доцент Берлинского университета. Экстраординарный профессор (1827), ординарный (1829) Кенигсбергского университета. Иногородний член Берлинской академии наук (1836), ординарный (1844) и королевский пенсионер в Берлине (1842). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1830), почетный член (1833). Член-корреспондент (1830), иностранный член Парижской академии наук (1846), член-корреспондент Мадридской (1848) академии наук, Лондонского королевского общества (1832) и других академий и обществ. П.: 3, 125, 137. Зап.: Вступит. ст., 1, 7, 47, 144

Янковская Мария Викентьевна, урожденная Залеская, по второму браку Мендельсон (1850—1909) — польская революционерка, подруга С. В. Ковалевской. П.: 106. Зап.: 117, 118

УКАЗАТЕЛЬ ПУБЛИКУЕМЫХ ПИСЕМ

С. В. КОВАЛЕВСКОЙ и Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА ¹

1. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Москва, 2(14) октября 1880	19	33. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, [почт. штемпель 19 июня 1884]	57
2. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Гельсингфорс, 19 октября 1880	19	34. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 21—24 июня 1884	57
3. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Москва, 8(20) января 1881	22	35. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Берлин, июнь, 1884]	60
4. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Гельсингфорс, 23 марта 1881	24	36. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Емтланд, Швеция, 30 июня 1884	62
5. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, [почт. штемпель 7 июня 1881]	26	37. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Емтланд, Швеция, 4 июля 1884	63
6. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Смо-Даларё (Швеция), 19 июня 1881	27	38. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Емтланд, Швеция, 10 июля 1884	63
7. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин [июль 1881]	28	39. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, 1 июля 1884	64
8. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Турхолмен, близ Гельсингфорса, 15 июля 1881	29	40. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, 8 июля 1884	66
9. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, 21 ноября 1881	30	41. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Емтланд, Швеция, 13 июля 1884	66
10. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 25 февраля 1882	32	42. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, 15 июля 1884	68
11. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 18 октября 1882	33	43. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Ханкобад, Норвегия, 30 июля 1884	69
12. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Одесса, 28 августа (9 сентября) 1883	34	44. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Ханкобад, Норвегия, 31 июля 1884	69
13. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 19 сентября 1883	36	45. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Ханкобад, Норвегия, 2 августа 1884	69
14. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Москва, 1(12) октября 1883	36	46. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Сёдертелье (предместие Сток- гольма), 12 августа 1884	69
15. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Петербург, 29 октября (10 нояб- ря) 1883	37	47. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Сёдертелье (предместие Сток- гольма), 22 августа 1884	70
16. [Телеграмма] Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Петербург, 30 октября (11 но- ября) 1883	38	48. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Сёдертелье (предместие Сток- гольма), 26 августа 1884	71
17. [Телеграмма] Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Ханко, 17 ноября 1883	38	49. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм] 3 сентября 1884	72
18. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 3 января [1884]	38	50. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Сёдертелье (предместие Сток- гольма), 7 сентября 1884	73
19. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, 10 января 1884]	38	51. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Стокгольм [октябрь 1884]	73
20. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, после 3 февраля 1884]	38	52. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Октябрь 1884]	74
21. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Стокгольм, [февраль 1884]	39	53. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру 28 октября 1884	74
22. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 13 февраля 1884	39	54. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Лейпциг, 14 декабря 1884	74
23. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Петербург, 29 апреля (11 мая) 1884	39	55. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Рим, 24 декабря 1884	75
24. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 4 мая 1884	41	56. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин [почт. штемпель 25 де- кабря 1884]	76
25. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Москва] 17 мая 1884	42	57. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин [почт. штемпель 28 де- кабря 1884]	77
26. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, 29 мая [1884]	44	58. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, 31 декабря 1884	79
27. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, 1 июня 1884	46	59. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, 16 января 1885	80
28. Миттаг-Леффлер — Ковалевской На пароходе, по пути в Гель- сингфорс, 2 июня 1884	48	60. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Гамбург, 22 января 1885	80
29. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Гельсингфорс, 5 июня 1884	49	61. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Стокгольм [май 1885]	81
30. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Берлин, 7 июня 1884	50	62. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Пароход] «Гаутиод», 11 мая 1885	81
31. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Гельсингфорс, 7 июня 1884	53	63. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Стокгольм, 15 мая [1885]	82
32. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 15 июня 1884	56	64. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Террите (Швейцария), 17 мая 1885	83

¹ В указателе упомянуты только письма, опубликованные в этом издании. Записки сюда не вошли. Даты даются по новому стилю. В случае, когда письму помечено датой по ст. ст., в указателе даются две даты — по старому и по новому стилю. (Составители — П. Я. Кочина и Е. П. Ожигова.)

65. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Террите, Швейцария, 19 мая 1885	84	104. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 8 июня 1886	128
66. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм] 21 мая 1885	85	105. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 8 июня 1886	128
67. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Террите, Швейцария, 24 мая 1885	86	106. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, [между 8 и 26 июня 1886]	129
68. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм. После 21 мая 1885]	89	107. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Емтланд (Швеция), 18 июня 1886	130
69. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Террите, Швейцария, 24—25 мая 1885	90	108. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Емтланд (Швеция), 22 июня 1886	132
70. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, 3—4 июня 1885]	91	109. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 26 июня 1886	133
71. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Петербург, 5 июня [1885]	93	110. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Емтланд (Швеция), 10 августа 1886	134
72. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Беатенберг [Швейцария], 11 июня 1885	94	111. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Стокгольм, 10 августа [1886]	134
73. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Беатенберг [Швейцария], 12 июня 1885	95	112. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Емтланд (Швеция), 14 августа 1886	135
74. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Москва, 13 июня [1885]	97	113. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Москва, 5(17) августа 1886	135
75. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Россия, между 13 и 20 июня 1885]	98	114. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Емтланд (Швеция), 19 августа 1886	136
76. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Беатенберг (Швейцария), 21 июня 1885	99	115. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, август — сентябрь 1886]	139
77. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Беатенберг (Швейцария), 23 июня 1885	100	116. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, 22 декабря 1886]	139
77a. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Беатенберг (Швейцария)], 26 июня [1885]	101	117. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, осень 1886]	140
78. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Беатенберг (Швейцария)], 29 июня 1885	102	118. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм], 14 ноября 1886	140
79. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Москва, 20 июня (2 июля) 1885]	102	119. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Петербург], 7(19) декабря 1886	140
80. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Россия, почт. штемпель 25 июня (7 июля) 1885]	103	120. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Петербург, 11(23) декабря 1886	142
81. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Бад Ленк (Швейцария), 9 июля 1885	104	121. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Петербург], 17(29) декабря 1886	142
82. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Бад Ленк (Швейцария), 13 июля 1885	106	122. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 27 декабря 1886	143
83. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Россия] 3(15) июля 1885	107	123. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 4 января 1887	143
84. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Бад Ленк (Швейцария), 20 июля 1885	109	124. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Петербург, [начало 1887]	144
85. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Россия, [почт. штемпель 12(24) июля 1885]	111	125. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, 1887]	145
86. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Церматт (Швейцария), 8 августа 1885	112	126. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, апрель 1887]	145
87. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Церматт (Швейцария), [лето 1885]	115	127. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, май 1887]	146
88. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Россия, [август 1885]	116	128. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 22 мая 1887	146
89. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Швейцария], 30 августа 1885	117	129. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Петербург, 15(27) мая 1887	148
90. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм], 3 сентября 1885	120	130. Миттаг-Леффлер — Ковалевской На пути в Гельсингфорс, 22 июня 1887	150
91. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Виллар на Оллоне (Швейцария), 7 сентября 1885	121	131. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Россия], 15(27) июня 1887	150
92. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Виллар на Оллоне (Швейцария), 9 сентября 1885	123	132. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 2 июля 1887	151
93. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Стокгольм, 1885	124	133. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Бад Ленк (Швейцария), 3 августа 1887	152
94. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Стокгольм, 11 сентября [1885]	124	134. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, август 1887]	152
95. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Виллар на Оллоне (Швейцария), 13 сентября 1885	125	135. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Бад Ленк (Швейцария), 12 августа 1887	154
96. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, осень 1885]	126	136. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Сёдерсунд (Швеция), 12 августа 1887	156
97. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Стокгольм, [декабрь 1885]	126	137. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Бад Ленк (Швейцария), 21 августа 1887	158
98. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм], 29 декабря 1885	126	138. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Стокгольм, 2 сентября 1887	159
99. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Гельсингфорс, 1 января 1886	127	139. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм], 1887	159
100. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 14 января [1886]	127	140. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм], 3 декабря 1887	160
101. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, 15 января 1886]	127	141. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 5 декабря 1887	160
102. [Телеграмма] Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Копенгаген, 2 июня 1886	128	142. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, 6 декабря 1887]	161
103. [Телеграмма] Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 3 июня 1886	128	143. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, 2 февраля 1888]	161
		144. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, после 2 марта 1888]	162
		145. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Оран, 3 апреля 1888	162
		146. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж, май 1888]	163
		147. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Капри, 18 мая 1888	167

148. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Стокгольм, лето 1888]	168	179. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 18 марта 1889	193
149. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Лондон, [лето 1888]	169	180. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 23 марта 1889	193
150. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж], 5 июля 1888	170	181. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, [весна] 1889	194
151. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Вернигероде (Германия), 24 июля [1888]	171	182. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, [апрель 1889]	195
152. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Гарц (Германия), 7 сентября 1888	171	183. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, [почт. штемпель 5 апре- ля 1889]	195
153. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж, декабрь 1888]	172	184. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, [почт. штемпель 15 апре- ля 1889]	196
154. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 4 января 1889	173	185. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 18 апреля 1889	196
155. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 9 января 1889	174	186. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 23 апреля [1889]	197
156. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 12 января 1889	175	187. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, [почт. штемпель 4 мая 1889]	198
157. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 15 января 1889	175	188. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 7 мая 1889	198
158. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж], 17 января 1889	176	189. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж, май 1889]	200
159. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж], 19 января 1889	178	190. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, [почт. штемпель 15 мая 1889]	200
160. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж, 24 января 1889]	178	191. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, [май 1889]	201
161. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 27 января 1889	179	192. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, [май 1889]	201
162. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 29 января 1889	180	193. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж], 5 июля 1889	201
163. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 31 января 1889	180	194. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Севр, после 14 июля] 1889	202
164. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 31 января 1889	182	195. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж], [почт. штемпель 23 авгу- ста 1889]	203
165. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 6 февраля 1889	184	196. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 22 декабря 1889	203
166. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Ницца, начало февраля 1889]	184	197. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 24 декабря 1889	204
167. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 7 февраля 1889	185	198. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 29 декабря 1889	204
168. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 9 февраля 1889	185	199. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Петербург, май 1890]	205
169. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Больё около Ниццы, [февраль 1889]	186	200. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Петербург, [май 1890]	206
170. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 20 февраля 1889	187	201. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Петербург], 4 июня 1889	206
171. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 23 февраля 1889	188	202. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Берлин, июнь 1890]	207
172. Миттаг-Леффлер — Ковалевской [Стокгольм], 24 февраля 1889	188	203. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Бонн, около 25 июня 1890]	208
173. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 7 марта 1889	189	204. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Тарасп (Швейцария)], 9 июля 1890	208
174. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж], 7 марта 1889	189	205. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Тарасп (Швейцария), 12 июля 1890	209
175. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 11 марта 1889	190	206. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Белладжии (Италия), [июль 1890]	210
176. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру [Париж], 14 марта 1889	191	207. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Генуя (Италия), [январь 1891]	210
177. Ковалевская — Миттаг-Леффлеру Париж, 18 марта 1889	192		
178. Миттаг-Леффлер — Ковалевской Стокгольм, 15 марта 1889	192		

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
О переписке С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера . .	7
Письма С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера	19
О записках С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера . . .	212
Записки С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера	215
Примечания к письмам	235
Примечания к запискам	266
Приложения	277
1. Основные даты жизни и деятельности С. В. Ковалевской	277
2. Основные даты жизни и деятельности Г. Миттаг-Леф-	277
лера	
3. Курсы, прочитанные С. В. Ковалевской в Стокгольм-	278
ской высшей школе	
4. Литература	278
5. Отзывы о работах С. В. Ковалевской	280
6. Переписка С. В. Ковалевской в архиве Г. Миттаг-Леф-	285
лера	
7. Указатель имен	286
Указатель публикуемых писем С. В. Ковалевской и Г. Мит-	
таг-Леффлера	309

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕДЬМОЙ

ПЕРЕПИСКА С. В. КОВАЛЕВСКОЙ И Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРА

Утверждено к печати Институтом истории естествознания и техники Академии наук СССР

Редактор В. А. Никифоровский. Редактор издательства И. М. Столярва.
Художественный редактор Т. П. Поленова. Технический редактор Л. И. Куприянова
Корректоры О. В. Лаврова, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 27027

Сдано в набор 09.08.83. Подписано к печати 12.04.84. Т-09623. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл.печ. л. 27,65
Уч.-изд. л. 31,5. Усл. кр.-отт. 29,05. Тираж 3300 экз. Тип. зак. 3137. Цена 3 р. 60 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

